

^P1661521

60.3(2)472-411
П44

АЛБ

1661521

08

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

Документы
и материалы

ВМ

ПЧЧ
А. В. ПОДЖИО

ЗАПИСКИ,
ПИСЬМА

- 1661521 -

Государственное учреждение культуры
Иркутская областная государственная
универсальная библиотека
им. Н. Н. Мухоморова-Сибирского

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство 1989

СМН
у.

Издание подготовлено
Н. П. МАТХАНОВОЙ

Ответственный редактор
С. В. ЖИТОМИРСКАЯ

Рецензент И. В. ПОРОХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Главный редактор
акад. И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Ю. И. Бурькин, С. В. Житомирская (зам. главного редакто-
ра), Б. И. Каптелов, С. Ф. Коваль (зам. главного редактора),
С. В. Мироненко, Т. А. Перцева, М. Д. Сергеев (отв. секре-
тарь), В. П. Шахеров, Н. Я. Эйдельман

ДЕКАБРИСТ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ПОДЖИО

Александр Викторович Поджио был видным и активным деятелем движения декабристов, хотя и не принадлежал к его руководящему ядру. Его «Записки» хорошо известны специалистам — они были изданы четыре раза: А. И. Яковлевым, А. А. Сабуровым, С. Я. Гессеном и И. В. Порохом¹. Однако все предшествующие издания осуществлялись по копии, принадлежавшей дочери декабриста В. А. Высоцкой, и только настоящее издание воспроизводит авторский текст по автографу. О ценности «Записок» А. В. Поджио говорит тот факт, что нет, пожалуй, ни одного исследования, посвященного декабристам, в котором бы не использовалось или хотя бы не упоминалось это своеобразное сочинение. В то же время работ о самом А. В. Поджио немного. Его деятельность и мировоззрение привлекали внимание авторов трудов обобщающего характера². К числу сочинений, специально посвященных А. В. Поджио, можно отнести очерки его ученика и друга, известного сибирского врача и литератора Н. А. Белоголового, вступительные статьи С. Я. Гессена и И. В. Пороха к публикациям «Записок», небольшое предисловие М. В. Нечкиной к изданию следственного дела декабриста и книгу итальянского историка Ф. Вентури «Движение декабристов и братья Поджио» — первое и пока единственное исследование жизни, деятельности и ми-

¹ О публикациях см. наст. изд., с. 474.

² Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, 2; Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962.

ровоззрения братьев Иосифа и Александра Поджио³. Трудно переоценить значение очерков Н. А. Белоголового, основанных на собственных впечатлениях, рассказах А. В. Поджио и его жены, их письмах. Ценность их обусловлена именно близостью Н. А. Белоголового к А. В. Поджио — их знакомство началось в детские годы Николая Белоголового (в 1845 г.), переросло в дружбу и продолжалось до последних дней жизни декабриста.

Источниковой базой книги Франко Вентури⁴ послужили очерки Н. А. Белоголового, «Записки» и следственное дело А. В. Поджио, а также следственные дела, мемуары, письма других декабристов, программные документы движения. К сожалению, она не содержит новых материалов ни об итальянском прошлом семьи Поджио, ни о его жизни в Италии. Само название книги довольно точно передает ее содержание: биографии братьев Поджио излагаются в ней на широком историческом фоне, и порой история движения заслоняет, оттесняет на второй план историю людей; многие факты биографий остались неизвестными исследователю. В то же время монография известного итальянского историка своим спокойным академическим тоном, верностью источникам, объективным изложением событий выгодно отличается от большинства трудов буржуазных историков, освещающих историю российского освободительного движения. Жаль, что она не переведена на русский язык, а потому недоступна советскому читателю.

При воссоздании биографии и взглядов А. В. Поджио были использованы различные источники.

Внешняя канва биографии, главные события жизни

³ Белоголовый Н. А. Воспоминания о декабристах. Декабрист А. В. Поджио. 1859—1873 // Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, а также: Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. А. В. Поджио // Знаменский М. С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988 (далее: Белоголовый); Гессен С. Я. А. В. Поджио и его записки // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1; Порох И. В. А. В. Поджио и его «Записки» // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982; Нечкина М. В. Предисловие // ВД. Т. 11; Venturi F. Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino, 1956.

⁴ Общую оценку книги см.: Нечкина М. В. Франко Вентури. Движение декабристов и братья Поджио // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 165—168.

в основном прослеживаются по данным следственного дела, формулярного списка, письмам самого декабриста и его товарищей. При этом именно в тот момент, когда (после амнистии и особенно отъезда из России) власти менее подробно и внимательно фиксируют эти события в «деле по наблюдению» за ним, мы получаем новый источник — семейную переписку Белоголовых, а также письма самого Александра Викторовича. Но почти нет источников, освещающих жизнь Поджио со времени его приезда в Читу и до амнистии.

Хуже сохранились материалы, позволяющие судить о взглядах Поджио, эволюции его мировоззрения, — они слишком отрывочны. Об убеждениях декабриста до восстания мы можем судить только по показаниям на следствии его самого и его товарищей. Этому источнику, естественно, нельзя безоговорочно доверять, но его все же можно и нужно использовать. Можно, хотя и с осторожностью, привлекать также и «Записки» Поджио, в которых автор через много лет вспоминает о своих взглядах в годы молодости. Довольно подробную информацию об идейных позициях Поджио содержат его письма. Но и письма, и «Записки» характеризуют взгляды Поджио главным образом в последние годы его жизни, начиная с амнистии. Таким образом, о большом и чрезвычайно важном отрезке его биографии — годах каторги и ссылки — мы почти не имеем сведений. Этим состоянием источников и объясняется различная степень освещенности в статье разных периодов жизни Поджио.

Александр Викторович Поджио — итальянец по происхождению — считал своей родиной Россию и был горячим ее патриотом. Он и его старший брат Иосиф родились и выросли в Новороссии — южной окраине страны, в освоении которой участвовали многие эмигранты. Выписка из метрической книги о крещении прихожан римско-католического вероисповедания в Николаеве гласит: «1792 года ноября 22-го дня священник <...> окрестил младенца Александра Иосифа, родившегося 30-го августа, сына <...> здешних прихожан»⁵, аналогичные сведения имеются и о младшем брате: «1798 года мая 6-го дня <...>

⁵ Речь идет об Иосифе Поджио.

настоятель <...> окрестил младенца Александра, родившегося апреля 14/28-го дня, сына <...> здешних прихожан»⁶. Но сам Александр Поджио родиной называл Одессу, в которой он вырос. Немного известно нам о родителях декабристов, Витторио Амедео Поджио и Магдалине Кватрокки (так она названа в метрической книге католической церкви Николаева⁷, в итальянской родословной она именуется Мадаленой Даде⁸, а в России ее звали Магдалиной Осиповной).

В очерке Н. А. Белоголового и в примыкающем к «Запискам» А. В. Поджио фрагменте о В. Я. Поджио изложена версия о древнем и благородном происхождении дворянства рода Поджио. Она же отражена и в деле департамента герольдии Сената, возбужденном в 1835 г. по ходатайству тещи И. В. Поджио Гертруды Матвеевны Челищевой и его старшего сына Александра. Они представили документы из Генуи «о происхождении сего рода из древнейших генуэзских фамилий»⁹, но департамент герольдии не утвердил определения Псковского дворянского собрания о внесении Поджио, по происхождению его из дворянства иностранного, в четвертую часть дворянской родословной книги¹⁰. В том же фонде хранится еще одно дело «по определению дворянства рода Поджио», возбужденное по определению Киевского дворянского депутатского собрания о внесении Иосифа (с сыновьями) и Александра Поджио в третью часть дворянской родословной книги, куда записывались потомственные дворяне, получившие дворянство путем выслуги чина по службе. Решение было принято в 1820 г. в присутствии самих братьев Поджио и их матери; для доказательства дворянского происхождения приводились следующие аргументы: майорский чин отца, владение им землей и крепостными, служба Иосифа и Александра в гвардии¹¹. Нет оснований для полного отрицания версии о древнем дворянстве, но можно усомниться в ее верности.

Российская часть биографии Виктора Яковлевича (так именовался Витторио Амедео в России) Поджио доста-

⁶ ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 17, 26.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 9 об.

⁹ Там же. Л. 36 об.

¹⁰ Там же. Л. 8, 37.

¹¹ Там же. Д. 3921. Л. 6—7 об.

точно полно подтверждается документами. В. Я. Поджио вступил в русскую службу в 1783 г. подлекарем (кстати, в итальянской родословной перечислены ближайшие родственники — священники, юристы, офицеры в небольших чинах), а в 1796 г. он вышел в отставку в чине секунд-майора, полученном в 1791 г. за участие в штурме Измаила¹². За восемь лет этот иностранец на русской службе прошел путь от подлекаря до обер-офицера, что давало право на потомственное дворянство, — карьера, свидетельствующая о незаурядной энергии и о наличии влиятельного покровителя. Таким покровителем, очевидно, был Иосиф де Рибас — при нем состоял штаб-лекарь Поджио¹³, он крестил старшего сына, названного в его честь Иосифом¹⁴.

Выйдя в отставку, В. Поджио — это особенно характерно для Новороссии того времени, и прежде всего Одессы, — занялся коммерцией, стал синдиком городского магистрата, имел макаронную фабрику в Крыму. Впрочем, дела шли, кажется, не очень удачно, и в 1800 г. В. Поджио пытался вернуться на медицинскую службу. Получив отказ Павла I¹⁵, он вновь обратился к коммерции и взял у города подряд на строительство в 1804—1809 гг. первого театра в Одессе, в 1805 г. построил там для своей семьи большой каменный дом¹⁶. За три года до смерти, последовавшей 29 августа 1812 г. в Одессе, В. Я. Поджио купил имение (Яновка Чигиринского уезда Киевской губернии) с 429 душами крепостных крестьян¹⁷ и, таким образом, стал помещиком.

Александр Поджио рос в Одессе, «учился в Одесском институте», но это был еще не Ришельевский лицей (создан в 1817 г.) и даже не предшествовавший ему «благородный воспитательный институт» (возник в 1811 г.), а только частная гимназия, в составе которой на деле

¹² ЦГАДА, Ф. 344. Оп. 8. Кн. 629. Д. 94. Л. 358 об., 367, 368 об.

¹³ Архив гр. Мордвиновых. Спб., 1901. Т. 1. С. 578.

¹⁴ ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3921. Л. 17.

¹⁵ Смольянинов К. История Одессы. Одесса, 1853. С. 97; Санкт-Петерб. ведомости. 1799. 22 февр. № 15. С. 310; ЦГАДА. Ф. 344. Оп. 8. Кн. 629. Д. 94. Л. 371.

¹⁶ Смольянинов К. История Одессы. С. 141—144; Скальковский А. Первое тридцатилетие города Одессы. 1793—1823. Одесса, 1837. С. 144.

¹⁷ ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 9 об., 15—15 об.

существовали только приходское и уездное училища¹⁸. Впечатление об этом учебном заведении у Александра Поджио осталось очень неважное: «Сие училище относительно к наукам и к получаемому в нем образованию ума и нравственности было самое ничтожное»¹⁹. После того как в 12 лет Александр «достиг успехами» своими «высшего класса», отец намеревался отвезти 13-летнего мальчика в Петербург, в тот самый пансион иезуитов, который уже окончил в 1809 г. его старший брат Иосиф. Но смерть В. Я. Поджио и, вероятно, война помешали осуществлению этого замысла. «До 16-го года моего,—показывал декабрист на следствии,—я пробыл дома при матери моей, не имея уже учителей. Здесь я занимался только тем, чему учился, и потому преуспеваний в науках никаких не делал. <...> мое воспитание не имело никакого коренного направления, и потому особенными предметами не занимался и ни к чему себя не готовил» (с. 36).

Таким юным дворянским недорослем Александр Поджио приехал в Петербург и 1 марта 1814 г. вступил в службу подпрапорщиком в гвардейский резерв. В том же году он причислен к привилегированному лейб-гвардии Преображенскому полку, где с 1811 г. уже служил И. Поджио, участник Отечественной войны 1812 г. Таким образом молодой человек попал в среду петербургской гвардейской молодежи, и эта среда стала его главным воспитателем. Судя по показаниям на следствии, до 1819 г. вольнодумные мысли были чужды будущему декабристу, его «ропот» начался в 1819 г., чему способствовали, по словам самого А. Поджио, «сношения мои со многими из членов» (с. 37). Вряд ли можно говорить о влиянии на него в политическом отношении старшего брата. И. Поджио в 1818 г. вышел в отставку и уехал в имение, в тайное общество он вступил лишь в 1824 г. Правда, по его показаниям, «первые вольнодумческие и либеральные мысли» появились у него в 1820 г. в результате чтения западных либеральных изданий и сравнения России с более передовыми странами. Возможно, круг чтения и круг знакомств Александра Поджио сложился не без участия Иосифа.

¹⁸ Боровой С. Я. Мицкевич в Одессе // ЛН. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 424.

¹⁹ ВД. Т. 11. С. 36. Далее ссылки на следственное дело А. В. Поджио, опубликованное в этом томе, даются в круглых скобках в тексте с указанием только страниц.

«Видя себя невежей» «в кругу людей образованных» (поименно назывались Н. М. Муравьев, братья Шиповы, С. И. Муравьев-Апостол, а также П. Я. Чаадаев), молодой офицер, «чтоб не отставать в благомысленных прениях», «обратился сам к предметам сим» — к политической экономии, праву, трудам просветителей (с. 37). Интерес к политическим учениям был достаточно серьезным — для более глубокого их изучения Александр Поджио посещает лекции профессора А. П. Куницына, читавшего в Петербургском университете курс «естественного права». Обратившись к политике, он «увидел время, где дух преобразования взволновал народы. Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция <...> приняли образ свободного правления» (с. 37). Бесспорна связь этих слов со знаменитым высказыванием Пестеля: «От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же. <...> Дух преобразования заставляет <...> везде умы клекотать»²⁰. Изучение трудов просветителей, сравнение общественного устройства государств, где уже было введено конституционное правление, с самодержавной Россией, пример революций на юге Европы порождали желание «введения сего образа правления в России» (с. 37), стремление «видеть и свое отечество наряду с просвещеннейшими народами» (с. 37).

Но не только философия и политика интересуют молодого гвардейского офицера, а среди его знакомых — не только молодые вольнодумцы. Через много лет, 3 февраля 1844 г., Е. П. Оболенский писал из Ялutorовска троюродной сестре Е. Н. Хвостовой: «Я думаю, вы хорошо помните Александра Поджио, этого любезного офицера Преображенского полка. Сколько раз возобновляли мы воспоминания о вас в продолжение 13 лет, проведенных нами вместе»²¹. Многие годы помнил Александр Викторович и другую свою знакомую петербургских времен — сестру однополчанина П. Н. Игнатьева. По слухам, она была влюблена в молодого красивого товарища брата и после его ареста постриглась в монахини. Поджио довелось в 1859 г. встретиться с Марией Игнатьевой²² — игуменьей тверского женского монастыря²³.

²⁰ ВД. Т. 4. С. 105.

²¹ Огни. Пг., 1916. Кн. 1. С. 304.

²² Белоголовый. С. 333.

²³ Строев П. М. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 1877.

А. Поджио был постоянным посетителем известного в 1820—1824 гг. салона С. Д. Пономаревой. Софья Дмитриевна отличалась не только миловидной наружностью, она была одной из «любезнейших и образованнейших женщин своего времени», в ее доме «собирались литераторы всех партий». «Представьте себе небольшую, но уютную гостиную, в которой вокруг небольшого стола, освещенного матовым светом лампы и заваленного книгами, тетрадами и листами, собиралось несколько собеседников. Простота, выражающаяся во всем, отсутствие всяких затей роскоши и претензий на моду немедленно сообщаются каждому посетителю этой гостиной. Здесь всякому весело, легко и свободно». Здесь бывали А. Е. Измайлов, В. И. Панаев, Н. И. Гнедич, А. А. Дельвиг, Е. А. Боратынский, П. А. Плетнев, И. А. Крылов, В. К. Кюхельбекер, «говорили о современных литературных новостях, между которыми самую любопытную была только что изданная новая книжка «Полярной звезды»²⁴. В окружении хозяйки и «три известных тогдашних красавца»: флигель-адъютант Анреп, сын португальского консула Лопец, преображенский капитан Поджио²⁵ — Поджио *le cadet*, как подписан его рисунок в альбоме С. Д. Пономаревой, *l'infortuné Poggio le cadet* — заметил кто-то под его четверостишием в том же альбоме²⁶.

Политические интересы и занятия играли огромную роль в жизни молодого преображенского офицера и привели его в ряды тайного общества. В показаниях А. В. Поджио названы две даты вступления его в общество: 1821 (с. 82) и 1823 (с. 40) гг., в «Алфавите декабристов» значится 1823 г.²⁷

²⁴ Гаевский В. П. Дельвиг // Современник. 1854. № 1. Критика. С. 35—38.

²⁵ Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. № 9. С. 265.

²⁶ Дризен Н. В. Тетушкин альбом // Столица и усадьба. 1916. Т. 68. С. 10, 11; ЦГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 45. Л. 22, 47; «младший», «несчастный Поджио младший» (франц.). Имеется в виду А. В. Поджио, а не его старший брат, как ошибочно указано в каталоге ЦГАЛИ: об этом свидетельствует помета «младший», кроме того, И. В. Поджио в 1818 г. вышел в отставку, а Александр в 1823 г. был произведен в штабс-капитаны.

²⁷ Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной комиссией. Составлен 1827-го года // Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 302.

Отвечая на поставленные А. И. Чернышевым 16 апреля 1826 г. «дополнительные вопросные пункты», Поджио писал: «Еще с 1820 года я бывал в сношениях с полковниками Шиповыми, у которых я встречался с Никитой и Сергеем Муравьевыми, с Чедаевым. Не говоря о обществе, говорили часто о правительстве. Я довольно понимал цель разговоров, хотя никем из них не был принят в общество» (с. 81). В показаниях А. В. Поджио есть еще одно свидетельство того, что в 1820 г. в его жизни произошел решительный поворот: «В 1819 году начался мой ропот, а с 1820 года первоначальное мое вольнодумство» (с. 37). Слова эти хорошо известны, но их значение может оказаться более важным, если сопоставить их со следующими: «<...> вольнодумства не было в России вне общества нашего, но был ропот. Но какое расстояние одного от другого! Ропот, в особенности при духе народа нашего, есть моление лучшего и всего — вольнодумство кичится, подымается и все ниспровергает!» (с. 41). И далее: «ропот не вводит в беззакония» (с. 42). Трудно не прийти к выводу, что именно в 1820 г. произошло сближение А. Поджио с тайным обществом, каким был тогда Союз благоденствия.

А в мае следующего, 1821 г., гвардейские полки, в том числе и Преображенский, в котором служил Поджио, покидают столицу и отправляются на крупные маневры. Это были не обычные военные учения — Александр I стремился превратить их в демонстрацию силы перед нараставшим в Европе революционным движением. Была и другая, еще более важная задача, о чем писал Н. И. Лорер: «<...> в нашем походе скрывалась задняя мысль <...> проветрить гвардейский душок и не дать повториться семеновской истории»²⁸.

Летом 1821 г. в местечке Бельмонте (близ Полоцка), где квартировали преображенцы, Шипов свел А. Поджио с М. С. Луниным, которого охарактеризовал как «весьма свободомыслящего и весьма умного человека». Сблизившись с Луниным и разделяя его взгляды, Поджио согласился вступить в общество. Трудно сказать, о каком из декабристских обществ шла речь²⁹. Союз благоденствия

²⁸ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 54.

²⁹ По мнению М. В. Нечкиной, это было Северное общество (Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. С. 371). И. В. Порох считает, что речь шла о Союзе благоденствия (Порох И. В. А. В. Поджио и его «Записки». С. 319).

был распущен Московским съездом в январе 1821 г., а Северное общество еще формировалось. М. С. Лунин, принимавший Поджио в тайное общество, был одним из инициаторов создания Северного общества. По-видимому, тогда же Лунин посвятил Поджио в задачи и цели общества, рассказал и о планах царевубийства, и Поджио, по собственному признанию, «с сим согласен был» (с. 82). Одна фраза из этого места в показаниях — «средства, которые он (Лунин.— Н. М.) предполагал, <...> те же, что и прежде мне были известны,— произвести сие восстанием войска» (с. 82, курсив мой.— Н. М.) — позволяет утверждать, что еще до решительного разговора А. Поджио был очень близок к тайному обществу. После этой встречи А. Поджио с Луниным не виделся и «остался, не зная и поднесть, включено ли было мое имя в Зеленую книгу» (с. 82). Очевидно, А. Поджио считал себя принятым в Союз благоденствия. Важно отметить, что в первые же дни после ареста он признал факт вступления в 1823 г. в Южное общество (что и нашло отражение в решении суда) и только в апреле 1826 г., отвечая на прямой вопрос следствия, признался, что был принят в 1821 г. Луниным.

Ранее А. В. Поджио показывал на следствии, что сразу же после беседы с Луниным он утратил непосредственные контакты с деятелями распущенного Союза благоденствия и лишь в конце 1822 г. понял «по сношениям или по приездам Давыдова и Волконского возобновление» общества и «устремил все мои понятия и дела к содействию» (с. 40). Из дальнейших показаний выясняется, что «содействие» обществу означало выполнение важных поручений его руководителей. «Я при отъезде в отпуск (в декабре 1822 г.— Н. М.) имел конверт от Никиты Муравьева» (с. 50). Проезжая через Киев в 1823 г. (в январе), — показывал на следствии А. В. Поджио — «я остановился в доме Василия Давыдова <...>. Я имел препоручение от Никиты Муравьева вручить ему или одному из Муравьевых конверт под фальшивым адресом для доставления к Пестелю. Сим подав мне сомнение, и на любопытство мое открыли они мне соединение их <...>. Тут я был принят Давыдовым и Муравьевыми и обещал им мое содействие. Побудило меня взойти в их общество связь моя прежняя с ними и убеждение тогда мое в необходимости участвовать в предприятии даровать свободу и права народу нашему» (с. 47—48).

Таким образом, вступление А. В. Поджио в Южное общество было не началом, а лишь рубежом его деятельности в декабристской организации: сближение с тайными обществами началось в 1820 г., в 1821 г. он был условно принят в Союз благоденствия, в 1822 г. выполнял поручения руководителей Северного общества.

Бесспорно, в тайное общество А. В. Поджио привели глубокие идейные причины. О формировании его взглядов на раннем этапе мы можем судить лишь по ответам на следствии, полностью положиться на которые, по понятным причинам, нельзя. На развитие свободомыслия А. Поджио влияли те же факторы, которые побудили встать на путь борьбы с самодержавно-крепостническим строем многих его товарищей. Это не только общеевропейская революционная ситуация, философские и политические книги, среда молодых вольнодумцев, но и бедственное положение народа, «следы опустошительных громад Наполеона, как-то: сожжение Москвы, понесение убытков дворянством, купечеством, а более еще крестьян, утративших все движимое их имущество, одним словом, всех сословий усилия и пожертвования всякого рода, <...> сие казалось достаточным к обращению внимания на то нашего правительства» (с. 38). Как и многие другие декабристы, А. В. Поджио считал 1812 г. рубежом в истории народной жизни и общественного движения, отмечая особое значение возросших патриотических чувств и национального самосознания в распространении революционных идей. Он осуждал правительство Александра I за то, что оно не оценило народного подвига в Отечественной войне, не облегчило положения народных масс, не произвело каких-либо реформ, которых все ждали после падения Наполеона: «<...> ожидали мира, отдохновения, с сим уменьшения налогов и улучшения всех гражданских отраслей правления. Вот как говорили мы о надеждах России, вот к чему приписывали потом ее ропот» (с. 38).

Будущий декабрист крайне неодобрительно относился и к внешней политике Александра I, считая, что после падения Наполеона излишними были «издержки, увлекающие за собой всякое приготовление к походам дальним и к войне. Все сии меры усмотрены как лишними, ибо достаточно было при истощении уже Франции сил Англии и Пруссии, чтоб разрушить все замыслы и последние Наполеона» (с. 38). Возмущало долгое пребывание импе-

ратора за границей в ущерб внутренним делам, постоянное его участие в конгрессах Священного союза, провозглашенная на них готовность русского царизма участвовать силами русской армии в борьбе с революционными движениями в Европе. Принятая на конгрессе в Троппау в 1820 г. конвенция Священного союза о праве вооруженного вмешательства во внутренние дела любой страны, которой угрожала революция, вскоре — не без содействия русского царизма — была воплощена в жизнь интервенцией Австрии против Италии, а затем Франции против революционной Испании. Это вызвало негодование многих прогрессивно настроенных русских людей, «усмотрели понуждения нашего правительства, Франции к усмирению Испании; не мы одни предполагали, что сия политика поглощала государственную казну» (с. 39).

Позднее в «Записках» А. В. Поджио вновь возвращается к вопросу об интервенции европейских стран против революции. Он осуждает Пильницкую декларацию 1791 г., призывавшую европейских монархов объединиться против Великой Французской революции³⁰, и считает, что вмешательство европейских держав в дела Франции, провозглашенное Пильницкой декларацией, развязало «кровавые бури» внутри Франции и превратило «89-й год <...> в ожесточенный 92-й», привело к осуждаемой им якобинской диктатуре³¹. Автор «Записок» сопоставляет события конца XVIII в. с европейской ситуацией времени создания Священного союза: «<...> охранение веры, прав царских и бесправия народов служило основаниями этому союзу, наравне бесчеловечному и безрассудному, как и союз Пильницкий»³². Та же позиция прослеживается и в следующем деле.

Особое недовольство вызывала у Поджио двуличная политика Александра I по отношению к греческому освободительному движению: «Довольно известно всегдашнее покровительство правительства нашего к единоверцам нашим, угнетенным грекам. Со времен еще императрицы Екатерины Второй сие покровительство не прерывалось по 1820 год». Вопреки этой традиции, вопреки интересам России на Балканах Александр I отказал в помощи греческому народу, восставшему против турецкого ига, и «так

³⁰ Наст. изд. С. 92—93.

³¹ Там же. С. 93.

³² Там же. С. 91.

невероятна была для нас политика, вовсе не отвечающая ожиданиям всех» (с. 39). Оскорбительным казалось для чувств русских патриотов поведение царя в Польше: в то время как Польше была дана конституция, Россия оставалась без нее, «и сие мы не без ревности усмотрели! В речи, произнесенной при даровании сей конституции, есть слова, оскорбительные для духа народного нашего» (с. 38).

Контрреволюционная внешняя политика царизма сочеталась с внутренней реакцией, которая не могла не вызывать у передовой молодежи возмущение и протест. К числу наиболее реакционных мер Поджио относил введение военных поселений, жестокое подавление Чугуевского бунта, злоупотребление винными откупам, тяжелую рекрутчину (с. 38, 40). Даже в показаниях арестованного обличительно звучат его слова: «Я сам был раз свидетелем в 23-м году, когда рядовой один в мундире с медалью на груди пришел к помещику просить чего же — хлеба! Я был сам в мундире, и, признаюсь, мне горько сие было!» (с. 40).

Все эти факторы не только привели А. Поджио в тайное общество, но и побуждали его, как и многих других декабристов, становиться на более радикальные позиции, отказываясь от конституционно-монархических взглядов и склоняясь к республиканским воззрениям. Поджио признавал, что к 1823 г. «при понятиях, уже носящихся о республике», он «принял ее за цель также свою» и «сделался тогда твердым ее приверженцем» (с. 40).

В 1823 г., во время пребывания гвардии в летних лагерях, Поджио часто встречался с Н. М. Муравьевым. «Однажды он мне вручил лист литографированный — то было изложение общих правил Союза благоденствия. Просил меня извлечь удобное и присовокупить новые определения наши насчет приемов членов» (с. 72). Речь шла о коллективной работе членов Северного общества над проектом нового устава. В октябре 1823 г. состоялась встреча нескольких членов общества на квартире у Пушкина. «Я читал им правила, мной извлеченные» (с. 73), — показывал Поджио на следствии. В них он «пометил также, что при восстании все должны соединиться под знамена свободы» (с. 85). Н. М. Муравьев тогда же говорил о плане и общих установках своей Конституции. Ни основной программный документ, ни уставные правила Северного общества на этом совещании приняты не были,

но на нем состоялось избрание директоров и были обсуждены важнейшие вопросы дальнейшей жизни общества³³. В декабре 1823 г. Поджио участвовал еще в одном совещании Северного общества на квартире М. Ф. Митькова, где встретил нового лидера северян, К. Ф. Рылеева, «человека, исполненного решимости», — как показывал Поджио на следствии (с. 74).

Таким образом, хотя мы и не можем с полной определенностью назвать время вступления А. В. Поджио в Северное общество, в 1823 г. он стал его активным и авторитетным членом. То обстоятельство, что Поджио одновременно состоял и в Южном, и в Северном обществах, создавало объективную возможность выполнения им функций посредника. Но решающую роль сыграло, конечно, не это формальное условие, а радикальные республиканские убеждения, «пылкость и готовность к действию», которые усмотрел в нем впоследствии Следственный комитет (с. 43).

Уже в мае 1823 г., когда в Петербург прибыл А. П. Барятинский с поручением от Директории Южного общества «упрекнуть Северное общество в его бездействии, <...> требовать от них решительного ответа, могут ли и хотят ли содействовать нашим усилиям»³⁴, он обратился к А. В. Поджио и заехал к нему в Преображенские казармы. Поджио сначала отправился к Н. М. Муравьеву с привезенным Барятинским письмом от Пестеля, а затем устроил встречу Барятинского с Муравьевым, на которой присутствовал и сам. Убедившись в несогласии Н. Муравьева с П. Пестелем, в его отказе от предлагаемых тем решительных мер, Поджио тем не менее обещал южанам «все возможное <...> содействие». Более того, он высказал недовольство увлечением Н. Муравьева теоретическими занятиями. «Муравьев ищет все толкователей Бентама, а нам действовать не перьями» (с. 72) — это высказывание Поджио соответствовало словам Пестеля «nous voulons avoir maison nette» («Мы хотим иметь дом вычищенным» — франц.) (с. 68).

Как и С. Г. Волконский, и В. Л. Давыдов, до этого пытавшиеся склонить Н. М. Муравьева к действенной и активной подготовке восстания в Петербурге, не сумел

³³ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. С. 31.

³⁴ ВД. Т. 10. С. 284 (показания А. П. Барятинского).

убедить его и А. П. Барятинский. Тогда решено было приступить к осуществлению другого замысла Пестеля — создать в Петербурге самостоятельную ячейку Южного общества. Среди «северян» к тому времени уже сложилось революционное крыло, готовое к действию. В его составе был и А. В. Поджио. Надо было организационно оформить «петербургскую управу», подобрать в нее надежных членов. Особое внимание было обращено на Кавалергардский полк, как имеющий более близкий доступ к царскому двору, что было очень важно для осуществления первого этапа плана Южного общества — «заговора», т. е. истребления императорской фамилии³⁵. Вероятно, не без помощи Поджио приехавший в Петербург Барятинский встретился с Е. П. Оболенским и М. И. Муравьевым-Апостолом. Организационно ячейка Южного общества в столице, возглавляемая М. И. Муравьевым-Апостолом, в составе И. А. Анненкова, Ф. Ф. Вадковского, Н. Н. Депрерадовича, П. Н. Свистунова была оформлена весной 1824 г.³⁶, когда А. В. Поджио в Петербурге уже не было.

По данным формулярного списка, А. В. Поджио 30 октября 1823 г. был переведен майором в Днепровский пехотный полк, расквартированный на юге (с. 32). На самом деле он уехал в декабре, да к тому же «был на пути задержан болезнью и поэтому опоздал к контрактам в Киев», приехав туда в конце января 1824 г. (с. 70, 74). Не вполне ясны мотивы, по которым А. В. Поджио перевелся из гвардии в армию и переехал из столицы в провинцию. М. В. Довнар-Запольский связывает это со стремлением к более активным революционным действиям, которыми отличалось Южное общество³⁷. Эту точку зрения поддерживает и Ф. Вентури, который считает, что недовольство пассивностью Северного общества побудило Поджио перевестись на юг³⁸. Расстройство материальных дел Поджио также могло повлиять на его решение покинуть гвардию, требовавшую больших расходов, и перевес-

³⁵ Захаров Н. С. Петербургское совещание декабристов в 1824 г. // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 117.

³⁶ Там же. С. 118.

³⁷ Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. XXXVIII.

³⁸ Вентури Ф. Указ. соч. С. 27.

тись в скромный пехотный полк, поближе к родовому имению. Имение, доставшееся от отца, пришлось заложить еще в сентябре 1824 г., уплата неустойки в 2800 рублей за невыполнение Виктором Яковлевичем Поджио поставок угля в Одессу оказалась непосильной, и ее, по прошению, разделили на три года³⁹. Отвечая на запрос следствия «о положении и домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников», киевский губернатор сообщал, что в имении Яновка 398 душ, но оно «заложено в Государственном заемном банке в 78 800 рублей и, сверх того, обременено долгами за 30 тысяч рублей»⁴⁰. Расстройству имения могла способствовать и привычка братьев Поджио не стеснять себя в средствах, о чем свидетельствует опись вещей, отобранных у них при аресте⁴¹.

Каковы бы ни были причины его перевода на юг, А. В. Поджио в конце января 1824 г. принимает участие в совещании («съезде») Южного общества, хотя и не застает уже Пестеля. С. Г. Волконский показывал на следствии, что, «следуя к Днепровскому полку по переводу его из гвардии в оный», А. В. Поджио в 1824 г. «в первый раз участвовал в совещаниях членов Южной управы»⁴². На этом съезде присутствовали В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, председательствовал после отъезда Пестеля А. П. Юшневский. Еще до приезда Поджио П. И. Пестель был «уведомлен Давыдовым обо всем, что в Петербурге творилось», но и Поджио рассказывал о положении дел на севере: «Юшневскому я должен был сказать все, мне сказанное Матвеем Муравьевым, и говорил, сколько необходимо было сменить Никиту Муравьева» (с. 74).

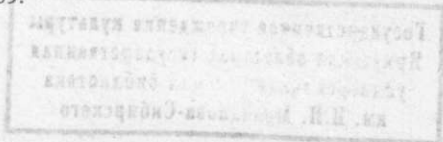
Из сказанного следует, что А. В. Поджио выступал не просто в роли посредника между Севером и Югом, но и сам занимал активную позицию, прямо требуя замены Никиты Муравьева на посту руководителя Северного общества («Я предложил удалить Никиту Муравьева от управления управы, сие было одобрено»). Необходимость этого шага он доказывал тем, что Северное «общество ничуть

³⁹ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 304. Л. 36—36 об.

⁴⁰ Там же. Д. 315. Л. 48 об.; ЦГВИА. Ф. 35. Оп. 9. Д. 106. Л. 137 об.

⁴¹ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 293. Л. 239; Д. 294. Л. 123.

⁴² ВД. Т. 10. С. 165.

не увеличилось», что вообще при существующем положении «вряд ли там общество возьмет тот успех, что на Юге» (с. 70). Поджио с горечью сообщил присутствующим об отсутствии единства среди «северян», «что мнение разделено— что иные хотят республику с покушением на жизнь всей царской фамилии, а что другие, как мне говорил Матвей Муравьев, отвергнули республику» (с. 74).

Роль посредника между Северным и Южным обществами не только заставила Поджио окунуться в гущу полемики между умеренными и радикальными, но и позволила, как справедливо отметил Ф. Вентури, осознать всю сложность проблем, стоявших перед декабристами.

В 1824 г. он, вероятно, пережил один из духовных кризисов, переворотов во внутренней жизни. В этом году в Киеве он «говорил, что в Петербурге ничего нет и не может быть <...>, твердил и уверял всегда, что дело наше и сверх сил, и времени, и всякого вероятия», «дух уже преобразования во мне гаснул» (с. 41). На следствии он упорно доказывал: после приезда «из Петербурга в течение моей семимесячной службы я не содействовал ни в чем» (с. 51). В сентябре 1824 г. (с. 51, 75) произошла встреча с Пестелем, оказавшая огромное влияние и на взгляды, и на поведение Поджио. «Свидание мое с Пестелем,—показывал А. Поджио,—меня воспламенило» (с. 41). Во время встречи, хотя Пестель знал о решительности Поджио, он «счел за нужное начать <...> с азбуки и в политике, и преступлении, и действии» (с. 75), а затем и подробно разъяснить основные программные и тактические принципы «Русской правды»: «Пестель мне говорил здесь о всем плане его введения чистого народодержавного правления. <...> Я во всем с ним соглашался» (с. 65).

В своих показаниях Поджио откровенно говорил о том, что испытывал сильное влияние Пестеля. Так, в сентябре 1824 г. Пестель его «убедил совершенно о превосходстве предположенного для России народного правления»⁴³. Поджио не только проникся республиканизмом Пестеля, но и разделял его идею о диктатуре Временного революционного правления—одно из ведущих положений «Русской правды». «Поджио никакого противоречия не делал, а совершенно в том соглашался»,—показывал Пестель⁴⁴.

⁴³ Там же. Т. 4. С. 211 (выписка из показаний о П. И. Пестеле).

⁴⁴ Там же. С. 160.

Признавая огромное влияние Пестеля на Поджио, не следует забывать, что знаем мы об этом главным образом из показаний Поджио на следствии — тех показаний, которые давал сломленный, переживший тяжелую драму человек, склонный, быть может, преувеличить влияние других и преуменьшить самостоятельность своих решений и поступков. Но Поджио, бесспорно, был знаком с основами аграрного проекта «Русской правды»: «Пестель мне читал отрывки Русской правды в 1824-м году при начале его сочинения. Помню, читал мне статью о разделе земель и вольности мужиков, составление волостей общественных, что занимало его более всего, как он мне говорил» (с. 49). Надо полагать, что Поджио не только ознакомился с этим наиболее радикальным аграрным проектом декабристов, но и разделял его основные принципы. Впоследствии в письмах и «Записках» Поджио выделял во взглядах Пестеля два основных положения: республику и освобождение крестьян с землей.

В обвинительном заключении против А. В. Поджио ему инкриминировалось и самое опасное: согласие на цареубийство и на уничтожение всей императорской семьи (с. 85), что было, по мнению ряда декабристов, необходимым условием для установления республики. Относительно уничтожения императорской фамилии в Южном обществе существовало несколько проектов. Одним из них было создание особой группы офицеров — «une garde perdue» (обреченный отряд — франц.), т. е. отряда цареубийц, которые, жертвуя собой, должны были осуществить первую часть плана — цареубийство, или «заговор», после чего последовала бы военная революция, или «переворот». В этот замысел Пестель счел нужным посвятить и А. В. Поджио. Известно, что следствие всячески стремилось именно вокруг цареубийства построить все обвинение, чтобы придать делу декабристов не политический, а уголовный характер, умалить значение их выступления. К такому признанию Следственный комитет принуждал и Поджио, и он вынужден был подтвердить, что не только разделял план цареубийства, но и сам был готов принять участие в его осуществлении. Во время сентябрьской встречи с Пестелем обсуждался и вопрос о том, сколько членов императорской фамилии подлежало бы уничтожению⁴⁴.

Можно заключить, что А. В. Поджио целиком поддер-

живал и разделял все важнейшие программные и тактические установки Южного общества (с. 49, 65).

Поджио был и достаточно осведомленным членом общества. Входя в его Каменскую управу⁴⁵, которая пыталась привлечь военных поселян к выступлению, Поджио позже показывал: «Давыдову было поручено действовать на поселения» (с. 51). Знал А. В. Поджио и о том, что С. И. Муравьев-Апостол вел агитацию среди солдат, служивших прежде в Семеновском полку и переведенных после выступления 1820 г. на юг, а также старался привлечь к себе нижних чинов Черниговского полка (с. 52). А. В. Поджио и сам выполнял ответственные поручения. Одно из них было связано с поездкой в Орел, другое — на Кавказ.

Готовясь к восстанию, декабристы стремились использовать каждое проявление солдатского недовольства. Поэтому особое внимание члены Южного общества обратили на выступление в феврале 1823 г. в Екатеринославском полку, стоявшем в Орле. Причинами открытого проявления недовольства были как общая тяжесть военной службы, так и произвол, незаконные поборы полкового начальства. Волнения, во время которых один из эскадронов вышел из повиновения, продолжались с 9 по 19 февраля 1823 г.⁴⁶ В сентябре 1824 г. Пестель поручил Поджио, проезжавшему через Орел, «стараться разведать о бунте, случившемся в одном эскадроне кирасирского полка, там стоящего», и «познакомиться с офицерами того полка» (с. 51). Поджио побывал в Орле — заехал туда, возвращаясь домой из Виленской губернии. В эту губернию, в город Видзы, он ездил по делу, «совершенно чуждому делу общества» (с. 51); там же, кстати, он побывал и годом раньше, если верить утверждению И. В. Поджио («на пути своем из Петербурга заехал он к знакомой ему особе в Виленскую губернию»⁴⁷). Мы не знаем, что удалось А. В. Поджио узнать в Орле, во всяком случае, и он, и Пестель отрицали, что им стали известны какие-либо подробности возмущения в Екатеринославском полку.

После этой поездки Поджио «виделся с Пестелем в 1825-м году в Киеве на контрактах. Здесь я ему ска-

⁴⁵ Там же. С. 109.

⁴⁶ Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816—1825 гг. М., 1963. С. 169—170.

⁴⁷ ВД. Т. 12. С. 181.

зал,— показывал Поджио,— безуспешное мое дело в Орле и что я оставляю службу и отправляюсь жить в деревню до мая месяца, в котором я поеду на Кавказ. Он и Муравьев просили меня разведать о тамошнем обществе» (с. 51). На разведку по поводу Кавказского общества был сначала отправлен С. Г. Волконский, но ему удалось встретиться только с А. И. Якубовичем, который и сообщил сведения о якобы организованном в Кавказском корпусе тайном обществе. Волконский предлагал Якубовичу и В. Ф. Тимковскому стать посредниками между Кавказским и Южным обществами⁴⁸. Но, по показаниям П. И. Пестеля, в ответ на это предложение было сказано, «что они уже в сношениях с тайным обществом в Петербурге, но с каким, того не говорили»⁴⁹.

Поскольку сведения, доставленные С. Г. Волконским, были весьма неопределенными, Южная Директория и решила перепроверить их через А. В. Поджио. На Кавказских минеральных водах Поджио побывал в августе 1825 г.⁵⁰, но, как он показывал, «там, никому не открываясь, никого и не открыл, хотя всечасно встречался с служащими там и в Грузии» (с. 51). В. А. Давыдов дополнил показания Поджио весьма существенными подробностями: «Поджио 2-й, ездивший для здоровья своего на воды, видел и Воейкова, старался узнать о сем обществе и по возвращении утвердительно говорил, что не существует там общества никакого и что мысль, что [генерал] Ермолов берет в оном участие, ни с чем не сообразна и никакого совершенно основания не имеет»⁵¹. Аналогичны по смыслу и показания И. Поджио, который сообщил, что, «разговаривая <...> обо всем, что видел на Кавказе достойного примечания», брат его сказал: «<...> ты помнишь, что Волконский уверял, что есть тайное общество на Кавказе, все — пустяки, ничего этого нет»⁵². Таким образом, хотя миссия А. В. Поджио не дала положительных результатов, примечательно, что в данном случае ему доверялось, наряду с руководителем Каменской управы Волконским, еще одно очень ответственное поручение.

⁴⁸ Записки С. Г. Волконского. Спб., 1902. С. 414, 415 (примечания М. С. Волконского).

⁴⁹ ВД. Т. 4. С. 117.

⁵⁰ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 40 а (показания П. Н. Свистунова).

⁵¹ ВД. Т. 10. С. 204.

⁵² Там же. Т. 12. С. 168.

О месте А. В. Поджио в Южном обществе говорит и неосуществленный план создания особой Восточной управы, которую предполагалось основать, «поручив оную подполковнику Поджио»⁵³. А. П. Юшневский признавался на следствии: «Восточную управу, вероятно, предполагено было составить из тех членов, которые, находившись в Киевской губернии, имели более удобства быть между собою в сношении. Таковы: Тизенгаузен, Швейковский, Враницкий, оба Поджио, Бестужев, Ентальцев и Лихарев. Но до сведения моего не дошло, чтобы восточная управа была составлена»⁵⁴. Для осуществления этого плана, вероятно, не хватило времени.

В 1825 г. в жизни А. В. Поджио произошла важная перемена — он оставил военную службу (отставка дана 31 марта 1825 г.) (с. 32, 33). Вероятно, в основе этого решения лежали глубокие причины — возможно, еще один кризис, кризис веры в успех предпринятого дела. В показаниях на следствии А. В. Поджио объяснял этот шаг принципиальными соображениями: «<...> я подал в отставку, я, который знал, что с прежней моей отважностью был необходим для начала действия, я, который пылал прежде сим желанием!» (с. 41). В очерке Н. А. Белоголового говорится о разочаровании, постигшем Поджио в 1825 г., и связанном с этим намерением его уехать в Америку⁵⁵. Эти слова, очевидно, основаны на воспоминаниях самого А. В. Поджио, который показывал на следствии: «В октябре месяце того же года хотел ехать в Берлин, а оттуда богу известно, куды, оставя мать, родных, отечество мое, хотел направить путь далекий мой. Я оставался при сих моих намерениях, когда по случившимся обстоятельствам опять я запылал» (с. 41). Сама утопичность этого плана говорит о свойственной А. Поджио импульсивности, склонности к крайностям.

Первые сообщения о восстании на Сенатской площади и его разгроме были получены на юге через 10—12 дней.

Но еще 13 декабря 1825 г. в Тульчине был арестован Пестель. «21 числа декабря,—показывал А. В. Поджио на следствии,—приехал я к генералу Давыдову на званый обед. Здесь находились Давыдов, Лихарев и Янтальцев.

⁵³ Там же. Т. 10. С. 68 (вопросные пункты А. П. Юшневскому).

⁵⁴ Там же. С. 74—75.

⁵⁵ Белоголовый. С. 255.

Давыдов первый объявил мне о приезде Волконского с известием о арестовании Пестеля, Юшневского, Крюкова и сослании к[нязя] Барятинского под арестом к генералу от инфантерии Сабанееву. Час спустя прибыл туды и Янтальцев, которого Волконский застал в Болтышке. Сей подтвердил вышесказанное Давыдовым, с добавлением, что общество все открыто с именованнем 80-ти членов оногo <...>. К[нязь] Волконский предостерегал нас не хранить бумаг, до общества касающихся, говоря, что при арестовании членов разыскивают также и бумаги их» (с. 58). Вслед за тем все разъехались по домам и занялись сожжением бумаг. Но А. В. Поджио не мог смириться с арестами и разгромом общества, он пытался изменить ход событий и развил кипучую деятельность. Планы освобождения арестованных, и в первую очередь Пестеля, сменяли друг друга. «Восприимчивый, пламенный поборник республиканского правления, неукротимый в словах и суждениях», Поджио «твердил своим соумышленникам и уверял, что для блага общего готов всегда на собственную гибель»⁵⁶.

Вернувшись домой, Поджио написал письмо С. Г. Волконскому, в котором говорил ему: «<...> гибель наша неизбежна при открытии общества, <...> казни ожидают всех и <...> милосердия не ожидать, когда в такое время гонения начались. Убеждал его <...> спасти Пестеля, говоря ему сии слова: «C'est à vous à nous rassembler et marquer à chacun de nous les devoirs à remplir envers leurs amis; faites le vôtre, je ferai le mien» («На вас лежит обязанность нас собрать и указать каждому его обязанности по отношению к своим друзьям; выполняйте ваш долг, я выполняю свой» — франц.) (с. 59).

Смысл письма — не только в плане освобождения Пестеля, но и в идее восстания на Юге. На следствии С. Г. Волконский показывал, что Поджио пытался убедить его как «по обязанностям моим к исполнению цели общества, так и тем, что всем членам предстоит неминуемая гибель и что, во всяком случае, лучше уже погибнуть, начав действие и поставляя мне на вид, что при начатии таковых же действий Муравьевым в 3-м корпусе есть даже некоторая надежда, что дела могут взять выгодный

⁵⁶ Боровков А. Д. Записки // Рус. старина. 1898. № 11. С. 339.

А. В. ПОДЖИО
Акварель Н. А. Бестужева. 1830—1833. ИРЛИ

оборот»⁵⁷. Поджио предлагал план возмущения 19-й дивизии, в которой служил Волконский,— об этом плане, как показывал Поджио, ему еще в 1824 г. говорил Пестель: «<...> двинуться с успевшими к тому склониться полками 19-й пехотной дивизии, полагая присутствие к[нязя] Волконского, мое и капитана Фохта достаточным к склонению полков 1-й бригады, а что за ней последуют и другие, соединить с стоящим смежно Вятским полком и, сделав нападение на Тульчин, арестовать главные лица главной квартиры 2-й армии» (с. 59).

В разговоре с Ентальцевым 22 декабря 1825 г. Поджио развивал этот план. По его проекту С. Муравьев-Апостол должен выступить с черниговским полком, «а для

⁵⁷ ВД. Т. 10. С. 140.

сего непременно ему должно с ним видаться и иметь верное решение здешних членов» (с. 86). Затем Поджио после контрактов поедет в Ригу, «чтобы возбудить к возмущению полковника Вольского», и в Петербург, «для умерщвления ныне царствующего государя императора»⁵⁸.

Через Ентальцева было отправлено письмо к Волконскому, а 23 декабря снова члены Каменской управы собрались на квартире Давыдова, где А. В. Поджио прочитал присутствовавшим здесь В. А. Давыдову, В. Н. Лихареву и И. Поджио «подробное изложение предположений его к действию: начать Азовским полком и идти к м[естечку] Тульчину, где, арестовав [генерала] Киселева и дежурного генерала Байкова, ожидать Сергея Муравьева и потом отправиться на Киев и в нем основать главную квартиру», — показывал на следствии Лихарев⁵⁹.

Видя колебания и сомнения членов Каменской управы, возражения Давыдова, А. В. Поджио, тем не менее, настаивал на своем. Он предложил, что сам поедет в Киев к С. Муравьеву-Апостолу, чтобы сообщить ему план действий и побудить поднять на восстание Черниговский полк, а затем отправится в Петербург для совершения покушения на Николая. Эту сцену и речь Поджио, предложившего свои «две руки» для цареубийства, описали многие свидетели — поэтому она подробно воспроизведена в вопросах следствия: «Между тем, пока не был еще получен ответ Волконского, вы, находясь в доме Василья Давыдова, при случившихся у него квартирмейстерской части подпоручике Лихареве и брате вашем штабс-капитане Поджио вы говорили о причинах, побуждающих к возмущению, а когда Давыдов оспаривал оные, то читали ему и Лихареву копию с письма вашего к Волконскому и произносили после того следующее: «Я предлагаю свои две руки, поеду в Петербург, и вы узнаете, что в такой-то день государя императора уже не существовало бы» (с. 56). Давыдов в показаниях уточнял, что при этом он возражал Поджио: «Я на сие не сказал, что надобно шесть рук, а сказал, что он погибнет и ничего не сделает, что и двадцати недостаточно и что никто его не поддержит. Он сказал на сие, что всякий должен за себя отвечать, а что он в себе уверен»⁶⁰. На самом деле Поджио, конечно, не

⁵⁸ Алфавит... С. 302.

⁵⁹ ВД. Т. 12. С. 95.

⁶⁰ Там же. Т. 10. С. 210.

собирался совершить этот акт в одиночку: «Когда я говорил о своих двух руках, то они стоят сто рук, разумея здесь общество. Муравьев, Оболенский, Голицын, Митков одних мыслей, всегда готовы к действию и, наконец, остальные члены общества. Должен признаться и в том, что покушение на жизнь всей царской фамилии было предположено первым началом действия и что сие ужасное преступление имело общее всех согласие» (с. 60). После убийства императора командование над гвардией должен был, по плану Поджио, взять на себя авторитетный и имеющий связи со многими членами тайного общества генерал М. Ф. Орлов⁶¹.

Впоследствии эти роковые слова — предложение А. В. Поджио взять на себя покушение на «ныне царствующего императора» — были одним из главных и самых тяжких из предъявленных ему обвинений (с. 86).

Как утверждал А. В. Поджио, его план получил одобрение всей Каменской управы (с. 60). Но дальнейшие события развивались совсем не так, как он предполагал. 26 декабря, заехав к Ентальцеву, который со своей ротой стоял в 12 верстах от Каменки, А. В. Поджио узнал об отказе Волконского участвовать в восстании. Все же члены Каменской управы и после этого продолжали обсуждать возможности выступления на юге. Подполковник Ентальцев, командир 27-й конно-артиллерийской роты, заявил: «<...> если дело пойдет дурно, то тогда только пойду напролом прямо на поселение, где негодуют»⁶², — известно, что мысль о возмущении военных поселян давно уже дебатировалась в Южном обществе.

После отказа Волконского А. В. Поджио пытался изобрести другой план: «<...> удобный был бы случай покунуться на жизнь царской фамилии в Москве, по случаю коронации»⁶³.

А. В. Поджио, как и все члены Каменской управы, был в смятении и растерянности. Хотя он и был тогда полон решимости действовать, не желал сидеть сложа руки и покорно ждать ареста, реальных последствий его порывы не имели. 26 декабря состоялось совещание у Ентальцева, «где решено было ничего не предпринимать» (с. 62). Поджио понимал и сам говорил, что, «будучи Майборде

⁶¹ Там же. Т. 12. С. 172 (показания И. В. Поджио).

⁶² Там же. С. 247.

⁶³ Там же. С. 173 (показания И. В. Поджио).

известен», должен быть арестован «неминуемо на днях» (с. 61). Новый толчок к активным действиям был дан арестом Лихарева — это произошло в доме Поджио 29, по его показаниям (с. 62), или 31, по официальным данным, декабря 1825 г.⁶⁴ Считая арест Лихарева незаконным, при виде рыданий его жены, плача и отчаяния собственной матери, охваченной тревогой за судьбу сыновей, А. Поджио поклялся брату: «<...> друг мой, теперь я должен исполнить обещание роковое, спасу вас от гонений; простись со мной, я тут же мертв паду, я преступления не переживу» (с. 62). Реальность этого очередного плана уже не имела значения. Как показывал на следствии А. В. Поджио, 1 января 1826 г. ему стало известно о событиях 14 декабря в Петербурге⁶⁵, и он стал ежеминутно ожидать своего ареста, «предупредил мать свою и приготовился в путь совершенно, <...> ни малейшей не имел мысли тогда отправиться на исполнение моего ужасного преступления» (с. 62).

27 декабря 1825 г. военный министр распорядился арестовать и доставить в Петербург майора Днепровского полка Поджио⁶⁶. Исполнить этот приказ было поручено командиру 1-й бригады 3-й драгунской дивизии генерал-майору Набелю, аналогичное предписание было направлено 30 декабря киевскому гражданскому губернатору⁶⁷. Представители военной и гражданской власти прибыли в Яновку с целью ареста А. В. Поджио в один день — 3 января 1826 г., разойдясь несколькими часами⁶⁸.

В этот трагический момент Поджио попытался еще раз найти выход. Иосиф Поджио показывал на следствии: «Вспомнил я, что брат мой, будучи уже под арестом, за полчаса или за час перед отъездом говорил мне, что если бы подполковник Ентальцев тут был, он бы ему предложил подняться с ротою своею и пошел бы с ним к посе-

⁶⁴ ЦГВИА. Ф. 14057. Оп. 16/183. Св. 24. Ч. 2. Д. 25. Л. 3 об.

⁶⁵ Точность этой даты вызывает сомнение: в Тульчине о восстании декабристов стало известно на несколько дней раньше.

⁶⁶ «Майором» А. В. Поджио был назван в доносе Майбороды и в первых официальных документах следствия, но при выходе в отставку он получил чин подполковника и в более поздних документах именуется отставным подполковником.

⁶⁷ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 30. Л. 209 об.—210, 213—213 об.

⁶⁸ Официальные сведения расходятся с утверждением Н. А. Белоголового об аресте А. В. Поджио в доме Н. Н. Раевского (Белоголовый. С. 255).

лению, от которого мы в пятнадцати верстах живем. Брат мой также говорил мне, что, может быть, дорогою он уйдет из-под ареста к Муравьеву, а оттуда поедет в Ригу повидаться с одной особою, давно ему знакомою, которая, однако же, совершенно не политическое лицо, и, увидевшись там с полковником Вольским, предложит ему со своим полком подняться»⁶⁹. Возможно, что И. В. Поджио ошибся в воспроизведении этого разговора: речь о поездке в Ригу и оттуда в Петербург шла несколькими днями раньше, как и о плане поднять роту Ентальцева и идти на военные поселения. Впрочем, эти замыслы могли вновь всплыть — как последняя, отчаянная надежда. О возможности присоединиться к черниговцам показывал на следствии и сам А. Поджио: «<...> если бы я был в службе, то верно участвовал бы с ним», «я говорил брату, что присоединюсь к Муравьеву», «сие было среди горьких прощаний наших» (с. 63). При аресте А. Поджио, по его собственным показаниям, сказал брату: «Россия много теряет в лишении меня свободы — я еду на смерть» (с. 62). По-видимому, это надо понимать так, что арест лишил А. Поджио возможности осуществить задуманное царевубийство, которое могло бы, как он полагал, спасти Россию.

Какими бы ни были последние отчаянные планы, арестованный 3 января 1826 г. генералом Набелем А. В. Поджио дал ему честное слово, что будет «себя вести, как долг мой теперешний велит. При всем доверии моего сопутника я ни в чем слову не изменил» (с. 63).

11 января арестованного доставили в Петербург и отправили на главную гауптвахту, а 12 января привезли в Петропавловскую крепость (в Трубецкой бастион, в 7-й номере арестантского каземата). Там он находился недолго и большую часть заключения провел в Невской куртине⁷⁰. Началось следствие, и тут в поведении А. В. Поджио произошел резкий перелом: на смену решимости действовать даже в самых крайних обстоятельствах, энергичным попыткам побудить оставшихся на свободе членов Каменской управы к активному сопротивлению власти даже в условиях разгрома общества, — на смену этому пришли бурное раскаяние, откровенность перед следователями и

⁶⁹ ВД. Т. 12. С. 176.

⁷⁰ Пушкин Б. С. Арест декабристов // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 401.

царем, обличения, наносившие тяжелые удары товарищам по обществу, особенно Пестелю.

Размышлениям о причинах подобного поведения большинства декабристов посвящены многие страницы трудов разных исследователей, и большая их часть может быть отнесена и к А. В. Поджио. О том, как и почему надламывалась «хрупкая дворянская революционность», писала М. В. Нечкина⁷¹. Еще М. В. Довнар-Запольский обратил внимание на то, что во время следствия некоторые декабристы, находясь в крайне подавленном психическом состоянии, узнав об обличающих их показаниях товарищей по тайному обществу, считали себя «совращенными» и, в свою очередь, давали против других, особенно против руководителей тайных организаций, откровенные и обширные показания. К таким декабристам принадлежал и А. В. Поджио, которому следователи сумели внушить, что из них «хотели сделать лишь орудие»⁷². Об этом с горечью не раз говорил на следствии и сам Поджио. Так, он показывал, что С. И. Муравьев-Апостол и П. И. Пестель «втайне действовали на то, чтобы, приготовив других исподволь к совершению удара, сделать их слепыми орудиями своих видов»⁷³. Поджио был явно ослеплен обидой, поверив в вероломство Пестеля по отношению к себе.

Впоследствии А. В. Поджио в «Записках» пытался осмыслить и объяснить поведение свое и своих товарищей перед Следственным комитетом и указывал на коварные приемы Комитета и самого царя, провокационные вопросы, путавшие заключенных и возводившие напраслину на их товарищей, обещания и угрозы, поддельные, вымышленные показания, моральные и физические пытки — все средства были пущены, «чтобы достигнуть искомой цели: разъединить это целое, так крепко связанное, и разбить его на враждующие друг другу части»⁷⁴. Немалую роль, по словам автора «Записок», играли и ссылки следователей на милосердие царя, якобы желавшего «знать одну лишь истину», — а ведь, уезжая в Петербург, Александр Поджио готовился к смерти.

⁷¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. С. 397—400.

⁷² Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. С. IX.

⁷³ ВД. Т. 4. С. 390 (выписка из показаний о С. И. Муравьеве-Апостоле).

⁷⁴ Наст. изд. С. 98.

Притворное участие, призыв к откровенности, лицемерие царя, лживые обещания реформ обманули многих — им казалось, что «дело, возникшее при прежнем правлении и при других обстоятельствах, должно было при новом царствовании утратить свое прежнее значение и подвергнуться не преследованию, а исследованию, более соответствующему благоразумной цели, в обязанность поставленной всякому вступающему венценосцу на престол»⁷⁵.

Одну из наиболее удачных попыток объяснить феномен поведения декабристов на следствии с историко-психологической точки зрения предпринял Ю. М. Лотман. По его мнению, в этой трагической обстановке «резко выступили другие, прежде отодвигавшиеся, но прекрасно известные всем декабристам нормы и стереотипы поведения: долг офицера перед старшими по званию и чину, обязанности присяги, честь дворянина. Они врывались в поведение революционера и заставляли метаться при совершении реальных поступков от одной из этих норм к другой»⁷⁶. Характерное для декабристов специфическое рыцарство «сослужило им плохую службу в трагических условиях следствия и неожиданно обернулось нестойкостью: они не были психологически подготовлены к тому, чтобы действовать в условиях узаконенной подлости»⁷⁷.

У Александра Поджио к этим мотивам добавлялись и особенности характера. Человек эмоциональный, пылкий, увлекающийся, он был склонен к крайностям, сравнительно легко поддавался внушению. Наше представление о характере А. В. Поджио дополняет реплика С. Г. Волконского, отмечавшего в письме И. И. Пущину от 14 декабря 1854 г. перемену, происшедшую в друге: «Сердце не на ладони, — а прежде это бывало у него и чересчур»⁷⁸. Но

⁷⁵ Там же. С. 117.

⁷⁶ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 51. Ср. анализ М. К. Азадовским поведения А. А. Бестужева: «Добровольная явка означала лишь сознание проигранной кампании и вытекала из кодекса дворянской чести. Свою явку А. А. Бестужев рассматривал как сдачу оружия победившему противнику». (Азадовский М. К. Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник // Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 710).

⁷⁷ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. С. 38.

⁷⁸ Декабристы. Летописи Гос. Литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 107 (далее: *Декабристы. Летописи. Кн. 3*).

не только личные качества объясняют происшедшее с А. В. Поджио во время следствия.

В «Записках» Поджио вспоминал, что во время оглашения приговора явная несправедливость суда привела к тому, что «правота дела, все наши убеждения, верования как будто опять ожили, расшевелились, воспрянули при виде такого бесправия, беззакония и насилия назначенного над нами суда, неизвестного для нас!»⁷⁹. Эти слова позволяют предположить, что во время следствия прежние убеждения А. В. Поджио претерпели изменения, а его откровенность была результатом временной утраты веры в правоту своего дела. Надежды на облегчение участи тех, кто давал чистосердечные показания, на милость царя и его готовность самому осуществить назревшие преобразования рассеялись очень скоро — достаточно было услышать жестокий приговор, как были похоронены последние иллюзии.

Признанный Следственной комиссией «пламенным членом общества, неукротимым в словах и суждениях» (с. 86), А. В. Поджио был Верховным уголовным судом включен в I разряд осужденных и приговорен к «смертной казни отсечением головы». При конфирмации приговора Николаем I смертная казнь ему, как и еще 24 «государственным преступникам I разряда», была заменена вечной каторгой, а в день коронации 22 августа 1826 г. был опубликован указ о замене бессрочной каторги двадцатилетней. Указами же от 8 ноября 1832 г. двадцатилетняя каторга заменялась 15-летней, а от 14 декабря 1835 г. максимальный срок каторжных работ был сокращен до 13 лет с последующим переводом на поселение в Сибири⁸⁰.

Не все декабристы были сразу отправлены в Сибирь, для многих заключение в крепости продолжалось и после обряда гражданской смерти. А. В. Поджио до августа 1826 г. оставался в Петропавловской крепости, затем был переведен в Кексгольм и содержался до апреля 1827 г. в Пугачевской башне, откуда, наконец, был отправлен в Шлиссельбург⁸¹. Через неделю после отправки из крепости А. Поджио в Шлиссельбург из Свартгольма доставили его старшего брата — почти на семь лет.

⁷⁹ Наст. изд. С. 68.

⁸⁰ ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 33. Л. 2 б.

⁸¹ ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 544; Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963. С. 170; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 2. С. 168.

И. В. Поджио был приговорен к 12 годам каторжных работ (срок был сокращен до 8 лет) с последующим поселением в Сибири. Но его тесть, сенатор А. М. Бороздин, опасался, что дочь поступит так же, как ее двоюродная сестра М. Н. Волконская, и отправится за мужем в Сибирь. Бороздин обратился к Николаю I с просьбой не допустить этого. До 1829 г. И. Поджио был лишен переписки с женой и матерью, на просьбу М. А. Поджио объявить ей местопребывание мужа для того, чтобы она могла разделить его участь, из III отделения отвечали, что это местопребывание еще не определено⁸². В 1834 г. М. А. Поджио вышла вторым браком замуж за князя А. И. Гагарина⁸³, а Иосиф и Александр Поджио встретились лишь на поселении в Сибири.

8 октября 1827 г. А. В. Поджио вместе с П. А. Мухановым и И. И. Пушиным был отправлен в Сибирь⁸⁴. В Ярославле их навестили Е. С. Уварова, ожидавшая своего брата — М. С. Лунина, и задержавшаяся после свидания с мужем А. В. Якушкина⁸⁵. В конце октября в Кунгуре они догнали выехавших раньше А. П. Арбузова, А. И. Тютчева, И. Д. Якушкина⁸⁶. В дороге была предпринята попытка переслать через жандарма Ивана Привалова письма родным Муханова, семье Пушина и записку от Александра Поджио коллежскому асессору К. К. Рачинскому, служившему в Иностранной коллегии⁸⁷ (он же должен был получить деньги и вещи братьев Поджио по доверенности их матери⁸⁸). Жандарм забыл узел с вещами, в котором были и письма, они были доставлены властям, а Привалов отдан под суд⁸⁹.

Дальний и трудный путь (зимняя дорога еще не установилась) был и очень долгим — лишь через полтора месяца, 24 ноября 1827 г., «государственные преступники» были переданы иркутскому губернатору. После короткой

⁸² ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 75. Л. 7—24.

⁸³ Андреевский Э. Записки. Одесса, 1913. Т. 1. С. 281—282.

⁸⁴ ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 544. Л. 154.

⁸⁵ Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 87 (далее: *Пушкин*).

⁸⁶ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 96—97 (далее: *Якушкин*).

⁸⁷ Пушкин. С. 90; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. С. 158.

⁸⁸ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 293. Л. 268—269.

⁸⁹ ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 5. Д. 248. Л. 3 об.—4.

передышки в Иркутске арестанты двинулись дальше и 26 февраля 1828 г. были доставлены в Читинский острог⁹⁰.

Прямых свидетельств о жизни А. В. Поджио в Чите и Петровском заводе сохранилось немного. Известно, что он принял самое активное участие в создании знаменитой артели декабристов: «Поджио, Вадковский и Пущин занялись составлением письменного учреждения для артели», — вспоминал И. Д. Якушкин⁹¹. Позже И. И. Пущин разделял «мнение господина Поджио, что существование артели имеет цель гораздо возвышеннее, нежели единое прокормление»⁹².

А. В. Поджио жил той же богатой духовной жизнью, которой были наполнены дни узников: чтение газет, журналов и книг, обсуждение научных новинок и политических новостей. В знаменитой «каторжной академии» он был и учеником, и учителем. М. А. Бестужев вспоминал, как декабристы «учились по методу взаимного обучения: так, например, польскому и латинскому языкам я учился у поляка Рукевича, итальянскому — у Поджио, английскому — у Чернышева, испанскому — у Завалишина, уча их, в свою очередь, тем языкам, в которых уже сделал успехи»⁹³. Интересно отметить, что именно А. В. Поджио давал Мише Волконскому уроки русского языка, а его письма более поздних лет отличаются от собственноручных его показаний 1826 г. более правильной орфографией.

У нас нет материалов для каких-либо определенных суждений о настроениях и взглядах А. В. Поджио в эти годы: сведений об этом не сохранили ни письма, ни воспоминания самого Поджио и его товарищей. Как уже говорилось, сам А. В. Поджио указывал в своих «Записках», что революционные устремления ожили в нем после суда. Мы не знаем, надолго ли пробудились в нем прежние верования и убеждения и насколько они были действительно прежними — источники об этом молчат.

Судя по воспоминаниям и письмам товарищей, Поджио был дружен в годы каторжного заключения с И. И. Пу-

⁹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 544. Л. 173, 203.

⁹¹ Якушкин. С. 129. Устав артели см.: Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 154—167.

⁹² ОПИ ГИМ. Ф. 279. Д. 883. Л. 78 об. Цит. по: Шатров а Г. П. Декабристы и Сибирь. С. 137.

⁹³ Воспоминания Бестужевых. С. 280.

щинным, И. И. Горбачевским, Н. А. Бестужевым, Трубецкими и Волконскими. Отношения с Волконским — особая страница в биографии А. В. Поджио, и эта сторона его жизни, к сожалению, вызывала и до сих пор вызывает чрезмерное любопытство, продиктованное далеко не научными интересами. О. И. Попова утверждала: «Взаимная привязанность Марии Николаевны и декабриста Александра Викторовича Поджио, длившаяся долгие годы», была истинной причиной семейной драмы Волконских⁹⁴; в ее статье переданы и слухи о том, что отцом детей М. Н. Волконской был А. Поджио. В подтверждение этой версии приводятся следующие аргументы: свидетельство Ф. Ф. Вадковского о тяжелых семейных отношениях Волконских и особой дружбе М. Н. Волконской с братьями Поджио; «рассказы лиц, знавших декабристов», в передаче И. И. Благовещенского, жившего в Сибири в 1870—1880-х гг.; отсутствие писем А. В. Поджио к М. Н. Волконской в хорошо сохранившемся семейном архиве Волконских; исключительная близость А. В. Поджио к семье Волконских.

Бесспорно, что А. В. Поджио был очень близок к семье Волконских и очень привязан к М. С. Волконскому, это подтверждают и впервые публикуемые в настоящем издании письма А. В. Поджио. Но ни одного не только прямого указания, но и намека на особый характер отношений А. В. Поджио и М. Н. Волконской не обнаружено. Никаких прямых утверждений в воспоминаниях и письмах декабристов, их родных и друзей также не найдено⁹⁵. Версия О. И. Поповой не может считаться доказанной.

В 1839 г. кончился срок пребывания в Петровском заводе последних остававшихся там заключенных, в том числе и А. В. Поджио. 9 августа А. В. Поджио и И. И. Пущин прибыли в Иркутск⁹⁶, а вскоре Александр Викторо-

⁹⁴ Попова О. И. История жизни М. Н. Волконской // Звенья. М.; Л., 1934. Т. 3—4. С. 23. Е. И. Якушкин, писавший жене о конфликте в семье Волконских, имени А. В. Поджио не называл (Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М., 1926. С. 51—52).

⁹⁵ Интересно мнение Л. Н. Толстого, который не верил «рассказам про роман между Поджио и Волконской». «Я не хочу верить, — говорил он, — так часто выдумывают такие легенды и чернят память людей» (Дневник А. Б. Гольденвейзера // Рус. пропилеи. М., 1916. Т. 2. С. 271).

⁹⁶ Пущин. С. 111 (письмо Е. П. Оболенскому от 16 авг. 1839 г.).

И. В. ПОДЖИО

Дагерротип А. Давиньона. 1845

вич встретился после 13-летней разлуки с братом в Усть-Куде, небольшом селении в 23—24 верстах от Иркутска. Усть-Куда была назначена местом поселения А. В. Поджио по просьбе И. В. Поджио, поданной им еще при выходе на поселение в 1834 г.⁹⁷ В Усть-Куде И. В. Поджио познакомился с семьей крестьянина Третьякова и в июле 1835 г. просил у властей разрешение на брак с Настасьей Яковлевной Третьяковой с согласия ее и ее родителей. Но, узнав, что завешание матери, пытавшейся выделить ему и брату независимое состояние, не утверждено, И. Поджио отказался от брака, так как понимал, что после смерти матери его финансовое положение будет зависеть от отношения к нему детей и зятя⁹⁸. В Усть-Куде братья Поджио жили вместе с 1839 г. до смерти Иосифа в 1848 г. (умер он в Иркутске); там же Александр оставался до 1856 г.—так, во всяком случае, гласят официальные документы. Но реальное место проживания Поджио не всегда соответствовало официальному месту поселения. Так, князь Николай Голицын, попавший в Иркутск в составе ревизии

⁹⁷ ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9728.

⁹⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 11. Д. 243. Л. 4 об.—5.

сенатора Толстого, писал отцу, что среди навещаемых им государственных преступников есть «бывшие сослуживцы отца по Преображенскому полку братья Поджио, которые «ныне живут с князем Волконским (их родственником) в селе Урике»⁹⁹. Н. А. Белоголовый вспоминал, что зимой 1843/44 г. он ходил к Александру Викторовичу на городскую квартиру на Большой улице Иркутска, а летом переезжал вместе с ним в его домик в деревне Усть-Куде. Были и официально разрешенные отлучки.

В марте—апреле 1841 г. А. В. Поджио тяжело болел¹⁰⁰ и в связи с этим съездил летом на Тункинские минеральные воды¹⁰¹, а через год еще раз побывал на водах¹⁰².

Тогда же А. В. Поджио предпринял первые шаги на педагогическом поприще. «Оба брата Поджио,— писал Ф. Ф. Вадковский И. И. Пущину 10 сентября 1842 г.,— и особенно наш добрый Александр, который, по-моему, несравненно лучше Осипа, усердно хлопочут о воспитании Миши»¹⁰³. Речь шла о М. Волконском. В 1843—1845 гг. у А. В. Поджио учились и воспитывались сыновья иркутского купца А. В. Белоголового, довольно близкого к декабристам человека,— он нередко привозил им посылки и письма, занимался их финансовыми делами. Сначала они учились и воспитывались у декабриста А. П. Юшневского, а после его смерти попали к А. В. Поджио. Н. А. Белоголовый отмечал такие черты своего учителя, как добросовестность и терпение, ровность и даже нежность в обращении с детьми, искренность в словах и поступках¹⁰⁴.

Н. А. Белоголовый впоследствии так описывал облик А. В. Поджио тех лет: «Длинные черные волосы, падавшие густыми прядями на плечи, красивый лоб, черные выразительные глаза, орлиный нос, при среднем росте и изящной пропорциональности членов, давали нашему новому наставнику привлекательную внешность и вместе

⁹⁹ Библиотека Эрмитажа. РК 73.29.167740 (письмо Н. Голицына отцу от 28 апр. 1844 г. Иркутск). Источник указан Е. К. Ромодановской.

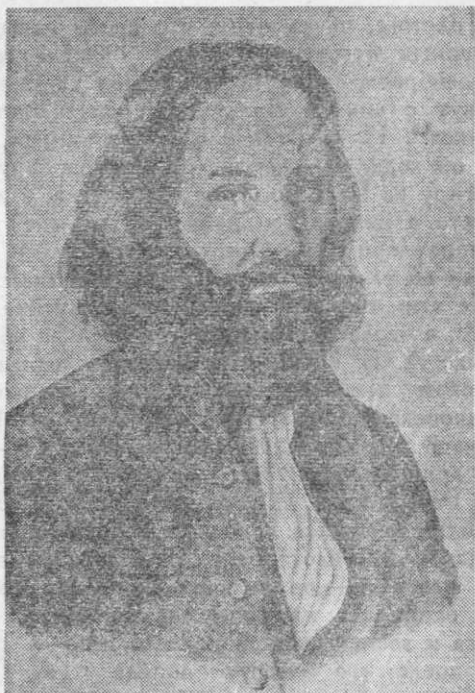
¹⁰⁰ Пущин. С. 157—158, 164 (письма Н. Д. Фонвизиной от 11 марта 1841 г. и И. Д. Якушкину от 2 мая 1841 г.).

¹⁰¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 18. Д. 503. Л. 5, 10; Пущин. С. 176 (письмо И. Д. Якушкину от 5 сент. 1841 г.).

¹⁰² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 19. Д. 566.

¹⁰³ Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. С. 85.

¹⁰⁴ Белоголовый. С. 273.

А. В. ПОДЖИО

Акварель Н. А. Бестужева. 1837

с врожденною подвижностью в движениях и с живостью характера ясно указывали на его южное происхождение. Под этой красивой наружностью скрывался человек редких достоинств и редкой души. Тяжелая ссылка и испорченная жизнь только закалили в нем рыцарское благородство, искренность и прямоту в отношениях, горячность в дружбе и тому подобные прекрасные свойства <...>, но при этом придали ему редкую мягкость, незлобие и терпимость к людям, которые до конца его жизни действовали обаятельно на всех, с кем ему приходилось сталкиваться»¹⁰⁵.

8 января 1848 г. умер Иосиф Поджио, Александр тяжело переживал смерть брата. «Уныние, задумчивость и

¹⁰⁵ Там же. С. 251.

тоска, увеличившиеся после смерти его брата Осипа, постоянно угрожают совершенным расстройством его здоровья», — указывалось в медицинском свидетельстве¹⁰⁶. Новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев выхлопотал у царя разрешение А. В. Поджио и С. Г. Волконскому отлучиться на четыре месяца за Байкал для лечения на минеральных водах¹⁰⁷.

Вообще положение декабристов с приездом Н. Н. Муравьева улучшилось. А. В. Поджио вслед за Волконскими и Трубецкими перебрался в Иркутск. Он, «несмотря на все настояния Муравьева, никогда не показывался на его официальных приемах, но в тесном кружке своих семейств они бывали друг у друга беспрестанно»¹⁰⁸. Это не было чем-то исключительным — многие декабристы бывали в доме Муравьева. Более того, они одобряли такие меры либерального характера, осуществлявшиеся им, как борьба за свободу частного предпринимательства, освобождение нерчинских горнозаводских крестьян. Особенно горячо поддерживали они деятельность Н. Н. Муравьева по закреплению России на дальневосточных рубежах и организации отпора врагу во время Крымской войны. Известному сближению генерал-губернатора и ссыльных декабристов способствовал и дух сословной солидарности — это были люди одного круга, у них были общие знакомые, друзья и родственники. Тем не менее Н. Н. Муравьев, хотя он и выделялся умом, честностью и энергией на общем фоне российской администрации того времени, оставался деятелем этой администрации и даже проявлял деспотические замашки.

В 1850 г.¹⁰⁹ А. В. Поджио женился на Ларисе Андреевне Смирновой, классной даме Иркутского девичьего института. И. Д. Якушкин нашел ее «предоброй и премиллой», замечал, «что не только, когда бываешь у них, с ними прекрасно, но и заочно отрадно об них думать»¹¹⁰. Иначе отзывался о ней С. Г. Волконский, который назвал ее «тонкой особой» и даже считал, что и Александр Вик-

¹⁰⁶ ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 33. Л. 4 б.

¹⁰⁷ Там же. Л. 9—10.

¹⁰⁸ Белоголовый. С. 302.

¹⁰⁹ Письмо 139. Н. А. Белоголовый называл 1851 или 1852 г.

¹¹⁰ Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 459, 455 (письма И. Д. Якушкина П. Н. Свистунову от 31 дек. 1854 г. и И. И. Пущину от 3 дек. 1854 г. Иркутск).

торович изменился под ее влиянием («сердце не на ладони»)¹¹¹. Возможно, этот отзыв был вызван временным ухудшением отношений¹¹².

Как бы то ни было, женитьба, а затем появление на свет дочери Вари (22 октября 1854 г.) изменили жизнь А. В. Поджио, наполнив ее новым содержанием. Одной из самых главных забот стало теперь обеспечение семьи, а это было совсем не просто.

Еще в 1825 г. имение было заложено, мать декабристов даже заставляла крестьян работать в воскресные и праздничные дни, что вызвало донос обеспокоенного снижением церковных доходов священника¹¹³. Так как доносчик привел слова «майорши Поджио»: «Николай моих панычиков не пощадил», то дело дошло до III отделения, но было решено «во всемиростивейшем снисхождении к положению и полу госпожи Поджио» оставить ее в покое¹¹⁴. В следующий раз такого снисхождения оказано не было. В 1835 г., отправляя очередные посылки в Сибирь, М. Поджио вложила в них «бочонок с прованским маслом и бочонок с белым медом», за что была оштрафована на 9120 рублей. Выплата такого штрафа была непосильна, хотя ранее сын получал от нее довольно крупные суммы. Так, в 1831 г. он получил 1443 рубля (больше, чем многие другие узники)¹¹⁵. Прощения подавали И. В. Поджио и его дочери, пытался вмешаться племянник В. Я. Поджио, адвокат из Наварры Бенвенуто Поджио, — все было бесполезно¹¹⁶. Тем не менее, пока была жива Магдалина Осиповна, посылки и деньги в Сибирь отправлялись регулярно, но в 1842 г. она скончалась. Завещание, которым она пыталась обеспечить сыновей, не было утверждено¹¹⁷.

Пытаясь найти средства для существования, А. В. Под-

¹¹¹ Там же. С. 107 (письмо С. Г. Волконского И. И. Пущину от 4 дек 1854 г.).

¹¹² Там же. С. 446 (письмо И. Д. Якушкина И. И. Пущину от 20 сент. 1854 г.).

¹¹³ Мияковский В. В. Эпизод 1827 г. в имении Поджио // Юбилейный сборник памяти академика Д. И. Багалая. Киев, 1927. Ч. 1. Указан Е. С. Авербух.

¹¹⁴ ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 33. Л. 1 а об.

¹¹⁵ Там же. Ч. 23. Л. 24—25, 27—33.

¹¹⁶ Там же. Ч. 75. Л. 61—61 об.; ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. К. 11. Д. 243.

¹¹⁷ ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 33. Л. 4 а—6 а об.

жио занимался огородничеством и мукомольным делом (за что получил прозвище «мельник»), давал уроки и, наконец, увлекся золотоискательством. Со всей присущей ему страстностью принялся он за поиски золота и тратил на это не только свои небольшие средства, но и все время, непосредственно руководил работами на прииске. Поиски велись в течение нескольких лет и кончились неудачей¹¹⁸. Последняя попытка была предпринята в Верхнеудинске в 1859 г. — кстати, во время этой поездки А. В. Поджио виделся с И. И. Горбачевским и просил у него головную щетку С. И. Муравьева-Апостола, предлагая за нее «1000 рублей серебром или отдать ее ему так, на память его дочери Варваре». Но Горбачевский не расстался с дорогой ему вещью¹¹⁹.

Выезд А. В. Поджио из Сибири откладывался даже после амнистии. Прежде всего потому, что возвращаться в Россию было некуда и жить там не на что — отцовская Яновка после смерти матери перешла племянницам, завещанных матерью денег А. В. Поджио не получил. Могли быть и другие соображения — весьма многозначительно замечание его в письме С. П. Трубецкому: «с освобождением <...> крестьян я пойму амнистию и применю ее к себе»¹²⁰. Оставаясь в Иркутске, Александр Викторович провожал своих товарищей, хлопотал о прогонах и пособиях, заботился о детях и вдовах умерших, выдавал полученные из Малой артели деньги, информировал распорядителей артели о материальном положении оставшихся в Сибири декабристов и их семей, напоминал, кому и сколько следует выслать. Жил он в доме Трубецких вместе с П. А. Горбуновым (бывшим губернатором Вани Трубецкого) и его свояченицами¹²¹.

Убедившись в бесполезности дальнейших попыток сколотить хотя бы небольшой капитал, «потомственный дворянин из государственных преступников, Александр Викторович Поджио, по получении в пособие ста рублей серебром на путевые издержки, прогонов и подорожной, выехал из Иркутска 2 мая 1859 г.»¹²². По приглашению

¹¹⁸ Там же. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 35.

¹¹⁹ Горбачевский И. И. Записки, письма. С. 166 (письмо М. А. Бестужеву от 12 янв. 1863 г.).

¹²⁰ Письмо 35.

¹²¹ Письма 28, 31.

¹²² ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 33. Л. 16.

старшего племянника А. О. Поджио¹²³ Александр Викторович с семьей поселился в его имении в селе Знаменском Торопецкого уезда Псковской губернии.

Первые впечатления от нового места и его обитателей самые светлые. «Представьте,— писал А. В. Поджио сразу после приезда свояченице П. А. Горбунова Н. А. Неустроевой,— что здесь я у сына, а не у племянника самого нежного». Но уже в первых впечатлениях проскальзывали зародыши будущего конфликта: «Многое не то,— замечал он в том же письме,— здесь все по часам, сон, купание, <...> гулянье, учение, еда, питье! Представьте меня беспорядочного! мою Варю, подделывающих этой стройной жизни!» Недоволен был А. В. Поджио и системой воспитания, с которой ему пришлось столкнуться в доме племянника. Но главная причина разлада заключалась, очевидно, в том, что А. О. Поджио оказался человеком хотя и очень умным, и начитанным, но, по характеристике дяди-декабриста, консервативным («строжайшей правоты»). Подобные взгляды племянника А. В. Поджио объяснил полученным «в сиротстве» воспитанием¹²⁴.

Попытки А. В. Поджио отделиться и получить свою часть наследства, оставшуюся у племянника, натолкнулись на сопротивление последнего. Он утверждал, что «старик успел израсходовать всю свою наследственную часть на свое прожитие в Сибири и на золотопромышленное предприятие»¹²⁵. Произошел конфликт, и уже в декабре 1859 г. семья А. В. Поджио покинула Знаменское, оставшись со своим маленьким капиталом, т. е. с 5000, и без постоянного пристанища¹²⁶.

Трудно сказать, насколько серьезным было намерение А. В. Поджио перебраться на жительство в Киевскую губернию, о чем он писал московскому генерал-губернатору, бывшему своему сослуживцу П. А. Тучкову в официальном прошении. Генерал-губернатор своей властью разрешил Поджио задержаться в Москве по болезни до 15 января 1860 г. По истечении этого срока к поднадзорному декабристу явился квартальный надзиратель и предложил выехать из Москвы. «Поджио словесно отозвался, что он по

¹²³ Дети И. В. Поджио именовались Осиповичами.

¹²⁴ Письмо 54.

¹²⁵ Белоголовый. С. 336.

¹²⁶ ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 206 об. (письмо Л. А. Поджио Н. А. Неустроевой от 30 апр. 1860 г.).

болезни выехать не может и что на дальнейшее пребывание будет испрашивать разрешение генерал-губернатора»¹²⁷. Как сообщал П. А. Тучков шефу корпуса жандармов, Александр Поджио «обратился <...> с просьбою о дозволении ему пробыть здесь до окончания водолечебного курса, не далее, впрочем, будущей весны, с наступлением коей намерен отправиться на постоянное жительство в Сибирь, сколько по привычке к тамошнему климату, столько же и по неимению здесь положительных средств к жизни»¹²⁸.

28 января 1860 г. Поджио «выехал из Москвы Звенигородского уезда в сельцо Никольское» (имение знакомого по Сибири К. Я. Дарагана), но и туда 14 февраля явился становой пристав и объявил под расписку предписание земского исправника немедленно явиться к генерал-губернатору. Столь суровое обращение с поднадзорным было особенно нелепо, ибо явиться-то надо было, чтобы узнать о «монаршей милости» — разрешении задержаться в Москве!¹²⁹

Никольское было взято в аренду¹³⁰, и Поджио провели в нем 1860-й и половину 1861 г. Здесь Александр Викторович пережил одно из крупнейших событий в жизни — крестьянскую реформу. Отсюда он писал Е. И. Якушкину, С. П. Трубецкому, Г. С. Батенькову, прося их узнать и сообщить ему подробности о продававшихся имениях. Его интересовало, «есть ли дом и какого размера», есть ли сад, огород, каковы расстояния от города и от железной дороги, размеры запашки, покосов, леса¹³¹. «Дело не в доходе, — писал он 30 марта 1860 г. Е. И. Якушкину, — а в тихом и сколько возможно приятном пристанище»¹³².

За эти полтора года Поджио не раз побывал в Москве, причины поездок чаще всего были грустными: в ноябре 1860 г. он был вызван в связи с тяжелой болезнью С. П. Трубецкого, через две недели приезжал на его похороны, в феврале 1861 г. — на похороны Н. В. Басарги-

¹²⁷ ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 5.

¹²⁸ ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 33. Л. 19—19 об.

¹²⁹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 9—12.

¹³⁰ ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 163 (письмо Л. А. Поджио Н. А. Неустроевой от 22 мая 1860 г.).

¹³¹ Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 55—56 об.; Ф. 1143. Оп. 1. Д. 72. Л. 236—237 об.; Письмо 62.

¹³² ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 56 об.

на¹³³. В последний свой приезд А. В. Поджио задержался в Москве надолго, что было связано с новым приступом болезни, и выехал он из Москвы только 8 мая 1861 г.¹³⁴

Попытки А. В. Поджио приобрести собственное имение не увенчались успехом, и, завершив дела в Никольском, осенью 1861 г. он перебрался в село Шуколово Дмитровского уезда Московской губернии, принадлежавшее Сергею Молчанову, семилетнему внуку С. Г. Волконского. И здесь было «работы много по крестьянскому вопросу и по <...> наделу»¹³⁵.

Вообще и в Сибири, и в послесибирский период своей жизни декабрист внимательно следил за решением крестьянского вопроса и горячо откликался на все повороты в ходе этой важнейшей части реформ 1860-х гг. в России. Все эти годы А. В. Поджио был убежден в необходимости освобождения крестьян с землей. Он утверждал, что крестьяне уверены в своем праве на землю, что дать им надел — значит не допустить разорения и пролетаризации и что если нельзя отдать землю крестьянам бесплатно, то надо вменить обязательный выкуп. При этом Поджио не в меньшей степени волновала и угроза разорения помещиков, особенно мелких. Слух о возможности проведения крестьянской реформы по образцу остзейских губерний, то есть с личным освобождением, но без земли, вызвал у него не только гнев и возмущение, но и страх. «Эта мера, — писал он Н. Д. Свербееву, — поставит сейчас же оба сословия во враждующие отношения»¹³⁶, приведет к гибели хозяйств, запустению земель. Интересно, что на представления декабриста о том, чем обосновывается право крестьян на землю, как кажется, повлияло распространенное в Сибири обычное право, основанное на захватном землепользовании («вы колом не вышибете у него из головы, чтобы земля, расчищенная им, или дедом, или прадедом <...>, не была бы его собственностью — не по вашим понятиям о праве, а по понятию первого занявшего»¹³⁶). Освобождение крестьян с землей Поджио считал осуществлением части декабристской программы и напоминал, что первым эту идею выдвинул Пестель.

¹³³ Белоголовый. С. 451—452; ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 19.

¹³⁴ ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 27.

¹³⁵ ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 214 (письмо Н. А. Неустроевой).

¹³⁶ Письмо 58.

Обосновывая тезис о необходимости освобождения крестьян с землей за выкуп, А. В. Поджио приводит такие аргументы: это будет способствовать примирению интересов помещиков и крестьян, приведет к достижению дворянством некоторой независимости от правительства, поднимет роль дворянства в управлении государством и даже, может быть, сделает возможным введение представительного правления.

Реальное содержание «Положений 19 февраля 1861 г.» было очень далеким от этих надежд и устремлений старого декабриста. Начала, на которых должна была осуществляться реформа, особенно временнообязанное состояние крестьян, явно ему не нравились. Таким образом, для взглядов А. В. Поджио по крестьянскому вопросу в 1850—1860-е гг. было характерно признание необходимости скорейшего и полного личного освобождения крестьян, наделения их землей в размерах обрабатывавшегося ранее надела (в крайнем случае — с небольшим уменьшением) с обязательным выкупом при содействии государства в короткие сроки, чтобы прекратить уродливое временнообязанное состояние и в то же время поддержать помещичьи хозяйства. Все это довольно близко к позиции левых либералов, возглавлявшихся А. М. Унковским¹³⁷.

1861 год стал, как нам кажется, еще одним переломным моментом в биографии Поджио. Убийственной иронией и прежней ненавистью к крепостничеству проникнуто частично опубликованное Н. А. Белоголовым письмо к нему старого декабриста¹³⁸. Поистине до уровня художественного обобщения поднимается Поджио, рисуя образы соседей-помещиков, которые не смогли примириться с реформой. Обращает на себя внимание сходство этих образов и ситуаций с теми, что через несколько лет прозвучат в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

В последние сибирские годы и в первое время после возвращения из Сибири декабрист искренне верил в преобразовательные намерения Александра II. Амнистия (возмущаясь ее условиями, Поджио считал, что они противоречили воле царя и виновниками этого были его «слуги»), первые действия по подготовке крестьянской ре-

¹³⁷ Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1979. С. 219.

¹³⁸ Белоголовый. С. 343—345. Полностью в наст. изд., письмо 72.

формы, слухи о других готовившихся преобразованиях — все это вызывало у А. В. Поджио поистине восторженное отношение. Сибирские его письма показывают, что, несмотря на отдаленность, на отъезд большинства товарищей, на частые и долгие поездки на таежный прииск, он был неплохо осведомлен о важнейших событиях в жизни страны. Сведения черпались из русской и иностранной периодики, рассказов Н. Н. Муравьева и его подчиненных, из писем друзей. Но преобладание информации официального характера, естественная осторожность в письмах к лицу, все еще поднадзорному, отсутствие непосредственных контактов с передовой средой — все это не могло не влиять на отношение к происходящему. Об известной конспиративности писем А. В. Поджио сибирских и последующих лет можно судить хотя бы по тому, что в них ни разу не упомянут бесспорно известный ему «Колокол», и даже о замечке, обвинявшей племянников в невозвращении наследства, говорится иносказательно — «печатанное усердие», «какая-то гласность»¹³⁹. Небезосновательным было и высказанное им опасение, что III отделение «занимается моей перепиской»¹⁴⁰; так, письмо от Ф. Н. Львова он «получил бессовестно распечатанным и нагло припечатанным»¹⁴¹.

По письмам конца 1850-х — начала 1860-х гг. заметно, как изменялось отношение Поджио к правительству и к Александру II. В первые годы царствования нового императора декабрист утверждал: «Государь один за нас, а все его слуги против»¹⁴², намерения царя благородны, но нет «людей, достойных его сердца и его цели»¹⁴³. В дальнейшем все чаще высказывается мысль о необходимости устранения произвола и утверждения законности, все реже осуждаются репрессии правительства против революционеров. Вера в благие намерения царя, в возможность осуществления коренных преобразований «сверху» исчезла довольно быстро. О разочаровании Поджио в освободительной миссии монарха свидетельствует и то, что ни в одном из писем 1861 г. и последующих лет нет выражений

¹³⁹ Письма 72, 76.

¹⁴⁰ Письмо 54.

¹⁴¹ Рус. старина. 1881. № 10. С. 404 (письмо Ф. Н. Львова Д. И. Завалишину от 25 февр. 1861 г.).

¹⁴² Письмо 10.

¹⁴³ Письмо 21.

преданности и благоговения, относящихся к царю. На отношение Поджио к монарху могла повлиять непоследовательность крестьянской реформы, в чем он убедился при составлении уставных грамот в Шуколово.

Жизнь Поджио в этот период была омрачена тяжбой со старшим племянником. В конце 1861 г. в отношении дяди и племянника попытался вмешаться М. С. Волконский. Будучи знаком с А. О. Поджио, «он обратился к нему, как к человеку благородному, и в дружеских выражениях напомнил ему его святую обязанность», но из этого ничего не вышло¹⁴⁴. Более действенным оказалось вмешательство Н. А. Белоголового, который апеллировал к Герцену. Популярность и влияние «Колокола» сыграли свою роль, и после публикации заметки «А. В. Поджио и его племянники»¹⁴⁵ и еще более резкой заметки П. В. Долгорукова, в которой «презренный поступок» назывался воровством¹⁴⁶, А. О. Поджио согласился решить дело третейским судом. Опубликованное в газетах решение суда объявляло А. О. Поджио невинным «в отношении распущенного об нем слуха», так как он «делал и сделал все, что совесть на него возлагала»¹⁴⁷. В то же время А. В. Поджио писал Е. И. Якушкину, что по предложению суда племянник уплатил ему 6600 рублей¹⁴⁸. Возможно, было принято компромиссное решение — принудив А. О. Поджио к уплате долга, затем обелить его в глазах общественного мнения. Сам факт публикации этого решения не только в «Русском инвалиде», но и в «Колоколе» доказывает, что именно вмешательство Герцена заставило А. О. Поджио пойти на уступки.

30 мая 1862 г. А. В. Поджио выехал из Москвы в Воронки, имение Н. А. Кочубея, второго мужа Е. С. Волконской¹⁴⁹. Оно стало последним пристанищем семьи декабриста в России. В начале лета 1863 г. А. В. Поджио подал прошение о выезде за границу для лечения на год. Не только собственное болезненное состояние, но и необходимость помочь приютившей его Елене Сергеевне за-

¹⁴⁴ ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 32 об. (письмо Л. А. Поджио Е. И. Якушкину от 2 янв. 1862 г.).

¹⁴⁵ Колокол. 1861. 15 июля. Л. 103.

¹⁴⁶ Долгоруков П. В. Поступок господ Поджио // Будущность. 1861. 4 авг. № 15. С. 119.

¹⁴⁷ Русский инвалид. 1862. 15 мая, № 107; Колокол. 1862. 1 июня. Л. 135.

¹⁴⁸ Письмо 76.

¹⁴⁹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 31.

ставляла А. В. Поджио выехать за границу: врачи настоятельно рекомендовали увезти тяжело больного Н. А. Кочубея в Италию. Осенью 1863 г. семьи Поджио и Кочубеев выехали из России, а весной 1864 г., после смерти Н. А. Кочубея, вернулись в Воронки. В этом же году в жизни А. В. Поджио произошла радикальная перемена: он надолго уехал из России. В прошении было указано на необходимость лечения в Швейцарии, подлинной же причиной было желание дать образование дочери. Родители не хотели отдавать ее в закрытое учебное заведение, а для того, чтобы дать хорошее образование в домашних условиях, не хватало средств. Швейцария привлекала сравнительной дешевизной жизни и хорошими женскими учебными заведениями. К этому времени финансовые ресурсы семьи складывались из 6 тысяч, возвращенных А. О. Поджио, 5 тысяч, вывезенных из Сибири, и 5 тысяч, завещанных Н. А. Кочубеем «дочери друга моего А. В. Поджио»¹⁵⁰ — впрочем, последнюю сумму Е. С. Кочубей выплатила лишь через несколько лет. Хотя и нерегулярно, но поступали также какие-то суммы и от племянниц — размер этих поступлений, к сожалению, установить не удалось. Деньги были отданы под проценты сначала К. Я. Дарагану, а затем М. С. Волконскому, тратились только проценты, из капитала брали лишь в экстренных случаях. Как писал Александр Викторович М. С. Волконскому, его средств было недостаточно, чтобы обеспечить дочери безбедную жизнь, но должно было хватить для того, чтобы дать ей такое образование, которое бы позволило самой зарабатывать на жизнь¹⁵¹.

Можно предположить, что отъезд за границу был вызван не только житейскими соображениями, но и крушением надежды на скорые решительные перемены в России.

Оказавшись в Швейцарии, Поджио не потерял интереса к происходившему на родине. Он с обостренным вниманием следил за русскими и иностранными газетами и журналами, откликался на все важные события, комментируя их в письмах с прежней пылкостью. Пресса не была единственным источником информации. В Швейцарии в жизни Поджио произошло еще одно знаменательное событие — он познакомился с А. И. Герценом.

¹⁵⁰ ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1733. Л. 5.

¹⁵¹ Там же. Д. 770. Л. 41.

1 января 1865 г. А. И. Герцен писал дочерям: «Утром взошел ко мне очень старый господин, седой и прекрасный,—это Поджио, который был один из главных деятелей 14 декабря, точно такой же сохранившийся старец, как Волконский. Он был сослан на 25 лет каторги и теперь исполнен энергии и веры. Я был счастлив его посещением»¹⁵². Подробнее об этом визите писал он на другой день Н. П. Огареву: «Часов в 11 <...> явился старец с необыкновенным, величаво энергическим видом. Мне сердце сказало, что это кто-то из декабристов. Я посмотрел на него и, схватив за руки, сказал: «Я видел ваш портрет!» — «Я Поджио»... Этот сохранился еще энергичнее Волконского (который при смерти болен!). Господи, что за крах людей! Иду сейчас к нему»¹⁵³. Об осуществлении своего намерения он также сообщил Огареву: «Вчера был у старика Поджио — титаны»¹⁵⁴.

По воспоминаниям Н. А. Белоголового, дружеские встречи и беседы старого декабриста с А. И. Герценом были довольно частыми. «<...> Поджио слишком высоко ценил громадный публицистический талант Герцена, благородство его стремлений, его боевые заслуги, особенно в борьбе с их общим врагом — Николаем I, чтобы не отозваться горячо на это сближение»¹⁵⁵. А. В. Поджио передавал Герцену для русских эмигрантов прочитанные газеты, выписываемые для него друзьями. Герцен подарил (24 декабря 1864/5 января 1865 г.) Варе Поджио книгу с надписью: «От одного глубокого почитателя вашего отца в знак памяти о Женеве»¹⁵⁶. Предположение, что Лиза Герцен училась вместе с В. Поджио в пансионе Фрелиха в Берне¹⁵⁷, не подтвердилось — Поджио в 1865 г. жили в Женеве, а не в Берне.

«Вскоре,— как вспоминал Н. А. Белоголовый,— после

¹⁵² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1965. Т. 28. С. 7—8 (далее: Герцен).

¹⁵³ Там же. С. 8.

¹⁵⁴ Там же. С. 9.

¹⁵⁵ Белоголовый. С. 366.

¹⁵⁶ Герцен. Т. 28. С. 263.

¹⁵⁷ Там же. С. 312—313. Ошибочность этого предположения отмечена и составителями «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» (М., 1987, кн. 4, с. 139). Приходится отметить еще одну ошибку — у А. В. Поджио не было сына, о котором говорится в комментарии к письму Н. П. Огареву от 3(15) апр. 1865 г. (Герцен. Т. 28. С. 303).

искренних излияний первых встреч Герцен и Поджио перешли к обсуждению современных тем, и тут не замедлила обнаружиться заметная рознь между ними¹⁵⁸. Именно о такой «розни» писал Герцен Огареву в сентябре 1865 г.: «Сейчас прислал Лессер письмо, Долгоруков мне слишком друг — этого не переделаешь вдруг. Падение Поджио — еще педжио [от итал. *péggio* — хуже] — мне это очень больно за него <...>. А Поджио мне жаль»¹⁵⁹. К сожалению, неизвестно, что послужило конкретным поводом для этой размолвки. Но, думается, она была не единственной.

До поры до времени горячие споры не нарушали добрых отношений, но в начале 1866 г. произошел конфликт. Поводом к нему послужила публикация некролога С. Г. Волконскому, написанного П. В. Долгоруковым. «Негодование против некролога Волконского, напечатанного Долгоруким, — вспоминал Н. А. Белоголовый, — привело к личному неприятному объяснению Поджио с Долгоруким, а вслед за тем к охлаждению отношений между первым и Герценом». По воспоминаниям Белоголового, Поджио вообще сторонился Долгорукова, «не доверяя ни искренности его политического фрондерства, ни даже порядочности его нравственных правил»¹⁶⁰. Столкновение описано в очерке Н. А. Белоголового, еще больше оно проясняется из публикуемых в настоящем издании писем А. В. Поджио Н. А. Белоголовому и М. С. Волконскому¹⁶¹. Позже «недоразумение это <...> сгладилось», и когда в 1866 г. Герцен покидал Женеву, «он расстался с Поджио так дружески, как будто никаких размолвок между ними и не было»¹⁶².

Дело, конечно, не в недоразумении — политические взгляды А. В. Поджио и А. И. Герцена существенно различались, речь могла идти лишь о преодолении личного конфликта. Поджио были чужды социалистические идеалы Герцена, его вера в революционные возможности русского народа, он считал бесполезной и даже невозможной деятельность революционной организации в условиях современной ему России. В отличие от Герцена Поджио отри-

¹⁵⁸ Белоголовый. С. 366.

¹⁵⁹ Герцен. Т. 28. С. 104—105. Лессер Рихард — владелец книжного магазина в Веве, в котором встречались русские эмигранты (там же, с. 310).

¹⁶⁰ Белоголовый. С. 370, 371.

¹⁶¹ Подробнее см. письма 88—90 и примечания к ним.

¹⁶² Белоголовый. С. 373.

цательно относился к студенческим волнениям 1861 г. Как и многие современники, он боялся, что действия радикально настроенной молодежи приведут к отказу правительства от курса на реформы. Столкновение «образованного класса <...> с силой грубой, материальной <...> выказывает только бессилие; бессилие же ведет к трате того последнего нравственного влияния, которым пользовалось наше студенчество»¹⁶³. Эта позиция явно сближает Поджио с либеральными кругами, как и свойственная, впрочем, и Герцену, идеализация норм и порядков буржуазной демократии. Обращает на себя внимание сходство отношения Герцена и Поджио к покушению Д. В. Каракозова. Об этом событии А. В. Поджио писал Н. А. Белоголовому 10 апреля 1866 г.: «Признаюсь вам, что это известие так нас поразило, что едва и теперь допускаешь эту возможность. <...> Такое дело не бывало и немыслимо в России. Все это пока загадочно, ничего не ведаем, но я уверен, что это факт, вовсе отдельным совершенный каким-нибудь безумцем-идиотом»¹⁶⁴. Вопрос о том, стоит ли за покушением революционная организация, обсуждался тогда всей печатью¹⁶⁵, и Герцен в «Колоколе» утверждал: «Выстрел безумен. <...> Мы решительно не верим ни в серьезный, ни в огромный заговор»¹⁶⁶.

А. В. Поджио был знаком не только с Герценом, но и с В. И. Касаткиным, С. Тхоржевским, другими эмигрантами. В 1865 г. произошла встреча декабриста с юной Софьей Перовской, будущей героиней «Народной воли». Двенадцатилетняя девочка приехала вместе с матерью к больному дяде, жившему тогда в Женеве¹⁶⁷. А. В. Поджио был знаком с П. Н. Перовским по Иркутску, где тот бывал проездом в Пекин с дипломатическими поручениями. На память о встрече в Женеве осталась фотография двух девочек — Сони Перовской и Вари Поджио.

Круг знакомых А. В. Поджио весьма обширен — среди них не только политические деятели и эмигранты из многих стран Европы, но и пастухи, сыровары и другие жите-

¹⁶³ Письмо 74.

¹⁶⁴ ГБЛ. Ф. 22, 4.9. Л. 2 об.

¹⁶⁵ Герцен. Т. 19. С. 59.

¹⁶⁶ Там же. С. 69.

¹⁶⁷ Перовский В. Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.; Л., 1927. С. 30.

В. ПОДЖИО И С. ПЕРОВСКАЯ
Фотография. Женева, 1865

ли горной Швейцарии¹⁶⁸. Он встречался и переписывался со многими русскими, не забывал и сибиряков. Наиболее близкими ему людьми были Елена Сергеевна и Михаил Сергеевич Волконские, и в их жизни Поджио играл заметную роль.

Лето 1868 г. семья Поджио провела в Воронках, что было связано с третьим браком Е. С. Кочубей, которым были недовольны все близкие и которому безуспешно пы-

¹⁶⁸ Белоголовый. С. 381.

тался помешать Поджио. Это была его предпоследняя поездка в Россию. В 1870 г. Поджио переехали в Италию, во Флоренцию — там жил знаменитый музыкант Ганс фон Бюлов, у которого училась Варя. В декабре 1872 г. Александр Викторович тяжело заболел, весной 1873 г. по настоянию больного его перевезли в Воронки. «Он надеялся, что ему еще можно помочь, ему хотелось прожить до свадьбы Вареньки, которая была назначена на 1-е июля»¹⁶⁹, был вызван Н. А. Белоголовый, но все было бесполезно, и 6 июня 1873 г. Александр Викторович Поджио скончался.

«Не стало нашего почтенного учителя и друга <...>, — писал Н. А. Белоголовый брату 19(31) июля 1873 г., — последние месяцы своей жизни он так страдал, что даже желали его смерти; похоронили его рядом с С. Г. Волконским. («В часовне подле Волконского, как он и желал», — уточняла жена Н. А. Белоголового в том же письме.) <...> После него остались только начатые и незаконченные мемуары, которыми, вероятно, распорядится М. С. Волконский, как ближайший к покойному человек»¹⁷⁰.

Автограф «Записок» А. В. Поджио сохранился, но не в архиве М. С. Волконского, а в фонде Н. А. Белоголового¹⁷¹. Время их создания можно определить только по содержанию. Исходя из него, можно установить, что «Записки» (большая часть их, во всяком случае) написаны не позднее первой половины 1870 г. — автор не знает об отмене Парижского мирного договора 1856 г., что произошло в октябре 1870 г. Упоминание об отмене крепостного права и других реформах 1860-х гг. позволяет определить, что «Записки» созданы не ранее середины 1860-х гг.

В 1876 г. вдова декабриста писала Е. И. Якушкину, что она вместе с дочерью и зятем готовит «Записки» к пе-

¹⁶⁹ ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 87 об. (письмо С. П. Белоголовой к Н. А. Белоголовой от 19(31) июля 1873 г.). 15 авг. 1873 г. В. А. Поджио вышла замуж за Владимира Степановича Высоцкого. Брак оказался неудачным, муж скоро промотал свое состояние, семья жила лишь на те средства, что зарабатывала В. А. Высоцкая уроками и содержанием пансиона во Флоренции. Через несколько лет супруги расстались. Из внучек А. В. Поджио в Россию вернулась Мария Владимировна Сукачева, художница.

¹⁷⁰ ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 90 об.

¹⁷¹ ГБЛ. Ф. 22, 4.1.

чати¹⁷², по словам Л. А. Поджио, то была большая и длительная работа. В результате ее появился текст, известный как копия Высоцкой¹⁷³. Дочь А. В. Поджио в 1898 г. передала его через вдову Н. А. Белоголового, Софию Петровну, Е. С. Некрасовой — известной собирательнице герценовского наследия и создательнице «Комнаты людей 40-х годов» Румянцевского музея. Сообщая об этом Е. С. Некрасовой, С. П. Белоголовая писала, что с автографа был сделан также список ею и Н. А. Белоголовым, он оставался после смерти Н. А. Белоголового у издателя его сочинений Г. А. Джаншиева¹⁷⁴ — возможно, в связи с намерением Н. А. Белоголового опубликовать «Записки» А. В. Поджио. Судьба этого списка в настоящее время не установлена.

В предваряющей «копию Высоцкой» вступительной записке Е. С. Некрасова писала, что предисловие к «Запискам» принадлежит В. А. Высоцкой. С. П. Белоголовая сообщала Е. С. Некрасовой, что «как бы предисловие к запискам <...> писано мною»¹⁷⁵. По нашему мнению, почерк, стиль, содержание его указывают на авторство Н. А. Белоголового. Так, в предисловии говорится: «Личность Александра Викторовича была обаятельная; все, кому выпадало счастье с ним встретиться, невольно поддавали под обаяние, которое вызывал этот характер <...>. При чтении этих загробных записок <...> образ покойного рисуется как живой с его страстной фразировкой и складом речи»¹⁷⁶, — и общий тон, и отдельные выражения очень близки к очерку Н. А. Белоголового об А. В. Поджио. Возможно, что от Н. А. Белоголового это предисловие попало к В. А. Высоцкой и хранилось ею вместе с «Записками».

Как показывает сопоставление, «копия Высоцкой» имеет разночтения с автографом. Присоединен к началу отсутствующий в автографе отрывок о происхождении и жизни в России В. Я. Поджио (нами публикуется отдель-

¹⁷² ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 39—42 об., 53—54 об.

¹⁷³ ГБЛ. Ф. 218, 59.6.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 196, 10.31.

¹⁷⁵ Там же. Л. 4. Текст предисловия впервые опубликован И. В. Порохом в кн.: Мемуары декабристов. Южное общество. С. 325—326.

¹⁷⁶ ГБЛ. Ф. 218, 59.6. Л. II—II об.

но)¹⁷⁷. Наконец, при подготовке «копии» проведена редакторская правка, сгладившая своеобразный стиль А. В. Поджио.

Все это дает нам основание считать, что так называемая копия Высоцкой является по существу редакцией «Записок» Поджио, осуществленной после его смерти вдовой и дочерью декабриста. Таким образом, подлинный авторский текст А. В. Поджио до сих пор не публиковался.

Названное при первом упоминании в письме Н. А. Белоголового брату 1873 г. «мемуарами» сочинение А. В. Поджио позже получило наименование «Записки» — так оно названо на первом листе «копии Высоцкой» и в воспоминаниях Н. А. Белоголового: «После смерти Поджио я получил от семьи его несколько тетрадок, найденных в его вещах. Очевидно, он хотел набросать свои записки о процессе декабристов»¹⁷⁸. Это суждение о намерениях А. В. Поджио основывалось и на содержании «Записок», и, вероятно, на следующем замечании их автора: «Все высшее (ход следствия.— Н. М.) и следующее будет мною подробно исследовано в разборе критическом нашего дела»¹⁷⁹.

Большинство публикуемых материалов создано довольно поздно, через несколько десятилетий после восстания 14 декабря. Размышления декабриста, пережившего многих своих товарищей, его реакция на события второй половины XIX в. позволяют проследить эволюцию взглядов одного из рядовых участников движения в течение длительного времени. Подробно идейные позиции Поджио в разные периоды его жизни уже рассматривались. При известной нечеткости и внутренней противоречивости взглядов Поджио в их развитии все же можно выделить несколько переломных моментов. О кризисах, сомнениях и колебаниях в 1823—1826 гг. уже говорилось, о взглядах в следующие 30 лет источники молчат. Важным моментом в духовной жизни Поджио, о котором стало известно из его писем, был конец 1850-х—начало 1860-х гг., когда общественный подъем, приступ правительства к реформам оживили старые надежды и породили новые — на возмож-

¹⁷⁷ За исключением этого отрывка, «копия Высоцкой» не содержит ничего нового по сравнению с оригиналом.

¹⁷⁸ Белоголовый. С. 401.

¹⁷⁹ Наст. изд. С. 98—99.

ность преобразований «по манию царя». Примерно к середине 1860-х гг. эти иллюзии были исчерпаны. Вероятно, именно тогда Поджио и принялся за свои «Записки».

«Записки» А. В. Поджио не являются воспоминаниями в полном смысле слова. Они содержат рассказ о следствии, суде, объявлении приговора, но в то же время автор стремится выяснить причины выступления декабристов и их поражения, определить историческое место и смысл их движения. Своеобразие «Записок» определяется как сочетанием этих двух начал — мемуарного и аналитического, так и тем, что сам автор считал все свои рассуждения отступлением от основной нити повествования и постоянно возвращал себя к ней.

Начав с воспоминаний о том, как был объявлен приговор, А. В. Поджио переходит к доказательству неправомерности, незаконности следствия и суда, а затем высказывает одну из важнейших для себя идей: подавление восстания декабристов, вынесение им сурового приговора означало разгром передовых сил России и на многие годы предопределило ее историю, приведя к пагубному застою в стране, а затем и к поражению в Крымской войне. Позже он вновь обращается к этой мысли и отмечает, что решение суда имело значение не только для подсудимых. Оно должно было стать первым шагом нового царствования, шагом, который сразу бы определил его характер: либо мягким приговором признать те начала, «которых были мы отчасти представителями», либо суровым приговором отвергнуть эти начала. С горечью вспоминая об откровенности подсудимых, Поджио все же не считает, что она обусловила жестокий приговор — он был предрешен, но показания подсудимых дали «повод к оправданию <...> зверских наказаний».

Размышляя о причинах событий. 1826 г., Поджио совершает экскурс в историю России и подчеркивает ее своеобразие. Характерное для декабристов преувеличение демократических начал в допетровской Руси сочетается у него с отрицательной оценкой петровских преобразований, поскольку главный их смысл Поджио видел в усилении абсолютизма. Наряду с особым интересом к истории петровского времени, которое Поджио считал переломным в истории России, для «Записок» характерно пристальное внимание к истории конца XVIII — начала XIX вв., к

Французской революции, отношениям России и Франции и вообще к внешней политике России.

Новое историческое отступление Поджио связано с попыткой найти декабристам предшественников в русской истории. Он категорически отказывается признать таковыми участников дворцовых переворотов, раскольников, Разина и Пугачева. Но, отрицая их в качестве «для себя образцов», он отрицает их по-разному. Первые — «люди, косневшие в злоупотреблениях и чуждые всякому благому стремлению». Вторые, как и все бывшие в России «смуты, бунты и восстания», не могли служить образцом потому, что «все они имели особенный, по большей части временный характер, не имеющий никакой связи, никаких отношений с общим характером страны». Обращаясь к современным выступлению декабристов событиям в Европе, Поджио указывает на «всеобщие, почти одновременные восстания». Но если в Европе «идет почти что равносильная борьба <...> и если казни не оправдываются, то, по крайней мере, объясняются страхом одних, мщением других», то Россия оставалась, по его мнению, чуждой совершавшемуся в Европе движению. Это ошибочное утверждение (как и еще более несправедливое и парадоксальное отрицание декабристом самого факта существования в России тайного общества) призвано было обосновать важный для автора вывод: приговор, вынесенный декабристам, был неправомерным как с юридической, так и с политической точки зрения.

Характерная для Поджио идеализация норм буржуазной демократии не только отражала ограниченность дворянской революционности, но и была направлена против самодержавия. Более того, он отмечал в «Записках», что реформы 1860-х гг. не изменили коренным образом порядков в России, «и все пошло <...> тем же путем! путем ничем, никем не обузданного произвола».

«Записки» пронизаны горькой мыслью о неизменном консерватизме русского крестьянина, как основе сохранения существующего положения в стране. Поджио пытался сам опровергнуть этот собственный вывод рассуждением о Пугачеве, называя его «русским Спартаксом» и «гражданином» и противопоставляя законопослушному обывателю из образованного сословия. Стремясь оправдать действия «разбойника» Пугачева, Поджио сравнивает борьбу восставших с войнами, которые вело царское правительст-

во, и называет последние подлинным хищничеством и разбоем.

Рассуждая о том, что же делать «нам, то есть народу», Поджио пришел к пессимистическому выводу: крестьянская масса, по его мнению, — бессловесная мученица, смиренная и покорная, неспособная на революцию. «Никакая мысль о самоуправлении не проникала в эту забитую народную толпу, загнанную в тюрьму!! Она так свыклась, до того сроднилась с этой тюремной жизнью, что затворничество ей стало так любо, как любя для иных свобода!» Пессимизм А. В. Поджио имел некоторые основания: «революционное движение в России было тогда, — как писал В. И. Ленин о начале 1860-х гг., — слабо до ничтожества»¹⁸⁰. «В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу»¹⁸¹.

На последних страницах «Записок», однако, звучат более оптимистические ноты: если русский народ и консервативен, то тем прочнее его завоевания — он не отдаст их; если в истории России и не было, по мнению Поджио, революционного движения, то «не указ нам старина!.. Как предшествующие нам исторические поколения жили своею жизнью, так своей заживем и мы! <...> Мы проложим себе посредством прямого представительства тот новый путь, самым богом предназначенный к новой жизни». Горестные размышления о консерватизме народа, как уже отмечалось, сменяются более оптимистическими утверждениями о перспективах развития страны: «Мы осушим все смрадные нечистоты, накопившиеся в административных завалах; пробьем <...> просеку сквозь сомкнутые ряды чиновничества, непотребного этого люда; и, наконец, <...> уравнием прав всех и каждого мы проложим себе посредством прямого представительства тот новый путь, самым богом нам предназначенный к новой жизни». Верность однажды избранному пути прозвучала и в поэтических строках А. В. Поджио: «Я старый тот же все преступник, поклонник истины святой».

«Записки» А. В. Поджио имеют значение не столько как воспоминания, содержащие конкретные сведения, исто-

¹⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 172.

¹⁸¹ Там же. С. 140.

рические факты (хотя и это очень важно), сколько как памятник общественной мысли. Именно рассуждения и размышления автора составляют главную их ценность.

Настоящее издание «Записок» осуществляется по подлиннику. Он представляет собой шесть тетрадей, начало текста написано рукой Л. А. Поджио (л. 1—2 об.), остальное — рукой А. В. Поджио, карандашом и чернилами (л. 1—2 об., 33, 120). За текстом «Записок» мы поместили отрывки, находящиеся в тех же тетрадах, но не имеющие прямой связи с предшествующим текстом, — судя по их содержанию, это варианты или черновики отдельных разделов. Затем следует отрывок о происхождении и жизни в России В. Я. Поджио, отсутствующий в автографе (возможно, он был написан на несохранившихся листах и присоединен при создании «копии Высоцкой», по которой он и публикуется). Впервые печатаются единственное обнаруженное стихотворение А. В. Поджио, а также незавершенный фрагмент публицистического сочинения «Чему быть?», вероятно предназначавшийся для печати.

Представления о взглядах А. В. Поджио в последние годы его жизни, естественно, основываются не только на «Записках», но и на его письмах. В них предстает человек, привыкший к довольно скромному образу жизни, осуждающий барские замашки некоторых своих корреспондентов. Его письма наполнены хозяйственными советами и рассуждениями о путях развития производительных сил России, о необходимости подъема ее промышленности, перехода к интенсивным методам ведения сельского хозяйства с использованием последних достижений агрономической науки (как современно многие из них звучат и сегодня!). Он критикует одностороннее увлечение строительством железных дорог, настаивает на более равномерном размещении капиталов и более разностороннем развитии экономики, считает полезным введение протекционистской системы. Все эти рассуждения подчинены одной цели: «Хочу <...> видеть Россию государством промышленным и потому независимым, самобытным»¹⁸².

Порядки в России второй половины 1860-х гг. вызывали у А. В. Поджио отвращение и тем более возмущали, что, по его мнению, в России не было противодействующих власти сил¹⁸³. Он утверждал, что «комитеты, за-

¹⁸² Письмо 121.

¹⁸³ Письмо 100.

говоры, общества выброшены как средства, не соответствующие требованиям большинства, а не меньшинства, как это водилось»¹⁸⁴. Свое прошлое, революционную борьбу декабристов он не осуждал, но считал прежние методы исчерпавшими себя, устаревшими. Теперь невозможны, неприемлемы действия для народа, но без народа. Убеждение в опасности самых прогрессивных преобразований, если они осуществляются при неподготовленности к ним народа, навязываются ему революционным меньшинством, высказывается Поджио неоднократно.

Социализм для Поджио — «красное страшилище»¹⁸⁵, но он же язвительно замечает: «Я еще не успел себе уяснить с точностью смысл, придаваемый в смысле полицейско-административном словам: порядок и беспорядок»¹⁸⁶. Настойчиво повторяет он из письма в письмо, из года в год: «Власть милующая сильнее власти карающей <...>, сила не в каре, а в праве»¹⁸⁷; «Виселица, плаха не могут же быть в беспрестанном действии и служить, как ошибочно полагают, и страхом, и примером»¹⁸⁸. Это не только призыв к милосердию, но и политическая позиция, убеждение в необходимости введения демократических норм. Утверждая ненужность и даже вредность поспешных революционных действий («надо предоставить времени, которое разрешает мимо нас вопросы»¹⁸⁹), он в то же время с надеждой и сочувствием смотрел «на нашу молодежь, эту будущую нашу силу»¹⁹⁰.

Те же идеи характерны для него и в отношении к польскому национально-освободительному движению: «Не усмиренная, а примиренная Польша грозит тем окончательным великим шагом, который должен поставить Россию в главу славянского, теперь рассеянного мира! Сплотить их на автономическом современном новом праве — вот наша единственная политика, цель великая, святая!»¹⁹¹ Величие России только возрастет при условии, что союзники будут слышать от нее «великий русский освободительный

¹⁸⁴ Письмо 97.

¹⁸⁵ Письмо 133.

¹⁸⁶ Письмо 123.

¹⁸⁷ Письмо 99.

¹⁸⁸ Письмо 97.

¹⁸⁹ Письмо 100.

¹⁹⁰ Письмо 129.

¹⁹¹ Письмо 110.

язык», а не «язык коварный, притеснительный»¹⁹². Изменилась оценка декабристом политики Александра I по отношению к Польше — теперь он одобрял конституционные планы царя¹⁹³.

Вообще А. В. Поджио отличает особенно пристальное внимание к международной политике и внутренним событиям в жизни европейских стран. Восторженно относится он к Гарибальди, настороженно, а затем с ненавистью — к Бисмарку, клеймит Наполеона III, видя в нем врага России, дела мира и свободы в Европе, горячо одобряет борьбу испанского народа против монархии Бурбонов, хотя и не верит в прочность республики в Испании. Подлинным потрясением для Поджио стали кровавые события франко-прусской войны. В начале ее антибонапартистские настроения заставляют его поддерживать Пруссию, но после падения Наполеона III он всей душой на стороне Франции. Анализ и оценка происходивших событий, попытки предвидеть их возможное развитие (интересно, что военные действия рассматривались им с позиций профессионала) — этим полны письма последних лет.

Письма А. В. Поджио позволяют восстановить страницы его жизни, проследить эволюцию его мировоззрения, представить духовный облик этого человека, его интересы и склонности, привязанности и заботы. Из писем видно, как угнетало А. В. Поджио беспокойство о будущей судьбе дочери, как страдал он от одиночества и чувства невыполненного долга перед семьей, которую он не в состоянии был обеспечить. В письмах к младшим, к детям друзей, нередко встречаются обращения с просьбой не оставить семью после его смерти, а письма М. С. Волконскому конца 1860-х — начала 1870-х гг. полны благодарности прежде всего за то, что последний взял на себя заботу о благосостоянии В. Поджио¹⁹⁴.

Публикуемые в настоящем издании письма А. В. Поджио не исчерпывают всего эпистолярного наследия декабриста. Из 270 выявленных писем печатается 150, в том числе 141 впервые. Публикация всех писем невозможна ввиду ограниченности объема издания. В настоящий том

¹⁹² Письмо 120.

¹⁹³ Письмо 110.

¹⁹⁴ М. С. Волконский впоследствии распоряжался капиталом, принадлежавшим В. А. Высоцкой, размещал его и высылал ей проценты (см. счет по капиталу Высоцкой 1886 г.—ГБЛ. Ф. 56, 1.61).

не включены имеющие форму писем прошения официальным лицам (за единственным исключением), а также письма, посвященные исключительно семейным вопросам и не представляющие общественного интереса. Из нескольких писем сходного содержания, адресованных разным лицам, печатается, как правило, одно.

Основные адресаты писем — С. Г. и М. С. Волконские, С. П. Трубецкой, Е. И. Якушкин, Н. А. Белоголовый, Н. А. Неустроева (Белоголова), И. И. Пущин, М. С. Корсаков, З. С. и Н. Д. Свербеевы. Сохранность писем по годам очень неравномерна: не обнаружено ни одного письма, написанного до восстания, найдено всего одно письмо за годы пребывания на каторге, не удалось найти известных по упоминаниям в переписке декабристов писем А. В. Поджио И. И. Горбачевскому, Н. А. Бестужеву¹⁹⁵, М. И. Муравьеву-Апостолу, а также ни одного письма жене и дочери. Семейный и личный архив А. В. Поджио не обнаружен — возможно, он остался у дочери в Италии.

Сохранилось только несколько писем А. В. Поджио до 1856 г., они содержат немногие, но ценные сведения о жизни и интересах самого автора и его товарищей. Абсолютное большинство сохранившихся писем написано после амнистии. Письма конца 1850-х — начала 1860-х гг., т. е. тех лет, что он провел в Сибири и Европейской России, дают возможность определить его отношение к важнейшим событиям периода первой революционной ситуации в России. Особый интерес представляет замечательное письмо от 6 декабря 1856 г. С. Г. Волконскому. В нем А. В. Поджио с горечью пишет, что амнистия поставила декабристов в «фальшивое, даже абсурдное положение», что «все расторгнуто, разбито, раздроблено в ступе помилования», под угрозой оказалась даже память об их прошлом, «этом великом умершем». Заканчивается письмо предсказанием «нашего общенародного баснословного признания»¹⁹⁶.

Часть писем С. П. Трубецкому и Н. Д. Свербееву

¹⁹⁵ Упомянутое В. В. Даниловым в статье «Декабристские материалы в рукописном отделе ИРЛИ (ПД) АН СССР» (Декабристы и их время: Материалы и сообщения. М.: Л., 1951. С. 275) письмо А. В. Поджио к Н. А. Бестужеву было атрибутировано неверно, к настоящему времени установлено, что речь шла о письме И. И. Горбачевского.

¹⁹⁶ Письмо 10.

вместе с не вошедшими в настоящее издание «Материалами золотопромышленной кампании, образованной С. П. Трубецким, А. В. Поджио и другими»¹⁹⁷, являются новым источником по истории золотопромышленного дела в Сибири. Ценность его в том, что наряду с сухими сводками, цифрами ведомостей и отчетов, составляющими основной массив дела, письма доносят до нас волнения и переживания, надежды и планы неудачливого промышленника. Особый интерес представляют те, в которых говорится о положении рабочих на прииске и в которых столь явно стремление оправдаться — и в подчеркивании их лучшего положения, чем в Европейской России, и в констатации низкой заболеваемости и смертности.

Письма последних двух лет пребывания в Сибири (1857—1859 гг.) содержат любопытные сведения по истории края — описаны пребывание в Иркутске группы американских промышленников и торговцев, прием в их честь у генерал-губернатора; приводятся примеры произвола полиции и т. п.

Немногочисленные письма 1859—1864 гг., проведенных в Европейской России, дают не такую уж частую возможность познакомиться с хлопотами по составлению уставных грамот, увидеть жизнь соседей-помещиков под ироническим взглядом бывшего декабриста.

Большая часть имеющихся в нашем распоряжении писем А. В. Поджио относится к 1865—1872 гг. — последним годам жизни декабриста, проведенным за границей, вдали от родины. Эти письма полны живыми, страстными, взволнованными комментариями и оценками важнейших событий в России и в Европе, характеристиками политических деятелей. Особняком стоят несколько писем, передающих мысли и переживания А. В. Поджио, вызванные смертью С. Г. Волконского и публикацией некролога ему.

А. В. Поджио пережил многих своих товарищей, в последние годы он поддерживал связи с их детьми, и письма его сохранили информацию об их жизни так же, как более ранние — о жизни самих декабристов.

Письма печатаются по автографам¹⁹⁸, сведения об их местонахождении и предшествующих публикациях указы-

¹⁹⁷ ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 35.

¹⁹⁸ Исключение составляет письмо В. К. Кюхельбекеру, которое воспроизводится по публикации М. Ю. Барановской в переводе М. Г. Ашукиной (ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 479—500). Обращение к автографу, хранящемуся в ОПИ ГИМ, оказалось невозможным.

ваются в комментариях к каждому. Расположены они в хронологическом порядке, даты проставляются перед текстом независимо от их места в оригинале. Под строкой помещены пометы адресата, перевод иностранных слов и пояснение архаичных и диалектных русских. Тексты печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, за исключением отдельных слов, написание которых отражало особенности произношения (например, «куды»). В переводах французских текстов по возможности сохранены стилистические особенности авторского письма. Фамилии и имена переданы в авторском написании (кроме очевидных описок), географические названия — в общепринятой транскрипции. Пропущенные в оригинале слова и недописанные части слов заключены в квадратные скобки, зачеркнутые (если их сохранение важно для содержания) приводятся под строкой; подчеркивания переданы курсивом. Некоторые слова и выражения разобрать не удалось, что также отмечено под строкой. Это объясняется трудным для прочтения почерком А. В. Поджио¹⁹⁹.

Публикация и перевод писем и частей писем, написанных на французском языке, осуществлены Н. Д. Голубятниковой. Отдельные иноязычные слова и фразы печатаются на языке оригинала, перевод их дан под строкой, большие по объему тексты приводятся только в переводе.

В заключение приношу глубокую благодарность за советы и замечания, а также помощь в архивных разысканиях А. А. Брегман, С. В. Житомирской, Н. В. Зейфман, С. Ф. Ковалю, С. В. Мироненко, В. П. Павловой, З. И. Перегудовой, Н. Н. Покровскому, И. В. Пороху, М. Д. Сергееву, Б. С. Шостаковичу, Н. Я. Эйдельману, а также сотрудникам ГАИО, ГБЛ, ЦГАОР, ЦГИА, ИРЛИ.

Н. П. Матханова

¹⁹⁹ См. письмо С. Г. Волконского И. И. Пущину от 29 янв. 1857 г., в котором старый друг А. В. Поджио пишет: «От Мельника получил также письмо — на четырех листах, вот уже третий день разбираю, но многого еще не понял» (*Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 113*). Аналогичные замечания есть и в переписке Белоголовых.

ЗАПИСКИ

Десятого июля [1826 года], часов в 11 утра, явился ко мне плац-адъютант с обыкновенным словом «пожалуйте!» Этим словом выражалось приглашение являться в Комитет. Такое приглашение в необычный час (в Комитет нас водили всегда ночью, с какою-то таинственностью, набрасывая на голову платок) меня несколько удивило; но вскоре, взойдя по боковому крыльцу в одну из комнат дома коменданта Сукина, я и товарищи, которых я там нашел, догадались, что дело наше приходило к концу¹. За нами вводились и другие, незнакомые для меня лица; наконец захлопнувшаяся дверь возвестила нам, что число наше ограничится присутствующими*. Здесь находились: Труб[ецкой], Обол[енский], Бяря[тинский], Якубович, Ватковский, близкие мне друзья, и кроме их — члены Славянского общества, для меня вовсе неизвестные, именно: братья Борисовы, Горбачевский, Спиридов, Бечасный². Предполагая по данному ходу дела, что Труб[ецкой] и Обол[енский] были обвиняемы более многих других, мы удивились встрече с людьми, действия которых были нам совершенно неизвестны, а что еще более нас сбивало в наших догадках, то было отсутствие главных членов общества, т. е. Пестеля**, Сергея Муравьева и некоторых других³. Едва успели мы обменяться и передать друг другу наши догадочные заключения, как растворилась противоположная дверь и вошел к нам с спокойным видом священник Баженов⁴. Протянув горячо руку Труб[ецкому] и Обол[енскому], которых он так часто посещал в темнице, принося им утешение в вере, он сказал: «Господа, вам будет читаться приговор, но будьте покойны, государь не хочет

* Далее зачеркнуто: Недолго продолжалось недоразумение наше.

** Далее зачеркнуто: Рылеева.

смертной казни, сердце царево в руке божией». После этих слов он поспешно удалился, имея, вероятно, передать поручение и в другие комнаты, где также были собраны члены общества по категориям, успокаивать и других товарищей, как мы после то и узнали. Нельзя не смутиться при мысли, что, забыв святость сана священника, его же употребили быть вестником такой гнусной лжи, как впоследствии оказалось при казни пятерых!!

Вскоре потребовали нас в соседнюю комнату, из которой мы могли слышать какие-то громкие, прерывавшиеся слова, которых смысл объяснился нам после прочтением приговора смертной казни над пятью лицами, осужденными на смерть. То были: Пестель, Сергей Муравьев, Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский*⁵. Когда все смолкло, нас начали вызывать поименно и ввели по одному в ряд в комендантский зал, вытянули вдоль по стене в стройную шеренгу, имевшую по бокам у каждой двери и у каждого сзади нас окна по два павловских гренадера с ружьями у ноги. Павловские гренадеры, вроде потешных или же лейб-кампанцев, были в ходу⁶. Построение нас в шеренгу при застрельщиках направо и налево и при мерах такой вызванной безопасности должно было быть крайне одобрено фрунтовиками-судьями. Здесь-то, наконец, стала выясняться вся эта таинственная задача, более любопытная, чем мучительная; до того все эти движения, передвижения и все неожиданности подстрекали наше вдруг воскресшее чувство к жизни! Все это так неожиданно представившееся зрелище нас не только не смутило, а скажу, напротив, подоживило какими-то уснувшими у нас силами! Правота дела, все наши убеждения, верования как будто опять ожили, расшевелились, воспрянули при виде такого бесправия, беззакония и насилия назначенного над нами суда, неизвестного для нас!.. Как? Самоуправная власть назначает суд, произвольно назначает судей, облакает их чудовищными правами жизни и смерти над его подсудимыми, и эти подсудимые не знают, не ведают даже о таком назначении. И первый, и последний произвол его существования, его действий выразился смертным приговором! Спросите хоть одного из этих поддельных судей заказных,

* В подлиннике: Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев, Бестужев-Рюмин и Каховский. Последовательность имен изменена в соответствии с авторскими надстрочными пометками (цифрами).

ужели, прежде чем обмакнуть свое перо в кровавую чернильницу, не дрогнула его совесть и не почувствовались ее угрызения? ужели до того забиты были в нем все чувства человечества, что не пришло ему на ум для своего же успокоения выслушать, прослушать хотя бы одного из нас? Ведь знали же они все, что подсудимые не имели никаких ограждений для своей защиты, что все почти обвинения основывались более на словах, чем на действиях, и ни один из них не отозвался в пользу всех этих чудных юношей, обреченных заранее на явную гибель⁷. Спрашивается? Какой судья решится приговорить к смерти самого лютого убийцу, разбойника, не высмотрев и не прослушав его? Спрашивается, ужели предсмертный великий возглас Рылеева не поколебал бы более чем совесть одного, если бы этот великий гражданин, достойный другого времени и поприща*, был допущен лично к оправданию или защите своей перед судом⁸. Нет! Суд этот, при глубоко заданном себе чувстве какого-то зверства, не только не умел, не хотел руководствоваться первоначальными понятиями о справедливости, но как будто ругался ими, не сохраняя даже и приличия, требуемого правосудием, хотя бы и искаженным произволом. Здесь я не говорю о тех ограждениях, которыми защищен подсудимый во всех хотя несколько благоустроенных государствах; не говорю я уже о свободе слова и печати, о защите законного ходатая,—нет. Положим, что эта роскошь права была для России лишняя,—но можно ли было пренебрегать, отвергать самые** первоначальные понятия о процессе и можно ли было этому суду основать все свои приговоры на решениях Следственной одной комиссии, представившей все показания наши за подписью нашей!

Просмотрим теперь вкратце, насколько эта Комиссия заслуживала к себе такого слепого доверия, какое оказал ей Верховный уголовный суд. Начнем с состава лиц! Председателем был назначен воен[ный] министр граф Тащищев⁹. Если выбор для такого места должен был попасть на человека***, вовсе чуждого к преследованию дела, то, конечно, лучшего назначения для этой цели не могло и быть. Всегда безмолвный и, вероятно, углубленный в свои министерские дела, он равнодушно смотрел

* Далее зачеркнуто: представ лично перед судом.

** Далее зачеркнуто: естественные начала процедуры.

*** Далее зачеркнуто: безмолвного.

и на нас, и на все бешенные выходки Чернышева, главного двигателя всего следствия¹⁰. Пообок его заседает кто же?—Михаил Павлович! Несмотря на его истинно рыцарские, так скажу, выходки относительно Пестеля, Кюхельбекера и в особенности меня¹¹, нельзя не подивиться встретить его в деле, столь близком как для него, так и для всего своего семейства. Вопрос главный был чисто династический, и он, неслыханное дело, был, как говорят французы, *juge et partie**, т. е. судья в собственном своем деле!! Какое ограждение для виновника, чтобы не встретить здесь непримиримое пристрастие!

Ал[ександр] Никол[аевич] Голицын, человек quasi-духовный и выдвинутый из опалы, должен был заглаживать грехи старого усердия грехами нового¹². Дибич¹³, всегда военный (как он это воображал), редко являлся и заявлял всегда свое присутствие, ударяя не на центр, который находился в крепости, а во фланг дела, растянутого по России.

Так он допытывался всегда об участии Н[иколая] Н[иколаевича] Раевского и Ермолова, лавры которых лишали его сна! Влияние его на ход следствия было одностороннее, рассматривая его в отношении лишь военном¹⁴.

А. К. Бенкендорф, плоть и кость династическая, не способен был отделять долг привязанности личной от долга к родине, хотя для него и чужой¹⁵. П. В. Кутузов, бывший забулдыга, а что еще ужаснее или достойнее, как хотите, заговорщик, и на этот раз успешный в убийстве** отца, должен был, конечно, оправдываться и заявлять себя поборником его сына¹⁶. Когда Кутузов заметил Николаю Бестужеву¹⁷, обвиняемому в умысле предположенного царубийства: «Скажите, капитан, как могли вы решиться на такое гнусное покушение?» — «Я удивляюсь,— отвечал ему капитан с обычным и находчивым своим хладнокровием,— что это вы мне говорите...»

Бедный Куту[зов]*** почти что остолбенел. Сын убитого отца¹⁸ был здесь... Как бы то ни было, Куту[зов] за успешное убийство достиг всех почестей русского мира, а Бестужев умер в изгнании! Там была une révolution de séraï****, переворот гнусного царедворца, переворот лич-

* Судья и истец (франц.).

** Далее зачеркнуто: Павла.

*** Далее зачеркнуто: из красного сделался багряным, закусил губы.

**** Дворцовый переворот (франц.).

ного побуждения, здесь переворот целый общественный! Но об этом в другом месте.

Был еще [господи]н Потапов, всегда сдержанный, благородный, также имевший слабое влияние на тот же ход следствия¹⁹.

Итак, двигатель и, можно сказать, единственный, всего дела, был кто же? — Чернышев!! Достаточно одного этого имени, чтобы обесславить, опозорить все это следственное дело! Один он его и вел, и направлял, и усложнял, и растягивал, насколько его скверной злобной душе было угодно! Нет хитрости, нет коварства, нет самой утонченной подлости, прикрытой маскою то поддельного участия, то грозного усугубления участи, которых бы не употреблял без устали этот непрестанный деятель для достижения своей цели. Начавши дело с самого Таганрога и ведя его сам лично, он знал, что только с нашей гибелью он и мог упрочить свою задуманную им будущность. Он так далеко зашел, успел так увлечь за собой [Николая]*, подготовленного и весьма способного к восприимчивости системы во всем ее объеме и казней, и гонений, что пятиться назад им было невозможно и необходимо было идти вперед по вновь проложенному ими кровавому пути²⁰. И этот прокладывать где же? — по России? По этой подобострастной смиреннице, чуждой всяких тех потрясений, которыми отличаются от нее все прочие страны Европы.

И каким образом все эти судьи, зародившиеся при Екатерине и возникшие при Александре, не были настолько проникнуты духом кротости этих двух царствований, чтобы так скоро, внезапно отказаться от своего прошедшего и броситься очертя голову в пропасть казней и преследований! Каким образом решились они так быстро, необдуманно перейти эту черту, так резко отделявшую правление милосердное, человеколюбивое от правления жестокого, бесчеловечного! Скажите... где и когда они видели во всю свою долголетнюю жизнь и эти виселицы, и эти каторги в таком числе и в таком размере? Что могло их подвинуть к такому резкому перелому всей нашей правительственной системы? Положим, что по оказавшимся мнениям, как видно из дела, были затронуты их собственные интересы; что цель ограничения монархической власти лишала их главной для себя опоры; что с введением пред-

* Николая — в подлиннике нет, восстанавливается по копии.

ставительного правления и вообще выборного начала по всем отраслям управления значение их и всей господствующей единоклассности весьма ослабело бы; что с предположенным уничтожением рабства они были задеты в самом жизненном условии; что последний вопрос касался их ближе всякого другого; но одни ли мы так думали, и все эти наконец всплывшие по времени вопросы, взятые вместе, не требовали ли обсуждения необходимо здравого, хладнокровного, долгого, чем одним подчерком пера убить не только тело, но и дух, его оживлявший! Убили и что же? Власть при Александре, хотя была и дремлющая, но при Николае она сделалась притеснительною и, достигши до высшей степени своевластия, она тяжело и непробудно залегла смертельным гнетом на все мыслящее в России. И мы ли не слыхали, еще в отдаленной Сибири, слабые отголоски забитого слова и печати; все жалобные отзывы о подавленном развитии всех сил России. И когда понадобились для нашей же России эти силы — оказались ли они где и в чем-нибудь! Бездарность, бессилие, неспособность высказались повсюду, и Николай могучий, всеобъемлющий сделался метой всех упреков, всех нареканий, причиною всех причин!..

Николай? Нет, не он был виновник всего пройденного России, а виновники были именно те судьи, перед которыми я стоял и [от] которых я на время отклонился, чтобы возвратиться к ним с большим знанием дела. Перед судом истории Николай стоять будет не один — стоять будут и все эти государственные чины, присутствовавшие при зарождении его на царство. Николай был не более, не менее, как бригадный командир²¹; свикшись с таким скромным званием, мог ли он в пределах своих действий приобрести опыт в делах высшего управления, мог ли и имел ли он малейшее влияние на тогдашние умы, к какому кругу или сословию они ни принадлежали; мог ли он усвоить все те привычки, слабости и даже страсти, которые не врождены в нас, а приобретаются при данных условиях и при данной среде! Вы приняли скромного бригадного командира в свои объятия, возвели его на престол и своим низкопоклонством, потворствуя, положим, закрывшимся уже дурным наклонностям, дали им развиться, упрочиться и сделать из него того созданного вами Николая, который так долго тяготел над Россиею, над вами самими! Николай был, повторяю, вашим творе-

нием; в нем отражаются обоюдные с ним ваши опасения, надежды и пр. Если трудно решить вопрос, кто из вас кого водил, он ли вами или вы им, дело в том, что вы шли с ним рука об руку; путем произвола дошли до бесправия, до бессилия, до бесславия России и собственно вашей, и его! Иди он с нами, отдайся нам или возьми нас с собой путем права, мы повели бы его к славе России и всех нас вместе. Мы хотели ограничения его власти, вы же — ее расширения! Вы начали его отравление, упрочив его власть, он покончил его! Вашим путем он медленно, но шел на смерть. Нашим он пошел бы к бессмертию и остался бы незабвенным при другом значении!²²

Но вы кончили свой путь земной — мир ему и вам; я не злопамятен — прощаю за себя, ничтожного, но не прощу за выхваченных славных людей из числа живых и не прощу вам за Россию, вами ему отданную безответственно!

Однако же я увлекся через меру и не заметил, что из подсудимого превратился сам в судью и, быть может, при таком же бесправии, в котором я сам их упрекаю. Если могу я им сказать: «Кто ты такой, что судишь другого», — то не вправе ли и они обратить тот же вопрос и ко мне? Смиряюсь пред неисповедимым определением судеб. И знаем ли поистине мы, что в сущности творим? Кто прав, кто виноват? Где и в ком именно искомая истина? Почему она под такой, а не другой широтой? Почему она там, а не здесь; почему сегодня, а не вчера? Бедное человечество, долго ли оно будет искать разрешения своих судеб?..

Долго ли будет все и вся раздваиваться, не находя должного понятия в мнениях и в действиях? И при таких расходящихся целях вправе ли я осуждать моих судей, упрекать их в злоумышленном каком-то настроении ума, находить действия, странно, решительно направленные к подавлению зарождающихся в России новых идей*, и, одним словом, заподозрить их в преследовании какой-нибудь общепринятой ими цели — цели, выражающей мнения, начала такой или другой политической партии, всегда существующих и выказывающихся в других государствах? Нет, все подобные умозаключения, выводы неприменимы к этому собранию и вместо неподходящих воззрений ска-

* Далее зачеркнуто: вправе ли я допускать, что в таком усилении мон[архической] власти не таилась ли мысль.

жем просто и вернее: все эти люди были людьми своего русского времени; люди, выросшие, созревшие под влиянием узкого, одностороннего, господствующего тогда военного духа! Они служили верным отпечатком того времени, вместе славного и жалкого! Все являли в себе все противоположности, все крайности образовавшихся тогда характеров общественных! Одностороннее, исключительное поверхностно военное образование при условиях неприменной отчаянной храбрости; второстепенного честолюбия; грубого обращения с низшими и низкопоклонным со старшими и вместе с тем проявление полного великодушия к врагу-иностранцу. Какое-то относительное благородство, жалость, доброта и всегда тот же разгул русского человека с свойственным ему и буйством, и беспечностью, и безумною расточительностью. Жизнь их протекала в походах; они ходили и на черкеса, и на турка, а более всего на француза²³. В промежутках, особенно в последние дни Александра, занимались чтением военного артикула, изучением наизусть военного устава, этого единственного мерила всех достоинств тогдашнего офицера; следили неутомимо за военными приказами; занимались построениями, маневрами, но выше всего ставилась первенствующая над всеми другими способность постановки и выправки, как говорилось тогда, солдата!

На этом одном начале остановилась военная наука; на нем одном сосредоточивались все умственные и телесные занятия, которые должны были довести солдата и офицера до того превосходного совершенства, так жалобно заявившегося в последовавшие кампании. К этому времени должно отнести зародившийся тот класс офицеров, прославивших себя именем служак-фрунтовиков и так обеславившихся, когда при выходе из манежа нужно было перейти на поле битвы...

Надо было быть того времени; быть свидетелем, очевидцем всего того, что тогда творили с солдатом и с офицером, чтобы поверить в возможность тех неистовых проявлений, коими ознаменована эта эпоха, справедливо названная *фронтманьею*. Высшее варварство в истязаниях человека, в способе его обучения; в непрестанном его движении, передвижении; в отказе ему застывать, задумываться, недодача ему и сукна, и холста, и обуви, и, наконец, самого содержания, все эти причины, взятые вместе, и довели Константина Павловича²⁴ до следующего муд-

рого изречения: «Дурной тот солдат, который доживает срок свой двадцатипятилетний до отставки». Хороший, усердный солдат должен был, да и не мог дослужиться до увольнения. «Убей двух, поставь одного», — говаривал он: а другие повторяли и доказывали усвоение правила на деле!.. Все это делалось спроста, по убеждению... по службе! Я говорил — истязания, и кто не помнит, по крайней мере по преданию, г[оспод] Желтухина л[ейб]-гренадерского, Головина л[ейб]-егерского, Шварца семенов[ского], Сухозанета, Арнольди и сотни сотен других, наводивших страх и ужас на своих товарищей однополчан! ²⁵ «Влепить сотни две, три; закатать его!» — были любимые выражения замашистых офицеров. Палки и побои; побои и палки были одним *ultima ratio**, одними двигателями всего упрощенного по сему военного механизма. Палками встречали несчастного рекрута при вступлении на службу, палками его напутствовали при ее продолжении и с палками его передавали в ожидавшее его ведомство после отставки. Побои — число их, и род палок входили в неотъемлемое право какого бы то ни было начальника и в каком он чине ни был. Солдат был собственностью, принадлежностью каждого! Били его и ефрейтор, и ун[тер]-офицер, и фельдфебель, и прапорщик и так далее до высочайшего. Не было ему суда, и всякая принесенная жалоба вменялась ему в вину, и он наказывался, как бунтовщик! Однажды г[енерал] Головин делал инспекторский смотр и на вопрос: «Всем ли вы довольны?» — «Никак нет-с, в[аше] п[ревосходительство], мне неодоли холста, и мы не знаем счета артельным деньгам». — «Поди-ко сюда, молодец...» — и, выдвинув его из рядов вперед, начал его выслушивать просьбу следующими вопросами: «Так ты недоволен? Что, ты не одет и не обут? Что, не голоден ли ты? И государь не платит тебе жалованья? Бедный ты, а!.. Палок!..» Его разложили живо на носилках, вынесли, и на другой день он умер в госпитале. Некоторые передовые офицеры (вступившие после в общество) — Норов ²⁶, Оболенский и другие — распустили молву по городу, многих взорвало — тем и кончилось! Тому же Головину на походе в Вильну донесли, что рота одна зароптала на капитана. Он догнал роту на ходу, остановил и тут же велел рыть могилу и домертва засек одного бунтовщика

* Последний довод (лат.).

и... Дело случилось после семеновского бунта, и нужны были такие примеры! Малейшие проступки подвергались шпирутенам, после которых следовало калечье и вчастую самая смерть. Не думайте, чтобы меры такого укрощения касались одних проступков против нравственности или порядка военного, нет, эта гнусная бесчеловечная строгость преследовала [солдата] на каждом шагу тогда, когда вся жизнь его состояла именно в одних шагах!.. С самого раннего утра начиналась выправка этого мученика-солдата; во-первых, учили его стойке, т. е. неподвижности болваном, не заявляя ни малейшего движения, за исключением глаз, которые должны были для встречи начальника приучаться правильному повороту справа налево!! Любопытно было всматриваться в выражение таких остолбеневших, остекляненных глаз, заучивая при этом наизусть и сливая в один голос три дозволительные дикие крика: «Здравия желаю!»* на «здорово, ребята»; «рады стараться» на редкое «спасибо»; и «ура» по данному знаку!.. После того начиналось выгибание, растягивание ног как самых важных членов для достижения усовершенствования знаменитого в то время церемониального марша! Этот марш служил оселком, проверкой достоинства полков; здесь лично государь поверял неподвижность рук, плеч, равнение султанов, ружей и, наконец, вытягивание носков при требуемом уравнивании одного и того же шага по всей армии. Кларнетист наш Преображенского полка Шелгунов был облечен полным доверием государя, и ему предназначено было право вводить однообразный по времени шаг. Для этого он становился впереди** полковой музыки и, не спуская глаз с своих часов и правой рукой ударяя себя по бедру, давал должный размер шагу. Г[осподин] Шелгунов, как верховный установитель церемониального марша, должен был приобрести вскоре значение соответственно духу того военного времени. Честили его полковые командиры гвардии, и вчастую его выписывали командиры частей армии. Он даже был вызываем на маневры и принимал в них участие... с часами верными в руках. Такая личность при полученном им значении служит характеристикой, чертой, определяющей не только направ-

* Далее зачеркнуто: В[аше] им[ператорское] величество, в[аше] и[мператорское] высочество.

** Далее зачеркнуто: каждой.

ление, но и уровень ходившего тогда военного ума! Какую важность придавали судам, пересудам при разборе церемониального шествия! Надобно было видеть вытянувшиеся лица стоявшего, напр[имер], у развода генералитета, объятых каким-то страхом до разрешения вопроса, быть или не быть торжеству или неудаче бранного учения! Здесь, в зимнем манеже, начал ф[лигель]-ад[ъютант] капитан Клейнмихель, числившийся в Преображенском полку, свою верную службу²⁷; прервав все сношения свои с однополчанами, чтобы стать выше всякого подозрения, он следил беглым шагом за всеми построениями, вносил их в книжечку и по окончании развода подносил ее с своими заметками!.. Тут слышались поздравления, отрывистые похвалы или же роковые порицания. Все эти подробности, схваченные с искаженной природы, вовсе не так мелочны и ничтожны, как они с первого взгляда покажутся. В этих подробностях отражается и заключается вся умственная деятельность того времени. Направленная и сосредоточенная в пределах самого узкого и ограниченного воззрения, она не могла выдвигать из среды военной ни способных, ни даровитых людей! Будущие полководцы, люди боя, были немыслимы, невозможны... они впоследствии не оказались, и не оказались потому именно, что введен был, кто же — учебный шаг! Как ни ничтожна эта причина, но она произвела те всеобъемлющие в правлении действия, которых будем мы свидетелями и... жертвами! Шаг этот имел все то чисто историческое значение, которое я ему приписываю; ибо это был первый шаг, сделанный правительством по тому бессмысленному пути, по которому оно думало вести неподвижную Россию. Чтоб объяснить данное мною значение в смысле гражданском военному этому шагу; чтобы понять, каким образом такая, кажущаяся с первого взгляда маловажная, ничтожная сама по [себе] причина могла иметь такие ломкие последствия, нужно выследить его от самого первоначального его появления в России!*

* Далее зачеркнуто: Петр, как первый по всему, стал задыхаться в сжатых пределах тогдашней своей России; первый, как чистый еще без всякой примеси русской крови, почувствовал, что могучая его натура требовала шири и простора. Переданный ему скипетр оказался ему ломким, меч заржавленным! Скрепить и увеличить первый по размеру широкой его длани; обмыть последний в крови и русской, и чужой, закалить его в огне, который он разжигал со всех

Но я уклонился от своего предмета, или, лучше сказать, от своих судей, спокойно, смиренно расположившихся в своих креслах. Такое отступление в моем рассказе было более естественно, чем умышленно. Переступив порог и взойдя в это судилище, я невольно должен был прежде всякого другого ощущения осмотреться, где я? с кем я? и что это за пестреющая картина, так эффектно раскинутая перед мной; и что это за разночинные, разноплеменные личности, вставленные в нее. Признаюсь, после шестимесячного одиночного, тайного заключения, почти одичалый, я при виде такой картины подвергся невольно, не скажу смущению, а скорее какому-то тревожному и даже радостному чувству; чувству, свойственному и доступному только одному заключенному, на мгновение выведенному из темницы в мир живых... Невозмутимо также я бросил испытующий свой взор на всю эту невежественную, позорную толпу судей и, спокойно возвратя его на самого себя, пришел к тому в высшей степени страдательному заключению, что люди (которых я почти всех знал если не лично, то по их общественной известности) уронят, погубят нас, себя, царя, а с ним и всю Россию!

Отступление мое, выше изложенное, объясняется этим воззрением; я должен был при виде этих судей общими чертами выказать среду, из коей они были выдвинуты и назначены; должен был вкратце проследить и дух того времени, и людей, выражавших не токмо невежественный застой мысли, но и малейшее проявление ее в смысле гражданского преуспеяния. Обложив их, как я сказал, тою жалкою данью, я должен был также проверить и себя, и перенестись к тому времени, и предстать пред судьями при тогдашних еще свежих моих верованиях! Нет! никакие десятки лет, никакие последовавшие ослабления телесные и душевные, никакие горькие разочарования не могут изгладить впечатления, вынесенного нами по выслушании приговора... Человек, т. е. подсудимый, живет, так сказать,

четырех концов России,— вот цель, к которой при железной своей воле он шел неуклонно, неослабно в течение всего своего царства! Цель эта требовала глубокой коренной ломки и целого общественного переворота! Потрясти Россию во всех ее основах; поколебать все вековые ее верования; изменить законы, нравы, обычаи; сорвать с этого замирающего тела эту азиатскую кору, под которой оно истлевало, вдохнуть в него новую жизнь; обновить его с головы до ног; обмыть, причесать, выбрить его; сорвать с него старую одежду, обувь. Об этом в своем месте.

только в этот момент! Для осужденного это предел его духовной жизни, за которым прекращается весь процесс его действующей воли, без которой человек перестает быть бесконечно всеобъемлющею причиной, а [остается] только слабым и не всегда верным ее следствием. Я останавлиюсь на значении этого окончательного действия* будто бы мнимого правосудия, выражающегося общепринятою формою, т. е. приговором. Здесь я говорю исключительно о взводимых преступлениях чисто политических. Ряд этих проступков, преступлений имеет или должен бы иметь особый отдел, не подлежащий непреложному, неизменному какому-нибудь установленному узаконению. Во всяком гражданском уголовном деле действия, проступки, преступления довольно ясно определяются и не подлежат ника[ким] толкованиям, оспаривающим самую сущность дела. Воровство, поджоги, убийство и пр. везде будут преследоваться и подвергаться наказанию. Способ преследования и меры наказаний только могут отличать законоположение государства одного с законоположением другого. Чем выше стоит уровень образования, тем выше стоит и нравственность; чем более имеет человек ограждений, тем более он их охраняет; чем более он имеет прав, тем более он их чтит в другом, чем более он имеет, тем более дорожит своим достоянием и тем менее он падок на какие бы ни было противозакония. Уголовная статистика благоустроенных многих государств служить может несомненным, на фактах основанным доказательством. Итак, понятия относительно уголовного и гражда[нского] проступка почти сходятся, почти сливаются и более или менее прилинительны к истине. Но таковы ли отношения к истине политической? Здесь расходятся вконец и мыслители, и друзья человечества, и враги его отъявленные. Здесь все подчинено таким или другим условиям господствующей в государстве власти. Какие резкие противоположности в устройстве общественном одной страны с другой. За речкой, например, слышится свободное слово: и, прислушиваясь, вы услышите всегда громкое слово здравого смысла, заглушающее слово желчное, страстное не соответственно порядку установленному; там же свобода печати восстанет против всякой лжи и обнаружит и козни, и направления, зыблющие страну! Какие бы ни были под-

* Далее зачеркнуто: так называемого.

няты вопросы, все они обсуживаются гласно, а по тому самому здраво и благонамеренно! Право сходок содействует к освещению и разрешению возникающих новых интересов Земли. За речкой или океаном вопрос один и тот же (прошли те поверия, которыми утверждалось, что дру́гая или иная широта необходима для условного развития человеческой мозговицы), выборное начало, применено как к законодательной, так и к исполнительной власти; там всякий для всех, как все для всякого; там блюститель за всех и за всеми народ, весь действующий посредством своих выборных, за которых он и порука, и ответчик; он один их и повышает, и сменяет, и понижает, оказывая им доверие или лишая их оно́го. Там судебная власть стоит самостоятельно, отдельно, не подчиняясь никакому другому влиянию, как влиянию совести и закону, установленному законным большинством! Там суд присяжных, примененный к делам гражданским, уголовным, политическим (если только могут они возникнуть) и делам печати, служит ограждением прав каждого! Там законодательная палата, свободно избранная большинством, большинством неподкупным, решает полновластно возникающие общественные вопросы; сберегает народное имущество; составляет, утверждает сметы, обнимает в своих действиях все отрасли государственного управления; она одна двигает, направляет, устанавливает ход, непременно вращающийся в данном кругу, правительствующему снаряду... Там исполнительная власть, законом ограниченная, действуя всегда правильно в данных пределах и по тому самому слагая с себя всякую личную ответственность, облекает лицо, ее представляющее, в какую-то неприкосновенную святость, которою весь народ дорожит превыше всего! Лицо это, поставленное вне домогательств временщиков, таких или других сторонников, всегда будет для них чуждо, оставаясь верным одному народу, одному благу общему! «The King cannot do wrong»* — гласит английская хартия²⁸. И подлинно: «Всем добро, никому зла!» — говорит и у нас песенка — но ведь это песенка! Завидная участь тех избранных на царство, понявших свое истинное значение. И как жизнь этих лиц, обставленных законом, и счастлива, и спокойна, и безмятежна... Завидная, право, их участь, хотя, конечно, прямых мыслителей на престоле бывает мало! Спрашивается, почему же это число так

* Король не может ошибаться (англ.).

мало; лица ли лично виноваты, или люди, или среда, в которой они кружатся до первой случайности, до первой ломки,— во всяком случае, скажу и я с другими, что народ имеет то правительство, которое он переносит, а потому и заслуживает!²⁹ Я, по справедливости, а может быть, и по чувству чистой зависти, заглядывал в чужое и невольно восклицал: «Там-то; там хорошо, подручно и то, и другое, а у нас-то». Теперь воскликну, наконец: «Да! у нас-то, у себя, на дому, на Руси!..»

Господи, прости нам более чем согрешение, прости нам нашу глупость! да, знать не знаем и ведать не ведаем, что бо сотворили, и это в течение 1000 лет! Обок нас соседи, современники этого времени, двигались, шли и опережали нас, а мы, только и славы, что отделались от татар, чтобы ими же и остаться. Посмотрим на наших просветителей. Петр, например, как тень выступает из царства этих мертвых! Конечно, он велик! В нем были все зародыши великого... но и только!.. Предпринятая ломка отзывалась все тою же наследованною татарщиной! Он не понимал русского человека; но видел в нем двуногую тварь, созданную для проведения его целей! Цели были великанские, неместимые в бывших границах России, и взял он ее, сироту, и, связав ей и руки, и ноги, окунул головою в иноземщину и чуть-чуть не упустил ее из длани и под Нарвою, и под Полтавою, и под Прутом³⁰! Счастье вынесло его на плечах и выбросило его целым во всей его дикой наготе на открытый им и им заложенный берег! Волны его смущали и обнимали страхом, который он не мог и не умел побороть! Берег напротив его одушевлял, окрылял его воображение и придавал ему нужные силы. Там, на берегу, хотя пустынном, зарождались его мечты, замыслы и пророческие вдохновения! Там он вздумал отложиться от прошлого, от всего русского и заложить основание новой России. Он бросает старую столицу, переносит свое кочевье на край государства только для того, чтобы жить всем, и ему в особенности, по-своему и заново! Бросить Москву было немыслимо, но для него возможно. Москва еще стояла при всей своей вековой, исторической святости, и это послужило в гибель ей!.. Все бывшее его раздражало, язвило, и он, напр[имер], не выносил даже ее храмов,— там священнодействует патриарх,— а он сан патриарший хочет уничтожить и для этого православно заявить себя главой церкви!³¹ Там великолепные терема царские на-

поминают византийский склад и вместе строгость нравов царей — он хочет завести свое зодчество, свои нравы — пойдут пирушки, ассамблеи и вместе весь иноземный разврат... Там стояла изба, куды стекались выборные от всех городов, от всея Земли русской и решали в Земской думе; чему быть — он не хотел этой старины; он заведет и свой Синод, и свои коллеги, и свой Сенат³²; там будет все собственно свое и все свои! Там были стрельцы; он их перебьет тысячами и разгонит³³; у него на болоте и в заводе их не будет; наконец, там одно чисто русское, а русские-то ему не под руку. Не с ними же ему ломку ломать, да и не с ними же жить! Он обзаведется и немцами, и голландцами, и людьми одними чужими! Москве не быть, а быть на болоте Питтербургу, сказал он себе, и бысть по сему.

Назвав кочевье свое не градом, а бургом, — он не Петр, а уже Pitteг, да и говорит и пишет по-русски уже языком ломаным, немецко-французским и т. д. И чего стоит это задуманное на чужбине кочевье, сколько тут зарыто сокровищ, казны, как говорят, а еще более — сколько тут зарыто тысяч тел рабочих, вызванных из отдаления и падших без помещения от голода и изнурительных работ. Зимовье это на краю тогдашнего знакомого мира — нужны были пути сообщения — правда, сам он лично бродит по болотам, по лесам; сам решает меты, ставит вехи; и сколько здесь пало народу.

Нужна была для этой цели его твердая, стальная длань при помощи мягкой, восковой руки русской! Но пусть Москва, пусть народ молча глядят и переносят всю тяжесть ломки — то было их время и люди того времени! Но мы, отдаленные их потомки, наследники прямые, с одной стороны, этого чудовищного бесправного своеволия, с другой, это подобострастие нигде, ни в ком не выражает малейшего сопротивления, — могли ли мы, сочувствуя всем бедствиям, перенесенным Россиею, и свидетели и теперь последствий петровского строя, могли ли мы не остановиться над пройденною нами историческою жизнью и не отнестись с должным вопиющим негодованием против того печального прошедшего, из которого вырабатывался так последовательно жалкий, плачевный быт русский в настоящее время. Ненавистно было для нас прошедшее, как ненавистен был для нас Великий, заложивший новую Россию на новых, ничем не оправданных

основаниях. Ломовик-преобразователь отзывался какою-то дикостью, не совпадающею с условиями призвания человека на все творческое, великое! Он был варвар — бессознательно; был варвар по природе, по склонности, по убеждению! Характер его сложился и развивался при обстоятельствах, им же вызванных, но не менее того раздражительно на него действовавших. Он шел неуклонно, безустално к заданной себе цели, и везде и всегда до конца жизни он видел, нет! ему чудились его поборники всего старого, и он как неусыпный страж своего нового дела должен был казнить, преследовать мнимых или действительных врагов его. Воля его росла, укоренялась наравне с неистовою жестокостью. Сердце его не дрогнет даже над участью собственного сына, и он принесет его в жертву с какою-то утонченною злобой!³⁴ То был не порыв страсти, быть может оправдываемый мгновенным запальчивым бешенством, понятным в такой натуре, — нет! это было действие долгого мышления и холодно и зверски исполненного — ужасно!! Каков был он к сестре³⁵, к сыну и вообще ко всей своей семье, таков был он и к большой семье русской! Он, как вотчину, точно любил Россию, но не терпел, не выносил и, что еще более, не уважал собственно русских — достаточно было вида одних бород, зипуна, а не немецкого кафтана, чтобы приводить его в ярость преобразовательную!.. Нет, он не только не уважал, но презирал во всю привитую себе немецкую силу все тех же русских. Всегда пьяный, всегда буйный, он неизменно стоит тем же Pitter'ом и в совете, и на поле битвы, и на пирушках! Не изменит он себе и останется себе верен до конца, и какой конец? Конец самый позорный, самый поучительный для потомков и разъяснивший будто бы загадочную душу Великого! Здесь на позорном смертном одре мы его слышали, проследили и разгадали великую эту ничтожность. Великий отходит... отходит не внезапно, но долго, при больших страданиях, но при своем, как всегда, уме. Часы торжественные предсмертья. Здесь человек, как будто сбрасывая свою земную оболочку, облачается в обеленные ризы предстоящего суда... (он же и был главой христовой церкви) и выскажет свое последнее, заветное слово!.. Слушаем не мы и не одни, а вся вздрогнувшая Россия, ожидавшая этого царского слова... «Да будет венчан на царство, кто будет более его достоин»³⁶. И вот каким неразгаданным, неопределенным

словом подарил Великий несчастную, презренную Россию! И это слово было произнесено при ком — при том же неопределенном пока Данилыче и при той же Катише, перед тем не без умыслу *коронованной*!³⁷ Слово это выказало Петра во всей его государственной или, лучше сказать, правительственной ничтожности — тут он выказал свое могучее я в самом отвратительном, укоризненном явлении. Явление, объясняющее чисто одно эгоистическое чувство в любви его к России. Как? Человек, обнимавший все отрасли госуд[арственного] управления, конечно, насколько они были доступны для его полуобразования; человек, который силился все вводить и упрочивать (все-таки по своим недозревшим понятиям), и этот самый человек не думал и не хотел думать об установлении и упрочивании монархического после себя престолонаследия³⁸. Такое упущение мысли мы объясняем его развратом собственным и чувством того презрения к русским, которое, по несчастию, без правильной, законной передачи престола он умел передать и тем, случайно завладевшим на произвол брошенным им престолом. Разврат его, как ни был он постоянно велик, но превзошел все пределы, когда, не уважая ни себя, ни русских, он взял Катюшу в наложницы, а под конец и сочетался с нею браком! Человек, чувствуя за собой способности, как Сатурн, пожирать своих детей³⁹, должен был, хотя бы с целью предусмотрительности, взять женщину свежую, целомудренную, с силою производительною, а не развратную чухонку, переходившую из рук в руки его любимцев и не способную к деторождению⁴⁰. Он отходит, и нет ему наследника — наследника зарыли в могилу. Есть наследник прямой, но он мал, и не поднять и не нести ему выпадающего из охлаждающей его руки тяжелого скипетра⁴¹. К тому же и обойти Катю, ту самую, которую хотел некогда казнить, не имел духу⁴² и не имел также и духу обречь ее на царство. «Пусть,— сказал он,— венец достанется достойнейшему». И сколько в этих словах все того же прежнего произвола: во-первых, он отвергал законное право на престолонаследие в лице внука, Петра II-го; во-вторых, таким беззаконием он узаконил все происки, все домогательства к захвату престола, предоставленного случайностям произвольным, и, наконец, ввергал Россию во всю пропасть преследований, ссылок и казней, ознаменующих всякое воцарение! С этой поры началась, как мы видели, постыдная эра женского правле-

ния, исполненная примерами безнравственными, столь омерзительными, сколько и пагубными государству! С этой поры начал входить в состав высшего правительственного слоя целый ряд временщиков, получавших свое значение в царских опочивальнях! Число этих вводных лиц возрастало с каждым царствованием и наконец образовало класс поддельной той аристократии, богатство которой служит свидетельством, до какой степени допускалось грабительство и расхищение народного достояния. Так чувство презрения к русским Петра переходило по наследству к каждому преемнику с возрастающей силой, и мы видели, до чего оно доходило в царствование Екатерины*, второй по имени, но шестой по своему полу⁴³.

В жизни народов есть такие явления, которые никак не подходят под какое-нибудь приложение такого или другого исторического начала! Спрашивается, каким образом мог вторгнуться без всякой насильственной причины этот являющийся вовсе новый, небывалый женский элемент в неперменном условии вводимого управления. Ужели это была ворвавшаяся случайность или же обдуманная система государственными людьми того времени? Шесть сряду правительниц царят в течение почти целого века (и каждая из них при особенных обстоятельствах), возводятся произвольно на престол и, при соблюдении условленных приличий будто бы закона, заведывают государством. При таких непрерывных случайностях, при таком отсутствии всякого законного на престол права можно спросить себя (конечно, не их), нет ли тут навевания польского духа, и престол русский не обратился ли в престол избирательный? И, проследя этот жалкий факт в шести позорных картинах, не вправе ли каждый отчасти мыслитель прийти к этому заключению? Избирательный престол — положим, хотя бы и входило это начало своекорыстных временщиков-вельмож того времени — но где же те условия, которые освящают избрание? Петр вымолвил — достойнейшего после себя! Но кто же будет определять это достоинство и кому передал он это право? Ужели все тот же всемогущий грабитель Данилыч, человек, которого он дважды судил, засуживал, за все прощая, ужели, говорю я, он, Меньшиков, будет один решать, кому быть; и кому же и

* Далее зачеркнуто: матушки великой. Страшная вина лежит на памяти той.

не быть, как [не] той же опять Екатерине! Вот на чем остановилась, конечно, предсмертная мысль Петра. Его презрение к русским не пошатнулось в нем и в последний торжественный час его жизни. Он знал русских, знал в этот момент и себя! Не имея ни воли, ни духа гражданского, он сложил с себя гласную ответственность перед потомством и дело порешил у смертного одра! Тут Питер, Катюша и Данилыч, в этом навсегда позорном триумфировании (это таинственное число имеет всегда поверхностный и временный успех)⁴⁴; условились, чему и кому быть, и тако и бысть! И бедная Россия со введением начала ничем не узаконенного избирательного престола подвергалась испытанию тех нравственных потрясений, которые так тяжело и так безотчетно отзывались на ее общественном быте! И разве Петр не мог отворотить этого зла? разве не был у него внук, и если он находил его малолетним, то не мог ли он назначить ему соправителей? И если он и тут не знал, в какой памяти жить после себя, разве не было у него и Синода, и Сената, и достаточно госуд[арственных] чинов, на которых он должен был возложить обязанности такого назначения; или же временно, до совершеннолетия внука, соправительницы? Нет, не стало, как говорится, Петра на такое дело, и русские, истинно русские, давно заклеили должными порицаниями между прочими действиями и действие, по счастью, последнее его жизни. Петр был уже невыносим для России: он слишком был своеобразен, ломок, а, пожалуй, говоря одно-сторонне, и велик. Велик! но не в меру и не под стать. Он с Россией расходился во всем; он выражал движение, другая же — застой; за ним была сила, не им открытая, созданная, а подготовленная, и он ее умел усилить к окончательному порабощению. По крайней [мере], вот смысл и последнее слово его преобразований, всегда надутых, громких, не имевших русского значения.

Преобразования его не делаются творчеством вдохновительной силы, которая истекает из самого себя. Нет, он не творитель, а подражатель, и, конечно, могучий; но как подражатель полуобразованный и вместе полновластный, введенные им преобразования отзываются узким, ложным воззрением скороспелого государственного человека! Впечатлительный, восприимчивый и нося в себе, неоспоримо, все зачатки самобытного призвания, он не мог при азиатской своей натуре постигнуть истинно вели-

кое и ринулся, увлекая за собою и Россию, в тот коловорот, из которого и поднесь не находится спасения! Так глубоко запали и проросли корни насажденной иноземщины!! Способность его подражательности изумительна! Настойчивость его воли придавала ему силу исполнения, и мы видим, как все приемы его были и решительны, и объемны — но вместе с сим мы чувствуем, насколько его нововведения были и насильственны, и не современные! и не народны! Не восстают ли теперь так гласно, так ожесточенно против так называемой немецкой интеллигенции, подавляющей русскую вконец? А кто же выдумал немцев, как не тот же Петр! Не он ли им сказал: «Придите и княжите; онемечимте Россию, и да будет вам благо»! И подлинно, на первых же порах закняжил Остерман⁴⁵ (вполне острый ман) и давай играть русским престолом и судьбами России! Тут же вскоре и Бирон, но этот уже не закняжил, а зацарствовал и давай русских и гнуть, и ломать, и замораживать, целыми волостями выводя их босыми, нагими на мороз русский⁴⁶. Чего вы, мои бедные русские, не вынесли от этих наглых, безродных пришельцев! Но пришельцы эти были вызваны, водворены (они все были бездомные) великим преобразователем для затейного им преобразования! Но что это за звание или призвание преобразователя? Есть ли это высокое вдохновение, свыше данное собственно лицу, отделившемуся, говоря численно, от человечества, или же это есть обязанность, назначение уже всякого, из касты царской взятого и вступающего на престол? Что касается до меня, то, не вдаваясь ни в какие догадочные умозаключения относительно преобразователей заморских, я, не выходя из пределов наших и основываясь на выводах исторических чисто русских, скажу, что дух преобразовательный обнял не одно лицо в силу каких-нибудь особенных предопределений, а каждую (или под конец) и каждого, появляющегося на царство. Петр первый заявил себя ломким преобразователем, первый, так сказать, заманился, и мания эта так же, не с такой силой, конечно, стала занимать, волновать, обуревать всех последовавших ему венценосок и венценосцев! Нет ни одной, ни одного из них, который бы не задумал себя показать и хоть чем-нибудь да не прославить себя, конечно, не расширением прав народных, но расширением собственных своих в виде изменения одного другим! Проследите повествования наши, и вы усмотрите —

за исключением обычного указа: о возвращении сосланных в Сибирь, о прощении недоимок и о перемене, конечно, не формы правления, но формы мундира, — следует ряд изменений, назначений, исключений, наград, и весь этот деятельный шум и треск, сопровождающий всякое новое царство. Та же тапиа одинаково будет действовать в большем или меньшем размере в увеличении налогов, а что главное — пределов империй. Таким образом, все они, волей-неволей, и преобразователи, и завоеватели! Достойные, право, люди исторической памяти! Но нет! Я народохульствую... для них не настало время истории.

Итак, Петр заявил себя неуклонным, упорным преобразователем. Но что же вызвало и навело его на такое сложное и трудное поприще? Вопрос естественный и крайне любопытный, но, признаюсь, не входящий в мое исследование. Здесь надобно бы призвать в помощь и самую психологию, она же оставалась для меня всегда какою-то *terra incognita**, и потому не нахожу и надобности зарываться вглубь этого человека! К тому же весь он и дела его налицо! Из таинственных причин, подействовавших на его впечатлительный ум, есть такая одна сторона, оставшаяся как бы не выслеженной, а именно первоначальные, заронившиеся в нем религиозные зачатки! Как человек исключительно властолюбивый, патриарх ему мешал, и он заранее думал и мечтал о уничтожении такого равносильного его влияния! Меня всегда приводило в раздумье, какая мысль его влекла в Саардам; почему он, слагая с себя императорский свой сан, превращается вдруг из Романова в Михайлова! Почему этот неуч, но жаждущий науки, взялся за топор, а не за книгу?⁴⁷ Ведь он в Голландии, под рукой и Гаага, и Лейден, и тот же Амстердам, средоточие тогдашнего движения умов; там гремели уже учения нового права⁴⁸, там... но он не ищет пера, а ищет секиру и находит ее. Но что это за пример смирения в этом Михайлове, изучая плотницкое мастерство? Не так ли починно заявил себя и плотник Назаретский?⁴⁹ Нет ли тут искренней чистой религиозности, и не увидим ли в нем нового пророка или последователя Христа! Да! он заявит себя пророком, и долго, долго пророчество его будет служить путеводною звездой для

* Чем-то непостижимым. Дословно — неизвестной землей (лат.).

его преемников! Да! он предрек падение патриарха* и сам своевластно заменил его и силою собственного указа признал себя главою церкви! Таким образом, он подчинил не свободную, а раболепную церковь государству не свободному, а раболепному! Таким образом русское духовенство утратило навсегда право на приобретение возможного влияния на общество и осталось так же невежественно, как оно было и как сие и требовалось! Спрашивается, какое же могли иметь влияние на паству в отношении нравственного, христианского преуспеяния пастыри такого рода? Ничтожно, неподвижно и безответно стоит и о сию пору духовенство. И нет его в час нравственного распада или же невзгоды и общего горя... Но цель достигнута: духовенство не вызывает опасения двигателей против единодержавия, и одним врагом меньше для него! Впрочем, допуская невежество, слитоё с суеверием и фанатизмом, конечно, такие меры более чем необходимы — но при духовном образовании и освященном духом истинного христианства найдется в нем не помощь, а целая сила для поддержания разлагающегося чисто общественного организма. Пророчества его обняли почти все отрасли правления, и во всей своей ломке он вносил дух, поистине ему свыше вдохнутый. Как объяснить хотя бы и подвиг, поднятый на патриаршество, подвиг, равнявшийся в то время величайшему святотатству, если не допустить в нем усвоения свыше посланного ему призвания для совершения такого дела. Есть люди, так странно и наскоро, вероятно, сколоченные, что трудно их подвести под уровень самого ясного умственного мерила! Люди эти, по большей части вынесенные судьбой на плечах народных, достигая некоторую степень высоты, подчиняются законам какой-то новой для них формации и всем явлениям процесса перерождения! Тут, теряя бывшую точку опоры земной, они отделяются от человечества и, сближаясь с искомым божеством, поступают в его непосредственное ведение! С этой поры не ищите в них воли собственной; они действуют, как страдательные существа, по воле найденного ими по себе бога! Они делаются безответными и требуют слепой покорности и повиновения не к себе, а к тому божеству, к которому они сопричастны!.. И мало ли в истории появлений таких странно перерожденных личностей?

* Далее зачеркнуто: церкви.

Как обильна история евреев этими примерами! Но иудеи жили на особенных правах, и поэтому они не могут служить мне подтверждением моего довода. К слову, есть, однако же, и у нас одно сближение с этими евреями, и именно: что как они, так и мы о сию пору не поняли истинного Христа. Итак, примусь хотя бы за Македонского! Посмотрите его в Греции, а впоследствии в Индии — там он сын Филиппа, здесь — самого уже Юпитера⁵⁰. Магомет посредством архангела Гавриила оцепляет современный ему мир!⁵¹ Александр благословенный, полюбившим народом отрытый из-под пепла московского и им же выброшенный в Париж, поставленный выше царей земных⁵², не* довольствуется такой высотой и для дальнейших своих видов стяжает славы другой, а именно вступает сам на службу, как понимал он ее по-своему! Для этого он не содрогнулся изорвать свой старый формулярный список, исписанный хотя и не большими подвигами любви к народам, однако же довольно свидетельствовавший прежние его стремления... У старца Нумы была какая-то Эгерия, Александр нашел себе если не нимфу в строгом смысле слова, то почти ей подходящую, а именно баронессу Криднер⁵³. Вот его путеводная вдохновительница; она его помирит с самим собою, определит к новой службе и сблизит с богом, избравшим его своим орудием, исполнителем верховной воли. Не ищите его бывшей высочайшей воли — нет, он смирился, преобразовался, обновился другою плотью и отказался от бывшего себя! Волю он будет выражать, но не свою! По высшей над ним воле он перестает быть ходатаем прав народных и делается угнетателем, преследователем зарождающихся тогда стремлений к свободе...

Облеченный в ризы нового верховного жреца, Александр образует Священный союз: охранение веры, прав царских и бесправия народов служило основаниями этому союзу, наравне бесчеловечному и безрассудному, как и союз Пильницкий, столь памятный по своим кровавым и поднесь еще последствиям⁵⁴. С какой бы точки зрения ни рассматривался этот союз, все стороны его равно узки, насильственны и неестественны. Та же вера, которую он силился толковать в свою пользу, его засудила как несоответствующего любви, терпимости христианской! Братст-

* Далее зачеркнуто: вынес.

во царей уничтожилось ими же самими. Происки, козни тут же стали тайно появляться именно против главного основателя, которого они не выносили [из-за] полученного им в Европе влияния. Они опасались найти в Александре другого Наполеона, особенного рода! Союз против него был тут же заложен, и хотя и тайный, но заявлявший себя в продолжение многих лет. Метерних, выбивший Алекс[андра] из строя либералов, избил его нравственно вконец!⁵⁵ В Вероне, еще могучий, он торжественно заявляет, что господь ему вверил 700000 штыков, конечно, для умиротворения Европы, т. е. подавления всех народных тогда стремлений и даже любимой им и Россиею кого же — Греции!..⁵⁶ Вот до чего этот человек изменил себе и тому человечеству, которому он хотел посвятить все силы, все свои умственные и душевные стремления!⁵⁷ Стремления? Но были ли они собственно *своими*, и насколько он был ими проникнут? Вот вопросы, возникавшие при начале его царствования и получившие грустное свое разрешение, когда настало время выступить ему всецельно, своеобразно на поприще эры возрождения народов.

89 год прогремел при той освященной, изгоняющей мрак молнии⁵⁸. Народы вздрогнули и стали внимать новому слову, новому праву. За словом началась ломка всего старого, отжившего, неприменимого к обновляющемуся обществу — но ломка первоначально производилась с достойною решимостью и в пределах возможного при таком перевороте благоразумия! Противодействия, конечно, как присущие старому строю, должны были возникать и препятствовать естественному ходу данного движения — но все эти противодействия бессильно замерли бы и не помешали бы законно и мирно водвориться новому искомому порядку! Вздрогнули народы, говорил я, но вздрогнули вместе и их правители, затронутые в своих насильно увещанных правах. Они вздрогнули и взялись не за слово, а за оружие! И здесь-то является тот грозный замысел скучившихся государей; замысел страшный по своему объему; по силам, которыми они насильно распоряжались; по вмешательству в чужое дело и, наконец, по заложению начала той кровавой борьбы правителей с народами! Вот какими пагубными незаконными началами ознаменовался замысел, обнаружившийся под именем Пильницкого конгресса! Этот исторический памятник, воздвигнутый хилыми руками, как ни силились правители его поддерживать в

целости, рушился, наконец, в виде позорных для того времени обломков! Эти обломки, свидетельствуя о тех кровавых бурях, которые подымались народами для низвержения памятника, сложенного из человеческих костей!.. Пильниц, как тот же Сфинкс, стоит еще в истории. Нет, он недостаточно разгадан — недостаточно разобран в бесчисленных его последствиях на судьбу народов и цивилизации. Вообще... Пильниц хотел своротить, попятить движение века — и он этого не смог и будет сам утоплен в потоке крови, вызванном им.

89 год правильно, бесстрастно совершает свое преобразовательное движение, как вдруг раздается перед ним дикий голос Пильницкого зверя... и вскоре, раздраженный со всею силой мстительной страсти, этот смиренный 89 год превращается в ожесточенный 92-й!^{*59} Ожесточение вызвало страсти, страсти — гонения, и явился Конвент в пылу мстительного патриотизма. Пильниц раздвоил Францию, и одна из них должна погибнуть; погибнет слабый Людовик, поддавшийся иностранному внушению⁶⁰, погибнет королевское семейство и все сторонники древнего порядка. Он действует беспощадно, зверски; гибель людей — ничтожный исход при спасении лишь начал одних! Конвент должен подавить внутреннего и внешнего врага! Эшафот против первого; 14 армий против другого! Революция изменяет свой вид; но характер движения остается все прежним. Наполеон все тот же революционер — тот же представитель нового времени. «Лучший день в моей жизни, — пишет он из Италии, — будет день водворения эры республиканской»⁶¹, и пока он искренно или поддельно идет к этой цели, народы в каком-то ожидании почти ему сочувствуют! Как новый человек, он все старое громит, и громит старых ничтожных правителей, которые замыслили унижение Франции! Наполеон выказал всю ломкость тогдашних престолов; он обнаружил всю слабость, ничтожность тогдашних народовладельцев, и до какой степени они прикосновенны и удобоуязвимы! И не было ему ни предела, ни препон! За Пиренеями, за Альпами, за Рейном он всех их равно поражает, равно срывает с них личину и выставляет в жалкой, презрительной наготе! Казалось, что час старины ударил и возникнуть и быть

* Далее первоначально иная последовательность: от слов «Пильниц раздвоил Францию» до слов «в пылу мстительного патриотизма». Изменено в соответствии с авторскими пометами.

новому миру на новых началах... Нет! Наполеон не понял духа времени, не понял своего назначения и пал, как падают и все строители на песке, т. е. на властолюбивом беспорядке! Отуманенный громкими, но легкими успехами, удачами небывалыми, объясняемыми ничтожною посредственностью соперников, ему современных, Наполеон становится тылом к революции и ищет силы другой, силы божьей, которой он стал верить. Сбрасывает с себя фригийскую шапку (о которой он вспоминает, но уже поздно, на острове С[вятой] Елены)⁶² и хватается за венец, и за какой же другой, как не императорский? Такое превращение требовало помощи свыше, и он делается восстановителем не столько веры, церкви, но нужного для его целей духовенства! Он хочет венчаться на царство, как истый католик и сын церкви... и должен призвать для освящения своего того же Пия VII, которого как сын той же церкви он впоследствии позорно схватит и заточит!⁶³ Восстановитель поздней империи и престолов кончил под ложною историческою тяжестью, и если он оказал человечеству заслугу*, то она и состояла в разрушении Пильницкого союза!

Повторяю не без умысла: союз этот был вызов на бой народов, вызов, ими принятый со всеми ожесточениями угнетенных против притеснителей; вызов страстей во Франции, ответившей самыми отчаянными порывами! Союзники сбили с пути слабого короля; завлекли его, австрийку⁶⁴ и всех знатных в пропасть смерти! Они, они вызвали эшафот; вызвали все те меры, поражающие своими ужасами, потому что и люди-деятели, и время то для нас остались еще неразгаданными; они вызвали тот поголовный взрыв, образовавший те 14 армий, которые и служили после честолюбию Наполеона, также вызванному обстоятельствами...

Франция, предоставленная сама себе, без вмешательства совершила бы, быть может, свой революционный путь при других, конечно, условиях, и Наполеон был бы немислим, и за ним и все те войны, которые отзывались одинаковыми зверствами, как и уличные побоища в Париже! Но эти мы клеймим печатью варварства, последние же — печатью славы! Все ужасы Франции ограничиваются 70000 чел[овек], тогда как войны уносили более миллиона... Немислим был Наполеон, говорю я, немислим был

* Так в подлиннике.

и сам Александр, оевропеившийся в ущерб некогда своей России. Наполеон был чисто произведением случайным случайных обстоятельств, а по тому самому почему не допустить факт его возвышения — фактом, выходящим из неперменных исторических законов! Заподозренный и неоценимый, он хотел удалиться из Франции и идти искать счастья в Турцию и даже в Россию!..⁶⁵ 13-го вандемира он удачно покартечничал парижан⁶⁶, и он расчел, что число их достаточно и для будущих уличных его приемов! Мыслим ли был Александр таковым, как мы его видели впоследствии. Мирный, кроткий почти юноша, чуждый порывам честолюбия или власти (все это было за ним), вдруг превращается в какого-то несозревшего воина и ищет славных приключений. Осторожность его уронила в глазах собственных и в глазах соотечественников! С тех пор заронилась в нем та пагубная страсть к военному делу, обратившаяся со временем в неотразимую манию. Тут же Александр, по несчастию, осуществляется и делается жалкою действительностью не только для России, которую он бросил, но и для Европы, которую он думал и усмирить, и устроить, и пр. Он дважды пойдет еще на своего противника, удалит Сперанского, сдаст Москву, взойдет в Париж!⁶⁷ Целый год свободничает; велит хилому Бурбону дать Франции конституцию — слушает лекции Вильмена; едет в Лондон, слышит оппозиционную речь Брома (Brougham), поздравляет его, жмет ему руку, обещает немедленно завести и в своем государстве оппозицию⁶⁸ (он ее и встретил в Чугуевском бунте и в других местах)⁶⁹, едет на Венский конгресс, поражает всех своими свободолюбивыми речами. 13-я статья конгресса вся в сущности его; присваивает себе Польшу и только под могучим своим влиянием склоняет противников согласиться на право, требуемое им неуклонно, дать этой Польше конституцию⁷⁰.

Дойдя до конца тетрадки, я только опомнился и ужаснулся перед длинными моими отступлениями. Забыл, что я перед судом и как составители этого суда нетерпеливо меня ожидают! Но должен сказать, что я счетов своих не кончил с Петром и с Александром еще менее. Возвращусь к ним на досуге.

В отступлениях моих я не ищу оправдания в неправильном изложении мыслей; я нисколько не думал и не думаю себя стеснять заданным себе предметом в таких-то

формах или границах! Нет! я пишу на особенных правах человека, вынесшего на себе все следы болезненного воображения! Печать темницы не изглаживается, и память сердца сильнее всякой другой!! Вы слышали, как заточение отзывается на умственных способностях узника. Как часто он падает в борьбе и нисходит на ступень безмыслия? Иначе и быть не может. Человек при жизни не может не жить, я понимаю: не мыслить! Убить, так сказать, эту способность, пока я жив, не в силах та сила, которая думает меня на ходу остановить! При данном, допущенном движении мысли никакие заторы не воспрепятствуют ее духовному действию! Темница, заключая человека в вещественное бездействие, не только не притупляет способность мышления, а как бы служит возбуждающим, более еще усиленным средством к ее деятельности. Мысль собственно питается действием; действие есть тот условный клапан, без которого снаряд наш мозговой не может правильно и действовать! При отсутствии такого клапана два неминуемые следствия: или же этот снаряд необходимо должен лопнуть, или же при меньшем напоре мыслей даст скважины, сквозь которые они будут просасываться, отделяться болезненной сукровицей. (Увы, и самая мысль имеет свое вещественное и свойство и начало). А с мыслию соприкосновенна и душа, явление которой так сбивчиво при одних или других условиях ее непременных действий. Я говорил о неминуемых следствиях заключения на умственные способности узника и заявил два главные из них, а именно: или снаряд нашего мышления лопнет, или станет неправильно, судорожно действовать! Эти два вида резко выказались в нашем деле на первых же порах. Я не стану обращаться к тысячам других примеров. Кавалергард Поливанов, замешанный по нашему делу, вскоре по содержанию в крепости впал в такое умственное расстройство, что из приличия к благоустроенному Петропавловскому заведению перевезли его в Военную сухопутную больницу, где он и скончался!⁷¹ Этот юноша, полный жизни, превосходных душевных качеств при блестящей общественной обстановке, умер жертвою какого-то алчного, ни на чем не основанного преследования!! О Чернышев!!*

* Этот возглас напоминает мне таковой же, но, конечно, при других ощущениях и обстоятельствах! Однажды Александр Павлович, производя в зимнем манеже с обыкновенною государственною важною развод какого-то, не помню, гвардейского полка, позвал до-

Несчастный Булатов подвергся той же участи! Не вынес он одиночного испытания, предался в своем раскаянии до такого неистовства, что вздумали было успокоить его присутствием детей. Малютки при виде страшного, изнуренного лица, заросшего бородой, вскрикнули, зарыдали, и несчастный, при настроенном воображении ко всему чудесному, увидел здесь перст божий, и грешник возопил: «Господи, даже дети мои меня отвергают и не узнают!» Он вскоре скончался⁷³. И вот случай заметить, кстати, насколько разнится мужество гражданское от военного! Насколько он был блистательно храбр в поле, настолько был мрачно малодушен в темнице. Как одно, так и другое дело убеждения! В этих наскоро взятых примерах мы видим взрывы целого снаряда; есть и другие примеры, относительно другого явления, т. е. когда снаряд, хотя еще и в целости, но явно повреждается от неуместимости напора мыслей без выхода! К этому разряду можно отнести то число ознаменовавших себя разными неестественными приемами к лишению себя жизни; некоторые глотали пуговицы, ели стекло, бились головой об стену, морили себя с голоду и, наконец, и вешались, и все розыски смерти не удавались, а только более распаляли воображение!⁷⁴ Но то были временные лишь схватки невыносимого подчас состояния ума — но были припадки другого рода; припадки, независимые от нас и как бы вызванные извне; припадки, обнаружившие не острые признаки болезненного воображения, а целый ряд последовательных, продолжительных указаний на повреждение отчасти умственного снаряда! Каким образом пояснить все эти вопросы, путав-

вольно громко поодадь сидевшего на коне Ф. П. Уварова⁷². Чернышев для скорейшей передачи услуги и [желая] выказать свою близость к обоим (он был г[енерал]-ад[ъютантом] государя и некогда адъютантом Ф[едора] П[етровича]), подхватил зов и звонким своим голосом прокричал: «Уваров!» Тогда всегда важный и хладнокровный Ув[аров] шагом направился к государю и, поравнявшись с Чернышевым, в свою очередь, громко обратился к нему и по складам вымолвил: «Чер-ны-шев», — приподнял правую руку и погрозил ему расстановочно указательным пальцем. В виду государя, всего генералитета и всех офицеров. Эта выходка старика была более чем эффектна и крайне смешала всегда дерзкого и самодовольного любимца государя, но не наших воинов. В нем что-то было отталкивающее, et le beau Tartare était déjà russe même par les lionnes du temps [И прекрасный татарин был уже признан русским даже светскими львицами своего времени (франц.)]. (Примеч. А. В. Поджио.)

шие вконец подсудимых, по их многочисленности и несообразности обстоятельств; допросы, вызывавшие те многие показания, противоречившие самой истине по времени и по свойству указанных лиц и случайностей? Каким образом пояснить эти сознания, признания; эту чисто русскую откровенность, не допускающую коварной, вероломной цели в допросителях? Как объяснить, что люди чистейших чувств и правил, связанные родством, дружбою и всеми почитаемыми узами, могли перейти к сознанию в погибель всех других? Каким образом совершился этот резкий переход в уме и сердце этих людей, способных на все благород[ное], великодушное? Какие же тут затронуты были пружины; какие были пущены в ход средства, чтобы достигнуть искомой цели: разъединить это целое, так крепко связанное, и разбить его на враждующие друг другу части? Какие — пытки, угрозы, увещания, обещания и поддельные, вымышленные показания!..

1-е. Пытки? — заключались: в наручных цепях! Они наложены были на Якубовича и П. Борисова. Других во время следствия сажали на хлеб и на воду и в особенные темные сырые казематы и пр.⁷⁵

2-е. Угрозы? — Сам [Николай] из своих царских уст, выслушав меня, взмог в бешенство и велел меня судить военным судом и расстрелять в 24 часа. По приезде в крепость комендант Сукин мне сказал: «Извините и не взыщите; мне велено содержать вас строго»; — и точно, засадили меня в такой каземат, что С. С. Стрекалов⁷⁶, обходя заточенных, ужаснулся, и на другой день я, обязанный ему, был переведен в другой каземат и впервые тут узнал, что есть степень лучшая и между этими смрадными жилищами!

«Мы заставим вас говорить; мы имеем средства заставить вас сознаваться» и т. д. — вот слова, которыми щеголяли высокие следователи.

Увещания? — были производимы и духовными, и служебными, и частными лицами, с намерением допускаемыми. Вопрос более чем щекотливый определял искренность или вероломство посещавших нас увещателей. Изведав на деле увещателей-следователей, я и не коснусь их на этот раз; относительно посторонних бог да будет им судья! Сущность их увещания состояла всегда на том же милосердии царя, на желании его знать одну лишь истину и пр. Все высшее и следующее будет мною подробно исследо-

вано в разборе критическом нашего дела. Скажу на этот раз, что прочерченные наскоро причины, взятые вместе, имели то пагубное влияние, что, воспользовавшись нашим слепым доверием, мы пустились в чистосердечие, в русскую откровенную болтовню и дали им повод к оправданию допущенных ими зверских наказаний! Достаточно было того знаменитого дня, когда после взводимых показаний брата на брата, друга на друга мы, собранные все вместе в Павловское каре для вывода нас на место казни, мы, в объятиях самых горячих, забыли и горе, и страдания, и судьбу, нас ожидающую. Здесь проложен рубеж и стоит черта, резко нас отделявшая от прошлого с настоящим и нашей будущностью! С этой поры мы обновились новыми силами... и если в виду двух столбов с перекладиной и замерли наши сердца, то это для того, чтобы забиться боем правильным, возрастающим и непрерывным до конца!.. Много, много нам будет испытаний — но мы их вынесем победно! Наши верования не ослабнут, а окрепнут, и мы останемся верными себе и той России, которая нас так же громко отвергла, как тихо и забыла!.. Пусть время под вашим еще ожесточенным дутьем стирает одно за другим наши имена; пусть оно затрет наше дело, так слабо поднятое и так накрепко заколоченное в гроб забвения — пусть... Но нет, есть начала, есть истины, не подвергающиеся порче, и как проводники, хотя и схороненные, остаются истинными! Будет им и их время. Вера в бога, вера в человечество, вера и в его будущность. После нас и вас...

Темница, говорил я, не тушила, а разжигала; чем более суживается тело человека, тем более дух ищет себе шири, простора! Мысль пробивается сквозь стены, затворы; всегда вольная, свободная, но недовольная и раздраженная, она более всего врывается, и как бы вы думали? — в чертоги царские! Там — за стенами, в полном вооружении не таится, не скрывается, — нет! во весь великанский рост видимо стоит не баснословный, а чисто исторический Сфинкс, предлагающий мне денно и нощно на разрешение загадки своего существования!! Вопрос, столь близкий мне, столь связанный с моим бытом, что он сделался как присущим мне! Как преступник государственный, а не другой, не естественно ли мне тут же, при моем осуждении, обратиться к той власти, которая так люто меня казнила, меня, человека? Вор, убийца и вообще общест-

венный преступник впадает и следует другому разряду и мыслей, и ощущений; он ожесточается, но вряд ли, как бы ни закоснели в нем начала порчи, он станет себя оправдывать и взводить на судей несправедливую вину. Он знает, что он преступник, и при человеколюбивом, христианском за ним уходе он может легко обратиться, пожалуй, и в честного человека, как и видим мы там, где закон за карой преступника ведет и обязанность об улучшении его нравственности*! Он может обратиться — да оно и возможно, и утешительно, и таким обращением он не только возвысится в глазах общества, но возвысится в собственно своих — он обновился, переродился, облагородился. Но при тех ли условиях считает свои, отнятые у него дни государственный преступник в темнице? Мыслимо ли в этом случае обращение и, допуская даже случайный такой переход ума, можно ли допустить искренность и чистосердечие. Такой перелом в понятиях невозможен; он не только противоречит чести, совести, но и самому здравому рассудку, сложившемуся при таких, а не других принятых и усвоенных убеждениях! Убеждения эти здесь-то, в темнице, и крепнут! Здесь в виду и при испытании всех действий той бесщадной, произвольной, насильствен[ной] власти я еще более ожесточаюсь и вооружаюсь против нее всеми умственными моими силами! Здесь я разгадал загадочного сфинкса и от души пожалел, что не служил я Эдипом для его низвержения!⁷⁷ Да какая же это сила? и если она была порывистая, каким образом она обратилась в силу непоколебимую, скажем, пожалуй, и законную? Каким образом эта миллионная численность повинуетя слепо, безропотно, кому же? одному? Каким образом все это двигается, живет так противоестественно, по мановению одного — и когда являются люди, исповедующие все начала освобождения народа от гнетущего их ига, то самый этот народ их отвергает и как будто содействует их казни!..

Понятно, что всякое правительство из чувства (ложно понятого) самосохранения восстает на них всеми силами; понятно, что господствующий класс чиновников, дворян вторит такому преследованию... но народ, народ, где же он? Забитый, невежественный, он смотрит даже не пылко на зрелище заклания и расходится бессознательно

* Далее зачеркнуто: виновного.

по домам. Народ коснел в рабстве, в невежестве, и мы избегали его; избегали этого взрыва, который уподобился бы пороховому когдa-то в Англии заговору⁷⁸. Военные поселения, варварское обращение некоторых помещиков и общее всем самоуправие с крестьянами — какие были бы для нас силы, но мы их обошли, чтобы не ввергать общество в неминуемые смуты до правильного впоследствии их устройства! Все эти силы негодовали, таились, выражались частыми бунтами, но стихли при нашем появлении: так дики, невыработанны были стремления народа к тому, непонимаемому им лучшему! Такое отчуждение народа смягчало и отчасти мирило меня, не говорю — с нашей неудачей (удачи и быть не могло), а с той мыслью, что народ, оставаясь в стороне, оставался при своем бесправии, а поэтому при прежней своей силе! Сила его до того росла, что вынудила, наконец, правительство осуществить на деле цель, которую общество без устали преследовало, а именно, освобождение крестьян! Спрашивается, почему эта цель не вменена нам была в преступление и почему так молчно обошли этот вопрос и судьи, и люди большие и малые! Верно, не стало духу выказать нас с этой преступной стороны!⁷⁹ И если мы первые поклонились 19 февраля перед верховным освободителем, то могли ли мы, декабристы, не видеть, как пророчески и государственно выступила тень Пестеля с Русской Правдою в руках! Освобождение с землей — так и быть, и хвала тому, кто понял и привел в исполнение эту спасительную мысль для России!⁸⁰ Пусть так!.. Но вырвать такую славную страницу из нашего дела; отнять у Пестеля единственную праведную славу, одному ему принадлежащую, — не есть ли это вероломное искажение исторической истины и не есть ли это явный грабеж ума и сердца! Многие ходили у нас проекты и мысли относительно освобождения крестьян, и все принимали личную свободу при вознаграждении денежном владельцам. Но мысль освобождения крестьян с землей принадлежит Пестелю одному!

Обращаюсь к моему заточению. Я думаю, что хотя и поверхностно, но достаточно себя выказал, под каким настроением ума я находился и почему ум мой, несмотря ни на какие последовавшие влияния, должен был сохранить свой особенный отпечаток. Тюрьма наложит свою неизгладимую печать, я сказал, печать эту ношу и поднесь. Конечно, время, опыт подвергли и меня изменению,

но основа все та же, и я так же стою твердо теперь, как стоял и прежде. Воззрения другие; но преобладающая точка все та же; средства к достижению цели могут быть другие, но цель — все та же! Все то же ограничение всякой власти; искоренение произвола, в каком бы он виде и в каком бы лице они ни проявлялись; единую избираемую законодательную палату и введение выборного начала по всем отраслям правления при всеобщем голосовании. Подразумевая, конечно, суд присяжных, свободу слова, печати и сходов — вот и все — и, кажется, не много... При таком воззрении, конечно, я буду казаться рассказчиком и жестким, подчас и неприличным, но как же мне быть? Не могу же я и мыслить, и чувствовать другим умом и сердцем, как не своими! Какой вороной мне ни быть, а павлиньих перьев мне не взять... впрочем, послушайте, что мне прогремят, и вы сами рассудите, что я за чудовище человек. Слушайте: я, помнится, говорил, что нас 12 человек вытянули в шеренгу в зале Комендантского дома. На правом фланге стоял Трубецкой, за ним Оболенский, 2 брата Борисовых, Спиридов, Горбачевский, Бярятинский, Поджио, Арт. Муравьев, Вадковский и Бечастнов, всего 12 человек!⁸¹ Странно! Каким образом людей, подведенных к одной казни, к одной участи, не подвели под ранжир и, таким образом, не соблюли правил военного строя при взятом военном в зале распоряжении? Упущение 1-е. Во-вторых, взойдя в эту залу, конечно, и самое естественное движение ума было окинуть глазами всю эту, так неожиданно раскинувшуюся картину, и первую мыслью моею было, что то был, по всем вероятностям, суд над нами! Но боже мой! Сколько же тут на меня, грешного, накинется судей? и что, подумал я, если вздумается каждому из них мне предложить хотя бы по одному вопросу? Я несколько, признаюсь вам, смешался и стал с быстротою молнии обдумывать образ своей защиты. Надо вам сказать, что в таких случаях мозговой аппарат действует с невероятной быстротою и пробегает, право, едва ли не в минуту все то пространство, на котором раскинуты задачи нашей жизни и для объема которых нужно время целой жизни!

Терять жизнь? Какой не для вас, но для меня вопрос? И могу ли я признать право на эту жизнь за кем-нибудь? А еще более за этими людьми, восседавшими надо мной? Как они гордо, спокойно, самонадеянно расселись вокруг

этого стола, покоем поставленного! Тут лица и духовные, и военные, и гражданские; все три высшие классы, государственные высшие чины и пр.⁸² Их так много, этих высоких, что они не уселись за столом, и должно было их разместить на возвышенном помосте, устроенном по углу правой стороны! Для такого торжества решительно объем залы не соответствовал — оно было и предвидено, но всякое другое избранное помещение вне фортеции найдено было неприличным и несовместимым с тою таинственностью, которую в таком государстве, как русское, облекают дела такого рода!..

Итак, по количеству столпившихся здесь лиц и по малому размеру комнаты судьи, подсудимые, стражи — все мы стеснены, взяты в тиски. Все выходы заняты: двери на замок, окна на крючки; гренадеры охраняли одни и другие (мог кто-нибудь пробиться в дверь или выскочить в окно!!!). Стало жарко, невыносимо душно, солнце 10-го июля!⁸³ И суд начнется при таких условиях? Что, если сибариты мои судьи потеряют спокойствие духа и начнут наскоро метать свои вопросы: запутают себя и нас! Министр юстиции Лобанов-Ростовский⁸⁴ первый перед нами — он волнуется на стуле и беспрестанно то вскакивает, то садится на него! Впрочем, он известен по всегдашней своей суетливой горячности; он же, как видно, и хозяин дома, и дела — он один распоряжается, начальствует и дает всему направление и движение. Боевой генерал второстепенного разряда, он отличался особенным бескорыстием и честностью, но в деле правосудия, не знаю, насколько мог он ему быть полезен! Это тот самый Лобанов, которого императрица Мария Федоровна⁸⁵ и прозвала «la justice»*, до того прославился князь в ее глазах в смысле правосудия. Как бы то ни было, но эта justice, или Фемида, облеклась в свой полный генеральский мундир и вместо отложенных, конечно, на время весов, держала в руках большой сверток бумаг, который он, разбирая по частям, вручает стоящему близ него обер-прокурору Журавлеву (будущему сенатору), который, в свою очередь, тут же передал какому-то юноше-чиновнику, расположившемуся перед налоем, у ног его установленным. Белокурый, щеголеватый господин, имя которого я не знал и знать, пожалуй, не хотел, разворачивает листы и громким

* Правосудие (франц.).

звонким голосом начинает — как бы вы думали — подпевать нам подготовленную уже лебединую песенку!⁸⁶ Да! Не стало случайности счастливой, и настала та зловещая случайность, при которой, возможно ли вообразить себе, сотни судей⁸⁷ без допросов, без суда засудили целую и более сотни молодых людей на самые позорные и лютые казни! Зачем нас свели? поставили лицом к лицу с этими судьями-истуканами, не подавшими ни один не только голоса человеческого, но и признака малейшего, хотя бы животного зверства? Пропитанные духом лучших учителей права, в особенности я, поклонник моего Ивана Яковлевича Руссо, присвоивший себе законодательные истины Беккариа, Филанжиери, Бентама⁸⁸, <...>* могли ли мы не смутиться и в полном смысле слова не возмутиться при таком заявленном презрении к правам защиты всякого обвиненного! Здесь мы только разгадали свойство так нагло, бесщадно, бессовестно восставшего на нас врага, и здесь мы, в свою очередь, вооружились всеми вызванными силами пробужденного в нас русского достоинства и обрелись на то стяжение мученичества, которое и вынесли до конца...

Итак, суд не состоялся, по крайней мере, в виде даже русского законовещения: мы не были допрошены, выслушаны, потребованы к оправданию, к защите дозволенной, указанной самим законом! Верховный уголовный суд счел такой способ действия обременительным для людей, столь озабоченных государственными делами, и нашел гораздо удобнее положиться на указания Следственной комиссии и принять их в неизменное руководство. Вполне освещенные указаниями комиссии, чересчур убежденные их доводами и выводами, наказно направленными к неперемennomу всех нас обвинению, судьи эти не могли и не должны были требовать от нас ни дополнений, ни объяснений, ни оправдания; для них в этих тысячах показаний, вызванных под гнетом стольких вероломных и понудительных влияний, в этих показаниях, говорю я, было столько ясности, столько юридической, строго разобранной и представленной истины, что следовало только подвести итоги приговоров и казней. Заметить надо, что здесь был, однако же, соблюден порядок судебного действия, а именно

* Одно слово неразб.

приговоры были предъявлены до приведения казней в исполнение.

Молодой белокурый господин, которого я назову экспедитором,—так он спешил исправлять свою должность, вероятно, заблаговременно искусился в заданном ему уроке! Спиною к нам, всеми глазами к листку, разложенному перед ним, он только и оборачивался к нам при прочтении каждому подлежащего приговора. Читал он звонко, с убеждением; голос был его тверд и очень искусно ставил запятые и даже точки, когда следовало отделять одно слабое преступление с высшим; а преступлений? — сколько их было собрано, и каким числом они ложились на каждого отдельно???

Трубецкой первый выслушал свой приговор, а за ним и прочие другие. Я здесь сделаю невольное упущение, а именно умолчу о содержании приговоров, взятых отдельно и в подробности. Несмотря на десятки лет, пройденных с того времени, и переходя к нему, я не могу, коснувшись такого кровавого предмета, говорить с должным, неестественным спокойствием! К тому же я пишу для немногих, и если из этих немногих найдется человек, который вздумает пополнить грустные некоторые пробелы, то пусть он потрудится прибегнуть к официальным печатанным доносам, донесениям, докладам и пр. Признаюсь, сверх желания избежать болезненного чувства говорить (на этот только раз) о подробностях приговоров, есть также какая-то сдержанность в этом слове — боюсь выказать себя почти что с отвратительной стороны, в особенности, если, не зная меня, верить им на слово: я и все мы выказаны людьми крови, какими-то чудовищными карикатурами, безумцами и пр.⁸⁹, и вот почему (только на этот раз) отклонюсь от подробностей до времени их разбора. Скажу только, что приговоры так сходны были, как по содержанию, свойству и числу преступлений, сходны между собой, что трудно уяснить себе, каким образом преступники обозначались номерами и почему 1-й не делался 5-м или 12-м; так точно, почему 12-й не зачислялся 5-м или же 1-м⁹⁰. Судьи наши должны были быть одарены большими психологическими, конечно, вдохновениями, чтоб определять такие числительные оттенки. Впрочем, мы увидим после, до какой степени в распределении наказаний судьи эти предавались случайным, сбивчивым по рас-судку, по совести решениям...

Экспедитор спешно, бегло прочел приговор общий: присуждение к смертной казни с отсечением головы на плахе!.. причем он оказал свое драматическое дарование: он умышленно остановился на этой картине, где голова скатывается с тела, и думал такую расстановкою потрясти нас вконец... Спустя добрую минуту он возвысил опять свой голос и стал дочитывать недоконченный период: «но государь в милосердии своем и т. д. заменил смертную казнь сосланием в вечную каторжную работу». С этим словом он очень ловко повернулся лицом к нам на правой ножке и как будто откланялся! Журавлев взял бумаги, передал их министру, который вскочил со стула, и маленький живой человечек поднял правую ручонку и подал знак, указывая на выходную дверь... Какой-то командир подошел к нам, что-то приличным полголосом прошептав и повернув нас направо, стал всех спускать по лестнице! Внизу и по бокам лестницы образовалась какая-то малочисленная публика⁹¹, сзади которой выказывалась голова неизбежного Мелина (человек всех церемоний, гульбищ, званых столов, приятель всей гвардейской молодежи)⁹², и тут же Якубович громким своим голосом пустил ему какую-то драгонаду, то есть остроту (как он называл, находясь на службе в Нижегородском прославившемся на Кавказе полку). Острота, вероятно, имела успех, потому что за ней последовал общий хохот! Какая черта русского характера, выразившаяся такою выходкой удали в такой не совсем очаровательный момент. Нас повели в Кронверкскую куртину; прежних обитателей казематов не было — они выведены были для выслушания приговоров, и нас разместили поодиночке в опустевших на время стойлах! Завели меня, теперь поистине животного, в смрадное это стойло, дверь захлопнулась, замок заскрипел, и я очнулся наедине с самим собой! Какая встреча? — и в какой момент жизни — и моего быть или не быть? Не знаю, случилось ли вам соскакивать ночью бессознательно с одра при виде во сне пожара, пропасти; случилось ли вам и наяву вдруг неожиданно завидеть свое распадение и всеми силами оставшегося ума броситься в самого себя? Разыскивать, допытывать самого себя, глаз на глаз, искать, допрашивать спасительного ответа? Всякое замедление — губительно, весь успех в решении скором, быстром вопроса! Тогда только может выказаться убеждение — а с убеждением и самая сила! Задумывались, конечно, и вы

вчастью, и как при бывалых превратностях своевольной судьбы не побеседовать уединившись, сосредоточившись с самим собой? Не посчастливилось в одной службе, не перейти ли в другую? Удалиться ли в провинцию или же повертеться еще по передним в столице? Пуститься ли во взяточничество дозволительное или же слегка дозволенное? Обойдут ли крестиком, чином, то вынести ли аффронт* смиренно или же заявить себя истым патриотом: нахмуриться, надуться, не говоря слова? Если же лишали места или отказывали таковое, то не домогаться ли исподволь другого или же примкнуть в порывах высшего патриотизма к числу недовольных, называемых либералами. Выйти даже в отставку и начать ту заносчивую брань, вполголоса, конечно, брань, касавшуюся высших государственных чинов, не исключая не только Аракчеева, но и самой глухой тетери!⁹³ Вот до какого неистовства доходили либералы нашего времени, до каких решительных моментов вызывался тогда русский человек и как часто, вынужденный углубиться в самого себя, он должен был выказываться невольно существом по тогдашнему самостоятельным. Сколько таких и много других вопросов предстояло каждому из нас решить. И как скоро, опрометчиво, на русский лад мы их порешали! Сегодня решишь одно, посмотришь, завтра другое, а там и третье. Лагерея не было, а мнений установленных и подавну; везде одна военщина и ее понятия; гражданственность, пожалуй, и зарождалась, но под наносными иноземными влияниями; зарождалась без гласности, без данного направления, а потому все шли бесцельно, врозь и каждый был безответно сам себе судья, сам себе вожак!.. В решительные минуты жизни человек допрашивает одного себя — не принимая в расчет внешних условий, если они противоречат его корыстной или попорченной цели! Я, да я и только я; вот бывший наш единственный двигатель в помышлениях и действиях наших! Вот почему современники мои и я сам так скоро и могли решиться на одно или другое: относя все к своему собственному интересу — объем других обязанностей нас не связывал — и мы, как говорилось, выходили из этой с самим собой беседы почти всегда торжественно, победой! Не так ли и я, относясь к самому себе, к убеждениям своим собственным, пожалуй, и к честоло-

* От affront — оскорбление, обида, бесчестье (франц.).

бию моему, особенного рода, не так ли я, не испытыв, не взвесив ни чужих, ни своих сил, поуглубившись несколько в самого себя, выступил на то поприще, на ту не по силам борьбу, которые, наконец, меня и сломили!! Но все это мы делали, творили при условии какого-то ограждения; была, пожалуй, и некоторая свобода действий на этой бесконечной шире родины, где мог я невозбранно любоваться моим еще солнцем; дышать своим еще воздухом! А теперь, теперь божий для всех мир — не мой; он необъятен для всех, но для меня заключен в двух квадратных саженьях. И вот на каком пространстве и при каких условиях я очнулся один и должен был развернуть все силы свои и умственные, и нравственные* против своего торжествующего врага! Здесь не бой и не борьба — нет; выпавший меч здесь бессилен, а нужна одна броня, броня, о которую будут притупляться, разбиваться все наносимые мне удары! Броню, сказал я себе, найду, и нашел ее! Но при каких усилиях и при каком сначала изнеможении достиг я искомого состояния моего упавшего духа!! Я не пишу во всеуслышание; пишу для немногих без всяких предварительных, заданных себе целей! Не думаю и не хочу служить никому ни примером, ни образцом; не думаю, читатель, о вашем назидании или обращении и, предоставляя вам всю свободу мыслей, прошу взамен позволить и мне мыслить и свободно, и безответно! Если вы не были в моем положении, если вы не понесли на деле коренные утраты условленной жизни, то вы будете чтецом, пожалуй, — но судьбою моим никогда!.. Можете, допускаю, отвергать такие или другие мнения, но подвергать меня, тайник мой вашему суду — нет, нет! никогда. Это право не дается и не приобретается ни в гостиной, ни у письменного стола, ниже в заседании Верховного суда, а приобретается — знаете где и при каких условиях? Нет; вам там не быть и не пройти вам всю гамму человеческих страданий! Не испытавши их, вы их и не поймете. Знайте, что если вам нужны эксперты для обслуживания всякого отдельного производства, то еще более нужны бывалые эксперты в продуктах политического материала. Нет! — вы не мои эксперты. Я вас отвергаю как судей. Говорить буду откровенно и перенесусь в те памятные для меня схватки с силой, выразившейся так бесщадно, безумно и

* Далее зачеркнуто: чтобы не сразиться, а лишь помериться.

дико!! Я, помнится, сказал, что подсудимый, особенно политический, является почти что двумя противоположными личностями, а именно: личность, взятая до приговора, и та же личность, противопоставленная первой, после последовавшего приговора.

Подсудимый ввергается, как водится, в темницу; как водится, и сыро, и темно; зеленым цветом окрашенная деревянная кровать; плоский тюфяк, набитый грубою мочалкой; плоская подушка из той же мочалки; все это обтянуто грязной толстою дерюгой; у кровати столик с оловянной кружкой; в углу деревянная шайка; шесть замазанных стекол в окне за железной решеткой, дверь с одностекольной форткой (в которую страж мог бы наводить свой мучительный для затворника взор, и дверь та на затворах) — вот принадлежности не совсем очаровательные нового вашего жилища, и не надо забывать, что я взят по одному только подозрению и при своих всех сословных правах! Признаюсь, когда страж мой меня завел в этот хлевок и, не сказав и одного слова, повернулся и захлопнул дверь, громко повернув два раза ключом, я просто вздрогнул и безотчетно чего-то устрасился! Не мог себе поверить, себя узнать при такой раскрывшейся моей ничтожности.

Однако ж эта ничтожность до того выказалась резко и болезненно, что я едва мог прийти в себя! Как? говорил я себе, вчера на двух тройках прикатил я ко дворцу; на одной сидел я с адъютантом генерала Небеля, поручиком Свечниковым; на другой следовал за мной при унтер-офицере находящийся у меня в услужении шляхтич, пан Ян Соколовский; вчера еще услуживали мне офицеры Преображенского моего же полка; они меня на гауптвахте осматривали, раздевали, одевали; вчера еще я был и ночевал во дворце (комната большая в нижнем этаже против Адмиралтейства, от государева крыльца направо!⁹⁴ Здесь было три, четыре дивана по углам, с ширмами, отклоняющими вводимого гостя от других); сегодня я беседовал в Эрмитаже с В. В. Левашовым (допросы его более походили на беседу, так был он вежлив и мало настойчив)⁹⁵; сегодня же представлялся кому же? — самому государю; сам он хотя и удостоил меня обещанием расстрелять в 24 часа, но все-таки был милостив, не гнушался мной и говорил... А теперь, теперь заброшен в эту смрадную яму, и никто, никто не отзывается; все от меня отворачиваются, бегут

и как от прокаженного затворяются! Какая же это сила, спросил я себя, которая так чародейно, мгновенно подействовать могла, чтобы ввергнуть меня в такую пропасть бессилия? Каким образом совершается и возможен этот процесс насилия над существом, над человеком, наполненным одними высшими человеческими стремлениями, и этот человек отчуждается от всего мира и заживо погребается! И нет этому политическому лицу ограждения, нет для него ни защиты, ни оправдания, нет суда: он заранее обречен на казнь; казнь будет его кровью и плотью.

Такое сознание ничтожности своей при таких условиях неизбежной гибели есть высшее оскорбление, высшая обида, какая только может быть нанесена властью мнимому русскому государствен[ному] преступнику. Нет! — не страх его возмущает и не утрата жизненных условий, положения, нет. Здесь задето его самолюбие, к добру направленное, здесь глубоко потрясено его высокое человеколюбивое достоинство! Я не убийца, и не вор, и не разбойник, для которых весы и мера, при разных изменениях, одни и те же во всех государствах — нет! — я политический, как вы называли меня, преступник, и у меня мерило не ваше, а свое. Самые святые начала истины христианской и гражданские начала, исповедываемые целыми народами; вы мне их вменяете в целый ряд преступлений, и я при моих укоренившихся убеждениях сознаваться должен в своих заблуждениях и должен променять на гнусную вашу ложь светлую вечную истину! Первый шаг в темницу был первым шагом моим к следованию предназначенного мне рокового пути; я его понял, разгадал, и вот почему этот шаг до того был для меня впечатлителен и резок, что все последующие за ним шаги были только последовательными и не имели на меня уже того первого раздражительного влияния! Были дни невыносимо тяжелые; но дни эти падали прямо на сердце исключительно и не касались того умственного достояния, которого меня хотели лишить в первый день моего заточения! Как бы то ни было, я должен был вынести это новое, непредвиденное испытание и выдержать этот натиск всех взведенных вдруг унижений и угнетений! Я чувствовал приближение решительного нравственного распада и как-то, устыдясь самого себя, стал обращаться, прибегать к силам не собственно моим, которых я не находил, а к силам внешним и увы! уже чужим. И почему мне не сознаваться в моих ослаблениях,

когда могу еще воспрянуть и воспряну... Человек, в особенности общественный и при заданном направлении, всегда влечется к уподоблению себя с данными или предвзятыми им образцами! Такие путеводные звезды есть у каждого из нас, как бы мы ни выказывали себя самостоятельными. Мы, как опоздавшие деятели, вступаем в ряды человечества уже как последствиями, а не началами; волей или неволей в нас будет всегда отражаться будущее при низвержении прошедшего.

Я чувствовал, как говорил, свое распадение и должен был себя подкрепить, одушевить силами других — но где же эти другие? Знал я их и поклонялся им... но то были не русские, а мне хотелось, как русскому и по русскому делу, непременно ворваться в свою отечественную историю. При возбужденном воображении такие розыски делаются скоро, бегло, и недолго мне было пройти мысленно по главным событиям и, наконец, прийти к странному заключению! Какие ни были смуты, бунты, восстания, все они имели особенный, по большей части местный, временный характер, не имеющий никакой связи, никаких отношений с общим характером страны! Суковнин, Стенька Разин, Пугачев — сами они и дела их не подходящие к нам!⁹⁶ Были, конечно, перевороты, но перевороты дворцовые, в которых принимали участие одни временщики или же вельможи, своекорыстно преданные личности одной или другой! Люди, косневшие в злоупотреблениях и чуждые всякому благому стремлению, они гибли, губили друг друга; шли славно на смерть, на истязания; но люди опять неподходящие и, заплатив дань им сострадания, невольно отворачиваешься от них! Было одно движение при воцарении Анны Иоанновны — но тут же оно и заглохло среди общего крика «Цари, цари самодержавно!»⁹⁷ Были даже цареубийства! Убивают Петра! Он немец, говорят, а нам давай немку! Он дает некоторые льготы дворянству, народу; он прекращает безрассудную, разорительную войну с Пруссией; издает некоторые указы, поощрившие промышленность, торговлю... бейте, душите его!..⁹⁸ Орлов, Барятинский, Теплов и Пассек!!! Вы извели законного царя, но вас судить не станут; вас наградят богатствами и почестями; а ты, Орлов, ты будешь, как ни скуден умом, первым государственным человеком и как убийца требовать руки убийцы!..⁹⁹

Иван Антонович, юноша, предназначенный на царство,

заключается в крепость! Не взять ли его в пример мужества? Нет; полуотравленный, он впал в какое-то животное, бессмысленное состояние! Мирович послан будто бы его спасти и возвести на престол. Он не видал его и к нему и не прикасался — правда! Но его, Мировича, повесят, а страж-убийц за верность наградят...¹⁰⁰

Павел первый обратил милостивое внимание на несчастный быт крестьян и определением трехдневного труда в неделю оградил раба от своевольного произвола; но он первый заставил вельмож и вельможниц при встрече с ним сходить с карет и посреди грязи ему преклоняться на коленях, и Павлу — не быть! Пьяная, буйная толпа заговорщиков врывается к нему и отвратительно, без малейшей гражданской цели его таскает, душит, бьет... и убивает!!¹⁰¹ Свершив одно преступление, они довершили его другим, еще ужаснейшим! Они застрашали, увлекли самого сына, и этот несчастный, купив такую кровью венец, во все время своего царствования будет им томиться, гнушаться и невольно подготавливать исход, несчастный для себя, для нас и для самого Николая...¹⁰² Убийцы были награждены... За ними был легкий, жалкий успех! Нет! — они нам не пример — то были действительные убийцы; убийцы прославленные; мы же... доскажу впоследствии... но я искал для себя образцов и не обрел их! Русское наше общество не развивалось по особенным законам, а стояло неподвижно на своей славянско-татарской почве, не заявляя никаких потребностей, стремлений народных! Странно и то, что, нуждаясь в примерах, оказанных в заточении, я заметил, что эта кара именно и была изъята из числа прочих! Владыки наши как-то чуждались этого рода наказания. Находили ли они его крайне жестоким или чересчур мягким или же как общеупотребительное в других странах Европы не хотели его допускать у себя, но дело в том, что они предпочитали ему (может быть, и по привычке и чтобы не изменять порядку) ссылку в отдаленнейшие остроги, обители, если только не подвергались преступники четвертованию, колесованию, отрезыванию языка, вырыванию ноздрей, клеймению, пытке, праважу, ломке членов, кнуту, батогам, плетям и пр. И как мужественно выносили несчастные все эти истязания, но мужество это не по мне, как неприменимое к причинам, его вызывающим, и я, не находя себе образцов в былом, стал их допрашивать, доискиваться вокруг себя! Здесь пообок

меня томятся такие же, как я, страдальцы по темницам, по длинному каземату, разделенному на кельи, я мог пересчитать затворы каждой из них и убедиться, что здесь полуживые мои товарищи, друзья переживают и, может быть, и доживают последние дни, отсчитанные не промыслом небесным, а земным! Я не один! Здесь сотня избранных, и нам ли унывать!..

«Сторож?» — крикнул я. Молчание. — «Часовой?» — Молчание. — «Унтер-офицер?» — думал польстить. Но то же молчание! — «Попросите ко мне плац-адъютанта!» — Голос не отозвался, но слышались шаги. Вдруг ключ заскрипел в замке, дверь растворилась, и входит сторож (они все на один покрой) и расставляет на столе миску оловянную, с штями одну, другую с грешневой кашей и тарелку, на которой разложены четыре кусочка высохшей телятины!

«Это обед?» — спросил я. Молчание. — «Дай же, — я сам себе отвечал, — поизведаю эту стряпню». Шти — что за капуста! Что за жир и вдобавок подгорелый! Не могу пропустить, и только. Тоже телятину, на воде жаренную; на каше должен был остановиться — горчайшее сливочное масло до того меня покривило. Сторож, кажется, счел меня за бунтовщика, так скоро вынес почти затронутый обед! «Скверно, — подумал я, — герой-то я герой духом, а привычки все верх берут!» Право, невыносимо: хочется и того, и не хочется этого; просто чад в голове и только! «Авось — не будет ли другого!» — и при этом пожелании явился плац-адъютант! — «Что вам угодно?» — «Прикажете внести мой чемодан; также и трубки, и табак!» — «Здесь этого не полагается». — «Что вы хотите этим сказать?» — «Что здесь этого не положено!» — «Ясно, очень ясно, нечего сказать; прошу вас доложить плац-майору, что я желаю его видеть». — «Через час он будет обходить караулы и, вероятно, зайдет и к вам; мое почтение», — промолвил он и вышел! Чуть-чуть после обеда не бросился на кровать поотдохнуть, но, испугавшись такого порыва, на этот раз еще воздержался от прикосновения и начал ходить и приводить в порядок рассеянные свои мысли. Дело предстояло важное: встреча с новым отцом-командиром: плац-майором крепости!! Надо же было мне поразведать кое-что о своих правах, чтобы знать черту, за которою требование не обращалось бы в просьбу, чего я не хотел допустить! И здесь, в этой могилке, отзывается все то же жалкое

существо при всей суетности своей дворянской! Шутка, а я-то именно и буду вести всю свою защиту под этим оставленным мне щитом! Краснощёкий лысый толстяк, пожилой Подушкин¹⁰⁴ предо мной или, вернее, я перед ним!

— Вы, верно, помните меня, майор?

— Я-с, извините, никак нет-с,— ответил он мне, оглядываясь во все стороны!

— Как же, я очень вас помню; два года тому назад я бывал у вас на гауптвахте, где содержался товарищ мой Бологовский¹⁰⁴ по случаю дуэли, и думал ли я тогда...

— Бог милостив!

— Знаю, да вы как-то немилостивы; я солдатского, черного хлеба не могу есть, а [в белом] мне отказали!

— Булка положена за чаем.

— А табак? Что за дворянин, согласитесь, без трубки в зубах, а ведь я еще дворянин!

— Не положено-с!

— Если в дарованной дворянской грамоте не упомянуто о праве курения табаку, то это потому, что это право само собой подразумевается за дворянами.

— Это так-с! но вот видите, у нас...

— Да ведь вы также у нас в России, где законы все одни и те же!

Майор мой улыбнулся: «Сердце царев в руке божией, повремените, пожалуйста, потише!»

«Какой религиозный человек!» — подумал я! — Счастливец: он верующий! — После объяснились его слова.

— А довольны ли вы обедом?

— Чрезвычайно! Но жирен больно!

— Да! уж мы не жалеем!

— Но пожалейте вы меня! Нельзя ли заменить эти жирные шти кашницей и кашу мне подавать без масла?

— А, батенька, извольте, извольте! (Надо знать, что все продовольствие наше было в ведении плац-майора, и продовольствие определялось по чинам арестантов!!! Генералу определялось 5 р. асс.; штаб-офицеру — 3 р. 50 к., обер-офицеру — 2 р. 50 к.! Значительные суммы, которые, кажется, по сердоболию пл[ац]-м[айор] умел крайне уравнять и подвести всех под одинаковую отвратительную пищу.)

— Позвольте у вас спросить: секут у вас, конечно, на месте — но скажите, где расстреливают?

— Что вы, что вы говорите? Когда же это бывало? Бог с вами!..

— К кому же могу я обращаться в случае надобности?

— Потерпите, повремените; все будет, сами узнаете, сами увидите.

— И скоро?

— Скоро, скоро, до свидания.

— Чемодан с бельем, с платьем и деньги мои 1500 руб. доставлены вам?¹⁰⁵

— Не знаю, не знаю, до свидания.

— Трубку, трубку,— кричу ему вслед.

— Сердце царевы в руке божией.

Видно, эта заученная фраза служит разрешением заданных вопросов этим болванам, которым вставили и мозговицу, и язык, условленные атрибуты этих личностей, составляющих особый тип в разряде словесных животных.

С чем пришел, с тем и ушел, как говорится. Мое положение не только не уяснилось, а как бы еще более омрачилось неизвестностью! «Скоро! скоро,— сказал он,— увидите, узнаете сами!» Нечего делать: давай опять думать да раздумывать; время же за мной! Под вечер принес мне сторож кружку чаю, 4 кусочка сахару и ломоть булки! Поделившись со сторожем чаем и сахаром,—булку оставил для себя, как единственную подпору для поддержания моих сил.

Надо было, наконец, вооружиться и новым родом мужественного отчаяния; надо было — и не шутить! — почувствовать весь упадок сил до изнеможения, чтобы коснуться, улечься на этом загрязненном, страшном клопами, блохами одре... Мучения, которые на нем испытывал, давали мне понятия о прокрустовом одре. Но у меня медвежья шуба была с собой, и я ее употреблял, пока не сделалась она гнездом сгустившихся блох, и должен был даже отказаться и от нее! Пусть эта первая ночь пройдет бесследно. Зачем, к чему выводить все грустные думы, на меня навалившиеся; к чему описывать все эти видения, сны, обуревавшие прерывающиеся часы отдыха бедного узника в первую ночь его заточения? Ужели и в эти, скорее минуты, чем часы, нет для него успокоения и забвения. Нет! — сон есть самое тяжелое его испытание, после, конечно, высшего страдания — т. е. пробуждения в той же темнице, при тех же затворах, при том же безвыходном, унижительном положении! Помню я, помнит, вероятно, и

каждый узник первый день и первую ночь своего заточения! Но как благодетельно создан русский человек! Как он от природы усойчив и подделен! Как скоро он применяется к нуждам голода, жажды; как он, говоря без всякого хвастовства, переносит не только все новые лишения, но и новые в разных видах угнетения! Допросите многочисленных наших бывших стражей, и все они в один голос скажут, как мы, русские, умели в должных границах своего достоинства ограждать себя; как умели мы и самих начальников держать в должной к нам строгости и вместе уважении! Враг наш личный, Николай, отдавал нам справедливость, как он был ни злопамятен, как он был ни неумолим и ни жесток, никогда, однако же, не подвергал нас какому-нибудь унижительному испытанию, так он уважал тех, которые умели выносить все испытания, но не относились, не прибегали ни письменно, ни словесно к его помилованию! И он мог употребить такое средство и не пустил его в ход! Спасибо ему! Он понял нас поздно; целую пропасть проложил между нами, таким образом мы с ним и расстались.

После первого дня настал другой и третий, и все стирались понемногу наши впечатления — все жестокое смягчалось, все неровности как-то сглаживались; расстояния между началом преследования и защиты сокращались, и, как всегда, под конец какой-то гул смягчения страстей раздавался не только по темницам, но носился и вне их стен! Обращение с нами наших следователей, содержание последних допросов, мягкость слова и слога — все вело нас к надежде скорого исхода дела! Исход последует, конечно, несомненно; но чем он обозначится и как он отзовется на будущности не нас одних!

Этот вопрос разрешался не одной судьбой нашей, но и судьбой самой России! Признанием начал, которых были мы отчасти представителями, или же отвержением их во всем объеме определялось свойство, характер предстоящего царствования. Обетшальные примеры, ссылки на пресловутую бабу¹⁰⁶ уже были неуместны и смешны как по духу времени, так и по заявившимся, хотя и слабо, стремлениям русского ума! Движение было; оно оказалось дико, односторонне, но медлить было не время и нужно было направить, идти к цели и идти вперед...

Такое движение, при взятой точке исхода от Александ-ра, не раз представлялось нам, затворникам, и памятно

действовало прямо на наши соображения. В другом отделе я буду говорить подробно о ходе всего дела и какими путями, под влиянием нашего крепостного мира, мы врывались в мир другой и думали предугадать судьбу его, вместе и нашу, нераздельно с ним связанную. Да! мы со всеми увлечениями подсудимого до своего приговора мечтали, обманывались — надеялись...

Стойте! — выслушайте и поймите! Надеялись, да! Мы ожидали не повышений, не наград, а должного, соразмерного наказания, соответственного не столько собственно нашей виновности, как вопиющим интересам государства. Бывшие и теперешние судьи (их всегда так у нас обильно) спрашивали и спросят, вероятно: «Каким образом вы до того опошлились, до того обезумелись в тюрьме, что могли допустить исход другой, чем тот, который последовал?» Справедливо! мы было вашим умом и начали! Сначала, когда стали на нас злобно напирать, и мы пошли было в отпор и держались, насколько было сил; но когда борьба стала невозможна против истины доносов и самих действий, вы, строгие судьи, оставались в своих кабинетах, и легко вам было судить да рядить затворников, отвергнутых и вами, и всеми! К тому же обещанные расстреливания не состоялись; мы как-то стали свыкаться с своими следователями; взведенные ужасы теряли свое значение, и мы мало-помалу пришли к тому заключению, что дело должно будет принять оборот более разумный! Казалось, что дело, возникшее при прежнем правлении и при других обстоятельствах, должно было при новом царствовании утратить свое прежнее значение и подвергнуться не *преследованию*, а *исследованию*, более соответствующему благоразумной цели, в обязанность поставленной всякому вступающему венценосцу на престол! Мы думали также (да простится нам эта простота ума), что и вы, судьи наши, промолвите за нас, представителей близких и для вас начал, хоть одно доброе, общественное словечко, и мы впоследствии только узнали, как вы своими возгласами сочувствовали, взбесившейся власти и как вы вторили во всеуслышание крику мщения. Но оставим этот крепостной мир, где все так превратно чудилось, и перейдем к высшему разряду уставных соображений и посмотрим, не послужат ли и они к выше реченному нашему заключению, и не отыщем ли мы истинно виновных?

Жило-было общество! — начинается как сказка? Сказка

и есть! — слушайте. Общество называли тайным! Кто назвал его тайным и почему оно так именовалось, неизвестно! Тайное и только, и где же? — в России!! Русский человек, каков ни есть, весь налицо; он на даль не годится, он хорош и берет только накоротке: так и оказывалось на деле! Бывало, соберутся люди-братья! Сколько тут и шуму, и бойкости, и решимости — но нет действия, и люди расходятся, и опять затишье в тех же умах, которые испытуются лишь на деле! Русского трудно раскачать; сдвинуть с места, но однажды тронувшийся, ему без дела и не прожить! Без него он не станет воспаляться, а только все более и более остывать! При таких свойствах ума и духа русского человека вы получили уяснения тех загадочных видоизменений, которым подвергалось общество в течение осьмилетнего своего странного, долгого, бездейственного существования.

Возьмите исторический ход всех тайных обществ, существовавших в других государствах! Какое упорство, какую настойчивость вы увидите для достижения хотя бы самой отвлеченной цели! Если цель сокровенная и утаивается, зато гласная, ходовая всегда одинакова и одинаково неослабно преследуется! Возьмите хотя бы масонов, иллюминатов, мартинистов и скажите, мыслимо ли* у нас не только образование таких обществ, но и само зарождение подобных личностей, как С[ен]-Мартин, Вейсгаупт, Сведенборг и пр. и пр.¹⁰⁷ Нет! — русский человек не идеолог — ему подавай все осязаемое — он родится позитивистом. Но если русский не падок на отвлеченности, нет ли у него влечения к более осязательным предметам и не отзовется ли он на призывы другого, близкого для него разряда? Нет ли у него преданий, воспоминаний о лучшем его быте? Нет ли у него тех естественных, живых, острых подробностей к лучшей жизни; нет ли, наконец, тех самых простых определений к ограждению себя от полугодовой стужи и от обыденного тяготящего над ним произвола? И если не проявляются эти нужды, то не затаивались ли в нем эти стремления, все эти силы, требующие только вызова и данного им направления?

Нет! — мой русский человек и в этом отношении не идеолог. Он так умственно забит, до того глубоко загнан он в самого себя, что не выдвинуть его из искомого тайни-

* Далее вписано: они.

ка! Он не подвижен, не выдвигаем; и как отстаивает другой свои права, так стойко отстаивает он свое рабство, свою покорность сложившейся судьбе! Он не возмутим; не увлекаем; и что бы вы ему ни сулили — он сейчас смекнет все на счетах и докажет и вам и себе, что всякая новизна страшнее самой горькой действительности! Пусть человеческий ум повсюду подчиняется предопределенному свыше закону преуспеяния, исторические века проходят мимо его, и время его не коснется!

Там, где-то, человек восстает, ищет своих прав; идет борьба, за ней целые потрясения, перевороты: события вещественные, *внутренние!* Русский человек у себя не восстанет, он ничего не ищет... он как будто нашел свое конечное благо, за пределами которого другого и быть не может! Непостижимой судьбой, непостижимо, русский, отделившись от братьев своих по человечеству, уединился и, не имея в себе собственных творческих сил, подвергся тому тлению, тому умственному, нравственному застою, который в данный исторический момент он и оказывается и неспособным, и несостоятельным!* Он так окреп, до того закалился в своих верованиях, что для этого неизменного, составившегося себе из них итога русский человек не допустит к нему другой руки! И посмотрите, как он отстаивает и стойко, и мужественно неприкосновенность, целостность составившегося по понятиям его быта! Во все времена, во всех его стремлениях и подвигах вы заметите одно: отстаивать, защищать *одно лишь* существовавшее *старое!* При этой единственной цели, при положительном, непоборимом отвращении ко всякой новизне русский человек будет всегда последователен, часто до неистового самоотвержения в своих неуклонных противодействиях! Посмотрите, как он защищает свое старое от пришельцев! Как он одинаково мужественно во все разные времена поражает половцев, и печенегов, и татар, и ляхов, и самих французов (в 12-м году). Как он в своих верованиях религиозных своеобразен! Там католицизм потрясен в своем здании; там движения, передовые умов передовых! там протестантизм со всеми своими новыми созидательными разветвлениями; на Руси другое. Зарождаются те же расколы, но при других началах: отвергая новые книги, раскольник отвергает все новое и стоит на своем

* Так в подлиннике.

старом! Не ищите в этом явлении какую-нибудь сокровенную, гражданственную причину, которая выработалась бы путем мышления; нет; это не движение вперед, а тот же застой сторожевой, которым отличается мой русский человек! Он отстаивает *право* быть тем, чем он был, и всякий нововводитель будет тот же для него татарин! Он так тверд, что для удержания за собой мученического названия старовера он вынесет все преследования! Он до того ожесточается, что решается на высшее для него испытание: он покидает даже свою родину и переселяется на чужбину. Образуются, дробятся выходы под названием некраковцев, беспоповных, филиппонов, но и той приволжской вольницы, откуда выступит Пугачев!!¹⁰⁸

Пугачев? и можно ли пройти с обычным презрением к этой великой исторической личности и не остановиться и грустно, и задумчиво над этим гражданином-разбойником? Какое (скажет и не один) необходимо извержение искривленных понятий, чтобы дойти до сочетания таких слов: гражданин-разбойник, Пугачев? Строгий читатель возопиет: «Какой он гражданин? За мной право им именовать! Я признаю власть, закон, порядок; я истый гражданин, патриот и т. д.»!! — Я допускаю такие убеждения, но не признаю здравость понятий, послуживших к основанию таких начал! Гражданин гражданину рознь — и по образу-вашему мыслей вы не только не оскорбитесь, но даже и возгордитесь, если выкажу вам все расходящиеся стороны гражданских достоинств ваших с достоинствами северного американца, швейцарца, англичанина и пр. Не оставить ли щекотливое это толкование, — мы здесь не сойдемся! Я не учитель; мое же и учение вам не по уму. Могло ли не возмутить вас сознание за Пугачевым права восстающего человека против насилия и не признать его потому именно и гражданином? Он возмечтал, хотел освобождения своего и своих миллионных братьев-рабов; начал как гражданин человечно, а кончил как разбойник бесчеловечно! На ходу он встретил противников-разбойников и сам пошел путем кровавым! Его разбоям предшествовали разбои дикой власти, те, которые и ввергли целые поколения в ту пропасть общественную, которая и извергала одни заявления отчаянного мщения!.. Сердобольный мой читатель не терпит, гнушается разбоев? не правда ли? Не терплю их и я; с тою, однако ж, разницей, что для меня разбой — все тот же разбой, кем бы

и под каким предлогом он ни совершался, если он не совершается во имя права естественного, неотъемлемого человека! Если Пугачев пошел разбоем, то Михельсон пошел тем же путем¹⁰⁹, с тою разницею, что первый стоял за свободу, а последний настаивал в закреплении злодейского рабства! Если я остановился над этим русским Спартакком, то, конечно, с заднею мыслью доказать, во-первых, что Пугачевы вызываются тем общественным строем, в котором вырабатываются подобные личности, и спрашивается, возможны ли они при уничтожении рабства? а во-вторых, тот же самый Пугачев послужит не опровержением, а подтверждением изложенной мною выше характеристики русского человека! Возьмите его в это судорожное время, когда громкий отважный казак проповедует восстание, уничтожение дворян, рабства и восстановление права на свободу человека, посмотрите, как отзывался, как откликнулся этот русский человек на такой близкий, насущный, жизненный вопрос? Тем же холодным, равнодушным и вместе расчетливым отзывом; тем же застойным, сторожевым бездействием, в котором мы всегда и находим напрасно искомого деятеля в деле его преуспевания! И не думайте, что такие неподвижные свойства ума заявлялись только в нижней кладке общества; нет! те же в среднем и в высшем его слоях. Если миллионы рабов склоняли безмолвно, безропотно свою выю перед мечом, то сотни тысяч дворян одинаково раболепствовали, и вы не укажете ни одного права, добытого требованием настойчивого слова или же силою оружия. В России право не требуется, не берется — а даруется свыше. Постыдное даже телесное наказание, которому подвергался ничтожный дворянин, было отменено и даровано ему в виде права! Так сложилась и дарованная ему грамота!¹¹⁰ Уничтожение рабства самого было не вытребовано, а даровано!! Какие грустные доводы для определения значения русского человека с точки зрения умственного и нравственного его развития в смысле общественном и научном. Разложите карту Европы; раскройте летописи всех государств и укажите на эту особенность, до такой степени отсталую по всем отраслям мышления и деятельности гражданской! Вот при таком отсутствии сил народных сила правительственная утверждалась, росла и достигла тех невероятных неограничений, которые и поныне остаются неприкосновенными!

Силою власти и бессилием народным объясняется то внутреннее затишье, невозмутимое, милое спокойствие, которым потешаются правители, а низкие писатели вменяют в достоинство раболепствующим! Пусть гнилушка Запад волнуется, отыскивает какие-то себе права — мы люди восточные, чуть-чуть не азиатцы, мы станем развиваться своим путем, и русский в виде просителя будет выжидать своей судьбы не от самого себя, но от кого, разумеется, следует! Чтобы русский человек не задумывался и не вглядывался в себя, его будут водить, слепца, под руки; затишье наше так хорошо, благотворно, что надо его поддерживать повсюду! К тому же силою вызванный, русский делается охотно человеком внешним! Он оказывается способным к ратному делу и таким бессознательным, что можно его водить на самые бессмысленные разбои! «Как? — вскрикнете все едва ли не в один голос, — наше правительство, наши полководцы, наши ратники исповедуют разбой; вы не признаете ни славы нашей, ни величия нашего и пр.» Простите меня; всякое нарушение прав народных я считаю разбоем; в каком бы размере оно ни совершилось и какими победами ни освящалось не совсем христолюбивое русское воинство! К чему, спрашивается, ходили вы и по Польше, и по Германии при Елизавете? а в Италию-то, в Италию? Разве не для того, чтобы поразбойничать? Какою политическою или чисто государственною причиною можете вы оправдать свое хищничество и в Польше, и в Турции?¹¹¹ К чему все эти завоевания, которые вас не усиливают, а расслабляют? Не имея Польши, вы побороли самого Наполеона и взяли Париж — с Польшею вы привели врага в Севастополь, отдали свое море и о сию пору не могли изорвать в клочки бумагу, обветшавшую от времени и свидетельствующую о вашем политическом упадке!¹¹² И чем могли мы восстановить утраченное влияние вне и доверие в свои силы у себя? Несостоятельность наша по всем отраслям правления, по всем несовременным учреждениям выказалась во всей своей жалкой, неприличной наготе!

Неожиданное поражение раскрыло всем глаза, и все вы почти впервые увидели себя, вы вздрогнули и ужаснулись! Какой поучительный вам был дан урок. Как красноречивы были все эти могилы храбрых! Как грозно выказывались верхушками своих мачт эти потопленные корабли! Везде, повсюду одни развалины — памятники уничи-

жения правительства! Народ дал все свои силы; но невежество должно было уступить превосходству знания, и он вынес на себе все испытания своего отчуждения! Какой урок, говорил я, в этом поражении? Гордое, заносчивое правительство, не зная себе равного, позорно остановлено на своем мнимо славном ходу! Восставшая против него Европа; отвернувшиеся от него народы, для которых так памятна была притеснительная внешняя система, брошенное всеми предполагаемыми союзниками; ужели это правительство не уймется, не уgomонится, а будет, по бывшему начертанию Николая, так же бесноваться и впредь и губить себя и Россию? Ужели оно не изменится в своих самодержавных основах и не придет к более разумному, современному исходу? Ужели при расстройстве всех отраслей управления, при установившемся грабеже, взяточничестве, при уничтожившемся кредите, при предстоящих страшных займах — это правительство пойдет прежним гибельным путем; предоставит себе одному всю ответственность своих действий и не обратится за словом, за советом к своему народу? Нет! — правительства неисправимы! Поделиться властью свыше их сил, и самодержавие не было бы в сущности самодержавием, если бы оно было и уступчиво, и разумно! Итак, предоставленное своей судьбе, которая рано или поздно, а быть может, и ранее, чем вы думаете, разразится общей гибелью (гибелью я называю неотразимое угрожающее распадение России), не исправится правительство, останется верным своему произволу, и народ, безмолвствуя, не подаст своего голоса, и теперь не скажет своего слова! А рабство, рабство еще в полном подземном разгаре!¹¹³ Не место здесь и теперь мне подвергнуть разбору судорожное время совершившихся событий, вышедших из ряда обыкновенных. Если Николай скончался, то памятник стоит в замену его, и незабвенный для сына, останется надолго и более незабвенным для России! События, увенчавшие его царствование, так кровавы, так огненно запечатлены, что должен бы служить указанием для всех... и заставить всех мыслящих (если они есть) приступить к деятельности, обнимающей интересы не одни правительственные, сословные, бюрократические, а интересы всех и всей страны — в совокупности с прилежавшими к ней окраинами. Нет! — события прошли эти бесследно на умы и не вызвали никаких коренных глубоко затронутых заявлений... и все пошло, при некоторых, ко-

нечно, изменениях, самым временем вынужденных, тем же путем! — путем ничем, никем не обузданного произвола! События еще живы; а народ после них как будто замер еще более! И ужели события, так двигательно действующие на другие народы, имеют обратное действие на русского и ввергают его в неподвижность еще глубже? «Но какого же движения требуете вы? — скажут мне. — Не те ли мятежей, бунтов, наконец, революций, которые входят в условия жизни западников?» — Вы меня не понимаете; мятежи с прекращением Лжедмитрия и побиением стрельцов и пр. невозможны: Красное крыльцо и лобное место в Москве утратили свое назначение!¹¹⁴ Бунты наши с коленопреклонениями, как говорил Герцен, не имели никакого современного смысла¹¹⁵; не выражали ни малейшего сознания в передовой потребности! Севастопольский, Новгородский, Чугуевский бунты имели целью отстаивать свой старый быт и только!¹¹⁶ Наконец, революция потому уже немыслима, что такое дело, как не русское, не имеет своего и русского слова! Требования мои гораздо проще определяются! Я требую пробуждения, восстания ума и, наконец, того ходового, громкого слова, которое, быть может, более грозно, чем поднятое в тиши оружие! Вот род моего восстания, за которым всякое другое второстепенно и как будто уже первым уничтожается! Когда это свойство ума выработается и сделается достоянием если не всех, то большего числа, тогда самодержавие со всеми своими видами уничтожится своею же ничтожностью и поступит в исторический хлам...

Но возможно ли такое восстание, сколько по степени своего образования, столько и по сложившемуся особенному характеру русского человека. Нет! — отвечу я и сошлюсь именно на русскую историю! Укажите мне не только, как говорится, революцию; не только последовавший переворот вследствие какого-нибудь вооруженного явления; но укажите мне хотя бы малейшее даже индивидуальное, не то, чтобы целое или частное, восстание против богом ниспосланной власти?? Восстаний, чисто политических переворотов общественных не было и быть не может! Русский революционер не в природе вещей, и если подчас они появлялись, то их также побивали, как побивали уродов в Спарте!¹¹⁷ Вот на каком, вероятно, основании ошибочно приняли нас за истых революционеров и поторопились некоторых, заметьте, не четвертовать, а милосердно

повесить; а других, обратите внимание, не подставить головы под плаху, милостиво сослать в вечную каторжную работу!¹¹⁸ Конечно, с точки зрения человеческой, такие казни покажутся бесчеловечными и неуместными; но надо взять в соображение и местное историческое положение.

Юный, неопытный бригадный командир вообразил себе, что на площади разыгрывается целая революция, что она та самая и есть — и как ее, посудите, не схватить и не растерзать в клочки!! Он так много начитался и наслышался о ней; эмигрантов, рассказчиков было вволю; к тому же и сам Шторх¹¹⁹, вероятно, говорил ему, сколько революционный дух противен духу его преподавания ему политической экономии (ученик заявил себя, как мы видели, большим экономистом). Мудрено ли, что под влиянием таких наговоров и при инстинктивном влечении к борьбе и легкой, и безопасной он принялся за дело и бешено, и не на шутку! Как Дон-Кихот принимал мельницы, пастухов за заколдованных героев, так несчастный, запуганный, малодушный Николай встречал и чуял повсюду политических себе врагов! Славная победа, одержанная при битве у самого Сената! Какое предзнаменование для законности всех его действий; победа над горстью солдат, пришедших из казарм присягать не похитителю, а законному наследнику престола, вскружила пошатнувшуюся голову Николая и воспалила его мозговицу до той степени постоянного одурения, которой запятнал он не царствование, а сумасбродное житье-бытье на престоле!! Быть может, он действовал вследствие полученных им убеждений; быть может, они и отзывались так болезненно, и как подвергаются бессознательно, напр[имер], водобоязни, мог он, несчастный, предаваться припадкам свободобоязни (докторами неисчислимы примеры страха и зарождающихся от него болезней). Но, допуская такие убеждения, каким образом они могли в нем образоваться и тут же и укорениться? Положим, что 14 декабря несколько его и ошумило — но где же ему предшествовавшие и следовавшие дни, которые могли его удерживать на этой степени чистого одурения? Какие были предтечи и последователи этому делу? Никаких! Нами начато и нами окончено вовеки веков!! Если мы перейдем за русскую грань, конечно, представятся личности, подобные Николаю. Но какая разница в условиях королевского положения этих лиц с положением царским Николая. Там не

мнимая, а осязаемая борьба с установившимися, открытыми врагами! Там битва, но и добытые Франциски, восседающие на поломанных престолах, селятся восстановить утраченную власть и борются при чувстве самосохранения! Один в Австрии, другой в Неаполе и через Альпы подают друг другу руку, чтоб удержаться на ломких своих скамьях!¹²⁰ Там не горсть, а целые отряды, проникнутые своей целью, заявляют революционное начало; целые армии восстают, имея во главе Пепе, выражающие собою всю силу событий!¹²¹ Там борьба за независимость всей Италии от германского ига; если борьба идет с переменным счастьем, там стоит в запасе сил необоримый карбонаризм, который обратился в кровь и плоть народа!¹²² В Испании те же восстания! Вероломный Фердинанд ломает конституцию, ту самую, которую Александр I первый и признал в 12-м году — и вызывает то огромное движение, которое великий Риго запечатлел своею кровью и бессмертием!¹²³ Это движение, подавленное на время, отразится впоследствии в большом и окончательном размере! Во Франции королевская власть борется с упрочившимися противодействующими партиями; понятно, что она стоит на страже со взведенным курком. Ведь там Бертоны и Лувели!¹²⁴ Султан Магмуд также не дремлет; он неистовствует: Греция восстает, падает, но Гетерия обняла своим духом весь греческий народ, и она поведет его к освобождению от мусульманского ига!¹²⁵ Англия под сенью своих старых законов не подвергается общему колебанию; Германия, всегда сдержанная, готовится исподволь к неизбежному впоследствии движению. Таким образом, обойдя Европу, хотя и поверхностно, мы усматриваем всеобщие, почти одновременные восстания; народы воспрянули; затаившиеся стремления выступают открыто, гласно; и борьба с невыносимой властью образуется, устанавливается и входит в жизненные условия! У них целые предания, воспоминания о былом; у них понятие о праве, верования, убеждения в будущность, и народы под одним и тем же знаменем тронулись и пошли на бой. Вздروгнули властители, и, слившись воедино, они повели, как мы видели, то стройное отражение, то неуклонное, упорное противодействие, которое, несмотря на временные удачи, обратится, наконец, в их собственную гибель. В этих предпринятых походах против заявлений прав народных Александр, как член союза, в посмеяние названного Свя-

щенным, записывался волонтером, и, таким образом, этот охотник в чужом деле для России вносил свое имя в список тех притеснителей, которых история не замедлит заклеймить позорным своим приговором!

Александр, бывший освободитель народов, сбрасывает вдруг ненужную, носимую им личину либерализма и примыкает к сонму нечестивых! К изумлению тогдашнего мира и самой России, Александр, забывая свое назначение, свое величие, поддается Метерниху, делается его агентом: хлопочет, суетится, скачет по всей Европе; устанавливает незаконное право вмешательства и потешается стратегическими, указанными им движениями против врагов престолов! Человеколюбивый Александр поставлен в странное положение. Чтобы быть последовательным, он должен дружить с отъявленным злодеем и волею-неволею поддерживать, содействовать делу виселиц, расстреливания, заселения темниц и пр. Народы, благословлявшие его и русских, теперь его клянут; и ему принадлежит заложение того чувства ненависти, которым и поднесь дарит Европа Россию! Александр выполнил свое последнее назначение! Усталый, утомленный, он опять обратится к себе, к мистическим своим мечтам; как всегда, Россия в стороне, и к довершению своего нравственного упадка съездит он, некогда властелин мира, в уединенный, безвестный Таганрог и обессмертит его своей кончиной! Но Александр умер так же, как и жил!

Судьба собственно России затиралась судьбами мира, и он спокойно передавал, кому будет угодно, выпадающий из рук скипетр, а с ним и судьбу России. Кто был преемником, счастливецem этого скипетра, было еще неизвестно! Для передачи престола дело обошлось келейным, домашним образом; зачем и вводить Россию в семейные тайны! Такой вопрос не может и не должен до нее касаться; к чему попустому ее и тревожить! Как порешат в семье, так и будет на доброй, на святой Руси... тако и бысть! Слухом земля, даже и русская, полна; вот и слышали, якобы Константин при закрытых дверях, но в присутствии матери и братьев, громогласно отрекохся и затем для большего удостоверения трижды плюнул! Такие устные действия были занесены письменно за печатью в Сенат и в Успенский собор! Сенат человек свой, да и Филарет не чужой, не выдадут¹²⁶; и подлинно, что никто в России ведать не ведал, как они на случай чего распорядились!

Когда же время-то пришло, Константин как малый честный и себе на уме и скажи: «Нет! не заманите — не хочу!» — «Нет, брудер, твой черед — иди!» — пишет ему, откуда ни возьмись на царство, Николай! «Не пойду! сами кашу заварили, сами и расхлебывайте!» (действительный отзыв). — «Ей, брат! быть беде: не поверят!»¹²⁷

Так и случилось: некоторые не поверили и ну кричать: давай нам Константина и только! — а Николай не долго думал и дай им картечи и ну казнить да ссылать и долго, долго потешаться... до поры до времени!! Не правда ли? а ведь сказка; и как-то сказкой и говорится! Поистине что так; но у нас, на Руси, и сказка пойдет за историю, и сказка, как мы видели, кончилась небывалыми, давно неслыханными казнями! Теперь спрашивается, какие были исторические причины, какие были события, укоренившиеся в народе опасные для самовластия начала, которые могли вызвать такую ожесточившуюся месть, такие неуместные, не современные для России казни? Европа вся волнуется, восстает против тамошних властителей! Там идет почти что равносильная борьба, борьба на смерть одних или других! Там восстания за восстаниями, там целые совершаются перевороты; там династические вопросы запутывают движения, там требуют ограждения прав, свободы, там опасность, и если казни не оправдываются, то, по крайней мере, объясняются страхом одним, мщением других.

Укажите * одно восстание, и если не восстание, то хотя бы факт один, который бы можно подвести под мерило какого-нибудь политического стремления? Ужели оскверню я слово революции, совершенной во имя права и свободы, уподоблением тех дворцовых переворотов, которые не раз позорили нашу историю? Несколько гнусных временщиков, оспаривая друг у друга первенство и право на выбор такого или другого лица с присваиванием всех прав на ограбление государственного достояния, и все эти происки, домогательства, основанные на варварском побиении, не имевшем даже *последнего* оправдания — в политической какой-нибудь цели? Была ли и есть ли и о сю пору у нас образовавшаяся партия под такими или другими началами? У нас есть Георгиевские и прочие знамена, но где же Знамя Гражданское, народное, под которое стекаются

* Далее зачеркнуто: хотя бы.

толпы вооруженные и обезоруженные, под крик: «Да здравствует свобода!», «За веру, за царя» — кричит в один голос Россия, и эта Русь, как азиатский и поднесь обломок, стоит отдельно, уединенно от Европы! Никакая мысль о самоуправлении не проникала в эту забитую народную толпу, загнанную в громадную тюрьму! Она так свыклась, до того сроднилась с этой тюремною жизнью, что затворничество ей стало так любо, как любя для иных свобода! Она не ищет себе выходов, и если другие побивают своих стражей, своих часовых, русские, напротив, их сберегают и охраняют! Вот как сложился русский человек и как он всегда был и есть недоступен какому бы ни было революционному духу! Проверьте Россию во время того же революционного духа, обнявшего Европу. Опасность, мнимая или действительная, созывает государей на совет, им угрожают враги, на этот раз не внешние, а внутренние, домашние! Все властители, как бы призванные к суду народному, оказываются виновными, несостоятельными, и они избирают себе ходатаем сильного по штыкам Александра! Он один и может быть посредником, как не причастный к делу, вовсе чуждому как для него, так и для России! Проследите протоколы всех бывших конгрессов, и все они подтвердят не мое, а общее мнение всех, что Россия, т. е. ее внутреннее политическое положение, никогда и не принималась в соображение великих совещателей для подлежащих распоряжений. Они ручались во взаимной помощи друг другу, и Александр, обеспеченный у себя, предлагал им в услуги свои сотни тысяч русских штыков!

«La Russie seule n'est pas en cause»*, — как говорили. Не он, не Александр был в опасности; в опасности были одни его союзники-притеснители, и бывший Александр поступает к ним на службу — бросает Россию и предается с обычною горячностью всем увлечениям своей новой полицейской политики!! Бывший Александр, который не находил себе равных не только в кругу стяжателей славы военной, но и в среде благотворителей человечества; он, заступник прав народных, вдруг переходит в стан Францисков, Фердинандов и заявляет себя верховным врагом тех самых прав народных, которых он был заступником! Насколько такой переход от одних начал

* Одна Россия не замешана (франц.).

к другим был унизителен как для Александра, так и для России, насколько эта подпорная, вспомогательная политика для восстановления государей была противна интересам России, насколько эти царские скачки, отсутствия пагубно влияли на государственную жизнь русскую,— все эти вопросы и многие другие, утратившие теперь свое значение, как давно порешенные, послужат нам доказательством того смирения, той покорности, с которыми Россия выносила всю тяжесть на себе того времени! Бывал и ропот, и негодование — но где и когда доходили они до каких-нибудь смут, мятежей и прочих современных им явлений! Россия, вовсе чуждая совершавшемуся движению в Европе, стояла отдельно и непоколебимою, неподвижною! Такое состояние умов только и может служить пояснением той странной политике, которою руководился Александр в последнее десятилетие своего царствования. Одно внутреннее, ничем не возмутимое спокойствие только и могло послужить основным началом всех его действий в Европе! Тюремное заключение и, надо сказать, вовсе не насильственно, а естественно по духу народному русскому*, позволяло монарху чуждаться Россиею и, следуя всегда своим увлечениям, стремиться к достижению какой-то мистической цели! Предоставив как будто законченные судьбы России двум-трем лицам, он презрительно отвернулся от нее и занялся Европой, которая казалась ему достойной его высокого внимания! Там, на конгрессах, преобладало его мнимое влияние, и он думал, насытившись военной славой, обессмертить себя и славой, по его мнению, гражданской! Умиротворить Европу впусканьем в заморающий прежний монархизм богословные свои струи, оживлять, воскрешать отжившее, уже давно отнютое; оставивать век, человечество на полном своем ходу; отказываться от своего собственного прошедшего и бороться не только с противодействующими людьми и силами, но даже с самим собой...

* * *

В опровержение возможного в России существования тайного общества нужно определить характеристику мущичка, мещанина, купца, дворянина и, наконец, чиновни-

* Далее зачеркнуто: в котором находилась Россия.

ка, чтобы взятые они все вместе выказали те безмятежные свойства русского человека, при условии которых и невозможно всякое движение передового духа!

Не знаю, кому первому из правительственных лиц того времени, о котором стану говорить, запала мысль представить происшествие 14 дек[абря] как следствие задуманного и подготовленного давно, делом образовавшегося тайного общества в России! Такое пущенное правительством мнение и допущенное, как всегда водится, без разбора так называемым мыслящим сословием, было слепо принято и так же слепо передаваемо от одного пера к другому. Еще и теперь люди, углубляющиеся в тайны этой старины, вполне убеждены, основываясь на докладе Следственной комиссии и на последовавших за ним актах подобной лжи, что в самой вещи в последние годы царствования Александра Россия была объята пламенем революционного повсюду тогда в Европе господствующего духа; что от севера до юга, от запада Варшавского до уральского востока вся эта неизмеримая Россия была обхвачена дланью всеобъемлющего Тайного образовавшегося общества! Какое извращение духа того времени. Тайное общество — и где же, в России? Какое невежество в понятиях, в стремлениях того времени! Тайные общества? да разве мы не знаем, какие исторические, общественные причины содействуют их зарождению? Разве мы не знаем, что тай[ные] общ[ества] возникают вследствие гонений, преследований и всякого противодействия в борьбе начал и верований, разве мы не знаем, что при последних этих условиях и образуются только те смелые, отважные личности, которые вступают в бой, но уже не одни, а во главе сопутствующих, подготовленных духом времени бойцов! ¹²⁸ Где же были тогда в России те потребности ума, те стремления, заявляющие надежды общества? Был ли один хотя случай, одно хотя * происшествие, которое бы ознаменовало какое-нибудь движение в умах, какие-нибудь нужды в сословиях и в народе? Нет, все безмолвствовало, раболепствовало, повиновалось... но да не будет вменен такой общественный застой в укор нашему русскому народу! «Les lois font les hommes»**, и как слова эти Бентама применимы к нам ¹²⁹.

* Далее зачеркнуто: лицо.

** Законы образуют людей. (ф р а н ц.).

И в самом деле, как дух этих законов успокоителен, усыпителен! Проследите всю нашу историю со времен Петра, и вы не подметите ни тех взрывов, ни тех волнений, которые колеблют прочие народы. Это какая-то тихая, ничем не возмутимая страна, не требующая ни нововведений, ни преобразований, а только поддержания старых порядков!

Странное в жизни народной явление! Русский так напуган, так раболепен, что всякое изменение он толкует к худшему. Привычка к горькой доле служит ему условием жизни, так точно, как мне. Однажды свыкнувшись с своим казематом, я опасался всякого перемещения и просил не разлучать меня с моими дверьми под замком и с тусклым моим окном за железною решеткой! Так именно и сложился русский мужичок под влиянием и законов, и долгого времени. По весьма ли естественному свойству забитого раба или же по недоверию к каким бы то ни было улучшениям в его быте, дело в том, что причины эти, взятые вместе, всегда* поясняли сопротивление, которыми крестьяне встречали всякое нововведение. Где бы ни вспыхивали бунты на Руси, как теперь, так и тогда, бунт этот, как верно очертил его Герцен, «бунт на коленях», всегда был следствием не столько нарушения несуществующих прав, как нарушением сложившегося временного общественного их быта. Ни один из этих бунтов не выражал какое-то самопроизвольное стремление к такой или другой цели; нет, это та русская на время настойчивость постоять за себя и на своем! Надо сказать, что малейшее неповиновение со стороны крестьян к такой или другой мере принимает сейчас все размеры умышленного бунта, и правительство всегда споспешествует мерами строгости такому сказанию. Всякий бунт обращался в доходную статью! Какие эпохи для взяточника и для всякого правительственного лица выказать все свои дарования к усмирению мятежа на коленях! Странно сказать, но я не знаю лучшего, добросовестнейшего, конечно и крайне ограниченного, консерватора, как русского мужичка!! В каком [бы] неестественном положении он ни был, как бы он ни был и нищ и наг, но оставьте ему свои лохмотья и не надевайте на него сулимую поддевку, и главное — не нарушайте его быта, как бы ни казался вам он дик и несоот-

* Далее зачеркнуто: вызывали, порождали.

ветствен вашим будто бы благим намерениям! В русском нет той подвижности ума, тех зачатков страстей человека, которые способствуют европейцу преобразиться в космополита-выходца. Потому-то у нас и трудны и даже невозможны переселения, а поэтому и заселения! Пусть будет его избушка и курная, где вместе с курами, теленком гнездятся его ободранные дети; пусть по будням колотит его десятник, а по праздникам и управляющий, и заседатель, и даже и барин сам; пусть его целовальник и обсчитывает, и обмеривает, пусть кладбище его заброшено, не огорожено, и свиньи роют могилы и отцов его, и детища, пусть от необразованного священника своего он вместо слов мира и любви только и слышит ругань и укоры, пусть он, бедный, и не доспит, и не доест, и не допьет, но весь этот быт собственный его — он свyksя, сроднился со всеми своими нуждами, и он не променяет его на все сулимые вами ему блага! И на что ему другие, — он охраняет лишь те, которые выпали и случайно или более наследственно на его долю! Нужды, стремления, наслаждения (вами не подмеченные) все одни и те же и так же однообразно, ограниченно передаются отцами детям, которые также, в свою очередь, будут действовать охранно и неизменно! И как этот мужичок апатичен, невозмутим, не правда ли? — да, пока зверь чиновник или барин не наскочит на него и не вздумает нарушить освященный временем и благословениями родных порядок его дней и его жизни! Не касайтесь моего труженика... Он имеет свои тайные условия жизни, для вас неразгаданные. Эта же смрадная избенка подметется, хозяйка обошьет ребятишек к воскресному дню, обмоет их и причешет; подоит коровку и даст молочка похлебать; выдастся, пожалуй, и такой счастливый свободный денек, где он со всей семьей пойдет на то же запущенное кладбище, отыщет дорогие могилки, чтобы поклониться праху родительскому; сходит в храм свой, поставит свечку святому своему; положит поклон один и другой за своего царя, за свое христолюбивое воинство, а в добрый час за станового и за барины своего, и таким образом вдоволь намолившись и накрестившись, возвращается к своему очагу, где его ожидает скудное обычное довольство и, наконец, блаженный час отдохновения! Ах! Как этот час и сладок, и вознаградителен. И дух, и силы восстанавливаются — он забывает недельную свою усталость и вместо долгого отдыха бежит делиться награ-

дою, радостью; бежит в свой кабачок, к своему бестии целовальнику, где ожидают уже его и свой соседка, и свой куманек! И там-то пойдут тары-бары и про одно, и про другое, как барин чуть не прибил Афоньку — а за что бы? — вишь, что ему ни скажешь, а он, неуч, все скалит зубы; ну так по зубам его, скалозуба!

— Ну, брат Онуфрич, больно же ты горяч, неровен час... да и зуб вышибешь и в некруты не пойдет, а барин-то острит зуб свой на него?

— Туды ему и дорога, пусть царю послужит; оном-иясь говорю ему: «Афонька! слышь, завтра на барский двор; свинарь заболел, пойдешь пасти свиней барских!» — «А я что тебе за боров, поди-ка сам!»

— Ну что ж, после пошел?

— Вестимо, что пошел, эдакой бунтовщик! Да еще барин опосля поднес ему чипаруху* — свиней-то он больно любит; в застольную рабочих никогда не зайдет, а без него свиней уж и не корми; а тут-то Афонька и покажи себя, да и сделай такую им заварку, что барин и заревел: «Ну, мошенник, приходи опосля, вина поднесу!» Ну и поднес же ему чипаруху, как выпил ее,хватила так, только и замотал, как лошадь в оглоблях, головой!..

— Да какие такие там свиньи?

— Диковинка и только... рыло-то, пожалуй, и свиное, а уши-то, что твои рукавицы; ходит, неча сказать, и передом, зато зад отстаёт и только с боку на бок переваливается, и голая-то вся, слышь, как мать родила, и хоть господа и велят молвить, что это-де свиньи, да еще и мы-риканские, а как послушаешь добрых людей, так и скажешь: «Зверь не зверь, да и свинье не бывать!» Недаром писарь стал поговаривать, да и сам дьякон кивать головою! А тут случись свинье осупороситься и побег во двор: «Барин, барыня, родины, крестины»...

— А сколько бог дал?

— Двойчатко.

— Ну что, в борова?

— Нет, оба белесенькие.

— В тебя, мошенник, ступай, смотри же в оба, а не то окрещу тебя и без попа!

На беду заверни тут исправник на колокольцах, да с шумом; и козак-то на козлах. Знать, все то же, хошь

* Чапаруха (от чапать) — чарка, стакан (диал., южн.).

не хошь, а недеймки подавай. Вот тут барин и заметил, и зайди под вечер к хавронье, а у хавроньи не двойчата, а только одно... Ну и взревел же тут барин, да и напустился на бедного Фильку:

— Говори, мошенник, куды девал поросенка; украл, продал, съел, разбойник, говори.

— Не виноват, барин, знать не знаю; так в глазах сгорел.

— Молчи, я тебя. Девоч, мальчишек, дворовых людей сюда, сюда.

Долго ли было сбежаться всей челяди, и честил же он их, господи упаси: подавай ему поросенка и только... вынь да положь.

— Всех, всех вас в солдаты... сам пропаду, а потачки не дам, не дам разбойнику!

— Видом не видывали, отец родной.

— Врете, бестии, сознайтесь, съели, разбойники, съели, а?

— Ах, барин! барин! За такую пропастину батюшка и к причастию не допустит!

На эту пору Филька откуда ни возьмись: «Здесь, здесь, нашел, вот он»,—и из-за пазухи вынимает тряпку, а в тряпке-то и головушка торчит... «Ах! он, мой голубчик,—взвывала птичница.—Кто же, кто, окаянный, так его попортил?»—«Кто?—Тут Филька осерчал.—Кто? вестимо, что не мы, а боров!»—«Ах! родной ты мой...»—и барин-то на нее: «Теперь и голубчик, и родной, а не могла ты, старая ведьма, его приберечь, а? Молчи, как дочери барыня обрезала косы, обрежу тебе и твои»,—толкнул ногой—и упала.

— И только? и рукам воли не дал?

— Да нет, так себе и поплелся молча в свинарник!

— Ну, видно, добрый час был, а то ... посчитал бы зубы.

— Да за что же, Онуфрич?

— Да здесь, Гаврилыч, [за] здорово живешь!

— Что ты, кум, не сдуру же они быют! Не учи нашего брата да дай нам потачку, и сами по миру пойдут, ведь и с них дерут.

— Дерут, да не кожу, как с нашего брата.

— И полно, брат, все мы под богом, под царем живем—так уж на роду написано, знать, такая и всюду поведенция...

— А девке-то за что косы обреза́ли, а?

— За что, как не добру учить! Конечно, дело девье, молодое. Ночь провела на вечерке, а к утру и проспи, как на грех, наседка со гнезда, а кошка в гнездо, да и давай яйца поедать... Проснулась, потянулась, русы косы распустила и долго, долго ими любовалась, как бы прощалась с милыми навсегда. А господа ведь добрые, после и сжалились и ну выдавать ее замуж. Ну, сами знаете, какая у парня девка, что без косы? Боярчук и пошли за Тимошкою.

— Ну что, хошь, молодец, тебя посватаю,— говорит ему боярчук.

— Изволь, готов служить, а на ком примерно будучи сказать?

— Да хоть бы на Матренке, и барана дам, и барщины поубавлю.

Тимошка же хватина такой удалой, ну, тот, знаешь, что пару гоняет.

— Как-с?.. стриженую, вашу-то, тяжелую, нет уж, пусть при вас и останется.

— Вишь, что за грубиян,— вскрикнула барыня.

— Не грубиян, а бунтовщик; в железы его,— взревел старый барин,— и завтра же отдать в солдаты в незачет!

— Во власти вашей,— сказал Тимошка, вышел и потянулся, пригорюнившись, домой; там зашел к своему серку, потрепал его крепко, больно, поглядел еще и еще на свою пару, взошел, перекрестясь, в избу и бросился в ноги родителям: «Простите, родимые, меня, горемычного, не кормилец я вам!»—«Как, Тимка, что ты баешь?»—«Да так, родимые; господа, вишь, неволят брать за себя Матренку аль иди, мол, в солдаты, не приходится, не рука мне эта девка...»—«Не надо, не надо нам в семью таких»,— обернулись старики к образам, помолились, перекрестились, благословили сына, и все три обнялись, залились, ажно больно было, говорят, смотреть-то на них.—«Нет, у нас на деревне другой был обиход,— прибавил третий мужик.— Когда барин наш вздумал выдать свою девку, да позвал одного парня, да заказал жениться, вот он и уперся: «Выстави ее прежде на показ, хочу, дескать, сам посмотреть».—«Чего тут, братец, смотреть, девка как девка».—«Знаю, барин»,— а все свое несет, поставь и только. Нечего делать, послали и только что в дверь, прикрылась платочком, взвыла и бух суженому в ноги: «Не бросай,

не покидай меня, грешную». — «Не вижу, так слышу тебя, встань, встань, возьму, возьму и не дам тебя в обиду». — «Что же, ребята, как <...>* вышла такая <...>* и баба хоть куды, а все господа, от них и добро». — «Так, так, соседушка. Ну, а что, Гаврилыч, не досказал, как обошелся-то исправник?»

— Как водится, сначала пустил козака по деревне перебирать: «что, мол, бездельники, долго ли буду все ездить к вам по-пустому; полно ломать себе ребра, вот примусь-ка за ваши; что вы и впрямь думаете? бунтовать, не платить податей, а?»

— Все в милости вашей; не бунтуем, в[аше] бл[агородие], а просим повременить, хлебец-то все в поле еще.

— Врете, пьяницы.

— Не врем, батюшка, вот все барский хлеб пока убираем, свой-то осыпается, а делать-то нечего.

— Знаю, знаю, все так вы на господ сваливаете, не бунтовать, слышите; всех перепорю, а если что еще, так и запорю! Что вас, бестий, жалеть, когда ни царя, ни господ не жалеете! Бойтесь бога, ведь и меня дерут, а вы что?

— Знаем, знаем, батюшка, в[аше] бл[агородие], повремените, все уплатим и еще поклонимся.

Тут староста полез в карман и ну развязывать ремennую гымзу**; отсчитал красненькую, одну и другую, да еще и синенькую (25 р.) и низко три раза поклонившись, и поднес их исправнику.

— То-то, опомнились, канальи; вас не пройми, так и ухом не поведете, да к воскресенью не забудьте овсеца, соломки, да и братий помните, и секретаря, и стряпчего! Писарь, напиши себе на лбу, помни о Гнедке без отметки на пристяжку — ревизия скоро будет, начальник — охотник, а пропадем мы, пропадете и вы за нами. Кто за вас постоит?

— Так, так, в[аше] бл[агородие].

— Ну, прощайте, оставайтесь здоровы.

— Слушаем, батюшка.

— Писарь, смотри, не дремать, — и покотил во двор.

— Добрый исправник, — все в один голос, — берет-то берет, да кожу не дерет, а другой и денежки подай, да и кожицу туды же.

* Карандаш стерт, прочесть не удалось.

** Гамза — кошель, бумажник (д и а л., ю ж н.).

— А что, ребята, не пора ли по домам; наболтались досыта, да не пройтись ли по чарочке.

— Дело, Гаврилыч, пойдем, идем.

И каждый, подходя к другу-целовальнику, перекрестив, выпивал свою чипаруху и, поплеывая, тянулся до дому, напевая вполголоса свою песенку.— Прошел ваш беглый час отдыха — завтра труд и труд невольничий.

Но к чему же вели эти отступления; все эти избитые повторения когда-то безнаказанного, нахального взяточничества; все эти буйные выходки помещичьего казачества; к чему заявлять крестьянскую толпу в виде бессловесной мученицы, всегда смиренной, покорной своему неотразимому предопределению? Почему, скажите, еще возвращаться к этому гнусному прошедшему, и не для того ли, чтобы, разжигая страсти варварскими воспоминаниями, еще более разъединять не сливающиеся сословия? Какое ложное понятие о естественном ходе общественных стремлений!

Стремления эти только и проявляются в силу данных или отвергнутых фактов! Как бы факты эти ни разражались на жизненные условия общества, под какими бы влияниями они ни совершались исторически, правительственно или сословно, насильственно или произвольно, дело в том, что если этот факт как факт освобождения сделался плотью, кровью народной громады, в таком случае он обратного действия более не выкажет! В судьбах человечества есть пути, по которым оно не возвращается! Нет! русский не скоро бросится вперед без оглядки; он долго, долго постоит на месте, даже и недвижимо; но попятить русского назад... не только невозможно, но должно бы быть и немислимо! Я говорил, что русский исключительно консерватор; упрямство ли, твердость, но настойчивость его — сила, и сила непреоборимая! Русский человек не передовой; он не мечтатель и чисто сторонник одной действительности! Он не скороход, правда, но стоя и на месте хоть и оглядывается назад, а все и всегда грудью вперед! Грудью этой он и отобьет, пожалуй, и сшибет всякого того, который прикоснется к тому, что ему или даровано, или так или иначе добыто. Этот консерватизм, т. е. охранность, так свойствен русскому, что он так же резко и неизменно проявляется (с меньшею, конечно, настойчивостью), но и во всех других сословиях общества. Подвергая строгому и беспристрастному, конечно, разбо-

ру самую державную власть! Не стану разыскивать зарождения, начала и всего исторического хода этой власти! К чему эти исследования дикой баснословной старины! Я вообще* не поклонник старины, а если смотрю на эту старую поморщенную бабу, то это только для того, чтобы гнушаться отвратительным ее безобразием! Если прислушиваюсь — только для того, чтобы еще больше убеждаться в ее пустой, бессмысленной болтовне в этой непонятной и неприменимой к теперешнему слуху скороговорке! Нет, не указ нам старина! И не жить нам чужим умом. Всякому свое и в свое время!.. Как предшествующие нам исторические поколения жили своею жизнью, так своей заживем и мы! Так, как с точки материальной мы осушиваем переданные нам болота; делаем просеки в заглохших лесах; уравниваем все неровности, терпимые прежними путеводителями в горах, и это все для прокладывания новых современных путей; так точно и с точки зрения умственной мы осушим все смрадные нечистоты, накопившиеся в административных завалах; пробьем такую же просеку сквозь сомкнутые ряды чиновничества, непотребного этого люда; и, наконец, планировкой, т. е. уравнением прав всех и каждого, мы проложим себе посредством прямого представительства тот новый путь, самим богом нам предназначенный к новой жизни. Отвергать эту цель... отвергать бы надо самое божество!!

Итак, никому из нас не подобает ссылки наводить на старину; как нам, т. е. народу, не приходится ссылаться на вече из посадских, на правление чисто народодержавное, так точно и теперешней правительственной власти неловко и даже совестно бы было ссылаться на Рюриковичей, на колья Ивана Васильевича¹⁸⁰, на палку петровскую и на николаевский аркан! Бессовестно, а оно есть. И оно есть когда же и в какое время? Когда слово, если не совсем свое, да хотя бы и чужое, но так близко нас затрагивающее; когда это слово проникает повсюду; подымает, разрешает все общественные жизненные вопросы, когда само правительство колеблет вековое здание; сознает само, что все скверно, дурно, несостоятельно; что разгром старого необходим; и в самой вещи ломая все, забывает, что оно-то само, наравне с прочим, и должно идти в тот же лом! Вот тут-то и является дух консерватизма во всем

* Далее зачеркнуто: враг всякой.

закоснелом своем эгоизме и невежестве... (тот самый дух, который находил я в среде в крестьянской и существующий, как я силюсь доказать, во всех сословиях наших). Конечно, правительство, как и всякое другое, по одному чувству самосохранения должно охранять свои права, но, однако же, настолько, насколько это и должно, а главное возможно! Теперь коснусь этого правительства с соответственным к его жалкому положению приличием! Власть его нравственная на издыхании, и не подобает мне издеваться над падающим! Я знаю, какого снисхождения заслуживают почтенные старцы, украшающие своими юбилеями почет, требуемый высшими правительственными местами!¹³¹ Мир этим усталым труженикам на всех поприщах государственной службы! Мир им в живых и мертвых! Они жили и живут, служили и служат при таких-то без разбора принятых понятиях; при таких-то наложенных на них данных; они и читали, и слушали, и подписывали, не ведая бо, что творят! Не выбор всех или многих, а выбор одного возвел их на высшую степень — одному ему они служили и поклонялись. Усидчивость, настойчивость в достижении выгод службы* вменялись им в достоинство за отсутствием других! Как истые консерваторы, они охраняют свои кресла и умирают на них! О, сенаторы мои! усидели ли бы вы на них при появлении какого Бренна?¹³² Добрые, невинные мои старцы, ужели впрямь и вы правительство? Ужели это и вы пишете указы? О, так вы еще и не совсем безвинны и не безответственны; ничтожность ваша не спасает от нареkania. Но вы исполняете волю, конечно, не пославшего, а избравшего вас и думаете**.

Если мы сознаемся в своих ошибках, то имейте же довольно добросовестности, чтобы сознаться в своих преступлениях. Хотя вы вооружаетесь в свое оправдание мечом правосудия, но то же правосудие — не имеет ли свои пределы и не переходит ли оно в преступную жестокость и пр. Но, признавая за вами право кары, ищу напрасно право милосердия; а сколько у вас при лучших человеческих побуждениях было под рукой смягчительных обстоятельств, чтобы дать исходу дела оборот не только более христианский, но более совпадающий с вашими собственными интересами! Мера кары не возбудила, конечно, не

* Далее зачеркнуто: за отсутствием истинных.

** Далее чистый лист.

только чувства ошибки частной, но даже и малейшего негодования¹³³.

<...> святотатству, если не нашел он в себе напущенную на него силу? Есть люди, так странно, наскоро, вероятно, сколоченные, которых народы выносят на своих плечах на высоту славы; эти люди, упиваясь успехами, торжеством, мало-помалу начинают до того возноситься, что человечество им становится чуждо, они отделяются вовсе от него и, сближаясь уже при данном божестве, вступают в прямые, непосредственные с ним сношения! Пройдя этот рубеж, люди эти (и число их в истории немалое), сбрасывая свою земную оболочку, а потому и всякую ответственность, ограждаясь единственно объявившим их божественным духом, действуют вопреки всякого человеческого смысла. Оставим Моисея, выжидавшего из-под куста опустившегося к нему истинного бога — не всем же быть Моисеями. К тому же он был и еврей. Возьмем Александра Македонского, заразившего бессмертием. Он отвергает Филиппа и признает за отца одного Юпитера! Александр благословенный, который не мог отвергнуть отца, тень которого так губительно преследовала, Александр не мог устоять на месте, созерцая свое торжество, и не переродиться в нечто сверхъестественное, не подлежащее суду земному! Он вознесся и слышит, несмотря на глухоту свою, и внемлет гласу божьему*.

Свобода печати, сколь бы она еще ни была изуродованной, камня на камне не оставила от многих заблуждений, которые привлекали ум народов. Религия, политика — необходимые условия общественной жизни — первыми должны были пройти через свободный анализ человека, возвращенного своему праву думать и действовать. Из этого обретены и доказаны две истины: свобода совести в вопросе религиозном, свобода мысли в вопросе политическом! Верить и в один торжественный день действовать: вот судьба, долг, миссия современного человека! Нет более ни тайн, ни маски: находясь не в романтическом, но в историческом периоде, человечество хочет рассчитывать. Вооружившись прессой, оно выставляет себя в качестве верховного судии и ломает на следующий

* Далее по-французски.

день решения дня предыдущего. Что сегодня — преступление, заблуждение, то завтра — добродетель и истина! Каждому ребусу есть объяснение, каждой общественной проблеме — решение! Нет более ни сфинксов, ни железных масок, ни тайных обществ и заговоров, нет более сих вздоров тайком, в уменьшенном размере! Не позволено более думать и действовать в тени, при закрытых дверях: народ требует себе света и пространства, люди и дела на виду у всех и <...>*. История, столь плохая, как мы ее еще творим, вся в этом! Еще варварская, отвратительная, она проявляется в этом во всей своей наготе. Это более не та богиня с роскошными формами, с человеческими приемами, не та, которую наши славные историки доброго старого времени нам передали бы закрытой покрывалом, таинственной, расцвеченной всеми красками, щедро раскрашенной <...>** от руки и распространяющей лишь благосостояние и довольство на то разнообразие нашего рода, что обозначено таблицей династии и всех привилегированных классов! Это более не прежняя, всегда одна и та же, история правителей и управляемых; этого малого числа бесконечно больших и этого большого числа бесконечно малых.

[ЗАМЕТКА]***

Чтобы всеобщее голосование было действительным и истинным, надо прежде всего облегчить его осуществление, принося его в коммуну. Но там необходимо победить влияние установления и кюре — как их парализовать, если не просвещением масс — надо, чтобы республика была бы весь мир и ассамблея была бы вся страна¹.

ЧЕМУ БЫТЬ?

Какою бы таинственностью Наполеон себя ни облакал, мысль его и дело везде и всюду! Все тот же мир на устах, все та же война в его негодном властолюбивом сердце! Все та же цель если не восстанавливать прежнюю империю, то расширять существующую, насколько теперешние обстоятельства позволят! Раздваивать Германию; раздроб-

* Край листа поврежден.

** Одно слово неразб.

*** Подлинник на франц. яз. Приписка: «Собственноручная заметка моего отца. Варвара Высоцкая. Урожденная Поджио».

лять, ослаблять всегда грозную для него силу было и есть целью его действий для достижения собственного усиления¹. Восстановление Италии объяснялось этой политикой — вытеснить Германию и вместе завладеть Ниццей и Савойей! На пути победы он останавливается в Вилла-Франке, отдает Италию Ломбардии и оставляет на время Венецию австрийцам! Объятый революционным пламенем, разгоравшимся в Италии, он боялся усиления ее, и, недодавши Венеции и разрывая ее единство*, он над нею упрочивал свое господство и угрожал в будущем Австрии. После этого вероломного действия он вынес из Италии естественное убеждение, что, не удовлетворив требованиям народа, он возбудил к себе недоверие и даже негодование. Партия действия воспользовалась таким направлением умов и непрестанно стала противодействовать видам его усиливать папскую власть и нравственно порабощать Италию².

Попытка горестная Гарибальди и окончившаяся поражением Аспромонти служила заявлением того унижения, которому Италия была осуждена! Вырвать Рим у папы, Венецию у австрийцев, Италию у Наполеона — вот что было целью движения в 63-м году³; та же цель сокровенная таится и теперь, с той разницей, что напор будет общий, сложившийся из всех сил в совокупности.

Сам Наполеон должен вынести** этот натиск порывающихся сил, и невольно он вовлечен в это неудержимое движение! Как зверь чует добычу, так же чует бурю и давно готовится ее встретить! К тому же Францией править долго одним миром без свободы трудно: ей нужны или свобода, или слава! Конечно, правитель скорее погонится за последнею, чем согласится на первую. Таким образом, он отклонит все обстоятельства, могущие служить поводом к миру, и возбудит необходимую для его видов войну. Все эти толки о Конгрессе⁴, все эти дипломатические переговоры — это все та же всегдашняя ложь, прикрытая поддельно бесчеловечною правдою!

Все те же династические интересы — вопросы усиления прав, влияния, могущества правителей и ущерб прав народных; вопрос границ, и только! И так все это будет

* Далее зачеркнуто: господство.

** Над строкой вписано: subig — подвергаться, испытывать (франц.).

и должно разрешиться одною все тою же варварскою силой! Но где и в ком эта сила — и нет ли где еще другой противной силы, которая неожиданно может вспыхнуть и объять своим пламенем все и без того уже тлеющие здания дурно построенной Европы! Взрыв неотразим, и едва ли правители не сами ли и будут ему содействовать? Едва ли они первые вызовут ее и вынужденно представятся на суд народов, тех самых, которых они не щадили ни крови, ни казны для разрешения суетных, нелепых своих династических интересов! Если эта война примет предполагаемые и данные, уже ей размеры, то нет сомнения, что исход ее обратится в пользу народов, которые, почувствуя свое право, окончательно порешат свое значение. Династические интересы должны естественно потерять свой феодальный характер и поступят в колею отживших учреждений! Существование при прежних условиях правителям невозможно! Обветшалые понятия, присвоивавшие верховной власти право войны и мира, так противоречат основным началам всякой народной свободы, что должны же, наконец, прийти к тому заключению, что быть не может там свободы, где правитель пользуется правом объявлять по своему произволу войну и по своему усмотрению заключать мир! История выдвинула свои факты, чтобы выказать всю нелепость такого данного права своим правителям. Давно враждующие между собой Гогенцоллерны и Габсбурги⁵, домогаясь каждый*

[В. Я. ПОДЖИО]

Отец мой, Виктор Яковлевич Поджио, был выходец из Пьемонта¹. Темные сказания матери моей² не объяснили мне ясно причины, побудившей его оставить свое отечество. Я мог догадываться, что, преследуемый за нанесенную опасную рану в порыве ревности какому-то счастливому сопернику в любви, он воспользовался предложением Рибаса³, отплыл с ним из Ливорно и, таким образом, избегнул преследования уже и без того ненавистного ему правительства.

Тогда же Рибас участвовал в экспедиции графа Орлова, которому он оказал большое содействие в похищении Таракановой. Эта гнусная, вероломная проделка была

* На этом текст обрывается.

прикрыта, как водится, всею важностью государственного дела, а потому деятели этой плачевно кончившейся драмы были не опозорены во мнении общественном, но превозносимы, как будто упрочившие право, всегда шаткое, похитительницы престола⁴. Вот начало сношений моего отца с Рибасом — сношений, которые продолжались до конца его жизни.

Во время прибытия отца моего в Россию неопределенная будущность нашего юга волновала все умы. Екатерина бредила Византиею и направила на нее все свои помыслы и силы⁵. Мы видим, как вслед за мановением ее мыслей стеклась туда лучшая молодежь того времени, все знаменитые французские эмигранты и выходцы всех земель. Увлеченный потоком этих рыцарей-странников, восставших против иноверцев, отец мой отправился, как принято было, волонтером, после чего вступил в действительную военную службу. Не знаю, какие его были подвиги и служба вообще; знаю только, что он участвовал в турецкой кампании, был при взятии Измаила, всегда с гордостью носил этот крест и вышел в отставку секунд-майором. Знаю, в чем я впоследствии и мог убедиться, что он своею честностию и правотою на службе приобрел уважение и дружбу многих замечательных лиц того времени. Не говоря о Рибасе и его братьях, которые постоянно исключительно к нему были расположены, могу назвать герцога де Ришелье, графа Ланжерона, князя Григория Семеновича Волконского (тогда еще в здравом уме и наводящего страх на турок) и самого Суворова, который постоянно останавливался у него проездом чрез Одессу⁶. Помню рассказы матушки о посещении этого полководца — чудака великого. Как, в угодность ему, выносились из каменного нашего дома, едва ли не единственного тогда в Одессе, все зеркала и позолоченная мебель, оббитая штофом, вывезенная из Неаполя, и на место этой мебели становились простые скамьи. Ему готовилась самая простая пища; с каким горячим увлечением говаривал он с матушкой по-итальянски!

Отец был один из первых четырех обитателей, или, правильнее сказать, основателей Одессы, тогдашнего Хаджибея: инженерного генерала Ферстера, полковников Вердеревского и Ивашева (отец того Ивашева, который подвергнут одинаковой со мной изгнаннической участи)⁷.

[«УЖЕЛЬ С ДУШОЙ БЕСЦВЕТНОЙ...»]

Ужель с душой бесцветной, бледной,
Ведомый властью как слепой,
Пойду опять стезей бесследной,
Давно избитою толпой.

Ужель, затерянный, забытый,
Как неразгаданный злодей,
Без смерти заживо зарытый,
Без жизни жить мне средь людей.

Нет, нет, я твой, я не отступник,
И полный веры молодой,
Я старый тот же все преступник,
Поклонник истины святой.

ПИСЬМА

1. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ *¹

[Петровский завод, март 1832 г.]²

Тысячу раз спасибо, дорогой и добрый С[ергей] Г[ригорьевич], за вести от вас. Слава богу, что мать чувствует себя хорошо и что малыш стал есть. Я напишу ей несколько строк, но можно ли ручаться за успех; надо быть матерью, чтобы испытывать столь сладостную потребность кормить,—мы это понимаем лишь абстрактно. Во имя ребенка умоляю вас о мягкости! Что касается бульона, я за это не берусь, опасаясь, что сделаю его слишком крепким, а это то, чего следует избегать, пусть просто сварят куриный, не слушайте ее и следуйте только Вольфу, терпение, как же иначе?³ Не знаю, смогу ли я прийти к вам сегодня вечером. Повторяю, это неясно, так как Вольф против любого рода визита, он хотел с ней поговорить по этому поводу, чтобы дамы к ней не сбегались. Вы ведь знаете, что ее надо щадить. Вы, вы все это понимаете, но жена ваша противится всему. Не говорите ей об этом **. Бог вам в помощь!

2. А. Ф. ФРОЛОВУ ***¹

Петровский завод, 26 января 1837 г.

Письмо ваше от 17-го августа, добрый мой Александр Филиппович, я имел удовольствие получить и благодарю вас искренно как за извещение о себе, так и за дружеские

* Подлинник на франц. яз. Помета рукой М. Н. Волконской: «Поджио».

** Фраза по-русски.

*** Письмо рукой М. Н. Волконской.

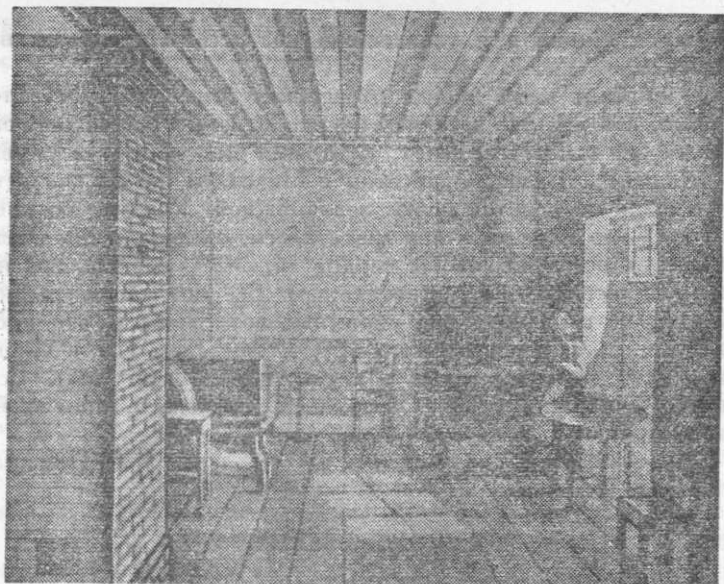
ваши приветствия. Радуюсь, что вы, не теряя времени, сейчас же приступили к устройству вашего маленького хозяйства². Вы, как кажется, скоро ознакомились с местностью и успели усмотреть все выгоды земледелия. При вашей деятельности и наклонности к занятиям полевым успех будет несомненный, и заранее поздравляю вас с обильной жатвою. Иван Васильевич пишет, что выходя из Малороссии засевают у вас многими десятинами арбузы и дыни для сбыта их в Красноярск³. Вот неоспоримое доказательство доброты вашей почвы. Верите ли вы, что с трудностию допускаешь всю истину, так еще мы сильно и неосновательно предубеждены против всего возможного под широтой сибирской. Я уверен, что можно бы сделать не одну удачную попытку в разведении многого неизвестного у вас; кукуруза и арнаутка, конечно, при девственной вашей почве могли бы быть с успехом разводимы⁴. Постараюсь последний, через матушку вам доставить для будущей весны. Теперь же я прошу М[арию] Ник[олаевну]⁵ переслать вам малый сбор семян, здесь находящийся, вы усмотрите некоторый недостаток в них, который пополнится при первом получении. У нас все по-старому, то есть одна и та же однообразность как в образе жизни, так и в занятиях жизни. Все наши товарищи вас помнят, а некоторые из них, в особенности М[ихаил] Матвеевич, Ал[ександр] Ива[нович] и Вениамин Николаевич, ожидают с нетерпением обещанного письма. Петр Иванович вам кланяется и вместе со мной просит вас извещать нас о себе почаще⁶. Вы не должны сомневаться в нашем участии и дружбе к вам. Прошу вас передать почтенному Петру Ивановичу Фаленбергу заверение моей дружеской об нем памяти⁷. Простите, любезнейший Александр Филиппович, будьте тверды, не скучайте одиночеством, уделом, всех нас ожидающим, которому невольно должны покориться.

3. И. И. ПУЩИНУ*¹

[Иркутск, 1842 г.]

Я обнял брата твоего², и все семнадцатилетие наше, любезный мой Пущин, так живо, так сильно во мне отразилось! Не думай, хотя, быть может, молчание мое не-

* Помета И. И. Пущина: «Ник[олай]», «пол[учено] 19».

КАМЕРА А. В. ПОДЖИО В ПЕТРОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

Акварель Н. А. Бестужева. 1831—1839. ГБЛ

сколько и сомнительно, что дружба и все воспоминания мои оживились только при этой встрече — нет, она только способствовать будет слабому выражению того, чего и не люблю, и не терплю доверять бумаге! Если ты когда во мне и усомнился, то, вероятно, получил и должное возмездие. Я же не подвергся этой горести насчет тебя, хотя и сыпешь других, а не меня своими заверениями. Полно об этом, да оно и больно! Теперь скажу тебе, что я поравнялся с тобой и в другом — не стало моей матери, друга моего! Бог ее прибрал 1-го июня, и два месяца Сонюшка это скрывала³. Она скончалась, и имена наши с братом замерли вместе с нею на ее устах! Горько другое: наша добрая Мария Николаевна чего нам не стоила все это время — но, благодаря бога, как нарочно утешила горе наше неожиданными вдруг восстаниями, брат твой тому был свидетель. Она очень слаба, и здоровье ей часто изменяет — нужны большие предосторожности, а ты ее знаешь — впрочем, подает надежды к исправлению и по-

этому к жизни и к успокоению нас всех! Почему ты не здесь?*

Поистине меня иногда охватывает бешенство — и в то время, как вы уже касались нашего берега!⁴ Какой опорой были бы вы в тех делах, которыми мы заняты в связи с Мишей!⁵ Я говорил об этом с Николаем, но он считает, что вещь становится почти невозможной! Увидите со временем — по мере того как мы стареем, следовало бы затягиваться все туже, чтобы сердце <...>** , уменьшаясь, не становилось столь чувствительным. Все мое время отдано Мише, но вы знаете мои скромные возможности, это продлится до следующего года***, а там сдам его — Миша подходит и просит тебя обнять. Прости, мой друг. Бог с тобой, Пушин мой. — Обнимаю Оболенского, приезжайте к нам⁶.

А. Поджио.

Брат торопит.

4. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ****1

С. Усть-Кудинское, июля 9-го 1845 г.

Если я медлил с ответом, дорогой друг, то лишь потому, что я еще питал надежду дать вам более удовлетворительные сведения о ваших здешних делах. К несчастью, после наведенных справок могу сообщить вам мало хорошего. Сбыт ваших книг был незначительным, чтобы не сказать ничтожным². Так как количество книг превышало количество образованных людей, нам едва удалось найти человек десять покупателей. Эта страна золота, как видите, не является страной мысли, а не могло ли казаться, что золото ищет мысль? Из-за оторванности от какой бы то ни было культурной жизни вы здесь, друг мой, не найдете справедливых ценителей вашего таланта, на это нечего надеяться. Поэтому следовало бы, мне кажется, попытаться соблазнить зауральцев, и вот что я вам предлагаю. Послать оставшиеся экземпляры на Нижегородскую ярмарку и продавать их там со скидкой, как это делается с сочинениями Марлинского, Пушкина и других.

* Далее по-французски.

** Край листа испорчен.

*** Конец французского текста.

**** Подлинник на франц. яз.

Впрочем, полную аналогию представляют и все европейские знаменитости, Ламартин, Гюго, Шатобриан, — почитайте-ка газеты, — продаются, и все продаются со скидкой³. Что же это — сам талант или само произведение обесценено, осуждено на скидку? О нет, сто раз нет! Талант может расти, тогда как материальная часть его произведений идет на снижение, и это до такой степени верно, что можно считать аксиомой, что снижение цены произведения зависит от роста таланта. Это объяснимо: с тех пор, как экономисты включили произведения духа в область политической экономии, с ними происходит то же, что со всяким другим продуктом, т. е. в случае, когда продукция превышает потребление, следует снижение цены на продукцию. Когда пишешь больше, чем читают, подвергаешь себя печальному последствию снижения, а так как вы в этом смысле *gran peccatore**, благоволите сказать мне, согласны ли вы подчиниться этому закону, подстерегающему вас всех, знаменитости вы несчастные!

Как только вы меня об этом уведомите, я приму необходимые меры.

Коснемся теперь бесплодного вопроса — шубы. Во-первых, всего-навсего пятьдесят рублей капитала и общая нужда вокруг! Это бы еще сошло, если бы не возникли новые трудности, ибо я, так или иначе, мог бы ускорить покупку в кредит, но вот в чем дело: вы глубоко ошибаетесь, полагая, что вы находитесь в стране дешевизны. Все ужасно дорого, и товары идут в ногу с общим повышением цен. За лисий мех, только что купленный одной немкой (а вы знаете, что такое немка в подобных случаях), итак, за мех весьма низкого качества было заплачено сто восемьдесят рублей. Прибавьте к этому воротник, материю, которую не достанешь дешевле, чем за сто рублей, и работу — и все вместе обойдется свыше четырехсот рублей — сумма, очень большая для состояния ваших финансов и на которую, я полагаю, вы не рассчитывали. Коль скоро книги будут распроданы в Нижнем, там можно будет дешево достать прекрасный мех, так как мы его оттуда получаем. Я очень огорчен, дорогой Вильгельм, что лишен возможности удовлетворить ваше желание: мои финансы из-за моих племянниц находятся в прискорбном *status quo*, и с вашего отъезда я не получил ни обола⁴.

* Великий грешник (и т. л.).

Это произойдет, я себе это твержу, я себя заставляю этому верить, так как в конце концов мне есть на кого рассчитывать; но вы, дорогой друг, как видно, скоро будете на мели, и я не предвижу средства вернуть вас на воду. Поэтому какой там выбор поселения, да еще после изучения бесплодности почвы, чтобы потом вдобавок оказаться виноватым в том, что пустил там корни! К чему эта глупость и вся эта проза, мой поэт? Уж не забыли ли вы стихи Ламартина:

Поэт подобен перелетным птицам,

Не выющим гнезд на берегу реки, и т. д.⁵

Это, правда, не мешает ему иметь премилый замок на Роне, но вам, несомненно, помешало бы иметь таковой на Тоболе. Не люблю я Тобола, разве только он вдохновит вас и вырвет у вас такой же поэтический возглас, как исторг у вас Онон⁶.

Ваша муза, стало быть, в самом деле станет архитектором. Это, по крайней мере, будет единственным созданным ею произведением, в котором нет ни складу, ни ладу. Что меня огорчает в этой поэзии, это решение, по-видимому, принятое вами, остаться в Кургане, тогда как, если похлопотать, вы могли бы добиться разрешения поселиться в Тобольске. Вот местопребывание, которое подошло бы вам во всех отношениях; и как же я сожалею и не могу простить себе, что не предложил вам поселиться в наших окрестностях. По приезде в Иркутск было уже поздно, но до того, но раньше,—и приехал-то я вовремя. Но я предполагал у вас непреодолимые причины практического порядка, а вышло, что вы остались без источника доходов. Ах, как это меня печалит, дорогой друг! Но не будем тем не менее отчаиваться; я последний, кто сомневается в твердости и силах, таящихся в вас.

Возвращаясь к вашему письму, чтобы перечесть его дружеское содержание. Нельзя не остановиться на проявлении столь искренней дружбы. Она кажется действительно прочувствованной. Возвращаю ее вам, дорогой друг, столь же искренней и столь же преданной. Простите и позвольте от всего сердца обнять вас. Брат мой⁷ и все наши дружески вам кланяются.

Прилагаю пятьдесят рублей за десять проданных экземпляров. Княгиня⁸ просит передать вам, равно как вашей жене, ее дружеские чувства. Неллинька и Мишель⁹ целуют ваших деток.

Вполне ценю, добрейшая Дросида Ивановна⁹, расположение ваше ко мне и так же живо и часто вспоминаю пребывание ваше у нас в Иркутске и в особенности у меня в Усть-Куде. Я вас всех встретил у себя, как друзей, а проводил, как родных.

Дружба почтенного Вильгельма Карловича и память ваша обо мне поддерживают меня в этих к вам чувствах. Примите их. Они искренни и беспредельны. Не мог я вам служить и вдвойне чувствую всю тяжесть стесненных моих обстоятельств. Не забывайте меня, берегите Вильгельма и обнимите деток ваших!

Искренно вам преданный А. Поджио.

5. И. И. ПУЩИНУ*

[Иркутск, 29—31 октября 1854 г.]¹

Любезный друг, пишу к тебе в последний день первой седмицы нашей Вареньки; господь ее хранит и сохранил и мать. Главные муки продолжались 1 ч[ас] с четвертью, а всего с небольшим 8 ч[асов] — все кончилось благополучно. Первые три дня существования обеих были тяжелы, но с появлением молока Варенька стала жить новою жизнью; теперь все отправления в порядке — ест вдоволь, спит чудесно и так тиха, что иногда нуждаешься в ее крике! Вот тебе очерк — волосы черные, отвислые щечки, большие глаза, курносая, выдававшаяся передняя губа, и все это облеклось в какую-то непояснимо милую форму, чарующую родных ее, как обыкновенно! Дело в том, что хотя породы хрящеватой, но, кажется, здорова, и это главное. Мать сама кормит к довершенности ее благополучия! Страшно смотреть на эту любовь, на это счастье, основанное на таком слабом существе — да будет воля божья! Не даю вкрадываться раздумию, много бы залегло горьких ощущений при такой радости! Как в мои лета, при моем здоровье стать наряду с 9-дневной малюткой! Как быть, любезный друг? довольствоваться тем, чем бог присудит. Третьего дня малютку окрестили, Анна Андреевна Боборыкина и добрый Вичеслав приняли ее². Вчера возили в церковь причаститься, сегодня молебен Казанск[ой] божией матери. Велика вера Ларисы, и я чту ее до такой

* Помета И. И. Пушина: «Пол[учено] 20 ноября».

А. В. ПОДЖИО
Рисунок К.-П. Мазера. 1849

степени, что ни в чем не противоречу³. Малютка съездила, и все благополучно! Представь себе мать,—когда ее увезли в церковь, то она взрыд рыдала и до возвращения в таком была тревожном состоянии, что жаль смотреть!.. И все это так хило!.. так тленно...

Друг мой, много нам было горестей, и все они сошлись как-то в одно время. Друганов, муж сестры Ларисы, умер от холеры в Москве, имея хорошее место, жил безбедно,—теперь оставил жену и 6 ч[еловек] детей! без пенсии, без всего!..⁴ Жена крепко горевала... Тут Кат[ерина] Ивановна... которую она в особенности крепко оплакала! Много бы говорить об этом горестном происшествии. Скажу одно, умерла, не зная опасности,—почему г[осподин] Персин скрывал до последней минуты, не знаю—пусть это лежит на его совести. Умерла без завешания, и дети не-

сколько затруднятся! Схоронили ее и оплакивали, как она это заслуживала! Мир ей! Старик был велик в своем горе!⁵ Они уехали все в Кяхту — там им будет легче переносить скорбы! Теперь другое.

Молчанов отдан под военный суд и судиться будет в Москве при ордонансгаузе, в особенности по делу Баснина⁶! Скажи пожалуйста, что за вампир это, сосущий нас всех! Бедная Неля все бросила, чтоб последовать за этим негодяем! Стариков не видал — еду к ним — боюсь за М[арию] Н[иколаевну]! Я думаю, что Мандарин не выдержит удара и что паралич его добьет⁷. Лучший конец такого мрачного начала.

И[ван] Д[митриевич] страдает, но не отчаянно⁸; дал бы бог до весны. Он телом окреп, а в софизмах еще более — сладить невозможно. Вичислав едет, и он один и хочет быть одним!.. Как он тверд при таких испытаниях! Помогите нам бог. Много мне дела, и я прошусь с тобой, дорогой мой, — благослови мою дочь и прошу того же от всех наших. Обними их за меня и зацалуй Анюту⁹. Господь с вами.

А. Поджио.

6. И. И. ПУЩИНУ*

[Иркутск, 4 декабря] 1854 г.¹

Очень рад, что могу, любезный друг, поговорить свободно, не прибегая к Михеевне²; свободно так, но не долго. Добрый П. В.³ с бурей и как буря наскочил (буря, впрочем, не скачет, а несется) и сказал, что едет завтра. Как быть, для меня в особенности — надо многое, чтоб выдвинуть себя из себя! Я сделался так несообщителен, что источники всякого рода излиятий во мне иссякли; и в самой вещи, идя врозь и так давно уже с людьми, я утратил свою самобытность и бессознательно облекся теми узорчатыми расписными формами, из-под которых виден только ум, а глупость пока ловко скрывается. Говоря языком (и то весьма редко) не своим, а чужим, я подкладываю в разговор заготовленные формулы решения; обнимаю все и вся, потому что теперь это в духе поддельном наших, так сказать, мыслителей, я и хую, и порицаю, и разби-

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 22 декабря».

раю, но все это в данных формах и границах; одним словом, одна из тех двуногих машин, которая, приведенная в действие, разрабатывает хотя и хорошо, и чисто, и скоро, но все-таки не более, не менее данного количества идей!

Действия и есть, а все-таки машина, а не человек. Вот каков я, каковы и многие...

Довольно, некогда хотя бы коснуться времени, войны, начал, но и тут как будто мне страшно высказываться. Итак, к делу: у нас все по-старому, т. е. со времени последних двух несчастий, постигших Вол[конских] и Тр[убецких]⁴, о последнем тебе все передаст П. В.; но о первом вряд ли знает многое.

Бедная старуха томится все неизвестностью, но и с тем ужасно горюет; в минуты откровения или, лучше сказать, нравственного удушья, она рыдает и гов[орит]: я причиной несчастья моей Н[елли], я одна, и каково мне жить!⁵ Жаль ее, бедную, она страшно изменилась, и я опасаясь, чтобы последнее извещение о деле не доразило ее! Я катал Мандарина, и она все поняла! И тут все те же уловки, скрывает все, а уже 2 письма из Москвы! Об И[ване] Д[митриевиче] сам П. В. все выскажет. К несчастью, отцовские обязанности задерживают меня, и я не могу его так часто навещать, когда он безвыходно дома! Сегодня моя именинница без службы, того обычай хочет, но здорова, благодаря бога, а мать и подавнему. Я думал, что Варя будет последняя из изгнанниц, но, вспомнив о вечно юном отце Оболенском, и мыслью впал в сомнение. Отче! отче! остановись!⁶

Я поджидаю к себе Я[кова] Д[митриевича], непременно хочет остановиться у нас, у преступников!⁷ Не страшится, тесноты, а разъединимся где же? — в Иркутске. Спасибо ему.

Дела мои довольно стеснены — малютка надбавила издержки, и я вынужден был взять к себе Зимина, за которого получаю 400 руб.⁸ Трудно, тяжело в мои лета, но как быть? Что скажет золото — есть маленькие надежды, и тут много хлопот и ответственности⁹. Я всем оруду, как говорят сибиряки — увидим.

Прощай, друг мой, часто, часто ты в моих помыслах — будь здоров, обнимаю тебя и твою Аниуту.

Пожми крепко от меня руки стариков¹⁰. О старцы, как

вы еще юны!.. Жена тебя приветствует — до свидания, любезный друг.

Ал[ексandre] Василь[евне] прошу очень кланяться ¹¹.

7. С. П. ТРУБЕЦКОМУ*

[Иркутск, 23 ноября 1854 г.]¹

Вижу с удовольствием, мой добрый Сергей Петрович, что ваше бедное сердце еще открыто для радости, вы изъясняете ее весьма искренне по случаю рождения нашей Вари, которую бог захотел поместить среди бесконечно малых! В самом деле, она родилась столь незначительного объема, что понадобился целый месяц, чтобы нас убедить, что она — существо, причем существо кричащее. Слава богу, она такая некрасивенькая, такая черненькая — лишь бы она осталась жить, это все, о чем я прошу, особенно ради матери! Однако если я заговорил об этой ошибке моей старости, то надо развить мысль. Сегодня мы стояли молитву, и, конечно, в тот же час вы тоже возносили свои молитвы. Пусть они все соединятся в память об этой достойной женщине, которая будет жить в наших сердцах!² Ах, знали бы вы, как нам ее недостает, а Варенька** нам ее еще более напоминает. Сколько раз восклицала Лариса: «Как бы моя добрая К[атерина] И[вановна] порадовалась моему счастью»***, и кто знает, не от наших ли умерших приходит к нам все, что с нами случается счастливого здесь, на земле?.. Если бы вы ведали еще, как вас всех нам не хватает, потому что не знаю радости, которая не имела отклика в вашем доме, таком пустом теперь, кроме того, так внезапно прерваны столь близкие отношения. Впрочем, это эгоизм; по крайней мере, вы там в семейном кругу, и все вместе вы имеете и более силы, и более утешения друг для друга!³ Да сохранит вам бог ваше спокойствие, и только не предполагайте расставаний навечно. Проникнемся минутой и вверимся ему, когда он говорит сердцу — зачем умерять счастливое чувство несвоевременными предвидениями. Когда мне приводится держать Вареньку**** у себя на руках, думаете, я поддаюсь вполне естественной мысли не

* Подлинник на франц. яз.

** Имя по-русски.

*** Фраза в кавычках по-русски.

**** Имя по-русски.

увидеть ее не только большой, но хоть немного развившейся — вовсе нет, счастливый мгновением, я все возлагаю на бога, и будь что будет! Не знаю, впрочем, решено ли об отъезде Н[иколая] Р[омановича] и возможен ли он⁴. Я поблагодарил, как вы сказали, Н[иколая] Н[иколаевича], который по-прежнему живо интересуется всем, что касается вас⁵. Я полагаю, вас уведомляют о ходе ваших дел здесь. Поскольку надо предвидеть опеку⁶ и поскольку вам выгоднее, чтобы мне заплатили деньги, которые могут быть получены от продажи земель, не следует ли мне предпринять какие-то шаги — но как поступить, чтобы избежать огласки, так как я не захочу использовать переводной вексель, а в то же время это был бы единственный способ, чтобы не брать из капитала, который, хочу верить, останется в секрете⁷. Борх благонамерен⁸. Но если бы он собирался поместить его в опеку, то это было бы законно. Скажите, что мне нужно делать, так как во всяком случае вы знаете <...>*, работы в июне съедят капитал. Племянник мой⁹ имел неловкость купить недвижимость и просит меня пока почать из моего капитала. Рукавишников — единственный, кто обещает выпутать меня из дела в отношении векселя¹⁰. Все, что вы мне сказали в отношении прииска¹¹, сделано, я разузнал и никогда <...>** там не был. Решено, что все будет в марте. Новичкий¹² должен быть 1[-го] на месте, он должен копать на площадях и уведомить меня в конце месяца; если <...>*** проходимы, мы поедem с Б.**** за отводом. Все решено и кончено. У меня есть еще две площади, из коих одна с самородком в 250 [рублей] сер[ебром], и это непременно исследовать.

Простите, я опоздал, едва успею всех вас, дорогих, приветствовать от себя, и от жены, и от дочери. В другой раз отвечу дамам *****.

* Край листа испорчен.

** Одно слово неразб.

*** Край листа испорчен.

**** Далее по-русски.

***** Фраза по-французски.

[Иркутск, февраль 1855 г.]¹

Как обыкновенно водится с ленивцами, я откладывал писание, а между тем настал день отъезда, а я не наготове, любезный друг мой П[ущин]. Впрочем, и не одна лень тут причина; все это время я побрякивал: какая-то боль закралась у сердца (и это уже не раз), к тому же желудок расстроился, и я под гнетом каких-то мрачных мыслей и не принимался за перо! У нас какое-то повторение всего жалобного — столько случаев близких, напоминающих общее назначение наше, что, право, дивишься подчас, каким образом еще не подвергся той же участи. Спиридов убрался! Волф на пути!² И этого свалило Голиафа! Жаль очень мне его, не говоря о личных моих чувствах признательности — но жаль как человека полезного и круг действий которого был так завиден!

Вот и вчера какой случай? — Трубецкие едва спаслись — С[ергей] П[етрович] и Зина успели выскочить, а лошади пошли к дну на Байкале. Торопливость — в ком же — в С[ергее] П[етровиче]. Вот уж *fatum*! Сейчас еду к ним, как-то это вынесут они? Они 5 верст шли пешком, и бедная Зина пришла, добралась до юрты изможденная и в изнеможении, остывшая припала к огню; Ваня ее прикрыл своею шубой³. Увидим — впрочем, яснее все тебе обскажет Б.

У нас все благополучно — Варя процветает — хохот и исчезающая на устах улыбка вся ее жизнь — пополнела, точный бочоночек, мать заливает ее молоком.

Дай бог продолжения.

Жена тебе очень кланяется, она здорова и счастлива! На днях ожидаю к себе Я[кова] Д[митриевича], хотел непременно у нас остановиться и потесниться — спасибо ему за это! И[ван] Д[митриевич] поправляется, и видимся по возможности. 1-го февраля — рождение жены — он выезжал, ибо между ними страшная дружба — он изменил всем вашим дамам. У нас все готовятся к экспедиции, т. е. к отпору супостатов! однако же наделали и наделают они нам много! Я не из числа слепых патриотов — вижу и предвижу, и один против всех предсказываю бессилие наше! Но цифры миллионные нас погубили и принимая

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 22 генваря».

в противную числительность одной материальной силы, не принимая в расчёт дух народов, восставший против татарских начал *¹. Куды несутся все — не так-то легко разгадать. Движение превышает силы мнимо двигателей! Многое раздробится, многое возникнет. А между тем сколько крови! Но, видно, такой удел бедного этого человечества, что без этой жидкости ничто не делается и не создается!

Это-то и есть признак жизни, иначе человечество было бы в состоянии трупa! Страшное условие прогресса! Но как быть? — дела не так ведены были еще со времен Адама, и мы несем эту вековую ношу всего ложного, не зная, куды и как ее сбросить!

Ник[олай] Ром[анович] прервал меня, сейчас еду к ним, курьер же едет после обеда, следовательно, прости, любезный друг. Всем нашим привет мой дружеский. Жена тебе жмет руку и обнимает милую Анюту — целую ручку ее — она, говорят, так мила! До свидания.

Прости.

А. П.

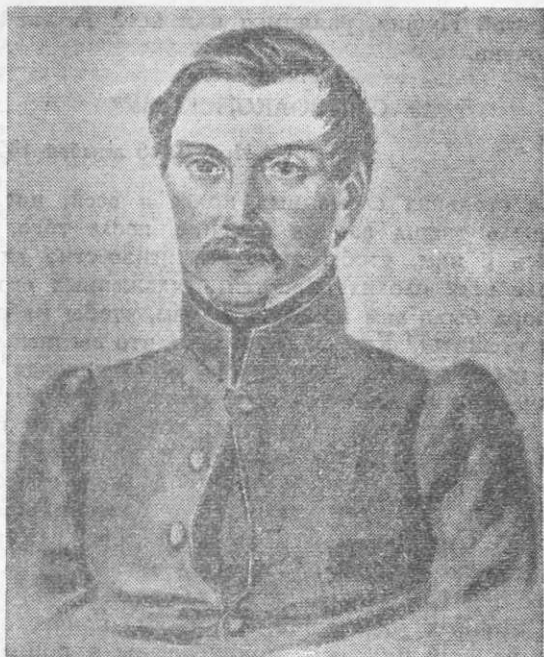
9. И. И. ПУЩИНУ **

[Иркутск, начало августа 1855 г.]¹

Верно, не ожидал ты, любезный друг, чтобы когда-нибудь письмо мое тебе было доставлено и кем же? — М[арией] Н[иколаевной]! но, слава богу, оно так! На многие возгласы я отвечаю: довольно; 30 лет пребывания в Сибири, утрата здоровья, спокойствия дают право подумать и о себе собственно; если была возможность поддержать эту разбитую жизнь, то, конечно, средство одно, не замирать ежечасно, думая о судьбе бедной дочери!² Путь ей туды. Кажется, и многим придется поехать тем же путем, если только еще успеют. Ты, напр[имер], любезный друг! тебя ожидают 1000 родных и друзей! Так или иначе, а умирать на своем месте хорошо. Что касается до меня, то я совершенно равнодушен и если думаю о чем, то это о переселении к вам на Запад, если мои дела не направятся здесь. Золотое дело мое довольно хорошо, но надо добиться до возможной положительности до начинания

* Так в подлиннике.

** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 24 августа».

И. И. ПУШИН

Акварель Н. А. Бестужева. 1837

работ — поэтому завтра я вторично еду на прииск и постараюсь, как Наполеон, все привести в ясность. Между тем деньги льются — поездка моя многое объяснит. Дела Европы еще не определены — все еще не то, а будет то; этот разбойник неумышленно будет содействовать к устройству всего дела³. Что тебе сказать о наших! — Ив[ан] Дм[итриевич] поправился и видимо оживает. Черемша так и льет в него не только жизнь, но, думаю, и самую вечность! С[ергей] П[етрович] по-старому неизменно подается вперед, нисколько не заботясь о будущем. С[ергей] Г[ригорьевич] начинает только жить и скоро будет в юном развитии. Жена хотя раскашлялась, но здорова, Варя — чудное дитя, полна жизни и ума! Первая тебе жмет руку, а малютка догадливо любит. Обними большую твою Анюту и дай весточку о себе и о всех наших. Много писем, завтра еду, хлопот довольно, а потому и прости, любез-

ный, дорогой Пушкин, увидимся или нет? А хотелось бы очень и очень.

10. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ*

Иркутск, 6 декабря 1856 г.

После стольких сломанных колес и осей, после того, как Мишель тащил вас на буксире, после того, как вы расстались с ним, чтобы зимовать неизвестно где, наконец, после всех плохих новостей, выложенных его глашатаями, пора было вам приехать к нам, чтобы избавить от тревог и утешить! ¹ Еще куда ни шло, что вы писали с Запада, но вы сумели три дня спустя после приезда в Москву отвлечься от семьи, от всех переживаний, чтобы послать мне столь душевные страницы; вот один из порывов, который вас выдает, мой добрый и уважаемый Сергей Григорьевич, и вследствие которого я лишь отчасти признаю за вами ваше свидетельство о благородном происхождении ². Спасибо, мой достойный друг, за эту более чем дружескую заботу, впрочем, я ее заслужил, потому что более чем тревожился за вас обоих. Теперь, когда вы лишены пышных украшений, выбриты, причесаны (и я надеюсь, не *à la moujik*) ³, приукрашены и принаряжены, как настоящий парвеню, бросайтесь вперед, но позаботьтесь хорошенько наблюдать, не поддаваясь впечатлениям от первых объятий, и вы увидите холодность, замешательство, некое враждебное чувство, выражаемое, правда, безмолвно, и пусть чувство уместности помешает вам разразиться возмущением; это, если не оскорбительно, по крайней мере, довольно обидно. Дело в том, что, видите ли, мы, с нашими титулишками, которые носим с маленькой преамбулой, уточняющей помилование ⁴, находимся в фальшивом, даже в абсурдном положении, мы проделали столь долгий обходный путь, чтобы прийти к отправной точке и поставить себя в явное противоречие с собой, а этого не прощают, и теперь, когда мы принадлежим себе, когда за нами более нет тридцати наших лет ссылки, внушавших известное уважение, щита, о который разбивались стрелы недоброжелательства, это послужит предметом поношения и унижит нас более всего. Именно так: все вокруг измени-

* Подлинник на франц. яз. Помета С. Г. Волконского: «Отвечено 12 февраля».

лось, мы — люди, над которыми глумятся, которые абсолютно лишены уважения, и не следует обманываться на сей счет, потому что необходимо давать отпор этим враждебным мнениям и именно в момент приобретения положения. Кроме этого общественного мнения, против которого я уже должен был выступить, чтобы отразить некоторые атаки, произведенные здесь, но затеянные в ином месте (не говорю где), обратите-ка внимание на мнение правительства, в порядке вещей, правда. Достаточно было написать на полях два слова «под надзор»*, чтобы возвести их в закон и захотеть вас им подчинить**.

Вот в чем дело. К предписанию от министра Ланского объявить нам милости приложен список лицам, помянутым в манифесте, и в графе после поименования милостей следуют без всякого управляемого слова «под надзором»⁵. Нас спросили, куды мы едем, и объявили содержание списка. Пошли отзывы. Трубецкой отвечал прекрасно, допуская в своем деле одну высочайшую волю и никакой другой. Ко мне объявление пришло гораздо позже, и я на другой день отправился к властям. Какуев не знал еще содержания письменных отзывов и сказал мне, что мы совершенно правы, но что он должен отписываться и сделал должные уже распоряжения через губернское правление⁶.—«В таком случае я должен искать ограждения моих прав выше, и я еду к К[арлу] К[арловичу]»⁷.—«Пожалуйста».—«Я сейчас туды поеду».—«Не оскорбляйтесь, что нам делать, да и представьте, скажу вам по секрету, наше положение. Я получил от министра бумагу, в которой он говорит, что государю угодно немедленно иметь список лицам, оставшимся под надзором, за исключением тех, которые воспользовались милостями манифеста — явно, что государь хочет и с последних снять надзор»⁸.—«Позвольте спросить, к какому списку вы меня причислите?»—«Разумеется, к списку воспользовавшихся милостями».—«Тут что-то неясно, в[аше] п[ревосходительство], в списке вы скажете, что я избавлен от надзора, а здесь вы меня хотите отдать под надзор».—Вот вам образчик воззрения здешних властей! Оттуда я отправился к Дувингу⁹, с чем, вы думаете,—с просьбою, чтобы он об этом не доносил, «они бо не ведают, что делают». Но он и слышать не хо-

* Слова «под надзор» по-русски.

** Далее по-русски.

тел и, кажется, сделал свое дело. После этого заехал к К[арлу] К[арловичу], который также нашел наше дело справедливым, но... но... «я не мог иначе поступить». — «В таком разе я подам прошение». — «Прекрасно, я приму его в основание и напишу министру». — «Ужели вам нужно мое мнение для того, чтобы оградить нас от нарушения дарованных нам прав? Ужели достаточно двух слов, чтоб лишить чести дворянина без суда, без приговора, и все это противно высочайшей воле; все это делают потому, что это мы, и нам остается одно — обратиться к самому государю, подав просьбу на высочайшее имя». — «Вы, может быть, не получите объявления от губ[ернского] правления, а я между тем потребую объяснения от министра». — «Я думаю, в[аше] п[ревосходительство], что он вам это на ухо шепнул, а вам угодно было дать делу гласность». — «А что вы думаете, это очень может быть». — «Против этого мы ни слова, и можете нас обставить жандармами, но не стеснять нас в наших действиях». Таким образом мы разошлись, и я написал прошение Какуеву, первое в жизни, и в чем? — отстаивая те же права, которые я хотел уничтожить!..¹⁰ Но дело не в дворянстве, а дело в сопротивлении.

В подаче просьбы я остановился, не желая подвергнуться замечанию, не имея явного объявления. На другой день Трубецкой должен был съездить в губ[ернское] прав[ление] для подписи данной мне доверенности; при надзоре не допустили бы, напротив, Успенский был крайне любезен и распространялся насчет приобретения прав по всем делам общественным¹¹. Поэтому просьба на двухрублевой бумаге лежит до объявления на столе; если это будет, то подастся она, а вслед за нею и на высочайшее имя. Впрочем, это будет первая и последняя попытка: я всегда почитал это вздором и остаюсь при своем мнении, на том основании, что государь один за нас, а все его слуги против — слуги же все и вся при некоторых условиях. Вот вам, добрейший Сергей Григорьевич, подробный отчет здешних притеснений в доказательство ничтожного нашего значения! А между тем на основании всех этих прав мы совершили законный акт, по которому имена Трубецкого и Поджио сияют во всем блеске — я же еще и уполномоченный! Но, предвидя судебскую бурю, я почти решаюсь сдать дело и постараюсь этого достигнуть. Я никаких предположений насчет будущности себе не поз-

воляю — стар больно, чтоб заноситься в туманную не даль, а близь. После вашего отъезда и вообще после дарования мне прав я утратил право на здоровье: силы слабеют и не раз подвергался и кашлю, и другим припадкам, предвестникам последней развязки всех завязок жизни!.. Допускаю, однако же, мысль отправиться как тунгус в горы как для здоровья, так и для личного надзора и за работами, и за работниками. Вот будущность, представляемая жене: вместо Воробьевых Верхоленские горы. Между тем добрый Саша¹² предложил мне свой каменный дом, умоляет все бросить и ехать, не думая ни об чем, прямо к нему, отказываясь на этот год и от Мариенбада! На все эти горячие призывы сердца отвечаю, стесняя собственно свое, холодными принужденными отзывами рассудка! Но здесь стало холоднее прежнего, согреться негде! Все вы, друзья, уехали, и одиночество высказывается более и более. Сижу все дома — я обвел вокруг себя черту и не перейду ее, а между тем стану хлопотать как о старых, так и о юных недорослях. Попрошу Н[иколая] Н[иколаевича] дать первым возможность к выезду из ссылки, вторым же, праздношатающимся балбесам, — какое-нибудь понудительное назначение. Представьте все это оренбургское дворянское поколение, заброшенное, забытое и теперь невольно выдвинутое на сцену¹³: довольно и Бейтонов для Сибири¹⁴. Теперь есть еще малолетки у Фролова, Фаленберга, Крюкова и прочих¹⁵. Одним почерком пера можно всех их подвести под какое-нибудь общее спасительное распоряжение. Вот вам нечто о наших.

Бестужевы едут в Россию, а Михайло остается с своими 3000, которые Персин успел уже выманить¹⁶. Горбачевский, лишась пособий, остался на мели без всяких средств. Я успел предложить обоим места выгодные: от них будет зависеть все прочее¹⁷. Завалишин, как опытный кормчий, бросил свой якорь у верной пристани. Дружинин и Быстрицкий порываются, но увы...¹⁸. Кюхельбекер¹⁹ в том же нюхательном положении, не думая, не заботясь ни об чем. Дивное, чудовищное равнодушие, подходящее к какой-то стойкости. Бечаснов так же громок, счастлив, как и был, с некоторыми оттенками, обнаруживающими дворянина рязанского. О минусинском племени ничего не знаю, — ялutorовское вас, верно, известило о тобольцах и курганцах. На днях проводили нашего доброго Сергея Петровича — благослови его бог, как его все здесь благо-

словили. Завидное такое расставание с местом, где в течение стольких лет человек умел быть так неизменно верен делу и добру. Много, много он перенес и сколько предстоит ему еще испытаний! Если бы вы знали, какое на меня наводит уныние вид ваших замков, когда-то гремевших кликами,.. теперь же опустевших, как будто дух жизни славной покинул их навсегда!.. Видно, моя участь принадлежит какой-нибудь особенности, если мне суждено было быть зрителем, и, конечно, равнодушным, всего этого передвижения.

Кстати об этом: я усматриваю из письма вашего, как вы счастливы, как все ваши ощущения и полны, и безмятежны, вижу, что для них вы готовы жертвовать и здоровьем, и спокойствием, обрекаясь на такую подвижную жизнь! Но посоветовались ли вы с вашими силами? Выдержите ли вы эту московскую толчею, и ужели вам предназначено не выходить из всего петровского? При таких условиях выбор Москвы неуместен, и почему вам всем, и старым, и больным, не поселиться где-нибудь на юге? Простите мне это отступление — мысль пробежала, и я ее не сумел скрыть, вопрос, быть может, убеждений многих*.

Я не рассказываю вам ни о местных делах, ни, того менее, о последних событиях; мы достаточно посылаем вам листков говорящих, чтобы держать вас в курсе наших новостей. Послушайте, вот еще один едет, Иосиф Баснин²⁰. Ну, уж этот будет опавшим листом.

Отъезды действительно в порядке дел. Ахилл, раненый в сердце, то есть все-таки в пяту, уехал под предлогом семейных дел, в то время как это было лишь для того, чтобы избежать генерала²¹. Посудите же, что будет, когда двинется Польша, она только что отправила первый свой вагон; Тулинские *pojechali do Warszawy*²², благословленные генералом-священником со всей торжественностью, которой требовало событие. Кагал^{**23} на нас досадует, он говорит, что с нами обращались как с законными детьми, а с ними как с незаконнорожденными.

Не напоминает ли вам это письмо наши разговоры прежних лет, когда мы позволяли мысли носиться с не-принужденностью, которую дает близость, поддержанная столькими испытаниями! Я положил могильную плиту на мысли, чувства, убеждения прежних дней, уступая другим

* Далее по-французски.

** Старшина в еврейской общине.

сделать надлежащую надпись. Я написал вам длинное письмо на 8 страницах с курьером <...>*, но после неоднократных размышлений порвал его как несвоевременное, потому что некоторые мысли, как монеты, несмотря на присущую им ценность, имеют хождение лишь в определенных странах и в определенное время, не у нас! Мир этим мыслям, этому прошлому, тому великому умершему, к тени которого я, однако, всегда буду взывать, когда почувствую, что душа моя слабеет! Ему принесу я даже свое последнее дыхание, все свои мысли и порой мои <...>** тревоги. Вы, столько послуживший этому прошлому, примите, мой достойный друг, дань моего уважения и признательности, они ваши по праву. Если я был чем-то в своих глазах, я этим обязан всем вам! Теперь же, когда все расторгнуто, разбито, раздроблено в ступе помилования, теперь же, когда мы не должны ничего в политическом смысле, сохраните для меня немного светской дружбы, которая здесь в таком ходу, сообщайте ваши новости и не забывайте сибиряка и тем более в начале нашего общенародного баснословного признания вспоминайте о Сибири, об этом крае изгнания, которому вы были обязаны вашим крещением в истории.

11. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ***

[Иркутск, 8 декабря 1856 г.]¹

Только что получил ваше письмо от 10-го и не могу достаточно выразить вам признательность за столь дружескую готовность, с которой вы держите меня в курсе полученных и произведенных впечатлений. Я более чем заинтересован в них и не могу высказать, сколь я вам обязан за то, что вы сообщили о таком теплом приеме. В Москве и повсюду говорили, что вы компрометируете себя, преуспевая здесь, и хоть я уверял в противоположном со всей моей желчностью того времени, я опасался не столько Закревского, как других, я опасался, как бы они вам не манкировали, а манкировать вам — было бы всем нам, делу, которому мы однажды послужили!² Хвала богу и хвала государю, который сумел возвысить общест-

* Одно слово неразб.

** Одно слово неразб.

*** Подлинник на франц. яз.

венное мнение и дал ему требуемое свободное развитие. Вы мало говорите мне о старике ветеране. Какие он задавал вопросы, и что было предметом вашего разговора? Стихи отличаются придворной простотой и достойны великого краснбая!³ Спасибо за тот подарок, вообще я обязан вам определенным изменением в моих идеях — вы настолько приближаете меня к дорогой России, что сокращается расстояние, которое меня от нее отделяет.

У меня безденежье, вынудившее меня отказаться от ваших саней. Вообразите, что из миллиона рублей, который должен был быть вложен в этот край, Барнаул дал лишь мертвые расписки, их нужно оживлять в Петербурге — наши галионы придут лишь после января!..⁴ Какой застой в делах и сколько невыполненных обещаний! Я поддерживаю себя кредитом и даю делам идти потихоньку в ожидании денег.

Ваши ставни по-прежнему закрыты, но надо верить, что при генерале все исполнится недостающей нам жизни⁵. Прощайте же, или, скорее, до свидания, мой добрый Сергей Григорьевич, прошу вас, передайте вашим тысячу знаков уважения.

Жена моя благодарит вас отдельно за вашу сердечную память. Varette была бы восхитительна, если бы не звенела с 4 часов утра до 7 вечера.

Всегда ваш А. Поджио.

8 — день рождения и память для того, кто вам это свидетельствует⁶.

12. Е. И. ЯКУШКИНУ*¹

[Иркутск, конец декабря 1856 г.]²

Много, много вам благодарен, любезнейший Евгений Иванович, за заботливое попечение ваше о вдове и бедных малютках³. Умоляю вас, не оставляйте ученика и дайте ему прочное назначение, определив его в одну из гимназий. Посылаю теперь вам 25 р., не имея более кредита на этот час; пуд наш засел, и я вовсе без денег. Со временем вышлю вам по возможности.

Сергей Петрович сообщит вам все подробности золотого дела, а что касается до политического, то 13-го сен-

* Помета Е. И. Якушкина: «От Поджио».

тября я сложил его в конверт и под черною печатью, чуть ли не под конторскою, отправил его в вечность, не спрося Комаровского⁴. Заходит ли туды наша русская почта? Собственно же я, как умерший, подвергнулся древнему поверию, т. е. переселению душ, и, по счастью, попал не в петуха, а в дворянина⁵. Поздравьте меня, любезный друг, без едкой вашей якушкинской улыбки с таким превращением и новым достойным Овидием воспойте оно⁶. *Faut-il chanter, faut-il pleurer...**,— спрашиваю себя, замирающего поэта, избравши, однако же, первое, пойте же и вы, вы обнимете родителя, я же... Но об этом когда-нибудь.

Каким образом подвергнут и бедный кум такому же превращению и перешел в больного!⁷ Какое замедление для общих радостей! А между тем все уехали, и отцу нет спутника. А вот Сергей Петрович их обоих подхватит и увезет, что я крепко советовал брату; да бросит он Сибирь, столь вредную для всяких недугов, а там сообщая в Сокольниках соколы мои да утешат последние дни дорогого для вас родителя, а для нас друга.

Простите, любезный друг, жена вас обнимает как родного и всех вас, близких, обниму и я все с тем же прежним чувством, не допуская в себе ничего нового, зауральского.

Преданный вам А. Поджио.

Колокольчик мой Варя слышит об вас, но не понимает еще вас.

13. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ¹

[Иркутск,] 22[—28 декабря 1856 г.]²

Мчусь, несусь по Собачьей площади, пробираюсь к двери и звоню... Швейцар-ангарец, слышу: «Вам, ваше в[ысокоблагородие], объявление». — «С чем?» — «С деньгами». — «Как! откуда?» — «Из Иркутска». — «Быть не может. Ах да, верно, туалет и за ним и кровати проданы!» — «Ох, нет». — «Ну, тарантас?» — «Ох, нет». — «Ну, так сани, седла». — «Еще меньше! Все это покоится, пылится...» — «Так что же?» — А вот что. На почте покоится, по милости П[етра] А[лександровича], объявление с 12000 р.³ И я,

* Нужно ли петь, нужно ли плакать (франц.).

не дождавшись их, спешу отправить вам 300 р. для высылки или передачи С[ергею] П[етровичу], теряясь в догадках, где может он быть! Все ваши письма сбили меня с толку и не знаю, когда будет конец вашим странствованиям. С будущей почтою, однако же, решусь писать старцу в старый Киев⁴. Заметьте, милые друзья, как дворянин ваш стал и мил, и игрив, и говорлив! И признаюсь вам, есть отчего — когда усматриваешь конец мучительным опасениям и концу делу. На второй день праздника заимка ликовала по случаю отправления обоза на 35-ти лошадях в тайгу! Острокопистые лошади, разноцветные дуги, конюха в лентах, Сухов в кошевой, открывший шествие с рыданиями Кати⁵, П[етр] Ал[ександрович], стоявший с уполномочиями на крыльце, дамы всех классов высших, т. е. 1-го, 2-го и 3-го Института, сидевшие у тусклых замерзших окон, — все это придавало шествию особенную торжественность и... дело в том, что у меня половина людей уже нанята, а завтра посылаю нанять остальных, так что через 10 дней и всему конец концу. Но я затеваю другое, но об этом попозже. Золотосодержащие тайны не легко сообщаются!

Так, как ваша Европа занята выездом Антонини, так точно наша Азия выездом Николая Николаевича⁶. Приезд Корсакова⁷ нас несколько успокоил: ему обещано было 25 объятий, и он за ними 24-го приехал — а меж тем *on fait l'antichambre chez lui et après un quart d'heure ou plus d'attente on vient annonçant très poliment que de graves occupations l'empêchaient de donner audience aux solliciteurs qui encombraient ses salons. Comme c'est un homme d'affaire et que j'ai toujours été un homme affairé — n'allez pas faire un calembour car on ne fera que les cheveux — n[ou]s ne n[ou]s sommes pas vu encore!*

D' ailleurs je ne vois personne à la lettre si ce n'est Tête blanche qui a expédié votre voiture^{*8}. У нас много приготовлений — дороговизна страшная и пр.

* У него надо долго ждать приема, а после четверти часа или более ожидания выходят, очень вежливо объявляя, что важные занятия мешают ему дать аудиенцию просителям, заполняющим приемные. Поскольку это деловой человек, а я всегда был человеком дела — не делайте каламбура, потому что [здесь] наделаете себе лишь неприятностей, — мы еще не виделись!

Впрочем, я не вижу буквально никого, если не считать белой головы, который отправил ваш экипаж⁸ (ф р а н ц.).

Порадовала нас весть ваша красноярская, что скажет томская и всех тех городов, которые так занимают Валериана⁹. Отец возвратился и попал на ваше письмо! Как он вам благодарен и как он, бедный, разнежился здесь от ваших похвальных строк в честь сына.

Наконец вы у себя! Новые чертоги, новые помышления, новые призывы! Дай бог на этом новом пути не встречать и задержек, и ухабов тех, которые так были опасны для дорогой нашей Э[инаиды] С[ергеевны].

Вероятно, П[етр] А[лександрович] вам пишет о ходе домашних дел, я же прошусь с вами на этот раз скорее обыкновенного. Преданный вам А. Поджио.

Приветствуйте всех дорогих моей памяти. Вы их знаете, простите, много дел, как гов[орит] Варя, иду ей волчок пускать.

14. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск.] 7 января [1857 г.]¹

Знаю число шуб, подушек, ящиков и пр., растраченных до Томска, но этим и ограничиваются все поиски мои, добрейший друг наш Сергей Петрович! Знаю также, что вы все целы и невредимы, и за то благодарение богу. Вчера поджидал я весточки из Омска, где вас так нетерпеливо ожидали, но обманулся в ожиданиях и отложил до вторника! Как-то вы совершили путь ваш? Боюсь, чтоб, подъезжая к тропическим странам заволжским, дожди да кобраки* не задержали вас и чтобы Москва не сделалась вашим местопребыванием до весны; вот почему и адресую письмо к Н[иколаю] Д[митриевичу]. Во всяком случае, не добираться вам до Киева на саниах! Я выслал вам 300 р. в том предположении, что дорога вас расстроит вконец. Сложно ваше дело, но бог вас вынесет к берегам Днепра и к пристани верной. Я воображаю все беспокойство Ал[ександры] Сер[геевны]². Пожмите крепко всеми вашими от нас многочисленных добрые руки!

У нас все в ожидании, а поэтому еще все мертвы — приезд оживит нас, полумертвых; что касается до меня лично, признаюсь вам, что не нуждаюсь оживления — у меня и так уже достаточно *de cette surabondance de viel***

* Вероятно, искаж. кубрег — овраг (диал.).

** Этого избытка жизни (франц.).

Я успел многое кончить и многое начать: дела Елихтинские покончены — все подготовлено; Курга будет с 1-го апреля по 1-е мая разведана 40 чел[овеками]³! Казалось бы, и конец — но нет — какая-то рисуется даль, и надо до нее добраться. Я вступил в дело с могучею компаниею: 40 чел[овек] под предводительством г[осподина] К[игина] должны с 15 фев[раля] по 15 апреля поднять, разрыть всю преисподнюю от С. до... Простите, если не договариваю. Наши тайны не сообщаются до некоторого времени. До 1-го мая я сам буду в центре операций, с этого же числа благословляю отряд в путь далекий. Хотя дело собственно мое, потому что проект, указанный новый мир и даже большая часть исполнения лежат на мне, все это мое, хотя я был и господин всего дела, однако же потребовал только 5-й пай — так средства наши и скудны, и ограниченны!⁴ Впрочем, как этот пай теперь незначителен (взнос 1200 р. — пятая часть из назначенных 6000 р. на экспедицию), но при могущем последовать размере дела и при средствах компании и этот 5-й пай сделается значителен.

Я долго таил это дело, все думал сам его поднять, но должен был потребовать помощи. Этот пай предлагаю нашим разделить на 4 равные части. Прошу вас дать мне свое согласие. Действия начаты, нужно все заготовить на 5-ти пунктах, и вы видите, что дело сложное, но все должно быть подготовлено в положенный час, условия подпишем на этой неделе; дело здесь покрыто тайной. Итак, до ноября хочу послужить делу и умом, и телом, а там и на отдых — увидим.

Простите на этот раз. Право, не время — обнимаю вас, и сына, и внука, и Федю, и в разгаре чувств даже и Анну Францевну, не говоря ей⁵. До свидания.

Милые друзья, до другой почты. Преданный вам
А. Поджио.

15. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ*

[Иркутск,] 14 января [1857 г.]¹

С курьером из Иркутска.

12 января в 7 часов утра приехал в Тельму²; отправка

* Подлинник на франц. яз. Помета С. Г. Волконского: «Отвечено 12 февраля. Курьер».

казака, непредвиденное обязательство прийти к 3 часам на обед в узком кругу.

2 часа ¹/₂, приехал в Иркутск. Свидание, горячие объятия, холодный суп, замороженное шампанское, тосты за молодого милосердного генерала; тост за возвращение старого³; тост за возвращение всех, тосты за Nelly, 2-я бутылка, раболепные ухаживания; анекдоты, воспоминания: брак Пушиных⁴; Зав[алишин], Биби[ковы], Гаупт и Николай, высланный с Урала⁵; дело Быстрицк[ого], встреча на завтра в полдень, прощание...

13, 10 часов: большой прием, непродолжительный, но приятный; в полдень Андрей Андреевич унесен Серебрянкой* с 200 рублями, которые я ему даю на дорогу из денег, полученных из Москвы⁶.

Дружинин* смиренным тоном обратился к князю Долгорукову за приказом выдать ему нужную для путешествия сумму⁷; приезд Быстрицкого ко мне в 3 часа; его нерешительность, его мечты о месте фермы; решительное сопротивление с моей стороны; великое решение об отъезде и об остановке в Москве в доме Молчанова* на несколько часов. В 6 часов вечера приезд Натальи в заимку*; в 6 ¹/₄ приезд старика; общая беседа, развлечения, отдых — чай, сигары, папиросы и проч. Выпад против Зав[алишина]; расставание навечно; переговоры, столь краткая откровенность; долгий разговор о моих друзьях; имитация произношения в нос Нелли, смех и вздохи одновременно; похвальное слово Мишелю; портрет, посланный м[ада]м Ротчевой и м[адмуазель] Липранди, всё неудачно, м[адам] Заборинская отсутствует, а истинные друзья пренебрегаемы, забыты; бог с ними...^{**8}

Приезд Як[ова] Дм[итриевича], встреча с С[ергеем] Пет[ровичем], с Свербеевыми и грустные слова о Якушкине⁹; в 9 часов отъезд, прощание, доброй ночи...

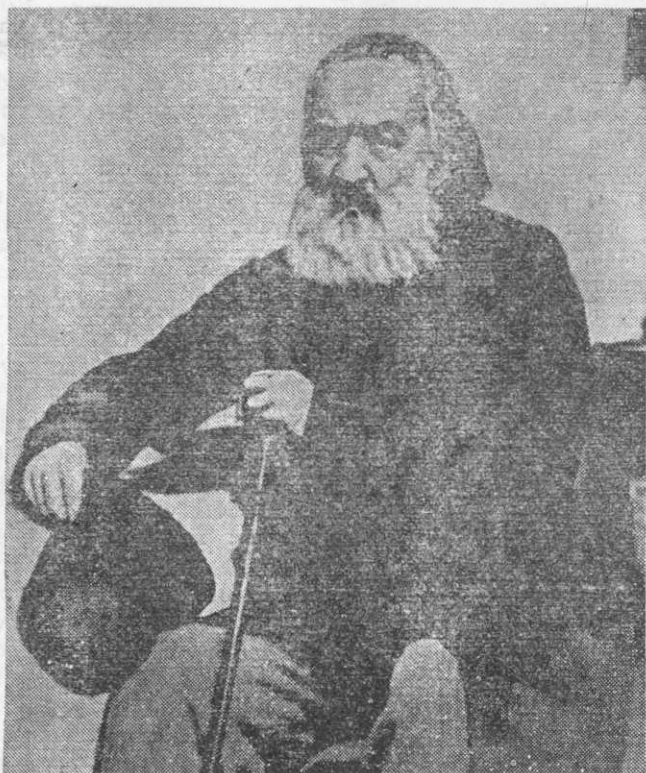
Вот краткое изложение письма, которое следовало написать в этот день.

Весь ваш А. Поджио.

Проклятие стальным перьям, нехватка времени; нехватка ловкости прежних дней.

* Слова, отмеченные звездочкой, по-русски.

** Слова «бог с ними» по-русски.

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ
Фотография конца 1850-х гг.

16. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск.] 18 января [1857 г.]¹

Получил я, добрейший друг наш Сергей Петрович, два письма ваших из Ялуторовска, и что же — от 28 и 29 дек[абря]! Радуюсь, что вы все здоровы, а что медленно подвигаетесь — не беда; у нас, у русских, время нипочем, и много его еще впереди; впрочем, быть может, судьба благоприятствует вам, и вы невольно вынуждены будете прожить за дорогой в Москве, где и удобнее будет положить конец делам. Увидим. Грустно мне было слышать

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

Гелиография В. Унгера с портрета
Н. Гордижани. 1860

высказанное вами о Якушкиных; помоги им бог вырваться и доплестись до Москвы! Н[иколай] Н[иколаевич] меня вызвал из-под Тельмы и первое, что сказал, обнявши, — «читайте и считайте»; прочел вас и сосчитал деньги, высланные Евгением²; спасибо ему за такое предупредительное участие. На будущей почте буду писать всей тройне. Н[иколай] Н[иколаевич] выдал в Канске Соловьеву 200; из полученных мною 1100 дано 200 Быстрицкому, едущему с караваном в конце месяца; теперь К. П. Торсон здесь, она также отправляется тем же способом; ей обещал генерал выдачу должных денег, потому и не знаю,

понадобятся ли ей деньги³. Сегодня она обедает у нас и переговорим. Я намерен выслать Фаленбергу 250 р., о прочих еще не знаю ничего. Надо послать будет Спешневу, о котором поговорю с Корсаковым, который берет его к себе на службу⁴. Надо подумать и о остающихся, которые лишены всякого пособия. Бестужева ожидаем суды, но, кажется, дело трудно его уладить⁵. У нас идет перестановка — Заборинскому *pot to be**. Успенский в Главное правление на место Тюменцова; Гаупт в невозвратных и пр.⁶ Вчера приехал архиерей, завтра будет К[атерина] Ник[олаевна]⁷. 1-го февр[аля] будет Як[ов] Дм[итриевич] и останется до лета.

О нашем деле я вам писал с последнею почтою — что касается до сер[ебряного] содержания и на покупку площадей, не даю, кажется, право Бел[оголовому], а только первоначально сильные поиски⁸. Впрочем, видно, судьбе угодно было меня ввергнуть в разрез и быть свидетелем и вместе двигателем всех действий; почему же нет на этот год. Во что бы ни стало хочу упрочить Варе маленькое независимое состояние — приложу на это последние силы, которые видимо этот год меня покидают. Я вам говорил, что сильная поисковая партия из 40 чел[овек] отправлена с 15 фев[раля] и что та же партия должна 30 дней провести на Курге. Рассчитывая эту издержку, не избавляющую нас от платежа 1000 р. в казну⁹, я почти уже решился добавить туда 20 ч[еловек] с 1-го мая и по 1-е августа промыть 160000 пуд[ов] и выручить 8 ф[унтов] золота для покрытия всего и для лучшей разведки местности. Канава в 200 сажений будет в этом счету, амбар и пекарня. Все припасы сейчас же свезу. Расчет в том, чтобы покрыть издержки разведки и не платить 1000 р. Бочка будет деревянная или две бутары**. Вот вам очерки моих еще не осуществившихся идей, а там что бог даст. Люди на подбор, и отбою нет от хозяев, а не от бродяг! Так заманчивы и содержание, и заработки! Дай бог, чтобы на ваших европейских работах было так мало смертности и так мало изнурения на лицах при выходе! Управляющего, кажется, не возьму. 1000 р. в кармане и будет больше золота, ручаюсь. Странно!.. а быть так!

* Не быть (англ.).

** Бутара — устройство для промывки земли на золото (диал., сиб.).

Жена и Варя, слава богу, здоровы; последняя лжет с утра до вечера бесщадно: толкует все небылицу и что бы с кем ни случилось, час спустя приходит, рассказывает за свое собственное. Так покойнику нашему Митькову¹⁰ случалось умирать за других не раз. У вас в доме все по-старому — тот же Андрей, та же Дарья пьют, та же Дунюшка вас все ожидает; П[етр] Ал[ександрович] встает в том же 12-м часу и пр.¹¹

Где-то вы, добрейший Сергей Петрович! не там ли у псовой площади, чтоб не сказать у Собачьей!¹² Как доехали и вы, добрые молодые друзья! Получил все ваши сонные письма; последние из Омска. Пишите еще месяц почтарю и прощайте. В тайге разлучусь с вами, потому-то теперь я так много глаголил.

Господь с вами со всеми. Ваню и Федю обнимаю, Ни-колинку¹³ целую — весь ваш А. Поджио.

17. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ*

[Иркутск,] 18 января [1857 г.]¹

Мое последнее письмо было не настолько поверхностным, чтобы не прибавить к нему несколько деталей, касающихся интеллектуальных и материальных событий, которые происходят в крае со времени приезда возмутителя спокойствия. Верный нашему краю исторического крещения, как я его называю, спешу, добрый мой Сергей Григорьевич, сообщить подробно обо всем, что происходит. Я говорил вам о большом приеме на следующий день, но забыл упомянуть о званом обеде и о полуполитическом характере, который ему придали. Американцы, появляющиеся в Иркутске в клубе, в музее и повсюду, должны были, таким образом, быть и на обеде². Барон взял слово и произнес длинный спич, в котором прозвучали и взволновали гостей обычные высокие слова о цивилизации, торговле, промышленности и проч., не считая некоторых других, без которых обходятся. В ответе Сибирь подавала руку Америке, обещая ей вечный союз и общность взглядов и интересов. Американец произнес тост за распространителя, основателя... не знаю, еще кого. Один советник** спросил у него,

* Подлинник на франц. яз. Помета С. Г. Волконского: «Отвечено 2 марта».

** Слово по-русски.

между прочим, «в каком классе считается президент?»* Думаю, что он ему ответил: «В классе людей, единственно приемлемом». Заседал Комитет по Амуру, много занимаются всем, относящимся до колонизации³. Генерал занят с 7 часов утра до позднего часа ночи. Что касается штата, изменений мало, не считая Успенского, вызванного заседать в казенной палате. Про мужа белокурой дамы я думаю, что его род продлится в иных краях, чем Сибирь. Его дело решено. Заменяющий еще неизвестен. Занимаются организацией трех новых городков: Верхоленска, Балаганска и старого Баргузина, коего Кюхель[бекер] хочет стать одним из шатающихся столпов. Он хочет домогаться места винного**, чему я противлюсь, но я думаю, что он в конце концов получит и соль из росы⁴. Дружинин получил 500 рублей и рассчитывает уехать на этих днях; у дочери было два жениха, которым она отказала, не желая расставаться с родителями. Сегодня обед в замке: мадмуазель Торсон, Кюхель[бекер], Аннушка⁵ и проч. Она от генерала получила все: деньги и место в караване напротив Андрея Андреевича⁶. Как вы думаете, до чего они договорятся? Как величественна эта женщина! Сколько преданности, самоотречения в столь славно наполненной жизни! Не могу сказать, какое священное уважение овладевает мной при виде ее! Какое спокойствие, наконец, какое прекрасное прошлое, если не говорить об участниках! Пара улетит в конце этого месяца. Тотчас должен приехать Мишель Бестужев, но я не думаю, чтобы он преуспел. Дросида Ивановна и мадам Иванова, слишком выдвинувшиеся вперед, чтобы увидеть приезд архиепископа, были так оттолкнуты десятником**, что, несмотря на их повторяемые крики «мы дворянки»***, должны были пересчитать несколько ступеней лестницы, которую они столь гордо штурмовали⁷. Они хотят жаловаться и просить о знаке того благородства, в котором им отказало providence.

Яков Дмитриевич**** приезжает к нам к 1-му февраля и поселяется у вас из расчета 25 рублей в месяц; он

* Слова в кавычках по-русски.

** Слово по-русски.

*** Слова в кавычках по-русски.

**** «Яков Дмитриевич» по-русски.

полностью наследует мебель <...>*, что его весьма устраивает. Его приводит к нам просто потребность нас видеть, и я, лишенный общества, этим счастлив. Впрочем, это не меняет моих намерений, и в марте — в горы. Пусть я стар, я хочу <...>* сделать что-нибудь для двух моих спутников, Ларисы и Вари. Дамы уже там, и я очень тороплюсь.

Прощайте и прощайте.

Ваш друг А. Поджио.

Спасибо за спички**.

18. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ ***

[Иркутск, конец января — начало февраля 1857 г.]¹

Какое молчание — после того шума, с которым вы делали свои объявления, — неужели вы подумали, что единственно сообщения об отъезде вызывали у меня интерес к вашим письмам? Действительно, ни слова больше после отъезда! Но нет, я полагаю, что вы упрекаете меня в неблагодарности и рассердились всерьез, долго будучи отцом. Будьте же справедливы, мой добрый С[ергей] Г[ригорьевич], и обвиняйте меня скорее не в пренебрежении к вам, как вы говорите, но в том, что я воспользовался курьером, так мало оправдывающим свое название, чтобы отправить к вам мой пакет. Вот добрейший Сергей Петрович придет, и я получу прощение, не правда ли? Ну что ж, мы снова будем в прежних отношениях! До сих пор я рассуждал лишь о материальной стороне событий, оставляя сторону моральную на потом, — и вот это «потом» пришло.

Мы видимся часто, и беседы наши более глубоки, более выразительны, чем когда-либо раньше; я думаю, что он на меня одного перенес привязанность, которую питал ко всем вам, и в отсутствие вас всех, я, в свою очередь, плачу ему тем же². Мы долго разговаривали, в частности, о вашей семье. Помимо интереса, с которым он к вам относится, к Мишелю и Нелли у него какое-то отеческое чувство — первого он рассматривает как собственное тво-

* Одно слово неразб.

** Постскрипtum по-русски.

*** Подлинник на франц. яз.

рение и гордится им. О вашей дорогой Нелли — лишь долгий вздох, его вы должны понять. «Вы не знаете,— сказал он мне,— что когда я отправляя Мишеля к вам³, он не увидел моих слез, но позже, потому что меня волновали моя отставка и мысль, что я расстаюсь с вами со всеми...» И снова потекли слезы! Вот истинно человеческие минуты! Что касается ее, ее похвальные речи не иссякают: М[ишель] и Н[елли] ее кумиры, одним словом, в них вы имеете настоящих друзей. Он поставил меня в известность обо всех ваших семейных отношениях, хоть они и были раньше скрытыми от посторонних глаз; их подтверждение стоило мне более, чем страдания. Боже мой, как я желаю этого путешествия двум существам⁴, души которых ранены столь роковым образом. Надо, придавая им иное направление, отвлечь их от страданий. Ах, дайте им воздуха, а вы оставайтесь на своем почетном посту... хоть я весьма желал бы, чтобы вы позволили себе немного вольности! Где Мишель: вы не говорите ничего относительно срока его отъезда. Мы здесь, чтобы упаковывать наших отстающих, и, благодаря горячей воле генерала, эти двуногие вещи <...>* одни за другими. Я уже неделю провел наедине с Колесниковым, а он едва молвит два или три слова⁵. Всегда молча сидит и постоянно улыбается! Его дело прояснится к маю месяцу, и я думаю сказать генералу, чтобы он дал ему казака, потому что сомневаюсь, что он сможет ехать самостоятельно. Семья Таптыковых является предметом рассмотрения, это уже что-то, чтобы выйти из бедности. Будут представлены два сына и дочь 9-ти лет. Старший, весьма проворный, просит саблю, и я думаю, генерал ему ее даст**⁶. Лисовский Алеша ведет себя очень хорошо, представлен в хорунжие с отчислением из Казачьего ведомства, но остался все тем же казаком. Где Володя, где другой, где мама, всех отыщу⁷.

Есть еще 4 Мозгалеvских, которые в прошлом году сдали за себя рекрута! Что с ними делать, и ума не соберешь; народ взрослый и, говорят, толковый⁸. Что делает Фаленберг, не знаю, но узнаем. Теперь дело о Домне Петровне. Вы уехали и не пояснили ей дело. У меня была Ольга и просила разведать его⁹. Я отправился к Матвею Ивановичу и ну рыться в его бумагах!¹⁰ После двух ча-

* Одно слово неразб.

** Далее по-русски.

сов, к счастью, нашли одну сумму 61 [рубль] сер[ебром], поступившую от продажи имения и представленную губернатору в 45-м году и только. Теперь посылаю ее к губернатору: она же говорит, что дом один был продан за 325 [рублей] ассигнациями, был еще скот, так что они считают до 150 [рублей] сер[ебром]. Сверх того, она считает за вами 100 [рублей] ассигнациями за Соловка. Пожалуйста, что помните, то сообщите и что за деньги за Соловка? Я ей говорил, чтобы она ожидала вашего отзыва. Ольга — милая трудолюбивая девушка; содержит 6-ть учениц и тем питает себя и чахоточную мать. Вот вам некоторые сведения*.

Мишель Бестужев здесь, всегда неестественный, чопорный и эффектный; его поклоны и манерные приветствия выдают салонного декабриста. Он вполне <...>** и приходит ко мне в гости очень редко под предлогом многочисленных дел.

Остается рассказать вам обо мне. Я объявил вам об отъезде в горы, и с тех пор ничего не изменилось, чтобы принудить меня отказаться от этого, без сомнения, последнего испытания моих сил. Практик многословный, беспорядочный, я до некоторой поры относился к жизни теоретически. Но, оказавшись на 58-м градусе северной широты, надо подумать о спасении моего маленького экипажа¹¹. Для святой спутницы моих последних дней, для ее маленького существа я сделаю все, даже невозможное, пуская в ход и мое скромное состояние, и способности, и все силы. Как бы ни был я уверен в целебности воздуха гор, вы не могли бы поверить страхам, охватывающим меня иногда при мысли увлечь туда мою маленькую, и чаще всего я говорю себе, что там буду в безопасности от скарлатины! Мы отправляемся в первых числах марта, и Варя настроена так, будто едет в Москву! У меня будут хлопоты, у меня их уже выше головы. Я вынужден был прибегнуть к помощи влиятельной компании, чтобы реализовать мой собственный проект, и, учитывая размеры, которые могут принять дела, я оставил за нами лишь пятую часть. 40 человек, ведомые умелым руководителем, будут обследовать незнакомую местность. 6-го сего месяца я совершу поездку, чтобы привести в движение моих

* Конец русского текста.

** Одно слово неразб.

разведчиков. Я рассчитываю провести лето и захватить еще август месяц на золотой россыпи и закончить уже в этом году мою золотоносную карьеру! Кроме работы, проектируемой на Елихте, я хочу поселить там десять семей и «укротить судьбу мастерством», как говорят американцы. Залежи, по их словам, ничто, пока не найдете или не доберетесь до их источника, залегающего всегда высоко в горах. Кстати, об американцах, я вам о них говорил, но если вспомню, приблизительно... Мне случилось познакомиться с ними у Н[иколая] Н[иколаевича], и как раз один из них оказался моим соседом за столом. Н[иколай] Н[иколаевич], слева от меня, начал разговор, который я поддержал, сразу атаковав его вопросами: «Из какого вы штата, м-р П.?» — «Из Вирджинии». — «Ах, вы южанин... понимаю... Вы, конечно, голосовали за Бьюкенена?» — «Да, сэр». — «Если он вам дорог как защитник рабства, то мы его уважаем как основателя нашего первого торгового соглашения с вами в 1831¹²... А как произошло, что в вашей конституции Юга предложили возобновить торговлю неграми?» — «Ах, да — но это не было принято». — «Только этого не хватало». Я был слишком любезен, чтобы преследовать его в связи с этим, и перепрыгнул через рабство, чтобы перейти к Кубе и Никарагуа, предсказывая ему, что недалек день, когда они там будут — это заставило его прыгать от радости, и он кончил тем, что сказал мне: «Я так удивлен, что встретил американские идеи в Сибири!» Я не ответил, оставляя за собой удовольствие пристать к нему по его возвращении из Кяхты, чтобы вывести из заблуждения, с некоторой точки зрения. Они, кажется, весьма нам преданы, видя в нас врагов своих естественных врагов¹³, но их появление здесь, знаки уважения, которые им расточают, вызвали завистливое обсуждение уже приобретенного превосходства; свободное судоходство по Амуру заставляет опасаться конкуренции, которой наши не могли бы выдержать и через это переворота в торговых операциях. Им видятся уже американские магазины в Николаевске, в Шилке и в самом Иркутске¹⁴.

Что касается меня, я полагаю, что они не вздумают подниматься вверх по Амуру в его современном пустынном состоянии и что внутренняя торговля останется нашей, но каким способом получить пароходы в Мариинске? Много можно сказать и за, и против... Переведены

ли письма русского купца, помещенные в «Nord»?¹⁵ Не найдется ли у вас работы Ламартина о двух последних царствиях?¹⁶

Мы ждем Я[кова] Д[митриевича], который был задержан на несколько дней смертью бедной его <...>*. Извольского нет¹⁷. Мой дорогой Сергей Григорьевич, у меня нет более сил от усталости, рука моя застывает с пером, в то время как мысли стремятся выйти из берегов. Ах, если бы вы знали, каким я становлюсь старым и дряхлым, у меня нет ни члена, который бы не ныл, ни органа, который бы не жаловался.

Увидимся ли мы когда-либо? Что я могу сказать — место остановки более не земля, увы! До свидания, во всяком случае, почему отказываться от всего навсегда. Счастливого путешествия туристкам, мои благие пожелания всегда будут лететь им вслед, какие бы дальние поездки они не предприняли. Прощайте, обнимите хорошенько Мишеля. Поклонитесь Маше¹⁸ и скажите ей, что деньги вышли в сентябре**.

19. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск, после 12 — до 22 февраля 1857 г.]¹

Получил я, добрейший Сергей Петрович, немилосердное письмо ваше из Нижнего и вполне сочувствовал вам во всех ваших впечатлениях! Погрустил вместе с вами и с Александрой Сергеевной², а там, как водится, предались и радостям вашим! Благодарю бога, что все сказанное вами не ограничивается одним настоящим, а предрекает еще и будущность, как кажется по всему, весьма верную: пора вам отдохнуть, вельми пора! Подробности вашего письма были для нас так занимательны и так горячо переданы, что впредь всякие сокращения в рассказах или упущения будут нами принимаемы как за явный признак охлаждения или равнодушия к нам; а вы помните, что мы будем в тайге, а там едва ли и радость, и скорбь не будут ли чувствоваться вдвойне.

Говоря о тайге, коснусь и к делам. Как я вам говорил, я вступил в к[омпани]ю с А[ндреем] В[асильевичем], предоставляя себе 5-й пай; при наших скудных средствах и при

* Одно слово неразб.

** Фраза по-русски.

могущественных их капиталах нельзя было и требовать большего. Конечно, поисковые издержки на них велики, но за ними следуют разведочные, уже не шуточные, а там и самое дело. При ожидаемых действиях и 5-й пай делается весьма значителен. Площади будут заявляться на четырех: Бер[нардаки], Абаз[у], Белог[олового] и нас³. Партия под Кигиным из 40 чел[овек] будет до 1-го мая разведывать наши речки, после чего на лодках отправятся в Ангарск⁴. Там разделятся на 3 партии и станут обследовать все притоки Ангары. Дело обширное и, конечно, не годовое. Теперь сооружаем и все же мой проект, партию из 15 человек, и посылаем их на вершины притоков Цыпы, восточнее Кандинского⁵. На этом я останавливаюсь и ни шагу, и ни конбойки* не далее, не более! Все это будет стоить до 10000 р., и наш взнос состоит из 2000 р.! На это меня станет, а что будет далее, и думать боюсь... Впрочем, дал бы бог золото, а деньги будут. Не зная мнения всех и не имея времени откладывать, я этот 5-й пай разделил на 4 равные части, предоставляя впоследствии каждому, как заблагорассудит. Прошу только при желании участвовать в деле и при готовности к нему. Знайте, что я не признаю делом дело сомнительное и только и пушусь при несомненных самых благонадежных знаках! Кажется, можно будет не затрудняться в выборе; а потому прошу вас заранее меня уведомить, каким капиталом можете располагать. Повторяю вам, что не вступаю ни в какое маловажное дело и что только важное открытие меня может соблазнить. Елихтинское дело я поднял — нанял 130 ч[еловек] отборных людей — многим беглым дарована амнистия, и они турфуют** нижнюю часть Елихты; последний шурф в 23 чет[верти] был уже у пласта, и вы видите, как уменьшится торф! Пески лучшие и надзолы; хочу до 15-го марта разведать низ и перенести туды и работы, и самую машину. Если пойдет хорошо, стало, смотреть на дело с военной точки зрения и опасаться раздробления сил — тогда предполагаемые работы на Курге отложатся и сосредоточусь на Елихте. Вы знаете, что низ меня всегда завлекал; хотя нет на нем ни одного шурфа, но нет причин, чтобы золото самое богатое у око-

* От «коноб» — высокая деревянная емкость, применявшаяся на приисках.

** Турф — пустая порода на золотых приисках.

нечности стены могло измениться в содержании, когда нет никаких местных препятствий для его выноса! Ожидая с часу на час первого извещения. Воронцов кончил наемку и уже там, на месте; запасы почти все поставлены. Я думал обойтись без управляющего; но, признаюсь, побаиваюсь за себя; я стал хил, и последние припадки меня образумили, должен всего ожидать, а потому и взялся за одного, г[осподина] Попова, от которого и ожидают ответа завтра⁶. Сверх того, нужно иметь людей в запасе, — вдруг дело откроется и некому будет после их искать. Плотник там, машинист сегодня едет и хотят начать промывку не позже 20 мая!.. Около 15-го марта дело примет некоторую вероятность — до тех пор ограничиваюсь самыми малыми надеждами. 10-го думаю пуститься в путь. 15-го будет до 40 чел[овек], к 20-му и остальные. Я думаю, вы, господа, не можете сетовать на меня, что при взносе 500 р[ублей] с каждого я вас присообщил к такой сильной к[омпан]ии.

Спросите же меня, как я со своим одним пудиком поднял все это дело!.. и смело, и дерзко! И я здесь один.. Буду писать, извещать, и будьте в готовности; простите, добрый Сергей Петрович. Обнимите Н[иколая] Р[омановича] и тысячи приветствий дорогим дочерям, сыну, Феде и внучатам. Много у меня и дела, и забот, и мало у меня денег.

Господь с вами. Жена говеет и тем более в любовном расположении к вам и ко всем вашим. Едем в церковь, а Варя все болтает без умолку дома. До свидания.

Я забыл вам сказать, что Кигин с 12-го фев[раля] уже в тайге и что я ездил туды.

20. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

[Иркутск,] 22 февраля [1857 г.]¹

Я успел полумертвый съездить в Черепаново, успел полуживой и возвратиться, а вы, молодые друзья наши, полные жизни, не успели добраться и до Москвы! Да будете ли вы когда-нибудь в ней? Время уходит и достанет ли его для предстоящего еще пути? Правда и то, что если Александра Сергеевна к вам прискачет, то Киев сделается второстепенной метой, и все вы направитесь на Пензу. Известия ваши, добрейший Н[иколай] Д[митриевич], были из Нижнего самые для нас утешительные — все, что я и

предвидел, и предчувствовал, все исполнялось и осуществлялось! Радуюсь за всех вас, а еще более за старца нашего, которому так нужен покой!.. Помогите вам бог: я уверен, что и при разделе вы все-таки составлять будете то же нераздельное одно. Желал бы очень получить депешу окончательных конференций до отъезда моего в тайгу². У нас выглянуло солнце, снег тронулся, а за ним и дороги; не знаю, как доберемся мы до тайги, а к 20-му надо быть там. Ожидаем завтра Як[ова] Дм[итриевича] и воображаю, какие надо будет вынести чисто ругательства за скорый отъезд наш. Я бы и рад отложить это время испытаний для жены и Вари, но с каждым днем путь будет труднее... Жена готовится... Эту неделю говеет, на второй начнет укладываться и окончательно лишнее сбывать: два чепца уже променяно на 6 ф[унтов] стеариновых свеч... Мебель, ломаные стулья, сковороды отсылаем мало-помалу к вам; в доме какой-то беспорядок, предвещающий переходную эпоху; в малом виде, но какая верная пародия, напоминающая ноябрьские дни de l'hôtel Troubetzkoï*.

Не могу иногда и не вздрагивать при мысли всего того, чему подвергаю мать и малютку!.. Обращусь к вам — медленности ваши имели то благотворное влияние, что З[инаида] С[ергеевна] по крайней мере не подверглась случайностям быстрой езды, и слава богу; вы же, о, вы все тот же неизменный надворный! Взгрустнул я, признаюсь, ибо службы я не понимаю без положения, — а между тем как трудно будет теперь вам добиться до ранга коллежского!!³ Н[иколай] Н[иколаевич] также пожалел, и я сообщил ему намерение ваше перейти в М[инистерство] и [иностранн]ых д[ел] и обратиться к нему. Я думаю, что вы всегда найдете в нем готовность вам услужить. Благодарю вас за добрые вести — обед имеет то значение, что резко отделяет господствующий дух от прежнего. На мой рассказ К[атерина] Н[иколаевна] сказала, что это делает честь двум особам; я же заметил, что вся честь принадлежит одному: тому, который гласно-молчно признает те начала, которые некогда подлежали гонению⁴. Не знаю, можно ли отделять начала от человека, их исповедующего!

Мы провели масленицу шумно, игриво. Обеды, вечера,

* В особняке Трубецкого (франц.).

пикники бегло и безостановочно заменяли одни других; бал Н[иколая] Н[иколаевича] на 200 особ был особенно замечателен. Все сословия имели своих представителей, дворяне в особенности поставили на вечер Беч[аснова] и Раевск[ого]⁵. Первый везде и всюду... я же нигде. Настало время другое: гульбища опустели, храмы наполнились, священники у алтарей, чиновники у столов и пр. Между прочими событиями, коснувшимися до некоторых личностей, — личность пресловутого Ефимова в опасности: сегодня решится его судьба и увы! — он не поладил с золотоискателями, и они представили Н[иколаю] Н[иколаевичу] требовательный лист за его подписью на 13500 р.!!⁶ Он вызван для пояснений... Какие могут быть пояснения? Впрочем, все идет своим чередом. Мои дела также подаются — занеся, но что делать! Готовьте капиталы, а средства предложу. Прочтите письмо к С[ергею] Петр[овичу] и узнаете подробности дела. Якушкины замолчали, и это неведение меня тревожит. Поклонитесь С[ергею] П[етровичу], с будущей почтой его очередь меня выслушивать. До свидания. Жму добрую ручку доброй З[инаиде] С[ергеевне] и обнимаю от души. Что с Валерьяном? Где он? где вы все? Не раз мысль эта тяготит меня.

Простите. Посмотрели бы вы, послушали бы вы мою болтушу Варю...

А. Поджио.

21. Е. И. ЯКУШКИНУ*

[Иркутск, до 12 марта 1857 г.]¹

Дошла и до вас очередь, добрейший Евгений Иванович, и, подобно всем благотворителям, осудите себя выслушивать клик искренней благодарности! Деятельное сердце ваше посетило и нас, отдаленных сибиряков, и мы все воздаем вам должное!² Скажите нам, не скрывайте от нас соучастников ваших в добром деле; мы узнаем столько глупого, пошлого, нелепого и не знаем тех, которые так громко говорят сердцу, а между тем так тихо настроенному к вам слуху!

Здесь мы знаем только одно имя, одного только благотворителя: это тот единый в России и который к нам так

* Помета Е. И. Якушкина: «Письмо А. Поджио».

резко, так постоянно благоволит! То царь Сибирский наш Александр! ³ Посмотрите на указ принимать детей наших без очереди (не наравне ли это с севастопольцами!) ⁴, прочтите о Кучевском — тут дело не о дворянстве, а какое родительское попечение об юноше дать путь к образованию! Дружинин просит прогоны; ему велят выдать все нужное на подъем и денег 5001.. ⁵ Все и вся обращаются к нему и всем одно, любовь и любовь! Дайте ему людей, достойных его сердца и его цели! Ужели у вас их нет? Укажите их, выносите их на плечах... но нет, у вас нет рамен, нет голоса, нет мнений, прощайте.

Благодарю вас, любезный друг, за попечение о вдове ⁶. Я выслал ей недавно 50 руб., подумайте, как бы пристроить мальчугана к месту обучения, и известите меня.

Знаю, какое участие вы принимаете в нашем не золотом, а медном деле, и потому сообщу вам нечто. Сам я, *et moi c'est l'état* ⁷, отправляюсь в горы с тем, чтобы восстановить падшую Елихту. Хочу сам быть с рабочими в работах — хочу сам изведать, разведать, найти, как говорят американцы, матку этого чудовища. К несчастью, средства малы, а отвага велика! Сверх этого, скажу вам по секрету, была у меня идея, которую не мог один осуществить, и, взяв к себе мощную компанию, 6-го числа еду на место брани, а 15-го пушу своих партизанов, гверилласов в дело на 6-месячную борьбу со всеми стихиями! ⁸ 40 человек составлять будут этот летучий, плавучий, кайлоносный отряд! Увидим. Везу с собой на Елихту и неразлучных со мной и жену, и дочь! Не страшусь я местности; там не было ни одного случая лихорадки, цинги или тифа! Да бывает ли этот последний на приисках — и сравнить неслыханную у нас на приисках смертность с смертностью, оказывающейся на ваших европейских работах. Кажется, в самой вещи с отпадением Кяхты и с американскими у нас торговцами Сибири придется ограничиться лишь одною золотопромышленностью! ⁹ Все это дело требует, по-моему, коренного изменения — все до одной работы должны быть отведены. Если бы мне чуть-чуть раздаться, то я, не ожидая никого, положил бы основание этой цели. При этом, однако, вся нравственная часть приняла бы другой и вид, и исход. Но об этом в другой раз. Простите, любезный друг, передайте искрен-

* А я — это государство (франц.).

ние приветствия мне дорогой супруге вашей и обнимите
малюток.

От души вас любящий А. Поджио.

22. И. И. ПУЩИНУ*

[Иркутск, после 14 января до 6 марта 1857 г.]¹

Из всех дошедших до меня вестей одна из них, любезный друг Пущин, поразила более других и не потому ли, что ты один ее не подтвердил. Так или иначе, но скажи ты мне, женился ли ты или еще женишься, и если это не сомног^е **, то почему же возбудило уже такие почти основательные толки? Что же послужило поводом таких заключений? Я не обращаюсь ни к кому и даже не упоминаю, а просто допрашиваю тебя, виновник радости, которую ты так не хотел с нами поделиться. Прочти мое письмо, писанное во время отъезда Ив[ана] Дмит[риевича], и ты увидишь, какое слово у меня вырвалось, произнося имя Натальи Дмитриевны². Я слышал об этом до приезда Н[иколая] Н[иколаевича]; но он мне это подтвердил окончательно. С тех пор, однако же, никто мне не писал, и я на этом остановился. По милости к нам особенной царя (и единого его за нас) и по усердию Н[иколая] Н[иколаевича], мы мало-помалу снаряжаемся и высылаем к вам остальных. К маю вышлем остальных и вдобавок юных отпрысков. И здесь, как у вас, бедные оказались в большом числительном размножении. Якушкину я передал все подробности по этому предмету. Где же ты теперь ходишь с поникшею головой, как гов[орит] Н[иколай] Н[иколаевич]?

До 12-го декабря ограничивает все твой и всех других похождения. Скажи мне, где ты будешь: в Нижнем ли с Аниотой, что видел, что нашел!³

Но говорят мне, что нога твоя крепко докучает. Тебе нужны не медики-столичные, а воздух и солнце, но не русское! Теперь вы все свободны, я же осужден, видно, на другое — еду, но не к вам, а в свои горы. Дело совести и долга.

Прости на этот раз, обнимаю тебя и желаю тебе, друг

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 6 апреля».

** Здесь: сновидение (ф р а н ц.).

мой, возможного здесь счастья — условий в жизни... Жена тебе кланяется — Варя моя, что за девочка! До свидания. А. Поджио.

23. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ*

[Элихта,] 29 марта [1857 г.]¹

Право, не знаю, как вас благодарить, мой дорогой Николай Дмитрич, и вас, моя дорогая Зенаида Сергеевна, за заботы и предупредительность, столь постоянно выказываемые! Особенно сейчас, когда я так беспокоюсь о двух существах, последовавших за мной в мои полярные прогулки! Мог ли я предполагать, что буду вынужден поместить их в жалкой лачуге и что найду в столь позднее время столь низкую температуру!

Никогда прежде не думал я оказаться столь высоко поставленным, рядом с царством туч. Представьте себе, мы видели, как одна образовывалась над нами и опустилась в виде таких мелких и плотных частиц, что пустынный горизонт закрылся в одно мгновение очень темной пеленой, и если бы не солнце, пробивавшееся еще светлым пятном, я решил бы, что наступает конец света, и воскликнул бы, как Плиний Младший под пеплом Помпеи, что вселенная погибает вместе с нами². Зрелище было прекрасное, но какой ветер; Вареньке это даром не прошло, и у нее бывает жар. Я успокоюсь лишь при наступлении хорошей погоды; в остальном все, кажется, соответствует уединенной жизни, которую я искал. Я не пишу нашим славным, действительно нахожусь в расположении духа мало эпистолярном. Это придет, я должен написать [Сергею] [Григорьевичу] и И[вану] Д[митриевичу]. Полученные мной вести о неприятностях, причиненных первому, несказанно меня опечалили³. То, что я предвидел, слишком сбывается.

О, несчастный выбор — Москва; и все, чтобы поддаться под причудливые желания господина Молчанова. Пишите нам о делах всех, о вашей службе, одним словом, прошу, не упускайте ничего.

Прощайте, и до свидания, и до следующего раза. Преданный вам обоим и вам всем.

А. Поджио.

* Подлинник на франц. яз., имена адресатов на рус. яз.

[Элихта,] 29 марта [1857 г.]¹

Добрейший друг Сергей Петрович!

12-го мы направились на восток, 15-го ворвались в тайгу, а 17-го в 10 ч[асов] вечера прибыли на Елихту! Слава богу! Таежные чочки, нырки, пропасти преодолены, все недуги переиспытаны. Жена и Варя в особенности очень немогли, а теперь мы начинаем свыкаться с тунгусским солнцем и с нашей лагучой, в которой никак не могу довести ночью теплоту выше 7°! Пол без наката, везде щели, кошмы, ковры даже не в помощь против ежедневной бурной погоды, и мы еще не замерзли, еще живы, встаем в 5 ч[асов], обедаем в 12-ть, ложимся, т. е. жена с Варей, в 7-м!! Промежутки заняты прислушиванием бесконечной болтовни Вари и некоторыми воспоминаниями, которые не допускаются! Газет, благодаря судьбе, нет, ввоз книг запрещен, а с этим и всякое чтение! В горах так в горах, вот почему до выхода из них, т. е. в июле месяце, не ожидайте тех излияний чувств, ни того набора обычных слов, которыми так обильны письма жителей равнин. Сухой отчет действий по делу, вот чем буду поддерживать два раза в месяц воспоминание о себе. У нас снег лежит в 5-ть четвертей, и потому вы можете сами определять успех теперешних работ! Я бы калифорнцев сюды заслал только на один апрель. Блестящего до сих пор ничего не ожидаю — внизу разведки не оправдали всех ожиданий, и я отстаиваю предположение, что новая, бьем боковой** и с горы, по которой течет ключик и который будет разведен. Поисковая партия действовала до сих пор безуспешно, но 3-го дня неприятель показался в благонадежном количестве, я усилил преследование, и он окружен. Прошу вас не взыскать за краткость письма; право, что-то не пишется. Дайте мне оттаять, отойти, вы знаете, что без свободы и без солнца я бессловесное животное.

Приветствуйте всех вам и нам близких. Дай бог вам успехов в делах ваших и пишите нам все. К тому времени спустимся в долины. До свидания, добрый друг и добрые все.

* Помета С. П. Трубецкого: «Отвечал 14 июня».

** Так в подлиннике.

[Элихта,] 8 мая [1857 г.]¹

После извещения добрыми Свербеевыми о болезни вашей, о выезде вашем из Москвы я томился неизвестностью и только сегодня, 8-го мая, с неожиданным появлением почтаря бурята Лекарки я узнал о прибытии вашем в Киев, добрейший друг наш Сергей Петрович! Итак, вы у Днестра, у детей, у университета, у мест всех и ваших и наших бывших и желаний, и мечтаний! Кажется, известие удовлетворительно — ан нет; письмо ваше к П[етру] А[лександровичу] описательно, я узнал о мраморной лестнице Каррарской, узнал многое о зданиях и Крещатике и ничего не знаю — о чем и о ком же? Об Ал[ексandre] Сер[геевне] и Лиз[авете] Сер[геевне]² и о Ник[олае] Р[омановиче] — где вы их встретили, где и как свиделись и обнялись ли вы? Где же вы остановились и стабилизировались, как идет учение или пойдет оно?.. Вот что шевелит и ум, и сердце. Прошу же вас повторить, хотя и старое для вас, но еще свежее для меня по новизне. Пожалуйста, хоть совокупно, да составьте письмецо со всеми подробностями о житье-бытье вашем и всего нашего кружка.

Теперь о себе и своих! 48-мидневная буря миновалась, и 3-хдневное солнце настало! Вот как мы считали время со дня нашего сюды приезда. Вы знаете Сибирь, но вы знали ее у камина, глядели на нее издали сквозь двойные окна и в свой градусник да еще в долине... посмотрели бы ее на горах и когда стекла одинаковые и стены прозрачные... Это сущий ад, и ад не еврейский с огнем и пламенем, а ад с скрежетанием зубов (я этого не испытал) при морозе и таком ветре, что нужны были крепки божьи, чтоб не снести эти горы! Как я боялся за своих, но, благодаря бога, с 5-го мая мы ожили с показавшимся солнцем и из-под саженного льда кой-где пробившейся Элихтой! Бедные рабочие, что выстрадали, и как я боялся воспалений! Не тут-то было, с появлением солнца и 5 больных, хотя и маловажных! Так этот переход чувствителен! Мерзлота была страшная, и медленно шли работы; от 3-х до 4-х и 5 чел[овек] на сажень. Теперь ударим на врага, пойдем в кайлы без болт, без клиньев и скоро выследим. Хотя машина, чудно устроенная, и готова будет к 16-му сего месяца, но я прежде 1-х чисел июня не пушу.

Надо запастись песками, и с 15-го числа у меня будет

до 120 чел[овек] на турфах. Вы помните смету на 100 чел[овек], а у меня их 138 и 8 неявившихся, да еще послал нанять 20 чел[овек]. Горе начинающим дело со 100 чел[овеками]! Вы увидите ведомость и усмотрите число разночинцев поторжных! И то же число служителей, и разноч[инцев], и поторжных падало бы и на 300 чел[овек]!..³ Это не глупость, а преступление! Спросите теперь, какой будет исход делу, скажу: не знаю, на ветер не говорю... увидим. К 1-му июлю дело обозначится, 15-го выведу; старичок мой Попов добрый, тихий, скромный и усердный человек, и, направивши дело, я буду покоен. На Курге 26 чел[овек] ведут канаву; хочется и там успеть! Там у нас построен амбар на 6 саж[еней] и 2 пекарни! Там у нас 300 копен сена, и если бы ничего лучшего не оказалось, то осенью можно заложить начало делу. Если вверху шурфа на Елихте, в котором 2 зол[отника] 94 д[оли], окажется и пласт такого содержания, то выследить его будет можно, ибо разрез пойдет на 45 саженей ниже прошлогодного, и падение так велико, что если бы нижняя оконечность и наполнилась бы воды, то она нашла бы исток и суживая верхний разрез. Я поднялся 60 саж[еней] вверх старого разреза и дошел до рубежа, где кон* и есть с богатым шурфом в 2 зол[отника] 94 д[оли] и сухое место. Далее подаваться опасно без нижнего разреза и не сделавши там разведки по случаю притока воды. Вниз спустились в 75 саженей ниже старого разреза — золото оказалось бедное, но турфов до 2-х аршин меньше. Попов полагает, что весь прибой золота в этих двух ямах, оставшихся в старом разрезе, и где страшный навал огромных камней. Порох есть и станет палить по воробьям!.. Как видите, Елихта будет доступна с окончанием работ, и только в феврале окажется эта возможность. Впрочем, с раскрытием верхнего разреза откроется и направление пласта, который по притоку воды всегда был невозможен. Буду пытаться до того и русло выше разреза, но гнезда, т. е. впадения Елхана в Елихту, до канавы нечего и шевелить.

Всем вам и мне близким пожмите руку, к чему их называть — вы их знаете, и они меня знают.

* Кон — предел межа.

[Элихта, между 22 апреля и 10 мая 1857 г.]¹

Я вам говорил, что глубокие снега не позволили успешно действовать розыскной партии — однако же заявили одну площадь в 6-ти верстах от нас по речке, впадающей в площадь Рукавишникова. Заявка сделана, но мы решили с Анд[реем] Вас[ильевичем] оставить разведку до открытия чего-нибудь лучшего; 22-го числа апреля я послал Кигина за 60 верст к морю на речку собственно для нас и Анд[рея] В[асильевича]. Я имел много на нее данных и к 20-му мая ожидаю ответа. 10-го числа выйдут рабочие к морю, и, соединясь с Кигиными, отправятся все к притокам верхней Ангары в числе 39 человек. Сверх того направляю две партии на Витим ниже Цыпы. Вот вам результаты наших последних поисков: на этом и остановился, и я такого мнения, что пускаться не иначе в дело, как в дело несомненного богатства! Увидим; в половине узнаем все, и в той же половине все решу окончательно. Благодарю вас, добрый Сергей Петрович, за доверие. Жаль, что дела наши не соответствуют ему — благодарю за содействие в июле; Саша мне прислал 900 р., и я, как умирающий, до 1-го сентября пробьюсь кое-как. Согласитесь, что есть же способность и глупость, как хотите, чтоб с пудом золота поставить вместо 100 чел[овек] 160 ч[еловек]. Поставить, поднять Кургу отчасти и пустить партии в 60 человек!! А какой будет исход — и выкажет человека. Вероятно, вас снабжают сибирскими известиями, где, конечно, между которыми самое невероятное, это посольство в Пекин!.. Это не переговоры, а недоговоры будут, и тех не допустят, так они уклончивы². Не говорю вам ничего о будущих своих планах, так все еще темно и неопределенно в моей судьбе! О наших ничего не знаю, сибиряка забыли! К нам присланы ваши портреты, и мы их увидим только с возвращением в Иркутск. Сначала остановимся у вас — хочу дать простор Варе — верите ли, что ходит как каракатица — так пол переменил ее походку! К осени же ничего не знаю — боюсь вашего холоду, а хотелось бы, с позволения вашего, там пожить. Вы получите ведомость и акты, и очень рад вашему распоряжению и окончанию всех дел. Прощайте на этот раз, добрый и неизменный друг наш.

Не говорю о чувстве, а что за привычка к вам... берегите себя, а увидимся ли мы еще? Почем знать.

27. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ

[Элихта,] 25—29 мая [1857 г.]¹

Пропустить таежную почту — значит обречь себя на месячное молчание, вот почему и несправедливо, быть может, добрый мой Николай Дмитрич и Зинаида Сергеевна, обвиняете нас, право, не ленивцев; к тому же я писал вместе к вам и С[ергею] П[етровичу]; теперь же направил письмо прямо на Киев по некоторым причинам, и вы были на время отсторонены*. По последним известиям от П[етра] А[лександровича], вам предстоял путь в Питер, предстояло и новое поприще² — все это нас крайне занимает, а в особенности положение дорогой Зины³ — дайте же нам словечко одно и другое, но когда-то это будет? Иркутск жалуется на 5 запоздалых почт, можете вообразить, сколько мы их насчитываем здесь на рубеже вашего мира! Дождь льет ливнем, и я сижу у окна и высматриваю отца Гавриила, манзуровского священника; он, бедный, пробирается к нам для освящения машины и помолиться вместе с нами, отшельниками. Он же должен привезти нам и почту.

Священник прибыл, а почты не привез, и мы занялись христианским делом: помолились, машину окропили святою водою и пустили ее на всех парах. Я ускорил 40-а днями дело против прошлого года, а какой будет ему исход, увидим. Усилил число работников и лошадей, первых у меня 153, вторых 51, целою третью против сметы! Халаты и сюртуки делаю всегда в обтяжку, но запасы заготавливаю, пускаю с запасом, вот почему и могу все это пропитать! Работа вся идет по отряду, беглых еще ни одного, и дело, конечно, в разгаре, но не в успехе. Сегодня первая промывка! 7-го июля мы спустимся к морю, а 13-го в Иркутске. Не хотелось бы выехать без пуда, а, может быть, придется отправиться и с фунтиком, так все шатко и на Елихте, и в Москве! Давно ли старички ликовали — теперь если и не горюют, то, конечно, не раз обращались к Востоку; благодарю бога, что обстоятельства

* Так в подлиннике.

поставили меня в такое положение, что не подвергся встречному изгнанию⁴. Первое имело значение, второе ровно никакого; вся эта борьба с полициею не достойна нас, и не понимаю этого упорства отстаивать за собой этот омут! Москва, Питер и Северный полюс изглажены на моей географической карте. Бедный Волконский служит исключением⁵; надобно же, чтобы этот сумасшедший был даже при смерти помехою для всех. Скажу, не греша, скорей бы ему конец! А то, пожалуй, он и старуху⁶, и бедную Неллю сведет с ума.

Едва проводили священника, как приехал и почтарь, а за ним и отводчик, и вот нас и завалили письмами. Ваше от 30 марта уже тут! Спасибо вам за отчетливое подробное донесение; вы мне этим доказали свою неизменяемую дружбу — вы знаете, как малейшая вещь для нас важна. Теперь рисую себе вашу будущность в чертах ясных и определенных. Все ладно, лишь бы бог дал нашей дорогой З[инанде] С[ергеевне] счастливого разрешения! Может быть, порадуемся вести и на Елихте. Пишите, пожалуйста. Я же завален перепискою по делам и беспрестанно на работах — времени мало для дряхлого старика. В Иркутске распишусь, лишь бы добраться до него. Что с Пушиным? Что со всеми нашими? Всем, всем мои приветствия. Господь с вами на новоселье и на новом поприще.

Простите, добрые мои, и малютку расцелуйте. Преданный вам А. Поджио.

28. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

[Иркутск,] 4 августа [1857 г.]¹

Как отвечать вам, добрейший Николай Дмитр[иевич], на все ваши письма, на все дружеские ваши приветы, и все это должен я заключить в каких-то сжатых словах и при каком-то условном числе страниц. Не люблю я этого способа сообщения с друзьями; то ли дело повидаться, побеседовать и вдоволь и насмотреться, и послушаться. А есть и было бы об чем поболтать, но, видно, мне придется еще долго помолчать здесь наедине после выезда всех мне близких. Около месяца, как мы возвратились и улеглись под вашим кровом. Парадная передняя обращена в спальную, бильярдная в кабинет и в столовую, а гостиная осталась гостиною для бегающей Вари. Вот и все помещение.

Даль страшная от всего, но два дня искал квартиры и решился остаться. Вот почему нет охотников на покупку, ни даже и на наем дома!.. Трудно будет сбыть дом и за какую вы думаете цену! — не свыше 6000. р.!!.. Как бы то ни было, а надо продать — из тех же 6000 были бы хоть проценты! Но прежде всего нужно выслать уполномочия на продажу, если это возможно. В теперешнем положении никто и не вызывается.

Дело на Елихте приняло хороший оборот, встретившийся перевал повел к лучшему, т. е. к открытию пласта, который направился неожиданно к руслу там, где его и не ожидали и где никто и не бил шурфов. По 17-е число был 1 пуд, и есть надежда на хорошее дело. Мы выходим из загадочного положения и уже не пойдем ощупью. Сентябрь назначен на разведку площади, простирающейся по руслу сухому на 40 сажень ширины и саженью менее турфов. До сих пор мы шли по берегу. Все брошу, а Елихты не брошу. Известий о дальних поисках еще нет — пять партий, разбросанных по вершинам Ангары, Витима, не подали еще голоса. Не довольствуясь этим, на днях отправил партию на Енисей!!.. Вот вам темный очерк действий, которым не предвижу и конца. Мы выехали здоровы и невредимы — Варя была чудно крепка во все время; я сам исцелился, и жена пополнила. Конечно, если доживу до весны, то опять в горы. Живем здесь так уединенно, что едва кого видим, а потому и не требуйте вестей туземных.

Теперь о вас, друзья мои, мне было передали, якобы вам дана московская контора — но я и не мог даже порадоваться, так мало совпадало это известие с содержанием ваших писем. Кончилось тем, что вы попали в ревизоры, а что будет далее? ² По всему предвижу, однако же, успех, несмотря на медленность в назначении. Очень рад, что вы решились отпустить Зинаиду Сергеевну к берегам Днепра! ³ Всякая радость так ценна в годы нашего доброго старика. По письмам видно, что Н[иколай] Р[оманович] остается в Киеве — дал бы бог, а то, признаюсь, все эти переезды, перемещения так разорительны и так пагубны для Вани! Пишите нам, друзья мои; письма ваши полны жизни, полны тем, чего не нахожу вокруг, и вас. Много и грустного во всех очерках вашей жизни общественной! Все, что вы мне писали о Тург[еневе], так глупо и невероятно, что, право, я это все приписываю припадкам безу-

мия, посещающим часто нас в дряхлости лет⁴. Нет ли тут чего геморроидального или размягчения мозговицы? Прощайте, добрые друзья, дай бог вам всего лучшего и в особенности сохранить благополучно Сережу. Поцелуйте его за меня.

Преданный вам А. Поджио.

29. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ*

[Иркутск, 18 августа 1857 г.]¹

Итак, мы возвратились и с 1 числа сего месяца обосновались в доме Трубецкого, а сегодня уже 18, и я вам еще не писал, мой добрый и уважаемый друг. Обратите внимание на каллиграфию, которая единственно для вас, чтобы вы получали столько же удовольствия, сколько проявляете интереса к чтению моих писем. По приезде сюда я узнал подробно об испытаниях, которым богу было угодно вас всех подвергнуть, вас, уже столь старого и дряхлого, и достойную нашу Нелли, такую молодую и уже страдающую, и Мишеля, оправившегося от тяжелой болезни! Разворачивается целая драма, и развязка ее, к несчастью, затягивается!² <...>** вследствие стольких новостей, я более не знаю, где вас найти! То вы срочно покидаете Москву, то вы остаетесь, то отправляетесь за границу³; итак, все, что я могу сделать, это пожелать вам из всех уделов тот, что вам более подходит. Конечно, последний привлекательнее всего, но как это осуществить со всем тем, что имеете на сердце, и как добрая Мария Николаевна*** сможет добраться до солнечной Италии с тем отчаянием, которое этот человек заронил в ее душу. Прошу вас, скажите ей, поскольку она придает этому такое значение, что Лариса всегда понимает ее в молитвах, но к ее молитвам надо еще присоединить и собственные и показать себя более рассудительной. Зачем же так мучиться, так терзаться из-за того, что обманулись в выборе человека, как будто мать могла бы желать зла! Дайте волю боли и даже горю, но для угрызений совести я не вижу <...>**, тем более для матери! Но что выше моего по-

* Подлинник на франц. яз. Помета С. Г. Волконского: «Ответил 7 ноября».

** Одно слово неразб.

*** «Мария Николаевна» по-русски.

нимания, это идея влачиться с ядром на ногах, которую вы собираетесь сделать столь <...>*. Добро бы это предполагаемое путешествие могло ему послужить на пользу, но напрасно таскать полумертвое тело — что вы за слуги у безумца! Но в таком случае да поддержит вас господь бог в этих более чем горестных испытаниях. Вы меня бесконечно обязываете письмами вашими, которые умеете делать столь интересными. Как люблю я видеть кипение чернил под вашим огненным пером, и до чего же я люблю смотреть, как вы безжалостно бичуете наших современников! Тысячи, тысячи благодарностей за то, что не согласились на свидание с награжденным стариком — пусть каждому позволено менять мнения, как сапоги, но отказываться от факта, от признанного прошлого — это уже фальшивить; ложь, и ложь из-за условностей — это трусливо и бессмысленно⁴. Впрочем, я полагаю, что подагра, геморрой и вообще дряхлость в большой степени в этом повинны. Меня бесконечно угнетает сознание того, что вас травят, как диких зверей — до такой степени развилось общественное мнение. Впрочем, я удостоверяю, что не строил себе иллюзий, поэтому ничто не побуждает меня выйти из берлоги моей, и я не могу еще решиться. Дела мои, сколь бы важны они ни были, в этом мало повинны. Елихта не оправдала ожиданий — я напал на перевал, пласт ударился в сторону, и, кажется, на будущий год надо будет сразиться с руслом, где золото и залегло**. Не имею еще вестей об исходе наших экспедиций, правда, весьма дальних. Я желал извлечь пользу из вашей доверенности, но это невозможно сделать, не упоминая условий, относящихся к капиталу. Скажите, прошу вас, Маше, что в декабре я ей пришлю все деньги. Моя жена передает вам, а также всем вашим, знаки искренней дружбы. Примите же их и от меня и позвольте вас обнять, мой добрый и уважаемый друг.

А. Поджио.

* Одно слово неразб.

** Фраза по-русски.

[Иркутск, август—сентябрь 1857 г.]¹

Едва le Sarmate² уехал, как я получил ваше письмо, мой дорогой и уважаемый друг, письмо из мертвого города!³ Имея грустные предчувствия, я был крайне удивлен; слава богу, вы не были подвергнуты новым страданиям! У вас достаточно их и здесь и надолго, насколько я знаю. Раз уж сумасшествие признано, раз болезнь удостоверена, разумно ли, скажите, великодушно ли, не жестоко ли даже лишать человека всех забот, которые расточают этого рода больным в заведениях, для этой цели созданных. Может ли их заменить супружеская и материнская нежность, и надо ли игнорировать все, что наука имеет на этот предмет! Предупреждать желания сумасшедшего, опережать его побуждения — это давать пищу его маниакальной склонности, это далеко не то — нужна воля твердая, часто жестокая, которая подчиняет себе даже слабые поползновения животного. Найдите у вас больницу со всеми принадлежностями, я это пойму, но держать его так пригвожденным — не варварство ли, в самом деле? Перевезите его в сумасшедший дом, и там у него будет воздух, он будет гулять и нюхать табак. Я не понимаю бедную Нелли, так себя мучающую из-за его болезни. Не экономьте, заплатите 1000, 2000 [рублей], но поместите его туда, где наука делает больше, чем вся возможная нежность, для этих блаженных! Я <...>** вопреки своему желанию, потому что вижу, что вы все отклоняетесь от правильного пути, и нет никого, вооруженного мужеством, чтобы с вами об этом поговорить. Одним словом, каким бы священным ни был долг, который налагают на себя, нужно еще, чтобы этот долг соответствовал всему, что мы имеем в себе рассудительного и человеческого! Но последнее слово — то, что вас всех очень и очень жаль, и страдать вам приходится без оснований. Да будете вы, делая этот грустный выбор, исполнены всем тем мужеством, которого требуют оба случая.

Большое спасибо за подробности, которые вы мне передаете, о городе барабанов, бой которых засел в моей

* Подлинник на франц. яз. Помета С. Г. Волконского: «Отвечал 13-го ноября».

** Одно слово неразб.

душе⁴, но я не люблю, когда вы мне говорите об этих камнях, об этих монументах, ничего не имеющих монументального, и которые сгинут так же быстро, как и создатели, их воздвигшие! Рассказывайте мне более о людях, расскажите мне, как их сгоняют в кучу, преследуют! А вы, добрые мои друзья, надо ли, чтобы в вашем возрасте вы подвергались стольким унижениям! А еще осмеливаются говорить, что общественное мнение продвинулось вперед! Но что же у вас называют общественным мнением? Разве это не мужество — сказать в полный голос: «Да, мы были малоопытны, плохо вооружены, но мы славно сражались»⁵. Разве это не оно, чтобы сказать, что нас обворовывают, грабят, нами управляют чудовищным образом, и чтобы переделать все это, не надо более пользоваться телегой, но вагонами, что рабство антиобщественно, противно христианской религии, но что же? Об этом поговорим потом, а пока надо, чтобы 6000 баронов ехали в Париж восторгаться коронованным подлецом на глиняных ногах, с руками, испачканными лучшей нашей кровью!..⁶ Низость и убожество, чтобы не сказать, как вы сказали однажды, великодушные. Хоть я никогда не создавал себе иллюзий, но письма ваши разрушили те немногие, что я имел. Меня еще утешает то, что правительство, как я считаю, готово сделать первый шаг и двигаться вперед, если бы не эта титулованная челядь, которая считает себя аристократами, обязанными быть в оппозиции. Я знаю, что в[еликий] к[нязь] Константин возглавляет комитет освобождения, а нужно ли другое доказательство намерения, которое его одушевляет!⁷ Ну, признаем, что мы их не стоим!

Теперь, когда вы у нас остаетесь, я надеюсь, что вы будете мне писать чаще, чем вы писали это время; пусть у вас будет более досуга и спокойствия. Надо ощутить все могущество семейного счастья, чтобы переносить одиночество, подобное тому, в которое поверг ваш отъезд ваших друзей. Я готов переписываться даже с Завалишным. Бедняга, обремененный Филансетой и своей свояченицей⁸ и ревматической болью в голове, не решился бы двинуться, не располагая двумя сезонами, чтобы добратся до вас. Все мы отдаем дань времени, а я исключительно. На россыпи я поздоровел — три нарыва один за другим полностью очистили меня от болезни, а теперь, когда холода заявляют о себе, я начинаю ощущать их последст-

вия*. А надо бы еще годик; другой, как-нибудь да пробиться между жизнью и смертью.

Прощайте, дорогой друг. Мише ни слова: он меня забыл и все забыли; может быть, и поделом.

31. Н. Д. СВЕРБЕЕВУ

[Иркутск,] 28 [октября 1857 г.]¹

Ворчу, сержусь, браню ваше поприще как отбившее вас от друзей ваших! Вот смертельные два месяца, бывший добрейший Николай Дмитрич, как вы молчите! Ужели, карая одних, награждая других, вы не успели наградить и нас хотя словечком! Ужели и вы, милостивая государыня Зинаида Сергеевна, не могли в кругу своих впечатлений сказать нам, вымолвить словцо, где и как изволили быть, кого и как изволили видеть. Все это время мы были под такими грустными впечатлениями, что невольно толкуешь вкривь всякое молчание. Будьте же поговорливее и расскажите, что есть и на уме, и на сердце! Завалите словами эту пустоту 2-х месячную. Приезд Н[иколая] Н[иколаевича] вас сблизил с нами и возобновил прерванные отношения². Я уверен, что он скрепит несколько уже ослабевшую цепь воспоминаний и о нас, и о Сибири. Что вам сказать о себе? Мы там же, под кровом вашим, один Петр Александрович уехал на Аугсбургской газете в Индию³; мы же собираемся в марте в те же горы. Дело было не успешно, но, кажется, направится, ожидаю со дня на день последней разведки. А между тем как с этими средствами идти вперед, когда все вызывает к ходу, и к ходу решительному! У нас зима, а с нею и недуги; все велики и малы обретаются в гриппе; смертности нет, живем пока. При этом слове как не вспомнить и не вздохнуть об И[ване] Дмитриче!⁴ И вас обоих там не было, особенно одной из Трубецких, которых он так чтит, так любил! Что с юными? ни слова об них! Скажите, что с ними? Как дела ваши — и будет ли какой-нибудь им исход? Сколько вам предстоит ответов!.. Сказал бы я, в свою очередь, что-нибудь, да, право, не говорится — живу уединенно, никого не вижу, а слышу еще менее; на 5-й день узнал только о смерти Молчанова⁵, и то еще по

* Далее по-русски.

крику «слава богу!» Он умер, схороним с ним и все, мир его праху! Итак, до будущего разу обнимаю вас обоих, прочно, накрепко и всегда вас истинно любящий

А. Поджио.

32. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск,] 14 января 1858 г.

Добрейший Сергей Петрович, вот и 1858-й! Поздравляю вас всех, дорогих, с этим новым годом, так резко отделившим нас от лет отживших и нами, и предками нашими! Представьте, я встретил год с вестью освобождения уже 3-х губерний! Горько, что мы, русские, допустили Литву нас опередить, но я надеюсь, что наши не только не отстанут, но опередят постановлениями более человеческими и более соответствующими благим намерениям царя, ставшего во главе движения ко всему великому и ко всему истинно народному¹. Благоговею перед ним. Государь, по свойственному ему великодушию, не хочет, как видно, употребить свою державную власть и предоставляет все дворянству!² Ужели это же дворянство не оценит такое царское самоотвержение и дарованное тем ему такое значение! Достойно ли его оно будет, увидим! Шаг важный для будущей судьбы не только одного класса, но всей России. Дело об том, чтоб не положить начало батракству, а ввести этот класс прямым независимым деятелем и уже как члена не мертвого, а живого в это зарождающееся общество! Надо, чтобы этот член был поземельный собственник, и эта земля, если не может быть ему пожертвована, то допустить выкуп, для которого можно найти тысячу способов. Вот единственное средство упрочить будущность, отклонить характер шаткой временной неопределенности земель и, наконец, единственный способ скрепить его к почве, предупредить неизбежные со временем переходы, а через это и запустение полей. Даруй бог терпение, смирение одним и не великодушие, а чистый здравый толк другим. Простите мне это отступление, это будет последнее; решено, едем в горы и жизнь общественная прерывается на 6 месяцев. Признаюсь вам, вы все так сделались занимательны, что невольно душа рвется к вам, и я порывы только и укрощаю надеждами, если не осенью, то в феврале 1859 выбраться отсюда. Для этого надо

устроить дела, и надеюсь, что к тому времени приближусь к этой цели. Доверенный возвратился — вода не дала ходу вверх, но пробитые там 8 шурфов на 22 четверти к февралю вымерзнут и сделаются доступны. Во всяком случае, подойдя разрезом, пласт должен открыться, и быть не может, чтоб он пресекался; разве перевал. Шурфовка в правой стороне разреза старого удовлетворительна, и я ставлю на это все пространство 90 чел[овек]. Если окажется сверху, как ожидаю, золото, то усилю сейчас работы. Служащих будет всего 5, и я сократил расходы во всем. Многое изучил. Сверх того попробую еще Кургу и начну разведку новой площади — сливая это дело с делом Рукавишникова. Я вам много писал о Витимском деле; еще известия нет — с будущею почтою вышлю вам смету и план действий. В половине марта выедем, и жду в нетерпении выезда — элихтинский воздух так живителен для Вари и для нас. Вот еще дело. Сюда приехал полковник Рябов — сослуживец Н[иколая] Н[иколаевича] по Кавказу; он после войны поступил в Омск. Н[иколай] Н[иколаевич], узнав об нем, переманил его к себе. Я[ков] Дм[итриевич] мне его рекомендовал, и, как начальник топографов, он жалуется на казенное помещение. Мы разговорились и решились приступить к покупке дома, чего он крайне желает. Приезд Н[иколая] Н[иколаевича] это решит. Бога ради, поспешите высылкою всего нужного для этой цели. Ужели раздел еще не утвержден?³ Предупреждаю вас, что цены на дома низки и вряд ли можно будет получить и 8000! Определите крайнюю цену и заметьте, что дом приходит в ветхость. Ветер свищет повсюду, и потребуются значительные поправки, в особенности печи! Сад же!.. и пр. и пр.! У нас все умы взволнованы известием о назначении Н[иколая] Н[иколаевича] мин[истром] внут[ренних] дел⁴. Теперь женихи принялись за свадьбы. Кат[ерина] Петровна получила разрешение ехать за границу, дали 1000 р.⁵ Едет на днях с целью возвратиться. Хлопочу об отъезде Устиньки с караваном под начальством Янчуковского⁶. Сына Фролова и сына Фаленберга приняли в корпус, и первый их везет в Питер с намерением поселиться в Керчи⁷. Обнимаю Ваню — желаю ему чудных успехов и Феде также.

Всем вашим и моим горячие приветствия.

С. П. ТРУБЕЦКОЙ

Фотография С. А. Левицкого. Конец 1850-х гг.

33. И. И. ПУЩИНУ*

[Иркутск,] 19 января 1858 г.

Новый, 1858-й, успел уже состариться, любезный друг, когда я принялся за перо! Впрочем, перо мое, как ты знаешь, всегда опаздывает, тогда как мыслью я опережаю все и вся. Давно я тебе пожелал всего лучшего и встретиться с тобой на лучших надеждах! Представь себе, что именно к 12-му числу весть дошла ко мне о Литве!¹

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 19 февраля, 27 ноября пер[едано], 15 декабря пос[лано]».

Скорблю, что Жмуди дозволила Русь себя опередить в таком деле!

Порадовал ты меня своим письмом — умалчиваешь о здоровье, а я толкую это в твою пользу; дай бог тебе здоровья такого свойства, чтобы жизнь, по крайней мере, была не в тягость! Бедные наши страждущие и сколько их! Ужели Нарышкин так разбит? Ужели Сутгов без рук? и т. д.² Все это так мрачно...

Очень рад, что ты оправдал мои распоряжения; объявлять же никому не хочу о назначенных на будущий год пособиях. Во-первых, не надо располагать несвоевременно, а во-вторых, бережливее будут. Когда я уведомил Горбачевского о высылке денег через Оскара³, он меня напугал неаккуратностью — а между тем я на другой же день после письма моего отправил их. Наконец успокоил его извещением, и он вне себя от этого неожиданного пособия. Хозяйство глупое его разоряет; тогда как с 300 р. мог бы чудно жить; ожидаю девочек из Баргузина — Улинька у Аннушки, и они очень довольны — на этот год это все семейство обеспечено. Теперь я снаряжаю Устиньку — она едет в Екатеринбург к тетке Одице⁴. Был у К[арла] К[арловича], чтобы поместить ее в караван, с которым едет В. Ф. Янчуковский. Надеюсь устроить это доброе дело. Не худо, если у вас есть средства, подумать о Завалишине: там целая семья! Дороговизна и старость накликали нужду. На меня не надейся: я сам не на золоте еще! Минусинцы у вас в распоряжении⁵. Фролов едет в Керчь и отвозит сына своего и сына Фаленберга в корпус. Просил меня ускорить здесь дело, и Венцель тотчас же сделал распоряжение. Колесников бродит, и этот идиот, болван, так и кончит. Разве с приездом Ник[олая] Ник[олаевича] я его сдвину.

Приезд ген[ерал]-адъютанта, возвещенный курьером к 1-му февраля, взволновал нас всех!⁶ Чины, кресты, благоволения посыпались, как сегодняшний снег. Представь, что мы о сю пору драли камни подрезней, и какое бедствие было для всех! Узнай, пожалуйста, как живут у вас народы без снегу — в самой вещи, мы погибали и сегодня воскресены!

Бечаснов поживает, теперь он присматривает за 2-м пароходом, строящимся у Байкала. Эти Левиатаны должны спуститься к 1-му весеннему рейсу; все это творится мановением бывшего грека, теперешнего афинца!⁷

Хорошо и дельно поступил ты с поляком, хоть и тяжело — как быть?⁸

На днях приезжал сюды Савич и уехал приготовляться с батареей идти к устью Зеи⁹; не менее, не более расстояния 2000 верст по Амуру. Он сроднился с этой пустынной местностью и смело обнял все последствия этой ссылки. Человек положительный и будет оценен. Много мы говорили о твоей лужиче и усадьбе и о саде, по которому хочется смерть пройти! Все это будет в 1859-м, так я думаю, так горячо желаю — но я так стар, что смешно располагать временем. Теперь же едем в марте на прииск, и не покажется ли тебе дико, что я ожидаю с нетерпением этого времени! Там и дело, и здоровье! Варя моя томится Иркутском, все как-то не по себе, там же возродится вместе со мною; жена же не только не прочь от этого, а туды же рвется: пойми это направление! На этом прости и пожми горячо руку от нас Наталье Дмитриевне. Будьте здоровы и так далее. А. Поджио.

Обнимаю от души Павла Сергеевича!¹⁰ Пиши на имя Петра Александрыча Горбунова в доме к[нягини] Трубецкой для передачи мне.

34. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск.] 30 генваря [1858 г.]¹

Получил я письмо ваше, добрейший Сергей Петрович, от 17 декабря, получил и Петр Александрович, получил такое же и Андрей Васильевич! Вот как вы расписались... Кажется, и вы поступили в ряды движимых, так великий двигатель вас всех, сонных, и будит, и толкает². Благодарю вас за передачу таких дорогих для меня известий — но вспомните, что и мы не так же завалены снегом, чтоб были вовсе отделены от мира! Фадей и тот затянул песенку на новый лад, и тот же снабжает современною свежинкой!³ К тому же и другие корреспонденты не забывают, а сверх того, приезд Н[иколая] Н[иколаевича] доставит и последние сведения. Ожидаем его к 1-му фев[раля], после 2-х месяцев отправится на Амур; Козакевич предлагает перенести Николаевский за 9 верст выше; Путятин открыл 2 новые гавани, надо все осмотреть, осмотреть и поселения!⁴ Экспедиция пойдет вверх по Уссури для занятия берегов и сблизит сообщения с Татарским морем. Хлеб и овощи были отличные; в Усть-

Все укрепление, сверх того и батарея в полном составе. Палладий пишет, что китайцы согласны признать Амур за нами: Китай быстро идет к раздроблению⁵. Кресты, милости были предтечами приезда Н[иколая] Н[иколаевича]. Венцель получил 2000 дотации, Кокорин⁶ действ[ительного] ст[атского] советн[ика] и проч. Одного Пфафиуса разобидели: имевши уже Анну на шее, дали Станислава в петлицу⁷. Острогу сию я им сообщил. Готовятся празднества, и отсутствие К[атерины] Н[иколаевны] будет способствовать успеху. Буссе⁸ как выходка необыкновенная: не подчинился порядку обыкновенному; удалился в Тельму до приезда Н[иколая] Н[иколаевича]. Заутра аллегри — Соловьев один, не допуская других, снабдил город выигрышами в 4000 р.⁹

Вчера г[оспо]жа Веретенникова скончалась после 4-х дней болезни¹⁰. Сегодня уехала Устинька к м-ше Оди-нец в Екатеринбург. Слава богу, что избавили ее от плена. Янчуковский ведет караван и *грансениорничает*. Ожидаю двух малюток для помещения к Ротчевой, а Кюхельбекер еще не пишет¹¹. Послезавтра раут в вашем доме — и в воскресенье едет директриса. Возвращение ее будет вместе разбираться на конференциях, но где именно, не знаю! Александра Осиповна вступает в управление¹². Ожидают Гаупта и Кинаста с женами. Баснин В. Н. едет в Москву и в Киев, продал свой дом за 30000, и все хохочут. Медведников свой, со всем, что в нем есть, за 15000, и все смеются!¹³ Один Рябов не смеется, но поговаривает, что его подчиненные устрашились дали. Мы говорили о необходимости сооружения достойного их числа фургонов для отвоза и привоза почтенных. Бога ради, решите этот вопрос, в особенности суммою. Вряд ли 8000 р. можно будет взять, и то деньги, и большие, принимая в расчет, что никто его и не нанимает! А между тем расходы, и какие, предстоят! Все ли вам высказал — нет! У нас дороговизна страшная на все! Хлеб в полтину, масло 8 р.! И я успел все заготовить! Заготовить, но на слова, без одобрений! Закуп казенного хлеба был тому причиной — не позволяли выдавать их до окончания закупа, выдавая по 25 к[опеек]!!! С провозом бог весть куды. До того довели, что два мешка хлеба провезли к нам на прииск ночью, боясь *бато*гов¹⁴.

Я съездил к Венцелю и сразился насмерть — выговорил ему все и сказал ему: «Не мое дело вам доносить об

употребляемых насильственных и разорительных мерах, не в закупе, а в взимании этого налога, а ваше дело послать чиновника верного к изготовлению всего». Сейчас же дал мне открытое предписание для свободного закупа и провоза по всей губернии. Забавно, что снимали копии, свидетельствуя их в полиции. Впрочем, неделю спустя оно сделалось общим. Какой ошибочный, самоуправный взгляд. Я намерен этот вопрос возобновить в большем размере с приездом Н[иколая] Н[иколаевича]. Мы отправили к вам несчетное количество чаев! Провоз до Томска по 2 р. 20 коп. с пуда!.. Лошади вздоржали до того, что простые обозные лошади от 45 до 50 р.!.. Я вчера купил 11 лошадей заморских по 16 р.¹⁵, будут везти и эти; но беда, что вчера одна бешеная сорвалась за ворота и теперь еще бежит!..

О приезде: посылаю вам смету не в срок, но мог ли до разведки ее представить; если утвердите, то пришлите ее с подписью. Последняя наша площадь, заявленная (Лазарь-Воскресенский), буду разведывать вместе с площадью совместно Рукавишников^{*}. Если оправдает, то я намерен отдать ее как 5-ю часть по 1000 р. с пуда; так ли?.. С Витима нет еще известий! Опять искушение — предлагают площадь в 2 зол[отника] с 65 пудов!!¹. По-сылаем...

Вообще надо сказать, что дело по-нашему не делают: золото дает золото, у меня же, право, не только золота, не только бумажек, уж и меди нет. Как я извернусь, право, не знаю. В доме все благополучно — хозяин уехал с Гакстаузен^{ом} в Пруссию и Австрию для изучения вопроса выкупа крестьян¹⁶. Несколько поздно и не понимаю этой страсти обезьянничать, когда у нас все свое и своим умом надо жить.

Но как я пишу? разберете ли вы меня, не знаю, но поймете всегда смысл чувств моих к вам и ко всем всегда неизменных. Простите и до свидания. Крепко жму руку Алек[сandre] Сер[геевнe] и Ник[олаю] Романовичу. Ваня и Федя, обнимаю вас.

А. Поджио.

35. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск, январь 1858 г.]¹

Получил я два ваших письма, одно от 14-го, другое

^{*} Так в подлиннике.

через Лазаревича², и оба свидетельствуют об общем здравии, благополучии и пр. Слава богу! Признаюсь вам, добрейший друг наш Сергей Петрович, что я крайне беспокоился, допуская возможность переселения вашего. Итак, вы остаетесь, и несказанно порадовались этой вести. Приезд Лазаревича познакомил нас еще более с вашей жизнью, с вашим бытом, и спасибо ему за сообщение таких подробностей, которые ускользают в переписке. Лазаревича я принял как близкого — он человек если и не бойкого ума, но положительный и очень рассудительный. Помирился с своей ссылкой и завтра уезжает. Письмо Николай Романовича передам сам генералу и просить буду о переводе [Лазаревича] на Амур. Козакевич чудный человек, обворожил всех умом, приветливостью и постоянством в сношениях. В самой вещи неуспынно деятелен и успевает во всех довольно сложных предприятиях. Бестужев зимует у него — за безводием он достиг Николаевского 16-го и должен был остаться до весны³. Я пишу к Завалишину об Лазаревиче и Сахольском⁴. Последний не создан быть чиновником — у него нет того терпения, которое нужно для образования этого животного; взамен этого недостатка у него есть другое и, по-моему, весьма важное: несомненное призвание к живописи, а еще более к жизни легкой, беспечной баловня-художника. Кисть его жива и исполнена поэзии, карандаш боек, разнообразен, и истинно жаль, что не осуществилась мысль первоначальная покойницы!

Вчера я получил письмо от Н[иколая] Д[митриевича] с извещением о вероятном отъезде за границу, куды едут и Давыдовы — не сидится им!⁵ Я слышал, что воздух в Париже так душен, что даже наши русские его не выносят!⁶ Зато как он легок в России! Царю нашему все благословения — многое предрекают, и везде он и он — и один! С освобождением уж несомненным, как говорят, крестьян я пойму амнистию и применю ее к себе. Dixi*. Отчет я вам послал об Элихте — смету же вышлю в конце месяца, не позволяя себе составлять ее наобум до получения окончательной разведки. К 20-му числу воротится Ведерников и узнаю, на чем остановиться. Везде неудачи, я было хотел их приписать в самом деле какому-то особенному несчастью, но нахожу естественнее приписать их

* Я сказал (лат.).

своей глупости. Однако же не судите прежде времени. 800 р. уплачены Пестереву⁷; Персин сказал ему, что он в Иркутске не для того, чтобы платить долги С[ергея] П[етровича]! Пускает ложь и кривь направо, налево. Дом застрахован, Кяхта уплачена!⁸ Деньги, означенные вами для поисков, аки прах разметаны. У нас все по-старому — за исключением женитьбоделия. Буссе на Матвиевской, Болтин на Геблер, Петров-моряк на Костюриной. Директриса вне себя от этого рода пропаганды; Таскин на Чевкиной, Щеголев-богач на Мошковой — вся и всех снабжает Институт!⁹ Полиция бодрствует. Р[ейнгарт], читая похождения московского квартального и воспламененный полицейскими подвигами¹⁰, вдруг послушал шум в передней, вскакивает, подбегает и видит шатко пробирающуюся женщину между рук задерживающего человека; броситься на нее, сбить двумя пощечинами с ног, дать ей несколько пинков в бок, закрыть в яму ее, не спрося, кто и что, это было исполнено в миг один. На другой день утром извозчик приезжает к Пфафиусу и говорит ему, что барыня, которую вечером привозили к нему, а потом к полицмейстеру, взята в полицию. Пфафиус, избегая столкновения с Р[ейнгартом], — к Дувингу; Дувинг к К[арлу] К[арловичу]; К[арл] К[арлович] с женщиной, явившейся с синяками и с воспаленными грудьми: «Сударыня, это надо забыть, это недоразумение и пр.» Но кто же эта женщина? Жена чиновника Лотоцкого, приехавшего из Варшавы на службу¹¹; назначенный в Читу, он оставил ее здесь до морестава с 2-летним и грудным ребятишками (она же и беременна!), и когда пьяный казак, хозяин дома, грубо стал ее выгонять с квартиры, заусловленной на три месяца, она в испуге поехала к Пфафиусу и, не найдя дома, отправилась искать защиты у полиц[мейстера], который, видя ее шаткою (у нее была вывихнута нога), и взялся тузить. Такое насилие полиции и послабление свыше заставило Дувинга взяться за дело, и она подает про[шение] на высочайшее имя.

Надо знать, что муж ездил к нему и просил Р[ейнгарта] оказывать ей свое покровительство, а он ее избил и продержал 12 ч[асов] в яме!

Вот вам одно из многих диких происшествий, одинаково и глупых, и самоуправных.

Простите и до свидания. Обнимаю всех дорогих ваших и наших.

А. Поджио.

[Иркутск, январь 1858 г.]¹

Почтенный Дмитрий Иринархич!

Письмо мое, писанное к вам в начале октября, осталось без ответа — потому ли, что не сочли его нужным, или потому, что не получили моего письма, не знаю... Не знаю, успею ли я в своем намерении, но я писал о нуждах некоторых из наших и поставил на вид Маленькой артели и ваши обстоятельства.

Трудно вам, с вашим семейством, и при средствах ваших, бороться с читинскою дороговизною. Но если вы не решаетесь на Россию, то я удивляюсь, почему бы не продать выгодно дом и не переселиться в Удинск, где все так дешево и столько к жизни удобств!

Представляю вам молодого человека с отменными качествами. Наставьте его в вашей пустыне, очень обяжете меня. Он вам сообщит много нового — Россия юнеет и подается под жезлом венчанного двигателя. Н[иколай] Н[иколаевич] пишет: освобождение кр[естьян] не подлежит уже сомнению — чины уничтожатся в 1-му генварю. Армии убавлено до 40000, и наш Александр 2-й первый выказался уже не солдатом, а гражданином².

Дай бог ему достаточно воли, чтоб побороть, подавить восстающую оппозицию! Предрекают много коренных преобразований.

Передайте мое приветствие Филанцете Осиповне и Алексею Николаевичу³. Каково он столоничает?

Простите и дайте весточку о себе.

Преданный вам от души А. Поджио.

Отослали ли вы книгу Горбачевскому?

37. Н. А. НЕУСТРОЕВОЙ¹[Элихта,] 20 июня [1858 г.]²

Вы так искусно оправдываетесь в своей лени, слагая вину на мою поспешность, высылаете почтаря, что я прощаю вас, милая виновница Надежда Александровна! Прощаю, но с тем, чтобы впредь не прибегать к оправданию, но потешьте отшельника своими строчками. Как я радуюсь, что вы здоровы и потолстели: дал бы бог вам,

пышечке невесте, пышечку жениха (не в упрек будь сказано шишечке Л[ьвову])³.

Все письмо как будто писано к нему, а не ко мне: так глазки его и высматривают из-за кончика вашего пера! Благодарю вас, добрая моя, за упреки, что мало говорил о Варе; та же болтушка и боюсь, чтобы она вас не заболтала в Иркутске — будете ли вы по-прежнему так снисходительны и терпеливы!.. Скажите Данишке, «что я приеду в Иркутск не играть, а учиться». Привезли книги, и сейчас за них принялась, а когда я ее упрекнул, что она непостоянна, тут же и бросила их: «Как быть, папа, я только что начну читать, а они и подтачивают меня в локти». Бедная она — одна теперь; няня расхворалась, а с нами ей скучно, хотя все объясняется в любви. Когда-то мы выедем — неудачи наводят уныние, подчас непреодолимое!

Приехали бы к нам погоревать вместе; но Иркутск, но и проч., и проч. Благодарю вас очень за сахар, купите мне 2 [фунта] турецкого крепкого табаку в 1 [рубль] и полфунта жуковск[ого]. В большом ящике есть сигары — уложите 50 как можно потуже в ящик и пришлите мне — покуривши каждую, буду вспоминать ваше одолжение. От скуки судорожной все выкурил, что было. Пожалейте ищущих счастья! Расцелуйте Денежку милую — как мне ее жаль! Я с Я. Ф.⁴ пришлю полный курс лечения.

Итак, до свидания, милая Н[адежда] А[лександровна]. Господь да хранит вас — жму вам крепко ручку и остаюсь всегда ваш полотин⁵

А. Поджио.

38. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Элихта,] 23 июля [1858 г.]¹

Неожиданно получил я, добрейший друг наш Сергей Петрович, письмо ваше не из Вены или Неаполя, а из старого еще Киева! Я предполагал вас у берегов Вислы, Дуная и всех рек Европы и очень рад, что вы еще в нашей полосе!² Подробные известия о всех ваших меня крайне обрадовали; как-то странно не только не жить вместе, но даже и не сообщаться! Как мы все рассеялись! И соберемся ли когда опять в едино? Хотя я мысленно и душевно теперь порываюсь на Русь, но, право, не знаю, как все это решится. Относительно дела, вы меня забро-

сали вопросами, а еще более опасениями, чтоб я не гонялся не только за двумя, но и за многими зайцами. Цель моя была, за исключением Элихты, напротив, найти одного русака, увязаться за ним одним и бросить все прочее. Вот чем объясняются мои поиски по всем системам, и один Итыпкон показался для меня важным — но и тут я воздержался от дела, а пустил Белоголового разведывать 2 смежные с нами площади; и если бы разведка его оказалась благонадежна, в таком разе только я и пушусь в то же дело. О сю пору ничего не слыхать, а потому напрасно вы испугались предстоящих требований капитала. Я думаю, судьба вас и меня от этого избавит. *Кургу* бросаю, не хочу затевать ничтожного дела. Безымянка с золотом, но разведка площади смежной Рукавишникову оказалась невозможною по неодолимому притоку воды. Элихта изменила! Мою 16-й фунт после двух разведок, обещавших пуд по 1-е июля!!!

Это страшно глупо! Я должен был броситься на противополож[ный] берег и хочу его надвое разрезать! Не с горы ли золото, ударил шурф в горе — нашли его и что же, вода и какая!! Начал новые пески и что за золотины крупные, но еще редкие — золото недалеко, оно где-то тут, убежден и, может быть, оставляю Элихту с этим убеждением. Что могу я сделать на такой глубине и с таким отрядом. Все мои неудачи при таких трудах меня охладили к делу — увидим...

Золото нам не в руку, и господь того не хочет!

В 1-х числах августа по разрешении вопроса выедем в Иркутск, и бить в ладоши тому, который умел без выстрела завоевать Восток!³

Жена и Варя процвитают. Качалка готова.

Очень, очень тревожит меня положение А[лександр] Сер[геевны]; милый друг наш! Почему она так хворает и как эти беременности неуместны!.. Простите, добрый друг, много мне писания, живу, так сказать, на машине и с рабочими! До свидания, обнимаю всех вас, дорогих. Из Иркутска буду писать подробно.

А. Поджио.

[Иркутск.] 5 сентября [1858 г.]¹

28 числа августа мы возвратились в Иркутск, и здесь мы узнали о поездке вашей в Варшаву, добрейший друг Сергей Петрович! Куды направите свой путь и долго ли будете странствовать, все это загадочным осталось для нас. Одна горькая истина просвечивает — это болезненное состояние дорогой Александры Сергеевны! Ужели это так, и не стало у вас ни солнца, ни вод, ни всех тех условий, необходимых для ее выздоровления? Она еще молода, и поэтому все впереди еще, но нужно решиться на что-нибудь и вот затруднение. Дай бог, чтобы счастливое разрешение устранило все бывшие препятствия к выезду за границу!

Мы, слава [богу], после 5 1/2 месяцев на прииске выехали здоровыми, но в конец расстроенными делами. Все усилия поправить ошибочную разведку были тщетны — поздно было взяться за новую, и я должен был отступить и вывезти только 23 ф[унта] золота! Я ударился было к горе: вода, и я остановился на шурфе, который был не со знаками, а с золотом. Дело Елихты остановилось на том непоколебимом убеждении, что золото вверх и в горе. Но убеждение это должно быть подкреплено разведкой в большем размере, т. е. канавой вверх, и продлить ее разрезом вниз сажен на 80!.. Тогда только она обозначится, и можно будет, подойдя к Ельхану и к горе, узнать определеннее. На это нужны средства, которых я не имею! Конечно, лучше бы было это и сделать, чем мыть такие бедные содержанием пески! Но можно ли было допустить такой ошибочный вывод от человека и опытного, и добросовестного! Он хотел мести, и надежда напасть на золото, как это было в предшествовавших годах, его завлекла, и он себя и нас погубил!²

Это те же неудачи, преследующие меня, как и многих прочих, — но тем все легче. Не знаю, что сделаю с Елихтой, — но с другими площадями предстоит одно: отдать их всех в аренду.

У вас денег нет, у других тоже, следственно, и делу конец!³ Все это относится к финансовой части, в которой я занят на треть всего моего маленького состояния, остав-

* Далее по-французски.

ляю вам зондировать моральную сторону дела; зондируйте лучше вы, поскольку вы меня знаете, и поймите все, что я испытываю и испытал при мысли, что сделал столько промахов и столько потерь. Это заставляет меня считать мое состояние более связанным обстоятельствами, чем ранее; далекий от того, чтобы поднять якорь, я, чтобы исправить зло, бросаю его еще глубже здесь, в Сибири!.. Я скоро с вами поделюсь своими планами. Отказаться от мысли повидать вас когда-нибудь огорчает меня более всего. До сих пор не вижу и не предвижу выхода! Горько, нечего поделаться!* Надо испытать ссылаку во всех ее обличьях. Сибирское общество растет и развивается в гигантских пропорциях. Договор Н[иколая] Н[иколаевича] наложил последнюю печать на <...>***. Мы в прежних, если не в еще более близких отношениях, и он вам предан, как всегда. Его творческое вдохновение дает жизнь всему, и есть в нем действительно великое и жизненное. Он остается у нас еще на год, как бы ни был недоволен осторожностью столицы!***⁵

Впрочем, кажется, у вас все каким-то обьято холодом общественным! Какое лучшее доказательство, как медленность, с которою разрешается вопрос освобождения крестьян!.. *Comme on se plait à prolonger cette agonie du droit seigneurial* ****.

Вчера я ездил благодарить и вместе поздравлять Шевелева⁶, который освободил 3 души дворовых! Относительно числа, как это ничтожно, но как это важно для этих троих!

У нас празднества, пиры, спичи, одним словом, тот неуловимый шум и тот продолжительный восторг, выражающий великое и полезное!⁷

Вам все так знакомо и близко, что легко вам перенестись в наш сибирский мир и живо себе представить, какою мы все живем здесь жизнью. Занят я отчетами и многим другим, итак, на этот раз простите — обнимаю вас всех, дорогих.

А. Поджио.

* Фраза по-русски.

** Одно слово неразб.

*** Конец франц. текста.

**** С каким удовольствием удлиняют агонию крепостного права (франц.).

Иркутск, 27 [сентября 1858 г.]¹

Судите меня, любезнейший друг Евгений Иванович; судите меня, непостоянного: вместо запада я избрал что же — восток, восток, еще более меня удаляющий от вас и других дорогих! Прирос я, батюшка, к сибирской вольной, обильной почве, и вряд ли мне и сорваться! Стар и неподвижен делаюсь телом, а надо год побиться еще здесь! Погряз, любезный, в вещественности! Но как быть — дело не собственно мое, и надо же дать ему исход. У нас сверх своих дел дела еще с к[омпани]ей Белоголового и Бернардаки — все это надо привести в ясность! Жить же сложа руки в вашей толчее неохота, как говорят сибиряки! Слушать вас могу и отсюда, и чуть ли вдали не более и надеяться можно. Ваша же действительность отвратительна, оттого я обращаюсь на восток! Скажите, мощный поборник права², правда ли, что государь разгромил дворян в Нижнем? Сейчас мне это сообщили, и сейчас же поеду узнавать это от приехавших. Все олимпийские ему Перуны в руки, и ужели вас, вас, москвитян, пощадит?³ Увидим, услышим, но во всяком случае не советую * Бежать, бежать от этой родины святой... Но где кум Вичеслав? Как каждая весть о нем нас раздражала! Помогли ли ему грязи, солище и пр. Скажите нам словечко, ленивый друг. Как мне благодарить за все попечения ваши о вдовиче и сиротах ее!⁴

И я не в состоянии еще обеспечить их <...>^{**} философ, допускать при некоторых условиях! Скажите Пушкину, что буду ему писать, а я обещал себе его и вас обнять. Не всегда верьте всегда верному вам в чувствах дружбы и особенного уважения А. Поджио.

Еще Иркутск.

41. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск,] 2 октября [1858 г.]¹

Добрейший Сергей Петрович! Официальному корреспонденту нашему мы обязаны известиями о перемещении Николая Романовича; частному же Ф. Куч[евскому] — о

* Пропуск в тексте.

** Одно слово неразб.

выезде предстоящем вашем в Одессу². Но каким образом и почему последовали эти назначения, все об этом умалчивают, и, наконец, и вы не дарите нас весточкой о себе! Что значит такое молчание и какие последуют изменения в судьбе вашей? Боюсь, чтобы, не говоря уже о расстройстве, чтобы учение Вани не пострадало от потери времени! Дай бог, чтобы одесское солнце, живительный и отчасти сырой воздух подействовали благотворно на здоровье дорогой нашей Александры Сергеевны. Скажите же словечко!

Я думаю, вы получили известие о постигшем всех нас несчастии. Яков Дмитрич был поражен ударом — левая сторона разбита, и хотя есть известие о лучшем, но вряд ли ему быть! Он начинал приходить в себя, и доктора отвечают за жизнь, опасаясь, однако ж, возобновления, против чего и требуют страшного изменения условий жизни!.. Помогите ему бог!

Теперь о деле. Сегодня выезжаю, куды же? — подивитесь, в Верхнеудинск, на поприще новое, обильное! Элихта изменила: отчет, который вам вышлю за получением денег из Барнаула, покажет вам, в какой степени дела³. Вы отказались от взносов; Н[иколай] Д[митриевич] не может, племянник не порывается, следственно, делу конец. Остается выгадывать возможное! На этом основании я предложил Елихту и в ноябре получу ответ. Золото есть, я убежден, но разведка требует жертв; я отказываюсь. Отдам за попуднюю плату и в случае постановки работ плачу за все матерьялы, постройки и пр.⁴ Так я поступаю и с прочими площадями. Зайца не поймал, что делать, а хочу ловить его. Таким образом, дела приисков прекращаются; если же будут до марта месяца взносы, то в таком размере будут и паи поисков. В противном случае заявленные площади на имя Ал[ександра] Ос[иповича] будут принадлежать ему одному, т. е. по праву одного свидетельства. Я принял на себя управление дел к[омпани]и Белоголового и Бернардаки, разумеется, предоставив себе и прежние права, если только окажутся средства. Предоставляю вам принять участие или нет. Конечно, после неудач (хотя я и не согласен на это) я не имею и духа вызывать вас; и, признаюсь, без запасных капиталов нечего и затягиваться. Хотите образчик случайности! Жмаев⁵ идет с партией по течению одной реки — находит между впадающими в нее речками и в сторону шурфован-

ную одну, еще не тронутую; ударил, и что же: после разведки 2 зол[отника] под 1¹/₂ арш[инами] турфу!!! Ай да Жмаев! вот человек, недаром он открыл Северную прежде систему! Другое: наш доверенный занял 3 площади с посредственным золотом — ударился вверх, а устье бросил, а в нем и против него богатейшее золото в пользу Соловьева!! Хочу еще год посвятить на дело — по долгу не могу бросить начатое наше, а по разуму не предпринять другого.

Край наш оживлен новыми отраслями промышленными, все и вся начало облекаться в формы действительные. Мы с Н[иколаем] Н[иколаевичем] очень, очень близки. Спасибо ему — он призван к большему, как уже ни велик! Пишу вам 2-го октября, и ничего нет официального об нем!!!. Обнимаю вас, добрый мой, из Удинска буду писать и писать.

Всем искренние приветствия дружбы.

А. Поджио.

Сейчас приехал Мартынов курьером за 32 дня!! Ник[олай] Н[иколаевич] графом Амурским⁶. (Последнее его тешит, первое бьет.) Начнется лик.

42. З. С. и Н. Д. СВЕРБЕЕВЫМ*

Верхнеудинск, 6 ноября [1858 г.]⁴

Какую избрать дикую местность, чтоб писать вам, любезные друзья Николай Дмитрич и Зенаида Сергеевна, писать туды, в Vevay! Какое расстояние для мысли — ровно так же, как между нашей голубицей и тем виноградом, которым вы не упиваетесь, а объедаетесь! Да будет же он вам во здравие ваше!

Мы в Удинске! Я думаю, это вас столько же удивит, как и нас самих! Вот куда забросили дела и как Елихта нам изменила. Разведка не оправдалась, и вместо ожидаемых пудов получили 23 ф[унта]. За неимением капиталов я решился отдать ее К^о Бернардаки; сам же принял управление их делами, думаю что-нибудь заметить и сам! Отступить или останавливаться в золотом деле не ошибка, а глупость, искать надо донельзя!

Благодарю вас, добрых, что не забываете отшельников

* Помета Н. Д. Свербеева: «26/14 генваря. Неаполь».

среди всех ваших странствований, и благодарю, что поспешили поделиться с нами радостью об новорожденном²; вдвойне порадовался, что мать сама и кормит! Здравия и жизни вам всем.

Ах вы ненасытные! Мало вам Vevay, нужны вам еще Италия, еще Неаполь!³ Так, но не следуйте пословице: veder Napoli e poi morì*. Поживите после и возвращайтесь на Русь, хотя вы так к ней, по-видимому, охладели! Не узнаю вас при теперешнем расположении вашего ума! Почему такое отчуждение, такое равнодушие? Вот до чего доводят путешествия! Понимаю, что можно возненавидеть наши болота, наши снега, вьюги, но нас-то за что? И служба не служба, и быт-то не хорош, и все русское как будто уже стало и не русское и хотите размашистым шагом переваляться куды же, к нам в Сибирь! Избави вас бог с семейством пускаться в эту пропасть! И чем она вам теперь покажется, несмотря на вещественные выгоды, которые, быть может, она и представляет. И ужели последние вам так необходимы, чтобы жертвовать всем остальным? Как себя, детей подвергать суровости этого климата после того солнца, под которым вы оживали. Нет, бога ради, не говорите мне о возвращении вашем; живите мысленно; пускайтесь через все наши снега, спускайтесь по любимому Амуру, восхищайтесь возникшими городами, селами, любуйтесь превращением этих диких полей в богатые нивы, удивляйтесь Николаевску, раскинувшему неоглядно свои великолепные здания, подивитесь делам дивным Амурского, и довольно с вас; оставайтесь у себя, куды долг и начала ваши вас зовут; там есть другая служба, служба, требующая не молчного, косвенного, а громкого прямого сочувствия; служба, требующая борьбы, усилия, несмотря на свое бессилие; служба, требующая, вызывающая людей, так созданных, направленных, как вы! Вот как я понимаю назначение и другого не допускаю и другого мерила не умею дать чувствам моим к вам...

Амурский все тот же к нам и по-прежнему расположен к вам; всегда с участием говорит об вас и слушает статьи ваших писем. Теперь до генваря с ним не увидимся, что последует с нами, сообщим.

Много пошло преобразований — будет Амурская область: Благовещенск (бывшая Усть-Зeya) будет областным

* Увидеть Неаполь и умереть (и т. л.).

городом. Николай Николаевич не поедет на Амур; Козакевич на колокольцах выедет из Николаевска — и будет сюда в январе! ⁴ Везде станки, везде лошади, везде люди! Вот как край оживляется! Диво в самой вещи!

Вот уж месяц, как мы выехали из Иркутска; Байкал нас разъединил с этими сибирскими Афинами! Сколько в нем новых лиц и каких!

Давно не получал я писем от Сергея Петровича. Они подались к югу! К лучшему ли?!

Пишу вам на авось, хотелось поговорить хотя бы все с вами. Простите на этот раз, добрые туристы-друзья. Наслаждайтесь всем, удивляйтесь, но, увы, только бывшему. Жму вам крепко руки и благословляю малютку.

Весь ваш А. Поджино.

43. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Верхнеудинск, после 2 октября 1858 г.
— до середины января 1859 г.]¹

Вы на юг, добрый Сергей Петрович, а мы на восток, и вот мы в Удинске, куды и плыли, и ехали благополучно. Много здесь воспоминаний, много того неизгладимого прошедшего, в котором покойница занимает такое жившее в памяти многих место². Здесь я нашел совсем свежую еще память о ней; в особенности в сердце Рапи Ляховской и крестницы ее Катеньки!..³ Все меня это оживляло и вместе расстраивало, переносясь в былое и обращаясь к настоящему. Иное время, иное значение, иное все!

Тогда и теперь, какая бездна между этими двумя словами. Теперь я погряз в житейских суетах — одно вещественное точит жизнь, уже и так истощенную! Старею, я очень стар; силы ослабевают, а за ними и умишки! Но ретивое все по-прежнему и бьется, и дурит подчас! Все ваше меня и бесит, и волнует; здесь я менее услышу и лучше займусь чисто делом, но, увы, чужим, а не нашим.

Я вам описывал потерпенное на Элихте поражение, недостаток уже средств и решимость мою отдать ее [компании] Бернардаки. Беда без запасных денег идти в это дело; беда рискнуть раз, два, а не три, четыре... Возьмем в пр[имер] Пермыкина! Сколько он бился, сколько вынес и, наконец, добился — открытие в 7 зол[отников] вознаграждает беднягу за все⁴. Вот к чему ведет упорство, постоян-

ство в этом деле. Возьмите нас, сколько неудач, конечно! Но живет ли дело без них, а в особенности золотое! Впрочем, мы как-то под особенными условиями. Для лучшего объяснения приложу карточки и сообразите дело сами. Один болван, получавший 1000 р. жал[ованья], приходит на Унокит; получает хорошие знаки и занимает на Бернардаки; переходит и в 200 саженьях встретил параллельно другую речку Чининду и принимает на имя Белог[олового]; оставляет устья обеих речек и площадь, перед ними лежащую, Усою, как неблагонадежную, и занимает ключ Досадной на наше имя. Две площади неполные за нами, и он даже кайлой не ударил по Усою!.. в 200 саженьях от его починных двух столбов! С этой, в 1 золотник, находкой, оставляет местность и отправляется в Удинск с заявками. Месяц спустя приходит партия Соловьева и занимает оставленную по Усою площадь и что же — 5 золотников под 10 четвертями торфа! Я предложил своим взнос по 600 на высылку партии. Не советую, а предлагаю. Если заблагорассудите выслать к 1-му марта эти деньги, то будете иметь 4-й пай. С этим и кончатся действия к[омпани], о которой вскоре получите отчет.

На днях выслал усиленную партию на счет к[омпани]и Бернардаки. У Кондинского открытие в 17 зол[отников], вот за каким одним зайцем я гонялся и гоняюсь. На этот раз столько дела, что простите, дорогой С[ергей] П[етрович] и все нам милые. Каково-то поживаете на месте, прославленном моим рождением⁵.

Жена, Варя здоровы.

А. Поджио.

44. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Иркутск, после 18 января 1859 г.]¹

Наконец вы отозвались, добрейший дорогой друг наш Сергей Петрович, и, прослушав два раза вас, успокоился после встревожившего вашего долгого молчания! Вы, по-видимому, окончательно устроились и уселись в Гаджибее². Странно, а как-то никому не сидится. Почему так? — право, не знаю. Вот и мне не живется на месте — все странствую, скитаюсь, и того и гляди, что опять или на восток, или к вам, на запад. Приезд Анд[рея] Вас[ильевича] все решит на днях, а потому до того времени не стану

об этом и говорить. На днях возвратились мы из Удинска при 34°³. Предоставляю Ник[олаю] Дм[итриевичу] и всем восторженным догадываться, тепла или мороза!

Остановились под вашим кровом, где нашли бедную Наденьку, изнемогающую под фамильным, кажется, недугом! Опасности еще нет — вот что можно теперь сказать. Как радостна была весть ваша о дорогой нашей Ал[ександре] Сергеевне! Верить надо Пирогову⁴ — все вы, бог даст, и окрепнете, и оздоровеете. Пусть Н[иколай] Д[митриевич] и С[ергей] Г[ригорьевич] восхищаются Сибирью, я же еще не съездил в Ниццу, в Рим⁵ и потому не умею оценить здешний медвежий климат; избави вас бог и всех ваших от мерзлоты и брусники.

Сейчас был у меня Янчуковский и сообщил мне вести о наших; гов[орил], между прочим, что Пущин мрачен! было ли это случайно или запало в нем такое расположение духа, не знаю. Все прочее вам, конечно, известно. Сообщил я вам мнение Н[иколая] Н[иколаевича] об немце, тем более, что оно согласно с моим; но он не находит, как кажется, достаточной *вместимости* в России — до того едет в Японию для окончательных переговоров насчет Сахалина: там есть угольные копи и пр.⁶, после чего зимой отправится, вероятно, в Питер. Вот почему и нахожу несвоевременно серьезно говорить о Ник[олае] Дм[итриевиче]; они там увидятся и все устроят, если суждено обоим возвратиться. Н[иколай] Н[иколаевич] по-прежнему к нам ко всем расположен, и всегда вы в воспоминаниях наших. Добрые наши пишут мне, ленивцу, из-за грани, а я? — о, как я виноват! Зато наедине я думаю более об них, чем они мне пишут.

Ох, как часто переносюсь в былое на пепелище вашем и как вынужден отыскивать вас! Хотелось бы еще пови-даться в жизни, но не смею и мечтать об этом, так корот-ки не годы, а дни, так скудны и средства у искателя при-ключений.

У нас последовали баснословные награды; Буссе яна-рал и едет заправлять возникшею областью Амурской, коей Благовещенск главный город⁷. Станции, или, лучше, ста-ницы унижают весь Амур, и валдайский почтовый колокольчик раздается вдоль всего берега.

У нас американец теперь Корренс приехал с товарами, по большей части японские и китайские резьбы по кости

и дереву; есть и полотна <...>*, и пр.; но все не изящное, до привоза на будущий год товаров Амурской [компании]⁸. Сельский превосходительный, но, бедный, при смерти (diabetes)⁹. Персин est le médecin en voyage: il a traité Rikatcheff et le g[énéra]l l'en a remercié et m[ada]me est des bals¹⁰. Кат[ерина] Ник[олаевна] ne vient plus**. Яков Дмитрич отправился в Мариенбад — ему лучше и дали денег. Мы в Удинске виделись с Сокальским — тот же добрый благородный малый и, подивитесь, горячий и исполнительный чиновник.

Скажите Ал[ексandre] Ивановне, что она у меня так же постоянно в памяти, как и в сердце¹¹. Поздравляю со внучкой¹² — всем вашим самые дружеские мои приветствия. Князь Иван Сергеевич! Обнимаю тебя: смотри, как князья в ходу, я говорю только о степных¹³. Федя, en avant***.

45. С. П. ТРУБЕЦКОМУ****

[Иркутск,] 16 апреля [1859 г.]¹

Добрейший мой Сергей Петрович, вы должны были узнать из моего последнего письма о принятом мной решении распрощаться, наконец, с любезной Сибирью. Не слишком доверяя точности нашей почты и находя утешение и радость в обретенной надежде обнять вас еще, я с удовольствием возвращаюсь к этому моменту.

Мы отправляемся около 26-го, опережая обыкновенное время ссыльных, — ледоходы и половодье, конечно, будут препятствовать, но нужды нет, мы будем двигаться все вперед². Впрочем, я еще не кончил дел — ничто не было продано, и я жду Михалевиचा³, который должен приехать с минуты на минуту, чтобы окончить расчеты. Я отправлюсь в Нижний и там-то решу то ли в пользу Москвы, то ли Твери, чтобы добраться до Торопца.

Весьма прискорбное событие недавно погрузило наш город в испуг вследствие случая необыкновенного. Состоя-

* Одно слово неразб.

** Персин врач видный: он лечил Рыкачева, и г[енерал] его благодарил, и м[адам] танцует на балах. Кат[ерина] Ник[олаевна] более не приезжает.

*** Вперед (франц.).

**** Подлинник на франц. яз.

лась дуэль между получившим пощечину Беклемишевым и Неклюдовым, который был убит на месте⁴. И все это произошло на следующий день после отъезда Николая Николаевича, отправившегося в Кяхту с генералом Игнатьевым, направляющимся в Пекин⁵. Много толков, и история весьма нехороша для этого молодого человека, который, чрезмерной самонадеянностью разбудив обидчивость золотой молодежи, приехал умереть в Иркутск, побывав в Пекине.

К нам гости, пока прощайте.

Ваш А. Поджио.

46. Н. А. НЕУСТРОЕВОЙ

[Омск, май 1859 г.]¹

Мы отдыхаем в Омске, милый друг наш Наденька, куды мы добрались измученные и только что не изъеденные! Варя моя бедная — представьте, не узнать ее, вся опухла, вся в крови и плачет: «Мама, у меня не вытечет вся кровь?» Как бывает сыпь в скарлатине, так теперь и мы обсеяны ею. Обещают впереди лучшее, ой, так ли? Варя моя бесценная так все переносит терпеливо, все торопится в Торопец, но здесь все говорит: «Дайте отдохнуть»... Уморительна в своих замечаниях. Всех вас она помнит, но не говорит, и когда наводят разговор, то избегает его; это непонятно, и иногда слезки навертываются. Мы же часто, очень часто переносимся в Иркутск, к вам, в этот бескомарный уголок, и вздыхаем о потерянном рае: в самой вещи, он там, где нет этих проклятых и, конечно, где вы.

Каков старик, я распух, морщины слились в какую-то гладкую багровую круглую форму; горю пылко, догадайтесь, от чего, рука едва ходит, опиваюсь пивом и пр.

Жена так устала, что едва дышит, и целует вас и Денешку, и я туды же, милый, добрый друг. Пишу много и Наташе² также.

Весь ваш А. Поджио.

Знаменский замок, 4 июля 1859 г.

Вот уже седьмой день, как мы благополучно прибыли на место, и о сю пору не успел я, добрый Петр Александрович, дать вам о себе весточки. Много понабралось лет, а еще больше ощущений, которые должен был передавать доброму Саше; многое, многое должен был и выслушивать, посудите сами, было ли и есть ли и теперь время собрать и силы, и мысли, и взяться за перо!..

И как я еще молод при всей старости моей!

Меня крепко потрясло все, что я обрел и нашел в чувствах Саши и его семьи, так для меня ново, что не раз приходилось мне поверять эту действительность! И при всем этом все-таки сердце переносится в дорогу для меня Сибирь.

Переход не под лета, и при всей своей восприимчивости сердца долго, долго будут раздаваться во мне голоса Сибири! А между тем голосов этих нет, и более не слышу их, и вот уже 2 месяца как насчитал такого тягостного молчания. Пожалуйста, пишите, не отлучайте меня вдруг от родины! К тому же дела, оставленные мной, меня тревожат. Дайте мне отдохнуть, утомлен и телом, и душой, и на будущей неделе примусь за перо, как должно. Всем моим привет самый дружеский. Простите и, как говорю и по привычке, и по сердцу, до свидания.

Милый друг Надинька, еще и следы наши не простыли, а вы принялись уже и забывать! Что за молчание? Ни словечка! Пишите, как буду писать я! Жена вас обнимает, Варя с ума сошла от цветов, прогулок — от 7-ми детей, ее замучивших ласками! Многое на сердце и до будущей почты. Обнимаю вас и Денешку, и господь с вами.

48. С. П. ТРУБЕЦКОМУ*

[Знаменское, июль 1859 г.]¹

<...> ** там нет, я не знаю более, где ее искать! Скорее напишите мне подробности про вас всех — те, что я получил, весьма давние! Куда же вы поедете, какова ваша

* Подлинник на франц. яз.

** Начало письма отсутствует.

цель? Где Николай Романович?* Говорят, что он за границей. Я знаю столь же мало о Сер[гее] Гр[игорьевиче]. Из наших видел я только Анненкова и Матвея в Твери; у первого — 1750 крестьян, у второго — 450!² Старый лад. Что до бедного Пушкина, я более его не нашел... не встретилась мне и Наталья Дмитр[иевна]**, которая продолжает свои поездки. Мне надо с ней поговорить о судьбе племянников покойного — я хочу ей писать³.

Я оставался в Москве лишь два дня, сохраняя инкогнито. Якушкин*** уехал в должность в Ярославль***, и я смог увидеть лишь его достойную жену⁴. Слава богу, дети бедной моей свояченицы помещены хорошо; старший сын укрепил здоровье и будет хорош. Я обнаружил, что сестра Петрашевского*** и имярек живут в парке; я сел в вагон, не повидав ее⁵. Давыдов младший пришел ко мне, это была приятная встреча⁶. В Твери я застал Матвея устроившимся и очень довольным своей судьбой. Я сделал крюк, прежде чем приехать к моему племяннику, или, скорее, к моему сыну. Это впечатление с тех пор не слабеет, и я благодарю бога, что он сохранил меня, чтобы дать мне его испытать. У нас отдельное жилье из 6 комнат, помещик занимает большой и красивый каменный дом с паркетом и мебелью из Тура! Чудесно пребывание среди куп кустов и самых редких растений. Все было посажено Александром самим, и рука Вагнера действительно чувствуется⁷. Когда я удивлялся тому, что видел, мой племянник лишь повторял: «Порядок, порядок делает нас богатыми!» И действительно, он повсюду и во всем! Все в свой час, в свою минуту. Жизнь очень ограниченная и целиком подчиненная сельской экономике и воспитанию, вот что характеризует семью. И сколько успехов в одном и в другом! Помимо наук, в совершенстве изучены 4 языка; английский более всего в ходу, поэтому у всех есть произношение, ударения избегают даже в русском. Однажды я вам расскажу об этом настоящем семейном феномене. 1060 саженцев <...>**** и

* «Николай Романович» по-русски.

** «Наталья Дмитриевна» по-русски.

*** Слово по-русски.

**** Одно слово неразб.

более 600 вишен <...>* фруктов, и всем этим мой племянник обязан своим заботам!.. Но какой порядок и вне этого дома и этого сада! В каком состоянии находятся крестьяне! Это вызвало у меня <...>* и восхищение им, моим племянником.

Вы видите, что все соответствует моему пониманию; но что раздражительно для меня, для моих привычек — это, как вы знаете, рамки дня, все эти такие определенные часы для пробуждения, отхода ко сну, отдыха, туалета и проч. Обедают в 5 часов!! И я не хочу ни на йоту изменять этот чудесный распорядок! Варенька, маленькая моя, бережет здоровье, которое не благоволит признать этот монашеский устав, и продолжает свой образ жизни, свой дурной тон — она живет согласно своей натуре.

Я не замышляю ничего, впрочем, мне запрещено это делать, и, однако, я жду новостей с Чикоя, чтобы прийти к последнему решению в жизни. Полагаю, что я вам говорил, что передал все дела <...>* из расчета все за пуд, я говорил вам также, что отправил экспедицию на склон, противоположный прекрасной находке <...>* и который еще не был исследован. Я оцениваю сумму издержек в 1600 рублей, которые я рассчитываю представить с остатком оборудования с Элихты**. Ответьте же, не хотите ли вы участвовать на $\frac{1}{4}$ в этой сумме; за вами право продолжать дело или продать вашу долю, если бог пожелает благословить последнее усилие, которое я делаю и которое должен был сделать. Поспешите ответить мне. Я получил подробный отчет об экспедиции, начало которой меня радует: 9 человек, 5 лошадей с продовольствием и всем оборудованием под управлением опытного главы выступили в путь 24 апреля! Вперед!

Только что получил письмо от Якова Дмитриевича*** из Мариенбада; письмо, написанное его рукой; он полностью пришел в себя и ждет моего ответа, адресованного в Варшаву. Да поддержит бог этого достойного человека!

Сколько происшествий, чтобы не сказать событий! Наполеон, ставший жертвой Орсини, ныне освободитель Италии; абсолютист в Париже, прогрессист в Валадждо!

* Одно слово неразб.

** Слово по-русски.

*** «Якова Дмитриевича» по-русски.

И потом этот папа, и какой папа: президент итальянской конфедерации; он, который повелевает резать, грабить, жечь свой город и бросает анафемы направо и налево⁸. Сколько кровавых сил, а сделан ли хоть один шаг к политической истине? Еще одна остановка для бедного человечества. Что касается нас, мы идем наощупь, это правда, но было бы движение! У вас, должно быть, есть журналы комиссии Ростовцева — крестьянин и проч. спокоен, помещик уступчив, и вот два условия спасения⁹.

Прощайте пока, добрый мой, единственный Сергей Петрович <...>*, обнимите всех ваших, прощайте и <...>**.

49. Е. И. ЯКУШКИНУ

Знаменское, 10 июля [1859 г.]¹

Почтеннейший Евгений Иванович, скажите, почему судьба так часто к некоторым неумолима и почему так многое непояснимо? Давно ли вас было трое, давно ли вы все были вместе, давно ли я мечтал обнять вас всех троих, мечтал... и что же — все вы рассеялись и при каких горестных условиях! Был и еще человек, и того не застал: но вы, друг мой, каким образом вы ускользнули от моих объятий? Почему эти почести, эти повышения сложились так несвоевременно и заградили надолго возможность еще вас видеть. Не знаю, как судьба позволит мне еще порадоваться знакомством с***, и тут должен был пожалеть, что короткое время не позволило мне вполне насладиться беседой с этой чудной женщиной — сказал бы более — но боюсь оскорбить скромность мужа! Беседа наша касалась малому числу тех лиц, судьба или смерть которых связаны так тесно и с чувствами, и воспоминаниями нашими! Сколько утрат и в особенности последняя! Со смертью Пущина как будто рушилось последнее звено нас соединявшей некогда цепи! Принимая сами участие, вы более другого знали, какую заботливость оказывал покойник к неимущим в Сибири. Последует ли какое теперь изменение или нет? Там две дочери Кюхельбекера определены в Сиропитательный институт². Деньги 120 внесены, но

* Далее текст не сохранился. «Сергей Петрович» по-русски.

** Конец письма не сохранился.

*** Далее пропуск.

1-е генваря должно внести столько же для будущего года. Эти деньги выслать надо на имя Петра Александровича Горбунова в Иркутск. Получал пособие Ив[ан] Ив[анович] Горбачевский в Петровском железном заводе Забайкальской области. Все прочие не нуждаются, за исключением Дмитрия Эринархова Завалишина в Чите, которому не знаю, сочли ли нужным высылать; если он не обращался за пособием, то значит, и мог обойтись. Я виделся с сестрою Петрашевского и резко позволил себе выказать его нужды — она ссылалась на мать, которая не хотела даже и ее выделить³. При таком состоянии и оставить его — а состояние было *его!!!* Уведомьте меня в Торопце об этом и дайте слово о себе — как вы устроились, с вами ли Елена Густафовна, в таком случае прошу от нас крепко, нежно пожать ручку, с вами ли молодец-наследник, который так живо вас напомнил и который в уровень идет с Варей в началах первобытного воспитания!⁴ Почему бы нам с вами не назвать их Адамом и Евой-и, конечно, обошлись бы без Каина! Скажите наконец, как идет управление ваше и довольны ли вы вообще своим местом. С приобретениями опытности и наглядности очень бы желал знать вообще ваше мнение насчет и управления, и всего состояния этого устройства.

Не сумею вас, добрейший друг, благодарить за участие ваше в положении несчастной вдовицы. Благодаря богу и вашему содействию семейство оживает — 2-е из дочерей будут баллотировать в Александр[инский] институт, Егор принят в военное училище, а Николай принялся служить серьезно и успешно. Останется один мальчик на руках, и так жизнь польется легче⁵. Спасибо вам, добрый!

Но где Вичеслав? Каков куманек, ни словечка о себе, т. е. о здоровье, не только нам, но и вам. На днях пишу ему вызов. До свидания, говорю, повторяю себе эту радость, не зная, где и когда она сбудется. Живу не у племянника, а у сына в полном смысле.

Жму вам крепко руку. Жена приветствует родного. Господь с вами всеми.

А. Поджио.

[Знаменское,] 21 августа [1859 г.]¹*Про себя*

Милый друг мой Наденька!

Как часто, как постоянно порываюсь к вам мысленно и как редко переносюсь к вам в этой чернильной, холодной оболочке! Тоска — на говор мой мне нужна ваша улыбка; на мое ворчание хочу видеть, как вы хмурите бровки! И нет как нет всего бывшего, прошедшего и, может быть, невозвратимого! Поймите, я в преслаутой родине, в родной семье, живу в палатах, в изобилии, в роскоши, а все не дома, все не у себя, не там, в моей Сибири, где было, есть и будет мое все! Туды, к вам несутся все мои помыслы, несется и не одна душа, но и тело — как будто легче будет там спуститься в сырую землю! Не говорите никому об этой моей слабости, пишу для вас одних! Милый друг мой Наденька, как отвечать на письма ваши? Сколько в них ума и чувства женского чудного сердца — мне так хотелось и хочется обнять вас, родную, близкую! Говоря о мне, и моих, и о наших, сколько тут увлечения — пусть так, пусть оно и преувеличено, но это искренно, и такое верование свято! Я несколько возгордился, а утешился много, если только можно издали утешаться! Поскорбел и за себя, и за вас, друг мой, обнимая ваше уединение — знаю, сколько вы утратили, потеряв нас, потому что знаю, сколько мы вас любили — жена не прочитывает вас без слез, и скажу вам, что сердцем живет у вас! Не может забыть своего царства! Я ни на что не решился еще... все еще в тумане, и все чего-то ожидаем; как будто окликнется степь своим кликом и мы стремглав полетим на ее зов! Племянник слышать не хочет о выезде, а я не раз уже говорил о нем. Что будет, как будет и не хочу и думать иначе, как думается... Что же вы поделяете, моя затворница? Кого вы видите? Скажите М[ихаилу] В[асильевичу]², что, не выдавши никого буквально, я виделся с сестрицей; нашел в ней соболезнающую сестру о брате и только; нашел чувства горячие, если хотите, но все же ко брату, и никакого сочувствия к человеку: я позволял себе говорить, как всегда, жестко, несмотря на радужный прием! Между прочим, очень жаловалась на мать, которая все прибрала в руки и ей вовсе отказала в надеде!

Как бы то ни было, а жаль мне, что он поставил себя в такое положение, что напомнили ему его бессилие! Как я его просил не издерживать ума на дела ничтожные. Жму ему крепко руку! Что-то поделявает наш добрый разжигатель <...>* и бедных ваших сердец? Как мне приятно было слышать отзывы о нем и об честнейшем его отце! Бездетный дядя только и думает, как передать после смерти своей 800 душ племяннику А. Н.; но полученный им чин упростит задачу³. Не буду с вами говорить о дуэли — так мне эти люди противны, что и вспоминать мне тошно.

Что вам сказать о себе — живем припеваючи, однообразно, уединенно! Варя моя стеснена мерами порядка, т. е. слепого повиновения, служившего основанием не семейства, а учебного заведения, в котором мы находимся. Отец и мать выражаются как начальники заведения, и, убегая ласок, нежностей и пр., все направлено на одно: учиться, заучиваться во что бы ни стало. Успехи разительны в уме, но тенью отзывается у детей! Моя Варя не может никак идти в уровень с этими противоестественными истязаниями и своими всегдашними выходками оживляет эту тишину! Мы все по-прежнему ее ведем, и она все та же добрая девочка шалунья. Зато ни лжи, ни обмана, ни хитрости и без нас не коснется ни одного плода! А сколько этих и сколько вас при них я вспоминаю, и как бы хотелось с вами поделиться! Здесь бездна цветов, и готовлюсь собирать семена для вас! Неразлучны вы, дитя мое, с нами! Сергей Петрович в Москве — едут ли Свербеевы, не знаю, ожидаю со дня на день ответа — станем выжидать и ожидать также с часу на час Якова Дмитриевича — он поправился здоровьем, назначил свидание в Великих Луках, но мы вызвали его сюды. Время уходит, и, вероятно, не кончить мне письмо к Петру Алек[сандровичу], оно длинно, и до будущей почты, буду писать и Пфафиусам. Жена по обыкновению откладывала — ушла в церковь, а гонец не ждет. Варя со мной и велит бог знает что передавать. Простите, друг мой — будьте здоровы и памятны. Не забывайте изгнанников, вас любящих много и очень, и слишком.

А. Поджио.

* Одно слово не поддается прочтению из-за дефекта листа.

51. Н. А. НЕУСТРОЕВОЙ

[Знаменское, 18 сентября 1859 г.]¹

Сейчас решили было ехать, и я должен был писать к старичкам и вызывать их в Питер². Заутра еду с плем[яником] в дормезе шестериком!! в Псков, а 26-го в Питер, где, смотря по обстоятельствам, пробуду несколько часов или несколько суток. Цель поездки, между прочим, съездить к Як[ову] Дмитр[иевичу] за 60 верст от Петербурга. Здоровье его очень слабо. Расстаюсь дней на 12, и жаль мне крепко, моя Варя в отчаянии и все укладывается! Я в столице! Странно! Вчера мы пили втроем за ваше дорогое здоровье, и жена чихнула, сказавши: «дай бог свидеться!» Пожелал и я этого.

Как мне жаль, что не могу дать воли перу — простите, буду вам писать из Пскова. Благословляйте мысленно, говорю вам, как говорят у нас в Сибири.

Благодарю вас, что вспомнили изгнанника, благодарю и вас, Петр Алексан[дрович]! Что-то вы помалчиваете с тех пор! Что делает Кигин? Бестия Шарапов, погубил, окаянный!³ Золото упустил и остальное съел! Чем вы уплатили Н[иколаю] Н[иколаевичу] и сколько, пожалуйста, спросите просто Ал[ександра] Пет[ровича]⁴, сколько не заплачено куды? выслать или ожидать его приезда. Если будет курьер в Петерб[ург], то буду лично ему писать, а вам, друзьям, подавно. До свидания.

А. Поджио.

52. Н. А. НЕУСТРОЕВОЙ

[Знаменское,] 18 октября [1859 г.]¹

Милая и дорогая Наденька!

Вы слышали, что я отъезжал в Финляндию, и, кажется, я же обещал вам и писать с дороги, но увы, до вас ли, моя милая, мне было! Старая головушка моя растерялась! Куды броситься, на ком остановиться! Посмотрите, откуда берутся, кто же? — все эти женщины? Господи, сколько их! Отчего они так приумножились, такая пропасть их? Везде, повсюду они и только — они вас вытеснят и в лавке, и на улице, не подпустят к <...>*, свалят в ка-

* Одно слово неразб.

наву во время леменации², вы бросаете столицу, спасаетесь в вагон, спасения нет — они тут: скачут устраивать дела мужей и свои; переходите на пароход, — боже мой! Каюта полна — и вы выходите на палубу, чтобы не задеть проклятый кринолин — бросаетесь в дилижанс, и тут-то сущая беда: не угодно будет самому сухопарому денди, напр[имер] Мише Вол[конскому] (боже мой, как он худ), ухитриться на 3-номерном пространстве, чтобы не сидеть бочком в течение 9-ти смертельных часов, от Новагорода до Руссы, и слышать, как, конечно, алые хорошенькие губки все твердят: «Не беспокою ли вас... Как покойно, какой простор, ах, дилижанс!..» И как я соскочил, и как я бежал от этого дилижанса, от этих светло-голубых глаз, подернутых легкой тенью темных густых ресниц, и как я бросился в перекладную, где приволье, простор позволяли кочкам бревенчатой мостовой перебрасывать с боку на бок мои сжатые кринолином кости и привели, как вы видите, и кровь, и члены мои в движение, так что, приехав домой, мог уже перелистывать ваше доброе письмо, а теперь уже и писать!

Поздравления, уверения и пр., не люблю я ваших фунз*, взгляните на меня, пожмите мне хоть раз руку, милая Наденька, и я вам отдам и письма ваши, и все клятвы ваши любви! Делать нечего, надо, видно, еще перебрасываться словами и сказать вам кое-что о многом. В Питере был Як[ов] Дм[итриевич], слаб, угрюм и постоянно под влиянием удара. Как он мне обрадовался! Миша худ, но хочет служить — жена английской школы, весьма умная, но красивая женщина!³ К старичкам, выехавшим навстречу, поскакал и я! Постарели: Григорьевич страждал подагрой и слаб очень на распухших ногах; хочет ехать опять в Vichy, Петрович погнулся, потерял зубы, нажил много морщин, и все та же безденежная богатая душа! С ним пробыли мы сутки: он отправился к Никите в Царское, а там на несколько часов к Сашиньке⁴. Мы же с Григорьевичем покатали по железной до Вололовской станции, а там и простились, и расстались, конечно, навсегда!.. Не воротившись в Питер, я не успел видиться с Миллером, а потому и с Валерианом, не знал адреса, и не успел и видиться с Пакулевым, который мог меня направить⁵. Старички явились так скоро, что уже надо бы-

* Имитация китайского яз.

ло ехать к ним прежде, чем я предполагал, а ворочаться в Питер не подобало. Но обратимся к тому предмету, о котором как-то откладывал говорить: об Ал[ексandre] Сергеевне. Представьте себе озов в чепчике с розовыми лентами, но озов, еще полный душевной жизни и сознания приближающегося отхода!.. Она встретила меня с видимым смущением, но когда я сам, подсевши к ней и расстрогавшийся донельзя, взяв ее опять за руку*, тут последовал такой взрыв рыданий и такой после глубокий задыхающийся кашель, что заменивший все ощущения испуг указал мне всю опасность этой вовсе разбитой и изнемогающей груди! После меня был Буяльский⁶, и после которого приехал ко мне бедный Николай Романович, обнял и горько зарыдал!.. Буяльский не мог даже и обмануть и дал ему понять неизбежный исход! Не знаю, какое ощущение вывез Сер[гей] Петр[ович]. Он все видел только слабость груди, и я просил Н[иколая] Р[омановича] не говорить ему истины. Представьте положение мужа. Дети розовые, чудные, и, благодаря бога, Наденька нежна и мила донельзя⁷. Вот вам грустная весть, и держите ее про себя, чтобы от вас не перешла к отцу и другим близким. Пишу, пишу, и конца нет; тоска, хочу говорить с вами, милый друг мой, знаю, что и вам скучно, и как я благодарен, что вы часто посещаете Б[елоголовы]х. Денешки нет, и еще стало пустее⁸. Варя моя читает все ваши письма по-своему, и чего она не выдумывает: «что Данешка фортепьяно сломала, что в Институте суматоха; что к вам приехали гости, а П[етр] А[лександрович] спит; что вы его будите, а он разворчался — «подите прочь, егозы» и т. д.», и, наконец, у нее тетрабочка, и все пишет к вам по-русски, а под мой дикт по-французски. «Говори, папа, «tu»**, я ей, Денешке, Люле, Наташе, Мафуше и Христи-не всегда говорю «ты»...»

53. Е. И. ЯКУШКИНУ ***

Знаменское, 5 ноября 1859 г.

Вот уже четыре месяца, как мы где же — в России, почти в соседстве с вами, дорогой Евгений Иванович, ни

* Так в подлиннике.

** Ты (франц.).

*** Письмо рукой Л. А. Поджио.

ответа, ни привета. При последнем свидании с Еленой Густавовной были и последние о вас вести. С тех пор вы, вероятно, заперлись в свою палату и забыли все прочее; это и больно, а отчасти и тревожно, хотелось бы знать многое об успехах ваших по службе, а еще более о семейном вашем быте. Полученное на днях известие о скоропостижной смерти Кюхельбекера¹ и о горестном положении оставшихся в неизвестности сирот заставляет меня опять, как и в прежнем моем письме, обратиться к вам. Не знаю, существует ли маленькая артель и заведываете ли вы ею, как меня уверяли; во всяком случае, не найдете ли вы средства к вспомоществованию бедного семейства. Две девочки в Сиропитательном, и к январю надо выслать сто двадцать руб. на предстоящий год, сверх того в прошлом году я выдал Уле Кюхельбекер 80 рублей по назначению Ивана Ивановича. Если сможете прийти им на помощь, то вышлите оные деньги в Иркутск на имя Викентия Карловича Миштовта, столоначальника Главного управления, который и распорядится ими². Возвратившись из поездки моей для свидания под Петербургом с Трубецким и с Волконским, я так расхворался, что вынужден, как вы видите, писать не своей рукой. Геморроидальные припадки меня замучили, хотя теперь и легче, но все посиживаю дома и жду с нетерпением окончательных известий из Сибири. Как дела ни скверны и не предвещают ничего хорошего, однако же с первым путем брошу эти болота, эту бессолнечную страну и переберусь, куда — еще не знаю: так обстоятельства еще не разгаданы. Вот почему я прошу вас не отвечать мне сюда на мое теперешнее письмо. Я же не замедлю вас уведомить об выезде моем в Н. Н.

О Вячеславе имел косвенные, но довольно удовлетворительные известия. Простите, дорогой мой Евгений Иванович, обнимаю вас и жму крепко ручку добрейшей Елене Густавовне, деток расцелуйте. Ужели мы не увидимся?

Ваш А. Поджио.

Прошу вас, добрые и милые друзья, принять и мои искренние и дружеские приветствия. Лариса Поджио.

P. S. Не забудьте, что высылалось 300 рублей серебром Ивану Ивановичу Горбачевскому, который без всякого средства.

[Знаменское, июль—ноябрь 1859 г.]¹

Милый друг Наденька! Где вы? — на Амуре, в Пекине, чтобы так бесщадно забыть того, который вас так много и постоянно любит, того, которого, как кажется и помнится, несколько любили! О, непостоянство! Положим, Петр Ал[ександрович], торжествуя с Наполеоном и с папою, занят условным устройством Италии², но вы? и ужели нет свободной минуты? Бросьте шитье, перешивание и вымолвите словечко! Но вы не одни, а все в заговоре! Я, наконец, стал думать, не 3-е ли отделение занимается моей перепиской и задерживает письма³. Увидим, подождем, но тяжело; а как часто переносимся туды, к вам, в мой уголок, в мою Сибирь!..

Представьте, что здесь я у сына, а не у племянника, самого нежного, окружен всем, что только может услаждать человека, а все-таки ищу своих степей, ищу того простора, без которого часто легким делается душно! Много не то... здесь все по часам, сон, купанье, зима настала, гулянье, учение, еда, питье! Представьте меня, беспорядочного! мою Варю, подделывающих эту стройную жизнь!.. Нарушать такой порядок, при таком успешном выводе, было бы бессмысленно! Беседы с племянником бесконечны. Он человек очень умный, начитанный и строжайшей правоты; неожиданное для меня явление — все это в нем сложилось вследствие особенного положения по имени, сиротству и некоторого направления.

Жили и живем уединенно, но барски! Что за порядок в доме, в хозяйстве и в быте крестьян, — это в полном смысле человек передовой! Простите, друг мой, до будущей почты, буду писать много П[етру] Ал[ександровичу]. Поцелуйте Денежку, как Варя вас помнит, как помнит вас и

А. Поджио.

55. П. А. ТУЧКОВУ*¹

Москва, 24 декабря 1859 г.

Милостивый государь Павел Алексеевич!

Проездом из Пскова в Киев, задержанный болезнью,

* Резолюция П. А. Тучкова: «Разрешить пребыть две недели и сообщить о том по приложенному здесь адресу».

я не могу иметь чести представиться лично вашему высокопревосходительству, а потому осмеливаюсь письменно утруждать вас и покорнейше просить о разрешении мне пребыть недели две в Москве, чтоб иметь возможность воспользоваться здесь медицинскими пособиями.

С чувством особенного уважения честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Александр Поджио.

[Адрес:] Москва, дом госпожи Строиловой, Трубников переулок.

56. Е. И. ЯКУШКИНУ*

[Москва,] 9 генваря [1860 г.]

Не свидеться мне с вами и не обнять мне вас, добрейший Евгений Иванович — странствующая и недолгая жизнь не позволяет мне иначе и думать! Дела мои так скверны, так безвыходны, что придется мне, старику, пуститься в обратный путь и приискивать там, в далекой родине, средства к существованию! У меня жена, у меня дочь, и я должен поневоле до конца жизни изыскивать средства к ограждению их будущности. Я перенес многое здесь, заплатил и здоровьем, и спокойствием, и последними надеждами упрочить себя хотя бы кое-как в вашей полосе! Сергей Петрович возвратится 12-го, и я получу через него окончательные известия, и тогда только и решится или поездка в Сибирь на дело, или в Киев на безделье! ¹ Но обратимся к более радостному: вам бог дал сына, и да будет он весь в отца-усача! ² Чего мне более ему желать? Дал бы еще бог здоровья доброй почтенной матери не одних своих детей! Хочу вместе с вами дать утешительный толк молчанию дорогого кума — здоровье исправится и давай бог, но лень никогда!

Вы добро сделали, выслав деньги на поддержание 2-х Кюхельбекер, адресованные на имя Миштофта!

Бедные дети Бечастного: развратная мать погубит их — если я буду в Сибири, я пристрою малюток и туды же в Институт, куды мне удалось, к счастью, поместить одну из них ³. Не забудьте Горбачевского в Петровском заводе. Быстрицкий адресовался к Наталье Дмитриевне, и она

* Помета Е. И. Якушкина: «1860».

ему ответила, что все будет сделано⁴; но знаете ли вы об этом? О сю пору не мог с нею встретиться, а надо бы.

Уши вянут от всего, что слышишь: какое-то глупое невысказание сопротивления или, лучше, порицания всего, что только замышляет государь, а он только-то и есть! Вне его ничего не вижу и не прѣвижу покѣмест — но время даст же нам всем по шее и выдвинет вперед...

Простите, друг мой, вы еще молоды, полны силой, жизнь для вас и будущность вся; я же не заглядываю в нее. Обнимаю вас, жму ручки Елене Густафовне и лобызаю деток. Жена вас обоих от сердца приветствует.

Всегда вам предан А. Поджио.

57. Е. И. ЯКУШКИНУ*

[Никольское, конец января — февраль 1860 г.]¹

Не еду, не еду, и говорю это не столько, любезный Евгений Иванович, для утешения вашего, как для собственного моего! И мне ли уехать, не обнявши вас после всего, что выказало мне ваше доброе, редкое сердце, сердце того же отца! Благослови вас бог не за одни отрадные минуты, которые мне дало чтение вашего письма, а за целое чувство, чувство какре-то особенное, которое неискоренимо залегло во мне. Так или иначе, но вы мне дали такого рода успокоение, что я стал выше всяких грозящих мне случайностей. Вот это не то, что крестный, который хотел с 3 лет взять и заняться Варей. Вы меня приглашаете к себе, не задумался бы, если бы уже дело не было устроено; поселиться же думаю, где мне готовый дом и пр. — у Дарагана, старого знакомого по Сибири и так горячо мне предложившего пристанище². Такое помещение мне было нужно; во-первых, я в 15-ти верстах от 2-й станции жел[езной] дор[оги], куды выеду навстречу Николаю Николаевичу, которого нужно мне видеть; во-вторых, в 2-х часах от Москвы, где и письма, и журналы, и припасы; в-третьих, мне нужно уединиться, привести и мысли, и дела в порядок! Сколько переписки! Я потерял всякий стыд и требую от грабителей свое достояние, это такие негодяи, что не хочу их щадить!³ 33 года молчал и ничего не просил, а жил тем, что мать мне уделила, те-

* Помета Е. И. Якушкина: «Письмо от Поджио».

перь же один вызвал меня, все обещал, а как дело дошло до определений, то и вспять. Всего у меня имущества 5000 руб. сер[ебром]! Как и что делать? Думал купить что-нибудь — маловато, процентов также немного; вот почему если не получу сверх моих 5000 р. еще 12000, как я полагаю, то поневоле надо будет за что-нибудь приняться. Нет ли у вас образцовой фермы, где бы можно разводить банановые деревья, из которых одно питает целое в Америке семейство; сахарный тростник, кофейное, чайное дерево! То-то бы зажили! Но когда же увидимся? Вы человек деловой, видеть же вас одного счастье будет не вполне, подавайте всех, — верно, мне прикатить, т. е. нам. Но не ранее апреля, ибо до того времени пробуду по делам здесь, увидим и все устроим! Варя в восхищении, что предстоят ей шалости!

Представьте, что и Сибирь меня не покидает — так и рвется туды голова, а ноги между тем тянут в Ярославль или в Киев! Сколько я встретил добрых людей в Москве, и старых, и новых знакомых! С Рамзаем встретились так же горячо, как и расстались⁴; Тутчков был особенно приветлив et complimenteur* относительно братьев! Вообще я вынес отрадные впечатления. Я оставил Бибиковых, встревоженных ударом отца!⁵ Собирался бедняга в Берлин излечить слепоту, а смерть была за плечами! Так и мы все! Всех я пересидел, а Натальи Дмитриевны нет и нет! Басаргин у Новосельцовых, они за ним ухаживают, как за дитей!⁶ Какое вам спасибо за высылку денег Кюхе[льбекерам] и Горбачевскому! Но что за мысль передавать дело маленькой артели — нет и нет, не покидайте ее, и что за выбор преемника, который не живет на месте; он едет с бедной Александрой Сергеевной в Венецию — и Сергею ли Петровичу в его лета вести это дело, требующее столько деятельности сердца⁷. Пожалуйста, умоляю вас, отрыньте пагубную для дела мысль! В другой раз скажу более — теперь письмен много и уступаю перо скорее матери, чем Ларисе Андреевне. Простите, добрый друг, обнимаю вас, благословляя всех вам и нам милых, дорогих! Дайте мне, Елена Густафовна, вам пожать крепко ручку и всех малюток расцеловать! Варя просит сделать то же.

* И любезен (франц.).

[Никольское, конец января — февраль 1860 г.]¹

Речка — пригород — широкая площадь; по сторонам тянутся под один фасад красиво выстроенные избы; за ними два больших флигеля: в одном помещается контора; в другом на одной половине принимаются странники, на другой — умалишенные; английский сад (почему же не русский), в конце которого красуются два большие барские дома с теплицами по бокам, из которых одна в 90 саж[еней] длины. Дома с фонариками, с балкончиками и едва ли не по числу ромбов: все это мило, разноцветно, пестро, — Москва и здесь!! Вот вам, любезный Николай Дмитриевич, видопись моего светлого, уютного, прихотливого пристанища: картина перед вами. Видите ли? — нет; снег завалил все строения — виднеются одни их крыши и макушки деревьев; к тому же и краски мои бледны, как бледен я и сам. И мудрено ли, когда простуда обнаружилась от самой Москвы и преследует меня головной болью, насморком и кашлем! Но кашлять не время, растворилась дверь, и вошло что-то тощее, худощавое, похожее на гонца! Откуда, любезнейший? — из городу; давно ли? — да вот 3-и сутки (40 верст!).

К[озьма] Я[ковлевич] приказал кланяться вашей милости; в одной руке поросенок, в другой куверт! Чуть, чуть было не ухватился за первого, но... но опомнился и принялся за печать. Сломал и вижу другую: нужное, и нужнее всего ваша добрая рука. Вижу, вижу, как вы, сидя на рысаке, храбро рассекаете валы московские, вижу, как детки прыгают, а взрослые готовятся воспрянуть, но почему же милая Софья Дмитриевна² не едет в деревню с вами? Что за Оверы³ и к чему они? Дайте ей солнце, дайте воздуху, море, дайте простор этой могучей природы, задыхающейся среди ваших удушливых стен московских! Надо пожить у вас и выбраться в поле, чтобы знать, как и чем у вас дышат. Варя моя переродилась, как маковка зардела, и сам я начинаю уже желтеть! А что бы, если бы, выходя из дому, да побегать, погулять бы по этим рощам, по всем этим оврагам, так живописно раскинутым вблизи! Но я увлекся и забыл другого гонца! Так или иначе, а бедному Ник[олаю] Николаичу не легче! Почесал и я, как русский, себе затылок, а кой-кто почешет, и не так, кое-что другое — да и ништо. Во всяком слу-

чае, надо полагать, что Н[иколай] Н[иколаевич] вернется, фельдъегерь означает важность и большую — вероятно, Запад нас потеснил и потребовал каких-нибудь особенных действий. Не может быть, чтобы для собственно наших наступательных действий был послан фельд[ъегерь], для этого есть почты, да еще и тяжелые, для большей верности и большего времени. Если это так важно, как оно и должно быть, то каким образом продолжать путь из Омска и потратить два месяца до прибытия в Иркутск. Чтоб остановить дело, Муравьев там не нужен, а чтоб двинуть его, надо и его придвинуть; а на Корсакова точно как и вы, видно, не полагаются! А не худо бы на первых порах попытать нового витязя!..⁴

Странно! А Россия, как огромное пораженное в сердце тело и являющее только в оконечностях признаки жизни! Посмотрите Кавказ, степи киргизские и, наконец, Амур! Экая дурища. Како раскинулась, а у себя-то что? Поздравляю с новостью о личном освобождении без надела и о произвольных условиях между поме[щиками] и крестьянами⁵. Это не победный ветер, а ветер, который надует поражение последнему значению поземельного дворянства. Не пройдет 2-х месяцев, как вы же, дворяне-владельцы, прибегнете к правительству и будете просить стального его посредничества! Это почему? — а вот почему. Эта мера поставит сейчас же оба сословия в враждующие отношения и именно потому, что из двух договаривающихся сторон одна за собой имеет все, другая ничего! Спрашивается, какие могут быть здесь произвольные условия? — не те ли, которые совершились так насильственно в остзейских губерниях, и думаете ли вы, что можно будет легко повернуть русского мужичка на чухонский или эстонский лад?⁶

Ошибочно, преступно ошибочно; вы колом не вышибете у него из головы, чтобы земля, расчищенная им, или дедом, или прадедом, земля, по которой он прошел первый сохой, которую он удобрил и искони пользовался, не была бы его собственностью — не по вашим понятиям о праве, а по понятию первого занявшего! Он будет и платить, пожалуй, за нее, но уже как выкуп собственности. С наделом вы его прикрепите к земле, и он будет и сотрудник, и помощник добровольный! Но что же значит освобождение личное? Ужели без права перехода? Шутка опасная с 10 000 000 народонаселения? Какие тут условия? Тут

та же палка, а кто ее возьмет в руки и кто вас будет судить, разбирать все ваши ссоры, жалобы и притязания на прежнюю власть? Бедствий много! Освобождение с правом перехода: погребло хозяйство, земледелие и все, что составляет государственную экономию! Мелкие владельцы будут, как и в догодуновские времена, бросаемы, а знатные капиталисты будут переманивать крестьян! ⁷ И чего здесь не усмотреть и не высказать бы еще, что вне надежда, существующего, конечно, с некоторым изменением применительно к местности, надежда, требующего не только широкого вознаграждения, но и немедленной выдачи части капитала для ограждения предстоящих годовых работ, вне этой меры нет спасения, нет будущности, нет прочности и нет возможности ехать в Сетухово, а мне оставаться в Никольске ⁸.

А какие здесь продаются имения! Сделайте милость, не можете ли послать конторщика к Катерине Дмитриевне Мухановой в Кривом переулке на Арбатской улице у Николы Плотника в собственном доме; 40 душ, дом, лес, луг и пр., точно ли продается и какая цена? Дараган пустил новость, что я еду сюда покупать имение, и вся братия помещики давай ко мне посылать продавцов. Так или иначе, а я послал 2 бомбических письма! Пусть грабители мои прочтут себя в них.

Я 33 года молчал, и не надо было меня вызывать.

Простите, добрый мой, жму от себя и от жены добрую ручку Зины Сергеевны и прошу вас передать душевные приветствия наши почтенному семейству вашему.

Память сердца у меня еще очень, очень свежа! Будьте все здоровы.

Преданный вам А. Поджио.

59. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

[Никольское,] 14 ч [исла апреля 1860 г.]¹

Вот, добрейший Сергей Петрович, и Святая прошла, и Фомина, а вас нет как нет, да и нас у вас не более! И эту грязь, и этот-то снег вы называете родиной! Иван Сергеевич, да будьте мне свидетелем, как мы в одно 13-е апреля неслись в Малую Разводную и как пыль вилась столбом за нами! ² Как на зеленеющем пригорке мы остановились, и как Аристотель сабельным ударом сорвал

голову с бут[ылки] шамп[анского], и как выпили заздравный кубок!! Заключение то, что в Сибири дни превосходнее, но здесь ночи гораздо теплее, а между тем что за застой еще в землепашестве! Грязь и снега, снега да грязь! Делаю попытку и посылаю в город; человек скажет Дарагану, может ли он пробраться к нам в среду. Пожалуйста, ответьте мне к тому времени, а именно: 1-е, как вы все можете, 2-е, время выезда Александры Сергеевны! 3-е, Свербеевых и, наконец, самого Николая Дмитриевича? 4-е. Когда будет Сер[гей] Гри[горьевич]? 5. Где мой Евгений Иванович, ужели и на обратном он пути? Это невыносимая случайность для нас!

Весть о смерти Арнольди меня так поразила, что не могу отделаться от него — все вижу его перед собой, полного еще жизни³. Слава богу, что вдова переносит так спокойно утрату. Среди такого семейства всякая скорбь должна притупиться! Что же делается с бедной Софьей Дмитриевной! Радуюсь, по крайней мере, что знахари не отчаиваются! Сожалею о вас всех, что вы задыхаетесь московским воздухом, и место ли это для Александры Сергеевны? Никольское на этот счет превосходно. Что не мешает мне страдать очень, чем же? новым — болью не глаз, а век! Как-то пухнут с нагноениями! Сколько гнусных мелочей в этой старости. Получил я письмо от Нелли и от Алек[сандры] Ива[новны], которая была больна. Кочубей похварывает⁴, Марья Ник[олаевна] не выезжает; Сер[гей] Гри[горьевич] стонет. Утешительные картины.

С ответом вашим соображу и выезд свой! До свидания. Господь с вами всеми.

А. Поджио.

60. Н. А. НЕУСТРОЕВОЙ

Никольское, 22 мая [1860 г.]¹

Чем менее к вам пишу, тем более о вас мыслю, дорогая, милая моя Наденька! Мысля, сближаюсь с вами, перо же отдаляет вас! Но вы заподозрили меня, и я должен поневоле измерять это пространство, которое именно тут-то и растягивается! Что за даль! Тяжело и мыслью переноситься без отдыха! И когда же будет этому конец? Не знаю — дела все более и более запутываются, а гнусная старость так и клонится к неотразимой развязке! Хотя

я и употребляю все усилия, чтобы возобновить дело, но вряд ли осуществляю постоянную мысль отправиться к вам! Вряд ли, а все еще лелею эту мечту. Да будет, как богу угодно! А между тем говорю себе и другое; если не удастся нам забраться к вам, но успеем здесь основаться, то мы все думаем переманить вас к себе! Здоровье вашего Петра Александр[овича] требует этого перемещения; зачем себя лишать и солнца, и всех выгод, представляемых здешнею жизнью! Можно на деньги П[етра] А[лександровича] купить маленькое имение, где готовы и дом, и сад, и все нужное хозяйство! Все это я думал сам, но остановился до разрешения Николаю!² Какая дешевизна против вашего и сколько здесь средств к жизни приятной и даже роскошной относительно вашей! А уборы? Жена купила шляпку в 6 р. и какую! За 8 р. я оделся с ног до головы и оделся щеголем! Апельсины, лимоны по 40 коп. 10 ш[тук], а что будет через месяц с вишнями и пр. и что будет, если подадимся далее на юг! Храните эту мысль для себя и П[етра] А[лександровича], со временем ее развернем; и об Дунюшке нечего заботиться — найдем и ей место! Вот вам предмет на размышление, но все это еще вчерне, набело же со временем! Да еще и усидите ли до того? Как бы на Амур не вздумали? Не торопитесь и не покидайте нас, старцев! Понимаю отзыв ваш относительно Свербеевых и благодарю за слова ваши к нам — верю, верю всему, что только изливает ваше доброе сердце! Завтра еду в Москву, где увижусь с С[ергеем] П[етровичем] и с прочими! Ник[олай] Дм[итриевич] уехал в деревню; Ал[ександра] Серг[еевна] в <...>* и, кажется, навсегда...³ Ваня добрый малый, и только учение не идет — отсутствие экзаменов еще более его сведет с пути!⁴ В Феде образовалось что-то странное, какая-то смесь чего-то не разгаданного еще — все зависеть будет от начала его в университете. С[ергей] П[етрович] едет в Пензу вводить Ваню во владение 1300 душ!⁵ Громко, не правда ли, а в сущности вздор! Как, что там будет, вот ???, которые, конечно, разрешатся разве сами собой!

Что за чудное семейство Свербеевых; я их и они меня крепко полюбили. Софья, одна из них — дебелая дева, теперь слегла, страдая позвоночным столбом. Все ее лечат и не могут помочь. Зять Арнольди умер, и юная вдовица

* Одно слово неразб.

его безутешно оплакивает! Мои Дараганы так предупредительны, как самые горячие друзья, и спасибо им. Если есть негодяи, то взамен сколько и добрых на свете людей. Завтра встречу Н[иколая] Н[иколаевича], и неминуемо должно будет столкнуться. Скажите Ан[дрею] Анд[реевичу], что буду писать ему после его выезда. Николая заманю к себе на несколько дней после экзаменов⁶.

Ах, сколько мне писания, и должен с вами или с бумагой этой расстаться — с вами же никогда, друг мой Наденька — вы всегда, всегда неразлучны со мной. Помню, помню.

Если бы вы знали, что за Варя моя и как она вас любит и помнит до малейшего слова. Смущает меня и это сердце, и это воображение. Какие страдания ее ожидают в жизни... Вдруг порывы... везите меня в Иркутск — здесь Сибирь, а не там, и пр.... Поцелуйте Дунюшку. Господь с вами, моя милая.

61. Е. И. ЯКУШКИНУ

[Никольское, июнь 1860 г.]¹

Что за молчание! Ну, право, невыносимо, любезнейший Евгений Иванович! Невыносимо тем более, что обещано мне было извещение о проч. И не я один скорблю: скорбит со мной и бедный Стремоусов, которого надежды на осуществляются!² Умоляю вас, поборите эту лень не сердца, а ума и скажите нам, чего ему и мне ожидать. Будет ли ему место, а мне утешение? И, наконец, что с вами? Где наша добрая Елена Густафовна? Вы говорили о приезде ее с семьей в Москву — но об этом ни слуху ни духу! Занятия мои полевые пригвоздили меня к Никольску, и я не бываю в столице. Ездил только повидаться с графом и проводить его до 1-й станции³. В декабре вернется, а до того времени явится сюда Корсаков. Деньги, высланные вами, будут доставлены. Все наши разъехались, кто в даль заграничную, кто в свою. Сергей Петрович с Ваней отправились в Пензу; Зина в Тулу. О бедной Александре Сергеевне вести неутешительные; страшно ослабела; расстройство желудка в сильной степени выказалось на пути, и они едва только достигли Дрездена!

Что же вы мне не отозвались насчет имения? Аль не хотите меня иметь соседом? Не хочу допустить какой-

нибудь горестной причины вашего молчания и припишу его лучше вашему отъезду, как вы и говорили; но пора бы и возвратиться к очагу, а там и к письменному столу, если только он заведен.

У нас все по-старому — в особенности я — наслаждаемся палящим нас солнцем, что мне крайне любо! дождей нет и хлеба желтеют! Что знаете о Вичеславе, сообщите! Прощайте, и господь с вами.

А. Поджио.

62. Г. С. БАТЕНЬКОВУ¹

Ник[ольское,] 24 июня [1860 г.]²

Почтеннейший Гавриил Степанович! Вы, по доброму расположению ко мне как к товарищу и как любитель редкостей, предлагали мне дополнить калужскую коллекцию!

Как ни лестно поступить в 5-й номер³, но средства мне не позволяют поместиться в Калуге — в деревне же и неподалеку от вас предстояла бы возможность. Вот почему и обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою, обращаюсь как к опытному строителю-хозяину! Нет ли у вас знакомых, посредством которых можете собрать сведения о двух имениях, продающихся — одно в вашем, а другое в Боривском уезде. Первое принадлежит Николаю Федосеевичу Александровичу, селцо Кравцово, 39 душ, другое — Александру Ивановичу Бахтину, селцо Юрьевское, душ 17. Оба имения будут продаваться с аукционного торга в Москве в половине июля. Что меня более интересует, это сведения: 1-е, есть ли дом и удобен ли для помещения, 2-е, есть ли фруктовый сад и, наконец, водица. Это первые условия, ибо и строиться, и сажать уже не под лета! 3-е. Сколько запашки, есть ли луга, лес и какой-нибудь рогатый скот.

Есть ли, одним словом, средства не к жизни, а к удобному и возможно приятному помещению. Однако ж число десятин земли необходимо для обеспечения наделом крестьян, а потом несколько и себя.

Благоволите почтить меня ответом: его в[ысоко]бл[аго-родию] Козьме Яковлевичу Дарагану в Москве у Покровских ворот в доме Овчинникова для передачи Ал. В. П. Не обратился к другу Евгению⁴, зная, что это не по его части. Жму ему крепко руку. Простите, добрейший Гав-

риал] С[тепанович]. Все наши разъехались, и до свидания и с вами, и с ними. Петру Николаевичу дружеские приветствия⁵. Жена вам кланяется.

Весь ваш А. Поджио.

63. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ*

[Никольское,] 25 июня [1860 г.]

Поезжайте, скачите, любезнейший, почтенный мой Николай Андреевич! Сердце так громко отозвалось, и повинуйтесь его голосу. Есть случаи в жизни, в которые надо одними ими и жить, отбросив причуды рассудка — будет еще время для последнего; теперь же скачите успокаивать, облегчать недуги отца и утешать, подкреплять бедного брата! Не упустите время для экзаменов, и к чему вам этот формализм, когда вы доктор и без их сознания!¹ Исполненный любви к науке, вы ее обнимете и без патента! Нигде я не читал, чтоб Гиппократ был доктором медицины и чтоб Маженди внес свое имя в дворянские наши книги по получении Вл[адимирского] крестика!..² Итак, с богом туды, туды на восток, куды несутся постоянно и мысли мои, и желания. Как гебру еще ему поклониться!³ Не пишу к родным вашим; ваш приезд исполнит их такими ощущениями, что нет места для тех, которые внушит мое писание! Буду писать спустя...

Они знают, сколько я с ними и скорблю, и горюю, и как я помню доброту и этой, и другой покойницы⁴. Для деток там есть существо, которое, конечно, прольет на них всю нежность если не матери, то близко очень подходящей к ней — это наша бесценная Надежда Алексан[дровна], которая так всех вас любит!..

Слишком люблю вас, чтоб простить вам, что не побывали у нас! Уехать, не повидавшись? разве это возможно? Вчера еще за час до получения письма 2 больных просили помощи... и вот почти одновременно вскрикнули мы с Ан[ной] Йв[ановной]: приедет Н[иколай] Анд[реевич] и поможет им. И им не помогли, и меня расстроили! Мне надо быть к 3-му числу в Москве, а потому и не могу теперь отлучиться, а поговорили бы! Как все это составилось глупо, что не видались мы и в последний мой приезд

* Помета Н. А. Белоголового: «1860».

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ
Фотография 1860 г.

в Москву. Лиз[авета] Петровна⁵ меня так напугала вашими занятиями, что, располагая на ваше впоследствии свободное и обещанное время, я и не посмел нарушить ваши созерцания посещением несвоевременным. Я встретил, обедал на Троицком и проводил до 1-й станции Н[иколая] Н[иколаевича]. Он по-прежнему ко мне, несмотря на разногласия наши относительно иркутян. Милая, умная Булычова была нашей спутницей и была на моей стороне. Много было уступок с его стороны, но все-таки доказывал существование ковов* — кипую доносов в 3-м отд[елении]!! Против этого я не мог ломать копы, и не раз он говорил: и у вашего Андрея собирались, чтоб мне вредить! Не вам, не вы, и Анд[рея] Анд[реевича] я знаю:

* Ковы — козни (арх.).

знаю его к вам чувства, а вас уверили, что выразившееся мнение против Бекл[емишева] было направлено лично против вас... Я нашел его спокойнее и не предвижу худого, по крайней мере, я все употребил, что мог, чтоб его успокоить и разубедить во многом. К отцу он нисколько не враждует. Говорю с вами и прошу вас об этом, кроме семейства, ни с кем решительно не говорить⁶.

Я думаю быть около 3-го в Москве — хочу купить себе именье, где бы был домик и сад. Строиться и сажать уже не под лета. 4-го числа продаваться будут тысячи имений доблестных дворян, авось нападут на какое-нибудь, похожее на что-нибудь! Адрес мой все тот же: к Дарагану. Не увидимся ли до того? Нет — так еще раз господь с вами и всеми вашими. Жена вам крепко жмет руку — Варя сидит среди комнаты и читает всем вслух по-французски — скорблю и не умею ее исправить и боюсь за такое развитие! Обнимаю вас, дорогой мой... А. Поджио.

64. Н. А. НЕУСТРОЕВОЙ

[Никольское, июнь—июль 1860 г.]¹

Милый друг Наденька.

Еще письмо, еще все то же доброе, восторженное сердце, еще все тот же пыл ума, воображения и всего высокого, благородного! Наденька милая, не заноситесь, не пылайте — старайтесь охлаждать себя — обложитесь льдом и всем отвлекающим, т. е. обставьте себя рассудком, равнодушием! Как быть? Нет спокойствия, нет его при чувствах, а для вас спокойствие — то же здоровье, людоедское прозрачное создание! Давно ли вы воспламенялись к М[арии] Н[иколаевне]! давно ли вы упоялись ею? и что же теперь — слезы и какие! Бедная она!?. Не покидайте деток, вы так часто мне говорили о них, и я уверен, что вы уже всю нежность сердца изливаете на них! Милая Наденька! Когда же будете вы счастливы — скажите мне — мне это нужно. Все, как-то мне близкие, все страдают... Бедная Сашенька в особенности!.. Едва добралась до Дрездена! Силы вовсе покидают! Когда же мы увидимся — и на это отвечайте — не знаю, почему все ожидаю чего-то, которое нас как будто бы сблизит! А между тем хочу купить именье, устроиться и вас с П[етром] А[лександровичем] вызвать. Так ли или вы уж так приросли к почве сибирской, что и не оторвать вас? Так и я думал когда-то! Ах, как я шаток был в своих и чувствах.

и верованиях! Пошатнулся и сколько горьких испытаний... Варя сидит, меж тем как я и жена пишем, и читает, декламируя громко Ламартина: «*Souvent sur la montagne à l'ombre du vieux chêne*»^{*2}, — все это меня очень, очень тревожит, а не радует. Бедное дитя, куды оно идет. Какая неудача, Н[иколай] А[ндреевич] едет, и не успели мы быть в Москве и выслать вами требуемое! До будущего. Простите, друг мой. Господь с вами! П[етру] А[лександровичу] жму руку и целую Дунюшку. Поклонитесь всем Пфафиусам и милой Люле.

65. Е. И. ЯКУШКИНУ

Никольское, 27 [августа 1860 г.]¹

Вот, добрейший Евгений Иванович, случай писнуть или, лучше сказать, необходимость — дело идет об участии целого семейства, того самого, которое вы по доброте своей возвели на степень самостоятельности². Так предполагали они, и мы за ними, а на поверку выходит положение весьма затруднительное по стечению русских повсюду обстоятельств. С лучшими намерениями, дорожа в особенности вашим мнением, он поставлен в самое какое только может быть безвыходное положение. Ему предстоит две крайности: или покрыть мошенничества, через что может прослыть мошенником и сам, или же открыть действия лица (и не одного), которые ведут к солдатству. Находясь между двумя огнями, он невольно сам объят пламенем. Другой сумел бы выйти целым, но можно ли этого требовать от него при его неопытности и трусости? Окружной ему говорит: «Вы должны все показать»; губернский грозит: «У нас сплошь и рядом все принимают, не выводя вздору, берегитесь!» Он два раза пробивался к вам и был так несчастлив, что не успел получить от вас руководства, а между тем кто бы мог его и направить, и наставить, как не главный прямой его начальник, которому он обязан всем, т. е. и местом, и доверием. В таком отчаянном положении он придумал, что же? Выслать ко мне жену для испрошения моего совета! Бедная женщина! С ее нежным сложением, при всей деликатности чувств, хорошего образования она в таком смущении, должна была в телеге, по теперешней дороге тащиться целых пять **.

* Часто на горе, в тени старого дуба (франц.).

** Письмо не окончено, далее приписка Л. А. Поджио.

[Никольское, октябрь 1860 г.]¹

Письмо ваше от 11-го было нам вручено лишь 9 дней спустя, зато последнее пришло в срок. Спасибо, мой добрый Сергей Петрович, за известия о вас — лучшее из них то, что свидетельствует о хорошем состоянии вашего здоровья, а это главное для нас, ваших друзей! Варенька тоже прошла через испытания — у нее была вспышка, которая нас очень напугала, — ветряная оспа; вот уж ей гораздо лучше, но она подчинена, как вы можете себе представить, всем строгостям санитарной системы! Впрочем, Белоголовый видел ее и успокоил нас еще более. Служебные дела Ник[олая] Ром[ановича] гораздо лучше <...>**², Свербеева не вполне удовлетворительны!..² А эта мысль поступить на службу, да еще с таким хрупким здоровьем! Отдыха и отдыха! Как сожалею я, что среди других полученных посредством Анненковых вестей нет ни слова от вас о Волконских!³ Особенно как наш старик! Большое спасибо, что потрудились*** получить сведения, касающиеся имения. Объявившиеся между лесом и каналом 6 верст расстояния значительно понизили ценность имения; следовало бы еще держаться за него, если бы инвалид смог представить точные данные о состоянии леса; он не бывал в тех местах пять лет, возможно, этот лес был предоставлен всем топорам, о чем он и сам подозревает, а в этом случае последняя ценность имения исчезла бы полностью. Следовало бы обязательно отправиться на место и лично осмотреть все. Вы ведь понимаете, что всю цену этого имения составляют 400 д[есятин] леса, предлагаемые так дешево, вот что заставляет меня еще более сомневаться в их существовании как леса высокоствольного и строевого. И затем, какая дальняя поездка и какие расходы для неопределенной цели. Возможно, что владелец, не знающий состояния своего имения, в Москве; я мог бы получить сведения более точные и от него самого, так же, как и снижение цены, но далеко от этого,

* Подлинник на франц. яз. Помета С. П. Трубецкого: «Пол[учено] 24 [октября]».

** Одно слово неразб.

*** Далее рукой Л. А. Поджио.

не могу сделать тут ничего*. Что бы вам навестить нас, погода славная.

Обнимаем вас крепко. Любящие вас всей душой Л., А., В. Поджио.

67. Н. А. НЕУСТРОЕВОЙ

[Москва, до мая 1861 г.]¹

Итак, все кончено! Поздравляю вас, милый, добрый друг мой Наденька Александровна, поздравляю и благословляю на долгую жизнь непрерывного счастья и спокойствия! Будьте же оба счастливы; эта вера в будущность вашу необходима и мне, другу вам обоим! Тревожит меня одно: это отдаление, этот июль!² Какое отлагательство полного счастья для пылких ваших чувств обоих! Какое стеснение в речах, в приличиях и во всех условиях полноты жизни! И все это пожертвовано свету — тому самому, который не вменит вам это в достоинство, а по обычному какому-то злобному направлению будет и до, и по судить и рядить, и *про*, и *за*! Вы же придали делу таинственность, и при такой долгой отсрочке сколько вам предстоит испытаний при таком противоестественном положении. Я все надеюсь и утешаюсь мыслью, что вы ускорите время полного счастья, чем, конечно, не возмутите праха тех, которые, конечно, благословят вас из другого мира!..

Я гляжу на вас не как со стороны одной супружеской; зная ваше любящее сердце, зная воззрение вашего ума, я вижу в вас будущую мать детей той, которую вы при жизни так искренно, так пламенно любили, а поэтому дать мать детям и как возможно скорее было бы наилучшее дело. Не знаю, как смотрит на все это Елена Павловна и знает ли она вас?³ Старайтесь, милый друг, приобрести ее любовь; вы знаете, сколько для этой несчастной женщины быть может и надежд, и вместе опасений! Не изменяйте ни своей, ни Андреевой жизни; живите скромно, по возможности уединенно и довольствуйтесь чисто домашними и счастьем, и жизнью! Если дети вам возвратятся⁴, то требуйте ее советов, ее наставлений, чтобы не запала ей мысль, что она от них отчуждена; если же нет, то съез-

* Далее по-русски.

дите к старикам; вы сумеете их утешить и получить должное к себе доверие; будьте же умницей, как я вас знал и под новым счастливым игом! Не позволяйте себя пугать будущностью; идите к ней смело навстречу; сердце вам бронь и щит. С богом...

Обнимите (ах, что я сказал) суженого дорогого и наслаждайтесь вполне настоящим... Не говорил о ноябре — не люблю, да мне и некогда откладывать; я все мечтаю о мае!⁵.. К свадьбе... хочется быть тысяцким... Варе говорю: припиши — терпеть не могу приписывать; мне надо о многом ей говорить. Уморительная фигурка.

Всегда, просыпаясь по утрам, иногда и со слезами, просится в Иркутск! Жму ручку вам, благословляю и обнимаю.

А. Поджио.

68. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

[Никольское,] 14 мая 1861 г.¹

Ура Басову-сердцеведу!² Ура ему, психологу, как он умел искусно вести вас, добрейший мой Николай Андреевич, к осуществлению той радости, которая так глубоко отразилась и в моей душе! Обнимите же его за меня, этого доброго, эту язву, эту каналью!

Итак, и конец, и расправляйте же свои крылышки — как ни жаль расстаться, но поездка вам необходима, и с богом. Напишите мне, когда выедете, чтобы знать, когда именно выслать лошадей. Во вторник выезжает Анна Карловна из Москвы, то и можете через нее и дать знать. Оставьте свой багаж в Крюкове у кассира Леополда Ивановича Гаселского до возвращения из Никольского. Что сказать вам о себе? В день приезда я чувствовал себя как нельзя лучше; в первый вечер не чувствовал жару и опухоли; но на другой день пошел по садам, оранжереям; холод был страшный и на другой день почувствовал опухоль, а что еще хуже, расстройство от молока такое, что вчера только и прекратилось. Вчера только и решился приняться за пилюли, но что за время!..

Со дня приезда урина потеряла прежнее свойство, и теперь, несмотря на некоторую опухоль, как бы я смутил вас с пресловутою кислотой! Об этом — после.

Получил я также два письма от Наденьки — Андрей подарил ее чуть-чуть не всей Японией — и ящички, и ко-

модики, и столики!!! У нас обязательный труд во всем своем уродстве — кто как понимает его, так и делает. Какой-то монах прошел и рече тако: «40 дней бо вам работать» и бысть по словесам его!..

До свидания, любезный Н[иколай] А[ндреевич], приветствуйте от нас Лизавету Петровну и супруга ее Матвея Ивановича³. В ожидании вам предан[ный]

А. Поджио.

69. Е. И. ЯКУШКИНУ*

[Никольское,] 29 мая 1861 г.

Видно, какая-нибудь крайность только и может нас заставить прибегнуть к перу, дорогой друг наш Евгений Иванович, а то молчим да помалчиваем и как будто довольствуемся разменою одних мыслей; по крайней мере мы думаем, что вы так же по-прежнему нас любите и помните. Приступим к крайности: хорошо, что говорить можем не о себе, а о близком соседе, поселившемся в 2-х верстах от нас. Почтенный и добрый Александр Михайлович Станюкович, бывший издатель «Северного Цветка» и «Моды» и вследствие многих неудач отказавшийся от этого журнала, пускается в агрономию¹. Но так как и эта часть требует долгих ожиданий, то он и продолжает свои отчасти литературные занятия. Он составил для сельских школ «Русскую историю» в 10-ти небольших книжках и посвятил труд свой Михаилу Николаевичу Муравьеву, прося его покровительства². Не можете ли вы с вашей стороны содействовать такой просьбе? Принятие в руководство такой истории для школ, состоящих в ведении государственных имуществ, оказало бы большую пользу по своему ясному изложению всех исторических событий при такой краткости, принесло бы также вознаграждение трудолюбивому сочинителю, обремененному большим семейством. Не можете ли, еще раз прошу, помочь моему делу?

Выслали ли вы нужные деньги? Когда срок высылки и какой суммы Горбачевскому? От К^о остались у него в наличности деньги, то лучше было бы их там зачесть, а мне их получить здесь для избежания пересылки. Сообщите время и свои средства и уведомьте меня. Он же

* Письмо рукой Л. А. Поджио, подпись — автограф.

вчера мне сообщил, что сделанные разведки моей площади не оправдались, итак, последняя дощечка спасения упущена. Между тем вот уже три месяца как я болен, пухну и должен податься или на юг, или же за границу. Трудно решиться при моих обстоятельствах как на то, так и на другое. Во всяком случае мне хотелось бы уехать и обнять вас еще раз в жизни.

Простите, друг мой, простите и вы, добрая Елена Густафовна, обнимаю вас и деток ваших.

Ал. Поджио.

70. П. А. ТУЧКОВУ*

[Москва,] 21 августа 1861 г.

Милостивый государь Павел Алексеевич!

В предъявленном вам моем свидетельстве за подписью генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского упомянуто о жене моей Ларисе Андреевне 38 лет и дочери моей Варваре 7 лет; а в ныне выданном мне свидетельстве от 13-го июля сего года, за № 371, ни жена, ни дочь моя не названы; почему и всепокорнейше прошу ваше высокопревосходительство повелеть выдать жене моей с дочерью необходимый вид как для беспрепятственного выезда из Москвы, так и для свободного проживания в пределах Российской империи.

С чувством глубочайшего уважения честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

А. Поджио.

Жительство имею у Покровских ворот, в доме Овчинникова **.

* Письмо рукой Л. А. Поджио, подпись — автограф.

** Приложено «Свидетельство. Предъявитель сего бывший подполковник Александр Викторович Поджио, сужденный за прикосновенность к политическим делам 1825 г. 14 декабря, пятидесяти восьми лет, женат, имеет дочь Варвару. На основании высочайшего указа, данного правительствующему Сенату, в 26 день августа 1856 г., даровано ему, Поджио, право потомственного дворянства с возвращением из Сибири на жительство в пределы Российской империи (исключая Санкт-Петербурга и Москвы). В удостоверение сего и дано мною сие свидетельство за мою подписью и с приложением герба моего печати. Генваря 26 дня 1857 г. Иркутск. Генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Муравьев» (ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 31).

[Москва,] 28 августа 1861 г.

Любезный друг Евгений Петрович!

В поисках какого-нибудь для себя пристанища и читая объявления, я попал на одну оброчную статью, которая представляет, как кажется, большие выгоды. По приложенной при сем вырезке из газеты¹ ты увидишь, в чем дело, но для этого прошу твоего дружеского содействия, то есть: сделай милость, наведи справку в палате имуществ, в чем состоит эта статья:

- 1) В каком расстоянии селцо Берд от Козельска и от Калуги?
- 2) Какой дом и вообще все хозяйственные принадлежности?
- 3) В каком расстоянии от большой дороги?
- 4) При какой речке и в действии ли мельница?
- 5) Есть ли при усадьбе скот и сколько?
- 6) Сколько пахотной земли?
- 7) Сколько луговой земли?
- 8) Кто держит аренду и в какой цене она ходила?
- 9) С какой цены начнутся торги?

Если найду я в твоей описи нечто подходящее к моей цели, то я сам приеду на торги и вдвойне порадуюсь, если удастся поселиться в твоём соседстве.

Секретарь (жена) посещала Оптину Пустынь и обворожена была местностью; вот почему еще более я и увлекаюсь.

Прошу тебя хранить это для себя.

Скажу тебе, любезный друг, что если моя болезнь и не усиливается, то часто напоминает о себе. Я думал было, любясь Сергеем Гр[игорьевичем], направиться и сам в Виши, но, увы, средства не позволили.

Старец наш возвратился с ногами, довольно бодрым и вообще с восстановленными силами; он скоро едет в Малороссию к семейству, оплакивавшему сына Nelly Кочубея, умершего недавно². Бедная Nelly! Здоров ли ты сам и твое семейство вполне ли тебя радует? Как идет ученье детей? Приветствуй, пожалуйста, от нас всю твою добрую семью и товарищей — дорогих изгнанников.

Адрес наш: в Москву, к Покровским воротам, в дом

* Письмо рукой Л. А. Поджио.

купца Овчинникова, в квартире г-на Дарагана Ал. Вик. Поджио *.

Обнимаю тебя дружески. А. Поджио.

72. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

[Шуколово, ноябрь 1861 г.]¹

Нет, я не молчал, а писал, гремел, но перуны мои миновали вас, виновного! И вас ли щадить? Полтора месяца в Москве, и ни словечка, и не изучить в это время отечественную географию, чтобы узнать, где этот Дмитров, где это Шуколово!² Хорошо еще, что случился ученый Максимыч и вас направил! Я же вам писал и что же? — «Виноват», — говорит мне дворовый, уже оплешивевший на барской пьяной службе. — «А что?» — «Потерял-с». Так и погибло письмо мое, писанное 10 дней тому назад! Теперь опять за перо, опять пиши, а руки-то, руки! Но делать нечего, надо же и если не побраниться, то опять же благодарить за дружбу и печатанное усердие!³ Благодарю бога, что вы избежали все пропасти водные и сухие и наконец прибыли в Москву!

Ладно! Вот и в Москве — далее? Далее диссертация, университет и опять то же безвыходное положение, а ехать тянет в Сибирь! Поля — того; брату не подняться, что он ни говори и ни пиши! была надежда, но Надежда тучнеет, и на ту полагаться нельзя!⁴ Следственно, ехать вам и что же? Ужели для того, чтоб возвратиться, что, впрочем, было бы и согласно с моим мнением — науки ваши требуют практического совершенствования здесь, а не в Азии! Так или иначе, а между тем все это вас волнует, тяготит, а как быть? Жаль, что не видимся и не толкуем, а мало ли о чем было бы поразбеседоваться? Вряд ли я скоро к вам заберусь, теперь взялся за дело — только что прислали доверенности⁵. А как бы вы думали, из двух дел что труднее, определить ли надел с соглашением крестьян или составить грамотку?⁶ Первое кончено, а не угодно ли теперь взяться за последнюю; получасовой труд растянуть в месячный? Лужин⁷ по обоюдному соглашению представил 4 грамоты, и одна за другой были ему возвращаемы! Одно недополнено, другое переполнено; одно ниже, другое выше и пр. Теперь мудре-

* Далее рукой А. В. Поджио.

цы-юристы ломаются, пока есть время, а там увидите, как станет срок подходить, так и начнут, как водится, через пень колоду валить.

Хозяйство ничтожное, но сложное! Трехэтажный дом, 23 ч[еловека] дворни.

Боже мой! надо же мне именно наткнуться на это число!⁸ Посмотрели бы вы на этих ребятишек всех возрастов, всех пород! Что за плодовитость!.. Если у вас есть барыни, страждущие от бесплодия, посылайте их не во Францию, а на Икшинские воды (так именуется наша речка), в ней зарождаются не инфузории, а уже материя, выделанная с высшим механизмом и подходящая весьма к человеку! Да нам-то ли и самим стоит ли кичиться? Всмотритесь в то, похоже, а все не то: чего-то недостает!

Не законодателям нашим, а вам, вам, ученым, подлежит исследовать нашу русскую мозговицу и определить, от рождения ли недостаток одной выпуклости или преувеличение другой, или же совместное и неотвратимое явление при таких-то общественных данных! А все-таки дворовых мне не сбыть! С 1-го генваря мои граждане начнут свою вольную общественную жизнь, а дворовые? Подумайте за меня!

Итак, как вы видите, любезнейший Николай Андреевич, я все в том же безвыходном, весьма тяготеющем меня положении: у вас университет, у меня та же навозная губерния, у вас солнце, у меня тот же русский тусклый, скверный московский фонарь! У вас тот же кружок близких, а у меня не тот уже кружок, а целый треугольник! В одном углу сижу я, недовольный, распухший, надутый, как будто и впрямь тот же помещик... В другом, за рекой, сидит или лежит, не знаю, помещица 50 лет, но еще румяная, дородная; возле нее сидит или лежит, также не знаю, весьма дальний родственник (а почему же весьма дальнему родственнику не быть и весьма близким?), а поодаль лежит (уж этот, вполне знаю, лежит) так называемый муж! Этот муж 32 [года], долго, на отдыхе, и пора. А что за добрая, что за сострадательная женщина Авд[отья] Ивановна!⁹ Владелица 38 душ, что и составит с двумя вышереченными и все 40, она с 19-го февраля, когда в этот роковой день вырвали из ее материнских объятий деток крестьян, заперлась, обрекла себя на затворническую жизнь и всю горячность сердца сосредоточила на этих двух существах, одинаково ей дорогих, оди-

наково страждущих, один — излишнею старостью, другой излишнею молодостью. И как нежно-заботливо Авд[отья] Ив[ановна] умеет успокоительно действовать на одного и возбуждительно на другого! Как умеет она предохранить одного от внешних видений, которые бы могли взволновать безмятежную жизнь, другого от тех потрясений, которые могут его вконец расстроить. Таким образом, во избежание вторичного окончательного паралича скрывает от него случайную эмансипацию, и ежедневно счастливый еще помещик отдает по-прежнему старосте приказания: «заутра сгон, собрать баранов, баб не спускать и пр.»; паралича, как видите, нет, а помещик есть! И сама медицина должна разрешить женам обманывать мужей! Не забудьте вписать в номенклатуру влиятельных причин на параличи и эмансипацию, а равно и употребление дальних родственников в отвращение ударов! Впрочем, в уголку последовало бедствие, но об нем в другой раз и вам же посвящу диссертацию: «О влиянии дальних родственников на женскую пуповину». Но пора заглянуть и в третий уголок, которого не видать, но слышите, вероятно, раздающиеся там 85 голосов! Слышите? нет; ну так прислушайтесь: «Упокой душу раба твоего Гавриила». А вы не знаете, кто этот Гавриил? — нет; — очень жаль. Это не больше, не меньше как Г[авриил] Павлович Головин! ¹⁰ И этого не знаете?... еще того хуже! А кажется, печатано о нем и родословная также; весь род был благочестием проникнутый, весь он был богомольный и зарожден в страхе божьем, а Гавриил, в особенности возлюбивый бога и потом уже монашенок, принялся за стройку храма и обители! Вот он и сказал 500 своим душам: «3 дня богу и 3 дня мне», — и пошли все шесть дней в работу, храм построил, да и мужичков порасстроил! А когда настало 19 февр[аля], дворян задурила, разбежались, а мужички за ней: «Будем богу 3 дня работать и вам ни одного!» — «Давайте же, бестии (покойник не любил скрывать своих мыслей), кур, баранов»; — «Не дадим»; тут уже затуманилось в голове бедняжки; перестал звонить к заутрене, ходить петь на клиросе и когда послал за посредником и сказал ему, что не дают ему, богомольцу, кур, и когда этот отвечал: «И не дадут». — «Баранов?» — «Не дадут», — он с этим словом взял (конечно, не баранов) да и умер! Мир праху его!

Так вот вам уголки мои и посудите, любезный друг,

похожи ли они на бывшие мои мечты: там, за горами, за долами отогреваться у женевского солнца; упиваться не мертвящею водою Икши, а живительною Виши! А между тем здоровье плохо, страдания повторяются, и на днях было болезнь прибавила такого шагу, что я думал и не удержать ее. В галоп еще не пошла, вот что могу вам только сказать, но знаю, что при нашей нагорной местности седоку не удержаться! Как человек не оппозиционный, я ни ей и никому и ничему не противлюсь.

Теперь другое. Когда же мы увидимся? Вряд ли мне собраться к вам прежде генваря. Дорога сквернейшая, переезд долгий, здоровье плохо, да к тому же писания-то, писания! А по этому сумбуру можете судить и о том, который будет выражать и грамотка! Вы как медик, все простите водяное водяному, а те-то, те-то!.. Боже мой, страх берет!..

К делу,—но где же Дараганы, где их семейство? Я писал, писал, ни ответу, ни привету. Скажите мне об них словечко, для меня весь мир обратился в ? знаки! Ничего не знаю, знаю, что Машенька, племянница, будет ко мне из Питера, и жду ее¹¹. А племянники! О протобестии!

Как-то вы меня прочтете и поймете — вот вам доказательство необходимости с вами поболтать. Обнимаю вас, друг мой, и до свиданья! где и как, не знаю. Простите.

А. Поджио.

Елизавете Петровне и Матвею Ивановичу передайте дружеские наши приветствия. Простите еще раз.

73. Е. И. ЯКУШКИНУ*

[Шуколово, начало января 1862 г.]¹

Добрейший друг Евгений Иванович!

Приезде милой Людмилы Александровны² я обязан первым извещением о вас после долгой, томившей меня неизвестности. Я вам писал, а ответа не получил; вы ездили в Петербург и не заехали к нам; и как все это вместе пало мне грустно на сердце, но я утешаюсь и тем, что вы, упрекая меня в молчании, доказываете, что не совсем разлюбили старика, а старик-то похварывает, да и не на шут-

* Помета Е. И. Якушкина: «Отв[ечено] 19 фев[раля] 1862 г.»
Письмо рукой Л. А. Поджио.

ку. С прошлого февраля, как я вам писал, я поступил в хроники и болезнь моя приняла вид самый серьезный: нефрита, или же воспаление почек — вот ее определение. Пытался я и мечтал съездить за границу, не за бессмертием, но за облегчением, но негодные племянники при их богатстве, отказываясь в выдаче мне полученного ими после меня наследства, лишили меня средства достичь этой цели, а потому я вынужден домораживать себя на родине. При моих стесненных обстоятельствах я ограничился взятием в аренду небольшого имения Елены Сергеевны; но, приведя его в некоторое устройство и с окончанием надела, думаю весною пробраться на юг, чтоб стать ближе к солнцу и где-нибудь там кое-как приютиться. Как-то невесело вести под старость такую кочующую жизнь, но что делать, избранный род моей службы пенсионера не дает. Мы живём здесь в затишье и вот уже 3 месяца решительно не видали ни одной души; не менее того, несмотря на мою отходную жизнь, я не перестаю быть предметом заботливости попечительного местного моего правительства. Приятель ваш, князь Оболенский³, в бумаге своей к здешнему становому изволил повелеть иметь за мной самый бдительный надзор и в таких выражениях, что, в оправдание репутации благородного человека, я предполагаю, что он подписал бумагу, не обратив внимания на жесткий оборот бывшего канцелярского слога. Все это последовательно и глупо, и было бы смешно, если бы нервы мои могли все это хладнокровно переносить. Сильные удары палицы судьбы в молодые мои годы менее были для меня чувствительны, чем все эти булавоочные уколочки при моей старости и при моем раздражительном здоровье. Это также одна из побудительных причин удалиться в степь, как можно далее от московского воздуха. Но, признаюсь вам, больно мне думать, что я не могу выехать, не простившись еще раз с вами; а бедный Вячеслав покинул нас⁴ и передал вам любовь к своей крестнице; не забывайте ее, друг мой, когда меня не станет. Пухлые руки мои изменяют мне, и я заставляю бедного моего секретаря передавать грустные, но душевные мои мысли. Варя моя растет и развивается и утешает меня, но как-то ей не посчастливилось в Шуколове: все это время и она прихварывает; отношу я это к нашему неудобному, холодному помещению. Огромный дом, построенный русским баром, вот и извольте отапливаться и

гнездиться, как знаете, а морозы в 32 градуса, что за выюги. Но все это родное и вечно мило*.

Милая Елена Густафовна (вот вам откуда и рука явилась), целую добрую вашу ручку, благословляю вас, деток ваших! Простите, простите, друг мой Евгений! Сколько пробудилось воспоминаний! Господь с вами и, если можно, до свидания, но еще здесь.

А. Поджио.

74. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ**

[Шуколово,] 16 января [1862 г.]¹

Наконец, добрый и милый друг мой Николай Андреевич, письмо ваше от 13-го декабря запало в шуколовские пределы и сблизило несколько опять меня с вами. Я так отделен от всего живого, что невольно зарождается вопрос — от сего ли я еще мира? Поэтому, писавши ко мне, ошибочно вы говорите: «Вы, вероятно, знаете». Убедитесь в одном, что я ровно ничего не знаю, несмотря на мою обширную переписку, которая заключается или по управлению имения, или же по длившемуся еще делу с негодяем моим однофамильцем². Слышал вскользь о побоищах университетских; скорблю о них, как недостойных призвания исключительно образованного класса. Улицы — не forum, и заявлять на них притязания не свойственно ни духу времени, ни духу бойцов, которые должны избегать всякого столкновения с силой грубой, материальной³. Такой род дикой борьбы выказывает только бессилие; бессилие же ведет к трате того последнего нравственного влияния, которым пользовалось наше студенчество. Согласитесь сами, любезный друг, что горькие последствия наводят к такому заключению: исчезть только число несчастных, пострадавших жертв, взять в соображение составленный вновь университетский устав, который, конечно, будет стеснительнее прежнего; и вот итог тех неуместных и не в должных условиях выраженных манифестаций, демонстраций, как их называют франки. Университеты потеряли, конечно, относительно только времени (но это много) большую часть своего влиятельного значения в

* Далее рукой А. В. Поджио.

** Пометы Н. А. Белоголового: «<1860> 1862». Письмо рукой Л. А. Поджио.

мире умственном. Успех один и огромный: это удаление японца и назначение способного и истинно передового человека Головнина⁴.

Все, что вы говорите мне о делах ваших семейных, очень неутешительно, хотя, признаться, я и ожидал такого исхода. Медленность в представлении отчетов нельзя отнести к лени или же бездействию А[ндрея] А[ндреевича]⁵. Тут ясно обнаруживается дефицит, который трудно выказать несуществующим. Дела шли так быстро, исполнение было так сложно и неотчетливо, что немудрено, чтобы не оказались пробелы при проверке всех хаотических этих цифр. Да и бог, чтобы окончательная цифра только не оказалась значительной, а еще больше, чтобы этот вывод мой оказался ошибочным. Вы удивляетесь, что управление не теснит еще Андрея А[ндреевича]: во-первых, это вследствие доверия к действиям Иркутской конторы и потому, что управление в лице Аполлона щадит и А[ндрея] А[ндреевича]⁶. Такое предпочтение со стороны управления к Аполлону действует на самолюбие Андрея; я с вами откровенен: Андрей, не допуская практического превосходства Аполлона, не может разделять мнения управления и, быть может, мнения всех, а потому, присваивая себе право старшинства, невольно поперечит или же, осуждая его действия, вредит ходу вашего собственного дела.

Владимир, при меньшем объеме ума, но энергичной деятельности своей, также мыслит и действует несоответственно однообразной и неподвижной системе торговли Андрея. Скажу вам и то, что у Аполлона при вступлении на это поприще выражались интересы личные, вовсе отдельные от ваших общих. Вы же, любезнейший мой философ, вы витаете в сфере умозрений и отвлеченностей; то мудрено ли, что при всей братской к вам любви они, считая вас хотя человеком и умным, и достойным, вместе с тем считают вас простячком, трутнем в торговых их предприятиях. Такие разнородные начала и разнохарактерные личности ведут к неминуемому распадению и к тому горькому последствию раздела, которого вы по благородству и деликатности своих чувств так страшитесь. Допуская все эти условия и всю эту обстановку, при которых ведется ваше дело, согласитесь, что раздел не только неотлагаем, но даже необходим и неизбежен, как единственное средство не расстроить дело вконец. Когда лебедь несется к облакам, рак пятится назад, а щука тянет в воду, то вам, чет-

вертому на колеснице, места нет. Если бы вы были чистый эгоист, то сказал бы вам еще и то, что собственно для вас при существующем порядке дел вы не только не приобретете, а можете потерять; тогда как при разделе, какая бы часть вам ни выпала, она останется неприкосновенною, не подлежащею случайностям не всегда выгодного оборота предпринимаемых дел при таком разногласии действующих лиц. Итак, мужайтесь, крепитесь, любезный друг, и покоритесь действительности, как ни горьки бывают подчас наши разочарования. Наконец, почему же и не так, если неизбежный этот результат удовлетворит интересы всех, взятых каждый порознь; сверх того, вы видите ясно, что большинство против вас. Простите, добрый друг, если для уяснения вопроса я коснулся таких подробностей и таких близких сердцу вашему отношений; но вспомните, что я сам не чужд вам, и вот почему я позволил себе такое отступление при искренности неизменных моих к вам чувств.

Печальные известия об Амуре крайне меня огорчили: поистине какой-то *fatum* преследует все наши предприятия по всем частям устройства этого края. Что сказать, когда Уссури, эта жемчужина страны, и та так ужасно пострадала. Беспристрастное, живописное перо Максимова в каком виде представляло этот край! И все это или унесено, или затоплено!⁷

Если такое истребительное явление должно было осуществиться, то, конечно, лучше, что оно выказалось при самом начале водворения, чем впоследствии, когда бы подверглись опустошению годовые запасы и труды! Когда мне воспевали богатство и условия будущности Амура, я всегда себе задавал вопрос: каким образом страна, изобилующая такими богатствами, не вызывала избыток густого народонаселения смежного с нею Китая и оставалась таким образом вовсе необитаемою?

Тут что-то есть и есть какая-то противодействующая сила против всякого заселения. Конечно, азиатец не способен на подвиг европейца — поработать себе все силы природы; конечно, если мы будем действовать с первоначальною горячностью и настойчивостью, то преодолеем все препятствия и укоренимся с успехом на Амуре; но сколько нужно для этого и времени, и пожертвований. Первого у нас много, на последнее же мы так скудны. Поступок М[ихаила] А[лександровича] ничем не извиняется: такое нарушение всех обязанностей не может оправды-

ваться никакими изворотами, в какие бы формы он их ни облакал! Платить за такое слепое доверие такую эгоистическою неблагодарностию — преступно; оставить молодую, бедную женщину на произвол среди искушений, подвергнуть ответственности столько лиц, оказавших ему теплое участие, вряд ли все это вместе даст ему довольно смелости ~~искать~~ встречи с Н[иколаем] Н[иколаевичем]⁸. Одни столбцы русской печати, вероятно, обогатятся его произведениями, и любопытно знать, каким пером он станет чертить абрисы нашей Сибири и в особенности в каких очерках представит он торжество своего бегства!

О друзьях Дараганах ни слуху ни духу; письма наши остаются без ответа. Где они? не ведомо никем, разве допустить один недостоверный слух, что они намерены были перебраться в Петербург; так ли это? Дайте, пожалуйста, сколько можно подробностей о их житье-бытье. Очень рад, что наконец Матвей Иванович у покойной пристани, поклонитесь им обоим от нас⁹.

О себе скажу вам, что последнее время здоровье мое несколько стало сноснее. Не смею и думать, и обещать себе видеть вас в Шуколове; при этих морозах и выюгах бессовестно бы было и требовать такого самоотвержения; но с теплом надеюсь сделаться самым неумеренным требователем необходимости гас крепко обнять. С теплом будем поумнее и придумаем средство, как удобнее осуществить нетерпеливое мое ожидание.

Простите, любезный друг, оба мы вас дружески приветствуем, а Варя хочет сама вам писать. Обнимаю вас.

А. Поджио.

Податель сего — честнейший солдат, утративший с здоровьем своим и бывшую бойкость. Как ни желал я его сохранить у себя, но и совестно, и грешно пользоваться его усердием. Помогите, если можете, ему; у него страшное расстройство желудка, сверх этого, если нужен сидячий, но бдительный сторож, то ручаюсь за него, как за самого себя. Есть просьба: нужно внести в Оп[екунский] сов[ет] деньги¹⁰; я просил Николая Романовича выдать денег бурмистру или если у него их нет, то разменять серию. Так как он мне писал о своем выезде в Петербург, куда он был потребован и после того не приехал к нам, как он обещался, и, вероятно, еще не возвратился из Петербурга, то в таком предположении я направил бурмистра уже

к вам. Потрудитесь разменять серии и, если можно, ценой, какой они мне достались, то есть за два месяца вперед проценты, а впрочем, делайте по своему усмотрению. Платить надо, хотя и жаль бы было отдавать серии, тем более, что на днях будут кредитные билеты и лежать будут втуне, медлить же нельзя.

75. М. С. ВОЛКОНСКОМУ*

[Шуколово.] 1 апреля [1862 г.]¹

Надо обратиться к воспоминаниям ссылки, к очарованию, которое имели некогда эти задушевные собрания, чтобы не слишком ощущать пустоту сегодняшнего дня; большая семья разбросана, разделена² — мне остается лишь, дорогой друг Миша, издать к вашим пожеланиям присоединить свои о сохранении дней достойной вашей матери!³ Дорожу возможностью датировать это письмо днем тем более приятным, что матушка только что сообщила о том, что 12 марта сидела на свежем воздухе и солнце при 25° тепла. Судите по сему об улучшении, которое она испытывает, и об отличии нашего климата; мы еще почти среди снегов. Как вы мне предсказывали, едва вернулась моя жена, как я получил одно за другим два письма от вашего папы, в которых он объявляет мне о своей отставке с тем блеском, который он придает отказам. Он предупреждает меня, чтобы я более к нему не обращался с тем, что касается дел и особенно Шуколова, что он потерял всякое влияние, не говоря на кого, но делая ударение на «чудный Миша» и «благородный Николай»⁴. Но посудите, какой должна была быть его радость, когда в ответ он получил от меня самую настойчивую просьбу прийти мне на помощь и приехать ко мне, чего бы это ни стоило. Действительно, мое положение более невыносимо — надо, чтобы это кончилось так или иначе. Посредник не потрудился приехать нас примирить и весьма серьезно предлагает мне представить грамоту нынешнего раздела, что против моих взглядов. Это значит вернуться к тому положению вещей, которое отдавало все леса на милость косы и топора; глупый выход, разорительный сейчас и более затруднительный в будущем. Это не раз-

* Подлинник на франц. яз. Письмо рукой Л. А. Поджио.

решить, но отложить на 1863 год вопрос, решение которого будет еще более трудным. Я знаю, что вы и столько других воспользовались этим средством; находясь в иных условиях, вы смогли это сделать, но я со своей Шуклой, с этим расположением земель одних через другие — это значило бы, что разорюсь я или любой другой, который принял бы это бремя в 1863 году, потому что замена совершенно необходима. Великодушные щедроты мужиков и покойного могли бы быть применены к настоящей системе земель, которые надо объединить в единое целое, точно определенное и очень удаленное от лесов. Воздерживаясь от представления грамоты, на этом основанной, я сообщил обо всех разорительных неудобствах, связанных с ней, о пунктах соглашения, которые надо иметь в виду, и попросил папу, обстоятельно обсудив вещи на месте на большом совете, приехать ко мне с неограниченными полномочиями, не такими, как у меня, могущими дать средство кончить раз навсегда с крестьянами и фермером. Но прежде, чем мое письмо достигло цели, я получил вчера другое письмо от папы, в котором он уже восстановлен в своих правах и особенно в праве включить 199 пунктов в будущий контракт с фермером⁵. В наших условиях он — всё, и посудите, в каком я состоянии; я не теряю надежды, что он оторвется от домашнего счастья и приедет ко мне после праздников. Я попросил в противном случае дать окончательное мнение по всем пунктам и не думаю, чтобы они могли избежать затруднения, которое они все испытывают, сказать свое последнее слово. Вот уж две недели, как вы уехали, как у меня нет весточек от вас и как я воздерживался давать вам свои. Как вы нашли вашу домашнюю жизнь? Где вы, все четверо?⁶ Вы заставляете меня желать более скорого ответа от племянника, потому что деловое письмо скорее побудит вас взяться за перо, а следовательно, сообщить ваши новости. Что я узнал верного от Мари, которая проводит праздники у нас, это то, что состоялся раздел имения, взятого в целом, и что так называемая отдача в залог не была аннулирована, потому что она никогда не была признана по закону в судах и просто была недозволена. Вот что также подтверждает цифру, оказавшуюся у Леона⁷. Защита моя, следовательно, примет характер более важный и еще более окончательный, более всего мне придется пожалеть об отсутствии бумаг, касающихся нашего семейного раздела 1819 года.

Эти бумаги доказали бы, что сумма в 110 000 рублей была для вида внесена мной, чтобы успокоить старую умирающую Челищеву⁸; что эта сумма никогда не превышала 90 000 рублей, и все-таки 157 крестьян никогда не могли бы составить эти 110 000 рублей, потому что, если бы их прибавили к три раза по 97, что составляло долю каждого из нас троих, общая цифра выросла бы до 448, в то время как Яновка имела в 1819 лишь 419⁹. Но предположим даже по совести необходимость признать передачу в залог; я считаю, что в результате мы ответственные только в случае разорения, и весьма странно, чтобы я предложил свое имущество. Это несмотря на то, что сумма вся выражена в имуществе, доставшемся им до и после смерти их отца. Я не мог бы также, раз он этого хотел, пренебречь счетами, касающимися наследства моей матери. Имущество моей матери было свободно от всех долгов, а он удержал у меня 1750 рублей, которые, как он говорит, были взяты у него с 95 крестьянами. Итак, я собираюсь заставить его плясать под эту музыку.

Поздравляем мы все тебя и княгиню с праздником¹⁰; дай бог вам повеселиться и деточками покичиться. Прощай и до свидания*; письмо мое вдруг прервали, не хочу пропустить почту. Обнимаю тебя.

А. Поджио.

Почтенному Ивану Васильевичу мои дружеские приветствия¹¹.

76. Е. И. ЯКУШКИНУ**

[Воронки,] 25 июня 1862 г.

Когда на вызов мой, дорогой друг наш Евгений Иванович, видется с вами вы мне ответили обещанием исполнить мое горячее желание в течение года, то я, имея перед собой столько времени, воспользовался случаем съездить в Малороссию! Не раз пробегала мысль прокатиться до Ярославля, но гнусные денежные расходы все меня останавливали, а между тем я вас не обнял, любезный друг мой, и отброшен далеко от вас. Болезнь моя так было усилилась, что нужей был мне юг, или, лучше сказать, его солнце во что бы то ни стало, и вот с какою целью

* Далее рукой А. В. Поджио по-русски.

** Письмо рукой Л. А. Поджио.

поспешил своим выездом. В Москве еще все была надежда вас встретить, но и тут обманулся; повестить же вам было бы неуместно, зная ваше служебное стеснение. Но вы говорите «в течение года», стану верить и допускать возможность нашего свидания. Быть может, оно и сбудется, если мы здесь не закабалимся покупкою какого-нибудь клочка, т. е. мазанки с вишневыми двумя или тремя деревьями. Не удивляйтесь таким тщеславным моим помыслам: старший мой племянник вследствие какой-то гласности отвергнул мои миролюбивые предложения и хотел посредством третейского суда «выказать себя непричастным в наследстве после меня. Он прибыл в Москву (мы с ним, разумеется, не видались), и избранный им посредник Мяснов, а с моей стороны Ребендер решили дело в мою пользу, т. е. признали его наследником одной части, определенной в 6 600 рублей, которые он мне и уплатил¹. Так как оный племянник признавал прежде эту сумму за собою, то я и не настаивал на большую. Слава богу и за это! Теперь у нас немного, но все же есть что-то похожее не на бедность. Когда-то эта сумма была значительна, но как она скудна при возрастающей теперешней дороговизне. Мы в 200 верстах от прежнего имения²; думаем вскоре съездить и туда повидаться с племянницами и попытаться потеребить и другого наследника-однофамильца. Впрочем, надежды мало, но я должен всего домогаться, если не для себя, то для моей Вари. Скажу вам, сверх всего, что я поистине воскрес; надолго ли, не знаю, но все недуги мои на время прекратились, что приписываю я сильным испаринам, которых я не мог прежде никак добиться. Вероятно, с наступлением холодов отзовутся укоренившиеся боли, но все-таки теперь могу надеяться, что они, быть может, и не будут выказываться в такой сильной степени.

Адрес наш: его выс[око]бл[агородию] Козме Яковлеви-чу Дарагану, в Москву, у Покровских ворот, в доме Овчинникова, с передачею А. В. Не обозначая фамилии.

77. Е. И. ЯКУШКИНУ*

[Воронки, июль 1862 г.]¹

Вот уже три недели, как мы живем у доброй нашей Елены Сергеевны Кочубей и где муж ее Ник[олай] Ар-

* Письмо рукой Л. А. Поджио.

кадьевич осыпает нас самыми искренними, горячими приветствиями. Здесь временно собрался наш бывший сибирский дружеский кружок, но, увы, это только обломок того целого, который так распался. Сергей Григорьевич хотя и поправился после поездок своих за границу, но сгибается под гнетом своих 74 лет; бедная Марья Николаевна борется с изнуряющею ее болезнью; худа и слаба донельзя, и для нее также зима и холод будут, дай бог, чтоб не окончательно убийственны. Михаил Сергеевич с женой и с двумя детьми проводит лето также у Кочубея. Не могу между прочими утешениями не тешиться благородными действиями моего хозяина — посредника. С какою справедливою настойчивостью действует Николай Аркадьевич, приводя противоположные стороны к возможному соглашению при упорстве как панов, так и хохлов, как многозначителен был на днях его возглас при других двух посредниках, что у него в участке не дано было ни одной розги и ни разу не употреблена была военная команда. Заметьте, что у него первого были смуты в имении, и он сумел все прекратить, не прибегая ни к каким строгостям, и, несмотря на самые безумные выходки, он же подарил им по полдесятины усадьбы и признал выкуп по казенной цене. Вы можете себе представить, какое благодетельное влияние имело такое великодушие со стороны самого посредника. Вообще же дело крестьянское хотя и тянется, но, по всем вероятностям, получит желаемый исход. Конечно, если бы правительство вменило обязательный выкуп, то такое содействие имело бы самое благотворное и ускорительное влияние на общее всех желание².

Урожай повсеместный. Сейчас заходила к нам Елена Сергеевна, просила вас очень кланяться и уведомить ее, получаете ли вы от Бибикова должные в артель деньги³; Бибиков ничего ей об этом не пишет.

Варя наша растет и развивается; здесь постоянно на воздухе, играет с Сережей Молчановым и с маленькими детьми Михаила Сергеевича.

Оба мы с женой просим вас передать наше приветствие Елене Густафовне и поцеловать ваших малюток. Порадуйте нас весточкой о вас всех и адресуйте в Козелец, Черниговской губернии, в село Воронки, Елене Сергеевне Кочубей с передачею*.

До свидания, друг мой.

А. Поджио.

* Далее рукой А. В. Поджио.

[Венеция, декабрь 1863 — январь 1864 г.]¹

Затронь на деле делового человека, и он отзовется! Так было и с вами, добрый друг мой Андрей Андреевич, когда на письмо мое вы ответили и готовностью услужить мне, и радостною вестью о себе. Слава богу, что вы здоровы и еще не вымерзли! С тех пор как пахнул на меня заальпийский воздух и согрело меня итальянское солнце, не могу и на ум себе взять возможность жизни при вашем фонаре! А между тем, закутавшись в шубы, вы там себе с доктором да с дедушкой поживаете² и, чего доброго, пожалуй, в злой час и посмеиваетесь, азиятцы, над нашей европейскою блажью! Блажим, дурим, батюшка, да как и быть? Нашли, что древняя история негодна, и взялись за географию — вот и один историк бросил своего Юлия Кесаря³ да принялся за землеописание и земледелие — тут-то и бросились в трубы и ну трубить на все голоса — война, война... давай же все вооружаться, укрепляться, затрачиваться и подлинно все наготове!.. Дело стало за одним — отыскать врага; кто с кем и против кого идти? Пожелайте со мною, чтобы эти гончие журналисты не выследили этого врага, труса, скрывавшегося не знаю где, и да не оправдаются слова знаменитого Бисмарка «война может быть повсюду и в какое время захотите!»⁴ Утешительно, нечего сказать, в особенности для меня! В кои веки выбрался погулять, повеселиться, понасладиться, а тут прошу печалиться, тревожиться и пр. Да еще на беду попал в Венецию! Венеция, некогда веселая, игривая, шумная, замолкла, затихла; облеклась в какие-то мрачные одежды, нахмурилась и отказалась от всяких частных и общественных увеселений и отказалась даже от своего... вы удивитесь — карнавала. Хотели было открыть театр Фениче, выписали старую Фраццолину, и она, бедная, уже на пути получила от Комитета письмо: «Горе вам, если вы явитесь на сцену!» И не слышать за этим Комитетом и оперы! Вы слышали из газет, что Комитеты в ходу, в моде...⁵

Как же Венеции не иметь своего и вместо подземельного, конечно, подводного. Вот он пускает прокламации, приказания Фраццолине и мне также не веселиться. Какое мне дело до этого яблока раздора между Австрией и

* Помета А. А. Белоголового: «П[олучено] 28 января [18]64 с почтою».

Италией? ⁶ Пусть они вооружаются и сразятся, как говорят, весной. Мое дело бежать (и убегу в феврале в Швейцарию). Там, за ее стенами, укроюсь и буду пить эвианские воды. Там нет того брожения, которое невольно передается, и есть нужные условия для процветания больных телом и умом. Первое мое в хорошем положении — солнце так австрийское действует благотворно, и катары, почечные боли выброшены аки скверна за Альпами. Зима здесь самая чудная, морозу еще не было!!! Что скажет мой добрый доктор обо мне? — улыбнется, покачает головой — «мне дела нет до здоровых», и поплетется к своим страждущим больным! Но я когда-нибудь разохочусь и приведу его в чувство — опишу нефриту, и он отзовется. Не думаю, чтобы он мог сойтись с вашим климатом, и как бы ему нужны другие условия жизни! Он у вас вянет, стынет... ему нужно и другое солнце, и другие больные! Видно, и Петр Александрович отказался от своей поездки, и дело — в такие годы даль раздвигается, а сердце сжимается при мысли одной покинуть кружок людей, близких по чувствам, по понятиям, а еще более по привычкам. Вы поверить не можете, как изменение даже в последних действует на расположение духа — так трудно жить заново! И как одиночество высказывается на чужбине — космополитизируй, как хочешь, а свое подавай, да и только! Здесь есть русские — наберется их дюжина, съехавшихся со всех концов. Здесь поэт Вяземский и сын его, бывший попечитель Казанский! ⁷ Первый лечится от бессонницы! Как поэт, конечно, первый нашел здесь искомое и стал спать вдоволь, однако же подчас и звучит нам на монотонной своей цевнице.

Тут встречаю также нечто в виде человека под именем Капниста — встречал я это нечто когда-то и в России. Самовольно он изгнал себя, и вот уже 30 лет, как он скитается по долам, по горам и не без пользы! Он многое открыл: во-первых, что он не хохол, а грек, во-вторых, что он не грек, а венецианец, в-третьих, что он не дворянин, а граф, в-четвертых, что он не Капнист, а Capnissi, в-пятых, что Государственный наш совет все это отвергнул, а, в-шестых, это уже я открыл, что он ничто! — если не добрейший дурак ⁸.

Читали ли вы в «Летописи» «Зигзаги туриста»? Турист этот — бывший некогда в Сибири Колошин ⁹, и теперь он зигзакирует здесь в Венеции: я его встречаю и

только. Вижушь часто еще с Бакуниным. Как! что? Не пугайтесь, любезный друг, то не мореплаватель, а дальний родственник его и здешний консул: весельчак и добрый семьянин¹⁰. Есть еще милый образованный доктор Янсон из Киевского университета¹¹. Его медики между прочим <...>* осудили за туберкулез на смерть, а он уже полтора года разъезжает себе с приговором, и, поживши в Венеции, доктор отлагает исполнение казни еще на столько же! Вот какова Венеция для грудных уже взрослых. Вот вам вся почти колония русская. Все прочие раскиданы по кофейням Флоренции, Ниццы, Комо и в особенности по ледникам Швейцарии... За исключением некоторых личностей, выдающих еще чудовищную прежнюю русскую дурь, остальные живут скромненько и стойко переносят процесс перерождения: таким образом, тот, который не допускал возможности жить без швейцара в своей передней, довольствуется теперь швейцаркою в своей спальне!.. Многие, как-то: Скрипицын, бывший в Сибири Моллер и другие — с известным успехом печатали в «Nord» победные опровержения на бранные статьи иностранной, всегда нам враждебной журналистики!¹² Здесь же не только не найдешь русского журнала, но даже и в почтах отголосок официальной нашей политики не выписывается.

Впрочем, ошибочно было бы предполагать здесь какое-нибудь неприязненное чувство, а ближе можно это отнести к равнодушию островитянки, для которой материк и ограничивается Альпами и морем. На вид венецианцы — самый апатический народ, они особенно приветливы и кротки донельзя! В Венеции нет тех многочисленных сторонников, которые разделяют нацию или город на столько drobных, противоположных частей, здесь всего двое: австриец и венецианец. Ничто их не сближает, а все разъединяет; стоят друг к другу тылом, а между тем никогда вы не увидите и не услышите малейшего столкновения! При таких разнородных началах уживчивость этих двух противопоставленных часовых изумляет людей, не понимающих сдержанности такой. Несмотря на миролюбивое расположение этого народа, все площади, все коридоры (так я называю здешние переулки) усеяны денно и ночью австрийцами при своих тесаках! Торговли, промышленности, работ общественных нет, и судите о городе, который только мог жить при развитии этих условий! Все это

* Одно слово неразб.

А. В. ПОДЖИО С ДОЧЕРЬЮ
Фотография Л. Перини. Венеция, 1863

грустно, безотраднo, и вы поймете, почему какое-то болезненное чувство так и вытесняет меня отсюда! При свидании когда-нибудь!!! Абрис мой будет и вернее и колоритнее. Как! скажете вы—до свидания! а почему же и не так. Думал ли я на берегах ваших встретить когда-нибудь и Шартра, и Шамбора, и Моденского, и уже самого Шмерлинга, перед которым я вчера погасил свой фонарь¹³, а увидел же я эти лежащие обломки и этого пошатнувшегося, но все еще стоящего, великого когда-то человека, и почему бы не увидеться с вами, с моим философом-другом, и не обняться по-прежнему Пишите мне, пожалуйста, о делах ваших; как все идет по торговле вашей? Успешно ли? Жму вам, друзьям, руку и поручаю вас богу, а с вами и мою дорогую и всегда памятную Сибирь! Как-то вы прочтете меня, безрукого

А. Поджио.

[По дороге в Воронки.] 23 апреля [1864 г.]¹

Телеграммы одна за другой после ровно суточного полета возвещают конец нашему пленению, и давай бог! Пора, пора на покой и нам, и дорожному нашему покойнику². Сегодня в 7-м часу пополудни ожидаем Неллю и, не предвидя никаких препятствий, нахожу возможность выехать завтра рано. Дилижанс достигает Киева после четырехсуточной езды дневной и ночной. Полагать надо, что мы не совершим этого путешествия так скоро и ранее шести дней не завидим козелецкие поля! Телеграмма одна гласит об отправке сундуков с транспортом, а билет на сундуки у них! Сколько я им об этом говорил: отправить тяжести немедленно по прибытии в Остров; они бы одновременно достигли с нами Козельца, теперь же будут там двумя неделями позже!! Мое дело вследствие непомерного холода привести наш *hôtel de chemin de fer* в оборонительное положение: велел вставить выставленные рамы, раскалить печи и принять горячо гостей, а последующие действия зависеть будут не от меня. Я буду стараться избегать подачи всякого мнения; я еду не ментором, не цензором, и если буду успевать подчас оживлять грустное одиночество в Воронках нашей Nelly, то я и тем буду доволен. Хотя мои чувства к ней едва ли уступят чьим-нибудь другим, не менее того, я все-таки остаюсь ей человеком чужим, и при непосредственном деятельном участии и влиянии родных кровных всякое не вызванное с моей стороны вмешательство было бы и неуместно, и безрасудно. А потому, предвидя неизбежную ломку как в домашнем, так и в хозяйственном управлениях, я тебя заверяю заранее, что тут моего ничего не будет. Дело их, их и ответственность. На первый раз ограничусь засевом реп, шпинатов и пр., а там займусь приготовлением к выезду за границу.

Для этого должен с тобой, любезный друг, поговорить особенно. Во-первых, вот уже два дня, как я подпал под влияние этого русского холода и тут же стал по-прежнему пухнуть! Здоровье, с одной стороны, обещание старику съехаться — с другой, вероятно, заставят меня заблаговременно заняться разрешением этого вопроса. А почему этот вопрос, столь простой, превращается в весьма сложный? А потому, что это я, а не кто другой: для Протасова³ это

24 часа, а для меня нужно будет два, три месяца, как и было. Поданная просьба в мае разрешена мне была в августе, почему я и утратил время, удобное для лечения водами. Теперешнее время я посвятил тому, что я счел обязанностью к памяти покойника, и, таким образом, если я задумаю приступить к начинанию этого дела тем же путем, то, вероятно, тем же путем оно и пойдет и далее, а потому и прошу тебя, предвидя твое отсутствие, переговорить с г[осподином] Потаповым⁴ и пояснить ему вышеперечисленные причины в случае получения моей просьбы. Может быть, повторение, весьма естественное с другими, покажется странным, диким с моей стороны. По крайней мере, убедиться в одном: не последует ли препятствие. Я же думаю направиться к началу августа к Эвиану — так как мне не купаться, а пить воды, то я и не опоздаю. Туды подъедет и старик, где мы будем, как я ему писал, служить друг другу костылями. Все это говорится в том предположении, что сил моих станет на такое предприятие, потому что дело может гораздо проще и ближе разрешиться.

Бедный Николай Аркадьевич (почему же бедный) у меня под окном!

Я писал Николаю Николаевичу, благодарил, как сумел, за его дружбу и вместе с сим объяснил, сколько мог, что я нисколько не стеснен в своих обстоятельствах и что его тысячи составляют только $\frac{1}{10}$ всего моего капитала, а потому и прошу его признать тебя моим добрым уполномоченным. Что бы он мне ни ответил, а я прошу тебя возобновить дело, и делать нечего, а бездонную тысячу поставить ребром и уплатить должок. Не подоспела ли тысяча Ребиндера?⁵ Вряд ли, хотя я ему пишу, но о ней не говорю. Когда сможешь, то сам исполнишь. Моя поездка за границу будет совершаться на других началах; во-первых, по моей географии, что шаг, то спроста. Через Лемберг я в трое суток из Киева в Вене, тогда как мне нужно пятеро до Острова и т. д.

Спешнев был у меня. Крепко постарел. Впрочем, его длинные волосы, его окладистая борода, его речь, холодная, но всегда полновесная, его важная осанка дают ему вид истинно русского старшего старосты своего участка⁶. Он проникнут своею обязанностью и только и оживляется при вопросе о наделе земель. Вел дело успешно и думает в мае выйти в отставку. Приглашал нас на отдых к себе

за 14 верст, но я отклонил такое передвижение. Он также в феврале потерял мать. Сегодня хотел еще быть. Проездом остановился здесь Козодаев, быв[авши]й в Сибири 20 лет тому назад!⁷ Весь белехонький и полный приятных воспоминаний. «Кланяйтесь Нелличке, Нелличке, я ее такую помню». Тогда ей было 9 лет — года моей Вари! Много многообразных встреч и сцен на этом перепутии. А бедной Генриэтты⁸ нет как нет! Comme la pauvre prenait <...>⁹ désignant du doigt le mal qu'elle éprouvait au point qu'elle disait être le plus sensible! Paix à ce point!! Sur ce point-là j'aurai pu vous parler d'une Suisse en wagon, mais celui-là à une autre fois**.

Приехали и слава богу. Что за шик! Кареты свои, кондуктора и пр. Это все равно, что приехать бы на железную дорогу с своими вагонами или на станцию с своей телегой. Писал обо всем и толково, и подробно, а все не впрок! Сколько расходов и хлопот. То ли делать все просто да сдуру!!

Николай Николаевич ответил мне, как всегда, и назначил мне свидание в Швейцарии. Пишу ему и прошу до того допустить тебя до уплаты. Действуй, как знаешь. У нас суматоха страшная — Нелля все сама да сама и, сверх того, взобраться хочет на фургон. Пусть так, а там все обойдется. Все в восторге от чудной твоей Лизаветы Григорьевны и от твоих деток. Дай бог тебе их взрастить и выехать скорее из Питера. Возвращаясь к той же мысли, где ты будешь и не завернешь ли в Воронки. Но где бы я ни был, всегда мои будут благословения.

Господь с вами. Не забывай тебя крепко любящего
А. Поджио.

80. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ ***

Воронки, 30 июня [1864 г.]¹

Дорогой, старый и старинный друг мой Евгений Петрович!

* Одно слово неразб.

** Как бедняжка <...>, указывая пальцем место, которое болело, точку, которая была наиболее чувствительной! Мир с этой точкой!! — По поводу этой точки я мог бы вам рассказать об одной швейцарке в вагоне — но в другой раз (франц.).

*** Пемета Е. П. Оболенского: «Пол[учено] июля 19. Отв[ечено] 21».

Скорбь всегда отзовется в твоём добром сердце словом назидательным и усладительным! Где же искать и утешений и подкреплений для испытаний наших, как не в все-сильной вере? Так, прибегая к ней, бедная, истинно бедная наша Елена Сергеевна только и может переживать такие страшные душевные потрясения! Благодаря бога, крепкая верою и любовью к детям, она покорила бедам горьким, условиям новой жизни и твердо и безропотно несёт свой новый крест! Долго, долго бог подготовлял ее к этому горю, а теперь, после такой осязательно потрясающей действительности, едва еще даже мне верится, что не стало этого чудного, благонамеренного человека!

Потеря эта коснулась сердца не ее одной, не говоря о друзьях, о посторонних. Если бы ты видел старшин крестьян со всех селений, с каким чувством благоговения они наперерыв хватались за гроб дорогого для них посредника!²

Завидно жил, завидно и умер. После долгих страданий он всех благословил, со всеми простился, перекрестился, громко произнес: «Господи, прости меня», тихо начал молитву, с которою и перенесся в другой мир! Я же оплакиваю его вдвойне: как потерю для себя и в особенности для моей Вари. Он ее любил как родную, и я лишился такого человека, стоя сам у меты.

Я неотступно был при нем и, конечно, последовал за его телом и за Неллей в Воронки. Предал его земле, пожил, погрустил со вдовицею и теперь собираюсь опять за границу, не воспользовавшись ни водами, ни теплыми землями! Прошлогодний заграничный холод при прохладительном зодчестве вовсе не содействовал поправлению здоровья русского человека, пустившегося в погоню за италиянским солнцем! В первых числах августа думаю ехать с женой и Варей в Швейцарию: там воды, средства учебные для Вари, там и дешёвизна.

Мы было сговорились с Сер[геем] Григорьевичем съехаться и условиться в выборе нашей зимовки, но последние известия поколебали мои надежды: бедный старик так было растерялся в Виши, что Мих[аил] Сер[геевич] поскакал к нему и хотя нашел его выздоравливающим, но сильно восставшим против всего заграничного! В таком расположении духа хочет возвратиться в Питер и не разлучаться более с семьей. Туды направится, вероятно, на зиму и Елена Серг[еевна].

Мне же придется одному скитаться по чужбине и только мысленно переноситься к друзьям, разбросанным на таком необъемлемом пространстве! Как все мы рассеялись и разъединились! На закате жизни, когда святыя чувства, закаливаясь в горниле испытаний, придают ей столько утешений, мы обречены встречаться, знакомиться и расходиться!

Благодарю тебя за твои, хотя и поверхностные, сведения о себе и о многих наших!

Не люблю я твоей немочи; ужели и ты, наш богатырь, стал ослабевать? Дал бы тебе бог довольно жизни, чтоб довершить начатое воспитание — то-то и горе наше, что мы поздно взялись за семейное дело! И моя Варя большою для меня мучительною заботою при мысли скорого моего отхода!..

Пожалел я Батенькова, но как быть?³ Все мы стоим у меты, и очередь за каждым из нас. Давно я слышу о страданиях Пушкина — ужели Нат[алья] Дм[итриевна] не может ему дать средства съездить на воды?⁴ С Горбачевским также идет дело не по добру — почему он еще там и не вывезен, как это предполагалось. Я же знаю, что Квист об этом хлопотал!⁵ Отсутствие нашего памятного Пушина отразилось горько на многих!

Говоря мне о многих, ты не вымолвил и словечка о Евгении Ивановиче! Где он, что с ним, я бы желал ему писать и не знаю, куды адресовать. Что знаешь ты о Матвее Александровиче?⁶ Сделай милость, дай мне еще подробнее весточку о себе и двух последних.

Я пробуду здесь до первых чисел августа и потому могу еще дожидаться твоего письма.

Благодарю тебя за упреки твои; если они не исправляют ленивца, то, конечно, услаждают его сердце! Посмотри на эту дрожащую руку и поймешь мою застенчивость братья за перо!

При случае передай всем нашим самый искренний дружеский привет. Приветствую от души спутницу твоей жизни⁷ и обнимаю твоих князей и княжен. Андреевна жмет тебе крепко руку и Варя твержу вас любить! Господь с вами, любите нас, и до свидания... почему же и нет.

Тебе преданный А. Поджио.

Е[лена] С[ергеевна] тебе сама напишет.

Воронки, 12 августа [1864 г.]¹

Намеренно медлил я, умышленно не писал вам, добрейший Николай Андреевич; хотелось выждать окончательного разрешения, чтобы дать письму моему характер определительный. Теперь скажу вам, наконец, что я еду за границу; на днях последовало *высочайшее* на то разрешение. Еду, и не думайте, почтенный доктор, чтобы от лет до того посоловел, что там, за долами, я думаю найти и исцеление, и здравие, и т. д.: еду с тою мыслью, что два, три месяца лишнего солнца принесут некоторое облегчение, и то выигрыш перед концом концов. Еду на этот раз не в Италию, а в Швейцарию, а именно, как думаю, в Лозанну, где и тепло, и дешево, и научно будет для моей Вари. Вспомните, что ей 10 лет и что при малых наших средствах я там только и могу обойтись без неизбежных гувернанток, к которым не лежит ни сердце, ни карман мой! Варя, моя бедная девочка! Вчера я виделся с княгиней Репниной и долго говорил с нею о Швейцарии, где она провела зиму! Она угрожала мне и холодом, и голодом, проживши в пенсione в Веве и платя по 6 франков за себя и за дочь! Страшно гадание! Но надо вспомнить и то, что бедная летала прежде лебединым полетом, а теперь спустилась на ласточный, и мудрено ли, чтобы ей не казалось все скверным, невыносимым². Но для меня, воробушка от рожденья, все покажется ладным! Выезжаю между тем при грустных впечатлениях; отрываться от своего, от своих нелегко; там толпа, не спорю, но там эта толпа глухо и несозвучно отзывается! Впрочем, призывать не стану, и угрожаемое одиночество вовсе не радует. Мы условились было с Сер[геем] Гр[игорьевичем] зимовать вместе в Гельвеции, а вышло не то; он так расхворался в Виши, что возвратился в Питер и хочет жить в семье. Он очень слаб, и больно мне, что, стоя у меты, мы так разлучились! Он избрал местопребыванием именно ту единственную точку, которая мне не доступна на всем земном шаре! Расстаться с Ед[еной] Сер[геевной] тяжело; бедная она, едва покончила одну, другую, третью, как четвертая драма разворачивается для нее!..³

Теперь, доктор, дело польется к источнику вашей жизни! По словам вашим, вы уже стоите у устья, и нет спасения! Хороша же ваша медицина русская! Не то мы

скажем в Европе, где нет вашего удушливого сибирского климата! Не преступно ли так прирасти к почве, так страдать и не предпринять передвижения? Бросили службу, дела, и что же далее предстоит, как не путь к искомому? Воспряньте, друг мой, приезжайте в Швейцарию: там Косси, там Мезер⁴, там буду я, и мы вас вдвоем подыдем и водворим в широкие пределы жизни! Не откладывайте этого перелома в условиях вашего быта — у вас не порок какого-нибудь органа, а расстройство в механическом отправлениях взаимном всех органов, взятых вообще; здесь нужно не исцеление, а устранение только причин, нарушающих равновесие всех отправлениях; для этого нужен умеренный климат, самая правильная жизнь, невозмутимость ума, отчуждение от Шлезвигского вопроса и т. д.⁵; все это вам доставим, и жизнь останется за вами!.. Сколько я боролся с вами насчет Сибири: вы, я говорил, там утомитесь, заглухнете, расстроитесь вконец! Но местный, брусничный патриотизм взял верх, и я был отброшен как не медик, не посвященный в таинства медицины. Подумайте, пока молоды и все еще исправимо! Будем писать через Мих[аила] Сергеевича! Теперь о брате, о супруге, старой маменьке и о племянниках! Что же это золото не идет вам в руку? Я, стяжавший столько терний, так бы и поскакал им на помощь! Где моя молодость! Будь она в руках, клянусь вам, был бы прежде в Сибири, чем в Швейцарии! Все утрачено, кроме неизменных чувств моих к краю и к вашему семейству. С вами не теряю еще надежды свидеться, но с вами другими, дорогими сибиряками, не встретиться, конечно! Вот что и больно! На русском пространстве чувства не должны бы допускаться, довольствоваться заочной дружбой, право, неутешительно! Я несу на себе это тягостное условие! Живу врозь со всеми мне близкими!

Прощайте же, дорогие мои сибиряки: прелесть Наденька Александровна, дай бог вам счастья долгого и взрастить малюток, и Дунюшку пристроить! Прощайте, Андрей Андреевич, и вам, мой друг, упрочить дела свои и всех! Аполлону и Владимиру Андрее[вичам] мои дружеские приветствия. Наконец, Петру Александровичу здоровья, спокойствия и ненарушимого свободного духа! Жена, Варя всем, всем вам теплые приветствия, не забывайте их, не забывайте и старца, вам преданного, А. Поджио.

Женева, 10(22) марта [1865 г.]¹

Отрадно принимаюсь за перо, милый друг мой Зина Сергеевна, и тем более, что всею семьею отвечаю тою же радостью, которою исполнено ваше письмо от 4 марта! В глубокой вашей скорби едва ли не первая это для вас радость, и вот вы, моя бедная, моя дорогая Сергеевна, утешились счастьем, и не собственно своим². Не знаю, почему это счастье другого, и которое так для нас близко, навело меня невольно еще более на ваше горе! Худо я свыкаюсь с этой последнею мыслию, и, несмотря на наше обоюдное молчание, могло ли мое горячее участие когда-нибудь к вам остыть! Многих я допрашивал, многое хотел узнать, но все поиски мои были поверхностны, пока счастье нашего Ив[ана] С[ергеевича] не послужило утешительным поводом наконец для вас отозваться с прежнею теплотою вашего доброго сердца! Теперь этот пробел пополнен, и, переносясь мысленно в ваш тихий уединенный уголок, все-таки как-то легче вспоминается. Итак, вы в радости, и дай бог крайне молодой чете достигнуть с тем же начатым счастьем и крайне глубокой старости! И как это сказать после трех ужасных примеров, один за другим следовавших!³ Он мне не пишет — прощаю! Понимаю, сколько он занят: ходить на лекции любви, особенно первой, это не то, что ходить на лекции преподавания права!⁴ К тому же слушать одновременно и те, и другие было бы явное противоречие; здесь право, а там слагать его! По крайней мере, таков я был жених и таковым и поднесь остался мужем! Все и вся во власти моей спутницы-квакерши!

Дай бог нашему другу быть и человеком, и супругом, и отцом, и другом, каким был кто же? — как не ваш Сергей Петрович? И будет им; это мое убеждение! Благословение такого человека не дается втуне!

Чего не могу простить Ивану Сергеевичу (да и вам тут же), что, давая вам поручение мне писать, он не подумал вложить карточку княжны Веры! Исправьте, пожалуйста, антидружескую ошибку, промашку, упущение — все, что хотите. Но оставим на время эту первую ярко исписанную вами картину и обратимся к другой, для которой вы, кажется, переменили не только краски, но и самую кисть. Понимаю, что здесь вами руководило дру-

гое чувство, а именно то, которое сопряжено с опасениями, внушаемыми наболевшим вашим сердцем! Отбросьте безнадежные и мрачные предчувствия: не всегда данные служить могут верным выводам! Как ни особенны, как ни скоро заключились условия брака нашего Н[иколая] Роман[овича], а все-таки надо взять в основание чистый расчет разума, а после сердца в этом деле! ⁵ Его одиночество, недоверие к жизни, расстройство в делах, все его влекло к изысканию выхода из этого горького и невыносимого для него положения! Выход найден, и дай бог найти ему в ней достойную спутницу! Он останется тем же нежным отцом, только отцом с большими средствами для воспитания детей и упрочения их состояния! Она, все же она, удержит имение от разорительной продажи и тем успокоит мужа не столько в вещественном отношении, но и в нравственном в особенности. Сколько его мучило расстройство имения не его, а детей! Одна эта выброшенная статья его заспокоит и задержит в жизни! Сколько все это имело пагубного влияния на его уже и без того разбитое здоровье! Необходимо ли мне по дружбе моей к нему верить в лучшие дни или это убеждение гораздо более основательное, но я встретил эту новость в полной радости! Конечно, я во всем этом не допускаю страсти, ни даже и увлечения, но вижу, какое это сочувствие двух лиц, друг другу одинаково страждущих и одиночеством, и всеми недугами жаждущего сердца, если и не самой любви, то чего-то схожего с нею! Как не допустить этого чувства в женщине самостоятельной, при независимом общественном ее положении? Тут я усматриваю сильное сочувствие, и дай бог им возможного счастья! Но в этом деле вы, друг мой, задеты за живое, и вероятная разлука с Катей ⁶ вас крайне тревожит — но так как дело не решено, а отложено, то и не должно бы преждевременно грустить; во всяком случае вы исполнили свой священный долг и в случае предстоящего горя вы будете довольствоваться всею нежностью чувств этой Кати; не могу представить себе положение этого ребенка при разлуке с вами, ее матерью! Прежде я многое, если не все говорил Н[иколаю] Романовичу. Теперь же, не знаю почему, он меня выбросил из своей памяти; и с тех пор как последние мои три письма остались без ответа, вы поймете, что не стало (несмотря на мою неизменную дружбу к мужу Сашеньки) духу пускаться на четвертый

отказ. Такое отчуждение не затрагивает мое самолюбие, а прямо мои чувства и которые особенно выражались к Н[иколаю] Р[омановичу]. Я не оскорблен, а крепко скорблю и все-таки извиняю его! Он испытал столько горя, столько вынес неудач и вещественных, и нравственных, что немудрено, что и я невыгодно подпал под его раздражительную мизантропию! Я неизменим.

Пришлите мне, пожалуйста, фотографию дорогой для меня, конечно, невесты.

Грустную вы мне передали весть о смерти Павла Сергеевича!⁷ Всем нам черед — question de temps*! Мир с ним был на земле, мир с ним будет и там... Он скончался на руках А. Н. Сутгофа. Как это мне грустно напомнило смерть брата, умершего на тех же руках! Не говоря о его недугах, значит, хороший признак, и, вероятно, кавказское солнце излечило его! Если он еще у вас, скажите ему мое дружеское слово, много в себе заключающее! Прошу его передать мои дружеские приветствия давнишней знакомой Анне Федосеевне⁸. Не утешительно выразились вы о Нонушке! Говоря о ее выезде, я уверяю себя, что непременно ее увижу! К горю моему, не так утвердителен я буду относительно свидания с вами, друг мой! Несмотря, что вы и порываетесь за границу, но как вам в самой вещи и подняться со всеми малютками, с нянями 1-го, 2-го и 3-го разряда; нет, невозможно, и бог весть, удастся ли нам свидеться!! Увы! время (несмотря на горячее желание) не за мной! Вот с доброй Лизаветой [Сергеевной] дело другое — чуть-чуть рукой не подать!⁹

Ужели Иван Сергеевич метеором пронесется через Штутгарт и в виду Монблана не донесется до его подножия?..

Письма доброй Лизы Сергеевны не совсем утешительны; П[етр] В[асильевич] все похварывает неуступчивою болезнью, а она этим самым расстраивает себя! Им нужны будут воды, и едва ли и мне не придется туды же направиться. Собственно до меня, мне скорее понадобится земля, чем воды, но моя Варя так страдает chlorose** (хотя теперь и получше), что надо будет ее подкрепить.

* Вопрос времени (франц.).

** Бледная немочь (мед.).

Так трудно бороться с этой натурой, и впечатлительной, и крайне, не по годам чувствительной! Что это за дитя и что ее ожидает в жизни при таком направлении и ума, и сердца? И меня с нею тогда не будет! Вот что меня и тревожит, и мучит; и хотя бог ее наделил чудною матерью, но я в одном отношении незаменим!..

У нее склонность к музыке образовалась теперь в страсть, которая подчас ей и не в пользу, так она на нее действует... она много и много играет; любит все разбирать более, чем изучать одно и то же; оттого игра ее более быстра, чем отчетлива! Учится классически и хочет быть *maestro**! Пожалуй, если так пойдет, то и достигнет своей и моей цели! Как-то вы водитесь с вашими малютками — вот и они уже за уроками! Как время нас уносит! Теперь скажите одно — поборете ли еще раз вашу лень и дополните все начатые сведения о себе и о Н[иколае] Р[омановиче]! Как бы я желал, чтобы вы сблизились с нею; сколько бы вы пользы принесли, если бы успели в этом намерении. Скажите мне, где и что с Кучевским — жив ли отец? Что последовало с домом иркутским и тут же с Горбуновым?¹⁰ Прошу вас передать мои искренние приветствия Катерине Александровне и Дмитрию Николаевичу, равно и милым сестрицам вашим!¹¹ Как памятны мне дорогие мгновения, которые так скоро проносились в семействе их! Как вы меня утешили радостною вестью о С[офье] Д[митриевне]!¹² Путешествие летом довершит выздоровление. Сотюремнице вашей, однако же порхающей В[арваре] Д[митриевне]!¹³ прежние мои поклонения, вам же, друг, все мои благословения.

Весь ваш А. Поджио.

Расцелуйте деток.

83. С. Г. ВОЛКОНСКОМУ**

Женева, 8—12 июня [1865 г.]¹

Получил я письмо ваше за № 8, добрый, неизменный друг наш Сергей Григорьевич, и не умею выразить вам всю мою душевную благодарность за доказательства та-

* Учитель, мастер (и т. л.).

** Помета С. Г. Волконского: «Отвечал 4-го июля. № 8 к 8 июня».

ких подвигов вашей дружбы! Как! при ваших страданиях, при грустно-настроенном вашем воображении вы находите в себе столько времени и столько еще последних сил, чтоб уделять мне и чувства, и все потребности доброго, горячего *вашего* сердца! Да наградит вас бог за такие посланные мне искренние, дорогие утешения.

Вижу из письма вашего, сколько вы страдаете, и по почерку сужу, что вам стоят эти строки! Но почему же вы мне не говорите о ногах, т. е. отзываются ли прежние боли? Дурная погода, конечно, подействовала на вас, и надо надеяться, что июнь принесет облегчение при установавшихся жарах! Давай бог!..

Признаюсь вам, я на солнце более надеюсь, чем на Фишера!² Относительно решимости зимовать в Воронках не говорю ни слова — сами увидите, и дело не о деньгах, а о здоровье! Песня далека и сама выскажется.

Заграничная жизнь — самая дешевая при благоразумье, что и доказывает большое число семейств русских, удалившихся от русской дороговизны. Правду сказать, что и живут не барски, а скромненько и уединенно! Что вы скажете; у нас одно семейство русское, *Высоцкие* (она урожденная гр. Каменская), с ними 5 человек детей, две девушки, гувернантка, занимают 9 комнат и на всем содержании платят 1000 франков в месяц!!.

Вот вам мерило для сравнения здешней с вашею жизнью. Не говорю о дешевизне обучения. Здесь за получаемые деньги [господино]м Павидом³ можно иметь целых четыре профессора почище его и с разницей той, что ни один из них не позволит себе малейшего уклонения от должных приличий. И этот господин смеет не жаловать к хозяину дома? Вы говорите, что дело приостановилось, но какой это жилец после такой выходки и с таким настроением ума и сердца?.. Относительно заботливого вашего попечения обо мне я в последнем письме изъяснил вам, сколько мог, горячую мою благодарность и вместе дал очерк моих денежных обстоятельств. Вы могли заметить, что я веду дела сообразно средствам моим и что при правильном и своевременном взносе следуемых и обещанных мне денег я мог бы сводить свои кончики с концами. Но как быть? Н[иколай] Р[оманович] обанкротился, *Sophie* запуталась до времени⁴, и наша *Nelly*, что бы вы ни говорили, расстроилась значительно, в особенности в виду предстоящих издержек!

Она хотела мне выслать из Питера проценты мои 450 р. и 250 р. из назначенного Николай Аркадьевичем Варе⁵. Потому ли, что столько сумм перебежало через ее руки, что, как водится, она и счет им потеряла, во всяком случае, умоляю вас не напоминать ей об этом теперь; дайте ей пока оправиться после Питера и закладки церкви, а там осенью при стрижке овец сам ей напишу об этом. Теперь же, чтобы пополнить дефицит 700 р., я пишу Протасову, прося его убедительно выслать мне 500 р. из капитала и 200 р. следуемые процентов из оставленных 2000 р. Срок 10-го августа, и вышлет мне 100-рублевыми ассигнациями, которые здесь промениваются несколько ниже менового курса, стоящего на 332! Такое средство и проще, и действительнее, чем передаточные листки, особенно высылаемые из ваших мест! В этом обороте никто не теряет; Протасов выплачивает долг; я же эту сумму буду считать за Неллей, и ей будет время оправиться! Так ли?

Между тем как я сижу за пером, на диване стонет, задыхаясь, кто же — бедный наш Перовский!!⁶ После нас болезнь не переставала высказываться и весною в такой силе, что должен был отправиться в Гейдельберг для совещания с Жезелем, Кайзерлингом⁷ и пр. Здесь ему сделалось до того хуже от дороги, что вздумал по усталости отдохнуть и между тем и позаняться средствами облегчения. Я ему предложил на время нашего медика Ströhl⁸, который было ему помог и успел его задержать. Ему непременно хотелось быть с нами, и вот уже три дня как он бок о бок со мной! Кашель, удушье чувствовались.

Поты, лихорадка, раздражительность — вот противу какой диагностики надо сражаться, и ожидайте тут другого исхода, как не тот, которым все и вся кончается! Несмотря на эти признаки, больной, как водится, все надеется и строго держится предписаниям лекаря. Дай бог ему облегчения. Я получил от Михаила Сергеевича письмо из Рязани в ответ на мое! Хорош Грегор⁹, хороши и все!..

Что за позорные дела?.. Конечно, по его требованию я не стану говорить, да и к чему? Забыть их и дела их, все, что должно, если только это возможно.

К нам подъехал Михаил Александрович, он тронул меня теплотою своих чувств; все тот же громкий, и умный, и милый собеседник: мы всякий день видимся и поговариваем и похваливаем нашу Сибирь!¹⁰

Прощайте, добрый мой друг — говорю, но не с вами!

все это мне чужое. До свидания, не отстаю от этой родной надежды. Жена всем крепко жмет руку, Варя моя молится за вас — это я слышу...

Поручаю вам передать дружеские все наши приветы Александре Петровне¹¹ и поклоны мои властям Воронковским. Господь с вами.

А. Поджио.

84. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

[Женева,] 20 [октября 1865 г.]¹

Где карточка? а? а?

Туманная Женева!

Одновременно с твоим письмом, добрый друг Иван Сергеевич, получил я ту же грустную весть и от сестры твоей Лизы! Чаша преисполнилась, и страдалец не вынес жизни! Как много и много он выстрадал! Как многое я знал, а еще более, быть может, и не ведал! Мир ему там, куды в часы излияний заносило его мрачное и безнадежное воображение! Почтим память этого умного, благородного друга должною памятью! Сообщи мне, прошу тебя, возможными подробностями о предсмертном времени его жизни! Что дети? Не хочу нарушать памяти родных и называть их сиротами; бог отнял у них многое, но и многое оставил! Ты и твои сестры заменят утрату неусыпными о них попечениями. Ты вызываешь Петра Васильевича² в опекуны; вызов несбыточный! Он из Вюрцбурга не может двинуться, а тебе нужен товарищ-деятель на месте! Заглазно такое дело не приводится в ясность; к сожалению, дело это очень просто и основанное единственно на вызове кредиторов и удовлетворении их по возможности. Здесь не предстоит устройство, управление имения, а только продажа его. Весь успех дела будет состоять в возможно выгодной продаже! Сомнения нет, что долги превышали ценность имения, иначе отчаяние покойника не высказывалось бы так безнадежно. Верно и то, что обстоятельства не позволяли ему в течение двух лет высылать ничтожные мне проценты, несмотря на желание его не стеснять и меня! Ты заботишься о моем долге, у меня сохранный записка, хранящаяся у Михаила Сергеевича, который и снабжен от меня доверенностью на распоряжение всеми моими капиталами! И громко, и смешно! Смешно и потому, что ходатайству не иметь успеха! Говорю это, основываясь на

словах покойника, который как законник сам, несмотря на всю законную святость сохранной записки, упрекал себя в расстройстве части Вариного капитала! Как бы ни было, а все-таки не желательно дать превосходство богачу Боткину³ над беднягой Варей! Когда ты меня уведомишь о положении всего дела и о предполагаемом итоге всего и вся, тогда и я, в свою очередь, выскажу тебе свою мысль. Важнее наследства, которого, вероятно, не окажется, есть дело существенное и более связанное с будущностью детей: это дело относительно их образования. Ты, верно, не раз слышал желание покойника дать им образование университетское; по-моему, обязанность твоя следовать указанию этой воли! Начинание сделано, и они посещали при жизни еще отца гимназию, почему же и не идти тем же, уже продолженным путем? Тут только раздастся один вопрос, следует ли оставлять их экстернами или же поместить в постоянные? Я бы думал избрать последнее, как выгоднейшее для последовательного учения; дома не столько повторений, как невольных развлечений! Не допускай тут нежности чувств, а одну сущность дела. Вы же всегда все пока в разъездах, и вам не следить за ними, как это требуется. Когда вы наконец осядетесь в Москве, тогда можно будет взяться и за систему удобнейшую, но до того времени другой не предстоит и логичнее, и практичнее. Если бы наконец не оказались и для этого и средства, и присмотр, то почему же и не определить их в любое казенное заведение? Конечно, ты к тому найдешь содействие многих влиятельных лиц, помнящих заслуги отца сенатора, *règе conseiller* *. Как бы то ни было, а главное, не трать время; как оно для них дорого, вся будущность их в одном лишь образовании! Прости меня, если я себе позволил такое вмешательство; знаю, что это начало несовременно, но знаю мои чувства ко всему, что только близко к моему Сергею Петровичу, и признаю себе право говорить с тобой всегда искренно и дружески! Теперь оставляю на время весь этот грустный ряд ощущений и обращаюсь к предмету более радостному и утешительному. Не горюйте о постигшем вас неожиданном испытании; благодаря бога все кончилось благополучно, но помните одно, ожидая из повествования о вашей счастливой супружеской жизни, *продолжение впрдь*, сколько вам предстоит мер благоразу-

* Отец-советник (франц.).

мия и предосторожности против зимних московских ухабов и толчков проселочных пензенских путей... Как жаль, что лихая моя княгиня, которая при имени одном Пензы⁴ надувала свои алые губы, как будто бы пред приемом какой-нибудь магнезии, вдруг примирилась с степною жизнью и, наконец, вынесла из нее грустное впечатление! Но много еще дней, а еще больше и счастья перед вами, грустное изгладится и заменится, бог даст, радостным. Скажу тебе кстати о радостном, что Лиза, приехавшая сюды слабою, полуотчаянною, выбралась отсюда бодрою, веселою и полною надеждами. Не будь этот Салл⁵, на который она имела неосторожность забраться на ослице, она бы не подверглась вызванному временному лежанию и выполнила бы роль вполне *de la femme émanicipée**, как я ее прозвал! Она до того зазнавалась, что я все воевал с нею. Сожалею вдвойне и о разлуке, и о перемене местности, которая так благотворно действовала на нее и на них всех. Петр Васил[ьевич] покрылся было сыпью, а выехал румяный и здоровый. Что у них за дети, особенно Вася! Как он мне напомнил тебя и все наше былое, где на просторе мы так тесно, кучкой жили!..

Что-то будет в Вюрцбурге и как-то покажет себя Скондони? Нонушку видел раз; она поселилась в Vevau, в этом госпитале, наполненном ипохондриками, водяными и пр.; если они водятся и в Женеве, то, по крайней мере, затеряны в толпе туристов всех стран, сбежавшихся в Женеву от холеры. Ты знаешь, что здесь на этот случай милейшая биза⁶ стоит как страж, отмахивающийся от сквернавки! Что-то и у вас проявляют опасения насчет негодной гостии — здесь же, т. е. в Европе, побаиваются за будущий год! Не дай бог! После вашего выезда я подвергся тревожным испытаниям: жена была опасно больна и страдала невероятно, теперь все еще на пилюлях! Варя, моя бедная, 10 дней не допускалась к ф[орте]пиано — правая грудочка до того распухла. Все это к сложению, но как рано! Теперь получше. Все мы, т. е. двое, крепко вас обнимаем, и часто, часто про вас идет речь! Сегодня, 23, вспомнили нашу дорогую Зину Сергеевну — передай ей наши искренние приветы⁷.

Ваша ревность справедлива — чудная моя Вера Сергеевна выражает только должный отклик на страстную

* Эмансипированная женщина (франц.).

мою к ней склонность! Конечно, не утешу тебя, а более огорчу, если скажу тебе: не опасайся меня, не долго мне тебя терзать. Днем я еще как будто и человек, но только прилягу, то и начинается боль в полостях сердца, боль, которая, конечно, должна высказать свое последнее слово! Услышим его. Я решился зимовать в Женеве. Мы переехали в другой, лучший во всех отношениях пансион возле нашей церкви: *Près l'Evêque, pension de M^ladame Picaud**. Пожалуйста, не ленись и пиши мне, хоть в несколько приемов. Помни А. Поджио.

Вчера у нас пронеслась туча с страшным громом! А вы, подснежники? Салевы и Юра покрылись снегом, но у нас все цветет и зеленеет.

85. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ**

Женева, 8 ноября [1865 г.]

Как же скоро вы, любезный друг Николай Андреевич, прокатились по долам, по горам и для того, чтобы сказать — зачем? Как зачем? — хотя бы и для того, чтобы избежать пасти скверной этой гостыи индийской. Вам ли не беречь себя тогда, когда придется, быть может, стать лицом к лицу у себя, где уже она так бесщадно угнездилась! Ваши же ученые пророчат появление ее в большей степени в будущем году... Итак, готовьтесь ее встретить с должным подготовленным оружием. Сказать надо, однако же, и то, что Велпо, великий Велпо¹ в письме к братьям, увы, изобличал вашу медицину как бессильную и несостоятельную против холеры! Конечно, и вы с братьей ему посмеетесь, однако же не отвергнете и то, что вы не в силе предупредить ее вторжения, а еще менее ее изгнания! Придя к такому заключению, обращаюсь к прочему, другому! Нехорошо, добрый Николай Андреевич, что головка ваша начала отзывать былыми припадками! Как же все это свести с намерениями ехать в Иркутск! Понимаю все, что вас влечет в эту дорожную даль; но даль эта так холодна, так пагубно, тифически действует на вас, что, право, удивляюсь решимости вашей до приведения в ясность вашего здоровья?² Мрачно, отчаянно вы описали ваше торговое дело; это и хорошо, нечего обманываться.

* «У Епископа», пансион мадам Пико (франц.).

** Помета Н. А. Белоголового: «1865».

Брат Андрей при всей своей честности, при своем уме дело не восстановит! У него нет той предприимчивости, той ходячей деятельности, которая так связана с успехами торговли; человек кабинетный, он поведет дело банкира, самой замысливой конторы, поведет его правильно, хорошо; но на практичные обороты он неспособен, и я нахожу, что один Аполлон может только вас и выручить, если согласится слить ваши дела с своими! Я коснулся этого предмета, как тесно связанного с вашим намерением: ни на что не надеяться и приняться самому за медицинский практический труд! Прекрасно, похвально, но где же возможность осуществить эту цель, если вашего не станет на это здоровья? В Иркутске практиковать? Практикуют не у камина, не у 15-градусной комнатной теплоты, а при 30° мороза! Какое тут здоровье устоит, если уже оно расстроено! Достигнется ли цель? Не лучше ли, как вы говорили, воспользоваться сделанными вам предложениями и попрактиковать при условиях, более подходящих к вашему здоровью? Право, не пускайтесь, не запасаясь последним — вы вконец можете себя расстроить, и как это вы, медик, а позволяете мне, неучу, вас наставлять?

Впрочем, настала здешняя зима; времени много еще перед вами и до зауральской поездки успеете себя проверить!³ Вы жалуетесь на скуку, на одиночество — верю; но почему же вы предпочли Вену другим университетам, изобилующим соотчичами, — вы же жалуетесь на часть учебную, так почему не передвинуться? В Берлине, вы говорите, найдете искомых профессоров, более вам нужных, и добрый путь вам! Там же и Бисмарк, преподающий начертание новой европейской географии!⁴ Слышали ли вы, какой фурор он произвел при появлении в цирке в Париже. Поприще, достойное этого скакуна на колокольне. Вы жалуетесь на одиночество! — а славянский устроившийся у вас круг разве вам не с руки, не по уму, не по сердцу? Верно, из панславизма, из этого разводимого огонька австрийский дымок ест глаза! Как быть? взялись за ум, и племена, народы отдаются (простите сравнение) как непотребные женщины тому или тем, кто им более предлагает. Правительство, которое провозглашает право, поборет всякое другое!⁵ Такая вывеска, чего доброго (если она ясно выражена), пожалуй, то же, что и наша елка, многих к себе заманит! Почитываете ли наши «Ведомости» и правда ли, что они в Австрии запрещены за сла-

вянофильство? А как назидательно ругаются Катков и Краевским и как убедительно доказывают друг другу, что каждый из них запродан, но кому, не говорят!⁶ В Берлине вознаградите себя: там чтения будет вдоволь! Не забудьте нас уведомить о выезде своем и о занятиях ваших и о предположениях относительно зауральского вояжа! После вас мы переселились в *Près l'Evêque, pension Picaud* (наш адрес) в другой конец города вблизи церкви — и всем довольны. Цена та же, но холод не тот; здесь ковры, печь, двойные рамы и стол хорош! Тут же все русские и добрые люди! Чистый пенсион, детей кучи, и все это буки аз бу! Женева наводнилась нашими и прочими беглецами от холеры. Давыдовы в Вюрцбурге — бедная Лизавета [Сергеевна], начала лечение, и Вася⁷ заболел лихорадкой неотвязчивою. Слышали ли вы о кончине Николая Романовича? Возвратясь из Вильдбада, он был слаб и однажды после двух спазматических припадков упал мертвый на руки Сережи, возле него стоящего. Дела в ужасном расстройстве — зять разорил его... Министерство выслало 2000 ф[ранков], чтобы похоронить сенатора прилично! Жаль его, страдальца, но больше за детей. После вас я получил письма от Наденьки и Дуни; одна чуть-чуть не бабушка, другая с медалью на груди!⁸ Как все это выросло, состарилось! А я еще и не выехал... еще копаюсь, копошусь день за днем. Жена все не приходит в себя; как-то все не то: теперь вздумала кашлять, вероятно, погода тут замешалась! 9 дней сряду и дожди, и ветра; сегодня солнце, поздравьте нас! Со всем этим у нас в саду все в цвету еще! Жена вам жмет руку, Варя кланяется; а я обнимаю со всеми давними постоянными к вам чувствами.

А. Поджио. Пишите.

86. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева, 10 декабря 1865 г.]¹

Плачем, грустим, горюем вместе с вами, единственные оставшиеся друзья мои; вот что только могу сказать в утешение вам и себе! Кончилась его жизнь, кончились его страдания! Уснул он, бедный наш мученик, уснул и благословил тебя только мысленно!! Тяжело тебе, друг мой, но не терзай себя этой мыслью!² Помни, что это была его

воля, его требование; то же подтверждал он и в письме своем ко мне, и кто мог предвидеть такого скорого исхода? Повинись воле божьей; ты всегда был безупречен и в своих чувствах, и в своих действиях, и, конечно, не время тебе, отцу семейства, так безжалостно раздражать свое бедное сердце! Вспомни, как вера его в тебя была велика, и тебе ли, в виду такой веры так бесщадно себя смущать? Ошибочно рассчитывая на свои силы и под влиянием не покидавшего его чувства самоотвержения, он выразил волю свою непреклонную, а ты, обманутый в свою очередь, ей покорился и лишили тем друг друга последним утешениям! Больно, тяжело, друг мой, но не вини же себя, праведник ты мой по чувствам! Что же остается для меня? Когда между вами было случайное недогадывание, я как-то злоумышленно отделился все более и более от него! Почти два года все день ото дня откладывали свое свидание, и все это в наши годы! С его стороны было чистое самоотвержение! Сколько раз не повторил он мне: «Как бы ни утешителен был уход вас обоих за мной, но держите меня на втором плане, а думайте о себе и о Варе в особенности!» Не бывать уже любимому его слову «примкнуть», и теперь ношу в себе всю тяжесть делаемого себе упрека: почему я оставался так неподвижен под гнетом всех житейских условий и не сумел осенью отправиться к нему? Почему после 46-летней почти совместной жизни не сумел я последний год согласовать с этим длинным началом; не сумел с ним проститься, обнять его и не успел облобызать эту страдальческую руку, которая всегда так твердо изливала на нас троих все эти утешения, которые здесь только мыслимы! Посмотрите на эту кучу писем, исписанных среди непрерывающихся страданий! Как они все проникнуты непостижимым чувством благоговения перед непостижимым! Какое смирение и какой долгий, поучительный исход! По мере того как ослабевали его телесные силы, силы его нравственные росли и выражались любовью особенно горячею ко всему тому, что входило в условия его прежней добробольной жизни! Нет — он не умирал, а жил, может быть, как никогда не жил; сосредоточенный более в себе, факел его жизни запылал большим огнем, и огонь этот он выбрасывал не на вас одних! Попался и я под этот пламень, и, конечно, он угаснет только со мною вместе. Обыкновенно при таких долгих невыносимых страда-

ниях человек как-то черствеет, эгоистически холодеет (проследите кончину Леопольда мудреца³), а наш страдалец-старик юнел и изливался! Все его письма отзываются как будто усиленным чувством и к своей родине, к своей семье и к своим друзьям. Не говорю о вас, вы это знаете, но не знаете, до чего он скорбел, заботился о нас троиц!.. Вы представить себе не можете, какая пустота водворилась в моем уголку — недостает его, недостает его частых искренних, теплых бесед... Мне же худо спится.

Я заговорил о своем горе и отклонился от вашего. 6-го числа, и без того уже грустный день⁴, и в 10-ть часов утра я получил, добрый М[ихаил] С[ергеевич], письмо твое и один отправился к обедне*.

Жена десять дней уже сидит дома. Священник упросил меня отложить панихиду до 10 числа, а не 8-го, как я желал, по случаю поездки его в Веве. Возвратившись домой, я был в недоумении, известить ли сестру об общей нашей потере; но представьте мое удивление, когда спустя часа два растворилась дверь и я увидел перед собой княгиню с Аделаидой; я крайне растерялся и вместо «здравствуйте» сказал ей «прощайте, княгиня»⁵. Дель⁶ их известил письмом, и слезы всех нас вместе пояснили дело. Странно, что не я ее, а она меня посетила. Она была тронута, насколько ей возможно, и в доказательство степени ее расстройства упросила жену сводить ее в другую комнату, как водится. Не сказав мне ни слова о предполагаемой должной панихиде, она отправилась, а я не счел нужным говорить ей, что условился со священником 10 чис[ла] насчет панихиды. Вечером Дементий⁷ пришел с приглашением пожаловать на другой день в церковь в час пополудни, говоря мне, что сам князь это устраивал. На другой день (7) я, жена, Варя и случившийся у нас генерал Ратов, знававший папу в Ницце, а тебя на водах, отправились в церковь, где застали уже княгиню с сыном, Аделаидой и графиней Фонтон⁸. Князь был в коридоре и подошел сам ко мне, говоря, что он имел удовольствие познакомиться со мной еще в Петербурге. Он так постарел и так был принужденно неловок, что я не узнал его. По окончании панихиды мы простились, и тем кончилась наша случайная, натянутая встреча**.

* Далее рукой Л. А. Поджио.

** Далее рукой А. В. Поджио.

Сегодня ходила жена с поклонением скорбным к [Сю-
фье] Г[ригорьевне] и застала ее в рубашке за 4-м письмом,
пишет во все стороны; 2 письма были уже запечатаны;
получили она и сын по письму от Л[изаветы] Г[ригорьев-
ны], в котором извещает о твоём выезде. Итак, сегодня
ты в Воронках и обнимешь бедную Нелли! Как-то вы
устроитесь и как сумеете вы смягчить вашу грусть?
Боюсь, боюсь за твое здоровье! Теперь ожидаю вести от
вас, Нелля моя! Как Сережу потрясла, я думаю, вся эта
печальная сцена! Мишечка, который так тешил старика,
будет не раз к нему врываться⁹. Что-то вы порешите, рас-
хаживаю с вами вместе по памятной галерее и прислу-
шиваюсь всем грустным излияниям! Теперь вас осталось
двое! Но те, которых уже нет, оставили вам, на время,
конечно, лучшего еще друга; друга, который живет одной
жизнью еще с вами! Если я для вас весьма малое, то вы
для меня многое! Позвольте мне на основании этих чувств
поговорить, посоветовать одно: папа не раз мне твердил,
что после его смерти сестре вручится письмо, в котором
выскажет все ее действия¹⁰.

Вероятно, письмо это и есть, письмо, писанное задолго
до кончины и, конечно, в пылу всего его негодования.
Если покойник настаивал до конца в своем намерении, то
делать нечего, воля да будет его исполнена, в противном
случае, отходя с миром, вряд ли он мог заглушить чувст-
во прощения и не простить той, которую он так любил,
несмотря на все чудовищные ее выходки! Какая цель
этого письма? вразумить, исправить ее? — она неисправи-
ма и поверь мне, что чувствует свою вину, но не выскажет
ее! Посмотрели бы на неловкое положение обоих на па-
нихиде! Если тебе не жить с нею, то жить долго с отцом,
а оскорбления, высказанные матери, еще более отравят
ваши с ним отношения! Подумайте об этом и не раз. От
Нонушки я получил уже ответ о передаче ею письма
Ал[ександру] Ник[олаевичу]¹¹, который накануне был
уже предупрежден из Петербурга. Теперь еще об одном
деле. Не знаю, знаете ли вы, что папа выслал мне
2000 фр[анков], всегда озабоченный несостоятельностью
моих должников и всегда горя о моих нуждах, он при-
бежал к этому пособию в виде ссуды, если не выразил он
особого им назначения, то прошу вас зачислить эти день-
ги в наличность и пополнить долг мой при получении
денег после Николая Романовича. Воля усопшего всегда

должна быть исполняема. Сколько, помню, было тут и предисловий, и убеждений, чтобы не встретить какой-нибудь бессовестной щекотливости, и с кем, и в какое время, увы, предсмертное!

Поклонись, преклонись его святому для меня праху! Как он меня приглашал самого к нему!! А я, я иду с женой пока на свою, уже одинокую панихиду — Варю не берем, всю ночь во сне проплакала и опять начала свои подергивания в лице!

Прощайте, друзья мои. Храни вас всех бог.

А. Поджио.

Где же мой старец?

87. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева.] 25 декабря [1865 г.]¹

Хочу, если смогу, затаить свое горе и касаться невольно собственного твоего, добрый, дорогой наш Михаил Сергеевич! Скажи нам, как ты покончил свое поклонение к святым для нас местам? Скажи нам, стало ли твоего здоровья на твои нравственные и путевые издержки? После вынесенного горя вот что меня крайне тревожит. Ты и до выезда был уже так шаток, что же было с тобой после всего последовавшего?

Последнее письмо от Нелли было от 27, и с тех пор молчно она, бедная, страдает, и я теряюсь в одних грустных догадках! При страшном уже совершившемся горе угрожало ей еще и другое: Миша был в скарлатине!! В письме ее вырвалось: «Почему вас нет со мной?», поэтому-то я и воображаю себе, сколько твой приезд должен был ей придать и сил, и жизни! Успел ли ты в намерении своем склонить на перемещение в Фалль?² Не думаю; она так свыклась, приросла к этим могилам, что едва ли не почерпает из них именно все соки иссыхающей ее жизни! Скажу тебе еще и то, что занятия по долгу обязанностей к воле Н[иколая] Ар[кадьевича] и управление хозяйством служат ей какою-то благотворною целью; что *far niente** будет беспрестанно наводить и на свое одиночество и поколеблет последние силы! Севера

* Безделье (итал.).

она не любит потому именно, что боится его; к тому же будете ли и вы в Фалле?

Если же под влиянием появления холеры она и вздумает покинуть Воронки, то все-таки, я думаю, она предпочтет заграничное какое-нибудь убежище, которое и не уединенно, и не так заграждено, как Фалль, от учебных пособий. Конечно, Женева в гигиеническом отношении (в ней не было никогда холеры и никаких эпидемических болезней), в отношении научном, при удобстве дешевизны представляет особенные выгоды, но все эти соображения не подходят к вашему делу, и я жду с нетерпением известия, на чем вы решились и окончательно остановились! Вчера «Nord», не знаю почему, в биографическом очерке упомянул о смерти друга-старика! В сухом этом послужном списке оставлен пробел всей его 30-летней изгнаннической жизни! О русском пишут для русских, а кто из русских не знал о его изгнании? Что за таинственность такая? От биографа не требуется ни возгласов, ни похвал, ни порицаний, а требуется изложение верное всех явлений общественных в жизни общественного человека! Непростительное, нелепое, умышленное умолчание!³ «Il est mort en chrétien et en homme de bien»*, — покончил биограф! C'est le prendre un peu tard que de mourir en homme de bien, genre par trop moyen âge! Il y a à faire quelque chose plus que là; aussi eut-il été plus correct de dire: «il a vécu en homme de bien»! Erreur aujourd'hui, demain veritas**.

Возвратимся к нему же. Спустя несколько времени после полученного известия Аделаида получила письмо, писанное за три дня до смерти, и тут же просил мне сообщить, что намерен писать и мне. Каким образом совершился этот быстрый неожиданный исход? Верно, просочилась вода в сердце!.. Я не был о сю пору у С[офьи] Г[ригорьевны], жена ходила на днях и нашла ее за письмом от Степана на французском диалекте и подписанным: «Ex-valet de chambre de Son Excellence»*** В бытность в

* «Он умер как христианин и как благородный человек» (франц.).

** Умереть благородно — это опоздать, это слишком во вкусе средних веков. Следует сделать кое-что большее; поэтому было правильнее сказать: «Он жил как благородный человек». Что сегодня ошибка, завтра будет истиной (франц.).

*** Бывший камердинер его превосходительства (франц.).

Vichy С[офья] Гр[игорьевна] просила его не оставлять брата и обещала награды; на этом основании он и просит у нее места; она же не имеет для него вакантного. Видно, как и надо было ожидать, он из недовольных!

Князь Григорий Петрович возвратился из Vevay, Aigle, и вчера видел вскользь его в церкви! Мы проводили дни, друг мой, полные воспоминаний; память и благословения все те же! ⁴ Духу не стает поздравить с праздником, но как при вступлении нового года не пожелать отдохновения твоему сердцу, тем более, что по всем законам вероятности тебе не предстоят уже более новые потрясения. Ты закончил весь круг неизбежных трат, дай бог тебе теперь наслаждаться невозмутимо оставшимся еще большим счастьем! Отдохни, друг мой. Как это нужно для тебя и для твоего семейства! Пора и Лизавете Григорьевне успокоиться! Грустно, грустно, но какая вместе высказывается все более и более пустота, подчас невыносимая! Вот ты и жив, да не вижу и не слышу тебя. Однако же до свидания. Обнимаю тебя, друг мой, со всей горячностью моих к тебе чувств; поцелуй крепко, нежно ручку Лизавете Григорьевне и тысячу нежностей шумной и живой дорогой орде! Все мои тебе благословения.

Последний из бывших А. Поджио.

88. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

[Женева,] 12(24) января 1866 г.

Вот и я допелся за вами, живыми, до 1866 года, любимый друг Николай Андреевич!

Плетусь, а между тем переживаю много и многих! Пережил и доброго старика моего Сергея Григорьевича! Не знаю, дошла ли весть до вас о внезапной почти его кончине! Накануне он много, по обыкновению, исписал, в день смерти отдавал приказания, заказал себе даже обед, после чего захотел уснуть... и уснул навеки! Опухоль была уже в ногах и в руках, и, как я предполагаю, вода всосалась в сердце, и... Я начал письмо с горькой этой для меня вести, находясь под гнетом еще тяжелого для меня впечатления — так пусто сделалось в моем уголке без его нескончавшихся писем. Вы, верно, вспомните его добрым словом!..

Забыл вам сказать, что он умер в Воронках, и так узковиден был Фишер, старый доктор, что, не предвидя

кончины, не предупредил Мих[аила] Сер[геевича] и что он приехал только поклониться не ему, а могиле. Мир его праху и не тревожить бы его Долгорукову, который взялся за биографию неуместно и несвоевременно! Сколько тут дерзости! Заявлять себя хранителем тех тайн, которые доверены будто были ему для оглашения лишь только после его смерти! В каком виде невольно он выставил покойника! Что подумал Киселев при его отношениях бывших с С[ергеем] Гр[игорьевичем]. И это же ложь и ложь — но тут сочинителю, вероятно, хотелось уязвить Киселева, и он воспользовался присвоенным себе случаем! Как эти люди понимают все благородство чувств бывших! Ужели С[ергей] Гр[игорьевич] выжидал смерти, чтобы высказаться, и нужен ли ему был для этой цели побочный пристрастный голос! ¹ Матку правду, как он называл последнюю, высказывал и сам, — но все это до времени, и пользуясь теперешним, чтобы поздравить вас, добрый друг мой, с новым годом; желаю более всего вам здоровья и возможно успокоиться в тревожном мире сем! Наконец-то вы отозвались из своей венской клиники. Так, так, учитесь, только не заучивайтесь! Я и то потревожился, боюсь, чтобы труды вас не уходили окончательно! Поберегайте себя, тем более, что капиталы, как кажется, иссякли и придется добывать хлеб себе трудами! Что же будет, если при ожидаемом расстройстве дел покинет вас здоровье! ²

Грустно, больно мне было слышать повторение все о том же дурном ходе ваших дел; что будет с семьей Андрея Анд[реевича] в случае несостоятельности; бедная Надя и бедные детки. Удивляюсь равнодушию брата, и я все-таки думаю, что отчаиваться нечего и что дело может поправиться, но при одном лишь условии, то есть сдать все дела Аполлону и чтоб Андрей устранил себя от всякого вмешательства. Поспешайте в Сибирь, пока можете направить еще дело — тут нужна воля и нужен перелом, оставлять же дело на прежнем бездейтельном основании — значит расстроить его вконец! Конечно, выезд ваш не может совершиться прежде мая, и преждевременная поспешность послужит только ко вреду, ибо отзовется на ваше здоровье. Вести дело? — вся удача от жоака! Помните вы Кургу возле Елихты и которую я разведывал и наконец бросил за недостатком денег! Вы ее не взяли, а теперь добыто на ней 3¹/₂ пуда золота! Хозяин Базилев-

ский здесь и подтвердил это сам!³ Вот, батюшка, как дело-то делается! Пусть же Владимир мотает себе на ус!! Не будь этот елихтинский ящик, который я отыскивал, я бы не пренебрег Кургой, оказавшейся в 30 долей, но удобной по легкой разработке!..

Так как мы попали в Сибирь, то и не выйдем из нее, не посмеявшись над искателями не золота, а сепаратизма! Что за дичь! В Сибири сепаратисты? Вы ее знаете, как и я! Есть ли тут что-нибудь похожее на эти притязания? Конечно, наплыв поляков способствовал к размножению идей самых диких, и, вероятно, стремясь всегда и повсюду к нашему разъединению, они и пустили в ход эту заразу, и, вероятно, некоторые юноши подхватили бессознательно эту идею, поговорив и только! Я смеюсь, при убеждении, однако же, что дело кончится ничем и жертв не будет; не след было поднимать этого вопроса и начать бестактное преследование!⁴

Жаль бедную Машеньку, и правда ли, что она под надзором?⁵ Смех и горе! Я получил письмо от Наденьки и Дунюшки! Добрые они; любят и помнят, как всегда! Одна чуть ли не бабушка, другая с медалью на груди! Как время прокралось!.. Прошло и вынесло, и занесло в Вену доброго Кинаста!⁶ Уехал, но не сказали мне, имеет ли он место или вольнопрактикующий. Вы мне говорили, что будете слушать курс о горловых болезнях в Вене! Если вы находите профессора человеком дельным и искусным, то назовите мне его! Здесь лечится у Binet флигель-адъютант Тучков, сын Павла Алексеевича⁷. У него был года полтора тому сифилис, и с тех пор при малейшей простуде являются ранки в горле; их прижигают ляписом, дают тресковый жир и раствор из йода! Скажите свое мнение и думаете ли необходимым заехать больному в Вену! Я чтил отца и полюбил сына. Держите про себя слухи о болезни человека молодого и скрывающего недуг свой. Теперь о себе.

В холода я очень волновался полостью сердца—теперь полегче, но дряхлею... ухажу! Мы было с [Сергеем] [Григорьевичем] уговорились свидеться в мае, но его не стало, не стало и желания трогаться с места: во-первых, и расходы, и здоровье, и воспитание Вари, а во-вторых, не знаю, дозволит ли мне дальний путь вынести испытание такого движения! Пока в Женеве, т. е. на ее поверхности, Варя поддалась инфлуенце—кашляла, и вот 10-й день,

как не выходит. Музыка ее идет быстро и не по летам; по-английски и по-немецки объясняется свободно и читает на обоих языках без усталости. Еще год придержу на одних языках, а там уже за науки! Жена и моя артистка очень, очень вас приветствуют; жму вам, добрый мой старый друг, честную вашу руку и поручаю себя вашей дорогой для меня памяти.

До свидания... Какая дерзость, заносчивость сердца.

А. Поджио.

89. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

Женева, 8(20) ф[евраля 1866 г.]¹

Не ошиблись вы, добрейший друг мой Николай Андреевич, горе ваше мне не чужое, и глубоко оно отозвалось в осибирившемся моем сердце! Как вы, и я на дом ваш смотрел, как на ту верную пристань, куды моряк любит заходить — и этот дом, и все в нем некогда и жившие, и ликовавшие — все это, как тяжелый сон, ложится на душу, и не разогнать его! С первого же шагу наш Андрей Андреич, как вы справедливо заметили, оступился. Что за мысль — удалиться в Кяхту под покров людей, уже отживших, и таких ли ему нужно!² Не время искать одно лишь себе логовище; тут надо стать на ноги и выправиться во весь свой рост! Анд[рей] Анд[реевич] так еще молод, что все еще впереди! Его несостоятельность не злостная; имя его осталось неприкосновенно, и небрежность и другие обстоятельства нисколько не могли коснуться его чести! Почему же не поискать дела, деятельности и доверия! И ужели нет средств все это найти в числе стольких людей, близких вашему дому. Память отца и личные достоинства — все с вами и при вас! И время ли отчаиваться и, что еще хуже, упускать время? Посмотрите, чего не достигает человек сословия торгового, взявши в пример Трапезникова³. Отрешенный отцом от всякого после себя наследства, он остался со всем семейством своим в нищете и что же? Принялся за дело, за комиссии и теперь уж сам себе независимый господин! Почему же не выдвинуться, не попытаться? Я уверен, что так и будет! Поосмотрится, высидится и воспрянет. И можно ли только думать, чтобы избранное им пристанище не было временно? Конечно, тут понадобится воля, энергия, и, почем

знать, не найдутся ли и эти силы? Жена, дети, какие двигатели! Бедная Наденька! Какое было пробуждение! И какое, наконец, положение, найти приют, так именно [там], где ее окатили такой холодностью! Вообразите, что она найдется и там; у нее столько ума и воли, что не только не ослабнет в испытаниях, но еще и мужа подкрепит! Соберусь с силами и буду им писать! Хорошо, если бы Дуня ухватилась за предлагаемое ей место; при этой должности есть та нравственная независимость, которой нет в частном доме.

Болею за вас, друг мой; знаю, что душа ваша прекрасная затронута не в потере одного капитала; что делать, мужаться и ехать на место при первой возможности и поддерживать братьев своим умом и твердым направлением! За вас я спокоен, насколько может это быть; лишь бы здоровье не изменило! Владимир молод, боек и пойдет, если возьмет в основание строгость правил! Бедный Павел Александрович!⁴ Ему суждено, как Марию, пересаживаться с разбитого камня на другой таковой же!⁵ Капиталец его находился у вас; ужели и он унесен? Скажите мне, что об этом знаете — это крайне меня беспокоит!

Итак, вы на выезде в Берлин; напишите мне оттуда и сколько пробудете. Я туды вышлю карточки. А вы что думаете о своей, философ? Благодарю вас очень за советы; больной, как кажется, послушается их и весной отправится в Вену к указанным докторам! Ну хорошо ли, сами подумайте, принимать йод в течение не знаю уже скольких месяцев? Долго ли мы вам будем служить в виде еще опытов? У нас весна с дождями, и грязная Менева утратила свою прелесть! Надо ожидать солнца! У вас что? Вена опустела; вся жизнь ее перелилась с Дунаем в Пест! Благороднейший человек ваш император, вдобавок еще и умный!⁶ Желаю ему успеха и, как всегда, примирения, а не усмирения; там право, здесь насилие; там прочность, здесь шаткость!

Вы меня спрашивали, была ли Ел[ена] Серг[еевна] при смерти отца? Он умер на ее руках! Кн[язю] Долгорукову вздумалось почтить его в некрологе, помещенном в «Колоколе». Хотелось самому порисоваться и для этого пустым рассказням вздумал дать характер какой-то политической исповеди! Все это известно давно! Между тем старик мой представлен болтуном и даже вралем, но враль не он! В политике, как и в гастрономии, подогретое ни-

куды не годно; человечество идет всегда вперед; выбрасывая все старое и туды же и самих стариков! Славный рабочий время, где-то я сказал, особенно же с тех [пор], как он принялся за работу и не покидает общественную великую мастерскую! Все выработается, тем более, что спрос велик!

До свидания, друг мой, расстояния велики между нами, а время так коротко за мною! Не забывайте же меня, нас.

90. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 8(20) ф[евраля 1866 г.]¹

Поздно я принялся за перо, добрый, дорогой друг наш Михаил Сергеевич! Скажи мне прежде всего, подобает ли тебе, юному камергеру, насчитывать за собой столько старческих болезней?² И есть ли время радоваться твоему повышению, когда здоровье твое сделалось так шатко? Тут нервы, и желудок, и ревматизмы как будто бы слились все вместе, чтоб истощить вконец весь запас сил, в Павловке накопленных!³ Ужели у нас нет своего юга, куды ты мог перенести свою службу; и ужели скачки, плаванья по берегам Лены, Амура и пр. недостаточно отпечатались на твоём избитом теле, чтобы еще его подвергать пагубному влиянию болотистой Невы? Как ты, друг мой, бесщаден не только к самому себе, но и к тем, для которых ты так дорог!! Сколько твоя столичная жизнь тревожно заботила твоих родных! Но их не стало, и пришлось мне, как последнему из бывших, тебе напоминать заповедные слова: «Береги себя!» Трудно тебе себя сберечь в Питере; надо тебе с ним расстаться, а между тем какой предстоит перелом в твоих служебных и семейных отношениях! Все это и усматриваю, и знаю, но знаю также, что здоровье выше всего! Твое письмо, твой почерк навели меня на эту мысль, так часто повторяемую в твоей семье. Благодарю тебя за добрую весть о дорогой для нас всех Нелле, тем более, что после горестного известительного письма мы другого не получали! Ей, бедной, не до нас, а друга-секретаря не стало! Много, много он унес за собой; унес даже и то спокойствие духа, которое так улаживает наши воспоминания о былых!

Чужие возгласы взволновали и тебя, понятно, молодого

го! Но я в мои лета, при моем воззрении на все и вся; и я мог допустить себя до такого смущения, что долго не мог взяться за перо! Непрошенные трубачи, нам чуждые по всему, присвоили себе право, не признаваемое за ними, судить и рядить; тревожить; вызывать святые для нас тени и нарушать ту тишину, которую мы так любили находить у дорогих для нас могил! ⁴ Знаю, сколько в этих отзывах есть и лжи, и притворства, сколько тут скрывается и злобы, и ехидства; сколько эти даже похвалы обоюдоостры или же до пошлости приторны; все это знаю, ведаю... и имел малодушие возмутиться! И как не возмутиться при одной мысли: что бы сказал наш старец, если бы видел себя до такой степени бессовестно затронутым, dans son for *, в этом тайнике, так им свято чтимым, хранимым, а теперь... преданном чужой гласности? Ожидал ли он столько искажения и такого предательства? Здесь, при Колокольном, как водится, звоне и со всею удалью заграничной печати явился некролог отца!

Цель, вероятно, была благая, но вводное одно то обстоятельство испортило все дело и до того его исказило, что предположенное похвальное слово обратилось в осуждение, конечно, мнимое, С[ергея] Г[ригорьевича] (для тех, которые его знали), но явное кн[язя] Долгорукова самого. Принужденно выпало это имя из-под пера, я говорю принужденно, во 1-х, потому, что не в моих правилах касаться лиц, однажды уже засуженных ⁵; во 2-х, не присваивая себе права судить кого бы то ни было, я предоставляю право кн[язю] казаться кем и чем ему угодно, и если я не прошел молча мимо его подписи, то единственно потому только, что из-за нее выглядит не величавый, а безобразно искаженный лик нашего старца! И как не сказать тут неверному живописцу или судьбе: «Ote-toi, que je m'y place!» — et me voilà! **

Упомянутое вводное обстоятельство заключалось в случайной встрече кн[язя] с С[ергеем] Г[ригорьевичем], обстоятельство весьма обыкновенное, но которому первому рассудилось дать размер какого-то политического значения, потребовавшего подробного сказания! Непонятно, как ум автора не говорил ему, что вставлять себя, как он это сделал, в чужую рамку подчас неуместно и весьма не

* Dans son for interieur — в глубине души (франц.).

** «Убирайся, освободи мне место!» — и вот я там! (франц.).

ловко; что надо же иметь на это права и другие, чем те, которые нам дает одна мелкая суетность! Как тот же ум не говорил ему, что попавшийся под руку декабрист вовсе не загадочное, таинственное лицо, а что, напротив, он весь налицо; что, конечно, искушение велико порисоваться, но места все-таки нет и быть ему не может в чужой по всему для него картине!

Как он, говоря не шутя, не чувствовал, что предмет не по силам его сдержанности и что он неминуемо завлечется, заговорится и вконец заврется!

И подлинно... с первых же слов падает из рук оригинал и вместо нашего 80-тилетнего старца, изведавшего, разгадавшего и жизнь и людей, является юноша, который с первой встречи с незнакомым человеком становится весь нараспашку; с детскою простотой говорит, рассказывает быль и небылицу; заявляет себя сотрудником заграничной печати; сочиняет, диктует (конечно, не своим слогом) целую брошюру о трех доносчиках и, к довершению всего, сознавая свое малодушие, доверяет пращу своего слушателя камушки, носимые им за пазухой, с условием, однако ж, не вымечивать прежде смерти!.. И это не осуждение? Но этого мало: один из этих камней брошен по назначению и уполномочию, в кого же? — в гр[афа] П. Д. Киселева!! В того человека, которого С[ергей] Г[ригорьевич] любил и чтил до слабости и до конца своей жизни!.. Есть ли тут правдоподобие по чувству, а по сущности дела еще менее. Я многое знал и многое слышал и заверяю, что никогда ничего и подходящего не слышал ни от С[ергея] Г[ригорьевича], ни от Юшневского⁶, с которым и я был так дружен, ни от самого Пестеля, к тому, что будто бы последний читал свою «Русскую правду» в кабинете, кого же? — своего начальника штаба, человека умнейшего и исключительно, горячо, непоколебимо преданного Александру Павловичу! Что Пестель по тогдашнему либеральничал и громко; говорил об освобождении крестьян с землею, об общинной системе, — все это могло быть и было — сам П[авел] Д[митриевич] не таил тогда еще своих прекрасных чувств, но чтобы от общих обсуждений доходило до «Русской правды», т. е. до введения нового народного Правления, — никогда не было и быть не могло!⁷ Пестель был так осторожен, так скуп на свою правду, что за исключением весьма малого числа лиц он редко кого ею дарил; редко именно потому, что пущенная

в ход основная ее мысль, т. е. введение республиканского правления, была почти всеми наотрез оторвана!⁸ Картина, представляющая чтеца и слушателя при уме этих двух личностей, до того нелепо неправдоподобна, что не выдерживает малейшего разбора. Я уверен, что ум у Павла Дмитриевича предохранит его от всякого подозрения в вероломстве прежнего друга и товарища; не нуждаясь в пощаде, он вспомнит и ту благородную черту характера [Сергея] Григорьевича, что часто не щадя себя, он всегда щадил других! Конечно, вся эта статья прошла и пройдет неподмеченной, но могла ли она не отразиться болезненно на близких памяти нашего старца? Я был слишком затронут сам в имени моего друга и в подкрепление своих возражений должен был вопреки, как видишь, моих правил, несколько порыться в пыльных страницах нашей устаревшей, чтоб не сказать вовсе забытой, книги. Порылся я, мой друг, для себя, но более для тебя, как будто в помощь против тех впечатлений и грустных, и возмутительных, которые тебя ожидают, если бы случай выбросил под глаза упомянутое сочинение. В министерстве получают все заграничные газеты, верно, там и найдется тот номер, который так резко изобличает автора в домогательстве во что бы [то] ни стало прослыть каким-то политическим душеприказчиком отца!..⁹

Душеприказчик готов; но где же завешание и, наконец, и эта воля усопшего? Ужели бесцельные рассказы, взятые из забытых страниц жизни, давным-давно завешанных гласной печати Следственной комиссии и которые душеприказчику угодно было облечь в значение какой-то политической новой исповеди; может ли эта некстати подогретая смесь прошедшего, не применимая к настоящему, служить завешанием, смыслу которого внутренняя жизнь покойника так резко противоречила. Относительно воли, «она, — говорят мне, — выразилась на словах!» В этом случае ссылаться (и в наше время более, чем когда) на мертвых надо очень осторожно: потому что мертвый мертвому рознь, и есть такие из них, которые долго, долго после себя еще говорят. В числе их, конечно, и старец наш, и всякий, не познавший его, разобьется, как и случилось, о его надгробный камень!. Мир его праху!

Утомил я себя, а тебя еще больше моим и сказанием, и маразмом!.. Вчера была у нас Соф[ья] Григорьевна и сообщила, что по известиям от Деля у вас все благопо-

лучно. Ки[язь] Гр[игорий] Петр[ович] только что возвратился здоровым из Франции и в половине марта едет в Бессарабию по Дунаю. Как ты меня порадовал известием о Кат[ерине] Ник[олаевне]¹⁰; каким образом мог слух о ее болезни так утвердиться. Ник[олай] Белоголовый пишет мне из Вены, дом их обанкротился, а за ним и 13 других в одном декабре месяце! Прощай, друг мой добрый, почтительно приветствуем всей семьей вас обоих и детей обнимаем. Благослови вас бог. Напиши мне, что же с тобой и всеми вами. Преданный тебе

А. Поджио.

8—20 ф[евраля]. У нас дожди, у нас пост и вчера ходили в церковь. На клиросе посол наш пел со всей своей семьей¹¹. Во всяком случае я полагаю, что он лучше пишет, чем берет ноты...

91. М. С. ВОЛКОНСКОМУ*

[Женева, февраль—март 1866 г.]¹

Как бы то ни было, а озабоченный делами Мих[аил] Александрович² упустил из вида мое, и я горько был обманут в своих надеждах! Прошу тебя, пополни этот пробел чувств, высказанных после кончины отца! Скажи мне, что твое здоровье и где думаешь провести лето. Что будет с Павловкой? Заглянешь ли в ее степи? А как железная дорога утешительно стелется перед ними. Еще год, другой, и ты добираться будешь до Тамбова! Какой у вас холод; как вы дрожите — да и мы туды же! Недавно вздумал, не показываясь всю зиму, выпасть снег, который мы тут же согнали, но Юра и Салев побелели и навевают нам холод, тогда как все кустарники уже зеленеют. Мы увлеклись было мартовским солнцем и перебрались на старое пепелище, где сад и окрестности *des délices* **, так заманчивы, и теперь оттепеливаемся от холода.

Ожидаю весны как средства не исцелительного, а вспомогательного для перенесения моих недугов. Скоро Женева темная, грязная облечется в свои светлые ризы. Весной она очаровательна!

Почитываю газеты, все мне чудится мой старик — как-

* Помета М. С. Волконского: «Февраль 1866 г.»

** Прелесть (франц.).

то память его сливается со всем этим вращающимся мир[ом] в порочном своем кругу. Как я порадовался вежливому обращению с Кузой — одним меньше против нас и против права³; радуюсь и тому, что, говоря о нем, отдохнем и от Бисмарка!

Обнимаю тебя, друг мой, и прошу тебя позжать почтительно от меня ручку Елизавете Григорьевне и передать тысячу нежных приветствий малюткам. Ки[язь] Григорий Петрович здоров, но о выезде еще не слыхать! Передай, пожалуйста, наши искренние приветствия Льву и Николаевичу и супруге его⁴. Еще раз прощай, и господь с вами.

А. Поджио.

92. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 16(28) апреля 1866 г.

Из двух моих лобызаний одно направлено на Воронки, другое в Морскую, которое-нибудь тебя настигнет, дорогой друг наш Михаил Сергеевич! Дай бог, чтобы оно тебя застало здоровым и невредимым после всех твоих странствований. Прошу тебя передать наши поздравления Елизавете Григорьевне и наши нежные приветы столпившейся дорогой кучке у красных яиц¹. Поездка твоя в Воронки крайне была для меня загадочна, во-первых, потому что она была предпринята отдельно от поездки в Павловку, и, во-вторых, потому что и встреча с сестрой предстояла вскорости за границей! Конечно, была необходимость твоего присутствия, если, несмотря на распутицу и на свое здоровье, ты так спешно пустился в путь. Я все думаю, что семейные отношения Нелли вызвали тебя, и, конечно, ты мог принести тяжущимся и совет, и пользу². Вероятно, вы тут же и условились о времени и цели своей поездки — но вот беда, по чьей карте определяете вы свои географические точки. Сколько явилось картежников. В Берлине карта одна явилась, Кассаньяк издает в Париже другую и т. д.³. Сколько шуму, не двинется ли мир с оси? Семь дней тому назад писал я вам обоим в Воронки и писал, вполне уверенный, что рассудок одолеет бешенство притязаний — но теперь чуть не поддался я сам общему потоку опасений и начинаю колебаться в своих надеждах! Ужели, в самой вещи, все, что я себе

обещал, все, что я так долго строил, будет разрушено двумя бойцами, ставшими теперь лицом к лицу? Так как и аз малый завишу от них, то невольно всматриваешься в них и желаешь кое-что прочесть в их исковерканных чертах! Какое волнение в одном, какое спокойствие в другом! Один, осмеянный, одураченный, хотел восстановить все утраченное влияние; другой, поднятый на щитах, домогается только случая на них удержаться окончательно! Н[аполеон] в бой один не пойдет; Б[исмарк] того ищет, чтобы выехать на своем федеративном коне! Один ищет союзников действующих; другой — отрицательных, лишь бы ему не мешали. Когда-то униженная Австрия приосанилась; она делается, в свою очередь, опять державою и даже посредницею! Как Грамон и новый явившийся волкита Тауфкирхен ухаживают за отжившей старухой. А Бейст все слушает и выжидает и, конечно, как непримиримый враг Пруссии и России, сумеет воспользоваться всеми выгодами положения⁴. Все зависеть будет от него, если только Россия не скажет наконец свое греко-славянское слово. Вот одно могучее по времени слово, которое может отрезвить упившихся одуревающими надеждами. Если же болтушки французские и наши подхватили предсказывать союз Франции с Италией, то и этот слух надо отбросить в область вздорологии. Если Виктор и близко по личным отношениям к Наполеонидам, если в Совете заседают Ратаци, М-г Solms, Кампельо, то надо вспомнить, что за ними стоит Италия, а за ней на страже стоит еще и тот старик, который не дозволит ей пуститься за приключениями⁵. Италия не его, Зарейнца⁶, а *ваша*! К чему же все это поведет? Нужно было во что бы то ни стало пошуметь, шум и есть, а окончится все... Какою-нибудь пока ложью вместо другой! Укладывайся, любезный друг, если не хочешь повременить и дожидаться приезда братьев-славян! Немцы и consorts * называют их, Палацкого, Ригера и пр. предателями; кричат о панславизме, о политической цели⁷. Право, страшные люди: всем можно помогать пангерманизма, панлатизма и пр., однако славянам будто бы суждено жить разъединенными! Славно, громко Погодин подслучил и Россию, и земли славянские⁸, но все это отголоски, а не тот еще могучий всеобъемлющий голос, который должен бы был потрясти

* Товарищи, соучастники в деле (франц.).

весь славянский мир. Ужели господь раздвигал, расширял, скреплял Россию для того, чтобы из нее сплотить силу мертвую, неподвижную и не направить ее на освобождение угнетенных единоверцев и единокровных.

Довольно. До свидания, друг мой, вот что я себе говорю, твержу и повторяю. Мы все перехворали и подпали под общую influence — кашель, тошнота, головная боль — вот ее признаки. Жена и Варя также замешаны, и мудрено ли при бесконечных ветрах и дождях! Ужели и вы пройдете через эти испытания?

Будьте же все с богом.

А. Поджио.

93. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 27 апреля (9 мая) [1866 г.]¹

Благодарю тебя, друг наш добрый Михаил Сергеевич, что в минуту своего счастья вспоминал о нас и тут же поделился с нами радостью. Ты нам доказал, как мы близки твоему сердцу! Вспомнил и призвал тех, которых с нами уже нет, чтобы придать больше святости всем нашим благословениям новорожденному². Саша Александром, но мать, да подкрепит ее бог! Получив телеграмму, Лариса с постели закричала: «Знаю, знаю, это от М[ихаила] С[ергеевича]». Так и было, и семья вся окликнулась радостью! Телеграмма прервала Варю в исполнении «La Danse espagnole» d'Azcher*; я предсказываю новорожденному жизнь веселую, шумную и блестящую! Так точно с вестью о нем водворилось и спокойствие у нас. Третьего дня жене было очень худо — скопившаяся желчь во все это время ее испытаний наконец прорвалась рвотами, и сегодня утром она объявила, что совершенно здорова! Сегодня и покончу счеты с спасителем Strölin. Теперь надо взяться за строгое соблюдение всех предписаний и в особенности беречься от лишних передвижений! Очищение пришло в нормальное состояние и в свое трехдневное продолжение! Вот одна из главных причин моего застоя в Женеве! Куды броситься, направиться при моих обстоятельствах? Что делать, когда велено не двигаться, к тому же и не прерывать занятий Вари? При таких оцепивших

* Испанский танец Ашера (франц.).

меня обстоятельствах не могу и не внять голосу падения курса! Не предвидя возвышения, я задаю себе вопрос, как нам быть, и чувю лишь один ответ: «Не заносись, не кичись, недоросль, а живи по средствам добытого звания!» Вот и стал я ходить уже несколько дней *la tête haute** и поглядывая на мансарды, куды с первым пушечным выстрелом я думаю забраться. Это вернее будет всякого четырехугольника!³ Буре не долго быть не по недостатку народа и даже денег, а того безумия, которое влечет к оружию для разрешения общественных вопросов. Не признаю я силу в силе, а единственную силу в праве! Венгрия, искаженная Венгрия, еще не исцелившаяся от нанесенных ей язв лютым Гайнау; та самая Венгрия, которую мы ходили усмирять, которая не выходила из-под осадного положения, теперь мановениями одного слова *права* примиряется, выводятся войска и восстают, как во время Марии Терезии, на защиту своего короля!⁴ Этого мало: все второстепенные члены конфедерации, все примкнули к тому, который провозвестил святость права. И против такого общего заявления Бисмарк мечтает быть министром германского императора! Какое заносчивое безумие, и между тем вся Европа потрясена в своих основах. Дело за первым выстрелом, как самый отважный, и, конечно, первый выстрел германский покончится только последним восточным! Бога ради, станьте к последнему лицом к лицу, когда Англия становится к нему спиной! У нее теперь *reformobile***, фенианы, Фереира, Patti, Канада, и пр.⁵ А у соседа дело свое и больное! Один ложный шаг и опять воскресит против себя германский дух, как во время оно!⁶ Немыслима Россия наша в своей будущности без черной лужейки и не взорвав на воздух Дарданеллы⁷. Не говорю о многом другом! Куды меня отбросил курс! Да как не увлечься политикой, когда миролюбивая Швейцария, и та туды же, выдвигает войска к границам, и сегодня читал предостережение в газетах всем должностным не разглашать о движениях? Слух, что дивизия доброго соседа направляется на Савойю, и, зная его благонамерения к французской Швейцарии, теперь только и читаешь, что *pulus* не по-прежнему *à la liberté*,

* С высоко поднятой головой (франц.).

** Закон о реформе [избирательной системы] (искаж. англ.).

mais à l'indépendance de la Suisse! * Политика соседа обозначилась в ненависти к трактату 15-го года, и теперь увидим осуществление политики, обозначенной в речи Аяччио!⁸ Трудно быть оптимистом и не обнимать всех ужасов последствий от таких столкновений! Несчастное событие у вас⁹ имело ту счастливую сторону, что вся Россия слилась в одно чувство, в одно торжественное сознание святости особы государя, неприкосновенности монархического начала и единства России! Вне этих трех начал только и может быть тот небывалый хаос, которого существование силились так напрасно доказывать враждующие между собой нелепые злобные наши журналисты! Эти [господа] напустились и на Женеву, которая, конечно, отозвалась теми же чувствами, как и вся Россия, — а между тем прочти, пожалуйста, в «Вести» 18 апреля письмо от безымянного! Сколько тут злобных намеков, указаний; сколько клевет, основанных, увы, на лжи, на одной лжи! «Люди заведомо в сообществе с революционерами всего мира знали 6-го апреля имя и состояние убийцы!» и т. д.¹⁰

Каким образом этот господин знал то, чего не знали, не говорю о себе, а поручусь за всех здесь русских. Мы знали то же, что и вы, но после вас. Ни один журнал не возвещал им подсказанное. Набрасывая такую тень и такой извет, не годится патриарху скрывать свое имя и скрывать людей, причастных к делу! Затронутые русские хотели бы ответить и рассудили, придя в себя, молчанием отвечать на презренную клевету!¹¹ И вот у нас как друг друга позорят, преследуют! Жалкие стороны не общества, а многих личностей!

Довольно — обращусь к нашему кругу. Получил я, наконец, письмо от Нелли. Слава богу, здорова сердцем, но больна умом, зараженным архитектурой! Строит не замки и не воздушные, а каменные, деревянные: и дом, и винокурни, и гумна и пр. Все это не только нужно, но и необходимо, но взяться одновременно за это дело тяжело и невыносимо по доходам! Это ее занимает, и пусть притупятся боли ее сердца этим развлечением. Сейчас получил и другое письмо: горюет о Ларисе, как это она умеет, и сообщена весть о кончине Фишера! Бедный старик, много он выстрадал, и Нелля его так любила! Все новости о

* Ничто не по-прежнему во имя свободы, а ради независимости Швейцарии! (ф р а н ц.).

Серее более и более утешительны! Мать не нахвалится его нежностью и прилежанием! Большая для нее отрада! Каков Павид!¹² Миша также разливает радости. Как прелестна Нелля в суждениях своих насчет дяди! Признаюсь, не понимаю дружбы такой подозрительной, а вместе оскорбительной! Нелля может замуж выйти — прекрасно! Да разве следует, что она разорит этим сына и не огражден бы был последний от мнимых беззаконий! Неллю подозревать? Я уверен, что П[етр] А[ркадьевич], как властолюбивый человек не хотел принять опеки, его отчасти ограничившей, и понудил дядю отклонить вовсе самую мать! Она славно определила свои отношения к опекуну — чуждается всего, и делать нечего!¹³ А между тем ведь это все Мишино, своего детища, и что там будут за порядки, несмотря на всю честность правителя! Что-то поделявают твои двигатели Павловские? Пшеница в ходу, и запрос будет несомненный! Впрочем, как война не будет ужасна, а продолжения ее не быть!

1-го числа Софья Григорьевна уехала в Aigle на один месяц. Накануне пришли к нам провести вечер и слушать Варю, от которой была в восхищении. Хотел было ей телеграфировать о Саше, но воздержался и буду писать. Вчера я, наконец, увидел господина Комиссарова — Иона Фокич, уезжая в Париж, сделал мне этот сюрприз!¹⁴ Я нахожу много выражения в задушевном взгляде того, на которого пала такая великая участь! Прощай, друг мой, обнимаю тебя крепко, крепко, ужели я этого не сделаю наяву! Целую ручку Лизавете Григорьевне, и скорого ей выздоровления. Четвертому тысящу нежностей, равно и прочим пред ним милым великанам. До свидания. Сколько бы папа выслал мне телеграмм? Нет ни одного события, к которому не сливались воспоминания о нем: нет ни одной семейной у вас радости, к которой не призывал я твою мать святую. Начал ими и кончаю ими.

Твой А. Поджио.

94. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 10(22) июля [1866 г.]¹

Что за молчание, добрый дорогой друг Михаил Сергеевич! Вот уже целый месяц прошел без малейшей от тебя вести! Я думал, не подвезет ли что-нибудь Софья Григорьевна, но и она в том же, как и мы, неведении.

Впрочем, недавно получила она письмо от Дея, а молчание его о вас мы приняли за благоприятное успокоение, на том именно основании, что худые вести не умалчиваются! Но, друг мой, достаточно ли такого рода успокоения? Сказать надо и то, что дороги взрыты, сообщения прерваны, и как быть при таких условиях правильной переписке? ² При немецкой теперешней толчее трудно что-нибудь и сообразить; а между тем обстоятельства так теснят, что невольно многое чудится, как бы оно неправдоподобно ни было! Война и курс, курс и война — вот жалкий, порочный, возмутительный круг, из которого выбиться немыслимо! Все плачут, плачу и я, и горю не пособишь! Многие из наших убрались преждевременно, большая же часть остановлена событиями на самых сборах! Здесь курс 240, и Н. Ал. Нокинской ³ предложили, или, лучше, дали 1500 фр[анков] за 1000 целковых до переписки с петербургским банкиром! Вот наш граничный кредит, который падает наравне с прочими ценностями! Все дела торговые, промышленные поколеблены, кредит потрясен, *time is not money**, и все заказы в Женеве приостановлены! Время не деньги, а одна отвратительная смута. Но прервем нить этих грустных впечатлений и обратимся к более радостному; скажи нам, какие твои намерения и опять ли направишься в свои степи и наконец заедешь ли к Нелле? Какое бы это было бы доброе дело! Бедная Нелля! Когда она узнала о гнусном покушении и отправилась в церковь, то не могла миновать могилы того, который бы так горячо с нею помолился! Как эти движения немецких тактиков вызывают громкие имена былого, имена, сливающиеся с памятью нашего старика! При этих обстоятельствах мысль твоя съездить на воды не осуществится, а с нею и надежда моя еще раз свидеться с тобой! Здоровье мое все отходит более и более; теперь привязался более месяца кашель, который крепко мне досаждал! Жене стало полегче, и Варя отделилась от простудного кашля. У нас все были ветра, дожди, холода и только недавно направились на летний путь. София Григорьевна до крайности любезно нежна — недавно разнежилась о брате, о котором я часто завожу речь. Она возвратилась из Aigle расслабленная, но теперь воспрянула. Бороздин ⁴ с дочерью здесь и служит ей

* Время больше не деньги (англ.).

развлечением, когда мне не удастся ей передавать стратегические движения армий. Дела ее чрезвычайно интересуют, в особенности ход курса; и на всякое понижение она вскрикивает «Ах! Mon Dieu!» * и так далее. Нонушка убралась заранее, прислала мне свою карточку из Парижа и между прочим извещена от опекуна, что первые вырученные деньги поступят в уплату расписки⁵. Тебе ближе знать ход и этого дела. Давыдовы опалены немецким порохом⁶; так надо полагать, если верить болтушкам газетам! Молчание их только подтверждает влияние Биттерфонда на почтовые сообщения. Случайно мы встретились с В. И. Назимовым, который так же горячо меня обнял, как и расставаясь с нами 43 года тому назад!⁷ В одном pensione с нами граф Генриков с семейством⁸, Влад[ими]р Ив[анович] познакомился с ними в Ницце и, сидя здесь на балконе, завидел даму. «И эта наша русская». — «Кто такая?» — «Поджио». — «Как, какая?» И тут же с нею бодрый, славный старик бросился в мои объятия. Это люди старого покроя, и я ему обязан большими утешениями! Вчера приехала жена, оставшаяся на время в Ницце, и вместо германских вод придется им воротиться из Констада в Баден швейцарский! Ты можешь из всего вышесказанного заключить, как русские, и здоровые, и больные подсечены в своих предположениях! Русские (я надеюсь, заграничные) предполагают — а Бисмарк располагает. Если этот человек не выбросил меня, то, признаюсь тебе, разбросал все мои идеи. Право, не соберешь их после того, что видишь и слышишь. Французы правильно говорят: «Qui de possible Dieu, impossible». On peut faire bien appliquer le mot de Danton: «De l'audace, de l'audace, encore de l'audace»⁹. Il y a bien du tambour dans cette ouverture — en voyons la finale!*

Пишу тебе в полной уверенности, что не пробраться мне сквозь стратегически расставленные германские цепи, пишу на русское авось. Во всяком случае, ты и без письма знаешь, сколько мы трое неразлучны с вами. Сохрани вас, добрые, дорогие, бог наш, и передай наши душевные

* «Ах! Мой бог!» (франц.).

* [Перевод пословицы не обнаружен. Видимо, искаж.:] «Что возможно богу, невозможно». Можно хорошо применить изречение Дантона: «Смелость, смелость, еще раз смелость». В этой увертюре много барабанного боя. Посмотрим, каков будет финал! (франц.).

приветствия Лизавете Григорьевне. Всем пятерым благословения. Что поделывает маленький Александр? Господь с тобою.

А. Поджио.

Сейчас была у нас княгиня с Бороздиной, им письмо от Деля и ваше молчание. Письма доходят... Забыл ты меня, Михаил Сергеевич.

95. М. С. ВОЛКОНСКОМУ*

[Женева,] 14 июля [1866 г.]¹

Только что слышал уличного крикуна: «О мире за су!» и бросился за перо, добрый друг наш Михаил Сергеевич! Почем знать, быть может, и в самой вещи немцы примутся чинить и дороги, и мосты, и изорванную карту Европы!..² Непредвиденные развязки следуют одна за другой, и мы не выбираемся из неожиданностей! Плохая вещь неожиданность в великих делах человеческих, и грустно говорить, что мы из них выберемся еще не так скоро! Как вы видите, даже в наших отношениях бывают неожиданности, потому что наш друг³ оказался среди дефилировавших в Карлсбаде. Он переслал мне ваше письмо, и судите о моем изумлении, когда я вижу ваш почерк на конверте, отправленном из Карлсбада! Я получил разгадку этого, но не получил записки от больного, насыщенного углекислотой и натрием до немоты³. Я ему только что отправил письмо, чтобы предупредить его о нашем намерении провести один месяц в Бе, маленьком городе в 5 часах езды от Женевы по железной дороге, вы, должно быть, его знаете. Там есть солеварни и воды, а горный воздух будет во благо Вареньке. Впрочем, это очень тихий уголок, пансионы там в 3 фр[анка], это одновременно будет мерой вполне экономической! Пора уж подумать об этом, насколько предупредительность, с которой вы пришли нам на помощь, говорит о вашем сердце и уме! Повышение распространилось на все процентные бумаги, кажется, за исключением наших. По-видимому, финансовый недуг, который нас подтачивает, находится вне иностранного влияния, и чтобы его лечить, надо приниматься за самих себя. Заставьте вернуть капиталы, и,

* Подлинник на франц. яз.

если не будет несчастных событий, которые заставили покинуть страну и для которых нет более причины, вы вернетесь в лоно финансовой веры. Если хороша политика, хороши финансы! А каким образом, правда, вести ее правильно рядом со всем тем, что позволяют себе делать. Посмотрите на Пруссию, которая становится морской державой, желающей запереть наши корабли в Балтийском море; а Австрия <...>*, из конфедерации, чтобы обрушиться на соседних славян⁴. Какая ошибка эта уступка Наполеону Венецианской области!⁵ По отношению к Италии это оскорбление, которое нация не смогла бы принять безнаказанно, но по отношению к Австрии и всей Европе — ошибка, большая ошибка! Это не успокоить, а раздражить все интересы или, скорее, все злополучные честолюбия, поставленные на карту. Мой дорогой друг, каким бы я ни был старым, умирающим, я не смогу отречься от того чувства возмущения, которое вы видите, оно сразу заставило меня выйти из круга мыслей, которые мне надо было обсудить. Я возвращаюсь к ним со всей радостью быть вам всегда и постоянно обязанным. Долгое ваше молчание снова обратило меня к череде ваших одолжений, и я не могу выразить все, что должен был, перечитывая ваше письмо! Вы праздновали семилетие⁶, и да будет богу угодно, чтобы вы прослужили надлежащие 30 лет так же мужественно и особенно так же счастливо, благословляемый и другими! Какая радость нам узнать, что к доброй княгине возвратились все ее краски! Деревенский воздух придет вам обоим на помощь. В письме вашем есть место, которое вызвало у меня дрожь: как можете вы предполагать, что мне на ум придет мысль, что моего ребенка возьмете не вы, а другие? Как, после тех прав, которые вы приобрели на нее, кто-нибудь осмелился бы прикоснуться к этому вкладу, который я вам всегда, завещал как священный, ненарушимый! Ну что ж, раз мне это пришло в голову, надо, чтобы мы об этом подумали с Ларисой. Боже мой, не пришлось бы мне умереть с этой тревогой на сердце!

Наконец добрая Нелли пересекла столь же победно немцев и приехала ко мне, полная забот о нас! У нее тоже свой крик законного возмущения вследствие той высокомерной спеси, которой хотели бы подчинить ее такой бла-

* Несколько слов неразб.

городный, такой независимый характер!⁷ Ее, ее унижить, и кому? И что мне эта честь, эта столь узкая честность, тогда как нет душевной чуткости, которую бы я чувствовал!

Ах, если бы покойный оказался на их месте, не такое бы он дал доказательство своей чести! Но Нелли высоко держит свое знамя, и чего ей стоят порывы вечно непризнанного, всегда раненного сердца! Однако есть предел всему; понятно, что она бросает им в лицо все, что относится к ней, но она не вправе отвергать долю, которая за ней признана в завещании, даже в управлении имуществом, а не протестовать против архитектурных претензий г. опекуна — значило бы быть чересчур совестливым! Представляю себе, что достанется Мише от всех этих разграбленных лесов и от всех этих дворцов, построенных в ущерб его материальным интересам. А покойный? Он был вполне вправе сказать себе: «Она же может снова выйти замуж», но вправе ли он был предположить, что если бы представился случай, Нелли начала бы тратить имущество своего ребенка? Кстати о вкладе, я долго смеялся, найдя вас обоих в одной строчке*.

96. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Бе, 28 июля (9 августа) [1866 г.]¹

Неожиданно, добрый друг наш Михаил Сергеевич, дошло до нас твое письмо, и еще более неожиданно грустно поразили полученные от тебя вести. Меж тем как мы славили здоровье Лизаветы Григорьевны, она, бедная, изнемогала под страшными мучениями! И что же может быть чувствительнее болей грудных? Я все приписываю избытку здоровья: первая болезнь и последовавшие грудные припадки требовали предостерегательных мер, указанных самой природой, и я думаю, что все эти тяжкие испытания были бы отвращены кормлением младенца! Такая свежая, цельная натура требовала естественного исхода; впрочем, так думаю я; а главное, предохранял бы бог нашу страдальцу от новых испытаний, и успокоились бы вы наконец! Понимаю, друг мой, твою робость и закравшийся страх разлучиться тебе с семейством. После

* Конец письма отсутствует.

пройденных треволнений напуганное воображение не дает должного покоя. Признаюсь тебе, я бы желал, как благо-разумно задумал, отложить свою поездку до осени. Во-первых, к тому времени восстановится здоровье ваше всех; холера поукротится, и не придется тебе ее рассе-кать на перепутти, и, наконец, осень есть хозяйственный сезон: время проверки, итогов и <...>* уже определитель-ных! Тогда ты сам можешь все порешить и господа не будут иметь повод переименовывать дела! Какой убыток ты понес из распоряжений и вместе упущений Блохина!² Сомнения нет, что при новом твоём управлении дело на-правится к лучшему; чего я опасюсь в Ване: это сонли-вость, вялость, которою обозначились все его приемы³. Если что еще может вредить успеху, это все тот же объем дела: трудно представить себе полный успех на размере 3000 дес[ятин]. Сколько тут надо предположить и ног, и глаз в хозяине-земледельце! Самые большие фермы в Англии и Бельгии не допускают более 300 г[ектаров]! Вот норма, взятая соответственно возможности успешно управлять вовсе отдельною частью. Громкая 50 000 циф-ра, съжившаяся в 5-ю долю, доказывает всю сложность системы управления и что достаточно бы одного ее упро-щения, чтобы достигнуть того же жалкого результата. Упрощением называю я уменьшение, напр[имер], запашки, для того, чтобы одна тщательно подготовленная разрабо-танная десятина льну дала бы вдвое против двух десятин земли наскоро и не вовремя и поднятой, и заскорожен-ной... Упрощение, если вместо 10 десятин луговой, ковы-лем заросшей земли, дающей общим числом 250 пуд[ов], я могу получить minimum на одной десятине, искусно за-сеянной, то же самое количество лучшего свойства. Упро-щение: вместо принятой рутинной системы засеять все возможные хлеба на том основании, что если один погиб-нет, то другой удержится, избрать некоторые из них как самые прибыльные по местности! Черезмерные засевы ржи могли быть, допускаемы при крепостном труде; те-перь же надо рожь (я говорю, при большом хозяйстве) отодвинуть с первого на задний план и заменить ее зер-ном более прибыльным. Русский управляющий падох на рожь, а почему? — соломку дает, соломка всему клад; он и винокурню подтопит (а спроси, что приносит завод в

* Одно слово неразб.

сущности?), он и крышечку прикроет кое-как, он и скотинку прокормит; скотинка мельчает, и овца вместо 5, 6 ф[унтов] шерсти даст 2, 3, да и часто переколеет. В Камчатку этих соломенников! Рожь мешает разработке пшеничного поля — не успеваешь заняться как должно последним! Опаздывать в ее посеве — значит лишать себя наверное хорошей жатвы! Итак, убавить значительно посев ржи, усилить посев пшеницы и все-таки в меньшем количестве против первой; в Петровку⁴ вместо заготовления паров для ржи поднять и подготовить поле для льна; вот что отчасти назову я упрощениями и улучшениями земледельч[еского] производства и т. д. Я заговорился, как водится, касаясь этого предмета, и не взъищи, если я и сужу, быть может, вкривь — пропусти мимо. Так или иначе, но я убежден, что одно твое летнее пребывание в Павловке могло бы поправить дело — но как это устроить??? Впрочем, с каждым днем ты с Павловкой сближаешься, и года через два она будет у тебя под рукой. Пришли мне, пожалуйста, цифру, полученную за наем крестьянских земель, и все ли отдается, и сколько таких имеется десятин, и на все ли есть требования?

Теперь обратимся к Курше!⁵ Как же ты беден, мой богач! Как жалко выражается эта звучная цифра 16 000 д[есятин]! И какие последствия! Как бы то ни было, но на днях увижу старуху, улучу время, чтобы наедине с ней переговорить. Не бойся с моей стороны какой-нибудь глупости! Поведу речь не в виде упрека или жалобы, а просто коснусь твоих дел из заявленного тобой твоего денежного положения; что, несмотря на многоценную Куршу, ты только вносишь деньги, не выбирая гроша, и что это тем более ощутительно, что ты лишился прежних вспоможений. Увидим, что она скажет; меня же называет *le cher absent* *. Заутра едем прощаться с Коси⁶, а послезавтра в Женеву. Дожди непрерывные еще более наводят на нас хандру, и бедный Ив[ан] Ив[анович]⁷ только и думает, как бы избавиться от пленения в Бе. Коси его несколько подпитал, но он все слаб на ноги. Он предполагает, что это действие размягчения мозговичка, *ramollii cerebri* **. Не передавай этой мысли никому: попадется к Кочубеям, и пойдет трезвон! На месте увидят

* Дорогой отсутствующий (франц.).

** Размягчение мозга, старческий маразм (франц.).

следы Карлсбада и прежнего недуга. Как мне кажется, бедному не быть уже здоровым! Из Женевы он выедет 7-го. Буду подыскивать ему спутника — не понимаю, как он будет и садиться, и управляться в вагоне. К тому времени не подведут ли и силы? Больному все не по нем — он и недоволен прожитым или, лучше, утраченным здесь месяцем пребывания! А между тем что мог я ему лучшего представить для поправления здоровья. Бе — место, куды съезжаются все слабые; Коси, лучший доктор, под боком; пенсион чудный по дешевизне и отличной пище, и все не впрок! Только и мечтает домой... куды же? в пасть холеры и сырого воздуха. В Женеве остановимся в пенионе, где ждет нас другой Ив[ан] Ив[анович]⁸, прииму квартиру для жены, которая вслед за ними прибудет. Хотим на время отделаться от пенсионеров и пожить на своих щах! Не знаю, как устроимся на зиму; не знаю, как мне через нее перевалить и дожидаться будущей весны; до тех пор Бисмарк всех усмирят и себя пристроит; Наполеон устроит зрелище, выставку, и я, не знаю, почему, все надеюсь с вами свидеться; не вызовет ли это зрелище, конечно, единственное по всему, и вас, и Неллю⁹. Пусть это мечта, оставь мне ее на время, на последнее мое.

Давно Нелля не пишет — понимаю, насколько тебе больно жить врозь! Я подумываю о духовной в твоём смысле. Спасибо и всегда, и всему. Дай же мне весточку о Лизавете Григорьевне и поспеши. Не опасно — знаю, да ведь больно. Жена собирается тебе писать, а между тем все наши вам благословения! Поздороветь бы вам да успокоиться. Пора вам отдохнуть — скажу, как сказал и ты, мой добрый, до свиданья.

97. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 13(25) [октября 1866 г.]¹

Я только что было выслал тебе, друг мой Михаил Сергеевич, свою челобитную, как ты, не ожидая ее, и ответил подробным извещением о себе! Глубоко ты высказался, друг ты мой, и глубоко ты затронул меня, одного из двух отсутствующих, к которым несется твое бедное сердце в часы какой-то отчаянной грусти. Понесенные, не

скажу тобой, но и нами потери сильно тебя потрясли! Ты не стал более верить в прочность счастья и еще менее в свою жизнь! Я вижу, до чего ты бываешь и мрачен, и безнадежен, и почему третье — хотя и всеобъемлющее для тебя лицо² в эти только минуты более раздражает, чем успокаивает расхолодившуюся скорбь!..

Я знаю, как это дорогое лицо необходимо для излияния твоих и радостей, и счастья и как это же лицо ты силишься отстранять от всего скорбного и потрясающего! Сберегая и щадя его, ты невольно вызываешь к тем, которые могли бы и разделять, и, быть может, подчас и облегчать тяжесть таких взрывов ума и сердца! Почему же мне на склоне лет суждено вдали от вас двоих кончать свои дни? Вот что тяготит и мучит меня! Полвека прожили с папой, и не умел, и не мог быть с ним при нашем расставании! Так кончу я и с вами — благословлю вас издали! Миша мой, друг ты мой, бог тебя сохранит; я так убежден в этом счастье и моем, и всех тех, к которым ты присущен! Вот мне так свойственно раздумье; все, все к этому наводит и влечет, что я совершаю и, конечно, в одиночку. Благодарю бога, что ты не поддался холере и безопасно можешь предаться всем шумным предстоящим увеселениям³. Хочешь не хочешь, а <...>* не миновать! Поликуй со всей Россией, и благодарю тебя за утешительную весть о помиловании осужденных на смерть⁴. Смерть гнусна сама по себе, а еще более, когда она насильственна. Закон, как ни свят, не может не подчиняться высшему закону природы, которая одна имеет право отымать то, что она и дает... История перед нами и доказывает, что смертная казнь выражала всегда бессилие, а не силу власти. Бессилие потому, что виселица, плаха не могут же быть в беспрестанном действии и служить, как ошибочно полагают, и страхом, и примером; но более еще и потому, что все эти варварские орудия, действуя вещественно, поражают одно тело, а не дух! Таким образом в Америке Браун как аболиционист был повешен, растерзан⁵, а дух его, все целый, не переставал оживлять современников, и два года спустя миллионы негров, достигшие своего освобождения, поклоняются памяти мученика. Итак, бессильная в борьбе с истиной, она является спутником отвратительного закона при поражении жи. Каракозов⁶

* Одно слово неразб.

и сообщники его были дважды казнены, заслужены всею землей русской и всей, скажу, Европой, казнь эта была действительнее всякой казни веревочной! Ты говоришь, что Ходюков, за неимением юридического доказательства, был только выслан в Сибирь⁷. Не знаю, какие могли его быть действия в России, но что касается до заграничного агентства, право, не только трудно, но и смешно отыскивать следы. Все эти существовавшие революционные комитеты хороши для убаюкивания москворецких читателей и не далее⁸; пора бы отнести все эти пускаемые пугала к области буков, употребляемых для детей. Все эти комитеты, заговоры, общества выброшены как средства, не соответствующие требованиям большинства, а не меньшинства, как это водилось. Человечество по предназначенному свыше ему закону, покидая одни, избирает другие пути для достижения своей цели! На этой цели останавлиюсь. Я увлекся, заговорился и отбился от тебя, друг мой! Ты посвятить хочешь ноябрь на свои поездки, какой вредный месяц! А делать нечего, надо посетить благодарную несколько Куршу и воскресающую Павловку! Не худо они показали себя. При таком начале надо ожидать еще лучшего продолжения. Теперь о моем капитале! Добрая Нелля, всегда недоверчивая, выхватила деньги у Протасова и навалила на тебя обузу их помещения. Все это не так — ты по своей доброте дал им приют и за свое же гостеприимство наказал себя платежом удвоенных процентов! Ты ссылаешься на свои финансовые обороты! Я бы более удовлетворился другим сознанием: «получу 5%, а остальное добавлю из своих». От тебя нет подаяния! Нелля, не доверяя Пр[отасову], не должна была верить предводителю Козелецкому!⁹ За что ты засудил себя на произвольную издержку? Твоя расписка обидна для нас, и я только объясняю себе ее состоянием мрачным твоего недоверчивого к жизни ума! Я все-таки думаю облегчить тебе эту обузу и, может быть, укажу тебе через несколько дней средство и лицо к помещению. Впрочем, делай как знаешь, ты был и есть мой хозяин и благодетель. Прошу тебя до дальнейшего исхода и выслать на имя жены 250 р. Если можно, на банкира Моссуар et à vue, lettre chargée et poste restante*.

* Векселем на предъявителя, письмо страховое и до востребования.

Благодарю тебя от души за твои все назначения. Ваня еще не отозвался, я же его, опекуна, допрошу — впрочем, он мало обо мне думает, как кажется. Я написал письмо Сонюшке с коня: чтобы выслала тебе должные мне 200 р. Теперь о бедном Ив[ане] Иваныче. Что за грустное, хотя и ожидаемое известие! Как не сочувствовать нам тому, который так близок по душе Воронкам! Бедный он! И как Коси все это предугадывал! Бедность, зависимость от службы погубили его! Коси требовал месячного лечения и у себя в Vevau. Он было до того его поднял, до того восстановил его аппетит, его силы, что в течение 3-х дней мы с ним бегали по Женеве, ни разу не прибегая к фиакру. И все это утрачено — дороги и болота ускорили ход болезни. На днях буду писать к нему и Белоголовому, чтобы этот его осмотрел и сказал бы мне все сущее с ним... Белоголовый решился отвернуться от расхищенного родного пепелища в Сибири и думает расположиться у вас. Человек умный, даровитый, ученый и сверх того честнейший, каким бы он мог быть тебе полезным спутником. Лучшего отзыва не могу дать, как отзыв самого Боткина, который рекомендовал его герцогу Лейхтенбергскому для сопровождения его в поездке на Урал¹⁰. Он три раза был за границей и все три раза сживал на ученической скамье! Сколько тут после патента докторского самопознания и любознания. Испытай его — не пожалеешь. Он живет у Пяти углов, дом Лапина, на квартире Боткина! Артистка моя слаба — глисты ее замучили; принимает *sirope vermifuge**. Третий день как не звучит. Всегда октябрь так для нее тяжел! Elle est tellement énervée que dernièrement elle s'est mise à jouer la musique de Foss et a fini par quitter le piano fondant en larmes. Cet état fait que je la ménage et qu'elle ne travaille pas comme elle le fera à 14 ans**.

Много, много я говорю, друг ты мой, как бы я тебя обнял и посмотрел бы на тебя и на деток всех дорогих. Господь с вами — все втроем

ваши А., Л., В. Поджио.

* Глистогонный сироп (франц.).

** Она настолько слаба, что не так давно принялась играть музыку Фосса, но бросила рояль, заливаясь слезами. Это состояние принуждает меня беречь ее и не дает ей работать так, как она будет в 14 лет (франц.).

Женева, 18(30) октября [1866 г.]¹

Порадовали, а еще более успокоили, добрейший Николай Андреевич, вы меня письмом вашим от 23 августа. Вы знаете, к каким скаковым отдела́м принадлежит мое воображение и какой повод был всегда мрачно давать смысл вашему молчанию! В какие отдаленные или темные места не заносился я в моих догадках. И вместо всей этой небылицы вы себе чародейно перебирались с горы на гору и изучали одну из богатейших отраслей нашего еще не изведенного богатства. Лестное и счастливое пало на вас поручение — сопутствовать знаменитому нашему любознательному-ученому! Удивляюсь одному, как герцог не мог вам доставить места в Питере! Трудно медику, вновь явившемуся, пробиваться сквозь толпу знаменитостей, уже укоренившихся, и не иметь за собою точку опоры; я не говорю места на службе, в которой по усердию своему и по знанию вы можете быть столь полезны. Напавши на след и при содействии вашего почтенного мецената вы можете достигнуть своей цели! Не больно философствуйте; не засиживайтесь за книгами, за теориями, а примитесь за практические стороны жизни! Ставши однажды затылком к своему иркутскому расхищенному пепелищу, надо уже основаться в России и приняться за дело: неподвижному медику не дозволяется движение — он передает его недвижущимся своим только больным! А вы, милостивый государь, извольте-ка раскинуть свой шатер у 5 или 10 углов, все равно, но лишь бы вы, избрав уже себе место, и заложили там краеугольный камушек свой будущности. Пора же вам, право, усесться и заводить и знакомство, и связи и пр. Вот и я издали хочу вам помочь на том основании, что, предлагая услугу вам, думаю такую же оказать и лицам, коим вы можете быть полезны. Я уведомил Мих[аила] Серг[еевича] о вашем пребывании в Питере, у него большой круг знакомых; сверх его писал и Ивану Ивановичу Стародецкому, близкому для меня человеку по связям его с Еленой Сергеевной и с Кочубеями по ее мужу-покойнику. Тут не одно знакомство, а чисто эгоистический мой расчет. Он, бедный, одержим тяжкою болезнью, и я бы желал знать ваше мнение и выслушать его на бумаге... Это старый артиллерийский полковник, избравший ученую часть и поэтому преподава-

тель военных наук в учебных заведениях. Его летом доктора отправили в Карлсбад для излечения печени. Он, не окончив курса, почувствовал слабость в правой ноге и приехал к нам вовсе расслабленным. Мы были в Бе, в долине Ронской — там соленые ванны, и Варя ими пользовалась, имея знаменитого Коси под боком. При осмотре больного Коси мне тут же сказал, что у больного размягчение мозговичка — что дело его нехорошо. Требовал от него месячного, по крайней мере, пребывания под ежедневным надзором — но хандрит больной, ссылаясь на службу и подвергся только скорому, поверхностному лечению. Как бы то ни было, Коси восстановил аппетит, силы, поднял его до того на ноги, что мы с ним в Женеве 3 дня бегали, не прибегая к коляске. Таким-то я посадил его в вагон, а теперь Мих[аил] Сер[геевич] пишет, что больной слег вовсе и что доктора объявили размягчение мозга. Мозг или мозговичок, все архидушно. Сам не мог мне писать. Я его просил вас просить к себе и посоветоваться с вами и если не побоятся медиков, то, конечно, это и сделает. Если бы это его стесняло, то прошу его, наконец, принять вас как близкого мне человека и который один только и может дать мне верный отчет о его состоянии. Это отличный человек и особенной породы, и я уверен, что вы ответите на его приглашение и что для него сделаете то, что сделали бы почти для меня. Это свидание, а может быть, и лечение — если ему позволят, будет и ему, и вам полезно. Он живет на Мойке, у Красного моста в доме П. А. Кочубея. Написали раз, напишите и другой и подробно не только о нем, а о себе и ваших иркутян[ах]. Скажите, как идет практика и какие ваши намерения? Служит ли вам, наконец, здоровье и как приливы действуют. Как ни болотист воздух петербургский, а все-таки он мягче жесткого, сухого иркутского и который оказывался для вас столь вредным. Что-то поделявает Андрей неподвижный; Андрей *sans-souci*?* И почему он задержал Дуню от предложенного места? Будете писать, пожалуйста, скажите 1000 искренних им, и в особенности молодой маменьке, на которую, конечно, разгром этот более подействовал, чем на других. Правда ли, что вызывают Корсакова по поводу несчастной польской дури, которая сумела и там выказаться столь отчаянно-нелепо!²

* Беззаботный (франц.).

Какая, спрашивается, цель? Непостижимо, а между [тем] сколько жертв, и с обеих сторон! Я читал награду Куке-лю — бедная жена!³ Не было вас там, чтоб вырвать, и, быть может, от смерти!

Что вам сказать, доктору, о себе? Покашливаю с болью у сердца и, как видите, отражаю пока еще гостью с успехом. Жена здравствует без малейших признаков прежней боли. Варя моя было расстроилась; у нее находит слабость, какая-то чувствительность мрачная слезная; боль под ложечкой и пр. Я дал ей [siropé] vermifuge, но ничего не оказалось, но вместе ободрилась и теперь принялась за фортепиано, чего не могла без слез! Вся эта ее будущность крайне смущает меня!..

Жена жмет вам крепко руку, Варя кланяется, а я обнимаю вас с неизменными старыми чувствами.

А. П.

Адрес мой poste restante*.

99. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева, ноябрь 1866 г.]¹

Телеграмма от 29 возвестила нас о торжественном бракосочетании, но храм наш не огласился еще громкими молитвами всех русских. Ожидаем торжества здесь и мы; ожидает также герцог Карл Глюксбургский, дядя по супруге в[еликой] к[нягине] Марье Федоровне!² Неоднократно посылал он к священнику узнавать о времени молебна — но, как говорил я, манифест еще не получен! Ожидать буду приезда Вл[адимира] Ивановича³, который дополнит рассказами то, чего не доскажут газетчики. С завтрашнего дня буду на несколько дней посещать Café du Nord, где получают С.-Пет[ербургские] ведомости! Буду следить, радоваться торжеству! Не забыты и страждущие, и слава богу! Люблю амнистии, люблю род этого усмирения, предпочитаю его всякому другому...⁴

Власть милующая сильнее власти карающей потому именно, что дело не в усмирении, а в примирении! Одни пугливые или, лучше, запуганные люди могут вызывать кары, как мы видим в Испании⁵, не понимая, что сила не в каре, а в праве, без сознания которого нет прочнос-

* До востребования (ф р а н ц.).

ти, нет будущности. А силу права мы почувствовали на днях, т. е. в воскресенье, когда Женева, вся обезоруженная, отразила так успешно натиск бесправия. И здесь также две партии, оспаривающие каждая свое значение: независимые и, радикалы, или фазисты⁶. В этот день оканчивались выборы, и вечером, когда радикалы почувствовали свое поражение, они вздумали было разбить урны и тем уничтожить подачу голосов. По окончании выборов урны эти запечатываются, и на другой день уже поверяются листки и провозглашаются избранные. Только что председатель комитета приступил к печатанию, вдруг послышался шум и толпа стала врываться, угрожая положить конец насилию независимых. Эти же успели их вытеснить из залы и заперли большую дверь избирательного дворца, где это происходило. Тут явились подготовленные две банды, вооруженные палками, и начали бить окна, стекла, швырять камнями в осажденных, но подоспевшие жандармы и пожарные в числе 60 чел[овек] восстановили сейчас порядок и тишину. Не досчитывают 2 носа, несколько пар ушей и дюжины две-три зубов — вот и все! Демократическая кулачная революция начата и покончена без выстрела. На другой день начали отписываться, оправдываться, извиняться, что одни случайно обратили самую мирную демонстрацию в неприязненную. Бесправие повинилось перед ненарушимым правом. Везде выбраны кандидаты независимых — заявлены, и все им повинуются.

Воображаю, какие размеры французские газетчики дадут делу — им больно хочется восстанавливать порядки в Женеве. Во главе был <...>* и следствие началось и выкажет господина. Если буду завтра болталив, то сообщу еще тебе кой-какие слухи.

До свидания, дорогой мой друг, благословения всем вам.

100. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

Женева, 5 февраля [1867 г.]¹

Наконец добрался ты, добрый друг мой Иван Сергеевич, до вечного града и, наконец, стал в виду и Капитолия, и знаменитых туфлей! Слава богу, что вы добрались

* Одно слово неразб.

здравыми, и благодарю вас за добрую весть о себе. Жаль, что не удовлетворили крайнему нашему любопытству описанием всех ваших странствований! Если мы в течение двух недель завалены были снегом, то и вас не щадили дожди, и Рим ваш не совсем был пригож в это время! Надеюсь, что вы вышли здоровы и невредимы от этих испытаний и предаетесь теперь безнаказанно изучению развалин — что касается до меня, то я не поклонник старины! Прошедшее для человеческого только и должно служить указанием, чтобы к нему не возвращаться; настоящее так отвратительно, что только один и должен быть помысел, как бы из него выбраться и броситься в будущее!..

Будущее — вот поприще, к которому ставши спиной, к настоящему обратимся грудью! Вот поле, на котором только и могут развиваться начала новой жизни народов. Теперь же пусть пока понеистовствует старый мир; на последях и любо подурить! Пишу тебе под грустными впечатлениями всего, что дается и слышится не только в Европе, но и у нас на Руси! Там есть борьба, конечно, и понятно, что издыхающая повсюду власть силится еще продолжать ту неравную борьбу — но у нас где же эти противодействующие и потрясающие силы, чтобы пугаться при малейшем знаке зарождающейся общественной жизни и пугаться до того, что не только забываются достоинства, но даже приличия всякой разумной власти. Слышал ли ты, что земство петербургское распушено, разогнано, закрыто². Положим, что при бесправии, за властью, скажем, и право! Но как же и не воздержаться далее и не довольствоваться такою карой? Так нет, как не потатарить еще по старой привычке, *et les grands piliers du pouvoir** придумали вводить бывший у вас в Риме острацизм³ и, как говорилось, «лишить огня и воды». Вот и объявили графу Андрею Шувалову изгнание на три года с правом выбрать Астрахань или за границу!.. Он избрал последнее, едет в Веве и накануне выезда выдал двух своих дочерей за Воронцова-Дашкова и за Шереметьева-богача⁴. Круже и другого, которого в письме не упоминают (я полагаю, или Платонова, или Корфа) сошлют, куды ворон костей не заносит⁵. Таким образом, отцы семейств, люди положительные и благомыслящие,

* Столпы власти (франц.).

за одно выражение своих убеждений ссылаются наравне с отъявленными революционерами, как они говорят, с тою только разницей, что эти ссылаются даже без суда! Все это больно, грустно, тем более, что это действие партии.

Конечно, все это делается в виде опыта, не имеющего никакого общественного значения, но грустно, что не видишь правильного, ясного изложения правительственной мысли! Видишь, что и хочется, но и колет: какой-то страх, испуг обнаруживается при всяком начинании; какая-то шаткость, сбивчивость в действиях; безрассудная неумеренная строгость; строгость, жестокость, которая не успокаивает, а еще более раздражает умы! Впрочем, скажем, и так: не входят ли все эти явления в условия нашего перерождения? Таким образом и будем покоряться воле нависшей над нами истории! Ее не обойти, и ты по юности еще прочтешь и разгадаешь ее; я же отправлюсь с одними надеждами, полный веры в судьбы моей России... Ты, я думаю, друг мой, так оримлянился, так окунулся в этот омут старого мира, что едва и подмечаешь нас, новых, и долго ли ты будешь стоять у этой вековой гробницы — ты обо всем умалчиваешь, как будто с Капитолия, обнимая все 7 холмов, за ними нет и мира более! А Неаполь и Везувий, Помпея и пр., и пр. Каким путем думаешь возвратиться, ужель не на Женеву! Положим, что навестишь бедного дядю в Зальце, но все-таки оттуда надо же в Бюрцбург!⁶ Сестры не пишут, стану на днях расшевеливать. Серб тебя благодарит и на другой же день выслал тебе 3 ф[унта] табаку на 42 [франка], которые я ему и уплатил из 196, оставленных тобой у меня. Сделай милость, уведоми меня тут же, получил ли ты посылку, — не пропала бы она! Я думаю, вам, русским, не большой почет в Риме, в особенности после Мемогандум Горчакова. Ништо Папаше⁷. Так или иначе, пока еще, вероятно, подержится, и, признаюсь тебе, боюсь, чтобы мащинисты не испортили дела⁸. Надо предоставить времени, которое разрешает мимо нас вопросы. Умный тактолюбивый Деак достиг автономии без выстрела⁹. Так и римский вопрос разрешится. Но смешно видеть все эти притязания на Рим как на столицу! Рим не восстановит. Из мирового града он обратился в мировую молильную, так ему и быть! Капуцин в Колизее сноснее, чем Персо или Мармора в Капитолии!¹⁰ А между тем что у вас за жизнь! То ли дело моя Женева! Нигде вовсе ни капуци-

нов, ни комитетов всех родов! Жаль мне вас поистине! Я разговорился с тобой в память твоего отца, и как будто не прервана, говоря с тобой, и беседа наша с ним. Награди тебя бог всеми чувствами, которыми жили твои родные — лучшего не могу тебе желать, добрый Иван Сергеевич. Господь с вами, и среди развалин не забывай развалину под литерой А. П.

101. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева, лето 1867 г.]¹

<...>* На твоих словах я до того призадумался, что дал размах своим мыслям, и теперь перехожу к очередной статье! Благодарю за книгу и хвалю тебя за изъявленное тобою согласие приложить руку отца в деле оправдания². Достаточно этих двух чистых рук, чтоб опровергнуть взведенную на Б[лудова]³ клевету. Никто из нас о нем и не слышал; доклад его составлен из доставленных ему материалов, и, за исключением риторических фигур, он не может быть ответчиком в изложении фактов! Подвергнуть, не знаю почему, именно его какому-то суду объясняется только иногда слабостью человека обвинять в своей вине другого, а не самого себя. Неуместно говорить здесь о Т[ургеневе], и поэтому иду прямо к автору и одобряю основную мысль отстаивать память человека!⁴ Желчная болтуша «Весть» напала на него с отличающим ее благородством: не более, не менее, выставила его тут же как опасного демагога...⁵ Демагог этот добрый, как видно, малый, который и пишет, и мыслит набело и переводит с плеча Шницлера!⁶ Но оставим на время певца арзамасцев и обратимся к письму папы, каким образом скрыл он от меня это обстоятельство; особенно когда предстал ему случай черкнуть свое слово о заветной его теме освобождения крестьян! Представь себе, что последнее письмо Нелли было писано на большом листе, где папа надписал: А. В. Поджио. NB и на том и остановился.

Она просит одну только комнату, но лишь бы с нами; я же ее и приму в твоём номере, по крайней мере, не отельный грабеж. Здесь, в случае отъезда ее в Париж, мы с Мишей отправимся на какую-нибудь дачу. До того же ни с места.

* Начало письма не обнаружено.

Не могу помириться с мыслью, что Сережа не будет с матерью!⁷ Это первая разлука, и зачем подвергать и его, и себя этой скорби? Впрочем, я все надеюсь, это дело переработается... от души этого желаю, право, больно видеть, как она, бедная, отравляет свои чувства...

Все это так, но вот что не так — это молчание нашей Нелли! 21 день со времени телеграммы! Нет, бедная она! Никогда она еще и не была так нерешительна, как после своей будто бы решимости! Так я думаю и вот почему и отчаиваюсь в ее приезде! А между тем роковое твое число 19 почти на заре!! Все это меня качает донельзя — я же видимо ослабеваю. До свидания, друг мой. Верно, будешь к нам со многими.

А. Поджио.

Газеты тебя ожидают.

Устрица разменял по 280!⁸

Деспот-Зинович уволен с производством в тайные советники и с причислением к министерству внутренних дел⁹.

102. М. С. КОРСАКОВУ

Женева, 16 августа [1867 г.]¹

Виноват без вины, многоуважаемый Михаил Семенович, но милуйте — доброе и угодное дело богу! Милуйте, и не меня одного, впрочем, если есть тут вина! Слушайте, но слушайте одни, без всякого постороннего, упаси бог, человека! Доверяю вам то, что вы предугадывали и чего я не допускал. Вы назвали даже того, для которого дорогая наша Е[лена] С[ергеевна] пожертвовала всем, чем только могла. Одиночество, расстройство дел, беззащитное положение при наносимых ей оскорблениях — вот причины, которые вынудили ее соединить судьбу с человеком бедным, но богатым умом и душой!

Представьте, как это замужество ее разобщи́т не только с семейством, но и с обществом! Не прощается неизвестность, бедность и прочее, одно отчуждение — вот что ее, бедную, ожидает!.. Я говорю бедную в таком случае, если она не найдет всю ту поддержку, которой она ожидает от него. В моих глазах одно обстоятельство здесь так значительно, что оно с годами только будет более и более усиливаться. Это дети!! Дети ее от двух мужей, дети его (их трое) и, наконец, дети, могущие произойти от нового брака!² Такие четыре вида разнородных детей так услож-

нят впоследствии жизнь, что вряд ли станет довольно сил, чтобы и бороться со всеми этими условиями! Это такого рода счастье, что не раз придется возноситься к богу и молить его о подкреплении благородной страдальницы. Поймите этот *fatum*, в самом деле сдelaешься сторонником слепого фатализма. Надо же, чтобы Марья Николаевна встретила девицу Львову³; подружила ее с дочерью; чтобы она и содействовала ее свадьбе! Чтобы, наконец, расстроившись, они приехали искать на юге службы, и приехала умереть в Воронки почти в один день с Сергеем Григорьевичем. Муж хоронит жену, остается, делается непредвиденно помощником и также непредвиденно под конец и мужем своей благодетельницы! Письмо к брату содержит причины просимого его благословения, которое и послано. По-видимому, дело решено, но не окончено относительно последнего обета! Что думает за получением согласия, все умалчивали.

Итак, скажемте вместе, дай им бог счастья; вы также скажете искренно, как и я. Слышу вас при втором повторении и, вспоминая ваше первое, дивлюсь и чту еще более ваше святое бескорыстное чувство! Храните его, как лучшее свидетельство прекрасной, дивной вашей души, храните его, однако же, как воспоминание, а не тою цепью, которою вы оцепляли ваши чувства. Как ни тяжела для вас эта свобода, но вы свободны, и нельзя же в преследовании неолицетворившейся мечты упускать цель действительной жизни. Вы еще молоды и, как слышу, здоровы; ужели не встретить вам такое существо, которое бы сочувственно отозвалось! Не отворачивайтесь, как вы это делаете; не давайте тыла как врагу, так и женщине — становитесь к ней грудью, и не одна еще забьется!.. Но вы не прислушивались этому биению. Вы видите, как я доверяю вам, и за исключением нас двоих и двух Вол[конских] никто, кроме вас, и не знает еще этой тайны. Я должен был вам ее сообщить по долгу дружбы и долга! Прошу вас еще раз до времени таить в себе эту грустную весть! Для всех других, кроме вас, она будет только предметом любопытства и едкой болтовни. Будемте вместе пока тайно горевать — я не могу другого! Не говорю вам о прочем другом; все для меня теперь так второстепенно; одна и та же мысль меня преследует! Успокоюсь, если только она будет счастлива — возможно ли это? Вам лучше, и слава богу; Ник[олай] Ник[олаевич], говорят, воск-

рес из старчества? Тысячи чете наших приветствий! Конечно, все рушилось, мне вас уже не видеть. Благодарю вас за все расположение ваше.

Теперь за службу, за дело — успеха вам и вспоминайте подчас всегда вам горячо преданного А. Поджио.

103. И. С. ТРУБЕЦКОМУ

Женева, 3 с[ентября 1867 г.]¹

Добрый друг мой Иван Сергеевич! В ожидании денег по телеграфу я откладывал удовольствие тебя и благодарить, и уведомить о получении оных; теперь хотя и замедлилось последнее, не хочу, однако же, оставлять тебя в недоумении. Два письма твои я получил; содержание их самое великолепное, и благодарю тебя за приложенное старание вывести меня из затруднения. Кстати подоспел Михаил Сергеевич, и я мог его обложить данью. Напрасно ты обратил упрек мой за твою неаккуратность в упрек твоей ко мне холодности! Не надо смешивать одно с другим; к тому же у нас вложено слишком много и чувств, и воспоминаний, чтобы что-нибудь в наших отношениях могло бы измениться до выхода моего из жизни. Небось, Ваня Сергеевич, все отрадное с собою унесу, возьму... Слава богу, что участь Николеньки решена; по крайней мере, с одной, т. е. с главной стороны, участь его и брата упрочена. У Борха было и много, а кончилось ничем!² Вот и старик скончался; видно, дела поколебали его силы. Все прочее у вас идет ладно, и слава богу — и в Саранске воздух, значит, живительный!³ Хорошо, что вы убрались из-под небес Италии! Что там за смертность. Сам кард[инал] Алфиери, которого прочили для стула, пал жертвою славного самоотвержения⁴. До сих пор болезнь не переходит Альпы! Говоря о грустном, не могу умолчать о несчастном случае, постигшем бывшего твоего попечителя Исакова⁵. Он с своим семейством расположился на озере, и на днях дочь его старшая, 14 лет, отправилась по обыкновению купаться. Умея несколько плавать, она как-то удалилась от берега и вдруг стала тонуть! Бывшие здесь две няни, одна русская, другая ирландка, бросились ее спасать и скрылись также. По счастью, крики гувернантки дошли до отца и до 70-летнего ген[ерала] Медема⁶, который тут же прибежал, бросился в воду и по направлению кругов в воде увидел еще движущуюся деву, ухва-

тил ее и только мог передать отцу, стоявшему уже по шею в воде; сам изнемогал и едва мог выбиться. Девочку откачивали, привели в чувство при рвоте кровью, а после желчью и, наконец, кое-как успокоили — тут надо было бороться с впечатлениями страха и совести, — две няни вытащены и к жизни не возвращены. Можешь вообразить, какое потрясение сделало это в семействе и в кругу их знакомых. Спасение девочки непостижимо! Что за чудное самоотвержение этих двух нянюшек! Михаил Сергеевич все проживает у конца озера в Höt[el] Вугоп и бывает в Женеве только наездом. Видимся часто, но вскользь. Теперь отправились, как водится, в Шемын (так англичане выговаривают Chamoney), а 20-го едут на Констанское озеро к Грайфу⁷, который будет делать операцию одному сынишке — у него глаз покосился. Ждали Елену Сергеевну, но за делами чуть ли не отложит свой выезд. Швейцария буквально завалена американцами и англичанами! Русских маловато.

Где поместится весь люд, ожидаемый в Женеву 9-го числа, не знаю. Это день открытия Congrès de la paix* (о котором, вероятно, и наши газеты говорили), день, который должен сблизить сторонников мира, рассеянных по всей земле!⁸ Тут будут речи многих знаменитостей; будут банкеты, тосты и поневоле должны разъехаться мирно.

Ожидаем Гарибальди, Фавра, Гюго⁹ — все доброжелатели соседа, впавшего в меланхолию и в видения черных точек!¹⁰ Свидание в Зальцбурге до того насолило всем своей болтовней, что, право, ваши губернские ведомости занимательнее, так невыносима вся вралология журналистики! Впрочем, я стал подслеповат — побаливают не глаза, а веки, и поэтому начинаю расходиться с печатью. Со времени нашей разлуки многие на меня набросились недуги: заговорила грудь языком кашля, от которого не могу отделаться, поседел, похудел, поглупел; одним словом, все готово к окончательному разложению. Вряд ли еще увидимся — надежды не по дням. Сестра твоя Лиза не отозвалась, и не знаю, где она. Свербеевы все еще в горах и не знают, куды владыка их Фридерейх направит. Sophie лучше; она сама вызвалась ко мне любезным письмом. Зина, мне пишут, уже в Москве¹¹. Пора и вам

* Конгресс мира (франц.).

проститься с бором своим и туды же направиться! Ах, как плох твой сам-четыре! Эта цифра не доход, а чуть ли не убыток. Жена просит тебя передать княгине искренние приветствия и жмет тебе руку¹². Варя растет, но немочи возраста досаждают нам! Разберешь ли ты, друг мой, мое марание? рука не слушается; но ты поймешь меня. Обнимаю тебя и нежно жму добрую ручку княгини. Не забывайте старых друзей.

А. Поджио.

Благодарю Петра Алекс[андровича]¹³ за память, да и ему бы грешно думать, что я не помню его...

Ник[олай] Анд[реевич] за границей — все поджидаем его...¹⁴

104. М. С. КОРСАКОВУ

Женева, 5 [сентября 1867 г.]¹

Грустно отозвались вы, многоуважаемый Михаил Семенович, и тем более грустно, что даже и самые немцы вам не помогли! Кому же и взяться за вас после них. Таково наше поверье всех, и приняли ли вы в предосторожность взять и там еще немца? Я уверен, что ваш гомеопат если не алеут, то, по крайней мере, нечто подходящее к германскому племени. Вы говорили, что он вам помог — помог не крупинками, а дозами неподвижности. Последнее для вас необходимо, и вряд ли не сделалось оно главным из лечения вашего условием вашей жизни.

Итак, в[аше] в[ысоко]пр[евосходительство], власть ваша, простиравшаяся до пределов Тихого океана, должна ограничиться порогом вашей комнаты! Уже ли это так? и вам не помогли и не подготовили к приезду государя?² А тут пойдут представления, выезды и, наконец, и самый отъезд в Сибирь. Страшно и подумать, если вы не расправляете по-прежнему свои члены! Прошу вас, посоветуйтесь с Белоголовым — вы найдете в нем не одного медика, но и честного человека, который скажет вам все правдиво. Я все утешаюсь этой мыслью, утешаюсь и тем, что он меня подробно известит о вас! Не люблю возвращаться к былым ошибкам, но нельзя мне не сознаться не только в опрометчивости, но и в слабости вашего бывшего стража — почему мы вас выпустили прежде времени: месяц пребывания здесь, в горизонтальном положении, был бы вам

полезнее всех этих скачек, купаний и пр. Что-то вы предпримете теперь? Надеюсь, что вы подарите нас добрым о себе словечком и не удалитесь в свои пустыни, не отозвавшись! Весть о Николай Николаиче меня крепко огорчила — пора бы и ему отдыхать, а не страдать! Не верю я этим починкам попорченных экипажей — вот и мой собственный, кажется, скоро пойдет чисто уже в лом. Трудно держаться — на днях повеяло у нас чем-то родным, вашим; представьте себе, такие холода, что уже Юра и Салевы покрылись снегом, и во многих местах виноградники пострадали! Что же у вас после этого? Я же и поддаюсь, и покрякиваю. Варя моя было прихворнула не на шутку — но теперь хотя и легче, а все жалуется на слабость. Доктора все относят к причинам трудного сложения. Жена опивается вашим чаем, и, благодаря вас очень, все-таки не должно бы потворствовать такой слабости. Все покидают Женеву, бросаются на юг, а графиня, напротив³, едет сегодня на север в Висбаден на зиму.

Исполнить ваших дружеских поручений не мог: Е[лена] С[ергеевна] вместо наших стран предпочла свой юг и ездила с теткой в Одессу, где и попользовалась морским купаньем⁴. Много она, бедная, выстрадала и как будто бегала от своего пепелища, чтобы не встречаться с семьею. Чистый *dépôt**, как говорится, бросил ее в завязавшее дело — усталая, избитая, она думала найти под рукою честного, дельного человека, который стал бы за нее бороться с обстоятельствами. Теперь, кажется, она приостановилась и не только не приводит дела в исполнение, но отложила на первый раз до мая будто бы месяца, т. е. на 9-ть целых. Опасное протяжение времени для страсти, не имевшей никакого основания. Надеюсь, что бог поможет ей побороть замысел, вовсе не соответствующий ни ее положению, ни горю всему, ею испытанному! Таково мое убеждение, и в этом смысле я и пишу, и действую. Пишу по дружбе, по совести, и вот моя сила, с которою не перестану действовать! Дело это в величайшей тайне, и вы видите, какое к вам мое доверие — оно основано на 16-летнем неизменном вашем к ней чувстве. Поклоняюсь ему и вместе и вам!!! Я много жил и не встречал столько чистой любви без всякой той примеси и самолюбия, и своекорыстия, в которые увы! облакаются обыкновенные

* Досада (франц.).

наши чувства! Какие потрясения душевные должна была испытать эта чудная женщина, чтобы попасть в такое близко отчаянию положение: так я вижу и понимаю! М[ихаил] Серг[еевич] нас покинул, отправился в Висбаден и на днях будет у вас! Не заводите разговора, если он сам на это не вызовется. Хотя он и знает, что я не скрыл обстоятельство от вас, но, желая сохранять тайну, быть может, и будет избегать томительного для него разговора. Я было думал отправиться сам погоревать вместе с нею; но за неимением 300 лишних рублей на путевые издержки отложил до мая, если буду жив, конечно, и если сама она не приедет. Простите, добрейший М[ихаил] С[еменович], умоляю вас дать о себе словечко перед выездом — если бы вы знали, как вы 15-ю днями сумели внушить мне многолетнее чувство уважения и любви. Все наши горячие приветствия Н[иколаю] Н[иколаевичу] и Е[катерине] Н[иколаевне]! ⁵ Забыл я вам сказать, что Неллечка встретила в Киеве Сашу Казимирскую ⁶. Она беременна...

105. М. С. ВОЛКОНСКОМУ*

[Женева,] 7 сентября [1867 г.]¹

Без тебя, друг мой, для меня и Гарибальди — не Гарибальди ². Чего я себе ни обещал, прогуливаясь с тобою под руку и подсматривая женеvцев, как они чинно, важно и много выражали бы безмолвно свою восторженность. В некотором отношении встреча занимательнее самого конгресса. Понимаю очень твои слова: самое естественное кажется часто запуганным чем-то чрезвычайным, и поэтому нелепость пределов не имеет. Я бы думал, что слушать людей еще не значит разделять их мнения; впрочем, я уверен, что сдержанность ораторов не даст повода к возгласам властей: всякие намеки на какие бы то ни было личности будут строго отстранены. Конечно, послышится язык свободный, но язык не страстный, а хладнокровный. К тому же самая цель так отвлеченна, что тут и места нет революционному, как опасаются, началу. Все кончится фразами, тостами и банкетом в четверг, в 7 часов вечера, после закрытия конгресса. Дамы как в заседание, так и на банкет будут допущены; они в большом количестве

* Письмо рукой Л. А. Поджио.

записываются. После твоих слов не берись тебя приглашать на открытие, но смело приглашаю завтра, т. е. 8-го, на встречу. Сам Гарибальди, привыкший к итальянским кликам восторга, подивится этому мерному и тихому поклонению. Ждали мы вас и не дождались, секретарь мой в 8 часов сегодня отправился в Hôtel du Rhône, а я в 11 в церковь и вместо тебя обрел посла, который в портках и в засаленном мундире просто страшил нашу державу³. Гарибальди, к счастью, не приехал и тем оставил надежду тебя увидеть прямо у нас в Palazzo*; комната будет готова.

Ужели Елизавета Григорьевна не хочет нас, а как бы хотелось всем нам троим приложиться к ней и мне в особенности расцеловать ее добрую ручку. Чего вы нам ни наговорили о нашей Варел!

Какие у тебя новые мечты, и могут ли они быть при заявлении уже 20-го числа, рокового дня нашей разлуки. К тому же доктор осматривал Варю, и она теперь целый месяц должна принимать лекарства. Увы! сейчас вспомнил, что тетка твоя должна была выехать от вас в воскресенье, и вот что, вероятно, помешает твоему приезду. Лионетти⁴ здесь на месяц, если вздумаешь петь, привози ноты, если захочешь, то устрою в среду музыкальный фестивитет** для вас; куклу же посажу за стол, как в прошлый раз. Конечно, милый Питер Григорьевич⁵ будет в числе дилетантов. Прощайте, до свидания, деткам тысячу ласок. Поджио.

106. И. С. ТРУБЕЦКОМУ***

Женева, 2(14) сентября [1867 г.]¹

Добрый друг мой Иван Сергеевич! На другой день отправления моего письма банкир пропустил, как водится, время и уведомил меня о получении переводных 200 р[ублей] (680 ф[ранков]). Спустя 4 дня получил я и третью на остальные 200 р[ублей] (690 ф[ранков]). Крайне тебя благодарю за такое одолжение. Михаил Сергеевич оставляет на днях Швейцарию; вскоре будет в Петербурге, и ему

* Дворец (итал.).

** От *festivité* — празднество (франц.).

*** Письмо рукой Л. А. Поджио.

передам расписку в получении 400 р[ублей] сер[ебром] в счет уплаты по сохранной расписке.

Боюсь очень, чтоб молчание мое о получении денег и треты не потревожило тебя, но я хотел заодно уведомить тебя, а трета получена только вчера. К тому же тут подошли* разного рода увеселения; надо было и им уделить время. Вероятно, вы слышали по газетам о затыном конгрессе мира в Женеве. Конгресс, как говорится по-итальянски, а *fatto fiasco***. Заезжие иностранцы и выходцы вздумали пускать в ход социальные, антирелигиозные свои теории²; здесь образовалась страшная оппозиция, и на последнем заседании президент покрылся и распустил ассамблею. Один, между прочим барон, de Ronnad, француз, предложил не более, не менее, между прочим, истребление духовенства, разрушение церквей!³ И где же — среди самого религиозного народа. Лжепророки рассеялись, и вряд ли придется им открыть дом свой под тою же фирмой. Они же обвиняют швейцарцев в подавлении свободы слова и что не дозволили их учить, как управляться собой! Какое понимание права! Таким образом, эта чудная светлая идея мира была затемнена, изуродована живописцами-карикатуристами, не понимавшими перспективы не воздушной, а человеческой! Знаменитостей не было; один прибыл Гарибальди и после самого восторженного приема и после двух заседаний, без малейшего прощального слова убрался втихомолку⁴. Старик предвидел фиаско и исчез... до времени. Скажем и так, что если искаженная идея мира потеряла свое влияние в одной местности, то не потеряет своего всемирного значения: просвещение, как стали понимать, не может идти рука об руку с войной! Русский давно сказал: дурной мир лучше двух славных войн! Довольно. Газеты вам скажут более. К тому же Варя моя расхворалась — головная боль, спустился жар и пр., два дня тебе пишем вдвоем. Теперь как будто бы полегче, но все-таки до будущего гонца. Простите. 3-го дня проводили Ник[олая] Андр[еевича], он поправился здоровьем. Все наши приветы дорогой княгине и тебе все наши пожатия всех наших рук. Петру Ал[ександровичу] большой поклон.

А. П.

* Далее рукой А. В. Поджио.

** Потерпел фиаско (и т. а.).

[Женева, 25 декабря 1867 г.]¹

Совестно мне мучить тебя своим мараньем и вот в дело пускаю жену. Прекрасно ты сделал, что удержал управляющего, благо, он же и зодчий. Летом будешь в Павловке сам, при себе его сменишь и направишь дело. Выставленная твоя доходная цифра крайне утешительна, в особенности если она взята из чистого остатка. *Папа составил свой бюджет из 37 миллионов***, в котором расходы простираются до 74². Я надеюсь, что твои итоги выражают другое. Конечно, западный голод имел большое влияние на повышение вообще цен на хлеб, хотя теперь несколько и понизились. Относительно твоей хлебной экспедиции в Питер нахожу, что она приведена в действие довольно отважно, отважно потому, что дело по новизне требует особенного и знания, и ухода; сколько тут нужно будет присмотра при нагруживании и перегрузке, а главное потому, что цены при одновременном наплыве хлеба могут значительно понизиться. Впрочем, вряд ли требования уменьшатся, и в особенности если отвратительный, вооруженный мир обратится в гнусную всеобщую войну. Познакомишься с делом, и, быть может, оно послужит основанием будущим твоим хлебным оборотам. С оборотным капиталом ты можешь прикупать на месте чужой хлеб и таким образом разлагать издержки на большее количество зерна. Во всяком случае, местность твоя делается весьма важною по отпускной своей торговле. Этим объясняется повышение цен на земли. Но отчего так мало пропорционально *пшеницы*?

Жаль, что все эти удачные действия совершаются при таких морозах и в такое время года. А тут еще *Курица*, и снег, и лес, который, пожалуй, заманит тебя в свои берлоги. Боюсь крайне за твоё здоровье и только успокоюсь после благополучного твоего приезда в Петербург. Ты проезжал через Москву, не виделся ли ты с *Ваней* и не подтвердил ли он тебе обещание уплатить остальные деньги, как намеревался это сделать, в ноябре. Благодарю тебя заранее за высылку нам помощи, не забудь, что из

* Письмо рукой Л. А. Поджио.

** Здесь и далее до конца письма курсивом выделено подчеркнутое в подлиннике карандашом, вероятно, М. С. Волконским.

следующих мне денег, я уже получил 1000 ф[ранков]. Говоря об этом, должен тебе сказать, что не знаю, почему Нелли вздумалось, что я без денег, и выслали мне преждевременно часть процентов за [18]68 г., т. е. 500 ф[ранков], как она говорит, в особом конверте. Франками ли, кредитными ли билетами, третьей ли и на чье имя, не знаю! Дело в том, что письмо получено две недели тому назад, получено и другое третьего дня, в котором уже ничего не говорится об деньгах, как об деле конченом; а между прочим, мы не получили ни конверта, ни денег. Ей об этом мы уже писали два раза. Сделай одолжение, из высылаемых нам тобой денег отправь 25 р. Елизавете Андреевне во Вдовый дом³.

Благодарю тебя за намерение посетить Пашу Друганова, и как ты хорошо сделал, что не видел его во время свирепствующей в гимназиях кори. Теперь обратимся к нашей героине. Признаюсь тебе, что на последях она меня совсем сбила с толку, она меня так быстро переносит от одних убеждений к другим, что, право, не знаю, на каких и остановиться. Последние, однако же, пересиливают все прежние. Недавно еще, отвечая на одно из моих писем, самых нежно-резких, она мне говорит: «Ne vous tourmentez pas tant, mon cher Дядька, pour mon avenir; rien ne se fera à la légère, nous ne sommes pas si pressés, que vous le croyez, nous avons tout le temps de réfléchir!» После этого в следующем письме пишет много о С[офье] Н[иколаевне], говоря о ее светском взгляде, и вместе с этим полагает, что другая ее тетка, С[офья] Г[ригорьевна], покажет ей больше участия, почему и просит сообщить ей эту новость, но под величайшей тайной. Тут я понял, что если бы она решительно отказалась от своего предположения, то не было бы и необходимости сообщать ей такой вести. К подтверждению моего опасения послужило и последнее ее письмо. Видно, что она намерена приступить к делу, как это доказывает ее первоначальное действие: она решилась отстранить la future belle-fille**, как она говорит; доверяет ее жене и ожидает только ее согласия, чтоб самой привезти ее к нам. Заметно,

* Не беспокойтесь так, мой дорогой дядька, за мое будущее, ничто не будет сделано легкомысленно, мы не спешим более так, как вы думаете, у нас есть время поразмыслить (франц.).

** Будущую падчерицу (франц.).

как эта статья ее заботит и в каком она, бедная, лихорадочном волнении. Опасаясь, чтоб девочка эта не перепортила всех детей, она решилась удалить ее из дома и находит одно спасение для ребенка и для себя в заграничном воспитании. И вот как начинается ее будущее семейное счастье. Ответ наш, разумеется, был несомненный; как ответственность ни велика, но мы не можем не исполнить воли нашей Нелли. Тут нет потворства, тут нет угоды, а обязанность прямая. Одно то, что Миша избавится от ежеминутных столкновений с этим бесенком, как она сама называет эту девочку, должно было заставить решиться исполнить ее желание, конечно, похвальное при таких сложных обстоятельствах. Теперь, желая, как она говорит, повидаться с тобой, каким образом успеет она *сделать и то, и другое*. Вероятно, она тебе сообщила свою мысль и вы распорядитесь, сообразив и время, и обстоятельства. Я ей писал, что права остаются за тобой и обязанность тебя видеть должна превышать всякую другую. Я ей говорил, что свидание ваше поведет вас к неминуемым разногласиям при таком противоположном взгляде на вещи, что взгляд этот не твой один, а многих близких ей людей, опасующихся за ее семейное счастье, не касаясь светской обстановки. Все, что я ей пожелал, чтоб бог помог вам расстаться с теми же чувствами, с которыми вы встретитесь. *Большую помощь тебе будет Елизавета Григорьевна: от нее Нелли будет все выслушивать*. Какое тяжелое наше назначение: уговариваться, как будто в заговоре, против счастья такого любимого нами существа! Что ж мне делать, когда я убежден, что она вместо спокойствия, которого ищет, обречет себя на самые тяжелые испытания. Да будет, как богу угодно! Убежден я также и в одном, скажу себе в утешение, что какой бы окончательный оборот ни приняло дело, ты останешься для нее тем же любящим братом и неизменным ее другом.

За несколько дней до получения твоего письма из Павловки я получил от посольства уведомление, что по высочайшей воле разрешено мне пробыть еще год за границей. Паспорт мой был послан в Берн и получен обратно с надлежащею отсрочкой. Чьему ходатайству, кроме твоего, я обязан, не знаю, но благодарность моя мысленно дойдет до виновника. Теперь заберусь в твой кабинет, в твою семью. 25-е число, столь памятное, и новый год сольются вместе и вызовут наши искренние поздравления

и пожелания всего лучшего⁴. Да хранит вас всех бог! Поздравления твои дошли до Вари, и желания твои осуществились. Здоровье ее несколько крепнет*.

Обнимаю тебя, друг мой дорогой, целую ручку Лизавете Грйгорьевне и малюток всех обнимаю также.

В последних моих письмах я писал Нелле, что весной еду к ней в Воронки, так как поездка ее к нам не состоялась. В ответах ее она не подымает ни разу этого вопроса, а говорит только о своей поездке к нам; особенно в последнем письме, в котором дело идет о девочке; она положительно говорит, что едет при первой возможности. Мне кажется, она даже и не желает, чтоб мы были в Воронках.

В то время, как я вам пишу, приехала из Парижа Леонетти. Узнав, что листки эти все отправляются к вам, она просила вас очень кланяться; жалеет, что вас не увидит в Женеве. Sophie Nostitz в Висбадене; навсегда распростилась с ненавистной ей Женовой.

108. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

Женева, 30 декабря [1867 г.]¹

Вот и старый год с плеч долой, и новый у придверья! Спустимте вместе, добрейший Николай Андреевич, первый в замерзшую, вероятно, Лету и встретим второй с полною надеждою на сохранение взаимных наших чувств и, вдобавок скажу, и больных ваших! Пусть они воспрянут, и поскачут перед вами, и потешат и вас, и меня — вы знаете, как успехи ваши мне по сердцу.

Радуюсь очень притоку к вам страждущих, но побаиваюсь за вас самих. Как бы не выпустили вы на скверный ветер петербургский весь запас ваших добытых за границей сил. Берегите здоровье и не больно надейтесь на аптеку. Кажется, вы отбросили мысль о поездке в Сибирь, и дело! Довольно и без действительности разочарований! Все, что вы мне сообщаете по части родных и дел семейных, и грустно, и возмутительно, и лучше помириться с новым положением, не предаваясь волнениям ума и сердца! Благодарю вас за извещение о пандоровском ящи-

* Далее рукой А. В. Поджио.

ке² — тут столько оказалось и зла, и хлама, что, право, страшно его раскрывать, а передвигать еще более. Зная беспечность Анд[рея] Анд[реевича], я просил Михайла Семеновича взять на себя труд высылки ящика. Сделал ли что-либо по этой части, не знаю; во всяком случае, попросите Загоскина собрать книги, какие есть, и выслать на имя Мих[аила] Сер[геевича] для избежания вам и хлопот, и издержек³. Картины не нужно, хотя они и писаны Рейхелем⁴. Очень, очень буду вам и ему, Загоскину, благодарен. Правда ли, что открыты золотые сокровища на Амуре — это огласила Гамбургская газета⁵. Если бы и так, то сумели ли взяться за дело!

Как-то вы боретесь с зимой? У вас, по крайней мере, дома каменные, заделанные, а у нас сквозные и хотя доходили до 10°, а внутреннюю температуру вы[ше] 10° теплоты не поднять! Вот тут-то сосед, кол[лежский] сов[етник], и расшибся. Он рассчитывал за границей сэкономничать на дровах, не тут-то было! Подавай денежки, а он из себя... решительно, это скряжничество сушит молодца! Платит всего 7 фр[анков] в сутки на всем готовом, а только и слышишь «ох» да «ах»! Бедный страдалец! Курит без отдыха, ест без усталости, спит без просыпа. Только и занят разрешением задачи, как бы все это иметь не за деньги! На днях скончался один из трех гнездящихся здесь эмигрантов, Косаткин⁶. Говорят, что он с вечера лег здоровым, а утром был найден в постели мертвым. Вероятно, аневризмом он и страдал. Его зеленоватый цвет лица и худоба были, кажется, диагностиками этой болезни. Пастор и безлюдие при печальной церемонии, прошедшей мимо наших окон, обрисовало кончину на чужбине!

Я почти не выхожу из дому, а потому и не вижусь с Мерчинским⁷. Знаю от Лиссаневичевой⁸, что она отдала ему сына и платит 500 франков в месяц за его одни уроки математики, русского языка, все прочее особо. Вы видите, что дело для него более чем выгодное, потому что и сын тут же преуспевает. Жена страдает иногда зубами, Варя иногда немочью, но общее состояние удовлетворительно. Я силюсь жить, и это удастся, как видите. В вашей фармакопее этого рецептика нет, и не скажу. Москвитины⁹ во Флоренции были по колено в снегу — если выжили из него, то теперь, вероятно, в Неаполе. А каков Зарейнец — все точит стрелы, пугает и застрашивает!¹⁰ Ментана его окончательно с ума свела — теперь остался

один, как Голиаф на меже, и пустился опять в путь за лазейками!¹¹ Главное, поверят ли, боятся нас!

Мои вас все поздравляют и желают всего лучшего. Обнимаю вас, как всегда, с чувством неизменной дружбы.

А. Поджио.

109. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 19(31) января [1868 г.]¹

Вчера я получил от Нелли письмо и спешу тебе передать мою радость, добрый друг наш Михаил Сергеевич. Радость, потому что я не ее ожидал, а быть может, и выходку после промежуточных слов Ларисы в ее письме! Ты видишь, как она доступна всему, что нисходит от сердца! Она в восхищении от согласия жены взять Анюту и, умалчивая о вводных предложениях, касается только одной неперменной цели свидеться с тобой, а после с нами. Уклоняется от всяких подробностей; не определяет ни времени, ни свиты, ее сопровождающей, но я полагаю, что она будет к вам со своими детьми, а Ал[ександр] Ал[ексеевич] выедет, вероятно, с дочерью в Вену. Как мне кажется по письму, она игрива, весела, шутит, трунит над Храповицким² и строила ему тысячу проделок! Как эти шуточки напоминают твою маму; когда, бывало, в редкие минуты жизни ей на сердце легко. Все это предвещает доброе; при таком настроении духа душа выказывается спокойною, а потому и доступною к голосу дружбы и к речи откровенной! Дай бог вам расстаться, как встретитесь! Вот мое единственное желание. Желал бы я узнать наверное о времени ее к нам приезда. У нас к 1-му марта очищаются лучшие 4 комнаты, и я бы не желал их упустить. Здесь бы она была чудно и дешево устроена и пользовалась бы совершенным *aparté**, но для этого я должен быть предупрежден, и на дело верное. Она, бедная, борется с падежом, поэтому и с нуждою в деньгах! Я так преисполнен всеми этими случайностями, что, право, и вижу, и брежу только этими картинами. А между тем вот целая неделя, как Варя держит нас в тревожном состоянии: задержание очищения произвело такие боли, такие томления, что призывали и доктора, а за ним в помощь

* Здесь: уединение (франц.).

и ванны, и фумигации* и пр. Цель пока не достигнута, и, вероятно, будет промежутков, но боли стихли и сегодня привсталась с отвращением к постели! Как будет дальше? Много ей предстоит еще испытаний! Летом нужно будет ее подкрепить, съездить в Мориц неподалеку от Aigle в горах и где слегка железистые воды, быть может, и восстановят ее! Как-то у вас? Весна такая неправильная, и как малютки твои ее выдерживают. Ты мне ничего не говоришь о Грише, вполне ли исправились глаза? ³

Сейчас получил я письмо от старухи собственноручное — ее страшно занимает дело нашей Нелли, и на извещение наше о ее приезде она пишет: «Très chère Larisse, la résolution d'Hélène est inébranlable et nul ne l'en dissuadera, je crois même que la cérémonie religieuse se fera à Vienne; c'est là mon opinion, puissé-je me tromper etc.** У них снег, никто не считает и гов[орит]: «Je vous arrive pour le 1-r mars. Adélaïde a perdu son vieux père et elle nous porte du malheur sous tous les rapports. M-me Bor. se remariera etc.***

Какое у нас солнце, и как бы я с вами им поделился! Весна у порога, и каждый с ужасом произносит это слово! Боже мой, и политика, как все хронические болезни и увеселения, имеет также свой сезон! 3 500 000 ружей игольчатых заготовлено и роздано будет по рукам. Да здравствует наш век, а с ним и Крупп, и Карля, и пр.! ⁴ Сегодня я прочел в газете статью, взятую из «Газетт de Péter[sbourg]»: говорят о выступлении вооруженной эскадры в Средиземное море под начальством Константина Николаевича! ⁵ Это что? Как это свести с новостью, что хотя все смелые планы, представленные на совещание вызванных наших послов, приняты, одобрены самим императором, но отсрочены в исполнении. Игнатьева представляют человеком новым, энергичным, решительным и главноею пружиной всех домогательств наших на востоке! ⁶

Vous êtes sur la sellette et il n'y a pas de canaille

* Окуривания (франц.).

** «Дорогая Лариса, решение Елены непоколебимо, и никто ее не разубедит, я думаю даже, что религиозный обряд будет совершен в Вене; таково мое мнение, дай бог, чтобы я ошиблась, и т. д.» (франц.).

*** «Я прибываю к вам 1 марта. Аделанда потеряла своего старого отца и приносит нам несчастья во всех отношениях. Мадам Бор. снова выйдет замуж и т. д.» (франц.).

stipendiée qui ne vous jette la pierre comme aux ennemis de toutes les libertés. Il faut avouer que les adversaires sont fameux sur cette voie*. Труженик все тот же, это он, всегда он и вечно он! Выстрел под Ментаной обманул все его ожидания. Он думал застрашать Италию, заставить парламент отречься от заявленной прежде национальной программы. Но ему ответили теми же ругательствами и тем же презрением. Завидя нового отъявленного врага, он припал перед Бисмарком, отдал ему Германию за право безнаказанно похозяйничать в Италии — и подлинно, что так! Укрепляя, вооружает Рим и всю область, войско его гибнет; гибнут и деньги, более 150 мил[лионов] уже обходится экспедиция, и что же — дело не подается! Истощив все угрозы, он принялся за нравственную сторону бедной Италии и напустил свою подкупленную журналистику трубить раздробление и ломку всего того, что он сам воздвигал для своих видов! Угрожая их Бурбонами, не угрожает ли он самому себе! Что за противоречия и противодействия! Он хотел вызвать в глазах правителей одобрение: говорил, что он пошел на Рим, чтобы восстановить порядок в Европе, угрожаемый происками гарибальдизма, маццинизма и пр.! Дело здесь не республиканское, а чисто монархическое, чисто национальное. Старик был вызван, поддержан королем, Ратацци, всеми — но брошен и выдан всеми, как водится, при неудаче, как брошена и выдана сама Италия! Но что же тут прочного, будущего? Месяц тому назад провозились таинственные вагоны под печатью из Пруссии через Симплон в Италию и с чем же? — с игольчатыми ружьями!.. Между тем он укрепляет Вилла-Франку, Антибу, Тулон, так опасается случайностей. Ментана повела и к другим действиям — завидя грозное свое объединение, он принялся за нас и стал составлять возможную коалицию⁷. Зная вожеления Бисмарка к прибалтийским красавицам, он стал сводить Пруссию с Австриею, а последнюю направлять и к восстановлению автономии Польши. Неблагодарная Пруссия нам не союзница! В 13-м году лишь при переходе уже через Неман она пошла за нами вслед и только при жизни покойного отца и при величии Александра и была нашей.

* Вы в положении обвиняемого, и нет такой наемной сволочи, которая не бросила бы в вас камень как во врага всех свобод. Надо признать, что противники на этом пути прославленные (франц.).

Не Фридрих II-й, а Александр I-й основал и создал распадавшуюся Пруссию!⁸ Сыновья же, я помню их еще в молодости, росли нашими недоброжелателями, томясь чувством благодарности,—они это и доказали в продолжение царствования обоих!⁹ Чем они были в 54 году? Чем они были во время восстания Польши—отстаивали Познань и только? Чем они теперь относительно вост[очного] вопроса? Всеми теми же искренними недоброжелателями и при случае будут и притязательными врагами. Какие возгласы, нападки со стороны ее органов в защиту угнетенных немцев!¹⁰ Проследи теперь дальнейшие действия Зарейнца! Вслед за Ментаной благосклонный, особенный прием Сапеги; Пале-Рояль опять открывается; Парижский комитет пишет воззвание полякам (из 7000 членов только 500 отозвались)¹¹. Папа призывает все свое паство к молитве за преследование польской церкви; аббат Бауер, бывший австрийский еврей, обратившийся в католика и, наконец, в монаха, был по просьбе Наполеона разрешен папой от своих обетов для поступления проповедником и священником при тюильрийской каплице^{*12}; этот аббат в церкви св. Фомы открыл две беседы: «L'Europe d'avant la Pologne»^{**} и однажды до того увлек слушателей и себя, что рыдания, вопли первых прервали речь, а сам витий, изнеможенный, упал без чувств на крест. Примар Познанский призывал недавно своих католиков молиться за церковь преследований Россиею!^{***13} Император австрийский в угодность Н[аполеону] в свое Bürgerministerium^{****} ввел одного вельможу, графа Потоцкого¹⁴. Теперь в Вене в привычках гостиных бросать камни в русских и осмеивать панславизм. И пусть г[осподин] Будберг, весь офранцузенный, твердит еще о союзе галло-русском!¹⁵ После всего этого коварства, и гнусного двуличия...

На днях явится новая брошюра Кератри «Дополнительные акты к мексиканской экспедиции»¹⁶; о польском восстании, с приложенными к сему письмами господина. Вот тут-то обрисовывается он! Выслать ли тебе ее? Говорят еще в газетах, что отложение наших решительных дейст-

* Каплица — часовня (ю ж н., з а п.).

** «Европа до Польши» (ф р а н ц.).

*** Так в подлиннике.

**** Министерство по делам горожан (словообразование А. В. Поджио) (н е м.).

вий последовало под влиянием остзейской премудрости! Плохой советник страх! Вот как достиг своей цели великан на глиняных ножках! Хотел своим военным законом и взведенным курком застрашать и подлинно, что успел! Всмотритесь, вслушайтесь, и вы найдете, что миллионная армия пока чистый пуф, не усилила его, а ослабила! ¹⁷ За нею стоит недовольный народ и вывески истощения всех сил общественных и нравственных. Не так черт страшен, как его вам описывали, вероятно. На суше один он ничтожен и из берегов своих не выступит! На море дело другое! Он сильнее всех; бесспорно, он может в данный час, 24 часа спустя выслать 20 брон[ированных] фрегат-ов!! Он же любит этого рода развлечения! Вот почему не очень я и радуюсь выступлению нашей эскадры; хотя там и возьмется американцы и несомненная союзница наша Италия (но не Виктор) и вооружает усиленно свой флот, но все это числительно так ничтожно против соединенных сил Фр[анции], Анг[лии] и Австрии. Был момент решительный, и в этот момент как боялись вашего могучего слова... и как его ожидали! И вы его не вымолвили!.. Вы имели не только за собой искусство улучшить требования здоровой политики, но и самое право стояло за вас — право признать неприкосновенность, невмешательство и только!..

Твердо отстаивая начало, вы бы втравили весь восток в такие запутанные отношения, что свобода действия осталась бы за вами! Вспомни это время: крик уязвленной Италии; взрыв порицательный общественного мнения во Франции; вопль раненых, убиенных испуганной Англии; гул ропотный, не определившийся еще в Пруссии, — какие данные на успех! ¹⁸ Не сам ли он, после удара поняв свою безумную опрометчивость, стал на скамью одиначенек и стал просить прощения, сзывая конференцию. Что же? Дипломатов помазали по губам, давай судить, рядить, а между тем стихли, охладели умы, страсти, он успел дать делу другой оборот, и теперь не он один, а мы одни! Был, я говорю, момент, и он утрачен, по крайней мере на время. Виновники — это мы, и вот мы оправдываемся и должны опять ложиться и под целительным покрывалом Парижского трактата неподвижно остывать, мертветь... до времени громкого пробуждения нашей России...

Брось меня, брось сумбур старого простяка, я тебя замучил, до свидания, друг мой, крепко целую ручку Ли-

завете Григорьевне, обними всех твоих милых объятием тройным нашим.

А. П.

110. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 4 марта [1868 г.]¹

Измучил ты нас; но все забыто с получением твоего письма, добрый друг наш Михаил Сергеевич! Сережа с вами, и с вами и мы! Как же это он, малютка, попался под общее влияние этого страшного недуга. Есть же и другая причина, кроме указанных учеными, — не один голод, нужды и дурные помещения вызывают эту болезнь! Тиф, писал мне Белоголовый, пробирается и в палаты вельмож! Дай бог, чтобы новоприезжие наши не подверглись пагубному влиянию вашего воздуха и сколько нужно будет предосторожностей! Тут надо будет в последних превзойти самого Руэра². Итак, настало время великих семейных конференций, и, предвидя время, которое вам должно будет им посвятить, заранее осуждаю себя на ваше безмолвие до приезда нашей Нелли! Помогите вам бог все устроить и по уму, и по сердцу! Теперь станем ожидать Неллю и мало этого счастья, предвидится и другое! Прекрасно, друг мой! Но какое же может быть пособие от вод без отдыха после них? Впрочем, ты это знаешь сам, слышал это и от своего доктора, и, конечно, сила обстоятельств поборет бессилие доводов. Тебе нужен год заграничной жизни, год отдыха, ничем, никем невозмутимого, под теплым солнышком, и тогда только и можно будет тебе и оправиться, и олатиться* против вооружившихся на тебя и службы, и zemства, и Павловки, и Курши, и Воронков, и пр., и проч....

Вот и теперь подавай вагон, скачи в Москву, скачи по этому времени!! Видно, так тебе и век свой маяться, как говорят сибиряки! Всем бог наградил тебя — а силы, силы, где они??

Не забывай их, друг мой.

Послушай, какой крик, какой шум, какие радости поднимаются вокруг тебя! Все эти голоса сливаются в одну и устно и писаную мольбу: «Папа, папа, береги себя!!»

Твое мгновенное появление в Пломбьере указывает

* От слова «латы».

и на другое радостное обстоятельство, а именно: не совместно ли оно будет и с пребыванием до того времени и сестры? Как бы мы этого желали не только, право, для нас, но и для ее и здоровья, и некоторого рассеяния! Мы в совершенном неведении, на сколько она к нам времени едет, и я затрудняюсь в своих предположениях. Сейчас Оболенский³, живший с нами, получил письмо от родных из Москвы; числа совпадают с числом твоего выезда и что же? — 38°, и ты, бедный мой, попался под такие холодные ощущения!! Из Арзамаса заявлены 40!! Любопытно бы знать, в какой степени холода обнаруживались одновременно в нашей Сибири? Страшно подумать, если морозы следовали прежней сравнительной пропорции! Бедный Корсаков и бедные наши сибиряки, бедствующие не от одного холода! Дороговизна всех предметов дошла до крайних пределов; один золотоискатель говорит мне, что затонские прииски на этот год будут приостановлены. Не менее их бедствуют и у вас! Катков говорит: в Могилевской губ[ернии] хлеб мешают со мхом и корой!.. Как это так? Губ[ерния], прилегающая к широкому водяному сообщению с смежной Черниговской, изобилующей хлебом и где дозволяется курить водку на всех парах?? Будущий год страшит всех — весь запад его встретит без малейшего зерна в запасе!..

А славолубцы поговаривают и стращают еще войнами! Напрасно Будберг силится успокаивать умы своими миролюбивыми заверениями, любимец его не довольствуется и вот новый пустил пробный шар, посылает Плона в Берлин и пошли трубить о том и о другом,..⁴ а дело тут действовать через познанских поляков собственно на наших и т. д. Знаешь ли, чего они боятся — именно осуществления пущенного проэкта Велепольским о признании Польши и даровании ей, по примеру Венгрии, полной автономии (конечно, разумно без собственной армии)⁵. Тогда только запад вздрогнет и почувствует свое бессилие, свою ничтожность! Не усмиренная, а примиренная Польша грозит тем окончательным великим шагом, который должен поставить Россию в главу славянского, теперь рассеянного мира! Сплотить их на автономическом современном новом праве — вот наша единственная политика, цель великая, святая! Вот где наша сила и горе и германцам, и латинцам всем вкуче, если бы они восстали против такого рода обрусения! Только на Москворечье при таком

узком, отсталом воззрении можно пустить в ход идею обрусения посредством русской грамматики!!!— обрусение даже и в принятом смысле, не могу его понять в применении где же — в Киеве и пр., где они и <...>* поляки, враги⁶. Много исторически опровержимого против такой ничем не доказанной на деле меры, но я только укажу на время, не только физическое, но и на нравственное, политическое, не терпящее отлагательства самого неуклонного для нас и для несчастных славян вопроса! А между тем и враги, и друзья даже против нас! Недавно грек один, мне говоря о востоке, сказал: «Ваша дружба нам помеха и вред; без вас мы бы одни справились! Запад вас боится, а мы поистине вам не доверяем!» Все это грустно отзывается на России и задерживает ее великий ход... Я заболтался, друг мой; не могу быть равнодушен к этой печати, настроенной им одним, нашим неутомимым отъявленным врагом, против нас и, наконец, поездка Плона, имевшая одну цель — пробуждать затихающее волнение в Польше и истощать нас внутренними раздорами!

«Je ferai de la Pologne mon avant-garde», — disait Alexandre I-^r⁷, — pas si bête si l'on eût su se tenir au régime constitutionnel donné et maintenir une alliance toute naturelle, passée avec le temps à une fusion complète. Voilà où était le secret — une fois perdu d'une manière ou d'autre, tout ce que nous avons, ce malheureux boulet à nos pieds, jamais, jamais, je vous le dis, soit je vous parle d'outre-tombe, la Russie n'aura son action libre pour reprendre son influence extérieur et pour parvenir en grand**.

Прости старику такие отступления, некогда продолжать мой старый вздор. Завтра буду писать дорогой Нелле — благодарю за, счастье, доставленное жене по случаю Паши. В своем письме он высказал детский элемент — поклон от Сережи и от Пети!⁸ Крепко, нежно

* Одно слово неразб.

** «Я сделаю Польшу своим авангардом», — говорил Александр I, — это было бы не так глупо, если бы смогли держаться существующего конституционного режима и поддерживать вполне естественный союз, со временем перешедший в полное слияние! Вот в чем секрет — потеряв однажды тем или иным образом все, что мы имеем, это злополучное ядро, привязанное к нашим ногам, никогда, никогда, говорю я вам, пусть я говорю с того света, Россия не будет иметь свободы действия, чтобы возобновить свое внешнее влияние и возвыситься во весь рост (ф р а н ц.).

Е. С. МОЛЧАНОВА

Неизвестный художник. 1858. *ИРЛИ*

целую добрые ручки добрейшей Лизаветы Григорьевны,
обнимаю и благословляю всех деток.

А. Поджио.

111. Е. С. КОЧУБЕЙ*

Женева, 10(22 марта) 1868 г.

Надеюсь, что вы здесь, дорогая Нелли, читаете письмо
мое и готовы извлечь меня из неопределенности, в кото-
рой я пребываю, в отношении моего отъезда¹. Когда речь

* Подлинник на франц. яз.

идет о том, чтобы достигнуть цели, а это можно сделать, истратив несколько сотен и сохранив тысячи, она становится для нас, а особенно для меня, такой важной, что не о чем больше размышлять — будьте смелее и повелевайте, если мы искренне хотим увидаться; обе старухи² очень огорчены, тетя заканчивает письмо: «Что вам сказать, поедemте вместе!» Коснувшись Галаца³, ее мысль уже бродит на широте Воронков.

До свидания, дорогие друзья.

112. Е. С. КОЧУБЕЙ*

[Женева, март 1868 г.]⁴

Не знаю, нашелся ли бы жених из наиболее пылких, который с таким же усердием ухаживал за красавицей, с какой стремительностью я, ваш дядька**, стремлюсь к вам, за вами, моя дражайшая Нелли. Я не мог колебаться ни секунды, нам во что бы то ни стало надо увидаться, не правда ли? Быть может, из нас двоих я более тороплюсь, и весь мой здравый рассудок убеждает решиться на следующее: вы имеете лишь 6 недель для нас, не имеете необходимых денег; дела в застое; осень будет временем возвращений; страна в состоянии застоя; сколько доводов, чтобы сказать себе: сбережем ваши тысячи и прожжем наши сотни! Что до моего тела, не будем о нем думать. Я поскачу короткими переходами, и, кроме того, на открытом солнце у меня более сил; послушайте, Нелли, уже самая мысль уехать, покинуть чужбину, вечно чужбину, увидаться с вами, представить себя у вас — и я подбираюсь и чувствую, что живу, живу новой жизнью. Не будем же более говорить об этом, и пусть моя оболочка не станет ни в чем препятствием. Таково мое решение — обсудите на большом совете у вас и сообщите мне последнее слово! Предупреждаю вас, что веду все приготовления к отъезду; возвращайтесь спокойно в Воронки. Умоляю вас сделать приготовления в palazzo <...>**, двух комнат которого нам хватало в течение 4 лет². Подумайте хорошенько о поручениях и скорее, скорее ответ. Спасибо за полученные деньги. Я очень хотел, чтобы холода вас

* Подлинник на франц. яз.

** Слово по-русски.

*** Одно слово не разб.

остановили. Я надеюсь, что вы читаете мое письмо там и вполне готовы сказать мне решающее слово. Варенька вся взбудоражена.

До свидания, уж я себя не заставляю ждать. Благодарю вас, дорогие мои друзья, с вашими детьми, которых я обнимаю от всего сердца. До свидания же, если это угодно богу. Завтра я объявлю о повороте событий тете, возможно, я ее провожу, если она все же едет.

А. П.

113. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Дрезден, 1 октября (19 [сентября] 1868 г.)¹

Вот и Дрезден, но без тебя, добрый мой, дорогой мой Михаил Сергеевич! Рушились все мои предположения и даже и самые надежды! Так сложились обстоятельства, что я должен был покориться им и понести такую убыль в своих надеждах и в своем здоровье! Свидетельствую с тобою полагаю делом почти несбыточным, ты завален обязанностями, и время не за тобой: земство, Павловка и, что всего выше, роды Лизаветы Григорьевны — какие причины, чтобы тебя связать по ногам до неподвижности! Какая тут Германия, как ты мне писал в порыве твоей ко мне дружбы! Довольно! Бог меня всем наградил, чем только мог, при конце моей жизни ты меня тешил, как дитя, всеми твоими дружескими скачками, и требовать более было бы ненасытно и неблагодарно! Ждать же свободного для тебя времени почти не приходится. Таившаяся во мне болезнь приняла такие виды и в таких размерах в Воронках, что если не успею в Женеве, не говорю исцелиться, а только несколько позадержать, то разрешение последует по данному ходу не в долгих ожиданиях. Не стану тебе описывать все явления моего недуга — нефрита разыгралась и кажется не случайностью. Многие были причины, подействовавшие на меня в Воронках, но и это не пишется, а говорится, а ты далеко от меня, ибо с тобой одним и мог бы поговорить. Скажу, как ты, после выезда своего из Воронков: *je suis parti plus malheureux que je n'y étais venu!** Памятны были эти слова, и они отразились и во мне; с тою только разницею, что грустная

* Я уехал более несчастным, чем приехал туда (франц.).

действительность теперь усугубила то, что казалось еще одними для тебя видениями. Не входя в подробности дела, которое ежечасно выказывает свою, смело скажу, уродливую, не могу, однако же, не коснуться двух предметов, тесно связанных с твоими стремлениями, т. е. образование Сережи и постройка церкви². Как мог ты, умный человек, давать мне поручение действовать на эти два болезненные умы, которые действуют, двигаются по особенным каким-то условиям, вытекающим естественно из ложного основания. Дела и дело так запутаны, что нет им исхода, и надо подчиняться возрастающему их влиянию. О Москве и мысли нет; я было выдумал *mezzo termine* *: Киев; куды, там нет профессоров достойных и там польский элемент!!! А бедный Сережа, спроси, что он делает? Необъяснимо равнодушие матери! Я говорил раз, но горячо. Выставили цель дать Анюте заграничное воспитание, а воронковского паныча до 6 лет доверяют мужичке! Чудной Миша говорит лишь хохлом! У детей Рахманова гуверн[антка] немка, а у Миши Мотря. Но что более всего меня изумило, это мысль: Мишу отстранить от всякого наследства, а Сережу отдать в опеку Александру Алексеевичу, которому отдается все имение в пожизненное владение³.

Отстаивая права внука умершего, я был справедлив и жесток — не мог я равнодушно найти в Нелли уж более не мать, а ослепленную любовницу! Об этом только и пишу тебе; ты, как дядя, должен сестру вразумлять и спасти от нареканий родного сына!

Грустно, больно, тяжело: я говорил — отделите его, супруга, дайте, что хотите, но не жертвуйте сыном. Хорош опекун — ему надо еще такового — у него от 5000 десятин ум за разум зашел — ни в чем нет хозяйского глаза, барствует — теперь вздумал ехать за границу — хочет, как кажется, *l'agronomiser, le poétiser et je crois même le baptiser***! Для Москвы денег нет, а на этот вздор надо будет после сделать заем в 10000, как я им предсказал еще прежде. Впрочем, денежное дело второстепенно; он скоро имение расстроит вконец, а капиталы Сережи, Миши, и исполнить волю усопшего! Не могу тебе всего говорить о доброй бедной нашей Нелле, которая так дешево

* Половинчатое решение (и т. а.).

** Ее агрономизировать, опоэтизировать и, думаю, даже окрестить (франц.).

отдала свои и свободу, и спокойствие! И все это сама говорит и сама сознается. C'est la pitié qui l'a perdue et pas la faiblesse*. Говорю с тобой громко и с тобой одним. Не передавай Л[изавете] Гр[игорьевне] такие мои суждения — ее беречь надо! Жена крепко молится за нее. Господь с вами всеми. Все мои вам благословения! Завтра едем на Лейпциг, но вряд ли остановимся на ярмарке, там, верно, и сибиряки будут. Прощай, друг мой, — мы разошлись во всем с Неллей, кроме чувств наших. Благо-
дарю ее.

А. П.

114. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева, после 30 сентября 1868 г.]¹

Бедная Нелля измучила всех, не щадя и себя! Много я понес от всего, мною за нее испытанного! Здоровье мое в Воронках до того пошатнулось, что не прийти мне в прежнее положение. Если я стал бодрее и крепче, то все же задержание мочи продолжается, т. е. с трудом, прерывающеюся струйкою и в частую. К медику не обращаюсь — пью эвианскую воду, а теперь придумал l'eau de purge!**. Скверно иметь такое болезненное сходство с Н[аполеоном] III², ему теперь хорошо. Испанское дело в виде мочегонения погонит его на какую-нибудь новую нелепую выходку...³

Но как он стих и присмирел от неожиданного удара! Высматривает, прислушивается и не знает, как всегда, за что взяться и за кого именно. Бросается везде и на все и всегда невпопад! Одной рукой с позволения Марфори он жал союзнице Изабелле белую ручку, другою с согласия Прима толкал ее в абсолютизм, т. е. в пропасть. Бурбонку изгнали, а вызвали кого же? Целый народ, из-за которого виднеется преследуемое его страшилище — республика!!⁴ Появление такой неожиданной гостии, вопреки обещаниям Прима действовать в смысле монархическом и в пользу, быть может, Плон-Плона, его не успокаивает; волчьи очи не смыкаются, и он впал в торжественное безмолвие! Был историком, теперь задумал быть географом

* Ее погубила жалость, а не слабость (франц.).

** Слабительное (франц.).

и наподобие Мирославского составил целые три карты!⁵

Так как запоздалыми вооружениями он себя одурачил, хочет теперь поднять вопрос обезоружения и, конечно, коснется национальностей, границ естественных и предложит в образец границы Франции 1807 г.⁶ Я думаю, присоединивши, если это удастся, как он предполагает, к себе Бельгию, он хочет предложить Леопольду престол испанский вместо бельгийского!⁷ Что за шут, *le commis voyageur de la soug**. Из сил выбился, так он метался по получении известия! Прим, нуждаясь в нем, вероятно, молвил ему словечко обещания, а он, дурень, ему и поверил! Боюсь, чтобы дело, возбуждавшее по начинанию своему сочувствие всего Запада, не приняло худого направления вследствие разнородных существующих там партий!⁸ Переход в республику слишком резок, и быть беде! Впрочем, так думают и самые приверженцы этого вида правления! Все еще загадочно не только для нас, свидетелей, но и для самых деятелей!

Посмотрим! Может ли народ, так долго косневший в застое, в неподвижности, может ли он без предварительных упражнений в гимнастике нравственной совершить внезапно подготовленный ему этот *salto-mortale*! Сам Эмилио Кастеллар в беседах со мной при всей своей искренности не умел или опасался решить вопрос *du lendemain***, как он говаривал⁹. *Il ne s'agit plus des bavardages. Un gouvernement qui doit tous bannir pour exister n'a plus de l'aise d'être, toute la question est dans le lendemain****.

Теперь он там, и буду выслушивать оратора, наконец, на своей родной почве! Заметить надо, что ловки прачники, одним камышком подшибли не двух, а целых трех!.. За интендантшей выглядывает, вконец подбитый, *pop-somus***** и третий, друг его, онемевший, кажется, надолго!¹⁰ Итак, до опущения занавеса.

Как бы в поисках за кандидатами не забежали бы они на близлежащую дачу, где скрывается уединенно один близкий нам герцог. Отцовские обязанности отвлекают

* Коммивояжер двора (франц.).

** Завтрашнего дня (франц.).

*** Сейчас дело уже не в болтовне. Правительство, которое должно всех изгонять, чтоб существовать, не имеет более возможности быть, весь вопрос в том, что будет потом (франц.).

**** Не можем (лат.).

его от дел, и как жаль мне этого юношу при его благородных других стремлениях...¹¹

Под общим впечатлением заболтался и я с тобой, друг мой,—ты у меня один и весь. Господь с тобой и вами всеми! Адрес мой *Quai des eaux vives*, № 10.

115. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 2(14) ноября [1868 г.]¹

Ужели я ошибаюсь в расчете и наши все горячие поздравления будут не распечатаны и, таким образом, станут охлаждаться до приезда твоего, друг мой и наш Михаил Сергеевич. Быть не может, чтобы ты не вырвался из оцепивших тебя и Павловки, и Тамбова; и чтобы 11-го ноября не ликовали при твоём присутствии! Присообщи к этой семейной радости и нас, всегда тебе верных и преданных! Будьте же счастливы, дорогие вы наши, и господь благословит в продолжение всех ваших дней, так хорошо, так славно начатых! Знаешь ли, что со дня твоего радостного извещения все замолкло для меня!² Как родильнице, так и тебе, вам было не до нас, и я в долготерпении отложил всякую надежду до 15-го сего месяца! Я так и рассчитывал, что прежде торжественного дня тебе и не покончить дел твоих в степи! Меж тем как ты промерял свои пространства, я измерял свою комнату при самых крайних страданиях. Явления носимой в себе болезни так обнаружили в Вороньках, что я одним только терпением и мог выносить страдания, не прибегая к господам медикам! Последние 8 дней, конечно, вследствие принимаемых собственно своим назначением многочисленных средств, позывы сделались так часты, потуги так мучительны, что я должен был вовсе заключиться! Подтянувшиеся мои нервы от здешнего укрепляющего воздуха дали мне достаточно силенок, чтобы бороться с болезнью, и 3-го дня, наконец, я разрешился, чем и кем? — не знаю, и я не подверг детище исследованию! Как бы и что бы то ни было, но с этой минуты я решительно ожил, как будто воспрянул от какого-то невыносимого состояния. Знаю, что болезнь во мне, что она неизлечима, но я добиваюсь не исцеления, а облегчения. Пусть она меня <...>*, но при меньших страданиях. Бедный Россини,

* Одно слово неразб.

как ни резали, ни мучили его, а приходится отдавать дань и с медиками!..³

А товарищ по пузырю держится и только, не правда ли?⁴ Вестимо, что так, но держаться надо бы с воздержностью. При нашей с ним болезни нам дохтура предписывают крайнее целомудрие и даже самое строгое воздержание во всяких поползновениях, хотя бы даже и политических. На беду его, но не на мою, случись за горами, что я говорю, за горами (испанцы, в свою очередь, сказать могут *plus des Puyénées*)*, дельце, которое выбросило в объятия больного дородную изгнанницу! Свидание, разлука были самые трогательные; много было взаимных обещаний: ей Париж, ему — вообрази — то, что она отказывала 16-ти миллионам испанцев, самым даже своим приверженцам министрам, т. е. пожертвование интенданта!!! В Париж въехала одна, и такая одержанная победа над Марфори вскружила ему голову окончательно! Присутствие ее действует на него так возбуждительно, что ему самому вздумалось чисто поиздельничать и, как кажется, проветриться с нею вместе в Рим и поселиться в подготовленном там *palais des trois rois***⁵. Последние, право, действия невольно наводят на самые странные последствия! Достаточно двух слов, произнесенных юношей неизвестным: «*Je suis jeunesse et peuple*»***,— чтобы вызвать меры самые бессмысленные. Вырвется забытая... тень Вандей, всех отуманила, и все они, несмотря на всю свою штыковую силу, осмеяны, опозорены и поставлены в виде виновников того же опять вопиющего кровавого 2 [декабря]. Читал ли ты отзывы Фавра и, в особенности, Берье? Это чувство общего всех презрения⁶.

Речи Станлея и, наконец, прусского короля окончательно подбили его ходули. Сколько искусства, сколько современности в этой последней речи; еще подобную ей одну, и Германия вся за ним! за великими делами⁷. В меньшем размере совершаются дела и у нас, в Женеве. Завтра выборы в члены верховного здесь совета, *et les partis de s'agiter et de se menacer*****. Как много еще в этом кантоне высказывается французская мимолетная

* Зд.: Пиренеи не в счет (франц.).

** Дворец трех королей (франц.).

*** «Я — молодость и народ» (франц.).

**** И партии заволновались и начали друг другу грозить (франц.).

удаль. Конечно, сторонники практичного управления будут иметь за собой большинство!

Я не говорил тебе, что первый мой выход был сегодня в Casino — провожал свою девочку и сидел с нею на ученической скамье и слушал профессора Cougard литературы⁸. После завтраго пойду с нею слушать Jacquemont; Hist[oire] du Cons[ulat], de l'Emp[ire] et de la Rest[aurat]ion*, будет на сцене 12-й наш год, любопытно, и не будет со мной папы?!!⁹ Нелля еще раз отозвалась и все дружна по-прежнему — спасибо ей! Прощай, друг мой, крепко, крепко поцелуй ручку Лизавете Григорьевне, деток всех обними. Напиши мне, умоляю тебя, что с тобой и всеми вами, что дела, Павловка и проч.

До свидания, если богу будет угодно. Господь с тобой, друг мой, друг мой.

116. М. С. КОРСАКОВУ

Женева, 13(25) ноября [1868 г.]¹

Вчера только прочел я в Петербургских ведомостях описание Уссурийской экспедиции, и это так было для меня ново, что сегодня же спешу, многоуважаемый Михаил Семенович, прокричать вам и сподвижникам вашим сердечное наше втроем ура!² Пусть оно будет запоздалое, отдаленное, но, конечно, сочувственнее и искреннее многих других, огласившихся и ранее и ближе нас!..

Поздравляю; нет, не с победой; и вам ли, моим сибирякам, вменять в достоинство обычную русскую храбрость; мне ли удивляться вам, смельчакам, молодцам и удали казацкой? Нет, оценивая не эти свойства, удивляюсь достижению того гражданского и военного устройства края, которое дозволило вам с такою быстротой победить препятствия, раскинутые на всем этом неизмеримом пространстве, и этими, созданными вами и путями, и средствами выдвинуть, сдвинуть и собрать в данный момент, на данные точки рассеянные ваши силы! Вот чему подлинно надо подивиться! И сколько тут красноречиво заявленных свидетельств быющей уже жизни в этой бывшей мертвенной пустыне! Давно ли строились эти допотопные баржи? Давно ли нищенски собирали вы

* Ист[ория] Конс[ультства], Империи и Рест[аврации] (франц.).

лопаты, топоры, сохи, что еще ужаснее, и самые сухари? Давно ли вы вязали, тонули, голодали, мерзли, гибли? Давно ли? А теперь? Покорены, не говорю манзы и все эти полудикие ничтожности — их не ставлю в счет; покорена природа сама, и она за вами со всеми ее богатствами. Большая часть этих богатств уж разрабатывается, и их производительные силы отражаются на красующихся станицах и городах! Все это вынырнуло из-под воды; все это выбросилось из-под земли, теперь плодоносной, и это чудное все надо отнести к славе первенцу-основателю дела нашему Амурскому и вам, следователю его начертаниям! Вперед, не ослабевая, почтенный Михаил Семенович! Будущность края представляется еще в виде вопроса одним невежам близоруким или же завидующим всякому преуспеванию путями другими, а не своим собственным. Я как родной вам по Сибири и по особенным к вам чувствам рукоплещу вам и радуюсь вашему торжеству над многими недоброжелателями. К сожалению, подробности и дела, и его последствий только могу заключать гадательно. Через год, сказали вы, буду ожидать устного счастливого рассказа.

За окончанием экспедиции *вашей*, добрейший Михаил Семенович, начну с собственно *моей*! Я привык с вами говорить и громко, и наедине; так будет, уверен, и теперь! Знаю глубоко чувствуемую вашу привязанность, вы знаете и мои чувства, следственно, тут общее сочувствие и общее, скажу, горе. Вы знаете, что дело откладывалось, дело тянулось, и поймете, как я торопливо собрался на заявленный мне сердечный зов! Я думал, не знаю почему, что, быть может, я смогу побороть увлечение, которому я не находил никакого для себя объяснения. Меня предупредили о вынужденной по делам поездке в Питер, и хотя и были некоторые намеки, но я все утешался несбыточностью дела. Мы условились съехаться на именины в деревне — и я был на месте даже прежде времени. Ее еще не было, да и быть не могло, когда перед тем сам господин поскакал в Москву!..³ Здесь оставались его трое незавидных во всех отношениях детей, и этого зрелища было достаточно, чтобы отбросить меня в целый ряд грустных впечатлений. Между тем именины отпразднованы в одиночку, и вместо этой ожидаемой радости я получил телеграмму: «Все кончено, едем венчаться в подмосковную сына»!!! Долго, долго я не мог

прийти в себя и принудить рассудок свой перейти к такому новому складу и чувств, и мыслей! Одним махом рушилось до основания все здание прошедшего! Так мы жили с женой при этих потрясениях до приезда, но как мы стали жить, когда все это представилось нам в лицах, в осязании, не стану и описывать. Много я вынес от этой жалкой действительности и о сю пору не могу помириться с этим странным и горьким положением, скажу, их обоих! Не думайте, чтобы тут входило влияние светских расчетов — о них и говорить нечего! Но тут другое: тут несостоятельность в нравственных всех необходимых условиях жизни. Тут резко обозначается несоответственность и в образовании, и в умственных способностях, и в привычках, и в воззрении на вещи, а по тому самому и в характере!

Присоедините ко всему этому условия жизни, беспрестанно сталкивающиеся в разнородных отношениях ко всем этим разноплеменным детям, и после всего этого вы спросите, конечно: да где же тут может быть и счастье, и спокойствие, и какие были причины, побудившие к такому истинно самопожертвованию. Вот вопрос, задаваемый себе многими и на который я только могу отвечать единственным предположением: одиночество, отсутствие всяких посторонних впечатлений, ежечасные сношения, столкновения с человеком, страстно в нее влюбившимся со всеми припадками отчаяния, ревности; его личное осиротевшее положение; порученные дети; все эти сложившиеся причины действовали на ее жалостное сердце, и она должна была собой пожертвовать, чтобы спасти несчастного... Тут не было и нет увлечения: тут не было страсти, а чистое побуждение к самопожертвованию, и она это исполнила, зная и понимая всю меру, прямо скажу, ее глупости!! Она покорила своей участи, своим испытаниям с свойственной ей преданностью к обязанностям своим; будет томиться — быть женою мужа ей, как говорится, не по плечу; будет матерью какого-то особенного вида детей, которые отравят ее спокойствие, и все это будет исполняться при условиях, предусмотренных, а по тому самому как будто уже поступивших в нормальное ее положение. Счастья быть не может, а будет нечто между им и горем; нечто среднее, пока возраст детей не подойдет и не придаст этой связи все бессвязные и грустные влияния. Но это все впереди, а теперь да будет ей возможный

покой! Больно было нам быть свидетелями этого сумбура (и как мне иначе назвать это дело), и, конечно, боль наша высказывалась и наводила на искренние, но грустные речи... Со всем тем мы расстались по-прежнему, но с язвой глубокой в сердце. Не думайте, чтобы тут было предубеждение против его личности; я не касаюсь ни его чести, ни его благородства; одна вина его — быть мужем ее!!! быть отцом ее детей!! Они имеют намерение приехать сюда на март месяц и поездить и пообъездить; но вряд ли средства этого позволяют потому, что и дела ведутся очень плоховато. Довольно. Дело их жить и поживать. Письмо ваше было прочтено с тем же прежним участием. Скажу вам на ухо вырвавшиеся у нее слова, положивши письмо: «Пусть приедет, посмотрит на мое счастье» — «Да кто тебя принуждал», — возразила жена. — «Я это должна была сделать!!!» Поймите все это!! За что, за что все это выпало на нее?? Будемте ее по-прежнему и любить, и сожалеть, хотя она не выносит последнего слова. Поклоняюсь вашему чудному чувству и этим заканчиваю грустное содержание этого листка.

Теперь о себе. В деревне от воды и от многого я до того расхворался, что едва вынес и перевез свои кости в Женеву. Еще месяц протерпел, и наконец последовало разрешение, т. е. исчезновение того препятствия каменного или слизистого, которое так страдательно заграждает мой путь жизни (чтобы не сказать, путь мочевого)! Теперь этот мой постоялец только уgomонился на время, а выжить его окончательно невозможно.

Скоро, скоро, как говаривал пок[ойный] Якубович на своем солдатском языке, «потребуют к перекличке». Я стал, и поделом мне нести все испытания разложения, но вы? Ужели и вы изнемогаете и походы ваши не подправили здоровье ваше? Вы в чинах, конечно, но еще не сенатор, чтобы получить право на дряхлость! Подождите, повремените — будет и то, и другое. Вы говорили, что через год двинетесь — так ли? Хотя бы это и исполнилось, но вряд ли дожидаться мне вашей доброй руки и занимательной речи! Во всяком случае, благослови вас бог на вашем всегда благородном пути жизни! Идите вперед и дайте нам весточку о своем ходе вообще. Вы знаете, как наши чувства к вам и крепки, и верны! Наш адрес: Quai des eaux vives, № 10. Живем мы уединенно, одна забота, одна цель — образование нашей Вари. Те-

перь, на 15-м году, занятия усилились — les maîtresses* все отстранены и заменены профессорами! 4 языка вряд, музыка и сверх всего посещение Casino — высшее здесь заведение! Мы очередно с матерью водим ее в классы, и я сажусь с нею на ученическую скамью и заново учусь и слушаю Жакмона, как, говоря о наших с Наполеоном войнах, коверкает наши имена: Czар — кзар, Барклай — Barcle, Багратион — Bagrassion⁴ и т. д. Ничтожные недостатки при других достоинствах даровитого историка новейшего времени. В музыке Варя много успела и производила фурор в деревне и приводила в восторг бывшую учительницу и поступившую в ученицы! Она выросла и телесно, и нравственно! Мать все та же суетливая и озабоченная по всему хозяйка и спутница! Вчера обедал у нас Ф. А. Анненков, возвратившийся из Парижа!⁵ Завтра он с семьей переезжает в Женеву на зиму и будут соседями. Дети у них слабы и для них-то здесь и проживают. Я старому сибиряку вдвойне обрадовался; он же передал добрые известия о нашем дорогом Н[иколае] Н[иколаевиче]. Устраивает и квартиру, и свои зубы; они прорезались, подросли, но неловко улеглись, так что он вынужден ими пощелкивать, и это бесит. Авось навестит он Милютину в Vevay, и тут-то налюбуюсь им⁶. Графиня Н[остиц] у нас провела 10 дней — много было были и о вас! Как ни говорите, все-таки невеста, а вы жених, и между этими есть какое-то все-таки сочувствие. Теперь они в Vevay с Милютиним; страдалец все в том же умственно безнадежном положении. Там же и Ал[ександр] Ил[ларионович] Бибилов с женой. Будет к нам на днях! М-г Попыха⁷ завернет проездом в По, где Нонушка проводит зиму с больною дочерью, которой угрожала чахотка, — говорят, ей лучше! Здесь много русских или, правильнее сказать, россиянок; та от мужа, эта без мужа, третья за мужем и т. д. Все это как-то пестро, несвязно и как всегда недовольно.

У вас затишье, а у нас волнение, шум! Гнилушка Запад, как его на Московоречье называют, подал признак жизни и вырвал с корнем Бурбонов! Принимаются и за Наполеонидов, но тут игра не равная. На все ругательства, на все угрозы он отвечает военными прогулками войска по Парижу... А что ж, ведь и это способ управления, как всякий другой: в виде опыта можно и его употребить...

* Учительницы (франц.).

Все это занимает меня, празднo дышащего, и, конечно, весь этот шум на перепутье замирает и до вас не доходит. Не жалеете, что вы не от сего мира. Под вашей широтой только широко и жить! Много, много чего и недосказал... до другого разу. Жена крепко, нежно жмет вашу руку, вслед за нею выступает и Варя. Прошу вас передать наши искренние приветствия Анне и Варваре Петровне и скажите Болеславу Казимировичу, что он всегда в нашей памяти⁸. Прощайте, почтенный Михаил Семенович, и примите подтверждение неизменных чувств преданного вам А. Поджио.

У вас ли Горбачевский? Скажите о нем, если знаете, словечко.

117. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева, от] 12 [до] 14 дек[абря] 1868 г.]¹

Тебя, друг мой Михаил Сергеевич, тебя самого я схватил, а не письмо твое; так ты воплотился и целиком выдал себя нам, не в обиду будь сказано всей твоей фаланге инженеров и всего твоего земства! Тем более я за тебя ухватился, что после твоей второй телеграммы я полагал тебя обданным таким током, что за проволочными отношениями других и быть не может!.. А между тем как эта проволока меня успокоила! в 1 1/2 ч[аса] все высказала и все обнаружила...

Все у вас было благополучно, и сам Володя подается и нагоняет братьев. Слава богу! Не брался и не возьмусь никогда тебя благодарить за все и вся — я думаю, твои чувства к нам более тебя высказывают, чем могло бы перо мое выразить! Прибавь ко всему какое-то новое появившееся во мне волнение, которым я обязан полученным одним приглашением еще в бытность мою в Воронках со стороны добрейшей Елизаветы Григорьевны и, наконец, подтверждениями твоего желания прокатить меня по твоей дороге!.. Вот и пошел старик дурить, да ведь до чего? Карта твоя на столе, голова шумит, сердце бьется, пути направились, так как же не пуститься в путь? Витебск, отель, Грязь, Павловка, Павловка, Царидын, просто рукой подать, не правда ли?..² Боек ты, друг мой! И скор, и могуч, и все, что хочешь, но вся эта бойкость ничто при бойкости брадатого косаря, который у меня за плечами! Малый не разборчивый — повыврал

великих, примется и за нас, мелочь! Пусть его — а я, как папа, буду все мечтать тою же Павловкой! И были они у меня под рукой — и я до того ословел в В[оронках], что лишился и головы, и ног, а между тем ведь ты мне был нужен и что же?... Надо остыть от думы и возвратиться к письму. Дело прошлое: что меня тревожило в твоём молчании, это мысль о возможной болезни Л[изаветы] Г[ригорьевны] после преждевременных родов... Можно потревожиться для такого исхода! Теперь о твоём разрешении — кажется, оно будет и благополучно, и своевременно! Впрочем, преждевременность не мешала бы — задача более чем важная, это чисто жизненная.

Борисоглебская дорога будет иметь характер частный, местный, тогда как с протяжением на Цар[ицын] она в своём объёме, соединяя бассейны двух морей с Балтийским, получит вид чисто Азия—Европейской. Ура тебе и вам, если сможете побороть самарца, которого, конечно, подорвете и вельми поослабните!³ Радуюсь, видя такое оживление денежных наших сил — но какой им будет исход — вот вопрос!

Чтобы пропитывать такие вдруг возникшие пути, не потребуются ли и другие наравне с ними питательные средства, и если они не подготовлены теперь, то будут ли подготавливаться так же скоро эти вспомогательные средства и окажутся ли лишние капиталы (за исключением уже затраченных на железные пути) для усиления наших сил *производительных*. Когда явился Стефенсон, он застал Англию, Фр[анцию], Бельгию, Америку на высшей ступени мануфактурной!⁴ При тех ли мы находимся условиях, и не должны ли мы с развитием таким быстрым дорог развивать наравне в таком же усиленном размере и земледелие, и промышленность особенно. Помните, что дороги оградят вас в сбыте, но нисколько в подъёме цен на продукты!.. Поймите, что вы прямо идёте к *понижению*! Бывшая европейская и вместе с нашей голодовка потрясли основы бывшей хлебной торговли; возникли новые рынки, новые пути, и под влиянием этого на взгляд выгодного давления сонливый дух наш предприятия вдруг судорожно пробудился и судорожно бросился в крайность! (*Attention, écoutez, écoutez* *!) Голодовка была случайность, и брать её в основание задуманного громадного дела черес-

* Внимание, слушайте, слушайте! (франц.).

чур размашисто и, наконец, скажу, опасно! Такое предприятие, в таком объеме, в таком размере должно основываться на данных нормальных, не выходящих из разряда хода обыкновенного вещей! Но прежде чем определить эти нормальные данные, надо для лучшего уяснения их определить значение этого железного пути, взятого отдельно независимо от тех условий, которые так необходимы для его процветания. И в самой вещи, что это за зверь, который становится в главе всех общественных сил, требующий, пожирающий все капиталы и возлагающий свое диктаторство, свое преэминенство над всеми другими производительными орудиями труда? Что же такое, наконец, этот вновь появившийся уставщик и богатства народного, и степени просвещения, и пр., и пр. Ужели он так могущ и одарен такою творческою силою, что достаточно его одного, чтобы сдвинуть и подвинуть целый народ на искомую высоту и умственную и вещественную? Сомневаюсь — и вот почему. Есть ли этот путь причина, начало или действие? Конечно, последнее, и до того оно действие, что оно и не может иметь причины быть без причин самобытных, других, как-то: земля, вода, воздух, огонь, коровы, овцы и все прочее? Прочее, что только не содействует и творит производство. Принимать жел[езный] путь за цель первостепенную помимо других; воображать, что только его одного у нас не доставало, чтобы возвести нас на уравнительную степень с опередившими нас прочими народами по приговору истории, воображать, говоря я, что это панацея против всех наших недугов и недостатков, что с появлением ж[елезных] д[орог] исцелятся не только язвы наши, но что весь организм забьется новой жизнью, — это чисто бред заносчивых умов, болезненно отозвавшийся в припадках железофилии! Путь же есть действие по тому самому, что он не имеет в себе ничего собственного и должен жить как паразит на чужой силе. Конечно, при своем зарождении он облекается в формы, пожалуй, производительные и в виде благотворного богача сыплет, сорит, не зная, чьи именно деньги, направо, налево, возвышая цены на все предметы (в этих случаях Рахманов и ему подобные бьют в ладоши и скачут по столам), вызывая рабочих к труду, к хорошей пище; сушит болото, рубит лес, строит мосты (но все это для себя одного), заводит новые изделия, поощряет временно заводскую фабричность, но, увы, не свою, а чужую (мы

даже не умеем и рельсов подготовить), и все это идет, идет до камня преткновения, т. е. до достижения того возраста, в который, сбрасывая чужую кожу, он является в своей собственной, т. е. в коже не производителя, а потребителя самого обжорливого, самого ненасытного! Со спуском первого вагона начинается и первая задача жизни или смерти! Капиталы, которыми он жил, затрачены, и приходится жить собственной жизнью, а этой именно в себе и нет! Как действие, дело подчиняется причине и по несчастию не только одной, а многих! Каких тут не набирается ошибочно в расчет взятых причин; причин и не предусмотренных и которые и прямо, и косвенно будут действовать на судьбу этого детища-скоропелки? Детище это по природе своей безъязычное, безгласное, родившееся только что при зарождающемся обществе, и опять-таки как действие должно будет под влиянием тех же причин, видимых и невидимых, подчиняться не только всем случайностям торговли и промышленности, но и всему застою, медленному еще производству и хозяйственным нашим отраслям вообще! Скучная подвозимая пища скоро подействует на ослабевающего детища, и скоро, изможденное, оно может тометь и даже замереть и *травкой зарости*. Тут я ожидаю твоего возгласа, друг мой: «И это вы; et tu, Brute, contra me!»**⁵ Да вы саратовец или, что еще хуже, чисто отсталый, не понявший ни нужды наши, ни все наши стремления! Успокойся, я им сочувствую всею душой, но не могу одабривать такого внезапного взрыва предприимчивости, направленного на один предмет, угрожающий поглотить все ваши капиталы в ущерб всех других отраслей экономических. Понимаю не только пользу, но необходимость железных путей; но понимаю их в данное время, а не в данный момент, как вы это доказываете. Железные пути выражаются следствием уже достигнутой такой-то степени гражданственности, мануфактурной, земледельческой промышленности, без которой никакие искусственные двигатели не помогут. Англия завладела всемирной торговлей, не имея жел[езных] путей; Северные Штаты пустились с нею соперничать при том же отсутствии этой силы; Колберту не нужны они были, чтобы обратить Францию в огромную мастерскую и сбросить с нее тяготевшее иго промышленности⁶; напро-

* И ты, Брут, против меня! (лат.).

тив, Италия и Испания бросились на эту силу, и в особенности последняя оборвалась на первых же порах, и оказались несостоятельными. Все это говорится для того, чтобы доказать, что жел[езные] пути, взятые отдельно, сами по себе, ничего не выражают, если они не тесно связаны в одинаковом развитии с прочими отраслями государственной экономики. Значение их обуславливается преуспеванием только тех начал, которые одни и могут по сродству с этими путями вызывать их к жизни и поддерживать их существование. Скажем, что это не какая-то творческая, самостоятельная, а грубая сила, сила, конечно, вспомогательная, облегчающая, ускоряющая производство, но всегда зависящая и сама по себе непроеизводительная. При отсутствии всего для него жизненного это полип, нарост, изнуряющий организм, если только последний сам в страдательном положении! И как ты назовешь положение нашей промышленности, наше земледелие, когда мы так мало, так скверно и так дорого производим? Не есть ли это признак если не болезненный, потому что мы полны жизни, но признак какой-то неподвижности во всех наших хозяйственных приемах!..

Письмо мое обратилось в какую-то сумбурную статейку, быть может противуречающую ходовым у вас понятиям, но я доведу ее до конца в будущем письме, а теперь ограничусь уяснением странного для тебя моего воззрения. Не считай меня до того выжившим из лет, что я не признаю пользы вашего дела; нет, если только не одно отдельно у вас в виду. Я не дроблю его, а беру его во всем его объеме и нахожу, что такой размер не соответствует нашим непроеизводительным требованиям! Дорога дороге рознь, и есть такие естественные, что они и не могли не быть! В том числе и твоя, имевшая все условия будущности, но прочие, другие. Но почему же они так на меня возмутительно в своей сложности действуют? Потому что они сгубили меня вконец! Уязвили все мои надежды; подбили окончательно все носки моего конька; а конек-то был не более, не менее как освобождение сперва-наперво от ига европейского, в смысле мануфактурного, промышленного его давления. Вы приняли действие за причину, а пожертвовали первому всем своим достоянием! Все ваши капиталы пошли в путь без оглядки, и нет у вас других таких же свободных, чтобы поднять нашу вялую, безногую, безрукую пока промышленность. Сбор такого

громадного капитала, совершившийся в припадке лихорадочном при последних усилиях, должен отозваться вредно, застоино на дела промышленные, оборотные — взятые в большем размере... до будущего письма — продолжение дайте впредь.

Друг мой М[ихаил] С[ергеевич], кондуктор ты мой, сшиб ты мой старый обветшалый рассудок с рельсов, расшибся я в умозрениях, но остался цел и невредим сердцем и благодарю тебя еще и еще за твою дружбу, за все твои к нам чувства! Деньги 500 [р.] получил сполна и благодарю. Пиши мне, умоляю, хотя бы по несколько слов — знаю и воображаю, сколько твоему уму дела, а сердцу забот! *Les grandes pensées viennent du coeur*, — сказал Vauvenaque*⁷, — вот почему и надо тебе его поберечь и не принимать так все к сердцу, как с тобою водится. Вот вижу я, как тебя расшевелила весть о передаче тебе Сережи! Непостижимо, не правда ли? Да, если отнести это действие к бывшей Нелли, оставшейся лишь в преданиях; но постижимо, принимая шуколовский договор в основание теперешних всех ее действий⁸. Когда ты мне дал поручение отстаивать поездку в Москву и постройку церкви, я тут же тебе ответил: «Ни Москвы, ни церкви не будет!» Москвы не будет, потому что там им неловко; ему же в Воронках приволье! Там он первенствует безотчетно; барствует во всей силе слова: у него управляющий, приказчики и целый двор прислужников, за исключением стаи иностранцев, которых я успел удалить! Не будет церкви, потому что он сумбурничает, а не управляет. В течение 4-х лет не умел, как я ему говорил, ни копейки нажить денег и ни единого заготовить кирпича. Хозяйство идет как попало — он никого и ничего не поверяет; при мне не был ни разу в конторе, да он же и 4-х прав[ил] арифметики, как говорил Сер[ежа], не знает! За все берется, ничего не кончает; затеи за затеями, и дело, за исключением построек и конюшни, идет разорительно. Теперь все обнаружилось, и все бахвальство предположенных в этом году доходов обнаружилось — я им это все объяснил с добавкою 10000 [р.] долгу — но в этом еще не сознаются. Ему хочется прокатиться за границу, чтобы довершить географическое свое образование, — другого не пред-

* Великие мысли рождаются сердцем, — сказал Вовенарг (франц.).

вижу; но дело в том, что он окончательно сдурит, и боюсь, чтобы по возвращении все его самодурные затеи не удесятерились! Впрочем, все это впереди, а дело, не выносящее отлагательства, это положение Сережи! Его надо вырвать из Воронков и разъединить эти не сливающиеся два начала! Они друг друга не терпят, не сносят, и, конечно, Нелли выказывается, увы! более женой, чем матерью! Об этих сношениях трудно писать — твое дело выручать мальчика от этого застойного, потрясающего положения. С Кодёнцом⁹ твой надзор будет возможен — принимая в расчет твои выезды и занятия! Сер[ежа] тебя не только любит, но крайне уважает; увы, в Воронках этого чувства он не знает. Нел[ли] мне ничего об этом не пишет. Carisco*. Не кончаю. Гоподь с вами.

118. М. С. ВОЛКОНСКОМУ**

[Женева,] 25 декабря [1868 г.]¹

Всегда, всегда мы с тобою, добрый друг наш Михаил Сергеевич, в воспоминаниях и благословениях наших. Такие дни сейчас, если можно сказать, еще более сближают и сливают наши чувства! Так сольются и наши взаимные поздравления при наступающем новом годе! Пусть он легко, благодетельно пройдет над вами, дорогие наши! Пусть он будет консерватором того, чем вас щедро наделил бог! Одного только и желаю, чтобы, достигнув своей преследуемой цели, ты привел бы дух и тело свое в должный отдых, — боюсь, боюсь, друг мой, чтоб вся твоя деятельность не отразилась изнурительно на твоем здоровье! При этом опасении я жадно пробегаю наши газеты и все поискиваю уступку, а ее нет как нет! Ужели не прогремит она после нового года. Если ты оказываешь нетерпение, то каково должно быть и мое? Ведь, право, мне нельзя же долго и ждать. Косарь у дверей, и когда я ему скажу: «Батюшка, голубчик, повремени, дай хоть прокатиться», — так он, пожалуй, подтолкнет меня так, как сам французский декабрист (нового стиля) не подталкивает своих вольнодумцев!² Каков и этот господин? А? Опозоренный, осмеянный, обличенный, опять является, как будто убеленный. Ловок!! «Не я, не я; я преследовал

* Понятно (и т. л.).

** Помета М. С. Волконского: «Пол[учено] 2 генв[аря] 1869».

одних кроликов и их одних хотел постреливать! Пинар — вот злодей, который в вас целил, и сам он, помимо меня, выдвинул все силы сухопутные и морские и вздумал в вас пострелять³. Вон его, самозванца, вон и этого Мустье, который возмутил Абдула!⁴ Война, мир в моих руках, надо успокоить Европу и еще более развлечь моих французов!!» И в самой вещи, вызвана конференция и съезжаются толчеводы к нему в Париж!!!⁵ Спрашивается? К чему это все поведет и есть ли тут малейший повод к ожиданию чего-нибудь рационального, прочного! Впрочем, это все-таки послужит тому доказательству, что не дипломатии бессильной подлежит решать народные вопросы, а не кабинетные! Эта конференция обнаружит болезни не одного, а многих больных! Что меня возмущает, это наивность наших журналов, и все это перед конференцией, где надо бы налечь все-таки хотя бы и поддельною силою на ожидаемое влияние своего слова. «Мы, дескать не хотим войны; у нас и дороженьки не готовы к Черному морю; наш флот примерз на Севере; у нас и игольчатыми ружьями не все вооружены и резервы не собраны и т. д.» Зачем же с себя снимать рубашку, какова она ни есть, и показывать его, когда римлянин именно ее и сжигал!.. Читал ли ты последнюю статью «La Turguie»* (и это перед конференцией), где говорится, «что если Россия осмелится выйти из своих пределов, то предстоящая война будет ознаменована еще большими бедствиями, чем Крымская!»⁶ Какова дерзость? а ведь это отзыв не журналиста, а <...>** компании. Одно мне утешение почитать Рошфора, Чертополоха, Колокола, но уже не русского!⁷ Лишь бы республика миновала Испанию, и помнишь предложенного моего кандидата, Монпансье⁸, был бы воцарен, и посмотрим, как с таким соседом уживется декабрист. А как тебе нравится приют, дарованный Изабелле, чтобы иметь пугало под рукой и соединенными денежными мехами раздувать раздоры в Испании!⁹ Убедитесь в одном: что воитель один только и есть: это папа, окончательно самодурствующий, — декабрист же не посмеет и слова вымолвить войны, а в Англии Гладстон и Брайт, которые заняты ирландским, а не восточным вопросом!¹⁰ А это что за вопрос еще

* «Турция» (франц.).

** Одно слово неразб.

какой-то германского притязания на наши Ост-Зей-Латыш и т. д. край!¹¹ И вместо всех этих опровержений болтуши журналистики есть один старинный греческий ответ: «Пожалуйте взять его». А когда же поднят вопрос, когда вы все свои денежные силы и даже все общественные направили на искусственное созидание Балтийского порта и Либавы!!¹² Я не разделяю с вами данного предполагаемого такого им значения, и вот почему... Нет, отдохни, друг мой, от последнего моего сказания, и продолжение последует в другой раз.

Как-то ты осилил мои карикюлы, и справедлив ты, когда вскрикиваешь: «Дядюшка! ведь сумбур печатается и не пишется; по крайней мере, он читается так же бегло, скоро, как и забывается!» Не буду, но сделаю только раз отступление. Так я и с Неллей поступил — я было обещал ей не касаться ее хозяйства, но они вызвали меня на полемическую выходку, и я на пяти листах изволил разлить свою желчь! При том обещании, однако же, что, оканчивая год, оканчиваю и переписку по части сельскохозяйственной! Просил ее не потрясать меня более возмутительными картинами падежей и всем сумбуром, которым только и отличается управление воронковское. Я не мог ей всего не высказать, когда ее интересы и интересы так разорительно задеты этим своевольным барством и пр. Одним словом, хозяйство и воспитание детей — вот два предмета, которые должны быть отстранены при таких противоположных воззрениях и при моем, впрочем, бесправии вмешиваться в чужое теперь для меня дело.

Бедная Нелля! И с этим возгласом я должен кончить письмо?! До свидания, Миша Сер[геевич] мой, крепко и нежно поцелуй ручку дор[огой] Лиз[аветы] Григ[орьевны] и всех-всех до одного расцелуй малюток.

А. Поджио.

119. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 10—18(30) января 1869 г.

Хочу с тебя, друг мой Михаил Сергеевич, и с тобой рука об руку начать вступление наше в н[овый] год! Упираясь на тебя как на единственный дорогой для меня костыль, поступь моя будет и тверже, и вернее! Ты об-

легчишь мое вступление, облегчишь и выход мой... разумеется, после поездки моей в Павловку на твоей дороге!

Это последний мой ultimatum; боюсь только, чтобы и он не был так же отвергнут, как ultimatum Абдул-Бурга!¹ После прошлогодних неудач, конечно, ищу себе вознаграждения в будущем.

Вам, друг мой, нечего искать, дал бы бог вам сохранить только все то, чем он же так вас щедро наделил в отношении умственном, душевном и вещественном! Итак, господь с вами, и вперед! За вами поплетусь и я на своих клещах! Как-то вы встретили новый год? Что-то ты опять замолк,... но я молчу и догадываюсь новым для тебя заботам. Как ни роюсь в наших газетах, а об уступке пока ни слова. Есть, пожалуй, письмо Милла (как он мил!)², есть многое другое, а все дорожки моей не вижу... Твое дело длится, а как другие быстро решаются. Посмотреть на действия конференции! Достаточно пяти-шести бесед, чтобы разрешить вопросы, сложившиеся под вековой давностью!³ Поясни мне, почему американские акции сошли с биржевой сцены? Ужели они были выплачены?⁴ Уведоми меня, прошу тебя, получил ли ты письмо мое, пущенное на твое имя для передачи Михаилу Семеновичу. Я бы не желал, чтобы он меня поместил в число неблагодарных, особенно после обязательного ко мне внимания перевезти мой хлам и сложить его у Михаила Илларионовича. Скажи ему, пожалуйста, что наша с тобой ученица и подведомственная ген[ерал]-губ[ернатору] сибирячка (единственное ведомство, к которому она причислена) Варвара Поджио выдержала экзамен по трем ею изучаемым в Casino предметам, а именно: Histoire du Consulat, de l'Empire et de la Restauration; Composition et Littér[ature] française; Littér[ature] allemande*. По всем 3-м предметам получила высший из 6 бал[лов] и approbation complète! ** Скажи Мих[аилу] Сем[еновичу] и то, что мы с Варей ходили слушать Lamberti⁵. Проездом через Женеву он нас подарил своею крайне занимательной беседой; в течение 2-х часов приковывал внимание наше, 3000 слушателей, к своему беглому очаровательному слову! Знакомил, насколько мог, нас, невежд, с своими наблюдениями,

* История Консульства, Империи и Реставрации; Сочинение и литература французская; литература немецкая (франц.).

** Полное одобрение (франц.).

выводами, заключениями и, поигрывая с глобусом в руках, передавал нам свои надежды, одушевлял, увлекал и до того, что будь его строящиеся корабельки здесь у гавани, то мы бы простились с вами и отправились так же весело и беспечно, как отправлялись к тебе на берег Байрона⁶. Я упомянул при этом Михайла Семеновича как человека, ближе всех стоящего у преддверия полюса!⁷ Насколько этот вопрос близок России, доказывается всеми бывшими предпринимаемыми экспедициями. Россия одна обладает единственным материком, омываемым Лед[овитым] океаном! И берега этого материка все доступны! Какое значение это условие единственное дает разрешению вопроса, который может заключить в себе неразгаданные отрасли богатства морского. Вопрос этот, по убеждению Ламбера, может только разрешиться одним путем, а именно Беринговым проливом, куды он и направится! Если в самой вещи ожидаемые пособия, содействия осуществляются, то почему бы не предпринять вслед за ним или же и вместе такое великое и необходимое дело. Хотя Ламбер отвергает всякий торг[овый], промы[шленный], политический вопрос и обращает его в чисто научный, я все-таки полагаю, что с достижением полюса (при том его предположении, что за долами, за горами, там по одномерной температуре должно быть огромное незамерзаемое море, имевшее в одно давнее время сообщительное течение в наши воды), при таком предположении, конечно, обладание такого моря поведет к неразгаданным отраслям торговли. Если только допустить существование такого моря при такой-то температуре, то, пожалуй, допустишь существование целого отдельного для нас мира, который при особенных условиях имеет свои особенные явления. Не говоря уже о треске земленовней, о сельдях голландских, которые должны будут превосходству полюсными сельдями*, почему не допустить, что по этому морю разбросаны острова, где водятся допотопные исчезнувшие породы животных; почему там нет именно тех самоедов, которые сами себя едят! Сколько тут научного, любопытного! А прогулки полюсные, les parties de plaisir**, которые будут совершаться? Ужели их не брать в счет? И какое значение приобретет и Николаевск, и Петропав-

* Так в подлиннике.

** Увеселительные прогулки (франц.).

ловск. Верьфы, доки, постройки, и пошла писать!!! Разбирая пути многих плавателей, он особенно остановился на Франзеле, который, говорил он, стоял ближе всех к цели и которому недоставало только большей настойчивости и некоторых наблюдений, чтобы ими воспользоваться и достигнуть почти цели. Но кто, думаешь ты, этот Франзель? — Не более, не менее, как наш Врангель — и то догадался я после того, как упомянул устье Лены!⁸ Осуществится ли его предприятие — во всяком случае, помоги ему бог, и если только он будет так же стоек, решителен на деле, как в слове, то, конечно, или пробьется, или же погибнет! Он так и говорил: «*Je n'abandonnerai pas mon drapereau et s'il est dit je dois périr, j'aime mieux être broyé par les glaces que par la mitraille barbare; j'aime mieux mourir au champ d'honneur de la science*»*. Вот тебе и его карта, и предположенный его путь! Попроси М[ихаила] С[еменовича], чтобы поднял своих чукчей, юкагиров, всех своих норманнов и оказал бы ему помощь или же собрал бы его кости, если враждебные льды выбросят их на наш берег. Не взыщи, если я под впечатлением его слов так распространился не в меру. У нас здесь сезон слова: курсы, беседы, даже конференции, одним словом, болтовня на все лады, и как видишь — прилипчиво! Хожу, между прочим, слушать молодого агронома Ризлера!⁹ Как, скажешь ты, у вас ни кола, ни двора, да вы и не собираетесь, пожалуй, и сеять? — Нет, собираюсь не сеять, а поверять себя, так ли я сеял! Вообще на меня теперь учение имеет обратное действие и служит мне не столько указанием для будущего, сколько проверкой прошедшего! Много об этом влиянии мог бы сказать...

18—30 генваря.

Более 8-ми дней лежало мое письмо, так я робок при твоём молчании, друг мой Миша Сергеевич! Сегодня получил твое от 12 и вот кончаю наскоро и бегу за твоею картой и за всем делом. Благодарю тебя, что ты меня так сближаешь с собой; ты растешь по часам и поневоле делаешься подчас и не в меру! Ты рос, растешь, и я становлюсь на цыпочках и душой взмахиваю всеми своими

* «Я не брошу моего знамени, и если мне суждено погибнуть, я предпочитаю быть раздавленным льдами, а не изрешеченным варварской картечью; я предпочитаю умереть на поле научной славы!» (франц.).

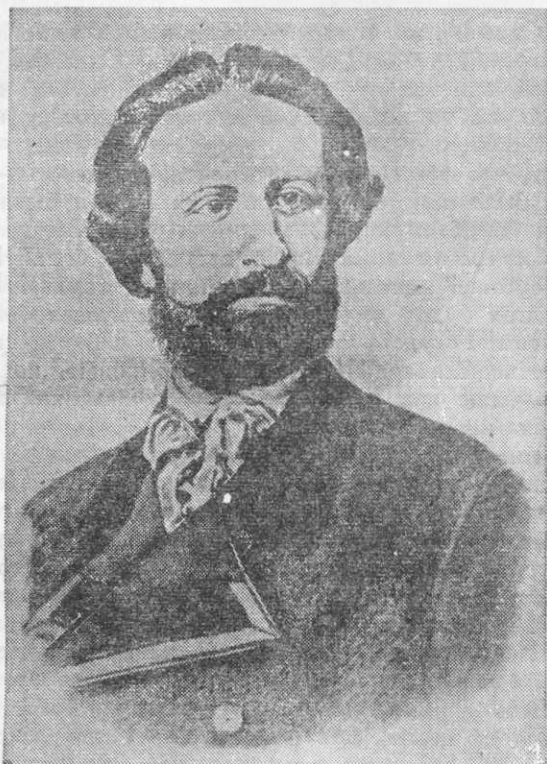
старыми крыльями! С твоей совестью, при твоих стремлениях вперед, друг мой, не оглядываясь! Однажды отчалив от берега, как ты это сделал, останавливаться не время и во что бы то ни стало, а к своему полюсу иди, как Ламбер!

Вижу, что ты смущаешься противодействием — вольно же тебе было обнять вопрос в такой мере и выказать его с такой всеобъемлющей точки! Конечно, ухватятся и другая, и третья компании и вступят в борьбу!¹⁰ Как быть, бороться донельзя и подчиниться исходу! Все-таки цель благая будет достигнута, и достигнута тобой, и никем другим! Государь одобрил и концы в балтийские, каспийские, черные воды!! Ура! и покрикиваю, но с ним!.. Спасибо наше вам обоим за ваши пожелания. В них-то вся и сила наша..

Ты мне говоришь: «Из другого конца также стремятся к вам теплые пожелания!» Наша добрая Нелля так занята, а муж еще более! она мне прискорбно говор[ит]: «Муж уехал ревизовать имение Вор[онежской] губ[ернии] и осмотреть постройки!» Говорит мне после всего бывшего насчет его сумбурных способностей!! Она счастлива!! — мне этого не скажет!! Помоги ей бог. Ты справедливо заметил: «Ошеломлю вас известием». Я ошеломлен, поражен и не прихожу в себя! Не потому, что это Ва или Ка¹¹. Я ее не знаю, а потому, что ты же говоришь, что она этого не стоит, еще и потому, что это дело в виде штопанья, починки, а в этом деле как цельные одежды и ценны, и необходимы. Вступив на эту новую службу, я думаю, старая подчинится влиянию первой, и последует в жизни его перемена резкая. Дай бог ему всего, чего он достоин! Ты знаешь, почему он был и есть мне дорог. Вот еще жертва, падшая под действием одной фатальной причины, внезапно встретившаяся нам на пути!! Поздравь его, если не со счастьем, то с самопожертвованием. Прощай, иду, бегу за тобой. Господь с вами двумя и всеми, всеми малютками...

А. Поджио.

Что ты молчишь о Павловке, ни слова о ней, о делах твоих собственных.

М. С. ВОЛКОНСКИЙ
Фотография конца 1860-х гг. ЦГАОР

120. М. С. ВОЛКОНСКОМУ*

[Женева,] 26 ф[евраля 1869 г.]¹

Друг мой Михаил Сергеевич!

Месяц целый прошел, и нет весточки от тебя: я не жалуюсь, а говорю...

Видно, дорожка твоя трудна и не довела еще до цели! Я же, друг мой, читал и перечитывал твою скромно тобой названную записку; смотрел и рассматривал карту, составленную под твоим руководством, и все более и более

* Помета М. С. Волконского: «Получено 3 марта 1869 г.».

убеждаюсь в многостороннем значении предполагаемого пути! Нет — путь этот не замрет и переживет многих скороспелых своих братьев!

Путь этот обеспечится не только в настоящем, но будет расти, растягиваться и, наконец, разветвляться. Когда, перешагнув Волгу, Урал, Арал, вы пойдете по странам Яксарты и Окса!² Там, у их вершин вам и предел; там стоящий на страже Гималай укажет вам, что ваше и что входит в достояние не Виктории-Англии, а неба и Лессепса!³ Там дайники его Инд, Ганг, Брампутр и пр. не признают вашего владычества и понесутся все к нему в Порт-Саид! Вот, любезный друг, как увлекся я твоим путем: ты напал на след Аттилы, Ченгиса, Тимура, и если они по неграмотности не умели поставить своих столбов, то ты предугадал и указал путь, по которому мы, в свою очередь, пойдем не *на*, а *в* Азию⁴. Азия нам подручна; она нам и поверит и как будто бы уже своя; к тому же несколько из родни, Россия велика, чтобы вмещаться в Европе; там все чужое и чужие. Были какие-то там славяне и те отвернулись, как услышали не наш великий русский освободительный язык, а язык коварный, притеснительный, *западный*, на котором мы стали говорить! Зарейнец хотел разъединить нас с славянским миром, с восточными христианами, хотел нас лишить должного первенства и успел⁵. Во все трубы трубит о торжестве своей политики и говорит: смотрите, Россия не за вас, а с нами, и только и твердят о каком-то составляющемся русско-французском союзе!!!

Союз с этим заклятым нашим врагом, который 17 лет неусыпно строит всевозможные против нас ковы!.. Исторический момент утрачен — и Восток *farà da sé**, помимо нас и всех! Друг мой, я наскоро пробежался по этому всегда жгучему для меня предмету; я говорю наскоро, чтобы не впасть в ту же болтовню, которую было я тебе изложил и остановил в силу задаваемого в частую себе вопроса: к чему? Этого мало: погресивши насчет этого зловещего духа Наполеона, безустально нас преследующего в течение 33 лет (по крайней мере, я встречал его и на Торнео, и на Балтике, и на Висле, и на Дунае, и на Алеме, и на Босфоре)⁶, я пустился было в той же болтовне доказывать тебе (представь, какое дикое воззре-

* Постоит за себя (итал.).

ние), что России не быть ни в каком случае житницей Европы (я не говорю о голодовке и случайностях, которые не могут входить в расчет), что при возникающем со всех сторон и усиливающимся соперничестве, имеющем за собой всю свободу действия и все усовершенствования по всем отраслям изобретений, соперничество это вытеснит не только из всех западных рынков, но обратит все наши склады зерновые русские по Перновам, Либавам и пр. в чисто иностранные. Не думай, чтобы это предсказание было так нелепо — нет, оно весьма важно, и важно потому, что опасно, и разорительно было бы при экономических наших условиях перенести все наши производительные силы на одну только земледельческую промышленность! Усилить земледелие на том основании, что с развитием жел[езных] путей сбыт огражден и обжорливый Запад все поглотит, было бы самое безрассудное действие со стороны крупных наших пахарей. Один пример достаточен: Одесса плакала за дорогами — вот и провели целую до нее: спрашивается, как после известной европейской голодовки, истощившей все запасы, каким образом при железной дороге, удешевившей провозы, Одесса мертвеет в своем застое? Почему же это так? — если не потому, что на Западе изменились все экономические условия. Там явились новые пришельцы, новые производители, которые будут, производя и скоро, и скоро, и дешевле, вытеснять нас несомненно со всех рынков. Сверх того, возьмем хотя бы ту же Францию, которая при своих 36 мил[лионах] жителей стала не только довольствоваться сама собой, но даже уделять свой избыток и Бельгии, и Англии. И мудрено ли, если бывшая наша данница отворачивается от нас? Сверх внешних заморских пособий она умела в последние 15 лет обратить до 7 000 000 акров пустошей в плодоносные земли и вследствие применяемых начал агрономии, поступившей уже в область науки, успела получить вдвое более прежнего зерна с данной плоскости! Друг мой, говорю я не России, а тебе, одному моему слушателю, не расширяйте круги своего земледельческого действия, держитесь того же размера, изучая, улучшая, усовершенствуя производство, и вы уменьшите стоимость труда, а за нею и стоимость продукта! Пусть эти пути разовьют и упрочат внутреннюю торговлю, и на этом одном начале пусть и определится размер будущего земледельческого развития. Вам предстоит выдержать

большой кризис, т. е. перелом; тот же, которому подверглись крупные пахари и во Франции во время бывшей и там железистой лихорадки, заразившей все умы! И там рабочие все обратились на лучшую плату и пахари при повышении цен или же несли большие убытки, или же уменьшали производство. Развитие жел[езных] дорог имело то благотворное действие на агрономию, что с повышением задельной платы пахари должны были обратиться к науке и потому к усовершенствованию своего дела. Те же самые причины поведут и вас к тем же благотворным последствиям. Не горюйте, за вами остается столько отраслей промышленных, еще и не затронутых! Но главной из них выступает скотоводство! Довольствие будет неминуемо возрастать, и представь, когда все эти миллионы напустятся на мясо!! И если есть у вас лишние производительные силы и капиталы — долго ли вы, наконец, будете медлить и довольствоваться быть унижительными данниками западной промышленности? Полноте торговать салом и пенькой — пора, пора дать самобытность России во всех отношениях; пора возвыситься до шелковых, шерстяных и бумажных тканей! Азия под боком, доставит вам и шелк, и хлопок, а шерсть ваша убивается австралийскою, и нечего ее посылать с плачем за границу, а самим вырабатывать! Сколько вам предстоит деятельного дела! Дела, чтобы тылом стать к Европе, грудью к Азии и образовать наконец из России первенствующую шестую часть света! Итак, к делу.

Наболтался, а писем все-таки нет! Молчание твое выносимо при благополучном ходе твоего семейства — когда же будет конец твоему пути? Сколько тебе труда было стучаться по всем этим лавочкам и лабазам! У нас зима, холод небывалый, снег вокруг наш! Нелля хотела было ехать к нам, но заболел тифом управляющий, и сверх того надо продать шерсть — а бестии австральцы вредят! Она едет, вероятно, с твоего ведома? Вчера приехал в Vevay из По Ал[ександр] Бибиков. Родные останутся с юным телом до мая. Ноно очень слаба и вся поседевшая! Несчастная! Тело повезут морем через Петербург. Ник[олай] Ник[олаевич] здоров и приезжал к Б[ибиковым] в По.

Мои здравствуют, Варя приобрела себе немца — туриста-виолончелиста, и Бетговен и Мендельсон на сцене. 15-го числа идем с ней в концерт Рубинштейна! Что ему

вздумалось потешать швейцарцев? Мы его проучили — вместо ваших 5-рублевых спустили на наши 3 франка!! Здесь все заняты богословными изустными излияниями, но по недостатку костров Buisson, последователь Legvain, не имеет никакого значения¹⁰. В ожидании твоего слова кончаю, поручаю всех вас богу, Все мои душевно вас приветствуют.

А. П.

121. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 18 ф[евраля (2)] мар[та] 1869 г.¹

Что за гонки, что за скачки и что за удивление было мое найти тебя не в Павловке, а в Питере. Ты говоришь, «век вам не писал», — правда, но на этот раз, зная причину твоего молчания, я не тревожился, а только тосковал по тебе! Так, и если здоровье тебе служит, и я не надивлюсь такому чуду, таким силам, преодолевающим и усталость, и зной, и ненастье, и пр.! Но все это было, а теперь настает осень; дела еще более усложнятся, и если станет твоего ума, то вынесет ли твое здоровье, и вот единственное, что меня и тревожит, и смущает! Ты обещаешь себе (конечно, и мне) какой-то отдых по истечении двух месяцев!! Полно, так ли? Вложивши весь свой умственный и денежный капитал в эти дела, прямо зависящие от тебя, можешь ли ты остановить свои действия и только косвенно и сложа руки смотреть при твоей обычной горячности на ход всех этих заведенных машин? Я насчитываю целых три дела: Борисоглебское, Царицынское и дело Павловское, возрождающееся из пепла². Конечно, действия твои, по крайней мере, не разбросаны и, по счастью, почти что могут сосредоточиваться на небольшом пространстве; но сколько этих действий и на каком протяжении это пространство все-таки русское, обнимающее сотни верст. За этими делами следует еще четвертое — это для развлечений будет уже питерских. Здесь, почтеннейший президент, придется тебе заседать в среде другой, в среде случайностей, где ум, как бы широк он ни был, теряет свою самобытность и подчиняется силе непреодолимых обстоятельств! Ты поведешь дело, быть может, искусно и, конечно, осторожно; но весь мнимый и временный успех ограничится твоим одним ящиком, тогда когда их тысячи, и все враждующие между собой! Такое соревнование

одних капиталов между собой не есть еще то условное, необходимое соревнование всех сил общественных между собой. Только эти одни силы, одновременно выдвинутые все вместе, и могут дать общность движению, которое требует для полного преуспевания уравнивания всех этих производных сил. Развитие одной какой бы то ни было отрасли при застое других окажется впоследствии несостоятельным по тому же самому общественному закону, требующему уравнивания всех интересов вообще. Вот почему я и думаю, что неправильно вы бросились с таким ожесточением на железнодорожное дело; такое направление всех свободных капиталов, сосредоточение на одном предмете не могло не затронуть, не задержать земледелие и промышленность, этих ваших, однако же, единственных и двигателей, и спутников. Если же мои выводы тебе покажутся ошибочными, то скажи одно: вздорожала ли заработная плата и не ощутительнее ли был недостаток рабочей силы, вами отнятой! Если так, то я прав в своих заключениях, прав в предположении, что все ваши акции, облигации неминуемо падут в своей искусственной ценности; прав и в том мнении, что с железными путями удешевеют заграничные изделия и убьют вконец нашу народн[ую] промышленность.

Ты видишь, любезный друг, что я до того одержим одною и тою же целью, что делаюсь тревожником — а ведь алармистов* наказывают — что делать мне? — хочу и только видеть Россию государством промышленным и потому независимым, самобытным. Покупайте как можно менее и продавайте как можно более! — сказал бы я! Но увы, продавать вам нечего — хлеба вашего не хотят, по вашей цене особенно, а покупать необходимо вам все и вся! Умела же Франция сделаться независимою от вас! — умеете же и вы сбросить это иго всего чужого! Но для этого, о отсталость, я предлагаю что же? — покровительственную на время систему. Как младшие на поприще всякого преуспевания, мы должны держаться условий нашего возраста, условий именно тех, которые и содействовали народам выравняться с опередившими их! Вы ищете богатства, и вы думаете, что оно в одном состоит процветании земледелия. «Земля есть, на что нам иное; мы будем их кормить, а они станут нас одевать, обувать

* От alarme — тревога (франц.).

и пр.»—«Нет, я более 24 пудов не съем в год, а издержу тысячи на другие теперешние нужды!»—«Укажи мне одно государство, обогатившееся земледелием, а я тебе укажу на голодавшую Англию, обладающую всеми богатствами в мире».—«А пауперизм»,—мне скажешь.—«Пауперизм не бедность страны, он доказывает неправильное только распределение богатства». Вопрос чисто социальный, а не экономический! Что воздело (не говоря о учреждениях) Соединенные Штаты до того торгового, промышленного могущества, если не та же запретительная система, которая и теперь в действии по некоторым отраслям? Знаешь ли ты, что сам Манчестер заявляет себя протекционистом, так трудно выдержать ему соревнование Фр[анции], Бел[гии] и Гер[мании]³. Вот, любезный друг, что значит промышленность, пущенная в ход, при содействии, конечно, не одних капиталов и требуемых ею учреждений. Я невольно увлекаюсь этим предметом, как будто завещаю тебе судьбу моих любимых мануфактур, без которых вы не только не будете богатеть, но даже и беднеть, и стесняться во всех ваших общественных приемах! А ты говоришь о желании поднять курс.

Падение хроническое неудержимо. Впрочем, есть и против этого средство, но вряд ли применимое к желудку вскормленного на одном хлебе. Некто Боутлов⁴ держится следующего рецепта: всякие две недели продает на два миллиона долларов и золота и на эту сумму выкупает казначейские свидетельства; американцу, так же больному, стало до того легче, что он усилил прием и тот же оборот производит еженедельно: странный чудак! уверяет, что все искусство состоит не в выпуске, а в выкупе! Друг мой, говоря вскользь о курсе, должен вконец обратиться к сущности твоего письма, поблагодарить тебя хотя за краткие строки и вместе и за большие деньги. Не говорю о себе, созданная же тобою капиталистка Варя, конечно, понимает, чем она тебе обязана теперь, но я надеюсь, что со временем поймет и то, что с приращением нашего ежедневного долга приращаться будет и ежедневная обязанность тебе его выплачивать! Бог ей поможет! Ты мне говоришь: «Настанет отдых, тогда и займусь близкими моему сердцу!» Когда же ты не занят нами? Если пала на тебя счастливая доля той благотворной деятельности, деятельность эта не оторвала тебя от друзей твоих, они с тобой, как с ними и ты, друг наш! Благослови тебя бог!

Я думаю, что и Лизавета Григорьевна не томится бездействием; напротив, жизнь ее так полна, что не без сожаления расстанется она с Павловкой, где столько развлечений для ее ума и столько утешений в виду крепнувших и добревших степовиков-малюток. Давно, давно я вас и их не видел!..

Как вы разъехались с Неллей! Она мне писала из Москвы, и вместо того, чтоб выписать в Орел семью, она отправилась за нею в Воронки, чтобы съездить оттуда в Павловку. Ожидаем окончательного извещения о выезде к нам! Ты мне говоришь, что и я также век тебе не писал — не понимаю, куды могли залететь мои письма! У нас все неладно: Варя все возится с пальцем — ноготь выпал и теперь облеплен воском! Авось после 3-х месяцев не примется ли опять за свое ф[орте]п[иано] через неделю. Сверх сего она и мать раскашлялись и пр. Невыносимые жары развели какую-то influenza, которой они и подверглись. Им легче. На днях была у нас К. И. Невельская с 2-мя дочерьми. Представь себе, что Лариса и она стояли всю обедню обок друг друга и разошлись, не узнав себя под масками времени! Все та же милая, полная чудной жизни женщина, но увы... где же она, бывшая! Весь день пробыли вместе и съездили к ней в Лозанну, где она поселилась по указу Г[еннадия] И[вановича], который считает Женеву за гибельное место!⁵ Прости мою болтовню, друг мой, крепко-накрепко тебя обнимаю! Все наши вам вместе и приветы, и благословения. Приезд Нелли будет вдвойне для нас утешителен — она была среди вас, дорогих.

А. П.

122. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева, 15 марта 1869 г.]¹

Друг наш Михаил Сергеевич, вспомни о нас, твоих всегдашних данников дружбы и признательности, как мы вспомнили о тебе, о Лизавете Григорьевне и всех вам милых! Дай бог, чтобы праздник этот был полный радости и чтобы мы, в свою очередь, не оставались без вести о вас!² Право, и грустно, а подчас и невыносимо! Как быть? Не всегда ум расположен таким образом, чтобы толковать молчание в добрую сторону; набегают же и темные точки.

Почти два месяца — хотя Нелля и редко говорит о вас, но все-таки под раз и встречается вы; на беду же и она затихла при вечных и нескончаемых ее заботах! Теперь она остановилась на решительном моменте выезда или же отсрочки, такого достопамятного происшествия в ее отшельнической жизни! Приближается и вам срок того же решения — куды направить свой летний ваш бег? За всеми твоими по делам общественным хлопотами успел ли ты привести свои собственные к окончанию и успел ли ты *coûronner votre édifice*?* Готов ли, наконец, твой терем и выказал ли Иван Михайлович должные зодческие способности? Сколько вопросов, которые за отсутствием моего памятного старика остаются невыясненными. Как помню его все номера и всю их троику к нам дружбу!!

Варя вся расстроенная, говорю тебе по истине, пишет тебе и описывает вкратце свои впечатления. Рубинштейн, этот звуковержец, заглушил ее и потряс все ее жилки донельзя. Слышала она многих, но ни один не действовал так глубоко на нее! Я изумился, знаешь чему, это его аккорду! Что за сила, что за протяжный и могучий звук в этом его слове! Что за певучесть, что за нежность в заморающих его звуках! Профессор Бове находит, что в последнем он *выше* Листа и одинаков с ним в силе!³ Изгнанный, как я слышал, со своего петербургского олимпа, мне кажется, он вынес какое-то грустное болезненное чувство, которое выражается в его злой, неукротимой игре! Я расположился обок его и не мог надивиться этому дуализму, который выражался в нем; с одной стороны, бешеный ропот, гул рук и неподвижность, холодность, мертвенность в его чертах! Какая-то холодность будто бы отчужденного от всего жизненного человека. Я уверен, что он пойдет еще далее — если это только возможно при таком влиянии на него, вероятно, таинственных каких-то потрясений. Он очень слаб ногами и старых костей не достигнуть! Как ни возмутителен он для Вари, а надо идти на все его четыре концерта — это более, чем уроки! Она эти дни возилась со своим немцем и одна, без всякого постороннего пособия разыгрывала две сонаты Бетговена и одну Мендельсона и, право, недурно. Играя, как всегда, горячо, немец только и покрикивал: *fin lento, lento* **.

* Достроить ваше здание (франц.).

** Конец медленно, медленно (итал.).

Jaга* не давал уроков это время, будучи занят своим концертом!

Довольно. До свидания, Миша мой Сергеевич, господь с тобой и с вами. Пишите бога ради.

А. П.

123. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 8(20) апреля [1869 г.]¹

Благодарение передаточным значкам, вызвавшим тебя, друг мой Михаил Сергеевич, хотя на время из Куликовского твоего поля к берегам Лемана!² И как спешно ты совершил свой путь, сейчас же вспорхнув на то же болотце!! Явился метеором, встревожил донельзя кружок и отлетел, бросив нас в грустном раздумье! Ужели это так и будет, как ты говоришь? Ужели тебе не быть на отдыхе и не подышать на свободе привольным живительным Павловским воздухом? И все это при твоём здоровье? Право, и грустно, и невыносимо! Но я под впечатлением такого неожиданный предположения понесу свой обычный вздор на том основании, что, не будучи Талейраном, слово мне дано не для затаивания моей мысли, и вот она ошибочная, быть может, но громкая для тебя³. После вынесенных тобою трудов при составлении твоего проекта ты теперь высиживаешь уступку и, как вижу, высиживаешь, толкуя обстоятельства в свою пользу. Выпуск облигаций на Ник[олаевской] жел[езной] дор[оге]⁴ тебе служит новою надеждою, и два раза ты возвращаешься к слову или, лучше, к желаемому выводу: «значит». Тут мы и расходимся с тобой, и вот почему.

Тут две, даже три, по-моему, непреодолимые противодействующие причины по времени для достижения твоей цели. Первая из них и самая крупная состоит, как видно, в принятии финансовых мер против несвоевременного вторжения требований на новые уступки. Понятно, что тут не равнодушие к процветанию или же к развитию жел[езно]дор[ожного] дела, а чистый расчет, и вот почему. Не станем входить в исследование причин, которыми руководствовались разрешители, не будем говорить, основательны или нет были их предположения в данном предпочтении одной дороги над другой; в задержке такой-то

* Искаженное *läh* — внезапный, быстрый; стремительный (нем.).

именно или же в горячем содействии к заложению другой — все это порешено, покончено, и надо принять завершенный факт со всеми громадными его условиями. Первое из них — поддержать, оградить, упрочить дело при его начинании, дело, обнимающее не только один государственный интерес, но и интерес общественный. Не есть ли тут первая необходимость оградить уже заложенные пути и как не дать предпочтение условиям жизни над условиями предполагаемого зарождения? Как остановить выпуск 75 мил[лионов] облигаций и проч., еще, вероятно, последующего за ними, после всех затраченных на дело капиталов. Или я ошибаюсь, или же оба затянутых в дело министерства руководствовались особенными соображениями, непонятными для меня, чтобы не сказать почти наверное, что до покрытия выпущенных и имеющихся в виду облигаций концессии, конечно, будут все остановлены! За финансовою мерою следует и другое препятствие для ускорения твоего дела. Государь едет в Крым; некоторые министры за ним, другие на отдых, и при таких условиях администрация не действует, а откладывает только дела! Есть и третья еще причина, но ты по своим правилам не сумеешь ее отвратить не всегда успешное влияние*. Все эти причины я собрал, как собирает вдовца оставшиеся по жнитву колосья; не для того, чтобы насытиться, а как-нибудь заглушить впечатление и надеяться, что обстоятельства выяснятся и ты, мой труженик, вырвешься на свободу! И что за жизнь будет семье твоей без тебя в Павловке? Нет! — не быть ей...

Отдел медицинский.

Ты не отвергаешь сиропа и ожидаешь разрешения патентованного — быть так! Но я замечаю, что ты живешь при свечах, — очень жаль!⁵ Впрочем, при моем средстве свет этот лишний. Зарейнец именно и попадает под приступ при употреблении свечей. Дело твое длится, и я теряюсь в догадках. Умоляю еще раз о сиропе! Николай Андреич, смилуйся над нами!

Отдел педагогический.

Вчера был у нас А. Н. Кривошапкин; расхвалил Л. А. Крюкова и сообщил нам, что он занимается с твоими птенцами. Рассказывал о горестной кончине старика! Какой выбор города, где после стольких странствований

* Так в подлиннике.

ожидали его холера, смерть и разорение всего семейства!⁶ Эллина увижу и подробно изведу и допрошу⁷.

Ты меня нисколько не изумил числом незанятых кафедр — и быть иначе не может! Относительно 10-го процента, получаемого годных из отправленных за границу, скажу так: «Ужели лучшие ученики обращаются в болванов и должны таковыми оказываться одни только русские?» Не лучше ли, если так подозрительно, так недоверчиво смотреть на пагубное влияние заграничного дообразования и при такой легкой восприимчивости всего зловердного не лучше ли всю эту молодежь (ведь посылаемые за границу составляют цвет университетский) не выпускать и держать под спудом и не подвергать такому соблазну, который их срезывает, говоря их языком, и окончательно разрывает всю связь, образовавшуюся между принятыми понятиями и заданной себе целью!! Такой разрыв отзывается часто на всю жизнь учебного труженика!..

Относительно беспорядков, признаюсь тебе, друг мой, что, несмотря на мой 70-летний годок, я еще не успел себе уяснить с точностью смысл, придаваемый в смысле полицейско-административном словам: порядок и беспорядок!⁸ Право, не знаешь, на чем остановиться, так сбивчивы все мнения в наш пошатнувшийся век! Казалось бы, все искусство состоит не столько в преследовании, сколько в исследовании причин, зарождавших беспорядки. Жаль, жаль гибнувших...

Отдел семейный.

Видно, ты был в ударе, друг мой, если сумел письмо свое обратить в фирман и заставить вздрогнуть сердца воронковские. Не говорю о Нелли, которая как-то особенно усмирилась, но и сам богатырь Алекс[андр] и тот согнул выю и принялся за кирпич⁹.

Пора было направить их на это, конечно, святое дело! Бедная Нелли! Она в каком-то переходном состоянии сердца! Твое слово сделалось для нее законным, и она ему повиновалась так легко, несмотря на представившуюся борьбу с страстным желанием расстаться хотя на время с Воронками! Взять в расчет все, что она вынесла это время: падеж, тиф, оцепление двора от всяких сообщений, болезнь Миши под страхом несчастий, постигших Нонушку и Вас[илия] Арк[адьевича], все это так подействовало на нее, что ей хотелось вырваться из этой удушливой

тюрьмы и подышать несколько на нашем воздухе. Твое письмо все остановило, и вот она хочет приняться за дело и из опасения для Миши собирается на зиму к нам! И она хотела было на 6 недель дать себе волюшку при ее средствах, которые, увы, немногочисленны. Жаль только, что Сережа все лето проведет в одиночестве. Я просил, сколько мог, приступить во что бы то ни стало к закладке храма и сделать это в присутствии съехавшихся в Эгуровку родных. Как жаль, что тебя обстоятельства задерживают съездить к ним... Она так одинока, несмотря на заселение численное.

Отдел гастрономический.

Итак, устрица заявил свои действия и даже не удостоил меня подарить и словечком! Впрочем, здесь не что иное, как небрежность и недостаток времени всегда чувствуется у черепокожих! Я тебя не понял и для большей верности посылаю общую расписку, не зная ни времени, ни содержания сохранной расписки. Благодарю тебя, друг мой, за все твои спешные труды.

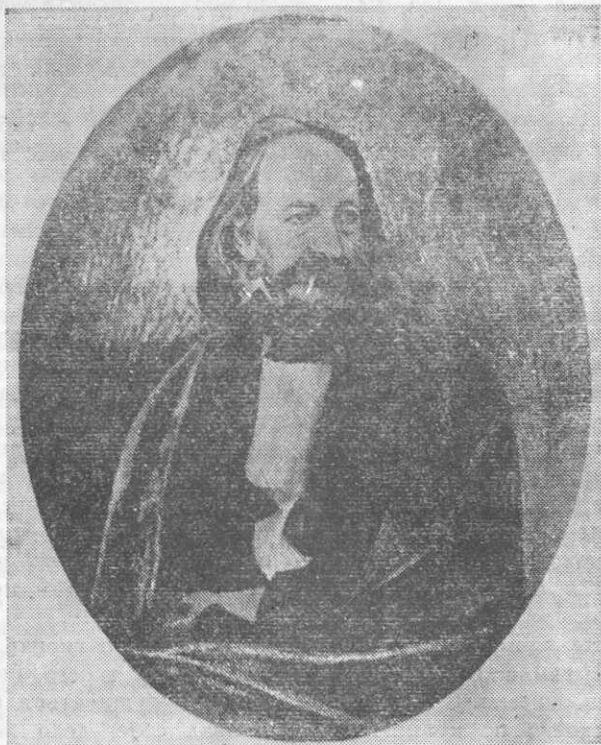
Отдел по части High-life.*

Мы познакомились с княгиней Трубецкой, Морни, Сесто¹⁰ через Лиссаневичеву. Последняя, заметь, не папенька и не маменька, хотела выказать дар Вари, и устроен был дуэт. Виолончелист Шунке играл Мен[дельсона] и Бениговск[ого] и довольно удачно!¹¹

Моя Варя, сверх того, выдержала свой другой экзамен, и сказали о ней: M-lle P[oggio], c'est elle qui saisie à la volée**. Музыка и занятия, право, ее поизнурили — такое умственное развитие всегда производится в ущерб телесному, вот и решили мы с советом Strölin взять ее на воды в Моржен. Слабожелезистые воды, горный воздух и отдых, быть может, укрепят все вместе ее слабый организм. Это будет в начале июля — воды эти в вершине прекраснейшей долины Illice и примыкающей к Роне в виду Aigle. Расстояние и издержки небольшие. К тому же и жена в мизинце правой руки и в суставе правого колена чувствует такое болезненное ощущение, что и ей советует S[trölin] то же испытание. Не говорю о себе; факт лучше и доказательнее уяснит предстоящее дело.

* Светской жизни (англ.).

** Мадемуазель П[оджио], она ловит на лету (франц.).

А. В. ПОДЖИО

Фотография 1860-х гг.

Публ. по: Голос минувшего. 1913. № 1

После холодного, снежного марта наступил апрель, а за ним и солнце. Женева вся в зелени и в цвету. Сегодня выставка от общества садоводства, и мы идем ею с Варей любоваться. Как тебе нравится пущенное празднество в честь 100-летнего рождения родоначальника de la dynastie providentielle?^{*12} А сближение испанских Бурбонов на обед у Изабеллы под влиянием миротворца!¹³ и все это в угрозу выбора Монпансье! Что за сатанинское стремление раздувать пламя раздоров. Он забывает, что там Кастеллар на страже! Читал ли ты бой двух пред-

* Династия, ниспосланная провидением (франц.).

ставителей, фанатизма Мантскара и веротерпимости Кастеллара? ¹⁴ Прочти, пожалуйста, хотя бы для того, чтобы видеть, как самые противоположные убеждения ведут к одному и тому же одному красноречию!

До свидания, друг мой дорогой, господь с тобой и с вами всеми! Крепко, нежно пожми ручку от нас троих Лиз[авете] Гр[игорьевне].

124. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 8(20) мая [1869 г.]¹

В кои веки отлучился из дому, и по случаю плавания моего в Vevay я сутками позже получил твое письмо, добрый друг наш Михаил Сергеевич! При ожидаемом письме какое неожиданно известие! Пташка твоя уже вспорхнула, воспрянет и наша дорогая Лизавета Григорьевна! Время, когда сударушка забирается внутрь, миновало, и при несомненном сбережении здоровье будет восстановлено! Со всем тем какие все тяжкие болезни выпадают на долю княгини. Подальше от болота и поглубже в степь, вот мой рецепт, и скорее его к исполнению.

А ты, мой труженик, ужели тебе суждено гноить себя в этой гнилой, удушливой среде? Я до твоего письма знал из газет, что дорога твоя будет обсуживаться после Либавской²; по крайней мере, сказал себе, дело вскоре так или иначе выяснится, и ты будешь свободен.

Решение, кажется, не подлежит одним или другим вероятностям. Допустив однажды состязание и упрочивши дело за дешевизною, конечно, монополисты тебя вытеснят, и дело их рук не минует. Допустивши игру при самом начале действий, ничем не обозначивших еще материальную сторону дела, значит допускать подложный искусственный подъем ценностей, не имевших своей нарицательной цены, и посредством такого злоумышленного обмана завлекать к гибели слепо верующих корыстолюбивых второстепенных невежд!³ Если такое своеволие обогащает некоторых, то сколько жертв гибнет от этого порядка беспорядка. Конечно, если бы я имел где-нибудь голос, то первый подал бы его в неперемнное ограничение в подвижности акций, поступивших в основной капитал всякого предприятия до приведения последнего в окончание! «Это нарушение прав собственности» — нисколько; запрет вре-

менный и право полное приобретать при довершении лишь дела. 2% замедлит, охладит дух предприимчивости, охладит дух спекуляции, заносчивость, и собственно дело, движимое сочетаниями благонамерения, общественного с частным изученным и потому верным интересом, будет развиваться. Конечно, в должных размерах, соответствующих истинным нуждам! Вся эта ваша биржевая игра, эта беготня за премиями дает, конечно, делам толчки, движение, но это не жизнь, а лишь припадки болезненного организма, нет — это не благосостояние, и висячий над вами финансовый меч скоро своим острым денежным кризисом гибельно отрезвит подвизателей, упивающихся отравой ложных предприятий. Положение вексельного курса открывает печальное шествие погребения кредита! Это не случайность, нет, в финансовом деле — это естественный неизбежный ход выходящего из берегов бумажного потока. При усилившемся по случаю заказа ввозе и при уменьшении вывоза язва выказалась, и трудно ее будет залечить без коренных средств.

Сбережение по всем отраслям, направить капиталы на развитие производительных сил; создать промышленность и довести до того, чтобы мы могли выдержать соперничество, которое нас теснит и вышибает со всех рынков, где мы затрачиваем последнее наше золото; возвести земледелие на степень науки для удешевления зерна; вот бегло отчасти наброшенные средства не то чтобы упрочить шаткость бедного нашего бумажного рубля, а чтобы осуществить великую цель независимости России от Европы в отношении ее превосходства в умственном и вещественном смысле. Есть завоевания мирные помимо нарезных пушек — они-то нас бессознательно для нас и порабощают! Какое тут поле для выводов условий практической жизни... но довольно; с тобою одним я заговариваюсь, зная твою терпимость к мнениям, без которой не признаю человека, образованного. От частного твоего дела дошел до общего дела всех. Однако же и вздор должен быть последователен, и я, благодаря тебя за оказанное содействие в денежном моем деле, прошу тебя, если ты взялся быть ответчиком за устрицу, выслать мне должны им 250 р. Последовательность выражается этою просьбою, основанною на предположении понижения нашего курса. Сверх того, я думаю, как я тебе писал, выехать в конце июня на воды в Morgins, и там в пустынных

горах надо иметь некоторый на всякий случай запасец. Очень буду тебе благодарен. В поездке моей в Vevau, куды я был вызван отъезжающими дамами для отдачи мне последнего лобзания, с какими утешениями слышал я похвальное слово В. Д. Арнольди в честь благородной устрицы. Эти стороны хорошо, но воображаю, в каком положении хозяйство, он же и entre* льющих и при помощи Петра Александровича!!⁴ Я не получал еще твоего письма и просил некстати Биби[кова] промолвить ему словечко. Нет humeur** на этот раз, чтобы поговорить тебе о поездке и о двух по части медицины анекдотах для друга нашего Н[иколая] А[ндреевича]. Впрочем, он тебе нужен, и не надо его сердить. Однако же не могу я пройти молча при тускло, печально озаряющем твоим освещении и не выказать тебе туманные действия, прямо вытекающие от такого ложного света. Подражать надо, конечно, великим, но и не смешивать с ними сильных, ибо сильные еще не велики — а я вижу у тебя подражание тому, который, бедный, денно и нощно работает, трудится вооружаться при свечах!⁵ И что же? до чего ослабело его зрение! чувствует свои черные точки и не видит их! Площадной выходец, он площадным и остался; и под прежними впечатлениями высматривает, выжидает баррикад, а их-то и нет и не будет! Видит какие-то уличные побоища и не видит выступающие тени Кантагредя и Рошфора, тени неуязвимые и готовые обратиться в плоть и кость!⁶ Но пусть это будут тени хотя бы и китайские, но какое заявление господствующего негодования, презрения в избирателях к власти, опирающейся на одну силу! Представитель полицейского права (говорят, что многие приезжают слушать его извращающее безнравственное учение), видя свою ничтожность, свое выказавшееся бессилие, несмотря на 60 000 заряженных Шаспо и на сомкнутые колонны своих израитов⁷, должен среди самого Парижа отказаться от своих кандидатов и поддерживать кого же? Самого Ollivier, который, чтобы пройти и оправдаться перед избир[ателями], просит, умоляет их не оскорблять его именем правитель[ственного] кандидата!⁸ и его теперь правительственные газеты и поддерживают! Ollivier говорил, что свобода возможна с 2-й империей, и

* Из числа (франц.).

** Настроения (франц.).

не понимал ее иначе, как с присвоениями всех утраченных вольностей! Пойми тут какую-нибудь последовательность в общих всех действиях! Какая рознь, какое разъединение в восставшей демократической силе! Сами же освистывают кого же? Фавра, Мари и пр[очих], другие Банселя, Рошфора и пр[очих]!⁹ Впрочем, вопрос при этом брожении умов не в том, чтобы ему быть или не быть, а какой исход дать всему этому вызванному им движению! Вопрос угрожающий, разрешения которого опасаются все французы, взятые вместе! Боятся они не его, а самих себя! Так безверие во все и социалистические понятия обняли все общество! Поддержкою клерикалов он усилил безверие и противодействием еще более развил социализм! Вот чем он ознаменовал свое появление! Вот чем поясняется временное его пребывание на этом *parc de bois couvert de velours* *¹⁰, как дядя отзывался и чем еще более объясняется сдержанность в революционных приемах теперешних двигателей. Перед празднествами 100-летия рождения дяди он счел нужным послать к нам Вульского в напоминание могущества наполеонидов!¹¹ Вспомнил бы он, временщик, что русские прошли победно всю Европу и оставили после себя не развалины, а благословения и что у себя умели превращать в пепел и в развалины, то это потому, что русские умеют защищаться. Севастополь — не развалины, а памятник того, что было, и того, что должно исполнить в будущем! А еще и то, что Мюрат в Персии, а Плон в Аграме!¹² Несдобровать от свечного света при солнце. Не говори этого другу Н[иколаю] А[ндреевичу], но скажи ему большое и мое спасибо за всех вас. Сделай одолжение, Миша мой Сергеевич, не оставляй меня и напиши хотя два-три слова о ходе выздоравливающих. Крепко, крепко целую большую рученьку дорогой нашей Лиз[авете] Гр[игорьевне]. Варя прикладывается к ней своими устами и друзей малюток обнимает. В адрес наш *Près l'Evêque, pension Picaud, Женева*. Лар[исе] Анд[реевне], а не мне.

Нелля выслала депешу из Киева, и 1½ м[есяца] как не пишет. Мир праху караульного, как он себя называл!¹³ Лучше кончить там, чем в Женеве. Последовательнее! Господь с вами. Бедный ты! Как-то прочтешь меня...

* Кусочек дерева, покрытый бархатом (франц.).

[Женева,] 26 мая [1869 г.]¹

Слава богу! Друг мой Михаил Сергеевич, вы все воспрянули, вы все от сего мира и в особенности наша Лизавета Григорьевна, и такое милосердие божие смягчает ужасное бедствие, постигшее дорогую Павловку!! Сколько сливалось и надежд и сколько трудов приложено было к этому уголку! Сколько раз произносилось это имя Павловка с тем чувством благоговения, и радости, и утешения, как к месту, в которое так долго вносили вы и труд, и денежные средства, и все свои умственные помыслы. Сверх всего, сколько тут было и сердечного! Сколько тут отпечатков осталось, так живо напоминающих наших бывших! И эта-то светлая точка обратилась в черную? Нет, друг мой, да не будет ничего черного, мрачного, и пусть это грустное пепелище обратится в живое, в вполне какое и было, отрадное становище! Пусть эта Павловка будет тою же пристанью, куды ты будешь не раз завозить свое усталое тело на отдых! Вы, мои философы, так твердо, так стойко стоите на этом пепелище, что, право, мне совестно возмущать вас своими соболезнованиями — а между тем как воздержаться от них при виде этих обгорелых стен и которые будут беспрестанно бросаться вам в глаза. Была бы собственно потеря капитала, неудача в предприятии, пожалел бы, как случается, при течении дел — но здесь огонь, пожирающий не только труды целых годов, но оцепляющий даже и будущность. Сколько, не говорю уже денег, а сколько времени тебе нужно, чтобы все это восстановить и приводить в должное действие?? И тут за отсутствием дорогого старца позволь мне за него сказать тебе *матку правду* с должными нумерами.

1) обсудите, какие именно крайне необходимы постройки; 2) распределите время очередной их постройки; 3) определите точный им размер; 4) соедините простоту с прочностью; 5) главное — чтобы все постройки стояли отдельно одна от другой, а амбар в особенности. Здесь я изменю папе и не умею идти далее и предоставляю тебе добавить дополнительные пункты. Я воображаю, как у вас вследствие железной дороги повысилась задельная плата и как это обстоятельство разорительно отзовется на твой капитал!

А между тем время не терпит отлагательства, к тому

же и цены не только не спадут, а повысятся! И под какое время это бедствие нас постигло! Я говорю нас, уж конечно, по сердцу и по интересу! Разве легко мне при теперешних твоих обстоятельствах затруднять тебя моими докучливыми просьбами и вводить тебя в издержки, которые не должны поступать в предстоящий бюджет!

Но ты проговорился, друг мой,—ты имеешь какие-то надежды, и теперь не время и тебя, и себя разочаровывать. Боюсь я за Ив[ана] Мих[айловича]², боюсь, чтобы этот удар не подействовал на его нравственные силы и чтобы ум его выдержал направления таких новых по месту его требований. Во всяком случае, не повести ему два дела в ряд, т. е. хозяйственное и строительное, при таких размерах! О, если бы ты был свободен! Ты не знаешь, какая была моя первая мысль. Не скажу — ты рассмеешься и сейчас бы мне сказал: «Да ведь ваши пути мочевые преграждают всякий другой путь». Так я должен усваивать час от часу все более и более мою ничтожность. Да вразумит тебя бог, знаю твою умственную, твою душевную силу; знаю, что вы все спасены! Нет, я сам не ропщу... смиряюсь и надеюсь, и при всем этом все чудится мне страшная картина! Здесь мы, втроем, говорим и не можем наговориться! Говорил много и не благодарил тебя еще за высылку денег! Миша Сергеевич, друг мой, вся моя жизнь обратилась в благодарность и не столько за твои вещественные пособия, сколько за те отрадные чувства, которыми ты преисполнил мое хотя и отходящее сердце! Благослови тебя бог! Ни слова от Нелли и вот уже два месяца, за исключением одной в промежутке телеграммы. Если это обычная лень, небрежность, то я и вынесу; но если тут что-нибудь другое, то будет мне крайне больно! Твое письмо застало меня глазами и сердцем обращенного в Париж! Спасибо ему, восставшему за право свое и всех!³ Я, как русский, не могу и не должен забывать развалин Севастополя и Ржонда!⁴ Пусть же он несет должную кару! Как метко определил Жиранден, его сподвижник⁵, le serviteur de Paris: «C'est le delit prévu par la loi et qualifié d'exécration <...>* à la haine»**.

* Одно слово неразб.

** Слуга Парижа: «Это преступление, предусмотренное законом и определяемое как осквернение святыни, <...> ненависть» (франц.).

Завтра откроется Пандорова урна и провозгласит окончательно его заклеяменного. И как не назвать ее Пандоровою, если она, согласная в общем негодовании, разъединяется в выборе кандидата, ослабляет себя и невольно усиливает противника? Фавр против Рошфора, Пажес против Распайля, Альтон-Ше против Тьерра!⁶ Что за бестактность, что за явление, где личности поглощают общий интерес. Соединился бой в Париже, тогда как он должен был объять департаменты. Все эти Фавры, Тьеры были бы большинством выбраны вне Парижа, а этот предоставить радикалам. Оттого утрачено и большинство, утрачена и несомненная победа. Рошфор не политическое лицо и не мог служить знаменем — но это вывеска общего негодования, ненависти, презрения, омерзения к его не личному, а *уличному* правлению⁷. *L'incapacité m'a connu et m'a vu**. Довольно.

Итак, в добрый вам путь. Неси и водвори вас господь. И как ты сумеешь все это и уладить, и устроить. Мы думаем ехать в Morgins 29-го. Пиши по старому адресу: Picaud. Пора моей Варе отдохнуть. Повсюду урожай, и вряд ли придется вам продавать, а покупать неминуемо, и вряд ли при таких условиях курс подымется. Все мы трое вкупе вас обнимаем, благословляем. Малютки после кори поправятся — дай бог того же Лизавете Григорьевне.

126. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 1 июля [1869 г.]¹

Наконец после всех наших странствований мы у пристани, мы в Женеве. Задыхаясь от солнца, от пыли и от скопившейся толпы иностранцев, в особенности англичан! Мы у пристани, но ты, любезный, дорогой наш, где ты? Последнее твое письмо, полученное еще в Моржене, так было раскинуто в предстоящих твоих действиях, обнимало такое пространство, что догадкам даже нет места, и я решился, не давая ходу воображению, выждать твоей вести! Весть, как я полагаю, будет соответственна всем моим требованиям, и много найду я пояснений! Как ты умел возбудить мое любопытство и остановиться на самом занимательном изложении. Скажу тебе, что Лозаннская газета, которая как-то интересуется нашими делами, воз-

* Бездарность я знавал и видывал (франц.).

вестила, что Царицынская дорога будет открыта в будущем году, и прошу не обесславить ее и не упрекнуть ее в лжи!² С тех пор, т. е. со времени твоего письма, я не имел никаких известий о дорогих степовиках; Нелля писала, но ни слова о вас и о свидании с вами. Она же решила поместить Анюту в каз[енное] зав[едение], и не знаю почему выбрала на первый раз Питер! Какой дальний путь, какие издержки, когда Киев под рукой и можно бы было по возвращении из-за границы сделать заодно и помещение Сережи! Лучше бы было свидеться с вами в Павловке, чем пускаться в такой путь без всякой спешной причины! Как вопрос ее, не говорю счастья, а собственно спокойствия, будет все более и более усложняться!..

Я тебе писал о Варе, как случайная заноза, причинявшая ей нестерпимую боль, задержала приращение сил, и представь себе, что о сю пору, конечно без страданий, но палец сбрасывает ноготь и не дает ей возможности им владеть как следует. Вот уже 33 дня, как все это продолжается и нет музыки поднесь. Кажется, еще будет ей терпения на неделю. Мы пробыли 4 недели в Morgins, 3 в Territet Chillon и неделю в Nysse. И только что хотели настолько же выбраться в Coppet, как получили телеграмму от своей Пико, что Каstellар выезжает и наши комнаты очищены. Я сейчас отправился в Женеву, и случай, таким образом, свел меня с бывшим некогда изгнанником, а теперь главою многих и многого³. Не знаю, читал ли его две речи, *in extenso* *, в коих одна касалась свободы вероисповедований? Речь эта печаталась особенным листком и имела огромный успех, особенно в Германии! С какою девственною радостью, простотой рассказывал о тысячах телеграмм и адресов поздравительных, полученных им со всех концов мира! Он покинул Мадрид на две недели, чтобы отдохнуть и освежиться, теперь же отправился в Париж! ** Из всего разговора приведу несколько мыслей, которые характеризуют и человека, и дух нашего времени! На замечание, которое я сделал о том, что нахожу его не слишком уверенным в своих идеях и что в политике при всеобщем свободно осуществляемом голосовании надо быть существенно уступчивым, он мне сказал: «Ска-

* В целом, полностью (лат.).

** Далее по-французски.

жу вам, в Испании королевская власть невозможна, и почему? Потому что, поддержанная партией священников, она будет реакционной; реакция вызовет революцию, а революция — это кровь, а ее я не хочу!» Этих нескольких слов достаточно, чтобы показать кастильца красным в глазах дона Кальдерона, тоже депутата⁴, его спутника в путешествии и задушевного друга, хоть всего лишь прогрессиста, и вот я и мой французский в стороне и слушаем, как они бранятся, а дон Эмилио, всегда сохраняющий хладнокровие, которое не покидает его никогда, даже на трибуне, улыбается той извиняющей улыбкой, которой даруют заблуждающегося. Самое вероятное — это кандидатура принца Астурийского и регентство⁵, раз Монпансье и республика оба сейчас невозможны. Кстати об Испании — больной все еще продолжает доказывать свои непризнанные способности, он начал с покровительства Изабелле, с разрешения на вооружение банд карлистов⁶ на границе, а теперь, когда он пролил кровь, теперь он отделяется от первой и разоружает вторых. Бедняга! Надо же было плохой мочевой пузырь к дурной голове, которую он носит!! И снова этот мочевой пузырь! Имели ли вы возможность следить за всеми колебаниями мошонки по мере того, как она пустела или наполнялась? Вот элемент силы, который ускользнул от наших экономистов и о которой финансовый мир даже не подозревал. <...>* мир в тревогу! Это забавно! И вот человек, который после 18 лет царствования никогда ничего не сумел организовать, основать! В день возможной передачи <...>**.

127. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ***

Женева, 22 с[ентября 1869 г.]¹

Вы до того просолились, любезнейший Николай Андреевич, что, предохранив себя от всякой порчи, вероятно, благополучно достигли пресные воды Невы. Итак, несмотря на все мои неопровержимые доводы, что человек не рыба, не черепаха и еще менее огурец, вы, видно, следуя общей и своей мании, 11 раз опускались в рассол!! Скажите же, наконец, если на ходу жизни вы уже принимаете

* Одно слово неразб.

** Письмо не закончено.

*** Помета Н. А. Белоголового: «1869—1870».

тес за цифру 40 ванн, то к какой другой должно вам будет прибегать под старость? Говорят испытатели (не я), что есть местности по берегам океана, которые заключают до 90 гр[аммов] хлористой соды на один литр любимого рассола, так вот вам и предстоящая для вас мера и надежда — все это доказывает несостоятельность вашей латинской поварни. На этот раз довольно с вас и пойдем далее. Очень рад, что вы поустроились и подготовились с новыми силами к делу: помогайте страждущим! Много их всякого рода!.. Включите и меня в этот их разряд, хожу по улице мостовой со своей грыжей и пузырем и больными глазами. После нескольких дней вслед за вами тронулась ваша пациентка сухим путем, а мы мокрым в Nyon, где, проживши неделю на террасе, вдавшейся сажени на три в море, должны были вместо Corpet отправиться в трущобу, куды вызвала нас депеша M-me Picaud. Нечего делать, сложили свои шпарталья, поплыли и застали Кастельгара, еще не выехавшего. Это свидание послужило мне убеждением, что есть еще люди, которые неизменно идут к цели, несмотря на монбланы, встречаемые на пути жизни. Это все тот же добрый, простой, неуклонный человек, которого я знал два года прежде теперешнего его заключения. Какое он навевает спокойствие! Счастливец! Здесь мы поместились в прежних комнатах до приезда Елены Серг[еевны] в конце октября. Нашли г[оспо]жу Мердус с окрепшими ногами, а гр[афиню] Кот. также слабою, остается здесь до октября и едет на зиму в Vevay. Нашел здесь Ководаева — старого знакомого почт-когда-то — инспектора в Сибири — моложавый и милый старик! Он-то меня еще более вашего напугал насчет грыжи. Ему в Париже пропорол и штаны, и брюхо и вправили еѐ!! А я все остаюсь без бандажа. Таким образом дни за днем тянулось время, как вдруг 21 числа Женева вздумала пошалить и не на шутку: вывезла пушки, и если бы не заседал союз мира в Лозанне², на котором Гюго прокричал: «Plus de guerre homme contre homme, peuple contre peuple, race contre race»*, — то, право, хоть бы взяться за испуг — но нет, грохот пушек сливался только с восторженными криками 80-ти тысяч собравшейся толпы в ознаменование великого события —

* «Долой войну человека против человека, народа против народа, расы против расы» (франц.).

присоединения после 15-летней зависимости Женевы к Швейцарскому союзу!³ Чего тут не было — и в сказке не сказать. Город обратился в какой-то цветник — каждый дом был обвешан, обвит знаменами, гирляндами, каждый переулок, каждая улица имели свои расписанные зеленую, цветами ворота, через которые проходили эти тысячные толпы — чтобы поклониться воздвигнутому памятнику в честь памятного события. Не стану вам описывать праздник, имевший свой исключительный, особенный характер, но хочу упомянуть вскользь об одном явлении: 12000 детей обоего пола были собраны на площадь Plain-gaïain, оттуда, построенные по училищам, они отправились по 8-ми в ряд при своем каждая школа знамени, при своем регенте и своих учителях; женские школы при своих начальницах; девы все были в кисейных белых платьях, и весь этот разукрашенный поток обтекал монумент и забрасывал его при гимне цветами и гирляндами! Такая умственная сила меня всего потрясла до крайности! Представьте себе, что, следуя за этим потоком, где каждый из зрителей только и силился, как бы предохранить этих малюток, обратившихся в какую-то святыню, и, несмотря на весь этот и натиск, и отпор, Варя моя также вышла неприкосновенна сообщая с своим больным еще пальцем, — так эта толпа была осторожна и предупредительна в своих движениях!.. Ни одного примера кражи, буйства, грубости, и все это было навеселе после народных повсюду устроенных банкетов! Подивитесь: ни одной полицейской власти! И когда одному заметили это отсутствие: «Vous vous trompez; tout ce que vous voyez, c'est de la police, car et cerveau de nous fait la police»*.

Гюго не был, на приглашение ответил красноречивыми извинениями, ссылаясь на необходимый отъезд! Я думаю, не до Женевы ему... когда Париж в таком потрясемом положении!!⁴ Еще вопрос, отчего не слышать никого из русских медиков на конгрессе во Флоренции? Или уже вам нечему учиться, как и художникам? Не хотите?? Вконец Варя сбросила нготь — но все еще до того чуток палец, что еще не может играть на ф[орте]п[иано]. Еще недельки две. Л[ариса] А[ндреевна] жалуется более на слабость, чем на прежние боли. Одним словом, дожить

* «Вы ошибаетесь; все, что вы видите, это полиция, ибо и наш мозг действует как полиция» (франц.).

бы вам и нам всем не до Арвы, а до горного Morgins. Варя приготовила вам гёбус, и все мы вместе посылаем самые дружеские приветствия.

128. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 22 октября (4 ноября) [1869 г.]¹

Хочу я с тобой поделиться двойною радостью, друг мой, дорогой Михаил Сергеевич. Сегодня исполнилось Варе нашей 15 лет и сегодня же она и встретила 16-й свой год уже на ногах!.. Вылежала она девять дней в кори, и теперь, слава богу, она вне всех видов, принимаемых этой болезнью. На третий день, когда после сильного жару сыпь показалась, мы только и догадались, в чем было дело. Я сбегал за Strölin, этот вздернул опустившийся свой нос и принялся за дело; на третий день жар и кашель спали, и теперь всему конец. Лариса два раза перечитывала твое бывшее письмо насчет кори, и мы еще нашли в нем новые причины успокоительные. Теперь только могли судить о том, что перечувствовала и испытала Лизавета Григорьевна! Напрасно так родители предохраняют детей от неминуемой болезни; и не лучше ли их подвергать этому испытанию, пока они в детстве!

Но где же, наконец, и ты сам, и все твои дорогие? Вот уже скоро 2 месяца прошло от последнего твоего слова? Как-то ты направил, двинул и покончил еще только начало? А сколько еще впереди и после совершения этого начала? Я все надеялся, что Нелли с вами увидится и завезет мне свежие вести. Не тут-то было. Там опять события: болезнь и, как водится, смерть...² Бедная Нелли! ей суждено всех хоронить, утешать. Конечно, такие истинно чудные качества сердца и ума весьма редки, но чего стоит проходить через весь ряд таких грустных испытаний! И это событие помешало ей миновать все радости, которые ожидали бы ее в твоей семье! Она уехала и не виделась с тобой! Так предмет о будущности Сережи остался невыясненным! Можно ли его решить заглазно и без твоего решения? Наконец воронковские паны, паничи и свита тронулись, двинулись и добрались до Брод, откуда я получил депешу; другую из Вены; ночуют сегодня в Цюрихе, а завтра и выезд в Женеву. На беду эта корь, и боюсь, чтобы Нелля не встревожилась и чтобы все это

время не было отравлено пустыми опасениями. Не знаю, была ли корь у Миши и у Саши Р[ахманова], во всяком случае мы с Ларисой пойдем на встречу, а бедную Варю оставим в томительном неведении. Приготовили ей комнаты — у Флегеля и в Hôtel du Rhom, пусть выбирает сама. Все ее предположения нам неизвестны. Может быть, вздумает перенестись в Италию — туды нам не путь. Варя и слышать не хочет — она хочет слушать курсы в Casino, и ничто ее не отклонит от данной себе цели. Через три дня начнутся курсы, и вот что нас тревожит — она еще слаба и время? — какого еще и не бывало! Ветер, снег, холод неслыханный — впрочем, теперь дело пошло к теплу — продлится ли оно?

Вчера мы получили от Аделаиды письмо — жалуется также на заявившийся холод...

Что же делается у вас и что с вами? Право, мне невмочь такой сепаратизм! Иногда я черпал кой-какие сведения из газет и тех теперь не читал! Не можешь ли ты мне выслать октябрьскую книжку «Отеч[ественных] зап[исок]», где находится статья Максимова о нашем житье-бытье сибирском³. И если явились в переводе записки Розена — они у меня есть, но на баронском диалекте; а все русское люблю на русском⁴. Здешний писатель Victor Duret выпустил книгу «Un portrait russe»*, дело все о Багреевой, о известной Лизе Сперанского!⁵ Я не читал ее и потому о ее достоинстве судить не могу. Печать герм[анская] и франц[узская] отозвались с похвалой, а за ними и opinion nationale** — это несколько подозрительно! Напиши мне, допускаема ли она, и я тебе ее вышлю. Здешний курс 300 ф[ранков], и то неохотно берут наши кредитки!..

Такой курс равняется запрещению выезжать за границу. Прости, друг ты наш; господь с тобою, с Лизаветою Григорьевною и со всеми, всеми вами. Теперь до свидания с однокровной с тобой и то много, много. Получил на днях письмо самое милое от М[ихайла] Сем[еновича]: собирается с женою за границу после ревизии. Они были потоплены, но теперь уже обсушились⁶.

* «Русский портрет» (франц.).

** Зд.: общественное мнение (франц.).

Флоренция, 2 января [1870 г.]¹

Депеши твои, дорогой друг наш Михаил Сергеевич, мчатся одна за другою. И все они свидетельствуют о благополучии твоего семейства, что, конечно, более всего другого близко моему сердцу. Не так-то удовлетворительно твое письмо к Nelly — тут раскрываются грустные отчасти стороны предпринятого тобой великого дела. Не сомневаюсь в успехе — знаю, уверен, что ты его увенчаешь блестящим образом, что тут будет много утешений и для деятельного ума, и для неу[то]мимого твоего сердца, но что скажем о твоем теле? Не явно ли оно высказывается и неотступно ли просит себе отдыха? Но где же этот отдых, когда ты в самом пылу действия! И не сам ли ты предрек, что год целый еще тебе предстоит тяжких трудов! И вот уже понадобился промежуток, и ты так благоразумно отменил прежнее свое решение — поездку в Италию, заменив ее Пломбиером! Первая не принесла бы тебе пользы, вторая же восстановит твои силы. Если бы к этим водам прибавить морженского воздуха в течение 3-х недель, то-то бы запрыгал ты, друг мой! «Что ты там несешь, старая невежа?» — скажешь ты. — Да, да, невежа по уму, но знахарь по телу. Спроси хоть медика, как я, приехавши в Morgins изнеможенный, и до чего заносчив был в моих экспедициях по горам. Варя утратила все бывшие боли, и не будь этот случай с пальцем и последовавшая корь, как бы она окрепла! Допроси Ник[олая] Андр[еевича], и я уверен, что он поймет необходимость не одних вод, но также купания воздушные! Говорю, скажешь ты, как эгоист! — а почему же и нет, если этот эгоизм сливается также и с твоим жизненным интересом? Впрочем, знаю очень, что говорю на ветер, и по моему флюгеру, который не более не менее как мое, ты знаешь, сердце! Что делать? Потеряли тебя в Италии, бросаюсь в поиски в горах и как бы они ни были для меня недоступны.

Все это впереди, и как этот перед для меня недалек. Вопрос еще и тот, сможешь ли ты даже выбраться хотя бы и в Пломбьер. После твоей речи, чудной правильным, ясным своим изложением, только после представленного итога всех действий я мог обнять размеры всего дела и сказать себе: «Нет; не вырваться ему!..» и вот чем кон-

чаются все мои отложенные надежды! И чем кончаются мои воззвания «да не изменят тебе силы». Теперь, после взятого назад твоего обещания быть в Италии я никаких других планов не строю, кроме того же старого плана возвратиться в приют мой Женевский. Попадись однажды в Италию, надо же извлечь из этого положения возможные выгоды, а именно: поучиться и старому, и новому. Я надеюсь, что меня собственно ты не ставишь в счет, я потерял способность учиться. Я только и оставил за собой способность забывать. Я понимаю всю ту же Варю, которой силуюсь передавать, конечно, не свое, а чужое знание. Женщине пришлось учиться, и эта потребность утешительно отзывается и на ваших, вижу, берегах², и я не хочу, чтобы Варя отстала в этом отношении! Будет ли она способна принести и свою посильную лепту в возрождающееся образование, увидят после меня, по крайней мере, направить и дать ей возможность достигать и полезной, и благородной цели — вот к чему я стремился и стремлюсь. Вот почему и теперь я ее всю окунул в одни оставшиеся еще светлые струи итальян[ского] и музыки! Последнюю она вся объята, залита Бюловым. Барон фон Ганц Бюлов. Бедный барон! друг его задушевный Вагнер на основании новой музыки d'avenir* увез его жену и, что еще чудовищнее, 3-х детей, из коих старшей 13 лет. Жена сия дочь Листа³. Бедный барон бросил Германию и остановился здесь под крылышком одной прежней близкой знакомой. Он страшно раздражителен, своенравен, и много было хлопот, чтобы удостоиться милостью одного часа в неделю. Наконец он, прослушав Варю, изрек: «Vous avez un joli talent et beaucoup d'intelligence. Je vous trouve digne d'attirer mon attention sur vous»**. И тут же дал ей без всякого указания Capriccio de Weber, 2 этюда Мошелеса⁴ и 2 мелодии Мендельсона. Спустя 7 дней Варя явилась и, несмотря на поправки, на толкования, не раз заставляла вскрикивать барона «bravo, bravo! etc.» Но что за учитель, что за толкование смысла каждой фразы! И при этом сам, своими беглыми чудными пальцами дополняет сказание! У него игра не громоносца Рубинштейна, а игра более классическая. Одним словом,

* Будущего (ф р а н ц.).

** «У вас прелестный талант и много ума. Я нахожу вас достойной моего внимания» (ф р а н ц.).

для Вари это клад, и я его разрабатываю, насколько наших и сил, и средств.—Платим 15 франков за урок—дорого, но тут на столько же и более пользы. «*Ce que j'apprécie en vous,—он ей сказал,—c'est que vous prenez la musique en sérieux*»*.

И подлинно! Мы думаем продлить наше пребывание до 1-го апреля, и предстоящие 10 уроков крайне подвинут ученицу! А там увидим! Послушаешь ее сам, если бог даст, и сам скажешь свое мнение. Останавливаться нельзя! Не говорю тебе о Нелле—повторить то же; за исключением разве странного ее взгляда насчет Миши! Она все страшится чего-то того, чего нет; ему лучше прежнего, и, конечно, этого мало! Но надо себе сказать, что запущенный 5-летний катар не может изгнаться 2-месячным пребыванием, конечно, в Италии, но во время и сырое, и зимнее. Тут нужен летний, свежий горный воздух и, конечно, не воронковский, который может бедного Мишу расстроить вконец! И об этом сам скажешь свое слово в свое время. Заболтался я, прости мне, друг мой, что отрываю тебя от занятий—мое извинение все-таки в той же дружбе твоей к старику и которая подчас, быть может, и постукивает в твое доброе сердце.

Начинайте с богом Новый год; да будет вам все доброе и благое! Я же <...>** крайне смутился грустными москворецкими вестями. Все это глухо неопределенно: Катков, говоря об арестах, о каком-то революционном замысле!!! прибавляет: «Все у нас изумлены и не понимают, что это все значит». Как водится, все та же бедная молодежь на сцене, но говоря о ней сдержанно, вдруг выходка на журнал, изд[аваемый] при министерстве, «Архив» и пр. Тут он превосходит себя и говорит, что такая статья только и возбуждает к ненависти и презрению адм[инистративных] властей, добавляя, что пасквиль докт[ора] Белог[олового] служит довершением такого пагубного направления, исходящего под влиянием правительственной власти! Вольно ему называть пасквилом, быть может, чересчур строгую статью, но статья, пущенная путем не частным и почти правительственным, не может иметь приписываемый ей характер. Я уверен, что сам

* «В вас я особенно ценю то, что вы серьезно относитесь к музыке» (франц.).

** Одно слово неразб.

министр Тимашев не отдаст Н[иколая] А[ндреевича] на предложенное его съединение!⁵ Как бы я желал иметь эту статью и как бы я желал, чтобы поднятое будто бы дело не имело и того размера, и той важности, которые ему придают враждебные нам иностранные журналы⁶. Если бы я не так сочувственно, как всегда, смотрел на нашу молодежь, эту будущую нашу силу, то с политической стороны даже хотел бы скрыть наши шокообразные смуты от слуха Европы. Буду писать Н[иколаю] А[ндреевичу]. Прощай, друг мой, и господь с вами всеми.

130. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

[Моржен,] 18^е [июля 1870 г.]¹

Нет, друг мой, все еще не кончено; и я думаю, что державы, если они есть, не допустят такого потрясения!² Если же они не скажутся, то, конечно, для того, чтобы оба петуха друг друга и заклевали.

Предоставить их друг другу чисто расчет макиавелический, но как это вместе будет и бесчеловечно! Но пошто вы его, гундеттота³, мошенника, разбойника, браните одного? Не вся ли эта гнусная стая и лает, и ищет добычи? Посмотрите на эту несчастную страну! давно ли его клаяли, негодяя, а теперь кричат «виват»? Вот до чего довели теории несбыточные и только усилившие власть!!

Пусть гибнут все эти сподвижники грубой власти, я к ним сделался безжалостен, но почему должны гибнуть все добытые истины? Где же этот мир, эти права, которыми гордились народы? Где же эта солидарность их, и не опять ли восторжествовали правительства над ними! Какие опять возобновятся и ненависти, и разделения между ними! Вот что ужасно и грустно, и до какой степени нас попятители назад! Не надо отчаиваться, но сколько потратить нужно будет и времени, и усилий, чтобы стать на утраченную теперь точку! Спасибо, друг мой, что вы так здраво, глубоко отозвались, тогда как все ожидают и желают войны как занимательного зрелища, не касающегося прав каждого человека! Отвратительно и только. О нашем нечего и говорить, с запачканным задом, т. е. с Польшей, мы должны переносить свое в Европе ничтожество⁴.

О больных! Бедные они, бедный М[ихаил] С[ергеевич]! Все ожидаю от него вести, куды он бросится? Я не подал

своего голоса, я не медик! А вы-то что? Разве у нас ничего нет? И если вы, немцы, не обязаны знать наши источники⁵, то отправьтесь к Strölin, cite, № 20, этот добросовестный человек дополнит ваши сведения! Что может быть подходяще желудочному расслаблению и вместе укреплению нервов, как не знаменитый Тарасп в Энгодине? Что за высота, что за воздух!! Там чудное устройство: ему бы ехать почти что через Ишль, то есть через Мюнхен, Зальцбург и Боцен по дороге через Бремен. Сегодня или завтра ожидаю ответа или лучше вести—наша переписка состоялась до объявления войны!!

Теперь о вашем плане, посланном на мое утверждение. Во-первых, не входит в мое соображение отдаление на 8 дней. Во-вторых, назначать день своего выезда здесь, в горах, не следует: пойдет дождь, а за ним другой, не очень выгодно по ним спускаться. Итак, с 25-го или 24-го мы наготове и первый хороший день и лови его! Опять итак; не лучше ли вам подняться к пятнице—не задержим вас, и Арва не уйдет, и поезд.

131. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 30 августа (но не мое еще) [1870 г.]⁴

Друг мой, я до того было свыкся с твоим живым словом, до того было слился с тобой, что после потерпенного поражения при Люцернской gare*, я, как Мак-Магон, блуждая без цели², собираю не силы, а последние мои надежды, чтобы победить и грусть, и всю боль моего сердца!

Но мне ли не благодарить бога за дарованное счастье; я тебя видел, обнял... довольно! Да! довольно для меня собственно; и если бы я мог уподобиться великому смирению твоей матери, то, стоя у меты, сказал бы я: «Я готов!» Но ты меня смутил выпавшим твоим одним словом и отнял, или лучше сказать, поколебал последнюю мечту моей жизни. Ты не веришь, друг мой, в свою жизнь и что же? ты думал меня успокоить во имя Лизаветы Григорьевны! Мне ли сомневаться в началах достойной этой жены? Но, друг мой, это сторона вещественная и вовсе не та сторона, которая вызвала твое «это моя Варя!» Это «моя» никто не вымолвит, и никто, кроме тебя, не поймет

* От gare — станция, вокзал (франц.).

всю святость в приобретении такой собственности! Нет, друг мой, ты незаменим, ты ей будешь отцом, другом и путеводителем в предстоящей ей исключительной и одинокой жизни. Надеюсь, что она шагу не предпримет без твоего совета и разрешения! Ты жить должен и будешь жить, и не ты один! А между тем как грустно без тебя! Разбитые под Люцерной, мы в 6 часов остановились в Берне, чтоб отдохнуть и приручиться к жизни... без тебя! Дорогой мы следили за тобой — вчера радовались солнцу для твоей северной экспедиции! Не попал ли ты к подготовленной демонстрации против короля за его равнодушные к успехам баварцев и поездки к Вагнеру!!³ Сегодня ты в Ишле и обнимаешь свою Машу!⁴ В Вене мы тебя встретим, а там и до самой Павловки!..

Елецкий мост поставлен, и твои тяжести полетят в твои объятия. Акции твои поднялись от 80 до 84, и то хорошо. Курс доходил до 330, а теперь спал до 311, ассигнации берут в 275.

В Женеве, как ближе к границе, стоим ближе к воплям! *La campagne est rougissante et cris féminins et masculins en chantent la Marseillaise**⁵. Все и вся бегут из Парижа — Женева набита бегущими, и мы очень удачно устроились у Picaud, где нам превосходно! Далее будет ходить Варя в Казино, зато будет возвращаться в теплые комнаты. Варя уже принялась за гаммы и экзерсисы, чтобы приготовиться через неделю к Лизбергу и для Павловки, как она говорит... Здесь много наших, а из твоих Ал. Волконский, который едет в Италию. Туды же Пестов, Вульф, а через неделю и Вяземский!⁶ Хотел было я сказать от тебя князю Волк[онскому], но, право, как-то ни на что я не способен. Вяземский хочет меня видеть, но я также не поддаюсь... он страшно хандрит, да я и сам мастер. Давыдова не видел, сижу дома⁷. Свербеева поселил с собой у Пико; завтра он с Софьею едут в *duropatria***, как он говорит⁸. К Бибиковой я с дороги не свернул — ей получше, и она хочет к нам быть! Получили ты «Ведомости», высланные за день до твоего отъезда и на мое имя? Не имея вести, я просил Патека⁹ телеграммой все разведать и буде они не выданы, то выслать

* Кампания постыдная, и женские и мужские вопли поют ей Марсельезу (франц.).

** Родина (итал.).

сюды обратно. Без тебя я утратил военный и политический дух — как-то все не по мне. Прощай, друг мой, господь с тобой и расцелуй милую Машеньку, — береги себя, т. е. от холоду — он всему причина — твоих болей и моему горю. Еще, еще прости и обнимаю тебя.

132. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Женева, 6 [октября 1870 г.]¹

Друг мой, дорогой ты мой, Миша мой всегдашний, настала твоя эра скачек при усиленной, всеобъемлющей всех нас раздражительности! Ужели еще не конец, а начало лишь всем тем испытаниям, через которые должно пройти человечеству, тронувшись со старого своего лагерь? Куды ведут все эти разъединенные правительственные и народные власти? Ужели к ослеплению, к распадению одних и других, и человечество после стольких усилий придет к какому-нибудь дикому, чудовищному общественному быту? Посмотри, что на наших глазах в такое короткое время творится? Бой ли это одних армий, — нет! это бой целых двух народов, ринувшихся друг на друга на смерть и только! Ничто не может остановить, укротить зверские бесчеловечные их замыслы? Ни падение позорное верховного виновника, ни истребление всех армий не насытили победителя, ни явная гибель побежденных не смиряет их, и вот не токмо не конец, а начало только горю, и где ему предел! Я покидаю с падением изувера стан прусский и перехожу на сторону несчастной Франции, и тем более, что все поглядывают в форточки и своего слова не говорят! После Седана, после этого беспримерного события беспримерно было бы Франции восстать. Все, что было бы возможно до 9-го августа, делается бесцельно после 4 сентября².

Никакое правительство в данный момент не может восстановить Францию, а республиканское менее всякого другого! Лишняя кровь, трата, а результат все будет тот же. Так мне кажется — но там есть люди не моего покроя и, может быть, найдут силы, которых я не предвижу.

Это все, друг мой, продолжение наших бесед ратацовских³, но, увы, теперь они з[а]очны и, теряя прелесть слова, сохраняют только черты отчаянной грусти! Итак, скажи мне, предвидел ли ты или кто-нибудь в мире такого исхода 1-го действия драмы? Когда Мак (теперь он чистый Мак) предпринял свое дуговое движение, отрезал

себя от операционного базиса; его поражение было несомненно; но поражение при сдаче всего войска, вот что было немыслимо!⁴ Первый день—*coup de main**; 2-й—*coup de tête***; 3-й—*coup de pied****. На 2-й день не оградить отступления на Мезьер и не спасти 100 000 армии. Сдача! 80 000! Всегда и везде подлежала бы военному суду! Наполеон судил Dupont за сдачу под Байленом!⁵ И все это входило в расчеты негодного виновника! Лишить Францию последнего войска и погубить ее! Два кирасира напали и открыли его в одной ферме!⁶ Плутиска! Победитель на коне среди опасностей, лишений — а он в неге, в роскоши будет себе почитать, как Франция вся кровью обливается. Все и вся несут свою кару... Он один, тот же бесчувственный злодей, глаумится над человечеством.

Однако же после всеобщей неумолкаемой болтовни и собственно моей надо же прийти к какому-нибудь заключению. Не правда ли? Скажем так, если руководствоваться логикой обычных фактов, то, конечно, издыхающая Франция должна для сохранения целого пожертвовать частями и отказаться от Эльзаса и Лотарингии и отложить до поры до времени свое отмщение и тем самым поставить прочие державы в враждебное отношение к Пруссии! Где же тут основания искомого мира. Если же допустить и другие ускользающие вероятия, то можно еще и усумниться в полном успехе германцев! Бог весть, какую Франция покажется при потерпленном перерождении. И не сольются ли воедино все три латинские расы под одним образом правления?⁷ Больно будет, если Россия не поймет значения слова республика и станет держаться прежнего значения слова империя! Все наши интересы влекут к союзу с правительством, которое не может существовать, как при условии мира и невмешательства! С падением Наполеона сочувствие к Парижу растет по часам, и, в самой вещи, бомбардировать Париж—это то же, что бомбардировать Европу⁸. Если этот город устоит в своей решимости, то не устоять врагам от всемирного негодования. Последствия откликнутся. Что за вести, что за предрекания, и т. д.

* Смелое предприятие (франц.).

** Безрассудство (франц.).

*** Пинок (франц.).

Общее любопытство раздваивается и с берегов Сены переходит на берега Тибра. Папа скрылся; король, оскорбленный в чувствах своих религиозных, не вынесет присоединения Рима и, вероятно, отречется от престола в пользу сына!⁹ Гарибальди выплывать на воду, и пр. «Имей уши да слышит».

Какая радость была в семье, когда твое письмо нам дошло! Это было продолжение счастливого для нас времени Рагацца. Мне его не долго помнить, Варя твоей станет на всю жизнь! Машенька, что за молодец! Глаза, выражение матери!..

Довез бы вас бог благополучно! Не люблю я эти формы кишечного канала, и береги себя, бога ради. От него и от других нервных твоих приступов. Не отдавайся весь одному делу и одному уму и вспомни, что у тебя на сердце!! Бел[оголовый] едет после 30-го. Нашел острые формы в диком! и весьма неблагонадежные в Вяземском. Он был у меня, и я должен был потащиться к нему и выслушивать брань, которою он себя осыпает! «Я с ума схожу,—говорил мне,—я это и вижу и сам этого хотел». — «Побольше воли, к[нязь]». — «У меня то-то ее и нет!» — «Поройтесь и вызовите ее», и пр.

Бедная старуха¹⁰ все плачет и говорит мне: *Il traite des femmes [en] dépravées: «Tu l'a été jeune été tu reste telle à présent!..» Il a dit aux domestiques: «N'en croyez rien, 8 jours après ma mort elle se remariera»**. Теперь подался в Neuchatel советоваться с <...>**. Он просто дурит от скуки, от бездействия и не умеет переносить старость. Дай ему два, три столоначальника, докладчика, и из него вышел бы еще славный чиновник! Ал. Волк[онский] уехал в Италию, и я просил Давыдова передать все твои препятствия.

У нас Женева завалена бегущими франц[узами], в особенности парижанками и детьми! В *Hôtel du Bergen* видится граф de Vallon¹¹, и не прикажет он, бедняжка, что сказать? Сейчас пришла жена из *Casino*, куды она с Варей ходит три раза в неделю работать в пользу раненых¹². Варя берет урок истории, после которого она два

* «Он считает женщин развратными: «Ты была такой в молодости и остаешься сейчас!..» Он сказал домашним: «Не верьте ничему. Через неделю после моей смерти она снова выйдет замуж» (франц.).

** Одно слово неразб.

часа обрубливает полотенца!! Тут же получили письмо и требования как можно более корпии и красного вина. Вероятно, это ввиду предстоящего приступа Страсбургского, с успехом которого хотел явиться король к стенам Парижа!¹³ Еще бойня тысяч в 20!!! К Александрову дню будет все решено, т. е. чем выскажется Германия под Парижем. Король все еще надумывается и помалчивает!! Вот случай вспомнить отца и Александра, оставшегося 1-м не победой, а великодушием¹⁴. Довольно для нас с тобой, но не для слепого Бисмарка.

Прощай, друг мой. Господь с тобой — мои ушли опять на урок музыки к Лизбергу, но крепко, как всегда, тебя обнимают и благословляют тебя и всех твоих! Уезжай в затишье свое...

133. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 10(22) октября [1870 г.]¹

Пора, пора было нас успокоить твоим добрым, живым словом, друг ты наш, после заявленных тобою скачек и в особенности экспедиции твоей в орду! Слава богу: холеру поборол, и враг показал тебе тыл!

Между тем как здесь истребляют во имя германской культуры жизнь во всех ее проявлениях, вы, мои русские, сохраняете, сберегаете ее; здесь немецкая интеллигенция все разрушает, вы же все воздвигаете; вы не морите сотни тысяч рабочих, а заботитесь о них, и хвала вам! Спасибо тебе, друг мой, что ты увлек меня в свои степи и дал хоть на время отвернуться от всего дикого, бесчеловечного, здесь видимого и слыханного. Итак, туды... к тебе, в твою Павловку, в твоё затишье — подальше от этих крикунов «grande nouvelle, grosse nouvelle»*, т. е. новые убийства, новые расстреливания, грабежи и пр.!!! У тебя шумно, весело, и слава богу! Не тревожься ужимками Сережи, все это с ростом исчезнет! Но исчезает ли твой недуг, и что-то ты об нем умалчиваешь. Только говоря о хвором Мише, ты подхватил боль его, уподобляя ее боли дяди! Бери пример с дядьки, я 30 лет вожусь с таким же катаром — смеюсь над медиками и знаю, что не собственно он порешит меня! По крайней мере, замечаешь ли ты после вод улучшение, и ты не вымолвил ни слова.

* Важная новость (франц.).

Дела! Какое гибельное слово для твоего здоровья, и если я несказанно обрадовался ускорению времени открытия в декабре *вашей* дороги, то именно потому, что она ускорит и время ожидаемого для тебя отдыха! Не могу надивиться деятельности *вашей* и вообще широким и благодетельным *вашим* действиям! Заботы *ваши* о рабочих и об опальных покроют *ваши* издержки благословениями всех! Дело! друг мой! гонись за добром всегда и повсеместно! Вы отсрочили взносы, и этой льготой также поступили благодушно. Не все же акционеры *ваши* спекуляторы, а многие из них доверили *вам* и свою лень! Во всяком деле надо избегать недовольных — я так думаю! Акции *ваши* опять неподвижны, и неподвижность продлится до весны, если только дела в Европе приведутся в должное движение. Теперь такой застой в деле, что только безумному безделью и ход! Но почему, скажи мне, вы из рук выпустили дорогу в Элтон?² — не будет ли тут недосолу в проектированной *вами* прежде в количестве провозной соли?? Теперь о Мальневле — видно, что ты крайне недоволен его управлением и затруднен в выборе ему подставного! Не зная собственно дела, трудно и обвинять или оправдывать его. Я думаю, что в честности он безупречен, а в упущениях можно сказать в защиту одно, т. е. что дело, взятое в своих размерах, конечно, превышало его силы, и я стою все-таки в том же убеждении, что управление слишком обширно и сложно для одной головы, как бы бойка она ни была! Воля твоя, а дело только и может упроститься и идти успешно при разделении лишь труда! Тот же самый Иван Мих[айлович] на отдельном деле, но в меньшем размере был бы пригоден и полезен, тогда как на всех 11000 десятин он не только не распорядителен, но и вреден. Я помню, как ты его хвалил, когда он действовал отдельно и не на большом пространстве! Я думаю, что по его честности деятельность его была бы более применима к Романовке, где дело и проще, и определительнее³. Еще я думаю, что теория помощников, придаваемых управляющим, вовсе негодна по всегдашним зарождающимся между ними несогласиям. Эти *вицы* портят дело, как и везде и всегда. С доверием к управляющему нужно ему иметь не распорядителя, а слепого исполнителя! Здесь нужен только приказчик, чтобы ответственность падала на одного! Вот почему отдельные управления и полезны; каждый подлежит ответственностью за свое управление.

Такой способ, конечно, влечет за собой более издержки, зато и польза несомненна. При твоём сложном деле может ли одна голова обнимать все отрасли управления. По-моему, всякая часть имей своего специалиста, независимо действующего по твоему лишь наказу и усмотрению. Тогда только могут эти части преуспевать, если допускать не упрощать, а усложнять дело!..

Как я рад, что Сергей Дмитрич произвел у вас *fugor*, я уверен, что он сумеет и поддержать его. Тот же *fugor*, как кажется, произведен дорогою *Nellay et del sposo**, как называла Аделаида доброго Александра Ал[ексееви-ча]. Сомнений нет, что у него есть неоспоримые качества и в особенности редкое качество счастливо влиять на добрую твою сестру. Дай бог им будущности. Теперь о поездке их нельзя ничего сказать. Кажется, события на нее действуют, и она видит отражения их повсюду. Жаль очень, если она подвергнет Мишу опять воронковской сырости! Я, насколько мог, настаивал в необходимом выезде за границу и, конечно, не позволил себе ни малейшего совета относительно выбора зимовки. Она выразила желание поселиться в Женеве и, конечно, в Метрополии, где прошлого года хозяин их принял при должных почестях. Но теперь, увы! Террорист-майор* <...>** не одного высшего негодяя-изменника, а всех причастных вероломному делу. Вся Швейцария завалена выходцами-беглецами, именно теми, которые вызывали войну и готовились умирать, и пр. Какие ни были отели, пансионы, все занято и здесь, и по всему озеру, и по всему краю. Здесь Госмани и бывший Пиетри!⁵ Сверх того в самой Метрополии поселилась экс-Забелла с 57 особами!! Не знаю, правда ли, она будто купила виллу в Лозанне: *Moi Repos****. Бедная! она им нуждается: потеряла престол, мужа, одного любовника, одного друга Наполеона и одного папу!⁶ Что за рожа возмутительная! Теперь я понимаю последовавшие возмущения в Испании. Там же поселился разукрашенный один герцог, который увез от майора великолепнейшую известную шкатулочку да сверх того пять целых кокоток!! *Honni soit qui mal y pense*****⁷. Когда жесто-

* Супругом (и т. л.).

** Одно слово неразб.

*** «Мой Отдых» (франц.).

**** Позор тому, кто дурно об этом подумает! (франц.).

кий Трошю напал sur les boucles inutiles*⁸, он нашел, что и коготки имели нечто ненужное, и тут герцог, по чувству самой чистой любви, избавил целый пяток от преследований и повез с собой на сохранение! Все это прекрасно! Люди все именитые, знатные — не рагаццевский сброд — но где же помещу я своих панов? Я просил телеграмму из Вены: значит, два дня для заготовления пристанища! Сверх того, ты можешь вообразить, сколько наплыв людей, по большей части богатых, содействовал вздоровлению на все, и помещения в особенности. Nelly очень ошибется в своих расчетах; впрочем, все впереди!! Теперь же немцы пошли на Лион — лакомый кусочек, можно обложить на сотенку миллионов, да и ткани шелковые — ...что за разбой, что за грабеж, и опять нахлынут сюда запуганные французы! Но там Гарибальди, хотя и поздно!⁹ Какие события, — да, любезный друг; все здания обветшали, оттого и ломка идет, а тут еще Бисмарк стоит с ломом! И он не знает, что сам подавлен будет вызванным всесокрушительным разгромом!!

Ты мне говоришь, что давно не получал моих писем; с получения твоей вести из Питера дважды я тебе писал, 1-й раз письмо в 16-ть страниц, в другой 20 страниц, и кончил при двух данных себе предостережениях решимостью предать всесожжению мой антигерманский протест. Когда в мои лета приходишь до такого политического безверия, лучше всего собрать все свои бывшие верования и сложить их с собою вместе в черный ящик и таким образом сложить и концы с собою в землю... Такое потрясение последовало со мной и после Седана — когда я подметил крушение всех благоприобретенных истин воскресшим на время человечеством. То был исторический час, не понятый, не схваченный и бросивший нас всех в пропасть неизвестного. Все было тогда еще возможно — и нейтральность, обратившаяся в безмыслие, должна была воспрянуть и разнять бойцов! Не думай, чтобы я потребовал нечто вроде человечества — нет, а из чувства собственного сохранения. Странно! но все основы распатались — стоит только вникнуть в бессмыслие событий. Не ищите мира — миру теперь не быть. Социализмы не мелкие, а на большую ногу, сбросили свою личину, и красное

* На бесполезные букли (франц.).

страшилище переменяло только свой вид. Отвратительно, возмутительно, но кара впереди.

134. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

[Женева,] 18 [октября (1) ноября()] 1870 г.]¹

Признайтесь, почтенный доктор, что вы ошиблись в исчислении мне дарованных дней вашей медициной! Иначе, как мне и пояснить молчание, которым вы прошли в письме вашем помимо субъекта, взятого в тиски с одной стороны грыжею, с другой — майором?² Подивитесь, любезнейший Н[иколай] Андр[еевич], я еще жив, и если оскорбилось ваше самолюбие, то, конечно, возрадуется ваше сердце! Итак, приговор ваш впереди, а в настоящую минуту будем продолжать прерванную беседу. Продолжать — да! Но при каких грустных условиях. Помните ли, как вы, а там и я за вами, бегали, нагоняли, упускали и опять хватали крикунов *de grosses nouvelles**, а теперь, теперь гоню их прочь и в шею, и в бока!! Тогда наши пруссаки поражали орудиями негодного предателя, возмутителя... а теперь чужие мне и всему человечеству пруссаки грабят, жгут, расстреливают народ, ибо армии нет! Так вот чем разрешилась пресловутая германская культура, и эти временщики случайности думают властвовать над всем и основать, наконец, какую-то чудовищную империю! Впрочем, дело не в том, быть или не быть этой феодальной фурии, а дело то, что, несмотря на эфиричное ее существование, может еще наделать много пакостей и, пожалуй, своей соседке³. Если нейтралы, эти евнухи, не способны к зарождению чего-нибудь жизненного, не воспрянут от сна и не положат конца этому неистовству, то бросайте свою теперешнюю часть и предавайтесь хирургии, никакие Петры Ивановичи вам не помогут!⁴ Посмотрите, любезный друг, как паника сообщительна, невольно за всеми вашими журналистами и вами кричу «караул», тогда когда столько знамений успокоительных вокруг нас! Посмотрите на эти георгиевские кресты, развешанные на немецких выях; на этих двух фельдмаршалов, приобретенных русскою армиею, — нет! — что ни говорите, а немцы все-таки свои!⁵

* Важные новости (франц.).

«Как-с? что-с? повторите», — вскрикнул диким же голосом. — «Нет! батюшка, с вами не сговорить; вы катковист, вы трусите!»⁶ — «Я! Дайте мне кабардинский полк и пустите меня на любой прусский полк один на одного, и я вам докажу...» — «Верю, верю, успокойтесь и приядьте...»

Не согласись я с ним, вот и раздор тот же, который ходит и у вас по случаю этого скверного, по правде сказать, немец[кого] вопроса. Мой противник, бывший ваш пациент, дошел до невероятного состояния. Всякое воскресенье является ко мне поговорить, конечно о немцах, и, растворяя дверь, молвит: «Позвольте». — «Воля ваша, нет! не позволю!» — «Вы меня убьете!» — «Садитесь, не убивай, сказано!»

В чем дело? у него будто бы в голове, и вот он обернул ее шерстяным платком, а поверху напялил бобровую с наушниками шапку; шею обернул шалью и сверх зимнего пиджака окружил себя сюртуком, подбитым косматым енотом!! И в этом-то тамбовском костюме он и просится оставаться в комнате!! Что я ему ни говорю, и слышать не хочет и поносит республику, где холодно, не умеют строить печей, топить их, уморят меня и только!! Женушка водит дочь в Casino, и что за анекдоты! Благо, вывел вас из вашей приемной — слушайте же: все ваши пациентки с легкой руки вашей похаживают — одна, правда, Кот. наклоняется, но это под собственною тяжестью; другая также наклонилась, но оперлась, зная дело, то есть на немца! Граф[иня] Коскуль выезжает за Люкена!⁷ Был ли брак или нет, не знаем: мы не в сношениях! Бедная Биби-кова все покашливает, но неподвижна!⁸ Вот вы по привычке все твердите одно и то же: на юг Франции. А главный медик Бисмарк гов[орит]: «не советую», и все слушаются не вас, а главного оператора! Хорошо, что отправили несчастных двух юношей в Пизу — все же далее от поджигателя! Тот же приговор был произнесен и докторами московскими! Не избежать им смерти!! Ментору не утешительная обязанность⁹. Они проехали Венецию, и Анна Свербеева их не видала! Воображаю, как Петр Александрович будет от скуки понюхивать! Здесь бы ему быть да жить! Если бы вы видели Женеву и всю Швейцарию, разукрашенную всеми выходцами фран[цузскими]. Ни одного уголка, который бы не отзывался крушениями негодя-предателя! Они-то защитники и разбежались. Теперь

немцы спускаются к Лиону, и террор еще более выказывает несостоя[тельность]!

Все бегут в Швейцарию! Правительство запустило оборону этой западной обороны и обратило все внимание на центр. Отрядили Гарибальди, не давши ему ни одежды, ни обуви, ни оружия! О сю пору нет даже и одной пушечки! Справедливо пишет Риччиотти: «Nous sero[nt] tous massacrés»*¹⁰. Старик три раза просил в отчаянии увольнения и, конечно, готовит пленением своим новое торжество! Пленение наряду с Напол[еоном] и Базеном!¹¹ Впрочем, ожидайте страшной крови и страшного исхода, если только междоусобия не погубят Фран[цию]. Вы себе вдали представить не можете, какими ужасами отражается эта борьба, предвещающая и другую, и третью.

135. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 22 октября [1870 г.] Казанская¹

Как не поделиться нам нашею радостью с тобой, добрый друг ты наш, Михаил Сергеевич? Сегодня исполнилось нашей Варе 16 лет! Присоедини к нашим благословениям и твои при вступлении новорожденной на этот уже путь почти сознательной жизни! Несколько лет тому назад в виду случайной смерти я изложил целый ряд наставлений относительно предположенного образования Вари; с тех пор многое при жизни моей достигнуто; много осталось и пробелов,—но при моих обстоятельствах надо довольствоваться возможным и благодарить бога и тебя, друг мой, за сделанное. При достижении 16-летнего возраста бывшие мои требования неуместны, и я должен предоставить мою взрослую деву собственным ее наклонностям и влечениям! При окончании четверти своей жизни она могла себя проверить и определить цель, к которой она должна стремиться! Она очень знает свои недостатки и пусть сама их пополняет. Бог ее создал доброю, смышленною, с нашей стороны только остается содействовать тому, чему она себя посвятит. Цель она давно себе предназначила, именно та, к которой я старался ее подготавливать, т. е. учиться, учиться, чтобы в свою очередь учить! В каком бы она ни нашлась положении, при каких бы она условиях ни жила, я надеюсь, что она всегда будет следо-

* «Мы все будем убиты» (франц.).

вать данному мною и избранному ею самой назначению. Судьба, всегда случайно действующая на нас, обрекла ее на учебный труд, и пусть она ему посвящает свое время! Чтобы тебя познакомить несколько с этой целью, скажу тебе, чем она ознаменовала свой 16-летний возраст! Она его отпраздновала не обычными развлечениями, а трудовыми занятиями! Таким образом, сверх своих уроков она успела дать еще два урока двум ученицам, которые, по счастью, в одном с нами помещении. Один урок музыки 11-летней девочке, бежавшей с родителями из Безансона от немецких дикарей; другой урок франц[узского] языка американке, которая провожала нас, если помнишь, из Рагацца! Но вот в чем дело, первую она учит, как бедную, бесплатно, а вторую, как богатую, за плату, по 2 франка, по цене, здесь установленной для *maîtresses*! * И если бы ты знал, какую радостью она исполнилась при получении первых трудовых денег, и для кого? — для своих бедных!! Рабочий вопрос ее крайне занимает, и она предается практической его стороне со всем увлечением юношеского сердца! Так или иначе, выполнит ли она свое назначение и в каких размерах, все это скажет она вам, а не мне. Я хотел с тобой одним говорить об этой черте, скорей сердца, чем ума, чтобы тебя познакомить с направлением, которое тебе придется принимать в соображение при будущих отношениях твоих с Варей! Волей или неволей, сказал бы я, если бы не знал тебя, а ты должен заменить меня! Содействуй, способствуй поддержке такого назначения, и да не будет она тунеядкой, а трудовым и полезным орудием, насколько ее силы и способности дозволят! Пусть она применится к труду во всех его видах, за исключением, однако же, посвящения себя в гувернантки! Такое служительское состояние не соответствует достоинству свободной женщины! Подчинять себя лицу в таких размерах, как требует того господа, противно всякой свободе действия, которое только одно и мирит человека при данной независимости. Давать уроки у себя, на дому; поступить в общественное заведение, где служишь всем, а не одному, где есть постановления, а не произвол в частую своенравного лица, и пр. Вот мое мнение относительно учебных сторон, и, вероятно, ты его разделяешь. Я одного боюсь: чтоб силы не изменили Варе при тепе-

* Учительницы (франц.).

В. А. ПОДЖИО (?)

Фотография конца 1870-х гг. ЦГАОР

решных занятиях! Помоги ей бог!² Но где же наша дорогая туристка?³ Я говорю — туристка, не зная, тронулась ли она даже с места? Уже и Биби́ков приехал, предположенный спутник. Не дождавшись ее последних условий, он взял и уехал. Приезжал к нам и прожил два дня. Мар[ия] Сем[еновна] все покашливает и о Канне не мечтают⁴. Все сваливают на Бисмарка, а он себе и в ус не дует! постреливает, расстреливает, застреливает и палит на 7 верст 5-пудовою бомбою! Напрасно! все дело делает Круп! Право, не знаю, что с Неллей, и не расхворался бы Миша! Какие грустные известия о 2-х Ребинде-

рах. Sophie Svérbèeff пишет мне, что кумыс им не помог, что доктора московские приговорили обоих, что подтвердил и Боткин, пославший их в Пизу без всякой надежды. Если они выдержат зиму, то Петр Александрович перевезет на лето в Швейцарию.

Я с часу на час жду телеграмму от Нелли и сам почему, не знаю! На что она решится? Немцы идут на Лион — кусочек лакомый, сотенку, другую миллионов можно будет сорвать, да дорогу на юг Нелле загородит!! Направлены были силы, чтобы остановить их, и что же? — у Гарибальди нет о сю пору и одной пушчонки!! Не *finis Galliae**, а крайне тяжело! Вот подоспело и вам время выбраться из степей! Тебе-то под руку, там-то и дело, а Лизавете Григорьевне каково покидать свои все сады, парки и проч. заведения? Ты мне не говорил ничего о почтенной княгине, твоей теще? ⁵ Кажется, Рим свободен, хотя Виктор все от него отворачивается, а волей-неволей 30 ноября входи, и только! ⁶ Так и ты, друг, хотя, не хотя, а 9-го декабря вали в Борисоглебск.

Здесь прилагаю карточку для графа Т.⁷ Он так был мил и прост с нами! Передай ему карточку, не пишу, чтобы не подвергнуть его тяжкому разбору моих каракул. Передай ему наши душевные приветствия.

Береги ты себя в твоих скачках, бога ради! Увидишь Корсакова, высылай его к нам — после Сибири и Женева покажется раем. Бедный Струве без места!! ⁸ Выручай. Почтеннейшей Лизавете Григорьевне все наши с тобой и птичкам-подорожникам благословения.

Прощай, дорогой ты мой. Что с больным, ужель и впрямь он <...>**.

Не пиши мне о деле, как ты обещал — движение дано, и конец с концами. Но дай нам два слова о себе и о всех вас, дорогих наших. Господь с вами от нас троих.

136. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 5(17) ф[евраля 1871 г.]¹

Сегодня я встал и объявил семье: «Конец! Терпение мое à bout***, и если в 10 ч[асов], с приходом почты, еще

* Конец Галлии (лат.).

** Одно слово неразб.

*** На пределе (франц.).

нет вести, конец, пишу ему и кому же, как не тебе, мучителю моему? Но ты, мой дорогой, отозвался и порадуйся за нас всех! Ты знаешь, друг мой, что все и всегда одна и та же печаль — здоровье, здоровье всех вас, в особенности твое! И не так ли? Не заплатил ли ты, и сверх того, еще напасть и на бедную Лизавету Григорьевну. Положим, ты, субъект, старый ветеран; но княгиня, неожиданно, нежданно, негаданно?

Воля медика, но это не образовавшаяся болезнь, которая имеет свое правильное течение, как, напр[имер], у Невельской, а просто случайности, которым подвергаются почки при случайном отравлении своих исправлений. Конечно, все это исправимо при таких условиях, и воды могут скорее всякого другого свойства содействовать к отстранению этих случайностей. Невельскую посылали в Виши, а наш медик всех угощает и себя тут же германским Карлсбадом! Пусть так! Но что будет с этой местностью, когда она завалится всеми божьей помощью изувеченными? Говорят, что правительством вследствие прекрасной войны заглоблены все удобные помещения! Конечно, воздух не будет так благорастворен при таком заселении! Ты спрашиваешь, правда ли, что и Швейцария подвергалась и тифам, и оспе, и т. д. Правда, правда, но здесь горы, ледники, бизы, и мы не только поправимся, но к маю все вычистим и подготовим. Я думаю, что однокачественные воды при таких условиях, конечно, предпочтительнее вод Германии и Франции! Правда и то, что вагоны очищаются, окуриваются и предосторожности так велики, что, не позволяя публике приближаться к оцепленным этим вагонам. Теперь несчастный негодяй Бурбаки завалил своей 100 000 армией всю Швейцарию и внес заразу!² Здесь, кроме нас, многие прививают себе оспу! Старуха Хлюстина³ не избежала ее в Веве, где болезнь свирепствует, и дочь изнурилась от ухода, и Бибилов поспешил в Париж к бабушке Горонне. Что за рассказы!!! Что за ужасы! И все это все, все погубило и гибнет! К чему послужила Помпеева ночь Гамбетте, из-под которой выскакивали целые армии, когда они предводительствуемы были наполеонистами?⁴ Как Карно, он умел устраивать армии, но не умел устраивать победу, organiser la victoire*, как говорили о первом⁵. Но у этого, первого,

* Организовать победу (франц.).

были первенцы! Молодежь девственная, полна чистых начал и вдохновений! То были Марсо, Жубер, Дюмурие, Клебер и пр., пр.,⁶ а у нашего Базен и, наконец, Бурбаки! Плоть и кровь седанца⁷, и этот-то человек в главе республиканской армии! И что же он и делал? Положим, что опоздал и не мог пробить немецкие черты; и разве отступление было невозможно? Нет, три дня бездействуют в Дижоне; выпускает в себя осторожную пулю (между солдатами здесь говорят, что в него выстрелил зуав и что другие хотели его порешить прикладами) и как герой мелодрамы сдает начальство самому бездарному из генералов, который прямо направил к границе, и, избегая боя и уступая лучшие позиции, переходит с 80 000 и 200 пушками Юра и располагаются на зимние квартиры в Швейцарии. Замечателен один небывалый факт: арриергард, который должен прикрывать отступление и, как предполагается, обречен на гибель и что же, именно он, в числе 20 000, но при молодечестве Биллио, Пюлли, Креме... в полном вооружении пробрались к себел!⁸ Но они совершили этот подвиг в отношении зимних путей тогда только, когда le chef de la 1-re artil[lerie] М-г Clinchant* перешел границу безопасно и благословил их на все стороны⁹. Стотысячная армия не могла направиться! И вовремя и с мужеством пробиться сквозь равносильные войска! Вот и веди войну, когда в рядах люди, противодействующие лучшим намерениям. Должно было поперечить всем действиям республиканского правления, и неудачи последнего убьют республику такую смертью, роялисты те же, что в 14-м и 15-м годах, думают обделать свое дело возведения какого-нибудь rocket-king**, как я их называю, и которым каждый из них снабжен. Paris ne capitulera pas et la république encoге moins***. Что за будущность при таком распадении или, лучше, разложении. Finis Galliae?****—нет, правительство гибнет, народ никогда! Заметь одно: все избираемые именуются если не республиканцы, то *conservateurs*, *liste conservateur* etc.*****, но высказаться прямо монархистами пока не смеют!¹⁰

* Командир 1-й артил[лерийской] г[осподи]н Кленшан (Франц.).

** Карманный король (англ.).

*** Париж не капитулирует, а республика еще менее (Франц.).

**** Конец Галлии? (лат.).

***** Консерваторы, список консерваторов (Франц.).

Француз консерватор? Спрашивается, хранитель чего, это вроде нашего русского охранителя, когда ломка у нас идет ежечасно всего старого...

Пора обратиться к твоему кашлю; но он прошел, а у меня заготовлен сироп для тебя! Небось, друг мой, кашлай вволю, а как только понадобится остановить врага, то и явлюсь с сиропцем! Но вот горькая весть о Корсаке!¹¹ Понимаю твое положение, терять такого человека и еще сотрудника! Но не отчаивайтесь — право, у ваших медиков страх всегда велик. Вместо этих всех поражений поверь, что усталость, изнеможение имеет большое влияние! Давай его нам, у нас чудный Strölin укажет все средства; ему нужен отдых прежде всего, а там и горный воздух, и горное молоко; виноградное после лечение, а за сим вместе в Италию! Зиму провести непременно! На будущий год сдадим вам всецелым и исправленным и направленным на царицынский путь! К нам давай и Михаил Семеновича, пусть член Совета поотдохнет в наших горах¹². Тебе же, друг мой, время, обстоятельства и здоровье укажут, куды удариться: Мы все туда же в горы, а если жена говорит об Италии, то это я единственно направляю, чтобы Варю отделить от Casino, который ее решительно изнуряет. Флоренция при перенесении столицы удешевеет¹³, и там же довершение итальянского языка и в особенности музыки, в которой она решительно шагнула. Я, в виде случайности, примыкаю к ним. Ты заговорил о процентах, и так как жена орудует капиталами, то я ей и поручил представить на твое рассмотрение смету, с принятым во всех благоустроенных государствах должным дефицитом! Il faut un suprême effort, étant tout de bon outrancier*. Если ты согласишься выслать нам означенный капитал, в этом предположении я и пишу Нелле, чтоб она отложила заботу о высылке пока процентов! Ты знаешь, что в Воронках два раза в год и на два часа бывают деньги, а именно 1-го сентя[б]ря и 1-го марта, т. е. когда златоустая Репиовка подает свой голос!¹⁴ Вот я ее прошу не заботиться до марта. Она созналась в безденежье своем; знал я, что и поездка за границу и пр[очее] происходило от этого недуга! И все это при таком состоянии! Бедная она, завалена снегом: в кой веки выезжает гуськом; муж катает-

* Нужно особое усилие, в самом деле крайнее (франц.).

ся на лыжах; Храповицкий обретается во рву по уши (какова глубина и пр.), и к этому всему присоединилось остервенение какое-то против всего совершаемого на Западе! Слава богу! Она разделяет все чувства славянского мира! Не знаю, что будет, но знаю одно, что с республикой во Франции мы приобретаем союзницу; с королев[ст]вом или империей наживаем врага! До будущего разу, теперь и ты, и я, мы устали; отдохну на радости — ты меня так оживил! Господь с вами...

137. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева,] 13(25) ф[евраля 1871 г.]¹

Еще несколько, друг мой Михаил Сергеевич, дополнительных слов, или лучше каракуль, к последнему моему письму. Прежде чем предаться с тобою радости, мне хотелось по возможности уяснить себе твое дело и, проникнувшись успехом, подвести к нему и собственные убеждения! Насколько я сумел понять дело, то сущность его состоит в следующих выводах!

Акции ваши были далеко не пополнены, а между тем строительные работы продолжались безостановочно, и вы должны были для покрытия издержек прибегнуть или к продаже акций или же обратиться за пособием к казне. Первый способ был бы самый невыгодный; акции при наплыве их на рынках, без всякого сомнения, не удержались бы на 65, и вы понесли бы более убытка, чем тот, который вы понесли уступкою их казне. При теперешних обстоятельствах это лучший исход, какой только мог представиться, и я поздравляю тебя с таким успехом! Казна слишком была сама заинтересована в вашем деле, чтобы не подать руку помощи, и миллионы ее более чем ограждены². Ты мне не выяснил одно: предоставила ли компания себе право выкупа акций по условленной цене? Или же казна остается вашим акционером, подвергаясь даже случайностям дела? Конечно, все это еще темно, но не все же будем постреливать и вооружаться, и будет же вам, котам, должная масленица! Дожили до того, что дух предприятий должен ограничиваться несомненным успехом одних злоторительных круповских заведений. Если ты, по благоразумию своему, дал такой исход делу и так им доволен, то довольны ли твои компаньоны, не всегда довольствующиеся возможным? Скажи мне, как это при-

нято было ими и не пошатнулось ли их доверие к твоим предводительственным способностям? Друг мой, успех венчает дело, и мы не допускаем теперь никакого другого мерила во всех наших судах и пересудах! Ему одному мы поклоняемся как единственному символу нашего политического безверия! Конечно, успех всегда венчал по большей части исторические факты по той причине, что все-таки он имеет и основные причины, и вероятности! Но когда и где и в какую эпоху... Шел он по пути стольких случайностей, нечаянностей, как мы видим; и когда предавали этому успеху такие размеры и такие определения? Безумец дает тыл столице, где его ожидает гибель, бежит к границе, добровольно отдается в плен, избегая всякого отступления!³ Конечно, факт необыкновенный по положению человека, но достаточный ли, чтобы принять его за божий дар и за несомненное значение падения всего латинского племени пред владычеством германского. Верование это при превосходстве объективной литературы и самой музыки до того укрепилось, распространилось, что мы видели не народы, но все правительства, дозволившие новому Моисеу⁴ (как назвала у вас одна газета) невозбранно вести свой сбежавшийся ландвер в землю обетованную не млека и меду, а вина и злата! Он и они все еще там и на последях добирают недобранную последнюю копейку и допивают последнее недопитое вино! Вино Beaune de nuit etc. все погреба очищены, и что не выпито, то вывозится. Разгул ландверу! — оттого они так быстро и стекались на зов! Хотел бы я видеть этих немцев при поражении, и таким ли беглым шагом ознаменовалось их движение? Хотел бы я видеть этот рейхсрат, если бы пришлось вести войну на собственные их деньги⁵. Ты себе представить не можешь, до какого неистовства доходила реквизиция (слово, прикрывающее грабительство) и когда же? — во время перемирия!! У нас две семьи из Monbellaud, вблизи от Belfore, и по частным письмам можно судить о положении этого востока. Открытый город был бомбардирован и т. д. Наложили на него 325 тысяч фр[анков] контрибуции и сверх того подвергли его некоторой очистительной разведке⁶. Город не большой, но промышленный, и между прочим есть фабрика Musical boxes*. Ты знаешь, что в германскую культуру

* Музыкальные шкатулки (англ.).

входит распространение музыкального чувства, вот пруссаки, движимые гармонией, заберись в заведение и под высоким увлечением искусства и давай каждому по боксу! Немного, по одному, но этих одних было столько, что фабрика была окончательно и очищена. «On ne sait pas,— пишет одна дама,— où les prussiens prennent tant de poches, pour tout ce qu'ils nous enlèvent?»* В строю страшная дисциплина, вне его разгул. Вот тебе секрет набег а этих сотен тысяч на ту несчастную Францию, доставшуюся им такую неожиданную добычей. Теперь дело идет не к миру, а к замирению, конечно, временному. Комико-героическая драма, задуманная и разыгранная безумцем в Седане, должна была и быть покончена одним действием, но последователю его, и также композитору, угодно было добавить с дозволения дипломатической цензуры еще 4-е действие, т. е. Мец, Париж, Бурбаки и наконец Бордо, где труппа роялистов на этом же театре и довершит все дело!⁷ Говоря об этой труппе, невольно коснешься Гамбетты, этого великана ума!

Ты, как законник и добросовестный человек, ты его осудил за превышение власти в изменении избирательного закона!⁸ Справедливо! Но где же ты видишь, находишь закон после 4 сентября? Династия отрешена, все правительственные власти: Совет, Сенат, палата и пр.—уничтожены. И вместо их учреждается новое правление при новых совершенно условиях. Париж один устроил правление общей защиты и без согласия Франции уполномочил его чисто диктаторскою властью⁹. Пять месяцев вся Франция повиновалась самым незаконным административным мерам, имевшим только оправдание в спасении и защите отечества. Когда же после страшных неудач и усилий нашло время о вопросе мира или войны, то прибегнули к созванію палаты!¹⁰ Заметь, что это было сделано для той же цели, т. е. для большего усиления защиты, что собрание нисколько не было учредительное и созданное единственно с целью разрешить вопрос мира или войны. Мы видим и теперь, что оно не имело другой цели. Гамбетта был выражением прямым du grand parti de la résistance et de la guerre à outrance**¹¹. И мог ли

* «Неизвестно,— пишет одна дама,— где пруссаки берут столько карманов для всего, что они у нас отнимают?» (франц.).

** Большой партии сопротивления и войны до победного конца (франц.).

он иначе и действовать, если бы он не имел Франции за собой? И мог ли он предложить или, лучше, повелеть стеснение выборов, если бы не видел он, что мера эта предохранит ту же Францию от распада. Не будем говорить, правильно или только отчаянно глядел он на пользу этой меры, дело в том, что Бисмарк ее понял и тут же и избежал республиканской Палаты, сделав из применения этого декрета *casus belli**, о чем и объявил Фавру и прочим!¹² Бисмарк, который у себя держит всех в осаде, запрещает сходки, заточает за малейшее слово, противное присоединению Эльзаса, здесь, во Франции, в чужом деле, является поборником права! Как он знал, что отдалением людей, запятнанных прежним правительством, палата будет республиканская и враждебная его замыслам, а с допущением всех этих лиц к избранию палата при общем голосовании может обратиться в смесь уступчивую и окончательно ничтожную! Не ожидай от этих людей даже самосознания — они под словом консерватор скрыли свое значение и сокровенную цель убить республику и с нею вместе Гамбетту. *C'est la bête noire du parti et parti culièrement celle de m-r Moïse*¹³. *C'est son meilleur éloge au compatriote. Pauvre France, pauvre moi**.*

За неимением с кем поболтать, поболтал я с тобой в одиночестве, добрый друг мой, господь с тобой и вами всеми, дорогими.

138. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Женева, конец февраля — начало марта 1871 г.]¹

Слава богу! вы вынесли 25-градусный шторм и, кроме очередных болей, других не было! Я думаю, весна будет сырая, а поэтому более опасною. Сироп явится в рецепте, но согласись, трудно и ему побороть 25° мороз при выходе из 15° комнатной теплоты. Авось и морозы, и твои скачки спадут вместе! У нас чудное время, и дело заразно идет к очистке! Мир прокричали — а от него так и несет пороком...

Чудеса, право, — но! Тьера выбросил вверх, где столь-

* Повод к войне (лат.).

** Это предмет ненависти партии, партии господина Моисея! Это его лучшая похвала соотечественнику. Бедная Франция, бедный я (франц.).

ко мелей². Куды ему, старцу, справиться с этой взбесившейся Францией! Впрочем, обыскать его хорошенько, то и нашелся бы в кармане запрятанный и подготовленный king-pocket*! А сколько их там по бережку скачет! Несчастная Франция! Вывеска, правда, гласит: республика,... а сколько тут и лжи, и притворства, и горючего вещества! Даже Шамбор попал в жгучий материал!³ Сам Гамбетта, который все предвидел, не мог заподозрить явления такой тени, вызванной клерикалами! Ты спрашиваешь узкого политика, каким образом в республике мы обрели союзницу, а в королевстве или в империи мы наживаем врага? По естественному историческому ходу, который и служит подтверждением такого предположения. Здесь для уяснения вопроса надо взять Францию, 1-е, отдельно; 2-е, в слиянии с другими державами!

Отдельно республика всегда одна стояла и в борьбе с составлявшимися против нее коалициями. Если мы столкнулись с нею, то, конечно, не в интересах своих, а чисто интересах германских! Спрашивается, зачем послан был Суворов в Италию, а Корсаков в Швейцарию?⁴ Чтобы под влиянием венского кригс-рата** потерпеть поражение и положить начало будущей десятилетней борьбе, вызванной уже самим Александром; но заметим, не с республикою, а уже с империею! Наполеон создан, вызван был не столько Франциею, сколько упорствующей коалицией, во главе которой стояла всегда Англия! Итак, мы видим, что республика стояла всегда отдельно, одиноко! В этом одном слове есть нечто чумное, и соседние державы всегда силились оцеплять республику от заражающего ее свойства какими-то санитарными веревочками. Не знаю, почему Россия по расстоянию и по своему крайне противоположному общественному строю может находиться***, если разделять опасения, которым подвергался Питт, Палмерстон и теперешний Гранвил!⁵ Республика с Англиею немыслима, а по тому самому она становится ближе к нам! В 48-м году Палмерстон своими происками помог Наполеону взять его самого в помощники для восточных своих видов. И мы их сейчас же увидели на деле⁶.

Французу нужно было отвлекать французов и восста-

* Карманный король (англ.).

** От Kriegsrat — военный совет (нем.).

*** Так в подлиннике.

новлять блеск затертый пораженного дяди; Палмерстону нужен был искатель приключения. Союзники выказались и в Польше! Республика руководствовалась другими воззрениями. Ламартин торжественно провозгласил невмешательство и отчуждение от пропаганды!⁷

Этим самым объясняется и польский вопрос. Прочти ответ его польской депутации, вызывавшей в несчастные дни 4 и 5 июня тех же поляков стать в ряды инсургентов! Следственно, никогда бы, удержись Кавеньяк⁸, республиканское прав[ительство] не подняло из чувства даже самосохранения польского вопроса. Что видим мы теперь? Остапольщизм стал под знамена республиканские! Это явление не антирусское, а начисто антигерманское, выражающее резкий поворот в стремлениях новой образовавшейся Польши — она отказывается от всякого немецкого влияния, сливается с славянами, и Гаук-Боссак запечатлел своею кровью это слияние!⁹ Государственный русский человек будет тот, который сумеет воспользоваться таким направлением, т. е. сумеет обратить заблуждавшихся врагов в преданных друзей. Ты говоришь, католицизм есть еще враждующая причина! Именно католицизм, как его понимают одни клерикалы, и есть более звено, чем это другое к упрочению союза; Россия, чуждая папизму, не может быть препятствием или же усилением для их притязаний. Французский католицизм слабеет, тогда как германский поднял голову и распустил язык! Не мудрено, если в угоду одного римский вопрос не станет после Франции на очереди!¹⁰ Как по примеру одного кашевара не пойти и другому, и как не разбиться Бисмарку, как и разбился Наполеон, если он не угомонится!

Итак, любезный друг, политик твой доморощенный стоит на своем первом начале — нет и быть не может с республикою никакого столкновения — ни по части границ, ни по торговле, промышленности и пр. Впрочем, *le mot d'ordre est donné et les deux gazettes officielles de Berlin prônent le gouvernement républicain*. Действуют в моем смысле! Впрочем, *le dieu des armées a béni la victoire, les spoliations**, золотое время для пруссаков! Хочу тебе дать образчик духа времени. Федеральное правление вви-

* Приказ дан, и обе официозные газеты Берлина превозносят республиканское правительство... Бог армий благословил победу, расхищения (ф р а н ц.).

ду понесенных издержек для охранения границ, а еще более ввиду вооружения предложило подписку на 15 мил- [лионов]¹¹. Как ты думаешь, какою суммою ответили все, по силам своим, кантоны? — 106-ю миллионами! Какое доверие, скажем, к правительству, но какое недоверие к последствиям воспеваемого будто бы мира! А как все это ни радостно, но положение бедного Корсака бросает тень на твое лето! Ужели ты не сможешь надышаться, поотдохнуть? Грустно, больно до отчаяния. Буду писать Николаю Андреевичу; письмо будет отзываться преследованием не германских идей, а германских вод. Обнимаю тебя, от души приветствую Лизавету Г[ригорьевну] и всю семью.

139. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Territet-Chillon, 21 мая [1871 г.]¹

Ты решительно, дорогой мой друг Михаил Сергеевич, похитил мой титул дядьки и перенес его на свою голову с присоединением еще и другого, а именно: еще и корми- лица! Благослови тебя бог за все твои заботы к второму твоему отцу, как ты меня назвал M-me Lagrené, урож- денной Дубенской!² Я ее встретил неожиданно в Жене- ве, и ты можешь вообразить, как я приосанился душой при этих словах! Спасибо тебе, друг мой, за такое место в твоём сердце! Я не ответил тебе тут же на письмо; хотел дождаться и паспорта, и, наконец, окончательно уст- роиться, чтобы не затруднять тебя лишними на это горя- чее для тебя время докучливыми каракулями. Право, бес- совестно было отрывать тебя от дела; но как было быть. Как старый географ, я все считал Савойю за Савойским домом; забыл проказы Наполеона и вдруг вспомнил, что мне ехать не в Италию, а во Францию!³ Напал на меня страх, чтобы не приняли меня за немца, и что начнут со- стекло, а покончат самым мною! Я вопль пустил к тебе, а между тем взял в миссии вид на всякий случай! И что же? в Эвиане пропустили без осмотра все женины шпар- галия и не удостоили даже осведомиться, кто и что я та- кое? Добрые савойцы, им дела нет до немцев, а еще менее до Коммуны и до ассамблей!⁴ Живут себе отдельно и вы- жидают высадку только на берег больных. Впрочем, надо сказать, что и здесь мнимое правительство сумело возбу- дить негодование своим изданным муниципальным зако-

ном так, что они не приняли мэра назначенного, а единогласно избрали своего! ⁵ Le petit bombardeur, le parricide, le foutriquet *, как его именуют, заменив badinquer **, не к примирению ведет дело, и бог весть, чем это кончится ⁶. Все карикатурные станки выбросили badinquer и принялись за бомбардира! и т. д. В Эвиане мы пробыли 10 дней; там я нажил такой припадок обычного расстройства желудка, что в угоду моих дам перебрались на любимую швейцарскую сторону и, проводивши Бибикову в Россию, устроились в Терите, на прежнем своем жилище! Здесь очаровательное помещение в виду воспетых гор Иван Яковлевичем ⁷ и если даже не тобой самим! Ты вдохновения свои скрывал от меня и доверял их Варе, недавно она говорила, как ты на Via mala передавал их твоим спутницам! Здесь и отель Байрон, где ты некогда жывал, дни также утешительных воспоминаний!! Здесь, в Терите, буду выжидать, чего? — не знаю! Ты должен совершить курс на север, и много ли останется у тебя после времени. Ничего не смею допускать, но если бы удалось хотя бы сутки, другие свидеться на перепутье с небольшим отклонением от твоей прямой, на возврат линии! Неужели не спустишься отдохнуть несколько на юге! Что же будет за лечение без отдыха на горном воздухе?.. Ты знаешь, до чего я тебя люблю, и, конечно, не припишешь все это эгоистическим моим поползновениям, но так делают все после германских вод, и весь вопрос в выборе местности отдыха. Имей в виду Моржен, если время твое совпадет с началом сезона, т. е. с 1-го июля! Скажу тебе в подтверждение мнение самого Белоголового! Знаешь ли ты, что он отыскал настоящую форму и что он, философ, женится на Харламовой ⁸ и просит меня, как второго отца своего, благословить его на новую жизнь! 5 лет он изучал ее с физической и нравственной сторон. Вот он как, между нами, говорит: «Я женюсь на девушке моих лет (т. е. 38), очень некрасивой, еще более того больной, но доброты и пр., пр.» Так что он счастлив до восторга — едет из Неаполя в Сорренто, куды собираются Горбунов и, вероятно, твой помощник, и, вероятно, с ними-то собирается в Швейцарию и непременно в Morgins, для подкрепления жены, а я думаю, и себя, при вышеупомянутых условиях.

* Маленький бомбардир, отцеубийца, недоносок (франц.).

** Шутник (искаж. франц.).

Он ли не знает местностей, однако же предпочел всем другим Morgins. Заключение зависит от тебя — а я буду выжидать твоих велений и не скрою жгучего желания еще повидаться где-нибудь и как-нибудь! Вспоминая разлуку в Люцерне, как же остыть моему сердцу. И так до 1-го июля далеко, и до того ты все выскажешь! Варя говорит о каком-то предчувствии, и когда мы с Ларисой перебираем все затруднения для нашего свидания, Варя нас останавливает: «Да перестаньте, пожалуйста, ужели вы думаете, что М[ихаил] С[ергеевич] не устроит, чего захочет, и для чего же я берегу его перчатки и повторяю любимые его пьесы». По счастью, здесь очень хороший фортепиан! Итак, помоги тебе бог все благополучно устроить прежде всего нужного к твоему отъезду! А не уплатится 1750 акций!!! вообще дело пока стоит, авось направится и двинется! Я воображаю твою теперешнюю деятельность и одиночество, хотя обеспеченное отчасти спокойствием! Княгиня на водах, детки удалены от Петербурга, но меры все приняты против врага! Приезд в Фальль бабушки еще более тебя успокоит! Пищи нам по несколько слов, умоляю тебя, в Monthney или Territet-Chillon. Теперь слово о паспорте, который мне вручали уже здесь, ибо из Эвиана приходилось бы лично за ним отправиться в Женеву. Благодарю тебя несказанно, а мысленно министра! Благодарность от неизвестного всегда искренна! Ему она не нужна и тем более ценна для меня! Сегодня 21 год нашему браку — тогда все, все еще были живы! Что делал тут Муханов⁹, подговорив попа хромоногую (ногу ему сломали в борьбе в некотором виде), и после его же напугал за тайное венчание и пр. Между прочим — не подумал о подножье, и когда нам должно было вступить, то Муханов вынул пестрый платок из кармана, и носовая не совсем чистая ткань была им под ноги нам подостлана! Дьячок его приобрел и сейчас же употребил! Забыли все место, и неудержимый хохот раздался между всеми старцами. Тебя не было на пиру! Увы! Тогда шло дело о Нелле, и я позволил себе так отозваться о женихе, что должен был разойтись, с кем же — с мамой!!¹⁰ Нет! Не забыть мне слез твоей матери впоследствии и всего горя, вынесенного сестрой!.. Однако же Нелля не пишет — знаю только по письму Бибишки к жене, что он навестил ее на перепутти, и ни слова более. Видно, там все благополучно! Итак, Сергей Дмитр[иевич], экзамен, — и он думает трусить, он,

потомок дьяка Молчанова? Нет! Не так потомок какого-то дога¹¹ отбилась — по всем семи предметам получила полные баллы, т. е. maximum, approbation complète et un certificat pour les deux années*. Она начала тут же тебе писать и не могла докончить: «Нет, папа, это страм записываться в грешневую кашу при моем невежестве; пиши ты, если хочешь!» Экзаменовалась в физиологии, professeur Dunan. Ей выпал вопрос de la structure de l'oeil chez l'homme et chez les animaux**, и она на 12-ти страницах тут же расписалась! Histoire romaine—Jaquemont, Histoire moderne—Jaquemont, Histoire de la civilisation—Vercherre, Littérature française—Bungener, Littérature Hellénique Cougnard, Langue allemande¹².

Оутре cela, un témoignage du professeur au Collège de Genève Harley qui écrit qu'elle a les connaissances suffisantes pour être maître d'Anglais. Elle a négligé le conservatoire de Genève et a préféré prendre des leçons de Lysberg chez lui. D'ailleurs elle vise plus haut***.

Итак, вперед, Сергей Дмитрич, и, смотри, не робеть!

Ужели не увидеться, друг мой,—я, как видишь, все возвращаюсь к одной и той же мысли. Господь с тобой и с вами всеми. Обнимаю тебя крепко, нежно...

Сейчас посылаю благословение жениху-сыну.

140. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

[Реме, конец июля — август 1871 г.]¹

Пожмите крепко, нежно ручку Софье Петровне от нас троих. М[ихаил] С[ергеевич] вам очень, очень кланяется! Получили ли вы сигары от него? Три раза их возвращали, таков немецкий формализм! Приветствия наши всем добрым знакомым. Нечаева дела читаем, и радуюсь ходу! Нашлись люди не правительственные, а наши ровни, него-

* Максимум, полное одобрение и свидетельство за два года (франц.).

** О строении глаза у человека и животных (франц.).

*** Римская история — Жакмон, Новая история — Жакмон, История цивилизации — Вершер, Французская литература — Бюнгенер, Греческая литература — Куняр. Немецкий язык. Кроме этого — свидетельство профессора Женевского колледжа Харли, который пишет, что ее знания достаточны, чтобы преподавать английский язык. Она пренебрегла Женевской консерваторией и предпочла брать уроки у Лизберга на дому. Впрочем, она метит выше (франц.).

дьяи, которые считают это все апотеозой нигилизма. До чего доходит извращение уже не ума, а сердца! Ваш милый Катков и пр.² Много бы полилось желчи, да не получается — меня Реме решительно сбил с позиций. Если я радуюсь за себя, то еще более за М[ихаила] С[ергеевича], который изнывает от раздумья о своей болезни! Авось с выездом из пленения возвратятся и живость ума, и спокойствие. Саратовская дорога подверглась взыску 2 миллионов, его же найдена превосходной и открыта, и это его не порадовало. Но там и горе, в Борисоглебске холера вырвала 12 человек, часть 3[-ю] селения, в несколько дней, а бедный дикий за нею пустился в погоню. Итак, до свидания: завтра — едем, и радость хочет пробежать уже по жилкам...

Скажите M-me Picatid, что буду ей писать, когда последняя надежда меня покинет возвратиться в мою Женеву. Весь ваш А. Поджио.

141. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Мюнхен, 27 августа 1871 г.]¹

Благодарю за газеты; Утин мог почтить память сибирских жен в другом случае, и более подходящем. Здесь он был вовсе не уместен².

142. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Фиренца* [Осень 1871 г.]¹

Наконец, добрый друг наш Михаил Сергеевич, враг внутренний отступил и ты начал свои наступательные движения! Добрый тебе путь. Сегодня проводил тебя из Фалля, 17 из Питера, там отчет, Павловка, Воронки! Если что меня в особенности радует, то это последняя поездка; значит, ты окончательно порешить думаешь с своим председательством². Это единственная радикальная мера приобрести тебе спокойствие и, следственно, и здоровье! Нет! — не быть ни тому, ни другому при условиях твоей бывшей жизни! Радуюсь и поистине утешаюсь начертанной тобою программой! Верно ее исполнение, а еще более правдивость твоих заключений! Зная строгость твою к самому себе, уверен, что отзыв твой об отчете верен и

* Firenze — Флоренция (и т. а.).

справедлив! Не сомневаюсь в полном успехе и вот почему: побаиваюсь, чтобы настойчивые просьбы твоих подластных сотрудников не поколебали твоей решимости! Увидим, и недолго будет длиться эта неизвестность — еще недели три, и вопрос будет решен! Какой клик радости раздастся в воронковской трущобе! Не говоря о душевной радости, сколько ожидается разочарований насчет Павловки? Что будет с тобой, когда увидишь весь ход этого стройного, плавного хозяйства, когда представятся тебе все эти яркие, красноречивые цифры с своими поражающими воображение итогами? Одного прошу тебя, минуи контролу и в особенности не настаивай в осмотре кассы, чтобы не изумиться окончательно и не вводить в искушение всех караульных! Я думаю, лучше всего заняться тебе тягую вальдшнепов, благо, ты стал на ноги! Скучненько будет Нелле, когда ты уедешь и увезешь студента³. А ей, забалившей себя, не бежать за вами вслед. Сказать и то, как подняться ей с грудным ребенком⁴ да еще и с Мишей, куды же? — в Питер. Но если ты находишь ее присутствие необходимым для студента, то почему же не избрать один из южных университетов? Но этому ничему не быть, и Воронки неизбежны. Лишь бы там вам всем здоровье не изменяло! Радостно слышать, как птенцы твои процветают, жаль только, что Лизавете Григорьевне не удалось и порубить, и покопать, и порыться в ее любимой Павловке; но до Каира далеко, а до нее все ближе на будущее лето! Ты меня много и Варю насмешил, описывая трудолюбивых братьев пианистов! Не будут артисты, но будут знать и понимать музыку, и разве это не наслаждение. А впрочем, хотя Варя и гений, но не приводила ли меня она в отчаяние и не одна ли мама взяла ее под свое покровительство, отдав ее в руки Maestro Нелли, которая так усердно занималась и била ее по рукам! Кстати о Варе — ужели мои слова о твоём индифферентизме можно тебе было принять в упрек! Самого Рубинштейна ты бы удалил от себя! Никто не понимает этого состояния ума, как я, прошедший через все эти испытания! Не только других, но человек и сам себя не выносит! Я не говорю о Реме, не о предположенном твоём взгляде, который, быть может, и справедлив. Не думай, чтобы я стоял крепко в своих ожиданиях. Дело не в том, что Варя есть теперь, а в том, что она может быть? Для этого нужно еще многое и, во 1-х, не менее двух, трех лет классического стро-

того учения, не у Бюлова, а в какой-нибудь консерватории, известной в Германии. Дело еще не в преподавании уроков (как этого требует Бюлов) и не в разъездах концертных, дело в довершении полного изучения музыки, а на это нужны годы! Поездка наша во Флоренцию, как я и предвидел, не оказалась удовлетворительной. L'âme en peine* с генваря предпринимает музыкальную кругосветную поездку; и мы остаемся на мели, ибо мы во Флоренции, где только и есть одна театральная часть. Об этом всем в другой раз, когда можно будет сказать нечто положительное! Обращусь к устройству нашего жилища, т. е. к той землянке на солнце, о которой ты говоришь. Если бы ты мог себе вообразить, до какой степени еще дурят флорентцы, несмотря на то, что вся и все выселяется, что тысячи квартир опустели, они все стоят на каких-то надеждах и держатся прежним ценам; нужно будет пройти через горький зимний опыт, чтобы познать истину, а правительству убедиться в необходимости уменьшить квартирные невыносимые налоги! Между тем мы остаемся в прежних салонах, при чудном солнце, присматриваясь и соображаясь со всеми условиями! Здесь вечера исключительно обворожительны — что за тишина, свежесть и мягкость. Мы провели три дня у Аделаиды, там на холме поистине жизнь облекается в совершенно новые явления! Природа какая-то особенная, представь себе, не горы, а холмы, разбросанные в самых странных абрисах, и каждый такой холм украшен белой виллой или фермой среди виноградников, оливковых и садовых деревьев! Вечный ветер освежает и без того живительный воздух! Кукушки нам обрадовались и закармливали сладкими самыми редкими плодами, и запойли кисленьким винцом своим! Спасибо их радушию и вынесенному более чем приятному впечатлению. Между прочими рассказами, которыми Ад[елаида] П[авловна]⁵ так занимательна, было и описание крестин Ел[изаветы] Гр[игорьевны] со всеми подробностями. Не так громки, не так пышны были твои, друг мой, крестины! Но если ты так тихо вступил в этот мир, то как шумны скачки твои по пути жизни! Со всем тем с каким нетерпением буду ожидать известия о загаданном затишьи! Набравшись сил при отдыхе, ты опять возвратишься к ожидающему тебя поприщу!! Во Флоренции я оконча-

* Неприкаянный (франц.).

тельно отчужден от России; ведь не ведаю, что у вас делается, знаю одно, что вчера моя генеральша⁶ (у меня только одна и есть) меняла свои бумажки по 340 ф[ранков]. Такое повышение курса означает заграничные у нас требования и тоже водворение билетами — выходцам! Заговорил я тебя, друг мой, и где-то болтовня моя тебя настигнет. Все трое тебя обнимаем и благословляем! Будь здоров, здоров и здрав, все прочее есть и будет.

Господь с тобой и вами всеми.

А. П.

143. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Флоренция, 8 ноября!!! [1871 г.]¹

Михайлов день! К тому же и день моего Сергеевича! Дай бог, чтобы так было светло тебе на душе, друг ты мой дорогой, как светло солнце, где-то скрывавшееся в течение двух недель и как будто нарочито явившееся во всем своем блеске в сегодняшний день! Желаю тебе света, но не того освещения, которым ты хвалишься в твоих нидерландах!^{*2} Не поздравить мне и не дать мне тебе такой радости, как та радость, которой ты меня угостил сегодня! Только было я поднялся и думал приняться за перо, как раздался колокольчик и ты подарил меня своим радужным письмом! Много, много есть и лестного, и утешительного, и не удивляюсь, если ты пошатнулся в своем намерении пред такими громкими и единодушными взрывами одобрения и рукоплесканиями³. Трудно было устоять, и ты покорился необходимости! Я ее предвидел, предчувствовал и вполне бы восторгался, если бы не содеялось одно и то же обстоятельство, условие твоего здоровья! И вот не опять ли ты и замышляешь, и трудишься, и проводишь новый проект — т. е. целое новое дело? И можешь ли ты отдаться делу не всем своим телом и умом? И вот тут-то и беда, и я уверен, что сам Ник[олай] Анд[реевич] и возмущается, отчаивается! Но дело порешено, и глупо, и неуместно возвращаться мне к невозвратимому. Одно только и желание мое, чтоб ты мог, вступая в новую будто бы эру твоей деятельности, успевал бы заниматься и оберегать свое здоровье! Черезденное посещение Н[иколая] А[ндреевича] говорит в пользу твоего намерения! Ожидать

* От nieder — нижний и land — земля (нем.).

буду исхода этого дикого лечения — посмотрим, и при удаче спущу свой старый флаг! Давно не получал я известий прямо от доктора, но пересчитывал Елин мне его письмо, и вижу, что он и занят, и счастлив! Что это у них за страсть гонять с места на место больных, вот и этого бедного полуседого, исхудалого Елина, давай его тормозить по горам, по долам, и на возить на смотр всем медикам, для того чтобы сознаться в своей несостоятельности и отправлять его, как сделал Левье⁴ — отправил в Пизу. Буду об нем писать Н[иколаю] А[ндреевичу]! Надо было и бедного Корсака заслатъ, куды же? — в Аяччио! разве охотиться или же под непрерывными ветрами кататься по морю! Бедный он при таком семействе! Бедные засланные также юноши Ребиндеры, которые теперь уже в Риме и Николинька на окончательном отходе!!! Зина предупредила нас о своем проезде через Флоренцию в Рим, назначила даже день, и два дня спустя Лиза пишет, что корь охватила всех ее 3-х детей, что поездка отложена и Иван Сергеевич с женою вместо ее отправятся к юношам. Какая судьба этого семейства, особенно при опасениях, имеющихсЯ насчет Кати⁵. Мысли путаются! Как бы я желал, чтобы Ваня лицезрел вас перед выездом, если только он состоится!

Отчего же писем моих не получал ты? Боюсь в частую надоедать, но все-таки под раз и пускаю к вам! Получил я от Нелли не только письмо за письмом, но и деньги! Ты верно их зарядил — впрочем, Ал[ександр] Ал[ексеевич] пошел на всех парусах, получил 5 000 за водку из-под трубы (хорошее хозяйское дело), и говорит Нелля, что до того заважничал, что просит по 2-50 за табак! Что за гроши при их нуждах. Сестра гово[рит], надо Мише уплатить 6000 за Сережу, а мне кажется, что тут входят и старые долги, заключенные еще во время похода в Италии. Бедная Нелля, «слушалась, — говорит она, — своих желаний, давно бы была у вас; повидалась бы, и погрелась, и поэкономничала, до того жизнь здесь мне дорога!» Бедная Нелля! При ее состоянии и так себя стеснять, что должна зиму проводить, где же? — в Воронках! Где нет, не говорю, никаких развлечений, но нет не только путей, но и тропинок, чтобы выйти подышать воздухом, каков он ни есть! Но от чего же вся эта сжимаемость? На мой ум кажется, все это происходит от данного размера хозяйству при вольном труде, поглощающем все мнимые

доходы; 2-е, от раздвоения или австрийского дуализма, примененного к воронковской стране! Спрашивается, почему Питер очутился на пути будущности Сережи и Анюты! Не ты ли несколько раз восклицал: «Нелле надо быть при Сереже!» Никогда Ал[ександр] Ал[ексеевич] не согласится пустить ее в Питер или в Москву, или даже и в самый Киев! И не этот ли последний город заключал все условия сложившейся ее запутанной жизни! Скучившись в Киеве, сократили бы издержки наполовину, а с нравственной стороны на все целое. Если бы дело шло о право-
ведении, Лицее, Инж[енерном] инст[итуте] и проч[ем], и речи бы не было — но университет? Кто хочет не баклуши бить, а учиться, тому почти равно; первым же больше еще поля в Питере. Учиться же и экзамен вынести можно и должно бы в Киеве! А Анюту за что отправили в П[и-тер], а не в Киев? Разве она не могла так же худо учиться и шалить в К[иеве], как и в П[итере]! Какие при этой чисто суетной мере лишние издержки! Чего стоят все эти привозы и отвозы при надзирательнице, и к чему такое отчуждение от семейства. Все это могло быть отстранено с перенесением столицы в Киев! Посмотри: целых 3 гувернера и гувернантки для преподавания азбуки и болтовни! Учителя ходили бы на дом, и вместо баклушества Саши⁶ он ходил бы в гимназию и пр. Теперь Нелля беспокоится отсутствием Сережи, ведет жизнь, не свойственную ее желаниям, привычкам, и под названием какого-то искусного, поддельного счастья скрывается принужденность и покорность непреодолимой судьбе! Я говорю с тобой одним, друг мой! Мне больно видеть ее в таком неестественном безвыходном положении и не видеть такого исхода, который бы мог облегчить всю тяжесть возложенного на себя ярма!⁷ Трудно заглушаться и подчас не возвращаться к прошедшему, особенно с тяжестью на совести не исполнять воли того, который ей доверил все и вся!.. Бедная Нелля! Не могу и не сумею, отходя отсюда, понимать ее иначе!

Довольно, но, коснувшись такого близкого для меня предмета, едва ли займет меня какой-нибудь другой, и не стану тебя занимать флорентийскими новостями! Пусть парламент дает свое 1-е представление в Риме; пусть сам Мезенцов разгуливает по Уффици⁸, пусть Cantante* поет,

* Певец, певица (и т. а.).

а Ильина⁹, будущая ваша дива с 1-го генваря, очаровывает нас своим голосом; пусть Забелло приглашает меня в свою мастерскую с намерением показать мне своего Пушкина и посоветоваться насчет формы носимых им сапогов и пр.¹⁰; на этот раз ни о ком и ни об чем, а возвращусь, о тебе, друг мой, заботясь, только о тебе и о тебе! Я успокоюсь, когда ты мне скажешь при каком бы то ни было исходе: «освещению конце!» Варя вздрогнула, когда жена стала читать статью о музыке, и тут же успокоилась при твоём одобрении! Ужели тебе не понравился единственный дуэт «*Perché si mette la prime*»?* Весь *trio* сливается в один душевный вам всем привет.

144. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

Флоренция, 1(13) февраля [1872 г.]¹

Вероятно, добрейший Николай Андреевич, грустная весть о Елине уже до вас дошла по письму Куперника, вам адресованному через Боткина². Итак, не стало страдальца, и он скончался при более чем грустных условиях испытываемых последнего периода жизни! И я! должен бросить горсть земли чужой на спускаемый гроб в чужую для него землю. Вот вам некоторые подробности, которые вас заинтересуют как медика и друга в особенности. Последнее письмо, т. е. единственное его ко мне, было от 6 генваря. В нем говорит: «Мне гораздо легче, здесь мне хорошо, и здоровье идет отлично!..» и месяц спустя, т. е. 3-го дня утром, получаю депешу: «*Elin mort, que faire? Donnez renseignements sur parents. Messing*»**. Мессинг? Конечно, не мой сослуживец по полку, 20- годами меня старше³, но, вероятно, сын и такой же чахоточный, и возьмется ли он за все мытарства представившегося такого дела? Я и ответил (взяв предварительное обещание от русского священника прибыть на другой день к вечеру), что только ему и было возможно. «*J'arrive, prie préparer enterrement simplement, économiquement, faites mettre les scelles sur tout*»***.

Я только мог выехать с поездом в 4 часа, и на gare****

* «Зачем считать себя первой» (и т. л.).

** «Елин умер, что делать? Сообщите сведения о родных. Мессинг» (франц.).

*** «Еду, прошу приготовить погребение просто, экономно, велите все опечатать» (франц.).

**** От gare — станция, вокзал (франц.).

меня встретил вместо воображаемого старика юноша, и мы поехали к покойнику. Что за обстановка! Лежал он один под ключом! Смерть не смогла истребить его еще юности, и бедный, исхудалый, как он, однако же, был еще прекрасен! Возле него его ложе и умывальник, конечно, хозяином не прибранный, чтобы выказать следы окровавленных матраца, подушки и потертого старого у изголовья ковра! Обстоятельство весьма важное, на котором он основывал притязания свои на 600 фр[анков]!!! Я застал все вещи собранные и хранящиеся за печатью консула, который сейчас и явился из Ливорно по требованию юношей студентов Мессинга и Куперника. После чего мы отправились ко мне в н[оме]р и стали держать должные распорядительные речи. Мои юноши обо всем позаботились и все почти подготовили, оставалось, однако же, порешить о времени и о месте погребения. Положение гласит: «Не держать тела после 24 ч[асов]». Следственно, и нужно было распорядиться таким образом, чтобы действовать по истечении данного срока уже определительно. Из двух кладбищ в <...>* катол[ического] и протест[антского], избрали последнее, и Купер[ник] отправился к пастору, который предупредительно предложил и капеллу, и пристанище. Желая же ускорить или, лучше, упростить церемонию, они подали мысль о гречес[ком] священ[нике], находящемся в Ливорно, и мы телеграфировали ему, прося пожаловать в час пополудни на другой день. Получив его согласие, я сейчас депешу жене, чтобы приостановить выезд нашего священника, думая этим услужить ему, больному. Выбор наш основывался на всех удобствах, представляемых приездом ливорнца. Во-первых, тело могли прямо вывезти на кладбище, где последовало бы и погребение, тогда как священник наш совершил бы всю церемонию в ночное время при проливном дожде и пр. Второе, издержки были бы тройные, а, в-третьих, при нашем образе службы при выносе пение огласилось бы в соседней комнате также умирающего чахоточного и которого просили пощадить последние минуты! Греч[еский] священ[ник] все это просто и тихо совершил. Четвертое, ночное погребение могло бы дурно повлиять на сопутствующих телу! Все эти дамы, их было бы до 8-ми, и другие, все более или менее присуждены к такой же участи, и нужно было подумать и об этом

* Одно слово неразб.

подвижном госпитале, ибо, несмотря на отдаленность кладбища, все тянулись пешком, и пр. Здесь оказалась Елину землячка, а именно г[оспожа] Косова, дочь Вильгельма Кюхельбекера⁴. Умная и милая, она показала нежное к земляку участие; читала два раза псалтырь, убрала его цветами, венками и т. д., как говаривал покойник. Несмотря на ее 27 лет, она изучила мертвецов и знает все их нужды: как и где их кладут, что им угоднее, любо и т. д. Она мне обрадовалась, как родному, и спасибо ей. Она здесь с теткой Глинкой⁵ и с 2-мя детьми. Была после родов без ног, но теперь, как говорил вам, прошла с телом и легко, и свободно.

Маленькая мраморная досточка с надписью по-русски «Здесь покоится рус[ский] докт[ор] Елин» будет прибита к стенной ограде, у которой и могила! Мы довольствовались скромною такою вывеской впредь до распоряжения вашего. Утро, конечно, употребили также своду расчетов! Во-первых, с хозяином, который требовал 600 ф[ранков] за расстройство комнаты и 77-50 за полтора месяца, не дожитых по условию!! Разными укорами и угрозами сбили его на 300 ф[ранков] и неустойку, как он гов[орит], 77-50!

К этой сумме причислены долги в аптеку, в отель за пищу и пр., а за погребение и пр., — всего, надо полагать, наберется издержек до 700 ф[ранков]! 250 фр[анков] с чем-то было налицо, остальные 1500 ф[ранков] оказались хранящимися в банке по расписке и увы! данной под его имя! Таким образом, они недоступны, и необходимые для покрытия издержек 400 ф[ранков] вряд ли выдаст тот же банк без законного предъявления суда и пр. Консул, видя эту необходимость, взялся за дело — хотел вступить в сношения с банкирами, и не думаю (разве под свою личную ответственность), чтобы он мог успеть в получении, не говорю всей суммы, но хотя бы необходимых 400 ф[ранков]. Он хотел сегодня опять возвратиться в Пизу и уладить, по возможности, выдачу 400 ф[ранков]. Надо сказать, что и он, и банкир готовы обойти закон, чтобы удовлетворить свою братию, алкающих итальянцев. Консул хотел взять на сохранение и деньги (если выдадут), и вещи; и все это предоставит в Мин[истерство] ин[остранных] дел по разрешению последнего. Он меня спрашивал о родных, о наследниках и, вследствие моего неведения, и думает отнестись к министерству. По книжке упоминается о десятке и более лотерейных билетов и не-

скольких рязанских акциях, хранящихся и поименованных им лично. Я думаю, что все эти капиталы без разрешения суда, по вызове кредиторов и наследников, никоим образом не могут поступить в распоряжение постороннего лица. Делайте, как знаете, и уведоьте Исаака Абрамовича Куперника или же Михайлу Ивановича Мессинга, которого знают как белого медведя после 5-летнего проживания его в Пизе по части чахоточного дела! Что за почтенные юноши, и поблагодарите их за оказанное более чем родное участие к Елину. Из вещей ценных только и есть, что часы и шуба. Все сохранно будет, это верно. Все книги, около 30-ти, я бы советовал поднести на память труженикам юношам — его же собственные книжечки с заметками и пр. берегутся для отсылки к вам. Одним словом, распорядитесь, как можете.

Надо удивляться, право, кончине кого же — медика; как он отделял от своего ума, от своего знания и так слепо, бессознательно допускал одно чудесное? Сам в дневнике говорит о неизвестном исходе и со всем тем живет и умирает при условии авось. За три недели он воспалился, и медики определили усиление катара, от которого, однако же, он слег в постель, и когда, дней за пять до кончины, оказался отек в ногах, то созвал двух германцев на консилиум и для определения причин отека!!! Накануне он был спокойнее — даже нежен с Куп[ерником] (он был до сего раздражителен и недоволен всем и всеми) и вечером съел котлетку и сказал не отходившему Куп[ернику]: «Идите спать и потушите свечку». Перед тем немец прислушивался, постучал и не нашел ничего особенного (доктора признавали за ним не более полутора или двух месяцев жизни!!!) В 5-ть часов утра он дернул колокольчик, хозяин с третьего этажа сейчас спустился и нашел его задыхающегося кашлем и едва выговорившего: «Dottore, dottore»*. Минут 20 спустя явился медик, но Елина уже не стало... Положение членов не оказывало судорожных движений; левое колено было несколько приподнято, и в правой руке еще стоял графин с водою, судорожно, верно обхваченный! Чистая артериальная кровь залила уста, грудь, подушку, матрац и в особенности коврик у постели! Туберкулез, объясняют, подточил арте-

* Доктор, доктор (и т. а.).

рию, которая при излиянии крови и задушила страдальца. Мир ему!!

Говоря о нем, я забыл и вас, и добрейшую Софью Пет-[ровну]. Надеюсь, что с появлением солнца и вы, как и мы, станете оживать и готовиться к предстоящему выезду. За горячим желанием свидеться и обнять вас дело не станет, но ведь не говорится вслух о таких предположениях, которые поистине смешны при моем возрасте! У нас время чудесное, но дожди допекали. Что делается с Мих[аилом] Серг[еевичем] — что-то он замолк, и я крайне тревожусь. Сохрани его бог (простите мне) от невоздержанной любви... к медицине! Если бы вы видели, сколько извел покойник латинских яств и питей!!! С какою верой... в медицину он умер!

Мои все здравы, и еще ничего не решено, куды бежать от солнца и мошек. Знаю, что я с поля смерти бежал, не останавливаясь, до самой черты, где настигли меня юноши и в течение полутора часов ожидания заботливо ухаживали и уложили в вагон. Все это меня порасстроило, и мне было не по себе. В 8 часов вечера я прибыл к себе, где услышал звуки певицы нашей Ч. и общество двух Оболенских⁶, этот ensemble меня порассеял и, несмотря на преследующие впечатления, несколько успокоился. Трио весь приветствует дуэт дружеский.

145. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

[Флоренция,] 3(15) а[преля 1872 г.]¹

Пора же, наконец, мне взяться за перо! Я так давно с тобою, друг мой дорогой, не беседовал письменно! Не то дело беседовать с тобой умственно? Когда я не с тобой? Но, право, духу недостает нарушать порядок твоих занятий, твоих мыслей трудным разбором моих каракуль! К тому же моя бесцветная, ничтожная жизнь отзывается таким однообразием, что легко тебе и предугадывать все ее явления! Так, несомненно, 10-го марта, если вспомнил о нас, ты был уверен, что мы встретили друг друга, обнимаясь; что мы забрались в твои на этот день шумные палаты, и, наконец, едва ли не заподозрил нас за здоровым кубком кисло-сладкого Allzzi (что и было), прибавь к этому исписанных целых три поздравительных страницы; страницы, показавшиеся мне столь тощими при мертвом слове, что я остановился и счел лучшим промолчать

до получения возбудительной твоей речи, без которой прихожу, право, в какое-то усыпление. Итак, 10-е марта прошло, и вот наступают другие числа, полные для нас занимательностью! Вот весть дойдет о твоих сборах и первоначальном выезде в твои беспредельные и живительные степи. С каким нетерпением будем поджидать твоих окончательных путевых заявлений; куды и с кем именно думаешь направить свое течение? Я говорю с кем, вследствие отзывов Лизаветы Григорьевны, переданных нам Зиной Сергеевной, якобы и трудно, и бесполезно предпринимать с такою семьей такую ломку во всем быте! Все это обдумается и со временем приведется в ясность, а я между тем с высот Борнабо буду вас выглядывать и выжидать! Полно забираться на высоты Альп и спускаться по рекам, из них вытекающим! Прощай, наш Рейн, прощай его вершины, мой чудный Рагацц, прощай, наша морская жизнь, которую ты так оживлял! Как ни рвется и тело, а более еще душа к прежним впечатлениям, но делать нечего, надо от них отказаться и держаться палящей, сухой, однообразной итальянской жизни! Простившись на этот год с Швейцарией, с Тиролем и с Германией, станем греться, сушиться и телом, и духом, где же? — В Эдеме, как ты его назвал, а именно на Луккских водах, теперь покинутых маркизами, предпочитающими морские ванны и вообще все побережье, как-то: Ливорно, Виареджио, Спеццию и пр. Вследствие такого предпочтения воды воздешевели, а свежесть оттеняющих перелесков и здоровый воздух остались за нами!

Сверх всего, явилась благодетельница, которая ежегодно возит своего сенатора на эти воды, и они взялись нас, зная местность, устроить и дешево, и уютно! То молодая мать 16-летней ученицы Вари, и, конечно, из собственных видов, чтобы дочь не прерывала свои занятия и имела для себя общество, она и хлопочет о нашем водворении. Муж ее Марлиани представляет собой некоторое со мной сходство в обстоятельствах жизни!² Он испанец и, как водится, был лет 50 тому назад ярым бунтовщиком; бунтовал, как и я, сидя в креслах, а может быть, и лежа, как я, в постели; за что и был, как и я, осужден на смерть!!!³ Избавившись, как и я, от этой пакости, он с Эспартеро бежал, но был Кавуром взят под его крылышко и посажен не на кол, а в Сенат⁴. На этом и кончается параллель, как сказал бы Плутарх!⁵ Вот он, как истый сенатор, обез-

главленный и обезноженный, а я, я... безъюный недоросль. Вот с этими двумя личностями и буду я прохладиться; с одной стороны, еще милая женушка, с другой — старик ворчун негодует на все и вся! На этом пока мы и остановились.

15-го мая думаем тронуться налегке, имея в виду возвращение в Флоренцию. Швейцария отброшена; поездка с обратным путем обошлась несколькими сотнями франков лишних, а всякие излишки вредны.

Наконец ты явился, друг мой, и явился во всем блеске обновления! Да здравствуют эскулапы, если все это так, как ты говоришь! Но сколько нужно будет еще осторожности, чтобы окончательно укрепить в этом новом для тебя положении. Такая важная и радостная весть затмевает все другие; будешь здоров, будет и все прочее! Признаюсь тебе, что на это время и неудачи твои по дорожному делу отозвались даже слабо, сравнивая с успехами твоими по части здоровья. Опять скажу, будь последнее — а прочее не уйдет от твоих ручек; как бы они ни оголились, а на щегольские перчатки для прикрытия их станет твоего собственного добра, за которое ты хочешь приняться! Это так серьезно, что ты обошел молчанием вопрос о загранич[ной] поездке. И в самой вещи, если здоровье твое покрепит, то и отлучка такая продолжительная не будет иметь прежней цели! Дал бы бог такой результат! Как бы ни велика была наша потеря, но покорюсь ей, жертвуя своими эгоистическими видами.

К тому же пребывание твое в Павловке будет иметь несомненное влияние на дальнейший ход путевого дела! Не одни твои советы, но, я думаю, и указания не утратили прежнего значения, и без кондуктора, как машина, и самое дело не пойдет. Мне кажется, что до окончательного направления дороги администрация при неограниченных своих действиях будет поглощать значительный процент! Сбережениями одними только и можете пополнять пробелы взносов [господ] администраторов. Дорога не может заглухнуть, но может тянуться, ковылять и держать ваши все акции и облигации в таком упадке, в каком они являются. Я стал получать «Новое время» за 2 фр[анка] в месяц на 5-ть часов чтения, и тут-то я слежу за Царицыном, и увя! и в помине вас нет!! И больно, и обидно. Твое здоровье исправлено, твое дело ухудшено — вот две неожиданности, а за ними последовала самая невероятная,

если только ты не подшутил — я хочу сказать о чуде уплаченных тебе Воронками 19000 р. Воля твоя! тут что-то не то: или Репиовка воспрянула (но, кажется, об ней не было и слова), или же продано было нечто, вроде барашек и пр[очего]. Поистине, не могу себе эту задачу разрешить! Все так! но с чем же жить да поживать, ехать за границу и меня везти в Помпею?? Так или иначе, а итог все-таки благополучен. Ты спрашиваешь, как идут уроки Вари; одна ученица уехала в Венецию, а новых не ищем — 1-е дело еще поучиться, а там уже учить. Довольно с нее и занятия по комнатной музыке. Вчера исполнили два трио; один Мендельсона, а другой Рейсигера!⁶ Вышла победа... Публика толпилась. Дружкой⁷, Глинка, Косова, дочь Вильг[ельма] Кюхельбекера, и пр., пр. Об этих всех народах в другой раз... Флоренция оживилась, присутствие королей, принца Вельского и сегодня даже бег в Casino!! Можешь вообразить, как поидет это обезьянный. Повлекусь для курьеза...

Только что возвратился из этой New-market пародии⁸ — что не помешало не только толпе, но и карикатурной аристократии забираться на козлы своих карет и оттуда любоваться, как раскормленные жокеи тяготят спины клячонок. Я, за первым бегом, бросил это зрелище и уединился среди распустившихся деревьев! Что за зелень, что за воздух, тем более обаятельный, что я впервые вырвался из удушливых флор[ентийских] стен! Здесь все произведения наши летние в ходу уже давно, и как все это дешево! Сегодня появились уже вишни и крыжовник. Житье здесь растительному царству, сравнивая его с нашим, всегда бедствующим. Сейчас получил от Бибикова письмо — жене его лучше, и пишет, что Ник[олай] Ник[олаевич] отправляется в Питер на три месяца, не извещая о причине такой поездки! Ты интересуешься моими отдерландами!⁹ Увы: если настоящие празднуют свое освобождение¹⁰, то я не могу такожды ликовать об освобождении моих, укоренившихся в оных недугах! У меня последовало центральное движение, и из двух грыж образовалась одна у корня и довольно видная. Хотя и не очень меня беспокоит, но катастрофы не миновать! Оберланд^{**11} также катарничает: глаза поместились в каких-

* От haut — верхний (франц.).

** От ober — верхний (нем.).

то мешочках, одним словом, безобразие и только. Право, можно бы несколько щадить бывшего молодца, с которым ты нашел сходство в новопредставленном тебе юноше!¹² Что, друг мой, осекся ты, воображая, что я дядька для всех, а не для тебя одного? Возьми себе за правило, никогда не упоминай о давно не существовавшем моего ближнего существования*. Друг мой, не брани меня за мои карикюлы. Не беда, если что и пропустишь или не поймешь. Такое бессвязие, только и есть свежего, что мое к вам чувство! Не забывай же меня и хоть изредка и дай словечко! Ты не знаешь, как оно для меня, для нас дорого! Прощай, нет, позволь сказать до свидания! Дорогой Елизавете Григорьевне все наши душевные приветы. Храни вас всех бог. Как мы часто, часто говорим о вас. Вчера еще Варя снималась и в твоём платье, вспоминая все твои возгласы, «что она ничего не умеет, все портит, все фантази и пр.» Повидай и прощай, добрый ты мой Миша Сергеевич.

146. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

[Флоренция, до 16 мая 1872 г.]¹

Итак, любезнейший коллега Николай Андреевич, наша русская медицинская правда взяла верх над германскою. Один помог императрице²; другой — одному князю и спас от холеры юношу столбового; третий... но вас всех не перечесть, и да увеличится это число, насколько мое русское сердце этого желает! Все бы хорошо — но есть одна беда: у вас, у русских, не сформировалась еще та свинцовая з³..., которая дает немцу такую усидчивость и под конец такое превосходство над русским врачом, который подвержен не только сам движению, передвижению; но и бедных своих больных известным скачкам! Вот уже вам и не сидится, и вы с Софьей Петровной поглядываете в форточку и допытываетесь у солнышка, когда оно явится ангелом-избавителем вашим. Вижу ваше нетерпение поотдохнуть и понырять в ледяной Арве, и когда-то я не только радовался, но и прославлял этот порыв, теперь же увы! Я в Италии и в той же тюрьме, не будучи даже папой!³ Вы слышали, что Ел[ена] Сер[геевна] и Мих[аил]

* Так в подлиннике.

Серг[еевич] собираются на зиму в Италию, и трудно отказаться нам от такого соседства, а еще труднее разъезжать при наших средствах для того, чтобы возвратиться к той же точке исхода! Для этих скачек потребовалось несколько сотен лишних франков, коих не имеется. Потому-то в силу сильных обстоятельств надо на этот год отказаться от моих гор, моих озер и довольствоваться всем тем, что лишь под ногами! К этим лишениям присоединяется и другое, а именно свидание с вами, тем более что Варенька Москвитина пишет, что вы Италию выбросили из своего путешествия! Софья Петровна, вижу, вовсе зазналась, и ей уж Италия нипочем! От души радуюсь такому презрительному взгляду на здешнее солнце (видно, оно уже излишек), а между тем очень жаль, что хоть на этот раз не взглянет на Апеннины с первою любовью! Понимаю, что и вам колесить не приходится и в такое время года! Что же делать? Надо покориться обстоятельствам и отложить свидание до.., до, право, не знаю, что сказать, чтобы было не смешно до безумия, располагая временем. Итак, отказываясь от обычных встреч, будем уединяться и жечься в Апеннинах, и именно на Луккских водах; где есть и тень, и свежесть, и все, что может предохранять не только от всесожжения, но даже от загара. Есть еще и та прелесть, что там все одичало, как заброшенное место, и поэтому дешевизна на все, в особенности на квартиры. Прежде воды эти были в ходу, но морские ванны заманили всех маркиз, и местность опустела за недостатком празднующейся аристократии. Настроили было бездну вилл, превышающих числом своим число истинно больных, которых очень мало в Италии. Все это нам передано от очевидцев и от бывалых. Надо будет все это поверить на месте, и 16-го мая мы выезжаем и остановимся на время в самой Лукке, где также оказываются выгоды и по местности, и по дешевизне. Воды отстоят в 2-х часах, поэтому и легко достигаются. Тут же на равном расстоянии и Виареджио, где устроены морские ванны и где жизнь проще Ливорнской и Спецьевской. Я имею и это в виду вследствие состояния Вари. Она не хворала во всю зиму, а между тем бледна и похудела, что мне больно не нравится. Увидим, как пойдет лето и что понадобится! Я приехал сюда огурчиком и выезжаю чисто корнишоном, и то требующим скорейшим образом маринования. Не стану вам говорить о себе — скверно, и дело идет к отчет-

ту. Лариса Андреевна одна у нас процветает, не надо забыть М-ме Мердер, которая стала свободно и крепко ходить⁴. Она 2-й месяц с нами, поселилась по 16-е число, после которого и разъедемся. Итак, Софья Петровна воспрянула также и если еще жалуется Европу, то единственно для вас! Вы едете на Киев; не худо, но почему же не продлить пути до моей родины, до Одессы и оттуда Дунаем на Вену! Вот это была бы прогулка вполне и вместе отдох! Теперь все с нашего юга выезжают; завтра ждем Катарджи проездом в Женеву, а там по обычным водам, Софья Никитична также на днях прибудет, а за ней и Петр Александр[ович] с птенцами!⁵ Куды направляются, он помалчивает! Я просил Куперника обсадить могилу и убрать ее зеленью; он это и совершил, посадил два кипариса, засеял травой и приложил мрам[орную] досточку с рус[ской] надписью. Теперь он сюды приехал на месяц и поедет навстречу матери в Вену, но в Россию бог весть — плоховат грудью: и кашель, и лихор[адка]. Жаль не жильца! Варя писать будет на днях С[офье] П[етровне] и вышлет вам свою карточку. Жена и дочь говеют и, следовательно, заняты молитвой и уборами! Здесь в[еликая] к[нягиня] Ольга Федоровна⁶ и много наехало русских. Из них, конечно, я преданнейший вам, до свидания, не правда ли. Будьте оба здоровы и счастливы.

В[есь] в[аш] А. Поджио.

147. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Bagni di Lucca *, 27 мая [1872 г.]¹

Наконец, добрый друг мой М[ихаил] С[ергеевич], расправил я ошипанные мои крылья, взвился, как лебедь, и на данной высоте спустился, засел и улегся на Луккских водах!! Помнится мне, как ты некогда отозвал эту местность Эдемом — Эдем и есть, менее Адама, но с готовым змием, проявлявшимся в Эве и не одной! (Для объяснения речи скажу тебе, что здесь пропасть змий, но, говорят, не ядовиты.) А обитатели и Эвы исключительно хороши! Поэтому страна даже и с этой стороны имеет свой особенный отпечаток!

Племя здешнее поразительно типично; природа раски-

* Луккские воды (и тал.).

нула все свои прелести во всех отношениях! Как я был неожиданно поражен невообразимым найденным оазисом среди брошенных мной оголенных Апеннинов и аравийской флорентийской равнины! Здесь древоубийца итальянец не касается лесов; он привык их уважать и холить не только как высшее украшение всякой природы, но как полезнейшего и необходимейшего его спутника и хранителя во всех отношениях, как гигиенических, так и хозяйственных! Это малая Швейцария, крайне сходный с нее снимок, в малом виде, в сжатых размерах, при отсутствии величавых гор и ледников, но с тою же роскошною разнообразною растительностью, с тем же легким, живительным воздухом и с одинаковым обилием водопадами текущих вод, выбегающих как змеи со всех боковых гор. Бывший некогда пианист, а теперь негоциант Дисси, построил здесь дом с большим залом и с изящным вкусом. Показывая свое каменное детище, в каждой комнате он сопатоге* открывал проводный кран и орошал водой только что раскрашенный под мрамор узорчатый пол! Любуясь этой особенностью, он как-то ожидал моего восторга, а я ему: «*Quand vous tirez vos accords, vous en rendez l'air, mais quand vous ouvrez vos robinets, voyez l'eau que vous faites*»**2. Приемные чаши еще не подделаны! Дом примыкает к скале, в которой также вставлены краны, и он, вода нас по тропинкам, проложенным в отвесной своей горе, украшенной разными киосками, только и делал, что забавлялся поворотами своих кранов. Я из всех стихий предпочитаю воду и потому и воспел тебе ее. Представь себе, что целый этаж при богатой мебелировке со всеми удобствами на 6 особ, не считая людских, сарая, конюшни, 1500 фр[анков] на все лето по 1-е сентября. Мы же улеглись у самого *ponte Serraglio****, за весь этаж с 4-мя постелями и пр[очим] за 300 фр[анков] по 1-е также с[ентяб]ря. Все у нас под рукой и без лестницы, что для моих грыж очень приятно!.. Прощу тебя, если сможешь писнуть, то и скажи: Италия — на Луккские воды. *Italia, bagni di Lucca, S-ra Larissa Poggio.*

* С увлечением (итал.).

** «Когда вы извлекаете аккорды, вы передаете ими мелодию, но когда вы открываете краны, посмотрите, сколько напускаете воды» (франц.).

*** Мост Серальо (итал.).

Итак, как видишь, любезный друг, в ожидании будущих благ, т. е. приезда вашего, мы сообразили, что сократили расходы по случаю поездки вперед и назад в Швейцар[ию]. Самая благоразумная мера, а потому и скрылись от солнца и комаров, как есть в *bagni*! Здесь пробудем до 1-го с[ентя]бря, а там посмотрим! Хотя Bülow и утверждает, что для Вари не нужна консерватория, что она достаточно музыкально образована, чтобы совершенствоваться одна с самой собой; но это вздор, и без знаменитости какой-нибудь германской не обойтись — но это все выяснится на будущий год, при мне или без меня, если только она будет проследовать с одинаковою настойчивостью музыкальное свое стремление. С выездом нашим прекратились дуэты и трио; теперь займется одиночным учением. Тот же Дисси предложил Плейеля³ за 80 ф[ранков] на все время; тогда как цены его стоят между 120 и 140 ф[ранков]. Все это по знакомству и артистическим сношениям. Бюлову поручил король постановку двух опер Вагнера, и он, забывая соперника и видя одного ген[иаль]ного композитора, едет в Мюнхен на 2 месяца, а оттуда в Америку. «Я должен трудиться для моих 3-х дочерей, пока я в силах». Любопытное обстоятельство: одновременно туды же, за моря, отправляется и Рубинштейн, только при таких условиях, которым не подчинится мой барон. Он отдался какому-то *impresario*, который принимает все издержки на себя и выдает ему 200 тысяч франков за 200 концертов, исполненных на указанных им местах!! Я думаю, что за отсутствием других социальных причин американцы раздвоятся!!

Варя тебе посылает карточку, нарочито снятая в дарованном тобою платье. Ты заметишь, как она похудела, не чувствуя никакого недуга! Не поправит ли ее здешний воздух? Коснувшись здоровья, конечно, ты выступаешь новым лицом, при новых атрибутах и при новых уже тенденциях! Я нашел, как видишь, необходимым употребить неорусские выражения, чтобы выразить свою мысль. Я до того отдался верованию в твое сказание, что отказался от всякой возможности осуществить бывшие наши встречи! Я не только не подался к северу, как во время оно, но забросил свой якорь на Луккских водах, а Рейн катит свои волны помимо меня!..

Я до того попятился назад, что Нелле говорю: «Votre frère dans les grandeurs de la santé nous fera

faux bond et tournera le dos à notre soleil d'Itali»*. И давай бог! Когда ты откатишься от кисло-сладких вод, от горьких, соленых медиков и станешь крепко на своей русской почве, то нет сомнения, что здоровье твое настолько улучшилось, что заграничные поездки сделаются излишними! И давай бог, настолько пожалею о себе, насколько порадуюсь за тебя, друг мой! Ты тогда будешь целым и цельным моим славным человеком. Не скрою, что больно мне, нам жить и не выжидать твоего образа из-за гор... Но что делать? Поддержи меня утешениями, что ты и впрямь воспрянул и начал расправлять свои погнувшиеся члены. Выпрямись как следует и вперед.

Мы живем здесь в полном затишье; посетителей очень мало; съезжаются только в 20-х числах июня и по большей части по счастью все англичане. Отсутствием итальянцев и объясняется чистота и опрятность городка; все уголки не покрыты италианскою ржавчиной! Одно слово «воды» пробуждает все наши с Варей воспоминания и сравнения, к которым ты только и не достаешь. Давно не имели весточки от вас и знать не знаем, что с вами? Зато пишут неожиданные. Пишет нежнейшее письмо Нонушка из Вены; бедняга благодарит за все утешения, найденные ею в нашей семье при проезде через Флоренцию с старшим сыном-кандидатом и с Ларионом, которого они оставляют юнкером в Варшаве⁴. Хотя и крепко сложен он, но ненадежен. Много она испытала и не при конце еще испытаний. Варя ей служила чичероном, и, напоминая ей дочь, сколько раз она принималась за слезы! Насколько наружность потрясена, настолько еще душевного огня. Я просил ее передать тебе ящики моей походной подвижности. Если уцелел Карамзин в 1-м древнем издании, то подношу его Сереже твоему!⁵ Зина возвестила о своем приезде и о свадьбе меньшей Давыдовой (30 лет) за славного Бутакова!⁶ Посетили и добрую старушку Лизавету Андреевну, которую застали вооруженную очками, иглами за приготовлением приданого для второй дочери Лизы! Она выходит за известного художника-портретиста Перова!⁷ Мы еще никогда за границей так дешево, просторно и хорошо не устранивались, как устроились теперь. 4 спальни, гостиная, застольная, особенная кухня; дева гор[ничная]

* «Ваш брат в величии здоровья подведет нас и повернется спиной к нашему итальянскому солнцу» (франц.).

поправляется одна, убирает комнаты, готовит, и все это за 15 фр[анков] в месяц. Живем мы в угловом доме у самого моста Серальо, и Лиз[авета] Григ[орьевна] не может его не знать. Луккский пейзажист, не сходит с моего мосту и в обе стороны снимает виды, и я похаживаю любоваться, как этот Бандони играет смело и живо своей кистью⁸. Довольно, разбирай, друг мой, как знаешь, не поймешь руки, поймешь мое сердце. Всем вам от всех нас благословения! Господь с вами. Пиши, умоляю, и скажи, где ты, наш добрый?

148. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Bagni di Lucca, 11 и [июня или июля 1872 г.]¹

Спасибо тебе, друг мой добрый, что, несмотря на продолжавшуюся качку, ты сумел взяться за перо и удержать его, чтобы дать о себе весточку. Право, так нехорошо уму и сердцу не знать, где вы и что с вами? Если и опять трудно будет определять твою географическую точку, то все-таки знаю отчасти пространство, в котором ты плаваешь! Все вы на месте, все вы здравствуете, и, право, знаменитый твой echo* теряет свое значение после первого. Ты же до того зазнался, что на всех 4-х страницах не только не говоришь о своем здоровье, как бывало во время оно, но даже и словечком не даришь бывшую простату! Я и говорю: «Если будет за тобой здравие, то и ноль пойдет в ноль, и до того он съезжится, что превратится в единицу; ты придешь к знаменитому результату Рейхеля², который опровергал и существо, и существование Ноля!» Какое еще мне лучшее доказательство благополучия твоей простаты, когда ты говоришь: «Поездка моя будет зависеть от моих дел!» Не так-то выражался торик**, и слава богу! Если бы не явился ты на наш горизонт, то все-таки вследствие другого, а не того грустного прежнего! А это главное, как бы все это не было близко сердцу! Дела же твои с первого взгляду, конечно, не благоухают в отношении прежних ожиданий, но все-таки при взятых мерах воздержания и при честной, правильной и сберегательной администрации можно надеяться на лучший оборот! Не пуская акции в продажу, вы

* Эхо, отклик (франц.).

** Возможно, от tors — крученный, витой (франц.).

дадите делу и прочность, и доверие к нему, вся тайна в выдержке и в ожидании; благо, правительство, понимая свой собственный интерес, содействует успеху и вашему. Многим, многим обязано тебе земство удержанием дела над пропастью, у которой оно стояло! Передержанный миллион, по части шири русской, да послужит вам уроком для воздержания в постройках и в продолжении оных! ³ Дал бы вам бог урожай, и дорога оживится несомненно — но все-таки зависеть будет от сбережения входящих сумм — а ведь тебя там нет...

Между тем как у нас постоянные дожди с примесью холода, вы пошли в тропикане, и ваше солнце 32°, а в Риме 20!! Желательно, чтоб засуха не последовала за этими жарами и не обманула все ваши надежды! Горе бедным будет крестьянам! Твои недоимки поразительны, соответствуя капиталу в 200 000!! Авось? Что касается до цифры засеянного льна, то не только меня ты привел в ужас, но Либих⁴ сам вздрогнул бы от удивления!! 500 дес[ятин], да полно, так ли, и еще тут же и вовремя уборка! Я не боюсь 4-го хлеба, а боюсь только замешавшей здесь пшеницы, которая, конечно, поистощила почву. Ваши два проса при вашей поверхностной распашке не изнурительны, довольно остается незатронутых, уцелевших от распашника горстей, чтобы оставались в ней еще питательные начала — вот почему и лен твой и может еще успешно прозябать, если только земля была глубоко и рыхло разработана! Ты указываешь на воронковскую целину, допрошенную два лета сряду? При их шаловливой распашке можно и три, и четыре получить сквернейшего, недозревающего семени! Пласты, поднятые слегка и плотно лежащиеся, не позволяют семени прозябать ровно, и ты всегда увидишь на поле два сбора: один уже созревающий и другой, идущий в цвет. Здесь дело берется количеством, и берется потому, что есть земля еще цельная, и работа, в особенности в Воронках, почти что даровая. Густое население при недостатке пастбищ, покосов и при влечении к скотоводству идут на ту же вольную барщину и бесплатно обрабатывают поля и пр[очее]. Только при таких исключительных условиях и можно приступать к хищническому, как я его называю, земледелию! Вы при отсталых ваших понятиях думаете, что только целина и есть земля и что всякая другая есть нечто болезненное, больничное и не способное вырывать ваш труд! Вы все

стоите на том, что лен, просо и в особенности кукуруза не могут иначе и расти, как на целине? Какое земледельство! Целина вас избаловала в прежнее время, а теперь губит, хотя и незаметно, с 1-го разу. Разве не видал ты заграничные льны? И может ли ваше семя равняться с семенем заграничным? А бурьянное грубое ваше волокно может ли уподобиться волокну фландрскому, гол[ландскому], ан[глийскому] и прочему? Разве все это росло на целине? Мы с тобой видели возле Цюриха и Валленштейна поля кукурузные, видал ты их и в Италии? Что за сила в растении и что за зерно? Теперь в Бессарабии это важнейший делается предмет для вывоза! На целине ли эта кукуруза выделяется? Разработка! Знаешь ли, что здесь, при благоприятных, конечно, условиях, пшеница дает от 20 до 25 зерен? А качество? Спроси булочника, конфетчика, и они предпочтут всегда сицилийскую, сардинскую пшеницу преслоутой гирке, турке и пр[очим]!⁵ Что, если бы вам напустить на рис? Что бы тут вы показали, а здесь рис 20 сантимов фунт!!! Вы все говорите одним ответом — хорошо им, кротам, копошиться на малом пространстве? Да кто же вам велит все держаться большого размера, который только истощает и земли, и средства? Ужели твои 500 дес[ятин], сокращенные в 250, но тщательно разработанные и спешно убранные, не дали бы ту же сумму лучшего зерна при половинной издержке? Но вы неисправимы, вы любите ширь, неограниченную чужую и свою власть, итак, нечего и болтать. Куды ты, между прочим, направляешь свой лен? Прошу тебя, держи меня на течении всего этого льняного дела! Оно меня до того изумило! Скажешь мне: какой был сбор и приблизительные издержки! Ты мне говоришь: «Вероятно, солнце пригрело и отогрело кости». То-то и нет, здесь и всюду дожди и в таком изобилии, что ты, вероятно, читал о разлитии рек; один По залил 70 000 гектаров и опустошил на 20 мил[лионов] убытков; впрочем, здешний воздух борется с сыростью, и организм не страдает! Но дело не в общем состоянии организма, а дело в его частностях! Грыжи мои стали невыносимо выказываться и увеличиваться. Я до того дошел, что каждый шаг делаю отчетливо и отказываюсь от движения, чтобы не попасться в прищемление. Теперь я из голубиной эры, кажется, перехожу в куриную, за которой последует гусиная, а там, пожалуй, и страусовая. Впрочем, не думаю дойти даже и

до периода гусиного, ибо все предвещает неизбежную катастрофу!

Стою на той же почве восторженности, но горы уже не для меня... а какое искушение!! Варя не только не выросла и не пополнела, а, напротив, похудела! Есть и сон, и позывы к пище, и те же правильные исправления... а все проку нет!! Даль меня тревожит! Сенаторша с ученицей приехали и сейчас принялись за три урока в неделю. У нее был Бюлов перед отъездом и расхвалил Варю не только как искусницу, но весьма способную в преподавании музыки. Настаивал в непременном исполнении данного им совета продолжать уроки как средство к своему усовершенствованию! Поджидаем Аделаиду с двумя милыми племянницами!

Варя одна, а главное, я ей не спутник по части прогулок, да и мать не из быстроногих! Кстати, Невельская обратилась к нам за некоторыми сведениями — она со всем семейством и даже с самым круглым нолем собираются к 1-му октября во Флоренцию на зиму. Дочери прихворнули зимой, к тому же они любят музыку и пр. и хотят поусовершенствоваться. Я очень рад буду обществу славной, уважаемой женщины и обществу для Вари милых однолесток! Радуюсь успехам Сережи Дмитрича; дело было только в самосознании, и однажды ставши на пути, то и цель, при его способностях, должна была быть достигнута.

Я вижу в нем будущего эффектного чиновника! Воображаю радость мамы, и как она присутствиями огласит ваши немые стены замка! В ненастные дни не худо будет выписывать соседку женщину <...>* одно только, не противуречить и поводья пускать! Однако же я заговорил тебя, друг мой; отдыхай, а главное, не читай меня в один присест! Все наши душевные приветствия дорогой Лизавете Григорьевне и детям тысячи нежных слов. Вчера мы тебя, в особенности Варя, перенесли на любимую *Via male*, на балы Реме и много хохотали. Господь с тобой...

149. М. С. ВОЛКОНСКОМУ

Фирица! 17 октября [1872 г.]¹

Добрую весть твою пущенную, дорогой друг наш Михаил Сергеевич, я принял за предвестницу строгого

* Одно слово неразб.

исполнения всех твоих начертаний! Бог поможет тебе совершить победно и благополучно твое полусветское степное вращение, и если это так, то убедишься, что вместо врачей надо приняться за самую природу. Если это так, то не прямое ли это указание, что тебе надо воздержаться от всяких манипуляций и предоставить времени (конечно, при самой правильной и воздержанной жизни) успокоить запавшую раздражительность и ввести в прежние нормальные пределы. Умоляю тебя избегать употребления минеральных вод; можешь не верить моей учености, но должен верить моему опыту! Laves bien la vessie avec de l'eau de source dégagée seulement de tout principe calcaire soit alcalin. Dans le cas d'irritation rien que des cataplasmes chauds et de l'orge*. Защищай свою цитадель от врагов — врачей, кроме тех крайних случаев, которым ты еще не подвергался. Знаю, что я говорю на ветер и что при первом свидании с Н[иколаем] Анд[реевичем] вы пуститесь в розыски, и вот что меня беспокоит и тревожит! Делать нечего, не пересилишь патентовых, и вижу, что ты стоишь на предположенном испытании. Будем выжидать последствий. Во всяком случае, возвращение твое, если только ты успел удалиться от дела, уже само по себе будет иметь благодетельное действие на твое здоровье! Увидим, как ты устроишься и какие плоды принесет древо, пересаженное на другую почву. Теперь уже вы, вероятно, сгруппировались в Питере, и боюсь, не встретил ли вас общий обнаружившийся холод. Представь себе, что с 5-го числа такая последовала перемена в воздухе, что ваш Nord-est** со своими ветрами напугал нас всех до того, что должны были и мы побросать свои палаты и перебраться, как ты говоришь, в солнечную землянку. Наконец-то, после долгих и самых отчаянных поисков (так трудно найти маленькую квартиру, чтобы была не зловонна и спокойна) землянка отыскана и упрочена за нами с условием на всю зиму: три комнаты в ряд на полном солнце, когда оно есть, с кухней, с хозяином, с племянницей и с мальтийской собачкой. Вот жители всего 2-го этажа Via Pietra bianca № 16, что на русский выйдет: у Петра пьяного № сидячий!² За все эти приятности,

* Промывайте хорошенько мочевой пузырь родниковой водой, свободной от всяких известковых и щелочных элементов. В случае раздражения ничего, кроме горячих припарок и ячменя (франц.).

** Северо-восток (франц.).

полные удобства, с прислугой и обязанностью готовить заказной обед, 120 фр[анков] в месяц! Дешево относительно, и только и могли устроиться с помощью бывшего нашего хозяина. Флорентийцы еще не отрезвились и только в генваре убедятся, что столицы не стало, а с нею и запроса чрезвычайного³. Мы теперь на противоположной стороне от Casino, но если взять за центр города *il duomo et la piazza Signoria**, то находимся на одинаковом почти расстоянии. Зато среди всех театров: Pergoli и 4-х других. Мы можем, не входя, проходить мимо их. Говоря о них, должен тебе сказать, что и мы были завлечены в этот театральный поток, который уносит за собой всех итальянцев. Мы были с Катарджи при открытии Pergoli: «*Il guagnani*» был заглушен рукоплесканиями и Гомец беспрестанно вызываем *con la S-ga Letti et il S-r Bolis***». Пьеса крайне эффектна, и не миновать ей вашего театра! Есть счастливые мотивы, но юный автор мастерски владеет инструментальностью, что и подает большие надежды для его будущности. Давали также «Фаворитку», в которой Галетти выказала при отличном пении большой сценический талант⁵. Тут Naudin, тенор⁶, превзошел себя гибкостью своего голоса, посредством которой он спускает его *de fiore di voce****, и в самом деле этот способ пения имеет нечто особенно усладительное чувству. Варя тут же сообщила Катарджи, что М[иханл] С[ергеевич] так же опускает искусно свой голос, с тою разницей, что Naudin делает это с помощью оркестра, а ты это делаешь, что гораздо труднее, с фортепиано! Она тебе выслала ноты, и когда ей заметили, что тебе все-таки некогда: «Нет, он найдет время; он велел мне высылать ему все новое; к тому же и Лизавета Григорьевна будет разбирать». Варя было на разгулье поправилась; приехала во Флоренцию даже с краской в лице, а теперь предалась музыке и давай бледнеть. Дело с фоном направилося⁷; после того как он при мне превратился было в Юпитера и вместо стрел стал метать карандашами, я перестал к нему ходить, и это, кажется, его успокоило, и он сделался гораздо спокойнее, т. е. насколько это возможно. Завтра едет на 3 дня в Рим поздравить своего maestro List с 62-м днем его рож-

* Собор и площадь Синьориа (итал.).

** С синьорой Летти и синьором Болисом (итал.).

*** В лучшем диапазоне голоса, в полный голос (итал.).

дения⁸ и вместо понедельника назначает понедельник*, чтоб Варя не потеряла урока. Кончает баллады и прелюды Шопена; к завтраму дал ей *Variations Sérieuses* de Mendelson и будет ему играть «Concert» de Hummel**⁹. Вообще он крайне любезен и внимателен. Вот тебе отчет нашей малютки жизни; но как ты поведешь свою новую; и ужели твоя бывшая приемная опустеет. Грустные известия о Корсаке. Прости на этот раз, довольно я наболтался, а еще и не говорил о другой грыже, выказавшейся повыше прежней. Все не ладно, и может ли иное и быть?

Прощай, друг мой, и тысяча наших родных приветствий тебе и добрейшей Лизавете Григорьевне! Малюткам расти да расти. Господь с вами.

Тебе преданный А. П.

Где мое германское время?

150. Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

Флоренция, 26 [декабря 1872 г.]¹

Спешу, пока время за мной, поздравить вас, дорогой Николай Андреевич, и вас, добрейшая Софья Петровна, с наступающими новыми днями нового будто бы года. Не желать вам ничего нового, а продолжения былых условий вашей жизни, за исключениями негодных недугов, которых, однако же, как ни говорите, а изгнать и только!

Теперь же пишут, у вас погода гнилая, холодная и болезни необыкновенно усилились! Невольно боюсь за вас, чтобы при предстоящих трудах не подверглись вы сами зловредному влиянию ваших болот. Софье Петровне предстоит только воздерживаться и сбережениями готовить свои силы к будущим экскурсиям по морям и по горам! Я же, увы! Только помалчиваю; до того уже иссякли силы, но иссяк и голос воображения. Кстати и о себе, зная, сколько вы заняты процветанием поднятых и дарованных вами мне сил. Но что делать, надо же дань платить шатким условиям жизни. Вот и я крепко было пошатнулся от катара, объявшего давно задетые бронхи. Я до того задыхался, до того познал, что уже все сидя отделявался от удушья. Мих[аил] Сер[геевич] и жена восстали на меня и

* Так в подлиннике.

** Серьезные вариации Мендельсона... концерт Гуммеля (франц.).

пригласили Лева, который стал меня заливать дегтярной водой и пр.! Я должен был сдаться и подчиниться рецептам больше для их успокоения, чем из убеждения в исцелении. Время и гигиена поубавили напоры спазматических схваток, и теперь сносно борюсь с недугом и свыкаюсь с этим новым спутником отходящей моей жизни. Одно солнце, может, еще попятит, но где его взять? Сегодня у нас мороз!!! в 1°!! Говорю с вами поверхностно о себе — загазное дело неприменимо, итак, до свидания!.. Я вам назвал М[ихайла] С[ергеевича] — да! он здесь и в самой Италии пошатнулся. Приехал сюды полный, здоровый, неузнаваем, и что же, не прошло и недели, как запел он, бедный, опять старую песенку: вот он и похудел, и позадумался, и опять стал уже мечтать о Париже. Все это непостижимо, адресовался было к одному здешнему специалисту Корради². Сей его визитировал и отрекся от лечения — находя механическое внутреннее лечение даже вредным. А такая песенка не по нас — давай нам прижигание, эндоскоп и пр.! Все это грустно! А бедный Наполеон превращен в каменоломную!³ М[ихаил] С[ергеевич] здесь со всем семейством — Рахмановы также проведут зиму, и потом все они и все русские потянутся на выставку. Русский элемент в небывалом изобилии; несмотря на Рим и Неаполь, поглотившие большую часть, на долю Флоренции осталось еще достаточно и в небывалом количестве! Между прочими здоровыми зимует здесь Айвазовский — я с ним, с этим даровитым и любезным художником познакомился и не раз ходил любоваться его беглою и творческою кистью. Три картины заготовил для выставки и столько же еще в виду!⁴ Русское общество, русские газеты, новости — все это смягчает припадки ностальгии, и все это время колония тревожно следила за состоянием царственного больного, который, кажется, стал еще дороже для вернопреданных! Вдвойне восторгался я при виде воспрянувшего витязя под победоносными знаменами Боткина⁵! Русское поприще, русское и имя! Как-то вы преуспеваете при вашем сочувствии к вашим больным? А ведь еще далеко до избавительного мая! Поберегайте себя — что пописывают вам родные сибиряки? С каким прискорбием читал я весть иркутскую! Какое жалкое начало для такого страшного исхода! Обида нанесенная, но вызванная обезоруженной рукой в частном порыве, и по-

вела к расстреливанию!!! Но оставим несчастного столяра, а еще более несчастного генерал-губернатора!⁶

Что вам сказать о нашей жизни? И есть ли она там, где слышны только охи больного? Все это мешает нам переноситься, и не раз, к нашим bagni, и горным, и морским! Певица с нами вверху — но сцены не видит пока! Варя занимается комнатною музыкой и завидует вам, что услышите Бюлова постом!.. Жена вас обоих приветствует сердечно, Варя пишет, а я жму вам нежно-крепко руки. Будьте с миром и в здравии.

Весь ваш А. Поджио.

Приложение

[Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ. НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ДЕКАБРИСТА А. В. ПОДЖИО]

Скоро минет 17 лет, как умер один из декабристов Александр Викторович Поджио. Случай доставил нам в руки тетрадь его записок, писанных в самые последние годы его жизни и представляющих, очевидно, начало труда, задуманного по весьма широкому плану. Мы были одно время в нерешимости, печатать ли эти, скорее, наброски, отрывистые, не представляющие фактического интереса для дела декабристов и притом не представляющие труда законченного. Но, с другой стороны, мы считали себя не вправе уничтожить их или держать под спудом. Несмотря на свою отрывочность, записки своей, так сказать, субъективностью, представляют большой интерес, обрисовывая до некоторой степени столь симпатичный русскому обществу тип декабриста с его воззрениями и политической программой; читая их, нужно помнить, что это писал человек, вынесший тридцатилетние преследования правительства Николая, и писал их, будучи уже семидесятилетним старцем. Но, кроме этого интереса общего, побуждавшего нас печатать, был еще, если можно так выразиться, интерес частный, который нас обязывал к тому. Личность Александра Викторовича была обаятельная; все, кому выпадало счастье с ним встретиться, невольно подпадали под обаяние, которое вызывал этот характер, живой, страстный, горячо отзывавшийся на все прекрасное и в то же время отличавшийся большой терпимостью, даже в 70 лет, когда физические страдания уже значительно подрывали его силы. Это редкое сочетание симпа-

тичных свойств характера Александра Викторовича делало то, что у него было много друзей и еще больше поклонников — было бы с нашей стороны большою несправедливостью не напечатать рукопись и этим лишить их этих заgrabных записок, при чтении которых местами образ покойного рисуется как живой, с его страстной фразировкой и складом речи.

В заключение сообщим краткие биографические сведения об Александре Викторовиче. Он родился в Одессе в 1798 г.¹ и имел еще брата, старшего, Осипа Викторовича (который тоже был сослан в Сибирь как участник в заговоре декабристов после предварительного десятилетнего заключения в Петропавловской крепости и умер в Сибири); Александр Викторович служил в гвардии и был арестован в деревне, когда собирался уехать из России в Америку². По решению Верховного суда был причислен ко второму разряду³, т. е. приговорен к смертной казни, замененной по высочайшему решению пожизненной каторгой. Прожил в Сибири до 1858 г., занимаясь в последнее время преимущественно воспитанием детей и земледелием. До 1863 г. жил около Москвы, а потом за границей⁴. За месяц до смерти приехал в Россию и скончался 6-го июня 1873 г. в Черниговской губернии, в селе Воронки, где похоронен рядом со своим товарищем по каторге князем С. Г. Волконским.

КОММЕНТАРИЙ

ЗАПИСКИ

ГБЛ. Ф. 22, 4.1

Голос минувшего. 1913. № 1—3

Поджио А. В. Записки. М., 1930

Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ
1820-х годов. Т. 1

Мемуары декабристов. Южное общество.

Все издания осуществлялись по «копии Высоцкой»
(ГБЛ. Ф. 218, 59.6)

¹ Приговор подсудимым был объявлен не 10, а 12 июля 1826 г. в Комендантском доме Петропавловской крепости (ВД. Т. 17. С. 250). Сукин Александр Яковлевич (1765—1837), ген.-адъютант, ген. от инфантерии, комендант Петропавловской крепости.

² Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860), кн., полковник, член Союза спасения, Союза благоденствия, один из руководителей Северного общества; Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), кн., поручик, член Союза благоденствия и Северного общества; Барятинский Александр Петрович (1799—1844), кн., штаб-ротмистр, член Союза благоденствия и Южного общества; Якубович Александр Иванович (1796 или 1797—1845), капитан, членом тайных обществ, вероятно, не был, участвовал в восстании на Сенатской площади; Вадковский Федор Федорович (1800—1844), прапорщик, член Южного общества; Борисовы Андрей Иванович (1798—1854), отставной подпоручик, и Петр Иванович (1800—1854), подпоручик — основатели Общества соединенных славян; Горбачевский Иван Иванович (1800—1869), подпоручик; Спиридов Михаил Матвеевич (1796—1854), майор; Бечаснов (Бечасный) Владимир Александрович (1802—1859), прапорщик — члены Общества соединенных славян. Все названные здесь декабристы были осуждены по I разряду.

³ Пестель Павел Иванович (1793—1826), полковник, член Союза спасения, Союза благоденствия, организатор и глава Южного общества; Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1795—1826), под-

полковник, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества, руководитель восстания Черниговского полка. Осуждены вне разрядов и приговорены к повешению, не присутствовали при объявлении приговора осужденным по I разряду.

⁴ Декабристов в крепости навещал не духовник Николая I Василий Борисович Бажанов (1800—1883), а протоиерей Казанского собора Петр Николаевич Мысловский (1777—1846). Он же сообщил осужденным, что смертный приговор не будет приведен в исполнение (Якушкин. С. 80).

⁵ Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801—1826), подпоручик, один из руководителей Южного общества и восстания Черниговского полка; Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), отставной подпоручик, поэт, член Северного общества, один из руководителей подготовки восстания на Сенатской площади; Каховский Петр Григорьевич (1799—1826), отставной поручик, член Северного общества, участник восстания на Сенатской площади, смертельно ранил гр. М. А. Милорадовича и полковника Н. К. Стюрлера. Осуждены вне разрядов и приговорены к повешению.

⁶ В Комендантском доме во время оглашения приговора находился батальон л.-гв. Павловского полка. Очевидно, в его состав входила и гренадерская рота. «Потешные» — привилегированные войска юного Петра I, «лейб-компанцы» — гренадерская рота л.-гв. Преображенского полка, которая помогла Елизавете Петровне захватить престол.

⁷ Против смертной казни голосовал адмирал Н. С. Мордвинов.

⁸ Существуют разные версии относительно последних слов казненных. Судя по контексту, А. В. Поджио имеет в виду приведенные М. Н. Волконской слова К. Ф. Рылеева: «Я счастлив, что дважды за отечество умираю» (Записки княгини М. Н. Волконской. Чита, 1960. С. 44).

⁹ Татищев Александр Иванович (1763—1833), ген. от инфантерии, военный министр (1823—1827), председатель Следственного комитета, гр. (с 1826 г.).

¹⁰ Чернышев Александр Иванович (1786—1857), кн., ген.-адъютант, ген. от кавалерии, позже военный министр. О его жестоким усердии во время следствия вспоминали и другие декабристы.

¹¹ Михаил Павлович (1798—1849), вел. кн., главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами. В приговоре В. К. Кюхельбекеру (замена смертной казни 20 годами каторги и пожизненным поселением в Сибири) подчеркивалось заступничество вел. кн. Михаила Павловича, в которого В. К. Кюхельбекер стрелял на Сенатской площади. «Рыцарские выходки» великого князя по отношению к П. И. Пестелю неизвестны. Что касается самого А. В. Поджио, то, быть может, он имеет в виду обещание Михаила Павловича смягчить наказание в случае полного признания (ВД. Т. 11. С. 65).

¹² Голицын Александр Николаевич (1773—1844), кн., обер-прокурор Синода, министр народного просвещения и духовных дел. С 1824 г. утратил расположение Александра I и оказался в опале. Вновь обрел влияние при Николае I.

¹³ Дибич Иван Иванович (1785—1831), бар., с 1827 г. гр., ген.-фельдмаршал, с 1823 г. начальник Главного штаба.

¹⁴ Раевский Николай Николаевич (1771—1829), ген. от кавалерии, командир 7-го пехотного корпуса, герой Отечественной войны

1812 г. *Ермолов Алексей Петрович* (1771—1861), ген. от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г., в 1816—1827 гг. командир Отдельного Кавказского корпуса, главнокомандующий в Грузии. А. П. Ермолова и Н. Н. Раевского декабристы предполагали включить во Временное революционное правительство, они находились под подозрением, но к следствию привлечены не были (Семенов А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982).

¹⁵ *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), гр., ген. от кавалерий, с 1826 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения. Прадед А. Х. Бенкендорфа был подданным Швеции, семья была связана с императорской фамилией близкими личными отношениями, что и определило во многом карьеру А. Х. Бенкендорфа.

¹⁶ *Голенищев-Кутузов Павел Васильевич* (1772—1843), участник заговора против Павла I, гр., с марта 1801 г. командир Кавалергардского полка, в 1826 г. петербургский ген.-губернатор.

¹⁷ *Бестужев Николай Александрович* (1791—1855), капитан-лейтенант, член Северного общества, активный участник восстания на Сенатской площади.

¹⁸ «Сын убитого отца» — вел. кн. Михаил Павлович.

¹⁹ *Потапов Алексей Николаевич* (1780—1857), дежурный генерал Главного штаба, командир Конно-егерского полка.

²⁰ Хотя А. И. Чернышев был включен в состав Следственного комитета позже других членов (2 янв. 1826 г.), он, находясь при Александре I в Таганроге, одним из первых узнал о доносах на декабристов и 12 дек. 1825 г. приступил к обыскам и следствию на юге. А. В. Поджио, вероятно, несколько преувеличил роль Чернышева в следствии и его влияние на Николая I.

²¹ Николай I командовал 2-й бригадой 1-й гвардейской дивизии, затем дивизией, до зрелых лет его не считали наследником престола и не готовили к этой роли.

²² Республиканские взгляды А. В. Поджио и его готовность принять участие в истреблении императорской фамилии очевидно противоречат возможности идти вместе с Николаем I по пути ограничения самодержавия. «Незабвенным» назвал Николая I Александр II в манифесте о восшествии на престол, А. И. Герцен же заклеил его прозвищем «неудобозабываемый».

²³ Имеются в виду русско-турецкая война 1806—1812 гг., войны с Францией и военные действия против горцев на Кавказе.

²⁴ *Константин Павлович* (1779—1831), вел. кн., наместник Царства Польского, командовал так называемой Польской армией и русским гвардейским отрядом в Варшаве.

²⁵ *Желтухин Сергей Федорович* (1779—1833), ген.-лейтенант, командир 17-й пехотной дивизии, отличался особой жестокостью, в 1822 г. ввел в своей дивизии прусский учебный шаг. *Головин Евгений Александрович* (1782—1858), в 1821—1825 гг. командир л.-гв. Егерского полка, с 1825 г. командир 4-й гв. пехотной бригады, затем ген. от инфантерии, командир 2-й гв. пехотной дивизии. Известен своим «педаантизмом» во фронте. *Шварц Федор Ефимович* (1780—1867), в 1820 г. полковник, позже ген.-лейтенант, командир л.-гв. Семеновского полка, его крайняя жестокость в обращении с солдатами послужила поводом к волнению в полку 16—18 окт. 1820 г. *Сухозанет Иван Онуфриевич* (1785—1861), ген.-майор, начальник

артиллерии Гвардейского корпуса. *Арнольди Иван Карлович* (1780—1860), ген.-лейтенант.

²⁶ *Норов Василий Сергеевич* (1793—1853), отставной подполковник, член Южного общества, служил в л.-гв. Егерском полку.

²⁷ *Клейнмихель Петр Андреевич* (1793—1869), гр., начальник штаба военных поселений, в 1842—1855 гг. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, известен злоупотреблениями по службе и казнокрадством.

²⁸ Великая хартия вольностей, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным, явилась прецедентом ограничения власти монарха.

²⁹ Слова Ж. де Местра из его письма 1811 г. (опубл. в 1851 г.) относились к законам Александра I. Возможно, что в основе их — мысль Ш. Монтескье («О духе законов»): «Каждый народ достоин своей участи».

³⁰ Наряду с поражениями русской армии при Петре I под Нарвой в 1700 г. и во время Прутского похода 1711 г. названо и Полтавское сражение 1709 г., победа в котором привела к коренному перелому в войне с Швецией.

³¹ После смерти патриарха Адриана в 1700 г. Петр I не допустил избрания нового патриарха, назначив местоблюстителя патриаршего престола. В 1721 г. был принят «Духовный регламент», в котором объявлялось об отмене патриаршества и замене его Синодом, «крайним судией духовенства» провозглашался сам царь. Это означало окончательное верховенство государства над церковью.

³² Земские соборы многие декабристы считали формой народного представительства. По административной реформе Петра I в 1711 г. был создан Сенат как высший орган управления и в 1718 г. коллегии вместо приказов и канцелярий.

³³ Стрелецкое восстание 1698 г. было вызвано усилением крепостнического гнета, служебными тяготами и притеснениями начальников; стрельцы установили связь с заточенной в монастырь царевной Софьей и намеревались возвести ее на престол. После поражения было казнено 1239 восставших, в казни участвовал сам Петр, стрелецкое войско было ликвидировано.

³⁴ *Алексей Петрович* (1690—1718), сын Петра I от его первой жены, Евдокии Лопухиной. Находился в оппозиции реформам Петра, бежал за границу, был возвращен и осужден на казнь, умер или был убит в тюрьме.

³⁵ Царевна *Софья Алексеевна* (1657—1704), сводная сестра Петра, правительница Русского государства в 1682—1689 гг., после подавления стрелецкого восстания 1698 г. была насильственно пострижена в монахини.

³⁶ Слова «Если ж я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то выберите достойнейшего из вас моим преемником» приписаны Петру I Я. Я. Штелиным, автором «Подлинных анекдотов о Петре Великом». По утверждению Штелина, эта фраза содержалась в письме Петра I в Сенат, которое было написано в трагические дни Прутского похода 1711 г., когда русская армия была окружена турецким войском. Историк С. М. Соловьев, труды которого читал А. В. Поджио, признавал достоверность этого письма, хотя и в осторожной форме. Современный исследователь утверждает, что это письмо было подложным, и доказывает легендарность другой широко известной фразы, якобы недосказанной умирающим

царем: «Отдайте все...» (Павленко П. И. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2).

³⁷ Меншиков Александр Данилович (1673—1729), сподвижник Петра I, за многочисленные злоупотребления и хищения по приказу Петра находился под следствием и подвергался многочисленным штрафам. При Екатерине I фактический правитель государства, при Петре II сослан в Березов, где и умер. Екатерина Алексеевна (1684—1727), с 1703 г. фактическая жена Петра I (венчание в 1712 г.), в 1724 г. была коронована. После смерти Петра возведена на престол гвардией во главе с А. Д. Меншиковым.

³⁸ 5 февр. 1722 г. Петром I был издан «Устав о наследии престола», в котором отменялся традиционный порядок престолонаследия и обосновывалось право самодержца передавать престол «кому, оной хочет».

³⁹ Сатурн — царь богов в римской мифологии, соответствующий греческому Крону (Хроносу), отец Зевса (Юпитера); ему было предсказано, что он будет низвергнут одним из своих детей, поэтому он их проглатывал.

⁴⁰ До брака с Петром Екатерина была любовницей Б. П. Шереметева и А. Д. Меншикова. От Петра у нее было 11 детей, но лишь две дочери достигли совершеннолетия: Анна (1708—1728), мать Петра III, и Елизавета (1709—1761), будущая имп.

⁴¹ Сын царевича Алексея Пётр (1715—1730), будущий имп. Петр II (1727—1730).

⁴² В 1724 г. отношения между Петром I и Екатериной резко ухудшились, так как Петр заподозрил ее в связи с братом своей бывшей фаворитки Виллимом Монсом.

⁴³ После Петра I было пять женщин, правивших Россией: Екатерина I (1725—1727); Анна Ивановна (Иоанновна) (1730—1740); Анна Леопольдовна (в 1740—1741 гг. регентша при сыне, малолетнем императоре Иоанне VI); Елизавета (1741—1761); Екатерина II (1762—1796). Если же считать и Софью Алексеевну, бывшую правительницей в 1682—1689 гг., то Екатерина II действительно была шестой женщиной, правившей в России.

⁴⁴ А. В. Поджио мог иметь в виду триумvirаты Древнего Рима: Цезаря, Помпея и Красса (60—53 до н. э.) или Октавиана, Антония и Лепида (41—36 до н. э.). Но, скорее всего, речь идет о консульском триумvirате во Франции в 1799—1802 гг., когда власть в стране принадлежала трем консулам: Наполеону Бонапарту, П. Р. Дюко и Э. Ж. Сийесу. Все перечисленные триумvirаты заканчивались установлением единовластия одного из триумvirов.

⁴⁵ Остерман Андрей Иванович (1686—1747), выходец из Вестфалии, дипломат, на русской службе с 1703 г., после смерти Петра I член Верховного тайного совета, при Анне Ивановне фактический руководитель внешней политики России. В 1741 г. сослан.

⁴⁶ Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), гр., фаворит Анны Ивановны, с 1737 г. герцог Курляндский. По завещанию императрицы был назначен регентом, но в 1740 г. арестован и сослан. Помилован и возвращен в Петербург Петром III.

⁴⁷ Петр I, выехав в составе «великого посольства» под именем Петра Михайлова, работал на Саардамской верфи в Голландии простым плотником и изучал кораблестроительное дело.

⁴⁸ В XVII в. Голландия была центром передовой общественной мысли, убежищем для ученых различных европейских стран, разви-

вавших учение о естественном праве. Научными центрами были университеты, в том числе Лейденский (основан в 1575 г.) и Амстердамский (основан в 1632 г.), а также Гаага, где жил философ-материалист Спиноза. В XVIII в. Голландия постепенно утратила эту роль.

⁴⁹ Имеется в виду Иисус Христос. Назарет, по евангелию, — место его рождения.

⁵⁰ По Плутарху, после завоевания Египта египетские жрецы признали победителя, *Александра Македонского* (356—323 до н. э.), сына *Филиппа II* (ок. 382—336 до н. э.), сыном Аммона, бога солнца. Распространился слух, что оракул назвал Александра сыном Зевса (в римской мифологии — Юпитера). Сам Александр способствовал распространению этого слуха, так как признание божественного происхождения монарха было атрибутом власти восточных правителей.

⁵¹ В мусульманской религии Гавриил — один из семи ангелов откровения, которые путем внушения божьих велений пророку *Магомету* (Мохаммеду) (ок. 570—632), основателю ислама, содействовали составлению корана.

⁵² Поджио имеет в виду события Отечественной войны 1812 г.: московский пожар, заграничные походы 1813 г., торжественное вступление в Париж в 1814 г., рост авторитета России и ее царя после победы.

⁵³ *Нума Помпилий* — согласно античной традиции второй царь Древнего Рима (715—673/672 до н. э.). Эгерия — в римской мифологии гимфа (камня) источника и супруга Нумы, который действовал по ее советам; иносказательно — советница, вдохновительница. *Криденер* (Крюднер) *Варвара Юлия* (урожд. Фитингоф, 1764—1825), баронесса, возомнила себя избранницей бога и спасительницей христианского мира, пользовалась большим влиянием на Александра I.

⁵⁴ Священный союз был заключен монархами Австрии, Пруссии и России в 1815 г., после падения империи Наполеона, с целью подавления революционных движений. Пильницкая декларация 1791 г., подписанная 27 авг. в замке Пильниц в Саксонии австрийским императором и прусским королем, явилась основой австро-прусского союзного договора 1792 г., положившего начало коалиции европейских монархов против революционной Франции.

⁵⁵ *Меттерних Клеменс* (1773—1859), кн., министр иностранных дел и фактический руководитель австрийского правительства в 1809—1821 гг., канцлер в 1821—1848 гг. Стремился помешать укреплению позиций России в Европе. Один из организаторов Священного союза, он во время Венского конгресса 1814—1815 гг. подписал секретный договор с представителями Великобритании и Франции против России и Пруссии.

⁵⁶ Веронский конгресс Священного союза 1822 г. с участием России, Австрии, Пруссии, Неаполитанского и Сардинского королевств принял решение о вооруженной интервенции Франции против революционной Испании и специальную декларацию, осуждавшую греческое восстание против турецкого владычества. Соответствующее заявление сделал и Александр I, хотя он не мог не учитывать ту безусловную поддержку, которой пользовалось греческое восстание в общественном мнении России, и те политические и стратегические перспективы, которые открывались перед Россией

в случае поддержки ею этого восстания. Принцип легитимизма, лежавший в основе Священного союза, однако, взял верх.

⁵⁷ Речь идет о либеральной политике Александра I в годы молодости.

⁵⁸ В 1789 г. началась Великая французская буржуазная революция.

⁵⁹ В 1792 г. наступил второй этап Французской революции: монархия была свергнута, король арестован и предан суду, Франция провозглашена республикой.

⁶⁰ Людовик XVI (1754—1793) призывал к иностранной интервенции, был казнен по приговору Конвента.

⁶¹ Наполеон Бонапарт (1769—1821) в годы итальянской кампании 1796 г. был еще республиканцем, это подтверждают его приказы, обращения к итальянцам, практическая деятельность в Италии (Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 155). В письме из Милана от 11 нояб. 1797 г. генуэзскому правительству он писал: «Поверьте, что во всех местах, куда призовут меня долг и служба родине, для меня будут в числе самых дорогих те минуты, когда я смогу быть полезен вашей республике» (Наполеон. Избранные произведения. М., 1956. С. 267).

⁶² Фригийский колпак, головной убор древних фригийцев, послуживший моделью для шапок участников Великой французской революции, символ революционной и республиканской Франции. В июне 1815 г. Наполеон был сослан на остров Святой Елены, где и умер в 1821 г. «Наконец, когда все уже было в прошлом, на острове Святой Елены он говорил о том, что любил революцию, отзывался всегда уважительно о Робеспьере и его младшем брате» (Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. С. 389).

⁶³ Пий VII (1742—1823), папа римский с 1800 г., в 1801 г. заключил конкордат с Наполеоном, а в 1804 г. короновал его. Однако в 1809 г. Папская область была присоединена к Франции, а Пий VII вплоть до 1814 г. фактически находился в плену.

⁶⁴ «Австрийка» — Мария Антуанетта (1755—1793), дочь австрийского императора, жена Людовика XVI, французская королева с 1770 г. По приговору Конвента казнена в 1793 г.

⁶⁵ В авг. 1794 г., после поражения якобинцев и казни Робеспьера, Бонапарт был отрешен от должности и арестован; после освобождения из-под стражи оставался под подозрением, вне службы, жил в нужде. Тогда он предложил направить его военным советником в Турцию, чтобы помочь укреплению ее военных сил для борьбы с потенциальной противницей Франции — Россией (Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. С. 107—114; Пеэр Р. История Наполеона I. Спб., 1893. С. 48).

⁶⁶ 13 вандемьера (5 окт.) 1795 г. артиллерия под командованием Наполеона расстреляла мятежников-роялистов в Париже. Это стало решающим моментом в карьере Наполеона.

⁶⁷ Александр I принял участие в войнах против наполеоновской Франции в 1805—1807 гг., при Аустерлице фактически был главнокомандующим русской армии, но после поражения бежал с поля боя. В начале Отечественной войны 1812 г. он находился в действующей армии, но покинул ее, вернулся в армию перед заграничным походом и вступил в Париж во главе союзных армий. Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), с 1807 г. ближайший советник Александра I, автор проекта либеральных преобразований, сторон-

ник заключения Тильзитского мира с Наполеоном. В 1812—1816 гг. в ссылке, в 1819—1821 гг. ген.-губернатор Сибири, в 1821 г. возвращен в Петербург.

⁶⁸ Людовик XVIII (1755—1824), с 1814 г. король Франции. Под давлением союзников, озабоченных прочностью монархии во Франции, опубликовал в 1814 г. хартию, устанавливавшую конституционную монархию. Вильмен Абель Франсуа (1790—1870), французский писатель и историк. Бром Генри (1788—1868), английский либеральный публицист и гос. деятель. Во время пребывания в Англии в 1814 г. Александр I выразил симпатии представителям оппозиционной тогда партии вигов и, высказав в беседе с лордом Греем пожелание иметь в России оппозиционную партию, просил собеседника написать проект ее создания (Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Спб., 1905. Т. 3. С. 393).

⁶⁹ Восстание военных поселенцев Чугуевского полка на Украине в июне-авг. 1819 г., для подавления которого было направлено несколько полков с 12 орудиями. Другими проявлениями подобного рода «оппозиции» были массовое антикрепостническое движение 1818—1820 гг. в низовьях Дона, волнения в Семеновском полку 1820 г. и т. д.

⁷⁰ Венский конгресс (сент. 1814 — июнь 1815) подвел итоги войны против наполеоновской Франции. По заключительному акту была перекроена карта Европы, при этом большая часть герцогства Варшавского отошла к России. 12-я (а не 13-я) статья главного акта провозглашала неподсудность всех, принимавших участие в гражданских, военных или политических делах в Польше до 1815 г. (Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Спб., 1876. Т. 3. С. 242). По инициативе Александра I Царство Польское получило в 1815 г. конституцию, учреждавшую автономное самоуправление в рамках Российской империи. «Конституционный устав» 1815 г. просуществовал до восстания 1830—1831 гг.

⁷¹ Поливанов Иван Юрьевич (1798 или 1799—1826), отставной полковник, член петербургской ячейки Южного общества. Находясь в Петропавловской крепости, сошел с ума и умер в военном госпитале.

⁷² Уваров Федор Петрович (1773—1824), ген. от кавалерии, в Отечественную войну командир кавалерийского корпуса.

⁷³ Булатов Александр Михайлович (1793—1826), полковник, участник Отечественной войны 1812 г., член Северного общества. В крепости разбил себе голову о стену каземата и умер от воспаления мозга в военном госпитале 19 янв. 1826 г. А. В. Поджио допустил ошибку: дочери Булатова приехали после смерти отца.

⁷⁴ Пытаясь покончить с собой, П. Н. Свистунов проглотил битое стекло, но его удалось спасти (Штейнгейль В. И. Записки и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 495—496); М. И. Муравьев-Апостол пробовал уморить себя голодом (Мемуары декабристов. Южное общество. С. 300); И. А. Анненков сделал попытку повеситься на полотенце (Воспоминания Полины Анненковой. Красноярск, 1977. С. 10).

⁷⁵ Ручные кандалы были наложены на 21 человека, причем вес цепей И. Д. Якушкина достигал 22 фунтов — ок. 9 кг (Якушкин. С. 66). О различных видах физического воздействия вспоминали

также декабристы А. М. Муравьев, Н. Р. Цебриков (Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 131, 261).

⁷⁶ *Стрекалов Степан Степанович* (1782—1856), ген.-майор, в Измайловском полку состоял при вел. кн. Николае Павловиче, в 1826 г. ген.-адъютант и дежурный генерал Главного штаба.

⁷⁷ В греческой мифологии крылатая полуженщина-полульвица Сфинкс, обитавшая близ Фив, задавала прохожим неразрешимую загадку и, не получив ответа, пожирала их. Сын фиванского царя Эдип разгадал загадку, после чего Сфинкс бросилась со скалы.

⁷⁸ Заговор против английского короля Иакова I Стюарта, открытый 5 окт. 1605 г. План заговорщиков состоял в том, чтобы взорвать здание парламента в день открытия заседания и погубить короля, его сына и важнейших сановников.

⁷⁹ Во время следствия и суда умышленно замалчивалось все то, что относилось к уничтожению крепостного права, облегчению положения солдат и вообще к преобразовательным намерениям декабристов. Разглашение подлинных программных целей движения разрушило бы официальную версию, изображавшую восставших уголовными преступниками.

⁸⁰ На самом деле «Русская правда» значительно более радикальна, чем реформа 1861 г. Дело не только в том, что «Русская правда» предполагала «прирезку» крестьянам земли, а реформа осуществлялась с «отрезками». П. И. Пестель исходил из принципа общественной собственности на землю (половина всех земель должна была быть передана крестьянским общинам), а реформа 1861 г. — из принципа помещичьей собственности на землю, которую и выкупали крестьяне. Вместе с тем это замечание А. В. Поджино весьма характерно именно для члена Южного общества, в котором особое внимание обращалось на необходимость освобождения крестьян с земель.

⁸¹ Перечисляя тех, кто вместе с ним выслушал приговор, Поджино в первый раз (с. 67) не назвал *Артамона Захаровича Муравьева* (1793—1846, полковник, член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества, осужден по I разряду), а в этот раз не упомянул А. И. Якубовича.

⁸² В состав Верховного уголовного суда входило 72 человека: представители Государственного совета, Сената, Синода, 15 особо назначенных царем высших военных и гражданских чиновников. Принцип формирования суда был заимствован из процессов над Мировичем, участниками московского восстания 1771 г. и Пугачевым.

⁸³ Как уже отмечалось, приговор был объявлен 12 июля 1826 г.

⁸⁴ *Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович* (1758—1838), кн., ген. от инфантерии, министр юстиции в 1817—1827 гг., во время суда над декабристами исполнял обязанности ген.-прокурора.

⁸⁵ *Мария Федоровна* (1759—1828), имп., вдова Павла I.

⁸⁶ *И. Ф. Журавлев* (1775—1842), в 1825 г. обер-прокурор 1-го департамента Сената, в 1826 г. делопроизводитель Верховного уголовного суда, в 1827 г. ему было пожаловано дворянское достоинство, впоследствии стал тайным советником, сенатором. Именно он, по воспоминаниям других декабристов (А. Е. Розена, Е. П. Оболенского), оглашал приговор. Возможно, это делал также кто-то из его помощников — обер-секретарь Сената Аксенов или секретарь Куц (ВД. Т. 17. С. 261).

⁸⁷ «Судьями» А. В. Поджио называет здесь не только членов Верховного уголовного суда, но и правящие круги России, весь ее «высший правительственный слой» (с. 86).

⁸⁸ Руссо Жан Жак (1712—1778), французский писатель и философ-просветитель, обосновал идею народного суверенитета, включающую право народа на свержение абсолютизма, перевод его имени на русский язык — свидетельство особого отношения Поджио к Руссо; Беккариа Чезаре (1738—1794), итальянский просветитель, юрист, публицист, высказывал демократические идеи о необходимости соразмерности наказания и преступления; Филанджиери Гаэтано (1752—1788), итальянский просветитель, выступал за отмену феодальных порядков, реформу законодательства и судопроизводства; Бенгам Иеремия (1748—1832), английский философ и юрист, обосновывал требование реформы английского парламента на основе расширения избирательного права.

⁸⁹ Приговором Верховного уголовного суда А. В. Поджио был обвинен в том, что «умышлял на царевубийство собственным вызовом к совершению оного, <...> умышлял на истребление императорской фамилии» (ВД. Т. 17. С. 227).

⁹⁰ Деление на разряды было действительно произвольным, на законодательство не опиралось и часто не соответствовало степени вины осужденного и его роли в движении (Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. С. 402—403).

⁹¹ В Комендантском доме кроме членов Верховного уголовного суда находился батальон л.-гв. Павловского полка.

⁹² В 1826 г. в л.-гв. Гренадерском полку служили штабс-капитан Николай Романович Меллин и подпоручик Платон Романович Меллин.

⁹³ Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), гр., председатель Департамента военных дел Государственного совета, всесильный временщик при Александре I в 1815—1825 гг. «Глухая тетеря» — прозвище Александра I, глухота которого, особенно в последние годы жизни, была общезвестна и служила поводом к шуткам и сарказмам.

⁹⁴ Набель Андрей Андреевич, ген.-майор, командир 1-й бригады 3-й драгунской дивизии, в районе расположения которой находилась Яновка. Он по приказу главнокомандующего 2-й армией арестовал А. В. Поджио и отправил его в Петербург в сопровождении своего адъютанта, поручика Свешникова (ДГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 30. Л. 214—214 об.); при арестованном находился его дворцовый человек Викентий Жуковский (там же, д. 308, л. 26). В карауле на главной гауптвахте 11 янв. 1826 г., когда туда был доставлен А. В. Поджио, дежурил Измайловский полк, на следующий день — л.-гв. Павловский полк. Вещи и деньги были отобраны у арестованного А. В. Поджио капитаном Павловского полка (там же, д. 293, л. 128, 236). И. В. Поджио был привезен на гауптвахту в дежурство л.-гв. Преображенского полка.

В. П. Зубков вспоминал встречу с А. В. Поджио во дворце: «Затем офицер провел меня в большую комнату <...>. На диване спал очень красивый мужчина, имени которого я не мог узнать (позднее приписано: «Поджио младший») <...>. На следующее утро мой брат по несчастью уже встал, когда я проснулся. Он казался очень веселым» (Зубков В. П. Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 г. / Пер.

с франц. // Декабристы. Тайные общества. М., 1907. С. 221).

⁹⁵ Левашов Василий Васильевич (1783—1848), ген.-лейтенант, ген.-адъютант, член Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, с 1833 г. гр. О его поведении на допросах сохранились воспоминания и иного характера (Муравьев А. М. Мой журнал // Мемуары декабристов. Северное общество. С. 133).

⁹⁶ Соковнин (Суковнин) Алексей Прокопьевич (брат боярынь Ф. П. Морозовой и А. П. Урусовой), вместе со стрелецким полковником Иваном Цыклером возглавил в 1697 г. заговор против Петра I и был казнен; Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671), предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг.; Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг.

⁹⁷ При вступлении на престол Анны Ивановны члены Верховного тайного совета предложили ей подписать «кондиции» (условия), которые ограничивали ее власть Верховным тайным советом. Но после коронации ей была подана челобитная от имени всего дворянства с просьбой «всемилоостивейше принять самодержавство», и Анна надорвала кондиции.

⁹⁸ Петр III (1728—1762), внук Петра I, Голштейн-Готторпский принц Карл Петр Ульрих, свергнут и убит в результате переворота, организованного его женой Екатериной II (Анхальт-Цербстская принцесса София Фредерика Августа). При нем были проведены важные мероприятия в интересах дворянства (указ о вольности дворянства, ликвидация Тайной канцелярии, подготовка к секуляризации церковных владений), но Поджио явно преувеличивает самостоятельность и прогрессивность политики Петра III.

⁹⁹ Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), гр., ген.-фельдцейхмейстер, фаворит Екатерины II и один из руководителей заговора против Петра III. После переворота 1762 г. занял выдающееся положение при дворе, в армии и государственном аппарате, в 1763 г. предполагался даже брак его с Екатериной II. Участники переворота: Барятинский Федор Сергеевич (1742—1813), кн., обергофмаршал; Теплов Григорий Николаевич (1711—1799), тайный сов., сенатор; Пассек Петр Богданович (1736—1804), ген.-аншеф, правитель Полоцкого и Могилевского наместничеств.

¹⁰⁰ Иван (Иоанн) VI Антонович (1740—1764), российский имп. (1740—1741), правнук Ивана V. При Елизавете был заключен в тюрьму, с 1756 г. находился в Шлиссельбургской крепости, при попытке освободить его был убит охранявшими его офицерами в соответствии с данной им тайной инструкцией. Мирович Василий Яковлевич (1740—1764), подпоручик Смоленского полка, пытавшийся освободить и возвести на престол Ивана Антоновича, был казнен по приговору Сената.

¹⁰¹ Павел I издал указ о трехдневной барщине, что, правда, не облегчило положения крестьян (а на Украине даже ухудшило). Укрепляя самодержавный режим, пытался ограничить дворянские привилегии и был убит заговорщиками 11 марта 1801 г.

¹⁰² Александр I знал о заговоре против Павла и был связан с заговорщиками. Этим многие современники объясняли его нежелание принять меры против тайных обществ декабристов, несмотря на поступавшие доносы.

¹⁰³ Подушкин Егор Михайлович, плац-майор Петропавловской крепости.

¹⁰⁴ Вместе с А. В. Поджио в Преображенском полку служили братья *Бологовские* (Болховские): *Яков Дмитриевич* (1798—1851), в 1824 г. штабс-капитан, и *Николай Дмитриевич*, в 1824 г. подпоручик.

¹⁰⁵ У А. В. Поджио, когда его доставили на гауптвахту, имелось 1200 рублей асс. и довольно много вещей, в том числе золотые часы, шуба и шубка, фрак, несколько жилетов, белье, подушки, тюфяк и пр. (*ЦГАОР. Ф. 48, Оп. 1. Д. 293. Л. 239—239 об.*).

¹⁰⁶ В манифесте о восшествии на престол Александр I провозглашал, что он будет править «по законам и по сердцу своей великой бабки» Екатерины II.

¹⁰⁷ Масонство — религиозно-этическое движение, возникло в начале XVIII в., распространилось во многих странах, масоны стремились создать всемирную организацию, имели разветвленную сеть тайных лож. С масонами были связаны как прогрессивные (например, ранние декабристские организации), так и реакционные движения. *Сен-Мартен Луи Клод* (1743—1803), французский мистик, основатель одного из направлений масонства, его последователи именовали себя мартинистами. *Вейсгаупт Адам* (1748—1830) пытался превратить масонство в тайную просветительскую организацию, основал «Орден иллюминатов», существовавший в Баварии в конце XVIII в. и ставивший задачей моральное обновление людей, подготовку их для воплощения в жизнь идеалов просветителей; для общества были характерны глубокая конспирация, строгая иерархия и дисциплина. *Сведенборг Эмануэль* (1688—1772), шведский теософ-мистик, резко критиковал традиционную церковь, общины его последователей получили широкое распространение в различных странах.

¹⁰⁸ Некрасовцы — старообрядцы-поповцы, потомки донских казаков, участников Булавинского восстания 1707—1709 гг., ушедшие с И. Ф. Некрасовым на Кубань, а в 1740 г. — на территорию Османской империи. Беспоповцы — одно из течений старообрядчества, отвергающее священников и ряд таинств. Филипповцы — старообрядческое согласие в беспоповщине, возникло в начале XVIII в., названо по имени наставника Филиппа. Участники Крестьянской войны во главе с Пугачевым выдвигали наряду с другими и лозунг борьбы за «старую веру».

¹⁰⁹ *Михельсон Иван Иванович* (1740—1807), один из главных деятелей подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг., в 1774 г. был назначен командиром карательного отряда из пехоты, кавалерии и артиллерии в Башкирии. Нанес ряд поражений войскам Пугачева, учинив жестокие расправы над пленными. Был обвинен в том, что мог предупредить взятие Казани повстанцами, но не сделал этого, чтобы получить в качестве трофеев награбленное восставшими.

¹¹⁰ Жалованная грамота дворянству 1762 г. в числе других привилегий запрещала телесные наказания дворян.

¹¹¹ Речь идет об участии России в Семилетней войне 1756—1763 гг. и действиях русской армии на территории Пруссии и Польши, об итальянском походе А. В. Суворова в 1799 г., затем — о разделах Польши и русско-турецких войнах.

¹¹² В результате поражения в Крымской войне в 1856 г. был заключен Парижский трактат, по которому России запрещалось держать военный флот на Черном море и иметь арсеналы и крепости на его берегах. Эта статья была отменена 31 окт. 1870 г. спе-

циальным циркуляром министра иностранных дел А. М. Горчакова и признана недействительной на Лондонской конференции в янв. 1871 г.

¹¹³ Имеется в виду положение крестьян после реформы 1861 г., сохранившей пережитки крепостничества.

¹¹⁴ Речь идет о событиях «смутного времени», в которых участвовали широкие массы и в ходе которых был казнен *Алехандрей* (?—1606), а также о стрельцком восстании 1698 г., после которого было казнено более тысячи восставших. И в том, и в другом случае события разворачивались в указанных Поджио местах.

¹¹⁵ Имеется в виду холерный бунт в Петербурге на Сенной площади (июнь 1831 г.), описанный Герценом в «Былом и думах». После его усмирения Николай I «въехал в коляске в толпу, наполнявшую площадь, закричал ей: «На колени!» — и толпа поспешно исполнила его приказание» (Герцен. Т. 8. С. 135).

¹¹⁶ Поводом к восстаниям в Севастополе в 1830 г. и в Новгородских военных поселениях в 1831 г. послужили карантинные меры администрации, направленные на предотвращение холеры. Восставшие преследовали представителей власти, помещиков и громили аптеки и холерные больницы. Подлинной причиной этих волнений была накопившаяся ненависть против крепостного права и недоверие к царской администрации. О Чугуевском выступлении см. примеч. 69.

¹¹⁷ В Спарте собрание граждан решало относительно каждого новорожденного, может ли он стать воином и следует ли ему сохранить жизнь, младенцы, обладавшие физическими недостатками, уничтожались.

¹¹⁸ В указе Верховному уголовному суду от 10 июля 1826 г. Николай I заменил смертную казнь осужденным по I разряду вечной каторгой, а относительно поставленных вне разрядов через начальника Главного штаба И. И. Дибича выразил пожелание о замене им четвертования смертной казнью, не связанной с пролитием крови (т. е. поощрением).

¹¹⁹ *Шторх Андрей Карлович* (1766—1835), русский экономист, статистик и историк, с 1799 по 1819 г. был наставником младших братьев царя, в том числе и будущего Николая I.

¹²⁰ Характеризуя обстановку в Европе в 1820-е гг., А. В. Поджио допускает ошибку в именах и называет «Францисками» *Франца I* (1768—1835), австрийского имп. (с 1804 г.), при котором в ходе наполеоновских войн Австрия потерпела сокрушительное поражение и по Шенбрунскому миру лишилась части владений, и *Фердинанда I* (1751—1825), короля Неаполя и обеих Сицилий (с 1816 г.). Последний в июле 1820 г. после начала Неаполитанской революции был вынужден провозгласить демократическую конституцию, а в 1821 г. на Лайбахском конгрессе Священного союза выступил с призывом к вооруженной интервенции против революции. Неаполитанская революция была подавлена австрийскими войсками в 1821 г., тогда же восстановлена неограниченная монархия. Ошибка А. В. Поджио, возможно, связана с тем, что король обеих Сицилий *Франциск II* (1836—1894) пытался укрепить свое положение в стране в 1859—1860 гг. с помощью Австрии, где тогда правил *Франц-Иосиф I* (1830—1916). Но речь в данном случае идет не о них, так как далее упоминаются имена и события, связанные исключительно с революционным подъемом 1820-х гг.

¹²¹ Пепе Гульельмо (1783—1855), деятель итальянского освободительного движения, генерал неаполитанской армии. В Неаполитанской революции 1820—1821 гг. примкнул к карбонариям и возглавил армию повстанцев, в 1848 г. во время австро-итальянской войны отказался подчиниться неаполитанскому королю и отправился на помощь Венеции, осажденной австрийцами; после падения Венеции эмигрировал.

¹²² Во всех итальянских государствах, кроме Сардинского, в период Реставрации (1815—1831) Австрия господствовала почти безраздельно, а Ломбардо-Венецианское королевство было включено в состав Австрийской империи. Члены тайного общества карбонариев (букв. угольщики) боролись за национальное освобождение и конституционный строй. Карбонарии возглавляли буржуазные революции 1820—1821 гг., участвовали в революции 1831 г., общество имело свои ячейки во всех государствах, в разных слоях населения и было одной из самых влиятельных сил в Италии.

¹²³ Вдохновитель феодально-клерикальной реакции в Испании Фердинанд VII (1782—1833), король Испании в 1808 и 1814—1833 гг. (в 1808—1814 гг. в плену во Франции), ликвидировал завоевания Испанской революции 1808—1814 гг., в том числе Кадисскую конституцию 1812 г. Конституция действительно была признана Александром I в связи с подписанием в 1812 г. русско-испанского союзного договора. Восстание 1 янв. 1820 г., положившее начало испанской революции 1820—1823 гг., возглавил Риго-и-Нуньес Рафаэль (1785—1823), казненный после поражения революции. Опыт Испанской революции и личность Риго были очень популярны среди декабристов.

¹²⁴ Бертон Жан-Батист (1769—1822), французский генерал, участник войн эпохи революции и империи, в февр. 1822 г. поднял восстание против Бурбонов, после поражения был схвачен и казнен. Лувель Пьер Луи (1783—1820), французский рабочий-седельщик, в 1820 г. в Париже убил наследника престола герцога Беррийского.

¹²⁵ Махмуд II (1782—1839), турецкий султан, при котором значительно усилилось национально-освободительное движение на Балканах, произошло греческое восстание 1821—1822 гг. «Филики Этерия» (Гетерия) («Дружеское общество») — общенациональная тайная организация греческих патриотов, существовавшая в 1814—1821 гг. и в основном подготовившая Греческую национально-освободительную революцию 1821—1829 гг.

¹²⁶ Манифест Александра I о назначении наследником престола Николая хранился в глубокой тайне, подлинник его находился в Успенском соборе, копии — в Синоде, Сенате и Государственном совете. Редактировал текст манифеста Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782—1867), архиепископ и митрополит московский.

¹²⁷ А. В. Поджио довольно точно передает смысл писем, которыми обменивались великие князья в период междоусобицы 1825 г.

¹²⁸ А. В. Поджио ведет здесь полемику как бы с докладом Следственной комиссии, но ни этот, ни другие официальные документы не утверждали, что тайное общество охватывало своим влиянием всю Россию. Вероятно, Поджио стремился доказать свои основные идеи: народ не был готов воспринять идеи декабристов, а правительство в своих целях преувеличило размах и опасность движения. Стремясь обосновать их, Поджио, со свойственной ему

склонностью к преувеличениям, отрицал даже очевидное — что восстановление было подготовлено тайным обществом.

¹²⁹ И. Бентам доказывал необходимость совершенными законами способствовать счастью большего числа людей.

¹³⁰ Рюриковичи — династия рус. вел. князей и царей IX—XVI вв. Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), рус. царь с 1547 г.

¹³¹ Члены Государственного совета и Сената назначались императором, и абсолютное большинство их было тогда старше 60 лет (Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 200, 205).

¹³² Бренн — легендарный вождь галлов, вторгшихся в 390 г. до н. э. в Италию и взявших Рим, — при взвешивании выкупа, уплаченного римлянами, бросил на чашу весов с гириями свой меч со словами: «Горе побежденным». Но А. В. Поджио имеет в виду менее распространенную версию, согласно которой сенаторы, отказавшиеся покинуть Капитолийский холм, были перебиты.

¹³³ На этом текст «Записок» заканчивается. Далее приводим отрывки последней тетради, близкие к ним по содержанию.

[Заметка]

ГБЛ. ОР. 59. 5 а

Заметка на листе из альбома передана В. А. Высоцкой в «Комнату людей 40-х годов» Румянцевского музея вместе с «Записками» А. В. Поджио.

¹ Вероятно, относится к Франции 1870—1871 гг., в таком случае «ассамблея» — это Национальное собрание 1871 г., состоявшее в большинстве из реакционеров-монархистов, избранных в сельских избирательных округах, где сильно было влияние священников.

Чему быть?

ГБЛ. Ф. 22. 4.2

Неоконченная заметка публицистического содержания, написана, судя по содержанию, не позже 1870 г., скорее всего, в 1866 г.

¹ В заметке говорится о политике Наполеона III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873), французского имп. в 1852—1870 гг., племянника Наполеона I. В годы, предшествовавшие франко-прусской войне, он пытался воспрепятствовать объединению Германии, стремясь вносить раздор между северными и южными германскими государствами.

² Речь идет о событиях австро-франко-итальянской войны 1859 г. Франция и Сардинское королевство, называвшееся иногда Пьемонтом (а не Ломбардией, как ошибочно пишет Поджио), заключили в 1858 г. Пломбьерское соглашение, по которому в случае победы в войне с Австрией во владение Сардинского короля должны были перейти Ломбардия и Венеция, а Франция получила бы Савойю и Ниццу. В 1859 г. в разгар успехов союзников было заключено Виллафранкское перемирие между Францией и Австрией. Оно оставляло Венецию за Австрией. Одной из основных причин заключения сепаратного перемирия было нежелание Наполеона III

допустить объединение и усиление Италии и ликвидацию светской власти папы римского. Территории, освобожденные в ходе войны, а затем революции 1859—1860 гг. от гнета Австрии и полуфеодалных итальянских государей, были в 1860 г. присоединены к Пьемонту. В 1861 г. Пьемонт конституировался в Итальянское королевство. Партия действия в окружении Наполеона III требовала более решительных мер в пользу Италии. При этом возглавлявший ее принц Наполеон рассчитывал на корону Италии.

³ Летом 1862 г. Гарибальди с группой добровольцев предпринял попытку похода на Рим с целью освобождения Папской области от власти пап и от французской оккупации. Под давлением Наполеона III итальянский король Виктор-Эммануил направил против Гарибальди войска, в перестрелке у Аспромонте гарибальдийцы потерпели поражение, сам Гарибальди был ранен и попал в плен. 1863 г. Поджио назвал, вероятно, ошибочно.

⁴ В мае 1866 г. Наполеон III предложил созвать европейский конгресс для решения всех спорных вопросов, через год, в мае 1867 г. в Лондоне состоялась конференция европейских держав.

⁵ Габсбурги — династия германских королей и императоров Священной Римской империи, впоследствии австрийских государей. Гогенцоллерны — династия прусских королей, впоследствии германских императоров. Речь идет о соперничестве Пруссии и Австрии за гегемонию в Германии.

[В. Я. Поджио]

ГБЛ. ОР, 59.6. Л. 1—2

Настоящий отрывок публиковался ранее в начале «Записок» — так, как он расположен в «копии Высоцкой». Отсутствие его в автографе, а также чужеродность его содержания структуре «Записок» вынуждают нас печатать его отдельно, как особый текст, представляющий собой, вероятно, начало другого сочинения.

¹ Витторио Амедео (в России звали Виктором Яковлевичем) Поджио (ум. 29 авг. 1812) вступил в русскую службу в 1783 г. Документы не сообщают, откуда прибыл он в Россию, но два брата и племянники его жили в Пьемонте, на севере Италии, в городе Новара (ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 9 об.—10). В России он сначала трудился в чумном госпитале, в 1785 г. был командирован в Украинскую армию, а затем на Черноморский гребной флот. Во всех этих «местах как во время сражений, так и при лазаретах и госпиталях <...> должность свою исправлял с усердием, рачением и искусством». В 1787 г. В. Поджио стал лекарем, через год — штаб-лекарем. В аттестате, выданном ему вице-адмиралом де Рибасом, указывалось, что штаб-лекарь Поджио участвовал в сражениях, в том числе «в Дунае противу города Браилова», и «вел себя с мужественным духом, подвергаясь беспрестанной опасности от выстрелов неприятельских», в 1796 г. он вышел в отставку в чине секунд-майора (ЦГАДА. Ф. 344. Оп. 8. Кн. 629. Д. 94. Л. 357—371 об.).

Коммерческая деятельность, которой занялся В. Я. Поджио, принесла ему, в конечном счете, изрядный капитал — имение Янов-

ку он приобрел за 61 500 рублей (ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 15—15 об.).

² *Магдалина Кватрокки Поджио* (так она названа в метрической выписи о крещении И. В. Поджио — ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 17), или *Маддалена Даде* (так она названа в родословной фамилии Поджио, присланной из Италии, — там же, л. 25), или *Мария Магдалина Осиповна Поджио* (так она назвала себя в прошении в Чигиринскую дворянскую опеку Киевской губ. — там же, д. 3921, л. 8). Ум. 1842.

³ *Рибас Хосе де* (*Дерибас Осип Михайлович*) (1749—1800), адмирал, испанец по происхождению, выходец из Италии (Неаполитанского королевства). С 1772 г. находился на русской службе (по утверждению А. Де-Рибаса — с 1769 г.), участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., был одним из руководителей строительства порта и города Одессы. С семьей Поджио де Рибас находился в достаточно близких отношениях, был крестным отцом И. В. Поджио.

⁴ Потомки отрицали участие де Рибаса в похищении кн. Таракановой, доказывая, что он с 1774 г. состоял военным инструктором в Санкт-Петербургском шляхетском сухопутном корпусе (А. Де-Рибас. Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. Одесса, 1913. С. 16). *Орлов Алексей Григорьевич* (1737—1807/1808), гр., один из участников дворцового переворота 1762 г., фаворит Екатерины II. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал русской эскадрой в Средиземном море, за победы у Наварина и Чесмы получил титул графа Чесменского. В февр. 1775 г. обманным путем арестовал в Италии и доставил в Россию так называемую княжну Тараканову. *Тараканова Елизавета* (псевд., известна и под другими именами) (ок. 1745—1775), авантюристка, самозванка, в 1772 г. объявившая себя дочерью Елизаветы Петровны. В России была заключена в Петропавловскую крепость, где и умерла. «Похитительницей престола» Поджио называет Екатерину II.

⁵ Начиная русско-турецкую войну 1787—1791 гг., Екатерина II выдвинула так называемый греческий проект, т. е. идею восстановления Византийской империи, на самом деле ставилась задача удержать присоединенный в 1783 г. Крым и овладеть северным Причерноморьем.

⁶ *Ришелье Арман Эмманюэль дю Плесси* (1766—1822), герцог, эмигрировал в Россию во время Французской революции, участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., в 1805—1814 гг. ген.-губернатор Новороссии, содействовал хозяйственному освоению края; после реставрации Бурбонов вернулся во Францию и стал (с 1814 г.) министром. *Ланжерон Александр Федорович* (1763—1831), также эмигрировал из Франции во время революции, участвовал в русско-турецкой войне, отличился при взятии Измаила, с 1822 г. новороссийский ген.-губернатор. *Волконский Григорий Семенович* (1742—1824), кн., участник русско-турецких войн, сподвижник А. В. Суворова в 1795—1796 гг., сенатор, член Государственного совета, отец декабриста С. Г. Волконского; современниками описаны его «странны».

⁷ *Ферстер Егор Христианович* (1756—1826), инженер-ген.-лейтенант, в 1801—1806 гг. начальник инженерной команды и

строитель гавани, крепости и карантинных сооружений в Одессе. *Вердеревский Николай Иванович*, инженер-полковник. *Ивашев Петр Никифорович* (1767—1838), участник русско-турецких войн, много лет служил под началом А. В. Суворова, с 1798 г. ген.-майор. В 1793 г. назначен в экспедицию по строительству южных крепостей, города и порта Одессы. Отец декабриста В. П. Ивашева (Ивашева Е. П. К биографии П. Н. Ивашева — отца декабриста // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981. Вып. 2).

[«Ужель с душой бесцветной...»]

ГБЛ. ОР, 59.7

ПИСЬМА

1. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 1—1 об.

¹ Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865), кн., ген.-майор, член Союза благоденствия и Южного общества, осужден по I разряду.

² Датируется по содержанию. 10 марта 1832 г. родился М. С. Волконский.

³ Вольф Фердинанд Богданович (1796 или 1797—1854), до ареста был штаб-лекарем 2-й армии, в Сибири занимался медицинской практикой, неизменно оказывал медицинскую помощь декабристам и их семьям.

2. А. Ф. Фролову

Читинский областной краеведческий музей,
отдел письменных источников, поступление № 10099
Декабристы в Забайкалье. Чита, 1925. С. 25—30

¹ Фролов Александр Филиппович (1804—1885), член Общества соединенных славян.

² А. Ф. Фролов находился с 1835 г. на поселении в Шушенском Минусинского округа Енисейской губ.

³ Киреев Иван Васильевич (1803—1866), с 1836 г. на поселении в г. Минусинске.

⁴ Арнаутка — сорт твердой пшеницы. По воспоминаниям А. Е. Розена и Н. А. Белоголового, А. В. Поджио в Чите и позже в Иркутске занимался огородничеством (Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 223; Белоголовый, С. 275).

⁵ Волконская Мария Николаевна (урожд. Раевская, 1805—1863), кн., жена С. Г. Волконского.

⁶ М. М. Спиридов, А. И. Якубович, В. Н. Соловьев (ок. 1798—1866 или 1871), П. И. Борисов находились в Петровском заводе.

⁷ П. И. Фаленберг (1791—1873), с 1832 г. на поселении в Шушенском.

3. И. И. Пушкину

ГБЛ. Ф. 243, 253. Л. 1—1 об.

¹ Пушкин Иван Иванович (1798—1859), в 1830—1839 гг. находился в Петровском заводе, с 1839 г. на поселении в Туринске, с 1842 г. в Ялуторовске. Письмо написано, вероятно, в Иркутске, переслано с Н. И. Пушкиным.

² Пушкин Николай Иванович (1803—1874), младший брат декабриста, чиновник 2-го отделения III департамента Сената, в 1842 г. в течение нескольких месяцев находился в инспекционной поездке по Сибири, побывал в Иркутске, Урике и т. д.

³ Плесская (урожд. Поджио) София Осиповна (1816— после 1867), старшая дочь И. В. Поджио.

⁴ Прошение о переводе И. И. Пушкина в Урик было отклонено.

⁵ Волконский Михаил Сергеевич (1832—1909), его первыми учителями были декабристы, в том числе А. В. Поджио.

⁶ Е. П. Оболенский, в 1842—1843 гг. на поселении в Туринске, в 1843—1856 гг. в Ялуторовске.

4. В. К. Кюхельбекеру

ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 283. Л. 71—74

ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 491—494.

Публикуется по указанному изданию

¹ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846). С 1836 г. после заключения в крепостях на поселении в Сибири. в 1845 г. находился в Кургане.

² После 1825 г. были анонимно напечатаны два сочинения В. К. Кюхельбекера: романтическая драма «Ижорский» в 1835 г. и «Русский Декамерон 1831 года» в 1836 г.

³ Перечислены знаменитые поэты-романтики: декабрист Александр Александрович Бестужев (Марлинский, 1797—1837), Альфонс Ламартин (1790—1869), Виктор Мари Гюго (1802—1885), Франсуа Рене де Шатобриан (1768—1848). В одном ряду с ними упомянут и А. С. Пушкин — возможно, не только потому, что спрос на его сочинения упал, но и потому, что в сознании А. В. Поджио он также был романтиком.

⁴ Племянницы — дочери И. В. Поджио София, Мария (в замужестве Бодятинская) и Наталия (в замужестве Сервиног). В. К. Кюхельбекер зимой 1844—1845 гг. около месяца пробыл в Иркутске по пути с одного места поселения на другое (из Акши выехал 2 сент. 1844 г., в Курган прибыл 25 марта 1845 г.).

Обол — мелкая серебряная монета в Древней Греции.

⁵ Цит. стихотворение А. Ламартина «Le Poète mourant» («Умиравший поэт») из сборника «Nouvelles Méditations Poétiques», XIII («Новые поэтические раздумья»), опубл. в 1823 г.

⁶ Онон — река в Забайкалье, на ее берегу была расположена крепость Акша, где В. К. Кюхельбекер жил в 1839—1844 гг. В его стихотворении «Три тени», написанном 13—14 июля 1840 г., есть строка: «На диком берегу Онона я сидел...».

⁷ Поджио Иосиф Викторович (1792—1848), о нем см. вступ. ст.

⁸ М. Н. Волконская.

⁹ Волконские Елена Сергеевна (1835—1916) и Михаил Сергеевич, дети декабриста.

¹⁰ Кюхельбекер Дросида Ивановна (урожд. Артемова, 1817—1886), жена В. К. Кюхельбекера.

5. И. И. Пушину

ЦГАОР. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 7. Л. 137—138 об.

¹ Датируется по упоминанию о рождении Вари Поджио (22 окт. 1854 г.).

² Боборыкина Анна Андреевна — классная дама Девичьего института Восточной Сибири. Якушкин Вячеслав Иванович (1823—1861), старший сын декабриста И. Д. Якушкина, служил в Главном управлении Восточной Сибири.

³ А. В. Поджио был довольно равнодушен к вопросам религии. Крещенный в католичество, он во второй половине своей жизни, особенно за границей, соблюдал обряды русской православной церкви, объединявшие русскую колонию.

⁴ Друганова Елизавета Андреевна — сестра Л. А. Поджио, ее дети: Егор, Николай, Павел, Мария, Елизавета. После смерти Егора Петровича Друганова семья осталась на попечении А. В. Поджио, хлопотавшего об устройстве матери во Вдовий дом и детей в учебные заведения и помогавшего им материально.

⁵ Трубецкая Екатерина Ивановна (урожд. гр. Лаваль, 1800—1854) умерла, не оставив завещания и не успев выдать дарственные на имущество для своих младших детей. Лечил ее Иван Сергеевич Персин, врач, впоследствии золотопромышленник. «Старик» — С. П. Трубецкой.

⁶ Молчанов Дмитрий Васильевич (ум. 15 сент. 1857), чиновник Главного управления Восточной Сибири, в 1850 г. женился на Е. С. Волконской. Был обвинен Ф. П. Занадворовым, дело которого расследовал, в получении взятки в 20 тыс. рублей. По распоряжению Н. Н. Муравьева Занадворов был обвинен в клевете и арестован. В 1855 г. Занадворов был освобожден, а дело Молчанова рассматривалось при Московском ордонансгаузе, сам Молчанов был арестован и заключен в тюрьму. Наряду с основным, ему было предъявлено обвинение в утайке пожертвованных В. Н. Басниным 300 рублей (Баснин Василий Николаевич (1800—1876), иркутский 1-й гильдии купец и золотопромышленник). Первоначально Сенатом Молчанов был приговорен к ссылке на поселение, но в 1856 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета оправдан.

⁷ «Мандарин» — прозвище Д. В. Молчанова.

⁸ Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), после каторги находился на поселении в Ялуторовске (в 1836—1856 гг.), но в 1854 г. и до осени 1855 г. жил в Иркутске, поводом для этого послужило разрешение лечиться на минеральных водах.

⁹ Пушина Анна Ивановна (в замужестве Палибина, 1842—1863), дочь И. И. Пушина.

6. И. И. Пушкину

ЦГАОР. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 7. Л. 182—183 об.

¹ Датируется по упоминанию об именинах Вари Поджио (4 дек.).

² Мешалкина Матрена Михеевна, работница в ялutorовском доме И. И. Пушкина, на ее имя посылались письма Пушкину.

³ Вероятно, Петр Васильевич Зиновьев (1812—1868), знакомый декабристов, неоднократно доставлял их письма, в это время собирався ехать из Иркутска в Ялutorовск (Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 454).

⁴ Арест зятя Волконских Д. В. Молчанова и смерть Е. И. Трубецкой.

⁵ М. Н. Волконская настояла на браке своей дочери с Д. В. Молчановым, несмотря на сопротивление С. Г. Волконского.

⁶ Е. П. Оболенский женился в 1846 г.; к концу 1854 г. имел пять детей, сын Николай родился в июле 1853 г.

⁷ Казимирский Яков Дмитриевич, плац-майор в Чите и Петровском заводе, с 1852 г. начальник 8-го (сибирского) жандармского округа, был дружен со многими декабристами.

⁸ Вероятно, сын иркутского купца Т. В. Зимина.

⁹ В 1853 г. А. О. Поджио, старший сын И. В. Поджио, подал прошение и на следующий год получил разрешение на поиски и разработку золотых приисков. Делами компании, в которой негласно участвовали и С. П. Трубецкой, и А. В. Поджио (официально компания была составлена после амнистии 1856 г.), руководил А. В. Поджио.

¹⁰ В Ялutorовске в дек. 1854 г. находились кроме И. И. Пушкина Н. В. Басаргин, М. И. Муравьев-Апостол, Е. П. Оболенский, В. К. Тизенгаузен.

¹¹ Ентальцева Александра Васильевна (урожд. Лисовская, 1790—1858) после смерти мужа, декабриста А. В. Ентальцева, не получила разрешения на выезд из Сибири и оставалась в Ялutorовске до амнистии.

7. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 19—21 об.

¹ Датируется по указанию на возраст Вари Поджио, кроме того, 23 нояб.—именины Екатерины.

² Речь идет о Е. И. Трубецкой.

³ С. П. Трубецкой с детьми после смерти Екатерины Ивановны уехал в Кяхту, где жила его старшая дочь А. С. Ребиндер; ее муж, Н. Р. Ребиндер, был кяхтинским градоначальником.

⁴ Ребиндер Николай Романович (1813—1865) в дек. 1854 г. уехал вместе с женой в Петербург, где он должен был получить новое назначение.

⁵ Муравьев Николай Николаевич (1809—1881), ген.-лейтенант, впоследствии ген.-адъютант, ген. от инфантерии, в 1847—1861 гг.—ген.-губернатор Восточной Сибири.

⁶ Поскольку Е. И. Трубецкая умерла, не оставив завещания, над ее детьми и имуществом была учреждена опека,

⁷ См. примеч. 9 к письму 6.

⁸ Борх Александр Михайлович (1804—1867), гр., муж гр. С. И. Лаваль, сестры Е. И. Трубецкой, был назначен опекуном детей С. П. Трубецкого.

⁹ Племянник — Александр Осипович Поджио (1820—1885), старший сын И. В. Поджио. В его имении в селе Знаменском Торопецкого уезда Псковской губ. А. В. Поджио прожил с июля до конца 1859 г.

¹⁰ Рукавишников Михаил Григорьевич, золотопромышленник и купец.

¹¹ К 1856 г. на имя А. О. Поджио были заявлены два золотоносных прииска в Иркутском округе: Александровский и Варваринский (ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 35. Л. 7).

¹² Лицо неустановленное.

8. И. И. Пушкину

ГБЛ. Ф. 243, 253. Л. 5—6 об.

¹ Датируется по упоминанию о дне рождения Л. А. Поджио и о возвращении Трубецких из Кяхты (в янв. 1854 г.). Помета И. И. Пушкина о получении, вероятно, ошибочна.

² М. М. Спиридов умер 21 дек., Ф. Б. Вольф — 25 дек. 1854 г.

³ Трубецкие возвращались в Иркутск по «мореставу», т. е. по байкальскому льду, который в янв. мог быть еще слабым. Зина — Зинаида Сергеевна Трубецкая (1837—1924), Ваня — Иван Сергеевич Трубецкой (1843—1874).

⁴ В апр.—мае 1855 г. со вторым сплавом по Амуру была отправлена артиллерия на случай возобновления военных действий на Дальнем Востоке. А. В. Поджио, один из немногих, предвидел поражение царской России в Крымской войне.

9. И. И. Пушкину

ГБЛ. Ф. 243, 253. Л. 3—4 об.

¹ Датируется по указанию об отправке письма с М. Н. Волконской, которая выехала из Иркутска 6 авг. 1855 г.

² Отъезд М. Н. Волконской из Сибири в связи с тяжелым положением дочери (находившегося под следствием Д. В. Молчанова постигло психическое заболевание, а затем разбил паралич) одобрял не всеми декабристами.

³ В марте 1855 г. Наполеон III заявил о своем намерении лично возглавить союзные войска в Крыму. Он отказался от компромисса, предложенного Австрией, и в начале июня была закрыта Венская конференция, на которой велись переговоры об условиях мира.

¹ До Омска М. С. Волконский ехал вместе с отцом, а затем опередил его (ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 245. Л. 1).

² По амнистии 1856 г. декабристам возвращалось потомственное дворянство. Этим объясняется и употребленное ниже слово «парвеню» (высочка).

³ С. Г. Волконский в Сибири носил одежду и прическу, похожие на крестьянские.

⁴ Манифестом от 26 авг. 1856 г. декабристам даровалось потомственное дворянство «по изъявленному ими раскаянию и безукоризненному <...> поведению», однако осужденным по I и II разрядам не возвращались прежние титулы (Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов. Иркутск, 1983. С. 421).

⁵ В приложениях к манифесту содержалось указание на установление над декабристами негласного полицейского надзора, но об этом не должны были объявлять публично, однако при оглашении присланного из Министерства внутренних дел текста было публично объявлено и о надзоре. С. П. Трубецкой, В. А. Бечаснов, Х. М. Дружинин подали письменный протест, но после ознакомления с текстом указа отказались от него. Прошение А. В. Поджио неизвестно, вероятно, он его не подавал (Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов. С. 247). Ланской Сергей Степанович (1787—1862) в 1855—1861 гг. был министром внутренних дел.

⁶ Какцев Павел Иванович, председатель Иркутской казенной палаты, в 1856 г. временно управлял Иркутской губ.

⁷ Венцель Карл Карлович (по документам — Бургартович) (1796—1874), ген.-майор, военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор, в 1856 г. замещал отсутствовавшего Н. Н. Муравьева и исполнял обязанности ген.-губернатора.

⁸ Надзор устанавливался над всеми декабристами, но от иркутских властей требовался список остававшихся под надзором в Иркутске.

⁹ Дувинг Афанасий Александрович, подполковник жандармского корпуса.

¹⁰ Т. е. дворянские привилегии.

¹¹ Успенский Петр Николаевич, председатель Иркутского губернского правления, печально известен своей неприглядной ролью в деле М. С. Лунина. 20 нояб. 1856 г. было официально засвидетельствовано создание золотопромышленной компании С. П. Трубецкого, А. В. Поджио и А. О. Поджио, уполномоченным ее был А. В. Поджио.

¹² Саша — А. О. Поджио.

¹³ Сосланные в Сибирь члены Оренбургского тайного общества В. П. Колесников, Х. М. Дружинин, Д. П. Таптыков и их дети. Из них только Х. М. Дружинину удалось в 1857 г. получить пособие и выехать в Россию. В. П. Колесников и Д. П. Таптыков умерли в Сибири.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду Михаил Алексеевич Бейтон, чиновник, служивший в 1840 г. в Главном управлении Восточной Сибири. В Иркутской летописи упомянуто еще о том, что в 1718 г. были вызваны из Иркутска в Тобольск воевода, полковник и дьяк, прави-

телем дел воеводства за их выездом остался дворянин Яков Бейтон.

¹⁵ К моменту выезда из Сибири у П. И. Фаленберга было двое детей, у А. Ф. Фролова — трое, у А. А. Крюкова — пятеро, у Н. А. Крюкова — трое.

¹⁶ Сестры Бестужевы Елена Александровна (1792—1874), Мария Александровна (между 1793 и 1796—1889) и Ольга Александровна (между 1793 и 1796—1889) в 1847 г. приехали к сосланным братьям в Селенгинск, в 1858 г. вернулись в Европейскую Россию. Бестужев Михаил Александрович (1800—1871) после отбытия каторжных работ находился вместе с братом Николаем Александровичем на поселении в Селенгинске, где и оставался до 1867 г. В 1857 г. он заключил контракт на 3000 руб. с купцами Серебряниковым и Зиминным на доставку груза по Амуру.

¹⁷ Предложение И. И. Горбачевскому было, вероятно, связано с золотыми приисками (Горбачевский И. И. Записки. Письма. С. 160).

¹⁸ Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892), по окончании каторжных работ обращен на поселение в Читу, где остался и после амнистии. Дружинин Хрисанф Михайлович (1808—после 1862) и Быстрицкий Андрей Андреевич (1799—1872) не имели средств на выезд из Сибири. К. К. Венцель ходатайствовал о выдаче неимущим декабристам прогонных денег и казенных подорожных. Х. М. Дружинин получил их, а А. А. Быстрицкому оказали материальную помощь Малая артель и С. П. Трубецкой (Кубалов Б. Г. Декабристы и амнистия // Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925; Якушкин. С. 453; Пуштин. С. 505).

¹⁹ Кюхельбекер Михаил Карлович (1798—1859), с 1831 г. жил на поселении в Баргузине.

²⁰ Баснин Осип Васильевич (1830—1865), сын иркутского купца В. Н. Баснина, близкого к декабристам, особенно к А. Н. Муравьеву.

²¹ Заборинский Ахиллес Иванович (1820—1895), полковник, начальник штаба при ген.-губернаторе Восточной Сибири, в 1856 г. получил от Н. Н. Муравьева замечание о недочете в «амурских суммах» и, несмотря на возражения Муравьева, выехал 3 дек. 1856 г. из Иркутска, мотивируя это необходимостью вступить в права наследства (Заборинский А. И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский // Рус. старина. 1883. № 6; ГБА. Ф. 22, 3.1. Л. 1 об. (письмо Н. А. Белоголового А. А. Белоголовому от 4 дек. 1856 г.))

²² Тулинская Констанция Юлиановна (урожд. Олендская), гувернантка Трубецких, и ее муж Кароль Тулинский, сосланный в Сибирь по делу Ш. Конарского.

²³ Вероятно, К. Тулинский.

11. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 21—22 об.

¹ Датируется по упоминанию о дне рождения С. Г. Волконского и приезде его в Москву.

² Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), гр., ген.-адъю-

тант, московский ген.-губернатор. Декабристам было запрещено проживание в Петербурге и Москве, но С. Г. Волконский, официально поселившись в деревне Зыковой за Петровским парком (т. е. не в городе, а в уезде), получил от Закревского разрешение бывать в Москве в связи с болезнью жены и зятя, в московском доме которого он фактически и жил. Поджио опасался также неблагоприятного отношения к Волконским передового общества, так как в Иркутске в их доме бывала «золотая молодежь» из окружения ген.-губернатора.

³ Имеется в виду *Петр Андреевич Вяземский* (1792—1878), кн., поэт, государственный деятель, в 1855 г. опубликовал в Лозанне «Письма русского ветерана о восточном вопросе» (Полн. собр. соч. Спб., 1881. Т. 6) и в Петербурге «Шесть стихотворений князя Вяземского» (там же, 1887, т. 11, с. 200—211), в которых воспе-вал в казенно-патриотическом духе только что умершего Николая I и прочих членов императорской фамилии.

⁴ За сданное золото и серебро выдавались квитанции, деньги по которым можно было получить в Петербурге.

⁵ Дом Волконских в Иркутске пустовал, надеялись продать или сдать его кому-либо из чиновников, которых ожидали в Иркутске вместе с возвращавшимся Н. Н. Муравьевым.

⁶ 8 дек. — день рождения С. Г. Волконского.

12. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 7—8 об.

¹ *Якушкин Евгений Иванович* (1826—1905), сын И. Д. Якушкина, юрист, общественный деятель, публикатор наследия декабристов.

² Датируется по упоминанию в приписке Л. А. Поджио о прощении со Свербеевыми.

³ Сестра и племянники Л. А. Поджио (см. примеч. 4 к письму 5).

⁴ Видимо, речь идет об уничтожении каких-то документов или записок. *Комаровский Егор Евграфович* (1803—1875), гр., наряду с официальным осуществлял и негласный контроль над цензурой (Никитенко А. В. *Дневник*. М., 1955. Т. 1. С. 387, 531).

⁵ После приговора декабристы считались политически умершими, амнистия отменила это положение и вернула их в дворянское сословие.

⁶ *Публий Овидий Назон* (43 до н. э. — ок. 18 н. э.), римский поэт, автор поэмы «Метаморфозы», которая содержит сказания о превращениях людей в животных, растения, камни и т. д.

⁷ «Кум» — крестный отец В. Поджио В. И. Якушкин (см. письмо 5). По дороге из Сибири он заболел и задержался в Казани.

13. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 8—10 об.

¹ З. С. Свербеева (урожд. Трубецкая), ее муж, *Николай Дмитриевич Свербеев* (1829—1860), чиновник Главного управления Восточной Сибири.

² Месяц и год установлены по упоминанию о возвращении М. С. Корсакова и о проезде Свербеевых по Западной Сибири.

³ Горбунов Петр Александрович (1808—1880), с 1851 г. губернер и учитель И. Трубецкого, после отъезда Трубецких представлял в качестве доверенного лица интересы их и Свербеевых в Иркутске.

⁴ После возвращения из Сибири С. П. Трубецкой жил с семьей старшей дочери в Киеве.

⁵ Сухов, Катя — лица неустановленные.

⁶ Антонини — популярная французская актриса. Н. Н. Муравьев 30 авг. 1856 г. подал прошение об отставке, считая себя ободенным чином. Отставка принята не была (Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. Кн. 1. С. 470—471).

⁷ Корсаков Михаил Семенович (1826—1871), двоюродный брат Н. Н. Муравьева, вместе с ним прибыл в Восточную Сибирь на службу, с дек. 1856 г. ген.-майор, в 1861—1871 гг. ген.-губернатор Восточной Сибири.

⁸ «Белая голова» — Андрей Васильевич Белоголовый (ок. 1800—1860), иркутский купец, близкий к декабристам. Он отправлял из Иркутска вещи Трубецких.

⁹ Лицо неустановленное.

14. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 31—32 об.

¹ Год установлен по содержанию.

² Александра Сергеевна Ребиндер (урожд. Трубецкая, 1830—1860), жила тогда в Киеве.

³ Разрабатывавшиеся А. В. Поджио прииски находились по речкам Средней Элихте и Курге.

⁴ 10 марта 1858 г. А. В. Поджио в качестве уполномоченного компании заключил договор с А. В. Белоголовым о совместной разработке новой площади с тем, что 1/5 паев и прибыли будут принадлежать компании, а 4/5 — А. В. Белоголовому. Поскольку заявка на эту площадь была оформлена уже в окт. 1857 г., ясно, что переговоры и организация поисков велись ранее.

⁵ Сын — И. С. Трубецкой, внук — Николай Николаевич Ребиндер (1854—1872), Федя — Федор Александрович Кучевский (1841—?), воспитанник С. П. Трубецкого, сын А. Л. Кучевского, осужденного по уголовному делу и отбывавшего наказание в Петровском заводе вместе с декабристами, Анна Францевна — лицо неустановленное.

15. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 23—24 об.

¹ Год установлен по содержанию.

² Возвращаясь в Иркутск, Н. Н. Муравьев остановился на Тельминской суконной фабрике, находившейся в пригороде Иркутска.

³ «Молодой милосердный генерал» — М. С. Корсаков, с дек. 1856 г. ген.-майор; «старый» — Н. Н. Муравьев.

⁴ И. И. Пущин и Н. Д. Фонвизина обвенчались 22 мая 1857 г.

⁵ Д. И. Завалишин в первые годы ген.-губернаторства Н. Н. Муравьева сотрудничал с ним, позднее резко выступил против него, критикуя его деятельность по освоению Приамурья, в 1863 г. был выслан из Сибири в Москву. Бибиковы — вероятно, С. Н. и М. И. Бибиковы (см. примеч. 5 к письму 57). *Гаупт Василий Васильевич*, чиновник Главного управления Восточной Сибири. Николай — лицо неуставленное.

⁶ А. А. Быстрицкий; «Серебрянка» — казенный обоз с серебром, отправлявшийся под охраной из Иркутска в Европейскую Россию.

⁷ Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), кн., в 1856—1866 гг. шеф жандармов и начальник III отделения. См. примеч. 18 к письму 10.

⁸ Нелли и Мишель — Е. С. и М. С. Волконские. *Ротчева Елена Павловна* (урожд. кн. Гагарина), начальница Иркутского сиропитательного дома для девочек им. Е. Медведниковой, хозяйка либерального салона, в котором бывали декабристы. *Липрандц Екатерина Петровна*, директриса Иркутского девичьего института в 1854—1856 гг. *Заборинская* (урожд. Ротчева) *Ольга Александровна*, жена А. И. Заборинского. Вероятно, им были посланы фотографии Волконских.

⁹ Я. Д. Казимирский собирался приехать в Иркутск, по дороге он мог встретить Трубецкого, Свербеевых и Якушкиных, возвращавшихся из Сибири. В. И. Якушкин по дороге заболел и остался в Казани, И. Д. Якушкин уехал в Москву один.

16. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 29—30 об.

¹ Год установлен по содержанию.

² Е. И. Якушкин. Здесь и далее речь идет о пособиях Малой артели.

³ *Торсон Екатерина Петровна*, сестра декабриста К. П. Торсона, приехала к брату в 1838 г. в Селенгинск, в янв. 1857 г. ей были выданы Н. Н. Муравьевым 142 рубля 86 копеек (ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 69. Л. 55).

⁴ *Спешнев Николай Александрович* (1821—1882), один из руководителей кружка петрашевцев, осужден в 1849 г., после амнистии 1856 г. был определен канцелярским служителем в Забайкальское обл. правление, т. е. под начало М. С. Корсакова, начальника Забайкальской обл.

⁵ См. примеч. 16 к письму 10.

⁶ П. Н. Успенский в 1857 г. был назначен управляющим III отделением Главного управления Восточной Сибири, ранее эту должность занимал *Николай Егорович Тюменцов*; В. В. Гаупт в 1857 г. назначен управляющим IV отделением того же управления.

⁷ 17 янв. 1857 г. в Иркутск прибыл новый епископ *Евсевий (Орлинский Евфимий, 1811—1883)*. *Муравьева Екатерина Николаевна* (урожд. Ришмон), жена Н. Н. Муравьева.

⁸ По договору, заключенному А. В. Поджио и его компаньонами с А. В. Белоголовым, разведанные площади могли заявляться в общую или раздельную собственность.

⁹ По ст. 2374 горного устава за непромывку на принадлежащих частным лицам приисках установленного количества песков положены денежные взносы в казну, они вносились между янв. и мартом.

¹⁰ Митьков Михаил Фотиевич (1791—1849), декабрист.

¹¹ Андрей, Дарья — лица неустановленные. Дуношка — сестра жены П. А. Горбунова Евдокия Александровна Неустроева.

¹² В Москве на Собачьей площадке жили Свербеевы.

¹³ И. С. Трубецкой, Ф. А. Кучевский, Н. Н. Ребиндер.

17. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 30—31 об.

¹ Год установлен по содержанию.

² В числе американцев, находившихся в Иркутске, был коммерческий агент США П. М. Коллинс, проехавший по Амуру и издавший в 1858 г. в Сан-Франциско брошюру о перспективах торговли России и США через Амур. Он же предлагал построить железную дорогу вокруг Байкала и телеграф до Иркутска (Ирк. губ. ведомости, 1858. 4 дек. № 49; ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 245. Л. 12; ЦГИА. Ф. 1265. Оп. 7. 1858. Д. 247. Л. 76). Подробнее о Коллинсе и его деятельности см.: Азов А. В. Миссия Перри М. Коллинса на Амуре (1856—1857). Ярославль, 1983. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 14103.

³ В Амурском комитете осенью 1856 г. обсуждался вопрос о колонизации Приамурья (Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. Кн. 2. С. 185).

⁴ О службе М. К. Кюхельбекера по винному откупу ничего не известно.

⁵ Аннушка — Анна Михайловна Миштовт (урожд. Кюхельбекер, 1835—?).

⁶ А. А. Быстрицкий.

⁷ Д. И. Кюхельбекер и Домна Петровна (урожд. Мигалкина), вдова декабриста И. И. Иванова. По амнистии 1856 г. им были предоставлены прежние права мужей по дворянству.

18. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 2—5 об.

¹ Датируется по упоминанию о недавнем обеде с американцами и о предстоящей поездке в тайгу.

² Речь идет о Н. Н. Муравьеве, далее — о его жене.

³ Н. Н. Муравьев отправил М. С. Волконского курьером в Иркутск с манифестом об амнистии декабристам.

⁴ Имеется в виду отъезд М. Н. Волконской и Е. С. Молчановой за границу.

⁵ Колесников Василий Павлович (1804—1862), 1 февр. 1857 г. Н. Н. Муравьев ходатайствовал о пособии для него (ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 119. Ч. 3. Л. 34).

⁶ Таптыков Дмитрий Петрович (ок. 1799 — после 1862), его сын Петр в 1861 г. учился в Иркутском училище военного ведомства (ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 119. Ч. 5. Л. 17).

⁷ Речь идет о семье декабриста Н. Ф. Лисовского. После его смерти (1844) осталась вдова Платонида Алексеевна (урожд. Петрова, в 1855 г. уехала в Киев), три сына и дочь. Старшие, Алексей и Владимир, стали офицерами; Волконские принимали участие в их судьбе (ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 245. Л. 4 об.; ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 604; Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 94. Л. 39).

⁸ После смерти декабриста Н. О. Мовилевского (1801—1844) осталось восемь детей, младший стал офицером, остальные не получили среднего образования, сыновья служили на приисках и в акцизе. Из письма И. В. Киреева И. И. Пущину от 6 дек 1857 г. следует, что «три сына хотя и служат по приискам, но наемщики, которого они были вынуждены поставить за себя в рекруты, <...> стал им до 1000 руб.» (Богданова М. М. Декабристы в минусинской ссылке // Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952. С. 127).

⁹ Ольга — дочь И. И. Иванова.

¹⁰ Матвей Иванович — лицо неустановленное.

¹¹ В это время А. В. Поджио было 58 лет.

¹² Бьюкенен Джеймс (1791—1868), президент США в 1857—1861 гг. (избран в нояб. 1856 г.), был кандидатом от демократической партии. Первый русско-американский торговый договор был заключен в 1832 г. при участии Дж. Бьюкенена, в то время американского посланника в России. В годы его президентства особенно распространилась нелегальная торговля неграми, он же был автором Остендского манифеста 1854 г. (план покупки или захвата Кубы). В конце 1840-х — начале 1850-х гг. американцами был предпринят ряд шагов по захвату Кубы и Никарагуа, в чем были заинтересованы рабовладельцы Юга.

¹³ Россию и США объединяли тогда общие антанглийские интересы.

¹⁴ Н. Н. Муравьев предлагал ввести свободную торговлю по всему Амуру, что должно было способствовать развитию не только русско-американской торговли, но и экономики Дальнего Востока.

¹⁵ В газете «Nord», издававшейся в Брюсселе, 3—21 дек. 1856 г. были опубликованы «Lettres d'un commerçant russe», автор (R-ch) которых выступил в защиту русского купечества, занимающего положение чуть выше крепостных, и предложил для преодоления отсталости России развивать железнодорожное строительство.

¹⁶ В 1851—1863 гг. выходили тома «Истории Реставрации» Ламартина.

¹⁷ Извольский Петр Александрович (1816—1888), в 1857 г. член Совета Главного управления Восточной Сибири, приехав 8 марта в Иркутск, занял часть (низ) дома Волконских (ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 245. Л. 10).

¹⁸ Вероятно, М. О. Бодятинская, дочь И. В. Поджио.

19. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 132. Л. 33—38 об.

¹ Датируется по сравнению с письмом 20.

² А. С. Ребиндер жила в Петербурге, там у нее родился ребенок и умер младенцем.

³ Бенардаки (Бернардаки) Дмитрий Егорович (1799—1870), откупщик и золотопромышленник; золотые прииски в Восточной Сибири имели В. А. Абаза и А. М. Абаза, о ком идет речь в данном случае, установить не удалось.

⁴ Кигин — лицо неустановленное, очевидно, служащий на прииске Поджио. Ангарск — населенный пункт на северном Байкале (теперь — Нижнеангарск).

⁵ Кандинский — вероятно, прииск богатых купцов и золотопромышленников Кандиных.

⁶ Воронцов, Попов Алексей — управляющие приисками у Поджио.

20. З. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 72. Л. 24—25 об.

¹ Год установлен по упоминанию о недавнем отъезде Трубецких и первом выезде Поджио с семьей на прииски.

² В янв. 1857 г. в Москву съехались многие родственники Трубецких (Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 113).

³ Н. Д. Свербеев оставил службу в Сибири в чине надворного советника, для получения следующего чина (коллежского советника) в Европейской России требовалось больше времени, чем в Сибири.

⁴ Возможно, речь идет о намерении нижегородских дворян и чиновников дать 26 дек. 1856 г. обед вновь назначенному нижегородскому губернатору, бывшему декабристу А. Н. Муравьеву. Не желая допустить сборы с чиновников, А. Н. Муравьев отклонил приглашение (Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 342). В этом случае «две osoby» — сам А. Н. Муравьев и Александр II, назначивший его губернатором.

⁵ Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872), «первый декабрист», арестован в 1822 г., с 1828 г. на поселении в селе Олонках около Иркутска, в 1856 г. ему, как и другим декабристам, были возвращены права потомственного дворянства.

⁶ Может быть, Федор Владимирович Ефимов (1823—1882), зять декабриста В. Ф. Раевского, исполнявший обязанности прокурора Забайкальской обл. Однако сведений о его конфликте с золотопромышленниками не имеется, на его карьере этот инцидент, если он действительно имел место, никак не отразился.

21. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 15—18

¹ Датируется по упоминанию о намерении выехать на прииск.

² Очевидно, речь идет о деятельности Е. И. Якушкина по распоряжению средствами Малой артели.

³ «Царь Сибирский» — часть полного титула российских царей.

⁴ 12 нояб. 1856 г. министр внутренних дел разослал циркуляр, в котором излагалось высочайшее повеление принимать детей амнистированных декабристов в кадетские корпуса без очереди и на казенный счет (Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов. С. 246). Аналогичное распоряжение было сделано относительно участников обороны Севастополя в Крымской войне.

⁵ Ф. Кучевскому было по ходатайству Н. Н. Муравьева даровано дворянство, чтобы он мог «окончить образование» (ЦГАОР УССР. Ф. 442. Оп. 807. Д. 65. Л. 1). О Дружинине см. примеч. 17 к письму 10.

⁶ Речь идет о Е. А. Другановой.

⁷ Выражение приписывается французскому королю Людовику XIV.

⁸ Герильясы — партизанские отряды в Испании, игравшие важную роль в борьбе с Наполеоном в 1808—1814 гг.

⁹ В связи с оживлением морского торгового пути в Китай значение Кяхты как центра русско-китайской торговли неуклонно падало. Появление первых американских торговцев на Амуре вызвало не только надежды на оживление сибирской торговли, но и опасения сибирского купечества, боявшегося конкуренции.

22. И. И. Пушкину

ЦГАОР. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 8. Л. 131—132 об.

¹ Датируется по упоминанию о приезде Н. Н. Муравьева и о намерении выехать на прииск.

² Фонвизина (урожд. Апухтина) Наталья Дмитриевна (1803 или 1805—1869), вдова декабриста М. А. Фонвизина, с 22 мая 1857 г. во втором браке с И. И. Пушиным.

³ Замечание о 12 дек. неясно. Анюта — А. И. Пушина, жила в Нижнем Новгороде у М. А. Дороховой, начальницы Нижегородского института благородных девиц, И. И. Пушкин навестил ее по дороге из Ялуторовска.

23. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 72. Л. 14—15 об.

¹ Год установлен по упоминанию о Д. В. Молчанове и неприятностях, постигших С. Г. Волконского и И. Д. Якушкина в Москве.

² Плиний Младший (61 или 62 — ок. 114), римский писатель, в его описании извержения Везувия, очевидцем которого он был, есть слова: «Большинство утверждало, что <...> для мира настала последняя ночь» (Письма Плиния Младшего. М.; Л., 1950. С. 182).

³ Декабристам было запрещено без специального разрешения жить в Москве и Петербурге. В февр. 1857 г. по распоряжению Александра II поселившимся в Москве, в том числе И. Д. Якушкину, было приказано выехать, а С. Г. Волконскому (считалось, что он живет в дер. Зыковой близ Москвы) сделано замечание за появление в обществе (Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 462—464; Дела и дни. Пб., 1920. Кн. 1. С. 411). Вероятно, Поджино знал только о замечании С. Г. Волконскому.

24. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 33—34 об.

¹ Год установлен по упоминанию о первом выезде на прииск.

25. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 132. Л. 37—38 об.

¹ Год установлен по упоминанию о приезде С. П. Трубецкого в Киев.

² Давыдова Елизавета Сергеевна (1834—1918), средняя дочь С. П. Трубецкого.

³ Служителями называли мастеровых Нерчинского кабинетского округа, так как их труд приравнивался к военной службе; на частных приисках — постоянные рабочие. Поторжные (с и б.) — наемные рабочие, использовавшиеся на случайной работе (от «торг»). Среднегодовое число рабочих на золотом прииске в Восточной Сибири в 1856—1860-х гг. составляло 136 человек, среднегодовая промывка песка — 2355 пудов, добыча золота — 5 пудов 22 фунта (Хроленок С. Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока (1832—1917): Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1974. С. 104).

26. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 132. Л. 36—36 об.

¹ Датируется по содержанию.

² В 1857 г. в Пекин был направлен особо уполномоченный от русского правительства гр. Е. В. Путятин. В апр. 1857 г. он прибыл в Кяхту с намерением двигаться через Монголию в Китай, но пекинское правительство уклонялось от приема посла и переговоров до мая 1858 г.

27. Э. С. и Н. Д. Свербеевым

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 72. Л. 20—21 об.

¹ Год устанавливается по упоминанию о Д. В. Молчанове.

² Н. Д. Свербеев искал место для службы в Европейской России.

³ 13 апр. 1857 г. родился Сергей Свербеев.

⁴ Разочарование вернувшихся из Сибири после амнистии декабристов было вызвано тем, что они остались под надзором полиции, на перемену места жительства требовалось разрешение, материальное положение некоторых ухудшилось, так как состояние перешло к наследникам, а пособие от казны прекратилось. «Встречное изгнание» — высылка И. Д. Якушкина из Москвы.

⁵ С. Г. Волконскому было разрешено бывать в Москве в связи с тяжелым состоянием душевнобольного зятя.

⁶ М. Н. Волконская.

28. Н. Д. Свербееву

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 72. Л. 18—19 об.

¹ Год установлен по упоминанию о первом возвращении семьи с прииска.

² Н. Д. Свербеев был принят в Министерство государственных имуществ по Московской конторе, служба его была связана с инспекционными поездками.

³ З. С. Свербеева уехала в Киев в июле 1857 г. (*Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 471*).

⁴ *Тургенев Николай Иванович* (1789—1871), один из создателей и руководителей Северного общества, с 1824 г. за границей, в 1826 г. заочно осужден по I разряду, в 1847 г. опубликовал книгу «*La Russie et les Russes*» («Россия и русские»), в которой отрицал свое участие в обществе и заявлял, что в движении участвовала легкомысленная молодежь. 30 июня 1856 г. подал прошение на имя царя и получил разрешение вернуться в Россию. 11 мая 1857 г. вернулся в Петербург, указом от 15 мая ему возвращены все права по происхождению (кроме имущественных) и, в отличие от остальных декабристов, чины и ордена. В мае 1857 г. побывал в Москве, где жил Н. Д. Свербеев, с которым он был в родстве.

29. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 6—7 об.

¹ Датируется по упоминанию о возвращении в Иркутск и о Д. В. Молчанове.

² «Драма» — болезнь Д. В. Молчанова.

³ В марте 1857 г. С. Г. Волконский просил разрешение посетить сестру в Петербурге, но получил отказ. Тогда же М. Н. Волконская и Е. С. Молчанова намеревалась ехать за границу (*ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 55. Л. 157—160*).

⁴ Можно предположить, что речь идет о Н. И. Тургеневе.

30. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 8—10 об., 12—14

¹ Датируется по содержанию.

² Сармат — лицо неустановленное. С. Г. Волконский в «Записках» называет так поляков.

³ Речь идет о Петербурге. 23 июля 1857 г. С. Г. Волконский получил разрешение на поездку туда для свидания с больной сестрой и пробыл в столице неделю (*ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 55. Л. 175—182*).

⁴ А. В. Поджио вспоминает об экзекуции над декабристами.

⁵ Имеется в виду Крымская война.

⁶ Вероятно, написано о совещании европейских стран в марте 1857 г. по урегулированию конфликта между Пруссией и Швейцарией. «Коронованный подлец» — Наполеон III.

⁷ *Константин Николаевич* (1827—1892), вел. кн., представитель либеральной бюрократии, один из ведущих деятелей реформ, 31 июля

1857 г. был введен в состав Секретного комитета по крестьянскому вопросу. В записке Н. А. Милютинна от 18 окт. 1856 г. к вел. кн. Елене Павловне предлагалось сделать вел. кн. Константина руководителем комитета (Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861 гг. М., 1984. С. 221 — далее: Захарова; Из записок М. А. Милютинной // Рус. старина. 1899. № 2. С. 268). Об этих планах А. В. Поджио мог знать от Н. Н. Муравьева.

⁸ После смерти жены Д. И. Завалишина на его попечении оставались теща, Фелицата Осиповна, и свояченицы Глафира Семеновна и Руфина Семеновна Смоляниновы.

31. Н. Д. Свербееву

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 72. Л. 13—13 а об.

¹ Датируется по упоминаниям о смерти Д. В. Молчанова и о приезде Н. Н. Муравьева в Москву.

² Н. Н. Муравьев не позже 23 окт. 1857 г. был в Петербурге (ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44).

³ Петр Александрович — П. А. Горбунов. «Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»), иначе называлась Аугсбургской, так как с 1810 по 1882 г. издавалась в Аугсбурге, — немецкая еженедельная газета. В 1857 г. в Индии началось восстание сипаев, что было предметом обсуждения на страницах мировой печати.

⁴ И. Д. Якушкин умер 11 авг. 1857 г.

⁵ Д. В. Молчанов умер 15 сент. 1857 г.

32. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 4—5 об.

¹ Первый рескрипт Александра II от 20 нояб. 1857 г. об учреждении дворянских комитетов для составления проектов будущей реформы был дан на имя ковенского, виленского и гродненского ген.-губернатора В. И. Назимова. В тексте его утверждалось, что дан он по инициативе дворянства указанных губерний (отсюда замечание А. В. Поджио о Литве, опередившей русских). Слова Поджио о надежде на «более человеческие» постановления вызваны тем, что рескрипт предполагал сохранение переходного состояния крестьян на 12 лет, в течение которых они должны были выкупить в собственность усадьбную оседлость и могли пользоваться пахотной землей за оброк или барщину. Разрешение о публикации рескриптов было дано 15 дек., но его содержание сообщалось губернаторам с 24 нояб.

² Рескрипты предоставляли инициативу дворянству в лице комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян.

³ Продажа иркутского дома осложнялась не только отсутствием покупателей, но и невозможностью получить официальную доверенность до утверждения в наследстве детей Е. И. Трубецкой. Раздел наследства был утвержден только в 1859 г.

⁴ Подобных слухов в 1858—1860 гг. ходило много.

⁵ И. И. Пущин 2 апр. 1858 г. писал С. П. Трубецкому, что

Е. П. Торсон в Москве, получает пособие от казны и от Малой артели. Сведений о ее намерении выехать за границу не обнаружено (Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон. Улан-Удэ, 1980. С. 190).

⁶ Янчуковский Виктор Федосеевич, горный инженер, его сестра замужем за декабристом А. Н. Сутгофом. Устинька — Юстина Михайловна Кюхельбекер (1836—?), была отправлена на воспитание в семью Н. Г. Одице, племянницы декабристов.

⁷ В конце марта 1858 г. А. Ф. Фролов приехал к И. И. Пушкину со своим сыном Николаем (род. 1847) и сыном П. И. Фаленберга Федором, которые направлялись в Петербургский кадетский корпус (Пушкин. С. 362; Богданова М. М. Декабристы в минусинской ссылке. С. 153). А. Ф. Фролов в 1858—1872 гг. жил в Керчи, Малая артель высылала ему деньги на поездку (Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 475).

33. И. И. Пушкину

ЦГАОР. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 10. Л. 165—166 об.

¹ См. примеч. 1 к письму 32, письмо 22 и примеч. 3 к нему.

² Нарышкин Михаил Михайлович (1798—1863) в июле 1857 г. собирался выехать за границу (Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 251). Сутгоф Александр Николаевич (1801—1872), в апр. 1857 г. И. Д. Якушкин писал о нем: «Руки поражены у него параличом, и пальцы почти не служат» (там же, с. 466).

³ Дейхман Оскар Александрович, горный инженер в Петровском заводе.

⁴ Упомянуты дочери М. К. Кюхельбекера: Юлия (Ульяна), Анна (в замужестве Миштовт) и Юстина (Устинья) и их двоюродная сестра, племянница декабристов Наталья Григорьевна Одице (урожд. Глинка).

⁵ В Минусинске в 1858 г. оставались П. И. Фаленберг, И. В. Киреев, семьи Н. О. Мозгалева и А. И. Тютчева.

⁶ Н. Н. Муравьев был назначен ген.-адъютантом, приехал в Иркутск 9 февр. 1858 г.

⁷ «Ирк. губ. ведомости» 20 нояб. 1858 г. (№ 47) писали: «В конце прошлого года Д. Е. Бенардаки <...> назначил нужную сумму на сооружение двух пароходов, каждый в 60 сил <...>. Вся хозяйственная часть поручена была г. Бечасному». Работы продолжались до конца окт.—начала нояб. 1858 г. Длина пароходов по 22 сажени (более 46 м), отсюда сравнение их с Левиафаном — огромным морским чудовищем (6 и 6 л.), они предназначались для переправы через Байкал. Сравнение Иркутска с Афинами («сибирские Афины») стало в то время популярным, поэтому Д. Е. Бенардаки и назван «афинцем».

⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

⁹ Савич — капитан, командир легкой батареи Забайкальской артиллерийской бригады.

¹⁰ Бобрисhev-Пушкин Павел Сергеевич (1802—1865) в 1858 г. жил в Марьино, имении Н. Д. Пушкиной.

¹ Год установлен по упоминанию об экспедиции, в ходе которой был заключен Айгунский договор.

² Речь идет о намерении С. П. Трубецкого поехать в Одессу, осуществленном в марте 1858 г.

³ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный журналист и писатель. Рескрипт на имя В. И. Назимова был опубликован в «Северной пчеле» (1857, 17 дек., № 277), которую редактировал Ф. В. Булгарин.

⁴ 6 апр. 1858 г. экспедиция во главе с Н. Н. Муравьевым отправилась на Амур (часть ее членов выехала на месяц раньше) с намерением добраться до Тихого океана. Казакевич Петр Васильевич (1814—1887), морской офицер, затем адмирал, участник первых амурских экспедиций. Путятин Евфимий Васильевич (1804—1883), гр., адмирал, в 1857 г. в качестве специального уполномоченного России для переговоров с Китаем был проездом в Иркутске. Пароход «Америка», на котором он совершил путешествие из Николаевска в Китай, открыл в Японском море Владимирскую и Ольгинскую гавани.

⁵ Палладий (Кафаров Петр Иванович, 1817—1878), русский китаевед и дипломат, 30 лет находился в составе русской православной миссии в Пекине.

⁶ Кокорин Николай Федорович, управляющий 2-м отделением Главного управления Восточной Сибири.

⁷ Пфаффиус Евгений Вильгельмович, чиновник того же управления, его жену звали Анной Андреевной.

⁸ Буссе Николай Васильевич (1828—1866), участник амурских экспедиций, с 1859 г. ген.-майор, военный губернатор Амурской обл.

⁹ Соловьев Степан Федорович (1819—1867), иркутянин, один из крупнейших русских золотопромышленников. Лотерея-аллегри — лотерея, в которой розыгрыш производится немедленно после покупки билета.

¹⁰ Вероятно, жена, крупного купца, ставшего затем важным лицом в Амурской компании, Алексея Кузьмича Веретенникова.

¹¹ В 1859 г. в Сиропитательном доме, начальницей которого была Е. П. Ротчева, находилась Александра Кюхельбекер (род. 1845) и была вновь принята Екатерина Кюхельбекер (род. 1846). Ежегодная плата составляла 60 рублей серебром (ГАИО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 55. Л. 57, 91).

¹² В 1854—1858 гг. директрисой Девичьего института была Е. П. Липранди, в сент. или окт. 1858 г. приехала новая директриса — Анна Петровна Быкова, Александра Осиповна — вероятно, временно управляла институтом.

¹³ Кинаст Карл Васильевич, доктор медицины, инспектор Иркутской врачебной управы. Медведников Иван Логгинович (1807—1889), иркутский 1-й гильдии купец и золотопромышленник, основатель Сиропитательного дома им. Е. Медведниковой.

¹⁴ Принудительные поставки хлеба в казну производились для

нужд колонизации Приамурья, при этом использовались военно-административные меры.

¹⁵ Т. е. забайкальских.

¹⁶ Речь идет о чтении П. А. Горбуновым трудов Гакстгаузена. *Гакстгаузен Август* (1792—1866), бар., прусский чиновник, экономист, известен как автор сочинений об аграрном строе Пруссии и предреформенной России, о крестьянской общине.

35. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 6—7 об., 22—23 об.

¹ Датируется по аналогии с письмом 32 от 14 янв. 1858 г., в котором сказано: «Теперь женихи принялись за свадьбы»; к 5 февр. 1858 г. Н. В. Буссе был уже женат (Ирк. губ. ведомости. 1858. 6 февр.).

² *Лазаревич Василий Павлович*, выпускник Киевского университета, определен на службу в Забайкальское областное правление (Ирк. губ. ведомости. 1859. 19 февр.).

³ М. А. Бестужев, взявшись по контракту с купцами Зиминим и Серебренниковым за доставку грузов и людей на устье Амура, спустился по Амуру, но не смог вернуться вовремя, из-за чего впоследствии вынужден был обратиться с жалобой на купцов, не оплативших ему время, проведенное в устье Амура (Тагаров З. Т. *Неизвестное письмо М. А. Бестужева // Сибирь и декабристы*. Иркутск, 1983. Вып. 3. С. 250—252).

⁴ Вероятно, *Алексей Николаевич Сокальский*. 7 янв. 1858 г. он назначен помощником столоначальника в Забайкальское областное правление (ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 115. Л. 12).

⁵ Н. Д. Свербеев 12 янв. 1858 г. был уволен от службы по болезни. *Давыдовы: Петр Васильевич* (1825—1912), сын декабриста, и *Елизавета Сергеевна* (урожд. Трубецкая).

⁶ Имеется в виду режим Наполеона III.

⁷ *Пестерев Николай Васильевич*, иркутский 2-й гильдии купец.

⁸ В Кяхту после смерти Е. И. Трубецкой уезжал С. П. Трубецкой с детьми.

⁹ В 1857 г. Девичий институт Восточной Сибири окончили *Екатерина Матвеевская*, *Елизавета Мошкина*, *Лидия* и *Надежда Геблер* (Ирк. губ. ведомости. 1857. 20 июня, № 6), дочь полковника *Евгения Кастюрин* в 1857 г. не была принята в институт (там же), возможно, в письме речь идет о ее сестре. *Болтин Александр Арсеньевич*, капитан-лейтенант, в 1856—1860 гг. служил на Амуре; *Петров Александр Иванович*, лейтенант флота, участник экспедиции Невельского, затем служил на Амуре; в Иркутске было несколько чиновников по фамилии Таскин, о ком идет речь в данном случае, установить не удалось; *Щеголев* — возможно, П. Щеголев, потомственный почетный гражданин. Остальные лица не установлены.

¹⁰ Полицмейстером в Иркутске тогда был подполковник *Отто Федорович Рейнгарт*, к 1859 г. его сменил майор М. Н. Сухотин — не исключено, что Рейнгарт был смещен после описываемой Подложной истории, — подобное решение вполне отвечало духу проводившейся тогда Н. Н. Муравьевым либеральной политики. Под «похожде-

ниями московского квартального» Поджио имеет в виду статью А. И. Герцена в «Колоколе» (л. 5 от 1 нояб. 1857 г.) «Полицейский разбой в Москве» (Герцен. Т. 13. С. 72—79).

¹¹ Среди иркутских чиновников в 1858 г. был коллежский секретарь Лотоцкий (Ирк. губ. ведомости. 1858. 4 окт.).

36. Д. И. Завалишину

ОПИ ГИМ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 8—9 об.

¹ Датируется по близости содержания с письмом 35.

² Подобные слухи были тогда достаточно широко распространены (см. письмо Е. И. Якушкина И. И. Пущину от 7 янв. 1858 г.—Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 474).

³ Теща Д. И. Завалишина Ф. О. Смольянинова и чиновник А. Н. Сокальский.

37. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 195—196 об.

¹ Неустроева Надежда Александровна (в замужестве Белоголовая, ум. 1898), свояченица П. А. Горбунова. Она и ее младшая сестра Дуня («Данишка», «Денешка») жили в доме Трубецких вместе с П. А. Горбуновым.

² Год установлен по косвенным данным: указанию на проживание семьи Поджио на приiske (она была там летом 1857 и летом 1858 г.) и на возраст В. Поджио.

³ Фамилия Львов полностью названа в письме Л. А. Поджио. О ком идет речь, установить не удалось—возможно, о Ф. Н. Львове.

⁴ Лицо неустановленное.

⁵ «Полотин» — паладин, т. е. рыцарь.

38. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 72. Л. 226—227 об.

¹ Год установлен по упоминанию о жизни на приiske и Айгунском договоре.

² Намерение С. П. Трубецкого выехать за границу вместе с А. С. Ребиндер не осуществилось, но в мае 1858 г. он ездил из Киева в Варшаву для свидания с родственниками (вернулся в июне).

³ Речь идет о Н. Н. Муравьеве, подписавшем 28 мая 1858 г. Айгунский договор с Китаем, которым устанавливалась граница по Амуру и, таким образом, России возвращалась территория, отторгнутая у нее по Нерчинскому договору 1689 г.

39. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 72. Л. 232—235 об.

¹ Год установлен по упоминанию о поездке С. П. Трубецкого в Варшаву.

² Речь идет о ком-то из управляющих компаний Поджио и др.

³ С 1858 г. взносы компаньонов перестали поступать, а в 1860 г. компания и официально прекратила свое существование (ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 35. Л. 58).

⁴ Вероятно, имеется в виду окончательное утверждение Айгунского договора.

⁵ Н. Н. Муравьев был недоволен получением инструкций из Министерства иностранных дел по исполнению Тяньцзинского трактата, ждал он ответа из Петербурга и на несколько своих проектов: о преобразовании управления Сибирью, об устройстве телеграфа и т. д.

⁶ Чиновник Иркутского губернского правления.

⁷ 23 авг. 1858 г. в Иркутске был торжественный обед, а 24 авг. бал в честь заключения Айгунского и Тяньцзинского договоров.

40. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 9—10 об.

¹ Месяц и год установлены по упоминанию о намерении выехать на восток: 1 окт. 1858 г. М. Н. Белоголова писала А. В. Белоголову: «Добрые наши Александр Викторович и Лариса Андреевна выезжают завтра» (ГБЛ. Ф. 22, 3.241).

² Е. И. Якушкин был юристом по образованию.

³ 18—20 авг. 1858 г. Александр II находился в Нижнем Новгороде (Санкт-Петерб. ведомости. 1858. 28 авг. № 187). По воспоминаниям сенатора К. Н. Лебедева, «нижегородцам и москвичам он сделал замечания» (Рус. архив. 1893. № 4. С. 387). В Нижегородском комитете в июне произошел конфликт в связи со стремлением реакционного большинства настоять на открытом выкупе личности крестьян. В Московском комитете предпринимались попытки сузить понятие усадебной оседлости, исключая из него полевую землю (Захарова. С. 114). Перун — бог грозы у восточных славян, А. В. Поджио соединяет здесь сюжеты древнегреческой и восточно-славянской мифологии: верховный бог древних греков Зевс метал в негодных громы и молнии с горы Олимп.

⁴ Е. А. Друганова и ее дети (см. примеч. 4 к письму 5).

41. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 35—36 об.

¹ Год установлен по упоминанию о выезде в Верхнеудинск.

² 18 июня 1858 г. Н. Р. Ребиндер был назначен попечителем Одесского учебного округа, переезд Трубецких в Одессу состоялся в окт. того же года (ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 26. Л. 72).

³ Золото сдавалось государству, делать это было удобнее в Барнауле, так как туда его можно было отправлять с казенными обозами.

⁴ Обычно условия аренды включали обязательство нести все казенные повинности, ставить на работу определенное минимальное число людей; из сдаваемого арендатором золота отчислялось в пользу владельца не менее 20% (Хроленок С. Ф. Развитие золото-

добывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока (1832—1917). С. 126—127).

⁵ *Жмаев Егор*, бывший уральский заводской человек, первооткрыватель золотых россыпей Северной системы Енисейского округа.

⁶ Титул графа Амурского был пожалован Н. Н. Муравьеву 26 авг. 1856 г., но публикация об этом состоялась только в 1858 г. М. А. Бакунин писал 7 нояб. 1860 г. А. И. Герцену о Муравьеве: «Он дорожит, правда, названием Амурского, но ни во что не ставит свое генеральство, ни свое генерал-губернаторство, ни свое графство» (Бакунин М. А. Собр. сочинений и писем. М., 1935. Т. 4. С. 307).

42. *З. С. и Н. Д. Свербеевым*

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 73. Л. 13—14

¹ Год установлен по указанию на проживание в Верхнеудинске.

² 6 авг. 1858 г. родился сын Свербеевых Дмитрий.

³ В 1858 г. З. С. и Н. Д. Свербеевы совершили поездку по Европе, были в Англии, Франции, Италии.

⁴ П. В. Казакевич приехал в Иркутск по зимнему пути («на колокольцах»); слух об отказе Н. Н. Муравьева от поездки на восток не подтвердился.

43. *С. П. Трубецкому*

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 23—24 об.

¹ Датируется по пребыванию в Верхнеудинске.

² Е. И. Трубецкая жила в Кяхте, бывала в Верхнеудинске.

³ Лица неустановленные.

⁴ *Пермикин Григорий Маркианович*, золотопромышленник и геолог. Золотник равен 4,266 г, или 1/96 фунта. По-видимому, речь идет о содержании золота в одном пуде породы.

⁵ А. В. Поджио с ранних лет жил в Одессе и считал ее своей родиной.

44. *С. П. Трубецкому*

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 72. Л. 222—223 об.

¹ Датируется на основании упоминаний о возвращении из Верхнеудинска в Иркутск и об ожидании А. В. Белоголового.

² Одесса основана на месте турецкой крепости Хаджибей.

³ А. В. Белоголовый выехал из Петербурга в Иркутск 20 янв. 1859 г. (ГБЛ. Ф. 22, 3.232. Л. 36 — письмо А. В. Белоголового Н. А. Белоголовому). А. В. Поджио вернулся в Иркутск 18 янв. 1859 г. (там же, 3.237, л. 1 — письмо М. Н. Белоголовой А. В. Белоголовому).

⁴ *Пирогов Николай Иванович* (1810—1881), знаменитый русский врач-хирург, в 1856—1861 гг. был попечителем Одесского и Киевского учебных округов. Речь идет о консультации у него А. С. Ребиндер.

⁵ Н. Д. Свербеев в 1858 г. побывал в Европе. С. Г. Волконский выехал за границу 13 окт. 1858 г.

⁶ В середине апр. 1859 г. Н. Н. Муравьев выехал из Иркутска с намерением посетить Японию для переговоров о разграничении на Дальнем Востоке (Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 2. С. 258).

⁷ См. примеч. 8 к письму 34.

⁸ О Коллинсе см. примеч. 2 к письму 17. Амурская компания — акционерное общество, созданное в 1858 г. для торговли в Приамурье и через Амур. 25 янв. (6 февр.) 1859 г. из Антверпена на Амур вышел ее винтовой транспорт с грузом различных товаров (Ирк. губ. ведомости. 1858. 20 февр.; 1859. 19 марта).

⁹ Сельский Илларион Сергеевич, правитель дел Сибирского отдела Географического общества, член Совета Главного управления Восточной Сибири, 25 дек. 1858 г. получил чин действ. ст. сов. (Ирк. губ. ведомости, 1859. 12 февр.).

¹⁰ Рыкачев Александр Петрович, есаул, состоял при Н. Н. Муравьеве.

¹¹ Давыдова Александра Ивановна (урожд. Потапова, 1802—1895), вдова декабриста В. А. Давыдова.

¹² 3 дек. 1858 г. у Е. С. Давыдовой родилась дочь Зинаида.

¹³ В 1856 г. И. С. Трубецкому, как и другим детям декабристов, был возвращен княжеский титул. По семейному разделу он получил имение в селе Большой Вьяс Саранского уезда Пензенской губ., расположенном в степной местности.

45. С. П. Трубецкому

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 73. Л. 15—15 об.

¹ Год установлен по упоминанию об отъезде из Сибири.

² Поджио выехали из Иркутска 2 мая 1859 г.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Дуэль между чиновниками Главного управления Восточной Сибири Федором Андреевичем Беклемишевым (1829—1899) и Михаилом Сергеевичем Неклюдовым (1831—1859) состоялась рано утром 16 апр. 1859 г. Неклюдов приехал в Иркутск в апр. 1858 г., в сент. был отправлен курьером в русскую православную миссию в Пекине (ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44. Л. 81; ЦГИА г. Москвы. Ф. 864. Оп. 1. Д. 20. Л. 830). По возвращении у него произошел конфликт с любимцами Н. Н. Муравьева, прозванными в Иркутске «золотой молодежью», результатом которого и была дуэль, кончившаяся смертью Неклюдова. Это происшествие вызвало возмущение иркутян, передовая общественность использовала его для организации массового протеста против административного произвола. О событиях 1859 г. в Иркутске сообщали «Колокол» (л. 49 от 11 авг. 1859 г., л. 67 от 1 апр. 1860 г., л. 73—74 от 15 июня 1860 г., л. 82 от 1 сент. 1860 г., л. 101 от 15 июня 1861 г.) и «Под суд!» (л. 2 от 15 нояб. 1859 г., л. 6 и 7 от 1 и 15 июля 1860 г.), упоминал о них и А. И. Герцен в статье «Граф Муравьев-Амурский и его поклонники» (Герцен. Т. 15). Подробнее см.: Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958; Он же. Протест против выступления Бакунина об «иркутской дуэли» //

ЛН. М., 1956. Т. 63; Коваль С. Ф. Декабристы и общественное движение 50-х — начала 60-х годов XIX века // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975; Матханова Н. П. Декабрист А. В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1.

⁵ *Игнатьев Николай Павлович* (1832—1908), ген.-адъютант, дипломат. В 1859 г. был направлен чрезвычайным посланником в Китай.

46. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 183—184 об.

¹ Датируется по указанию на проезд через Омск.

² Возможно, Наталья Андреевна Боборыкина, сестра которой была крестной матерью В. Поджио, Поджио подарил ей свою фотокарточку.

47. Н. А. Неустроевой и П. А. Горбунову

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 179—180 об.

48. С. П. Трубецкому

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 260. Л. 342—345 об.

¹ Датируется по аналогии со следующим письмом.

² *Анненков Иван Александрович* (1802—1878) после возвращения из Сибири служил в Нижнем Новгороде (там А. В. Поджио, очевидно, и встречался с ним по дороге из Иркутска); в первой половине 1859 г. Анненков получил часть наследства, присвоенного его родственниками (Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 453). *Муравьев-Апостол Матвей Иванович* (1793—1886) с апр. 1857 г. жил в Твери; после амнистии его сводный брат вернул ему часть наследства (*Декабристы. Летописи*. Кн. 3. С. 466, 469).

³ И. И. Пущин умер 3 апр. 1859 г. Поездки Н. Д. Пущиной были связаны с хлопотами об освобождении крепостных в соответствии с завещанием М. А. Фонвизина. «Племянниками» А. В. Поджио, вероятно, называет детей И. И. Пущина Ивана, усыновленного Н. И. Пущиным, и Анну.

⁴ Е. И. Якушкин перешел на службу управляющим палатой государственных имуществ Ярославской губ. *Якушкина Елена Густавовна* (урожд. Кнорринг, ум. 1873), первая жена Е. И. Якушкина.

⁵ *Петрашевский* (Буташевич-Петрашевский) *Михаил Васильевич* (1821—1866), русский революционер-демократ, утопический социалист, по отбытии срока каторжных работ жил в Иркутске с 1856 по 1864 г. Из трех его сестер в это время были замужем две: Софья за ген.-лейтенантом П. Ф. Демором, Ольга — за ген.-майором Н. Поповым (Рус. старина. 1889. № 5. С. 476).

⁶ *Давыдов Лев Васильевич* (1837—1896), сын декабриста В. Л. Давыдова.

⁷ *Вагнер Антоний Яковлевич* (1810—1885), декоратор петербургских императорских театров.

⁸ В янв. 1858 г. итальянский революционер *Феличе Орсини* (1819—1858) совершил неудавшееся покушение на Наполеона III и был казнен. В 1859 г. Франция в союзе с Сардинским королевством выступила против Австрии, провозглашая задачу освобождения Италии из-под австрийского ига. В последнем крупном сражении при Сольферино войска под командованием Наполеона III подошли к городку Валадждо, где были расположены австрийские резервы. По заключенному в июле 1859 г. сепаратному Виллафранкскому перемирию предполагалось создание Итальянской конфедерации под почетным председательством папы римского. Заключение мира не было обусловлено ходом военных действий (Австрия терпела поражение) и было прямым предательством интересов Италии. Папа Пий IX (гр. Мاستан-Феррети, 1792—1878, понтификат 1846—1878) во время революции 1848—1849 гг. обратился к главам католических держав с призывом к интервенции против Римской республики.

⁹ *Ростовцев Яков Иванович* (1803/1804—1860), гр., генерал, председатель Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Материалы Редакционных комиссий, в которые включались и журналы общих заседаний комиссий, печатались сразу же вслед за происходившими заседаниями и рассылались в количестве 3 тыс. экз. представителям администрации и дворянства. В первый период деятельности созданных в марте 1859 г. комиссий большую роль играли представители либеральной бюрократии, отстаивавшие необходимость создания самостоятельных крестьянских хозяйств с сохранением за крестьянами имевшихся у них наделов (*Захарова*, С. 18, 136—178).

49. Е. И. Якушкин

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 1—4 об.

¹ Год установлен по указанию места жительства.

² Речь идет о Сиропитательном доме.

³ *Петрашевская* (урожд. Фалеева, 1802—1867) *Феодора Дмитриевна*; М. А. Бакунин писал о ней А. И. Герцену 7 нояб. 1860 г.: «Мать яростно ненавидит сына и вместе с дочерьми, его сестрами, пользуясь его политическим несчастным положением, обобрали его до нитки» (Бакунин М. А. Собр. сочинений и писем. Т. 4. С. 340).

⁴ *Якушкин Вячеслав Евгеньевич* (1856—1912).

⁵ Речь идет о Другановых.

50. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 187—188 об.

¹ Год установлен по указанию на проживание у племянника.

² М. В. Петрашевский.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

51. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 175—175 об.

¹ Датируется по указанию на намерение съездить в Петербург и по письму Л. А. Поджио от 20 сент. 1859 г. (ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 204).

² Имеются в виду С. Г. Волконский и С. П. Трубецкой (см. письмо 52).

³ Кигин и Шарапов — служащие золотопромышленной компании Поджио.

⁴ А. П. Рыкачев.

52. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 199—200 об.

¹ Год установлен по указанию на поездку в Петербург.

² В честь совершеннолетия наследника престола вел. кн. Николая Александровича и присяги ему, состоявшейся 8 сент. 1859 г., на улицах Петербурга была устроена иллюминация (Санкт-Петерб. ведомости. 1859. 13 сент. № 198).

³ Волконская Елизавета Григорьевна (урожд. светл. княжна Волконская, ум. 1897), внучка сестры С. Г. Волконского.

⁴ Упомянуты: С. Г. Волконский; С. П. Трубецкой; Никита Петрович Трубецкой (1804—1886), церемониймейстер двора; А. С. Ребиндер.

⁵ Миллер Иона Фокич, в 1850-е гг. служил в Иркутске. Валериан — лицо неустановленное. Пакулев — возможно, минусинский купец Виктор Пакулев, изобретший новый способ разработки золотых приисков и новую золотопромышленную машину (о нем см.: Санкт-Петерб. ведомости. 1857. 5 июня, № 120).

⁶ Буяльский Илья Васильевич (1789—1866), главный врач военно-учебных заведений, известный хирург и анатом.

⁷ Ребиндер Надежда Николаевна (род. 1840), дочь Н. Р. Ребиндера от первого брака. Дети: Сергей (1853—1882), Николай и Екатерина (1857—1920).

⁸ Дуня Неустроева была принята в Девичий институт.

53. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 19—20 об.

¹ Речь идет о М. К. Кюхельбекере.

² В. К. Миштовт, муж старшей дочери М. К. Кюхельбекера, Анны.

54. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 191—192 об.

¹ Содержание письма не дает оснований для более точной датировки. По тону оно близко к письмам 50 и 51.

² См. примеч. 8 к письму 48.

³ Действительно, III отделение подвергало письма к А. В. Поджию перлюстрации — например, письма от Н. А. Неустроевой и Ф. Н. Львова (ЦГАОР. Ф. 109. Секр. арх. Оп. 3. Д. 1307. Л. 14—15 об., 37—37 об.) Это было связано с особым интересом III отделения к состоянию дел в Восточной Сибири — а именно об этом писали Поджию из Иркутска.

55. П. А. Тучкову

ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 1

¹ Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), ген.-адъютант, московский ген.-губернатор в 1859—1864 гг.

56. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 21—22 об.

¹ С. П. Трубецкой находился в Петербурге, А. В. Поджию ждал его решения о дальнейшем финансировании поисков золота.

² Якушкин Евгений Евгеньевич (1859 или 1860—1930), внук декабриста. Н. П. Чулков указывает год рождения 1859 (Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 561), С. Я. Штрайх — 1860 (Якушкин. С. 523). Судя по публикуемому письму А. В. Поджию, Е. Е. Якушкин родился незадолго до 9 янв. 1860 г.

³ Вдова декабриста Бечаснова Анна Пахомовна (урожд. Кичигина) была психически больна, над детьми (их было семеро) была установлена опека (Богданова М. М. Жены декабристов сибирячки // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 251).

⁴ После смерти И. И. Пущина многие декабристы обращались за помощью из Малой артели к его вдове.

57. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 11—14 об.

¹ Датируется по упоминанию о приезде в Никольское, куда А. В. Поджию выехал 28 янв. 1860 г. (ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 7).

² Даргай Козьма Яковлевич (ум. 1874), в 1840-е гг. чиновник Главного управления Восточной Сибири, женат на дочери известного сибирского золотопромышленника И. К. Кузнецова (Белоголовый. С. 336) Анне Ивановне (ум. 1882).

³ Конфликт А. В. Поджию с племянниками в связи с отказом последних выплатить его долю наследства (см. вступ. ст.).

⁴ Рамзай Эдуард Андреевич (1799—1877), бар., в 1818—1829 гг. служил в л.-гв. Преображенском полку, в 1860 г. ген.-адъютант, командир Отдельного Гренадерского корпуса, дислоцировавшегося в Москве. Передал ходатайство А. В. Поджию о продлении его пребывания в Москве, помог устроить в Воспитательный дом племянника Л. А. Поджию (ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 14 об., приписка Л. А. Поджию).

⁵ Бибиковы: Михаил Илларионович (1818—1881), его жена Софья Никитична (урожд. Муравьева, 1829—1892), дочь декабри-

ста Н. М. Муравьева, его отец *Илларион Михайлович* (1792—1860), ген.-лейтенант, муж Е. И. Муравьевой-Апостол, сестры, декабристов.

⁶ *Басаргин Николай Васильевич* (1800—1861), после амнистии побывал в Калужской и Смоленской губ., о встрече его со старыми товарищами, среди которых был Новосельцев (Новосильцев), см.: Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 266.

⁷ В 1860 г. С. П. Трубецкой собирался ехать с А. С. Ребиндер на юг Франции, в Ниццу. Других указаний о намерении передать ему руководство делами Малой артели не имеется.

58. Н. Д. Свербееву

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 72. Л. 26—29 об.

¹ Датируется на том же основании, что и предыдущее письмо.

² *Свербеева Софья Дмитриевна* (1842—1903), сестра адресата.

³ *Овер Александр Иванович* (1804—1864), известный тогда московский врач.

⁴ Н. Н. Муравьев 1 янв. 1860 г. вернулся в Иркутск из поездки на восток, он собирался оставить пост и предлагал назначить на свое место М. С. Корсакова. В это время в Пекине шли русско-китайские переговоры об утверждении Айгунского договора, к которым имел отношение Н. Н. Муравьев. Английские и французские дипломаты пытались помешать урегулированию русско-китайских отношений.

⁵ К концу 1859 г. в «верхах» появились симптомы, свидетельствующие о намерении пересмотреть программу Редакционных комиссий в соответствии с консервативными требованиями дворянства. Возможно, речь идет о докладе нового председателя комиссий гр. В. Н. Панина, в котором говорилось о праве крестьян только на усадьбу, а не на полевую землю (*Захарова*. С. 201—204).

⁶ Законы 1816—1819 гг. предоставили прибалтийским крестьянам личную свободу, оставив землю в собственности помещиков, за аренду ее крестьяне несли прежние повинности.

⁷ Имеется в виду существовавшее до 1580 г. право крестьян переходить в юрьев день (26 нояб. ст. ст.) от одного владельца к другому. Право выхода было отменено еще при Иване IV, а не при Борисе Годунове (царствовал в 1598—1605 гг.).

⁸ Сетуха — имение в Новосильском уезде Тульской губ., купленное Свербеевыми в 1860 г.

59. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 15—16

¹ Год установлен по упоминанию о смерти Л. И. Арнольди, месяц — по указанию на Святую и Фомину недели.

² И. С. Трубецкой родился 13 мая, а не апреля.

³ *Арнольди Лев Иванович* (1822—29 марта 1860), муж сестры Н. Д. Свербеева, Варвары Дмитриевны (1831— ?).

⁴ *Кочубей Николай Аркадьевич*, второй муж Е. С. Волконской.

60. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 193—194 об.

¹ Год установлен по упоминанию о предстоящей встрече и споре с Н. Н. Муравьевым.

² Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895).

³ А. С. Ребиндер умерла в Дрездене 30 июня 1860 г.

⁴ Проект университетского устава, обсуждавшийся в то время, предполагал замену переводных экзаменов письменными работами. (Эймонтова Р. Г. Революционная ситуация и подготовка университетской реформы // Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах. М., 1974. С. 62—63).

⁵ По семейному разделу И. С. Трубецкой получил имение в селе Большой Вьяс в Саранском уезде Пензенской губ.

⁶ Белоголовый Андрей Андреевич (1832—ок. 1890), бывший ученик А. В. Поджио.

61. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 23—24 об.

¹ Датируется по приписке Л. А. Поджио и упоминанию об А. С. Ребиндер.

² Лицо неустановленное.

³ Граф — Н. Н. Муравьев, граф Амурский.

62. Г. С. Батенькову.

ГБЛ. Ф. 20, 12.48. Л. 1—2 об.

¹ Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), после амнистии жил в Тульской губ., в 1857 г. переселился в Калугу.

² Год установлен по указанию места жительства.

³ В Калуге и близ нее жили Г. С. Батеньков, Е. П. Оболенский, Петр Николаевич Свистунов (1803—1889). Почему А. В. Поджио счел себя пятым, неясно.

⁴ Е. П. Оболенский.

⁵ П. Н. Свистунов.

63. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.4. Л. 1—4 об.

Белоголовый. С. 337—338, не полностью

¹ В 1860 г. умерла первая жена А. А. Белоголового, в мае тяжело заболел и вскоре скончался А. В. Белоголовый. Этим был вызван срочный отъезд Н. А. Белоголового в Иркутск, из-за чего он прервал сдачу экзаменов на степень доктора медицины.

² Маженди Франсуа (1783—1855), французский физиолог. Орден св. Владимира давал право на потомственное дворянство.

³ Гебр (hébreu) — иудей (франц.). Поклонение востоку не свойственно иудаизму.

⁴ «Эта покойница» — первая жена А. А. Белоголового Мария

Николаевна (урожд. Игумнова). «Другая покойница» — Прасковья Андреевна Белоголовая, мать Андрея и Николая Белоголовых.

⁵ Соколова Елизавета Петровна, общая знакомая Поджио и Белоголового.

⁶ При встрече с Н. Н. Муравьевым А. В. Поджио пытался заступиться за иркутян — участников протеста 1859 г., среди которых был и А. А. Белоголовый. Булычова Надежда Александровна (урожд. Малеева), племянница и наследница золотопромышленника Е. А. Кузнецова. А. В. Белоголовый был управляющим делами Амурской компании в Сибири, поэтому отношения с администрацией были для него и дел компании очень важны.

64. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 181—182 об.

¹ Датируется по упоминанию о смерти М. Н. Белоголовой.

² Строка из стихотворения А. Ламартина «L'isolement» из сборника «Méditations poétiques» («Одиночество» из сборника «Поэтические раздумья». Перевод из кн.: Стихи зарубежных поэтов в переводе Бенедикта Лившица. М., 1970. С. 21).

65. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 5—6 об.

¹ Год установлен по указанию на проживание в Никольском.

² Речь идет о чиновнике Стремоусове и его жене — по просьбе Поджио Е. И. Якушкин покровительствовал им.

66. С. П. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 64. Л. 17—18 об.

¹ Датируется по упоминанию о ветрянке у Вари (ГБЛ. Ф. 22, 3.46 б. Л. 38—письмо Н. А. Белоголового брату от 2 нояб. 1860 г.).

² В 1860 г. Н. Р. Ребиндеру было пожаловано вместо аренды 1500 руб. ежегодно на 12 лет, с 1861 г. он стал сенатором, о возможности такого решения могли узнать раньше. Н. Д. Свербеев умер 6 дек. 1860 г.

³ И. А. и П. Е. Анненковы в 1860 г. ездили за границу, там же с весны 1860 г. находился и С. Г. Волконский.

67. Н. А. Неустроевой

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 189—189 об.

¹ Год установлен по времени свадьбы Н. А. Неустроевой.

² Свадьба Н. А. Неустроевой и А. А. Белоголового была отложена до истечения года со времени смерти первой жены А. А. Белоголового (все сведения о Белоголовых из их переписки — ГБЛ. Ф. 22.3).

³ Е. П. Игумнова, мать первой жены А. А. Белоголового.

⁴ Дети А. А. Белоголового от первого брака после смерти матери жили в Кяхте у Игумновых.

⁵ О намерении совершить свадебное путешествие в Москву и Петербург.

68. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4. 7. Л. 1—2 об.

¹ Год и месяц установлены по времени сдачи Н. А. Белоголовым последнего докторского экзамена.

² Басов Василий Александрович (1812—1880), доктор медицины, профессор хирургии в Московском университете.

³ Соколовы (Белоголовый. С. 338).

69. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 30—31 об.

¹ Станюкович Александр Михайлович (1824—1892), журналист, был редактором «Дамского альбома рукодельных работ» (1855—1856), «Северного цветка» (1857—1858), другие сочинения его неизвестны.

² Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), в 1857—1861 гг. был министром государственных имуществ, по тому же ведомству служил и Е. И. Якушкин, приходившийся Муравьеву племянником.

70. П. А. Тучкову

ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 49. Д. 146. Л. 29

71. Е. П. Оболенскому

Архив АН СССР (ЛО). Ф. 100. Оп. 1. Д. 312. Л. 5—6 об.

¹ Вырезки в деле нет.

² С. Г. Волконский в начале 1861 г. вернулся из-за границы. Александр Кочубей (род. 9 авг. 1859 г.) умер в младенчестве.

72. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4. 5. Л. 1—8 об.

Белоголовый. С. 343—346, не полностью

¹ Датируется по указанию на приезд Н. А. Белоголового в Москву.

² В середине сент. 1861 г. Н. А. Белоголовый приехал в Москву из Петербурга после заграничной поездки. А. В. Поджио 21 сент. выехал из Москвы в имение С. Д. Молчанова, внука С. Г. Волконского, в село Шуколово Дмитровского уезда Московской губ.

³ Благодаря вмешательству Н. А. Белоголового, в «Колоколе» была опубликована реплика А. И. Герцена об отказе племянников

А. В. Поджио вернуть декабристу его часть наследства (Колокол. 1861. 15 июля. Л. 103; Герцен. Т. 15. С. 229).

⁴ Поля — Аполлон Андреевич Белоголовый, третий из братьев, он не пытался помочь старшему брату; брат — А. А. Белоголовый, финансовое положение которого было непрочным и привело в 1865 г. к банкротству; Надежда — Н. А. Белоголовая.

⁵ Доверенности от опекунов малолетнего С. Д. Молчанова были необходимы для составления уставных грамот.

⁶ См. примеч. 5 к письму 75.

⁷ Лужин Иван Дмитриевич, ген.-лейтенант, сосед по имению С. Д. Молчанова, харьковский губернатор, о котором писал А. И. Герцен (т. 13, с. 306).

⁸ Помещичьих крестьян вместе с приписанными к различным ведомствам насчитывалось в Европейской России тогда 22,5 млн. (Захарова. С. 189), в прессе говорилось о 23 млн. (Амур. 1861. 4 июля, № 52).

⁹ Авдотья Ивановна — лицо неустановленное.

¹⁰ Головин Гавриил Павлович (1806—1861), помещик села Деденева Дмитровского уезда Московской губ. История Г. П. Головина очень похожа на сюжет с князем Утятиним в главе «Последыш» поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?». Некрасов мог узнать о Головине от Н. А. Белоголового или М. С. Волконского.

¹¹ М. О. Бодятинская.

73. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 34—35 об.

¹ Датируется по письму Л. А. Поджио аналогичного содержания от 2 янв. 1862 г.

² Л. А. Стремоусова.

³ Возможно, Оболенский Алексей Васильевич (1819—1884), исполнявший обязанности военного и гражданского губернатора Ярославской губ., затем — московский губернатор. Находясь в Ярославле, по многим вопросам разделял взгляды Е. И. Якушкина (Равич Л. М. Евгений Иванович Якушкин. Л., 1989. С. 44).

⁴ В. И. Якушкин умер в 1861 г.

74. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4. 8. Л. 1—4 об.

Белоголовый. С. 346—348, не полностью

¹ Год установлен по упоминанию о студенческих волнениях.

² Однофамильцами А. В. Поджио стал называть племянников.

³ Во время студенческих волнений в сент.—окт. 1861 г. прошли уличные демонстрации в Петербурге и Москве, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и арестами. Студенты требовали отмены новых университетских правил, существенно ограничивавших их права, и расширения демократических свобод.

⁴ В 1861 г. министром народного просвещения вместо Е. В. Путьгина (подписавшего во время своего пребывания в Японии до-

говор с ее правительством) был назначен Александр Васильевич Головин (1821—1886), активный деятель из группы либеральной бюрократии.

⁵ Правление Амурской компании выражало недовольство несвоевременным представлением отчетов управляющим Иркутской конторой компании А. А. Белоголовым.

⁶ Ап. А. Белоголовый был, управляющим делами Амурской компании в Сибири, т. е. прямым начальником своего старшего брата. Упоминаемый далее Владимир — младший из братьев Белоголовых.

⁷ В нояб. 1861 г. в низовьях Амура произошло наводнение в результате сильных дождей и разлива рек (Амур. 1861. 12 нояб. № 87). Максимов, Сергей Васильевич (1831—1901), этнограф, фольклорист и писатель, автор книги «На Востоке. Поездка на Амур» (Спб., 1864).

⁸ Бакунин Михаил Александрович (1814—1876), русский революционер, теоретик анархизма, с 1857 г., после крепостного заключения, был в сибирской ссылке. Его побег стал возможен благодаря попустительству властей: М. С. Корсаков разрешил ему под честное слово путешествие на Амур. 2 июня 1861 г. М. А. Бакунин прибыл в Николаевск и с разрешения управлявшего Приморской областью капитана I ранга Петровского совершил поездку в залив де-Кастри, пообещав вернуться через Марининск. После побега Бакунина Петровскому был сделан строгий выговор, лейтенант Афанасьев был посажен под арест, Корсаков получил выговор от царя. В Иркутске осталась жена Бакунина Антонина Ксавьеревна (урожд. Квятковская), выехавшая из России только в 1863 г.

⁹ М. И. Соколов.

¹⁰ Опекунский совет при Московском воспитательном доме играл роль банка, выдававшего ссуды под залог помещичьих имений.

75. М. С. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 185. Л. 5—8

¹ Год установлен по упоминанию о проживании в Шуколове.

² Большая семья («la grande famille») — принятое у декабристов обозначение всего декабристского сообщества.

³ 1 апр. — именины М. Н. Волконской (день св. Марии Египетской).

⁴ Речь идет об отказе С. Г. Волконского от распоряжений, связанных с опекой над имуществом С. Д. Молчанова. «Миша» и «Николай» — М. С. Волконский и Н. А. Кочубей.

⁵ Уставная грамота была утверждена 16 окт. 1862 г. (А. В. Поджио находился в это время в Воронках), подписал ее от имени малолетнего владельца по доверенности его опекуниши Е. С. Кочубей И. Д. Лужин. Она предполагала передачу крестьянам в счет их поземельного надела пустоши, поросшей лесом, из которого 20 дес. должны быть вырублены в пользу помещика, а остальные 36 дес. — в пользу крестьян (ЦГИА г. Москвы. Ф. 66. Оп. 3. Д. 948).

⁶ М. С. Волконский, его жена и двое детей.

⁷ Мари и Леон — племянники А. В. Поджио М. О. Бодятинская и Лев Осипович Поджио (1826—?).

⁸ Первая жена И. В. Поджио, *Елизавета Матвеевна*, урожд. Челищева.

⁹ В 1826 г. в имении Поджио числилось 398 душ, оно было заложено в Государственном заемном банке за 78 800 рублей и, кроме того, обременено долгами на 30 000 рублей (ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 315. Л. 48 об.). Сведений о семейном разделе 1819 г. обнаружить не удалось.

¹⁰ На 8 апр. 1862 г. приходилась пасха.

¹¹ Иван Васильевич — лицо неустановленное.

76. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 36—38 об.

¹ О решении третейских судей *Павла Николаевича Мяснова* и *Н. Р. Ребиндера* см. вступ. ст., с. 47.

² Поджио жили в Воронках Козелецкого уезда Черниговской губ. (имении *Н. А. Кочубея*), прежнее имение семьи Поджио — село Яновка.

77. Е. И. Якушкину

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 46—47 об.

¹ Датируется на основании сведений о выезде Поджио из Москвы 4 июня 1862 г. и указания его на время прибытия в Воронки.

² Положения 19 февр. 1861 г. не определяли окончательного срока перевода крестьян на выкуп, он зависел от воли помещика.

³ Речь идет о взносах *М. И. Бибикова* в Малую артель.

78. А. А. Белоголовому

ЦГАОР. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 55. Л. 217—222 об.

¹ Датируется по помете *А. А. Белоголового* о получении.

² Дедушка — *П. А. Горбунов*, доктор — *Н. А. Белоголовый*.

³ Наполеон III был автором сочинения «Жизнь Юлиа Цезаря».

⁴ Стремясь к аннексии герцогства Шлезвиг и Голштиния, *Бисмарк (Отто фон Шенхаузен, 1815—1898)*, кн., руководитель внешней и внутренней политики Пруссии, утверждал: «Повод к такой войне может быть найден в любой момент, который сочтут за благоприятный» (*Сорокин А. Г. Дипломатическая подготовка австро-прусской войны 1866 г. и позиция Наполеона III. Дис. ... канд. ист. наук Л., 1975. С. 68—69*).

⁵ «Fenice» — театр оперы и балета в Венеции. *Фреңцоллини Эрминия* — известная итальянская певица. Речь идет о комитете Итальянской освободительной ассоциации и его борьбе против австрийского владычества в Венеции, в ходе которой проводились бойкоты массовых зрелищ. О воззваниях комитета писали «Санкт-Петербург. ведомости» (1863, 18(30) дек., № 281), об угрозах в адрес *Фреңцоллини* — «Современная летопись» (1864, апр., № 13, с. 12).

⁶ После австро-итало-французской войны (1856—1859) вопреки предварительной договоренности союзников Венеция по Виллафранкскому договору осталась во владении Австрии.

⁷ *Вяземский Павел Петрович* (1820—1888), кн., в 1859—1862 гг. был попечителем Казанского учебного округа.

⁸ Капинисси (Капнист) — русский дворянский и графский род, их предок был полковником венецианской службы. О ком именно идет речь, установить не удалось, возможно, о Петре Николаевиче или Петре Васильевиче Капнистах.

⁹ *Колошин Сергей Павлович* (1825—1868), сын декабриста П. И. Колошина, литератор, издатель журнала «Зритель», в 1854—1857 гг. служил в Восточной Сибири, после 1862 г. жил в Италии, из его статей в «Современной летописи» была опубликована книга «Европа и европейцы. Зигзаги и арабески туриста» (М., 1866, вып. 1).

¹⁰ *Бакунин Модест Николаевич*, вице-консул России в Венеции. «Мореплаватель» — М. А. Бакунин, бежавший из Сибири морем.

¹¹ Лицо неустановленное.

¹² *Скрипицын Валерий Валерьевич* (1799—1874), директор Департамента духовных дел иностранного вероисповедания, неоднократно помещал в иностранной печати статьи в защиту политики Александра II. *Моллер Николай Павлович*, бывший чиновник из окружения Н. Н. Муравьева, печатался в «Le Nord» под псевдонимом «Алеко» (Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934. С. 272).

¹³ Герцог *Шартрский Робер-Филипп-Луи* (1840—1896), претендент на французский престол; *Шамбор Анри Шарль* (1820—1883), герцог Бордо, как последний представитель старшей ветви Бурбонов также претендовал на французский престол от роялистов-легитимистов; *Франц V*, герцог Моденский, изгнанный революцией из Модены, бежал в Австрию; *Шмерлинг Антон* (1805—1893) австрийский политический деятель, в 1860—1865 гг. глава правительства.

79. М. С. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 183. Л. 39—43

¹ Год установлен по упоминанию о возвращении из Венеции.

² Н. А. Кочубей умер в апр. 1864 г. в Ронко (Италия).

³ *Протасов Николай Яковлевич*, полковник, сосед Кочубеев по имени, выехал за границу в 1863 г.

⁴ *Потапов Александр Львович* (1818—1886), в 1861—1864 гг. начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III отделением.

⁵ Впоследствии Л. А. Поджио писала М. С. Волконскому: «Ребиндер взял у нас 1200 рублей в самую тяжелую для него минуту и говорил мужу, что он ссудой этих денег выручил его из страшной беды. Мой муж, имея сам скудные средства, вынул из капиталов, находившегося у Дарагана и приносившего 10%, и отдал Ребиндеру за 8%, да и тех не получил» (ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 41).

⁶ Н. А. Спешнев с 1861 г. был мировым посредником в Псковской губ., с А. В. Поджио он мог встретиться в Киеве: Поджио возвращался в Воронки из-за границы через Киев, а Спешнев мог бывать в Киеве, приезжая туда при посещении своего имения в Щигровском уезде Курской губ.

⁷ Казадаев Владимир Александрович, был почт-директором Восточной Сибири в 1840-е гг.

⁸ Лицо неустановленное.

80. Е. П. Оболенскому

Архив АН СССР (ЛО). Ф. 100. Оп. 1. Д. 312. Л. 1—4 об.

¹ Год установлен по упоминанию о смерти Н. А. Кочубей.

² Н. А. Кочубей был мировым посредником в своем уезде.

³ Г. С. Батеньков умер 29 окт. 1863 г.

⁴ П. С. Бобринцев-Пушкин умер 13 февр. 1865 г. в доме Н. Д. Пушиной после тяжелой болезни, так что поехать на воды в 1864 г., вероятно, не мог.

⁵ Сестра И. И. Горбачевского А. И. Квист и его племянники жили в Петербурге, куда декабристам въезд был запрещен. В 1863 г. племянники обратились к царю за разрешением на въезд в столицу под их поручительство И. И. Горбачевского, однако он отказался выехать из Сибири (Шатрова Г. П. Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973. С. 133).

⁶ Вероятно, М. И. Муравьев-Апостол.

⁷ Оболенская Варвара Самсоновна (урожд. Баранова, 1821—1894).

81. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22,6. 2. Л. 1—2 об.

Белоголовый. С. 356—357, не полностью

¹ Год установлен по указанию на отъезд за границу — это произошло в сент. 1864 г.

² Вероятно, Варвара Алексеевна Репнина (урожд. гр. Разумовская, 1776—1869), жена Н. Г. Репнина, брата С. Г. Волконского, и ее дочь, Варвара Николаевна Репнина (1808—1891), которая позже из-за материальных трудностей была вынуждена продать материнский дом (Шереметьев С. Д. Княжна Варвара Николаевна Репнина. Спб., 1897).

³ За короткое время Е. С. Кочубей потеряла сына, мать и мужа, «четвертая драма» — болезнь С. Г. Волконского.

⁴ Сведений об этих врачах найти не удалось.

⁵ Спор между Данией и Пруссией из-за Шлезвига и Голштинии.

82. З. С. Свербеевой

ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 259. Л. 359—364 об.

¹ Год установлен по упоминанию о смерти П. С. Бобрищева-Пушкина.

² В апр. 1865 г. И. С. Трубецкой вступил в брак с княжной Верой Сергеевной Оболенской.

³ Вероятно, имеется в виду смерть Н. Д. Свербеева, А. С. Ребиндера и Н. А. Кочубея — все трое умерли молодыми.

⁴ И. С. Трубецкой учился на юридическом факультете Московского университета.

⁵ Сведений о третьем браке Н. Р. Ребиндера не обнаружено.

⁶ Е. Н. Ребиндер воспитывалась после смерти матери у З. С. Свербеевой.

⁷ П. С. Бобрищев-Пушкин.

⁸ Сутгоф Анна Федосеевна (урожд. Янчуковская), жена декабриста.

⁹ Е. С. и П. В. Давыдовы жили в это время в Вюрцбурге.

¹⁰ А. Л. Кучевский умер в 1871 г. Иркутский дом Трубецких был продан в апр. 1866 г.

¹¹ Имеются в виду родные Н. Д. Свербеева: его родители Дмитрий Николаевич (1799—1874) и Екатерина Александровна, его сестры.

¹² С. Д. Свербеева.

¹³ В. Д. Арнольди жила вместе с З. С. Свербеевой в Сетухе.

83. С. Г. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 228. Л. 27—31 об.

¹ Год установлен по месту жительства.

² Фишер — домашний врач в Воронках.

³ Гувернер Сергея Молчанова.

⁴ С. О. Плеская.

⁵ Н. А. Кочубей завещал Варе Поджио 5 тысяч рублей сер.

⁶ Перовский Петр Николаевич, сотрудник русской православной миссии в Пекине. О встрече с Поджио в Женеве см. вступ. ст., с. 51.

⁷ Данных об этих врачах найти не удалось.

⁸ Лечащий врач семьи Поджио в Женеве.

⁹ Брат Е. Г. Волконской.

¹⁰ Безобразов Михаил Александрович, имел прииск в Сибири, бывал в Иркутске.

¹¹ Дурново Александра Петровна (урожд. Волконская).

84. И. С. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 179. Л. 20—23 а об.

¹ Год установлен по упоминанию о смерти Н. Р. Ребиндера (14 сент. 1865 г.).

² П. В. Давыдов.

- ³ Имеется в виду кто-то из членов большой богатой купеческой семьи Боткиных, возможно, Николай Петрович Боткин.
⁴ В Пензенской губ. находилось имение И. С. Трубецкого.
⁵ Mont Salève — гора в окрестностях Женевы.
⁶ Биза — название северного ветра в Швейцарии.
⁷ Именины Зинаиды 11(23) окт.

85. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф 22, 4.10. Л. 1—2 об.

Белоголовый. С. 368, фрагмент

- ¹ Белло Альфонс Альфред — знаменитый хирург.
² Весной 1865 г. после тяжелой болезни Н. А. Белоголовый уехал из Иркутска, но еще долго надеялся вернуться.
³ В 1866 г. Н. А. Белоголовый в качестве врача участвовал в поездке герцога Н. М. Лейхтенбергского на Урал.
⁴ 14 авг. 1865 г. был подписан Гастейнский трактат между Австрией и Пруссией, по которому Шлезвиг и Голштиния были поделены между ними.
⁵ В 1865 г. в правящих кругах Австрии велись переговоры о переходе к дуализму. В сент. 1865 г. было объявлено о прекращении действия конституции и роспуске парламента, что было шагом к разрушению централистской системы, а потому вызвало одобрение в славянских землях.
⁶ В 1865 г. «Моск. ведомости», редактором которых был Михаил Никифорович Катков (1818—1887), и «Голос», редактировавшийся Андреем Александровичем Краевским (1810—1889), вели ожесточенную полемику, обвиняя друг друга в получении субсидий.
⁷ Давыдов Василий Петрович (1852—1900).
⁸ Дуня Неустроева окончила Девичий институт.

86. М. С. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 183. Л. 1—6 об.

- ¹ Датируется по содержанию.
² С. Г. Волконский умер 28 нояб. 1865 г. в Воронках, М. С. Волконский приехал туда только после похорон.
³ Леопольд I (1790—1865), бельгийский король с 1831 г.
⁴ 6 дек. — именины Н. А. Кочубея.
⁵ «Сестра», «княгиня» — Софья Григорьевна Волконская (1785—1868), сестра декабриста, бабушка Е. Г. Волконской. Аделаида Патэ — компаньонка С. Г. Волконской.
⁶ Александр Францевич Делье управлял финансовыми делами С. Г. Волконской и ее детей.
⁷ Слуга С. Г. Волконской.
⁸ В Ницце С. Г. Волконский был в 1858 г., ген.-майор Ратов в 1850-е гг. командовал 1-й бригадой 2-й резервной пехотной дивизии. Сын С. Г. Волконской Григорий Петрович (1808—1888), отец Е. Г. Волконской. О графине Фонтон сведений не обнаружено.

⁹ Внуки С. Г. Волконского Сергей Дмитриевич Молчанов (1853—1905) и Михаил Николаевич Кочубей (1862—?).

¹⁰ Речь идет о наследстве, полученном и не возвращенном С. Г. Волконской после осуждения брата.

¹¹ Раевский Александр Николаевич (1795—1868), брат М. Н. Волконской.

87. М. С. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 183. Л. 9—10 об.

¹ Год установлен по упоминанию о смерти С. Г. Волконского.

² Фаль — имение Бенкендорфов, перешедшее к Е. Г. Волконской (ее мать, Мария Александровна, урожд. Бенкендорф).

³ В некрологе С. Г. Волконскому, опубликованном в газете «Le Nord» от 4 янв. 1866 г., приводятся сведения о его жизни до начала 1820-х гг. и после 1856 г. Умолчание не только об участии в движении декабристов, но и о последующих 30 годах жизни бросалось в глаза.

⁴ Воспоминания о М. Н. Волконской, день рождения которой был 24 дек.

88. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.14. Л. 1—2; 4.15. Л. 2—3 об.

Белоголовый. С. 369—370. 368, фрагмент

¹ Долгоруков Петр Владимирович (1816 или 1817—1868), историк и публицист, с 1859 г. в эмиграции, издавал газеты «Будущность», «Листок», «Правдивый». Опубликовал в «Колоколе» (л. 212 от 15 янв. 1866 г.) некролог С. Г. Волконскому, в примечании к которому писал: «Все помещенные здесь факты сообщены мне Волконским вместе с многими подробностями о декабристах, которые будут напечатаны в моих «Записках». Он просил меня не обнародовать их при его жизни». Далее С. Г. Волконский был назван автором помещенной в № 9 «Листка» (6 июня 1863 г.) статьи «Три предателя: Бошняк, Майборода, Шервуд». Все это, по мнению А. В. Поджио, противоречило нравственным принципам декабристов, а потому и вызвало у него недоверие к словам П. В. Долгорукова. Последний опубликовал также в своем французском ежемесячнике «Vérité» (т. 1, № 3) биографический очерк «Граф Киселев», в котором утверждал, что «генералу Киселеву были известны замыслы заговорщиков» и что в отсутствие Киселева полковник барон фон дер Ховен по приказу А. И. Чернышева захватил бумаги Киселева. Они столь компрометировали последнего, что дело могло дойти до Сибири, и спасло Киселева лишь уничтожение фон Ховеном этих бумаг. Там же давалась такая характеристика Киселеву: «По природе царедворец <...>, характера он был слабого <...>. В высшей степени тщеславный, весьма чувствительный к лести и похвалам, граф Киселев вскоре подчинился обаянию императора Наполеона III» (Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 352). Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), гр., в 1819—1829 гг. начальник штаба 2-й армии, в 1837—1856 гг. ми-

нистр государственных имуществ, провел реформу управления государственными крестьянами, в 1856—1862 гг. русский посол во Франции.

² В 1865 г. А. А. Белоголового постигло банкротство. Так как он, как старший из братьев, управлял нераздельным семейным делом, то его разорение привело к потере состояния и Н. А. Белоголового.

³ *Базилевский Иван Федорович* (1791—1878), крупный золотопромышленник и откупщик.

⁴ Речь идет о деле сибирских областников — представителей общественно-политического течения в среде сибирской интеллигенции, выступавших в начале 1860-х гг. за революционную борьбу с самодержавием, демократические свободы, совместно с политическими ссыльными — русскими и поляками — они готовили восстание в Сибири. Рассматривая Сибирь как колонию России, часть областников выдвинула лозунг отделения Сибири от России. Аресты начались в конце мая 1865 г., следствие велось более двух лет, Г. Н. Потанин, Н. С. Щукин, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев и другие были сосланы на север Европейской России, а по первоначальному приговору им грозили каторжные работы.

⁵ Машенька — лицо неустановленное, среди привлеченных к следствию такой нет.

⁶ К. В. Кинаст.

⁷ *Бине Пауль* (ум. 1896), фармаколог. Трудно сказать, кто из сыновей московского ген.-губернатора П. А. Тучкова имеется в виду: Александр Павлович (1840—после 1899) или Михаил Павлович (1832—1890).

89. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.13. Л. 5—6 об.; 4.15. Л. 1—1 об.
Белоголовый. С. 368, фрагмент

¹ Год установлен по упоминанию о банкротстве А. А. Белоголового.

² После банкротства А. А. Белоголовый уехал на время в Кяхту к родителям первой жены Игумновым.

³ Возможно, имеется в виду кто-то из сыновей бывшего иркутского городского головы Константина Петровича Трапезникова.

⁴ Вероятно, речь идет о П. А. Горбунове, который в это время жил в семье А. А. Белоголового.

⁵ *Марий Гай* (156—86 до н. э.), римский полководец и политический деятель. Когда он, потерпев поражение, высадился у берегов Карфагена, сожженного римлянами, римский наместник предложил ему покинуть пределы области. Отвечая, Марий сравнил участь Карфагена с превратностями своей судьбы.

⁶ «Ваш император» — император Австрии, где в это время находился Н. А. Белоголовый. В 1865 г. был создан новый кабинет, склонный к признанию автономии провинций, и по случаю открытия 14 дек. венгерского государственного собрания двор пересехал в Пешт.

¹ Год установлен по содержанию.

² 1 янв. 1866 г. М. С. Волконскому было пожаловано звание камергера двора (Северная почта. 1866. 8(20) янв. № 5).

³ Павловка — имение в Борисоглебском уезде Тамбовской губ., приобретенное Волконскими не позже июля 1862 г. (ГБЛ. Ф. 137, 78.12 — письмо С. Г. Волконского М. С. Корсакову).

⁴ См. примеч. 1 к письму 88. После публикации в «Колоколе» некролога С. Г. Волконскому, написанного П. В. Долгоруковым, у А. В. Поджио произошло объяснение с А. И. Герценом, приведшее к конфликту между ними (Белоголовый. С. 370—373).

⁵ П. В. Долгоруков после издания книги «Заметки о главных фамилиях России» (Париж, 1843) был сослан в Вятку, а после выхода книги «Правда о России» (1861) и отказа вернуться из эмиграции был лишен всех прав состояния и признан изгнанным из России навечно.

⁶ Юшневский Алексей Петрович (1786—1844), ген.-интендант 2-й армии, один из руководителей Южного общества.

⁷ Бывший адъютант П. Д. Киселева декабрист Н. В. Басаргин неоднократно подчеркивал, что П. Д. Киселев был «душою предан государю, которого считал своим благодетелем», но «соглашался в том, что многое надобно изменить в России, и с удовольствием слушал здравые и нередко резкие суждения Пестеля» (Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 59). У Басаргина нет подтверждений того, что Пестель читал «Русскую правду» Киселеву, но на это указывал И. Д. Якушкин: «Некоторые отрывки из «Русской правды» он читал Киселеву, который ему однажды заметил, что царю своему он предоставляет уже слишком много власти. Под словом «царь» Пестель разумел исполнительную власть» (Якушкин. С. 37). К этому же эпизоду восходит и следующее замечание Е. И. Якушкина: «Однажды в Тульчине он прочел свой проект Киселеву; Киселеву проект понравился, но он заметил, что не худо было бы ограничить еще больше исполнительную власть» (Якушкин Е. И. Замечания на «Записки» («Моп Journal») А. М. Муравьева // Мемуары декабристов. Северное общество. С. 142). Якушкин свидетельствует здесь о знакомстве П. Д. Киселева с конституционным проектом Пестеля 1820 г., который содержал упоминание об императоре, хотя в действительности был республиканским (ВД. Т. 7. С. 28). Поджио же, вступившему в Южное общество в 1823 г. и сблизившемуся с Пестелем позже, была известна более радикальная вторая редакция «Русской правды», которая провозглашала Россию республикой. О явно республиканском характере «Русской правды» в представлении Поджио говорится и в его показаниях на следствии, и в комментируемом письме. Возможно, это расхождение и было причиной отрицания Поджио возможности знакомства П. Д. Киселева с «Русской правдой», признанного в современном декабристоведении.

⁸ В данном случае А. В. Поджио не прав: «П. И. Пестель докладывал содержание «Русской правды» на Киевских съездах Южного общества в 1822 и 1823 гг., причем на последнем она была

принята как программа общества. Республиканское правление было официально признано на Петербургском совещании 1820 г. и на Киевском съезде 1823 г.

⁹ Это замечание А. В. Поджио наводит на мысль, что предыдущие рассуждения были предназначены М. С. Волконскому специально для оправдания перед вышестоящими лицами.

¹⁰ Е. Н. Муравьева, жена Н. Н. Муравьева-Амурского.

¹¹ Озеров Александр Петрович, посол России в Швейцарии.

91. М. С. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 183. Л. 25—26 об.

¹ Датируется по приписке Л. А. Поджио, в которой упоминается о недавней кончине С. Г. Волконского и наступающем дне рождения М. С. Волконского.

² М. А. Безобразов.

³ Куза Александр Иоанн (1820—1873), господарь Румынии, низложен после восстания 11 февр. 1866 г. В своей внешней политике ориентировался на бонапартистскую Францию, внутренняя политика была довольно противоречива: наряду с установлением режима личной власти провел ряд буржуазных реформ. По утверждению ряда органов русской печати, его падение было следствием нарушения им законов страны (Вестн. 1866. 21 февр. № 14).

⁴ Возможно, имеется в виду Л. Н. Толстой — он был знаком с С. Г. Волконским, мог познакомиться с А. В. Поджио в Москве в апр. 1861 или зимой 1861/62 г. Интерес Л. Н. Толстого к декабристам общеизвестен — им был написан неоконченный роман «Декабристы», он собрал много материалов о них. См. также письмо 135 (с. 429).

92. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 84—86 об.

¹ В 1866 г. пасха приходилась на 27 марта (8 апр.).

² О конфликте Е. С. Кочубей с семьей мужа см. примеч. 13 к письму 93.

³ В 1866 г., накануне австро-прусской войны, Пруссия потребовала у Союзного Сейма созыва представителей нации для обсуждения предложенного ею проекта переустройства Германского Союза. Кассаньяк Гранье де (1806—1880), редактор французской официозной газеты «Pays», в которой был опубликован проект перекройки политической карты Европы с изменением границ Австрии, Италии, Пруссии, России.

⁴ Грамон (Граммон) Антуан Альфред Аженор (1819—1880), герцог де, в 1861—1870 гг. посол Франции в Австрии; Тауфкирхен — посол Баварии в Австрии; Бейст Фридрих (1809—1886), в 1866—1871 гг. министр иностранных дел Австрии, противник объединения Германии при гегемонии Пруссии.

⁵ Виктор-Эммануил II (1820—1878), король Сардинского королевства и первый король Италии (с 1861 г.), его дочь с янв.

1859 г. замужем за двоюродным братом Наполеона III принцем Наполеоном. *Ратацци Урбано* (1808—1873), итальянский государственный деятель, министр. Солмз — лицо неуставовленное. *Кампелло Помпео ди*, гр., министр иностранных дел в правительстве Ратацци. «Старик» — Гарибальди. В 1866 г. Италия была тесно связана в экономическом и политическом отношениях с Францией, хотя и не существовало особого союзного договора. Левые демократические силы стремились покончить с зависимостью страны от Наполеона III (Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1971. Т. 5).

⁶ «Зарейнец» — Наполеон III.

⁷ Ко времени проведения Всероссийской этнографической выставки в Москве в 1867 г. Московский славянский комитет (М. С. Волконский был членом славянских комитетов — Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 59) готовил съезд представителей славянских народов. Русское правительство покровительствовало съезду, так как видело в солидаризации славян один из путей усиления своего влияния на Балканах. *Палацкий Франтишек* (1798—1876) и *Ригер Франтишек Ладислав* (1818—1903) — чешские политические деятели, сторонники ориентации на союз с Россией.

⁸ *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875), русский историк, писатель, сторонник поддержки Россией славянского движения, один из идеологов панславизма, выдвигал идею создания единого славянского языка и алфавита.

93. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 133—138 об.

¹ Год установлен по упоминанию о покушении Д. В. Каракова.

² Новорожденный — *Александр Михайлович Волконский* (1866—1897).

³ Итальянский четырехугольник — сильнейшая укрепленная позиция, образованная крепостями Северной Италии, играла большую роль в войнах XIX в.

⁴ Австро-прусская война не вызвала сепаратистских устремлений в Венгрии. Поджю связывает это с шедшими тогда переговорами о создании дуалистической монархии. *Гайнау* (Наупау) *Юлиус Якоб* (1786—1853), бар., австрийский генерал, суровыми мерами подавил революционное движение в Италии и в Венгрии, где в 1849—1850 гг. командовал австрийской армией. Тогда же русские войска были направлены Николаем I для подавления революции в Венгрии. *Мария Терезия* (1717—1780), австрийская монархиня с 1740 г., буржуазная историография подчеркивала ее личное нежелание принять участие в агрессивных акциях Австрии. Венгерские соединения, входившие в состав австрийской армии, сыграли значительную роль в ряде сражений Семилетней войны 1756—1763 гг. (История Венгрии. М., 1971. Т. 1. С. 457).

⁵ А. В. Поджю перечисляет темы, обсуждавшиеся тогда в английской печати и на очередной сессии парламента Великобритании. Среди них — деятельность Лиги реформы, проводившей осенью 1865 и в начале 1866 гг. в Англии кампанию агитации за всеобщее

избирательное право. В 1866—1867 гг. активизировали свою деятельность фении — ирландские мелкобуржуазные революционеры-республиканцы, бороздившие за свержение английского владычества. «Ферейра» — очевидно, имеется в виду парламентский билль о Ямайке, который устанавливал на острове диктатуру в связи с процессом конца 1865 — начала 1866 гг. над английским администратором, подавившим восстание негров на Ямайке, газеты и парламентские ораторы ставили этот процесс в ряд с фениями и реформой. Патти Аделина (1843—1919) — знаменитая певица, имела выдающийся успех во время лондонских гастролей. С 1864 г. британское правительство вело переговоры с канадскими провинциями, кончившиеся в дек. 1866 г. образованием доминиона Канады.

⁶ Имеется в виду движение в Германии против владычества наполеоновской Франции в 1808—1814 гг.

⁷ Имеется в виду Парижский мирный договор 1856 г., запрещавший России иметь военный флот на Черном море и подтверждавший запрет на проход через Босфор и Дарданеллы военных судов всех европейских держав, в том числе и России.

⁸ В мае 1866 г. Наполеон III произнес речь, в которой заявил, что он ненавидит трактаты 1815 г. (имелся в виду заключительный акт Венского конгресса). Это произвело огромное впечатление и было воспринято как указание на возможность участия Франции в австро-прусской войне. Вслед за другими государствами начали вооружаться Швейцария и Бельгия, опасавшиеся за сохранение своего нейтралитета во время большой войны (Санкт-Петербург. ведомости. 1866. 29 апр., 3 мая). За год до этого принц Наполеон произнес речь по случаю открытия памятника братьям Бонапартам в Аяччо (Корсика), в которой объявил о своей ненависти к Венским трактатам и их последствиям и о том, что Наполеон не отомщен (Заблудский - Десятковский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 372).

⁹ Речь идет о покушении 4 апр. 1866 г. Д. Каракозова на Александра II.

¹⁰ В № 29 газеты «Весть» 18 апр. 1866 г. была напечатана анонимная корреспонденция из Женевы, которая содержала намеки на связь покушения Д. В. Каракозова с «замыслами революционеров всемирной пропаганды», с женевской эмиграцией и «Колоколом». Обосновывая эту мысль, автор (согласно «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» (1864—1867. М., 1987. Т. 4. С. 256) им был В. Д. Скарятин) писал, что в Женеве уже 6(18) апр. было известно, «что преступник русский, люди, заведомо состоящие в сообщничестве с революционерами всех народов, утверждали, что преступник не только русский, но дворянин. Откуда они знали это 6(18) апреля утром, когда в Петербурге сделалось известным только 12(24) апреля имя и звание преступника?». Герцен последовательно отрицал связь террористического акта 4 апр. с русским освободительным движением (Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864—1873. М., 1984. С. 41), хотя И. А. Худяков побывал в Женеве в начале 1866 г.

¹¹ Члены Женевской русской эмиграции направили в редакцию «Колокола» письмо с протестом против клеветнической заметки «Вести». Оно не было опубликовано Герценом, считавшим, что эта

клевета не стоит ответа (Герцен. Т. 19. С. 78, 391). В № 36 «Вести» была помещена «Поправка», фактически опровергнувшая корреспонденцию в № 29 (там же, с. 392).

¹² Гувернер С. Д. Молчанова.

¹³ Конфликт Е. С. Кочубей с братом покойного мужа П. А. Кочубеем был вызван имущественными спорами. По завещанию Н. А. Кочубея его вдова получила в пожизненное владение Воронки, почти не приносящие дохода, и должна была выплатить 25 тысяч С. Д. Молчанову, 5 тысяч В. А. Поджио, построить церковь и т. д. Расходы достигали 59800 руб. Е. С. Кочубей предполагала использовать на эти цели 60 тысяч, которые должен был выплатить брату П. А. Кочубей за полученные по семейному разделу имения, но тот заявил, что выдаст деньги только племяннику Михаилу по достижении им совершеннолетия, если он доживет до него. В переписке М. С. Волконского с П. А. Кочубеем речь шла даже о судебном процессе, хотя до этого дело не дошло. («В семье сибиряков Волконских,— писал М. С. Волконский,— не приняты процессы (вам, как родственнику, конечно, известно, что они должны были получить по возвращении из Сибири и что они на самом деле получили)»)—ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 106. Л. 3). «Дядя» — Александр Васильевич Кочубей, он завещал М. Н. Кочубею свое имение Коношевку, приносящее, по словам Елены Сергеевны, от 5 до 7 тысяч в год. Управлявший имением П. А. Кочубей предложил выдавать из них по 1200 рублей в год, а остальное тратить на улучшение хозяйства. Е. С. Кочубей отказалась, потребовав выплаты всех доходов. Возникновению конфликта с Кочубеями могли способствовать и отношения ее с А. А. Рахмановым — намеки на это содержатся в письмах П. А. Кочубея (см. переписку М. С. Волконского с Е. С. и П. А. Кочубеями — ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 69. Л. 75. 115—117; Д. 550).

¹⁴ Крестьянин Осип Иванович Комиссаров (1838—1892), о фотографии которого пишет А. В. Поджио, по официальной версии, спас Александра II, подтолкнув во время выстрела руку Д. В. Каракозова. Иона Фокич — вероятно, Иона Фокич Миллер, знакомый А. В. Поджио по Иркутску.

94. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 60—63 об.

¹ Год установлен по упоминанию о покушении Д. В. Каракозова.

² В июне 1866 г. началась австро-прусская война.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Вероятно, Лев Андреевич Бороздин, родственник Волконских.

⁵ М. И. Бибииков и И. С. Трубецкой были опекунами детей Н. Р. Ребиндера и должны были позаботиться об уплате долгов покойного.

⁶ Е. С. и П. В. Давыдовы находились в Баварии, в Бюрцбурге.

⁷ Назимов Владимир Иванович (1802—1874), в молодости служил в Преображенском полку, затем виленский, ковенский и гродненский ген.-губернатор (1855—1863), член Государственного совета.

⁹ Гендриков Александр Иванович (1806—1881), гр.

⁹ Дантон Жорж Жак (1759—1794), один из вождей Великой Французской революции. Поджио имеет в виду его знаменитые слова: «Набат гудит, но это не сигнал тревоги, а угроза врагам Отечества. Чтобы победить их, нужна смелость, еще раз смелость, всегда смелость, и Франция будет спасена».

95. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 101—105 об.

¹ Год установлен по упоминанию о намерении выехать в Бе.

² 22 июля началось перемирие, 14(26) июля был подписан предварительный мир, означавший конец австро-прусской войны 1866 г.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Усиление Пруссии вызывало в России опасение, так как превращало ее в соперницу России на Балтике. В результате австро-прусской войны была ликвидирована Германская конфедерация, в которую входила и Австрия, но это не усилило (как предполагал Поджио), а ослабило позиции последней на Балканах.

⁵ По условиям предварительного мира, подтвержденным затем и в мирном договоре, Австрия признавала передачу Венецианской области Наполеону III, а он затем передал ее Итальянскому королевству.

⁶ За семь лет до того, в 1859 г., состоялась свадьба Волконских.

⁷ О конфликте Е. С. Кочубей с родными покойного Н. А. Кочубея см. примеч. 13 к письму 93. Речь идет не о приезде Е. С. Кочубей в Женеву, а о получении письма от нее.

96. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 109—113 об.

¹ Год установлен по упоминанию о намеченной на будущий год выставке в Париже.

² Сведений об этом управляющем не найдено.

³ Баян — Иван Михайлович Мальнев, управляющий имением Волконских в Павловке. По воспоминаниям Е. Д. Максимова, Мальнев родился в Сибири и получил воспитание в доме С. Г. Волконского, «который горячо и искренне любил его. По образованию он был агроном, но глубоко интересовался социальными вопросами», был дружен с известным народником С. Н. Кривенко, женился на его сестре. Автор воспоминаний причисляет И. М. Мальнева к числу «лиц с социалистическим мировоззрением», его помощник по управлению Павловкой агроном А. С. Волосович уже отбывал за неблагонадежность солдатчину (Слобожанин М. Черты из жизни и деятельности С. Н. Кривенко // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 162—163).

⁴ Петров день — 29 июня.

⁵ Куршинское имение («Курша») Касимовского уезда Рязанской

губ. получено Е. Г. Волконской в дар от отца, Г. П. Волконского (ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1951).

⁶ Дополнительных сведений о враче Косси не обнаружено.

⁷ Стародецким или Стародицким А. В. Поджио называл *Ивана Ивановича Страдецкого*, артиллерийского полковника, знакомого Кочубеев, служившего преподавателем в военно-учебных заведениях.

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ Весной 1867 г. в Париже открылась всемирная выставка.

97. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 87—91 об.

¹ Год и месяц установлены по упоминанию о вынесении приговора каракозовцам.

² Имеется в виду Е. Г. Волконская.

³ 28 окт. 1866 г. состоялось обручение наследника престола *Александра Александровича* и датской принцессы *Дагмары*, вел. кн. *Марии Федоровны* (1847—1928).

⁴ Смертная казнь была заменена бессрочной каторгой только *Н. А. Ишутину*, участнику революционного движения 1860-х гг., приговоренному по делу Каракозова.

⁵ *Браун Джон* (1800—1859), борец за освобождение негров-рабов в США, повешен по приговору рабовладельческого суда.

⁶ *Каракозов Дмитрий Владимирович* (1840—1866), русский революционер, 4 апр. 1866 г. неудачно стрелял в имп. *Александра II*. Сам *Каракозов* был повешен, его товарищи по тайному революционному обществу приговорены к каторге.

⁷ *Худяков Иван Александрович* (1842—1876), русский революционер, этнограф, фольклорист. В 1866 г. по делу *Каракозова* сослан на вечное поселение в *Верхоянск*.

⁸ «Моск. ведомости» 11 авг. 1866 г. обвинили русскую революционную эмиграцию в участии в заговоре. В обвинительном заключении утверждалось, что каракозовцы были связаны с европейским революционным комитетом и намеревались создать такой же в России (Санкт-Петерб. ведомости. 1866. 4(16) окт. № 262).

⁹ Предводителем дворянства *Козелецкого уезда* был штаб-ротмистр *Петр Андреевич Катеринич*.

¹⁰ В 1866 г. *Н. А. Белоголовый* участвовал в поездке на *Урал* *Николая Максимилиановича Романовского*, герцога *Лейхтенбергского* (1842—1890), президента *Минералогического общества*. *Боткин Сергей Петрович* (1832—1889), знаменитый русский врач, друг *Н. А. Белоголового*.

98. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.12. Л. 1—4 об.

¹ Год установлен по упоминанию о поездке на *Урал*.

² Речь идет о восстании польских политических ссыльных 26 июня 1866 г. на *Кругобайкальском тракте*, при подавлении его было убито 35 человек. Зимой 1866 г. ген-губернатор *Восточной*

Сибири М. С. Корсаков был вызван в Петербург в связи с этим событием.

³ Кукель Болеслав Казимирович, начальник штаба войск, «Восточной Сибири расположенных». Поджио вспоминает о недавней кончине его жены, урожденной Клейменовой.

99. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 96 об.—98

¹ На л. 96 письмо В. А. Поджио. Датируется по упоминанию о бракосочетании наследника престола Александра Александровича и принцессы Дагмары.

² Принцесса Дагмара происходила из Глюксбургской династии.

³ В. И. Назимов.

⁴ 28 окт. 1866 г. части осужденных по делу Каракозова были сокращены сроки каторжных работ.

⁵ В Испании накануне революции 1868 г. правительство Изабеллы II подавляло крестьянские восстания и выступления революционеров.

⁶ В Швейцарии в то время вели борьбу две партии: независимые (консерваторы) и прогрессисты (радикалы, или фазисты — по имени Жана Жака Фазы (1794—1878), швейцарского государственного деятеля и публициста). На выборах 11 нояб. 1866 г. между ними произошло столкновение, в ходе которого были использованы силы жандармов и батальона милиции, имелись раненые. На выборах вновь победили независимые (Санкт-Петерб. ведомости. 1866. 6(18) нояб. № 295).

100. И. С. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 179. Л. 25—28 об.

¹ Год установлен по упоминанию о роспуске Петербургского земства.

² 20 янв. 1867 г. был обнародован сенатский указ, которым, «согласно высочайшему повелению, было закрыто и распущено Санкт-Петербургское земское собрание», что было ответом на первые попытки выступления либеральной земской оппозиции (Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 72).

³ Остракизм (острацизм) — изгнание, гонение (в Древней Греции — изгнание отдельных граждан по решению народного собрания).

⁴ Шувалов Андрей Павлович (1816—1876), гр., петербургский губернский предводитель дворянства, был выслан из пределов империи по указу от 20 янв. 1867 г. Его дочь Елизавета замужем за Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым (1837—1916), гр.; зятя Шереметьева у него не было.

⁵ Крузе Николай Федорович (1823—1901), председатель петербургской губернской земской управы, был отправлен в Оренбург; «другой» — сенатор М. Н. Любошинский, которому было велено подать в отставку (Пирумова Н. М. Земское либеральное дви-

жение С. 72). Поджио упоминает и видных земских деятелей Николая Александровича Корфа (1834—1901), публициста, деятеля народного образования, и Александра Платоновича Платонова (1806—1894), царскосельского уездного предводителя дворянства, автора «Записки», в которой предлагал «учредить народное представительство» из «всех гражданских сословий» (там же, с. 68).

⁶ «Дядя» — А. М. Борх. В Бюрцбурге жили Давыдовы.

⁷ Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), кн., в 1856—1882 гг. министр иностранных дел, в дек. 1866 г. меморандумом на имя папы римского объявил о расторжении конкордата с Ватиканом.

⁸ Мадзини Джузеппе (1805—1872), вождь республиканско-демократического крыла итальянского освободительного движения. В 1867 г. возражал против решительных действий по присоединению Рима к Италии, провозглашая первоочередной задачей установление республики, а уж затем завершение объединения Италии (Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1971. Т. 5. С. 370).

⁹ Деак Ференц (1803—1876), венгерский политический деятель, умеренный либерал, основатель партии сторонников дуалистической монархии. В 1867 г. Австрия была провозглашена Австро-Венгерским дуалистическим государством.

¹⁰ Персано Карло Илларионе (1806 — после 1867), адмирал, командовал итальянским флотом во время австро-итальянской войны 1866 г., когда флот потерпел поражение. Ла Мармора Альфонсо Ферреро (1804—1878), генерал, армия под его командованием в той же войне потерпела тяжелое поражение.

101. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 76—78 об.

¹ Датируется по указанию на присылку книги Е. П. Ковалевского, на ожидание приезда Е. С. Кочубей и упоминанию об отставке А. И. Деспот-Зеновича.

² Речь идет о полемике Н. И. Тургенева с Д. Н. Блудовым — одним из авторов и редактором «Донесения Следственной комиссии». Интерес к полемике вновь пробудился в связи с выходом в свет в 1866 г. в Петербурге книги Егора Петровича Ковалевского (1811—1868) «Граф Д. Н. Блудов и его время. Царствование императора Александра I», а также публикацией в Париже в 1867 г. ответа Н. И. Тургенева на эту книгу. Е. П. Ковалевский привел в своей книге письмо к нему С. Г. Волконского, в котором, в частности, говорится: «В моих личных воспоминаниях об этом деле (т. е. о следствии над декабристами. — Н. М.) граф Блудов не имеет места: я ни разу не видел его ни в комиссии, во время производства следствия, ни позднее, в заседаниях Верховного уголовного суда. По этому самому не могу сказать вам ничего определенного об участии графа как в действиях Следственной комиссии, так и в составлении отчета оной» (с. 176). Очевидно, за присылку именно этой книги А. В. Поджио и благодарит М. С. Волконского. Е. П. Ковалевский приводит и письмо Е. П. Оболенского, также отрицавшего вину Д. Н. Блудова.

³ Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) был одним из

учредителей литературного общества «Арзамас», в 1826 г. участвовал в работе Следственной комиссии, затем сделал блестящую служебную карьеру: в 1832—1838 гг. министр внутренних дел, в 1862—1864 гг. председатель Государственного совета, в 1861—1864 гг. председатель Комитета министров, в 1855—1864 гг. президент Академии наук.

⁴ Человек, память которого отстаивает Е. П. Ковалевский, это Д. Н. Блудов. Е. П. Ковалевский писал о нем: «Кто бы ни был правителем дел, он не мог иметь никакого влияния на самый ход их; допросы с обвиняемых снимались не им, а членами комиссии» (с. 170). В цитируемом письме С. Г. Волконского говорится: «Вы говорите, что, собирая материалы для биографии гр. Д. Н. Блудова, вы встретили в русской иностранной прессе упреки, которыми она осыпает покойного, утверждая, что он был пристрастен и неверен в записывании ответных показаний во время следствия по делу 14 декабря 1825 г.». Ответив, что ему не была известна мера участия Блудова в этом деле, С. Г. Волконский заключал: «Я постоянно сохранял глубокое к нему уважение, как к честному государственному деятелю и человеку, и чту память того, чье имя связано с самым дорогим и близким моему сердцу историческим событием — освобождением крестьян от крепостной зависимости» (с. 177). Упреки Н. И. Тургенева основывались на том, что «Блудов был составителем рапорта Следственной комиссии» (Тургенев Н. И. Ответы на IX главу книги «Граф Блудов и его время» Ег. Ковалевского. Париж, 1867. С. 15), в котором ошибочно утверждалось на основании показаний, что Н. И. Тургенев был в Петербурге в 1824 г. (Тургенев Н. И. Ответ «Острожской летописи». Лейпциг, 1869. С. 8).

⁵ Орган консерваторов газета «Весть» (1866, 14 дек.) подвергла книгу Е. П. Ковалевского критике за содержащиеся в ней антиолигархические высказывания. Газета защищала позицию консерваторов, а их критиков обвиняла в потворстве демагогам (так называли в то время демократов и революционеров).

⁶ Шницлер Иоганн Генрих (1802—1871), историк и статистик, автор ряда работ по истории Отечественной войны 1812 г. Ковалевский ссылается на описание Шницлером событий 14 дек.

⁷ Отправляясь за границу, Е. С. Кочубей предполагала оставить старшего сына, С. Молчанова, в России.

⁸ «Устрица» — прозвище И. С. Трубецкого. Речь идет об обмене им рублей на иностранную валюту.

⁹ Деспот-Зенович Александр Иванович (1828—1895), тобольский губернатор в 1862—1867 гг.

102. М. С. Корсакову

ГБЛ. Ф. 137, 114.42. Л. 1—4 об.

¹ Год установлен по аналогии с письмом М. С. Корсакову от 5 авг. 1867 г. (ГБЛ. Ф. 137, 114.42. Л. 18—21 об.)

² Речь идет о намерении Е. С. Кочубей вступить в брак с управляющим ее имением Александром Алексеевичем Рахмановым. Е. С. Кочубей имела от первых двух браков двух сыновей —

С. Молчанова и М. Кочубея, у А. А. Рахманова от первого брака было трое детей: Аяна, Александр и Николай.

³ Львова — первая жена А. А. Рахманова.

103. И. С. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 179. Л. 18—19 об., 6—7 об.

¹ Год установлен по упоминанию о кончине А. М. Борха.

² Речь идет о финансовом положении детей Н. Р. Ребиндера Николая и Сергея. А. М. Борх разорился.

³ В Саранском уезде находилось имение И. С. Трубецкого.

⁴ Альтиери Луджи (1805—1867), кардинал, в 1849 г. входил в комиссию, заменявшую в некоторых вопросах отсутствовавшего папу римского. Умер во время эпидемии холеры в Италии.

⁵ Исаков Николай Васильевич (1821—1891), генерал, в 1859—1863 гг. был попечителем Московского учебного округа, в который входил и Московский университет, где тогда учился И. С. Трубецкой.

⁶ Медем Николай Васильевич (Вильгельмович) (1796—1870), бар., ген. от артиллерии.

⁷ Грайф (Graefe) Карл Альфред (ум. 1898), офтальмолог.

⁸ В начале сент. 1867 г. открылся учредительный конгресс Лиги мира и свободы — пацифистской организации, созданной при активном участии Виктора Гюго, Джузеппе Гарибальди и др.

⁹ Фавр Жюль (1809—1880), французский политический деятель, один из лидеров буржуазно-республиканской оппозиции режиму Второй империи. В. Гюго в годы Второй империи вел борьбу с режимом Наполеона III.

¹⁰ В авг. 1867 г., возвращаясь из Зальцбурга, где происходили его переговоры с австрийским императором, Наполеон III заявил: «Черные точки появились на нашем горизонте», имея в виду дипломатические неудачи и поражения Франции.

¹¹ Лиза — Е. С. Давыдова, Свербеевы — сестры Н. Д. Свербеева Зина — З. С. Свербеева, Фридерейх — врач.

¹² Княгиня — В. С. Трубецкая.

¹³ П. А. Горбунов, с 1867 г. он жил у И. С. и В. С. Трубецких.

¹⁴ Н. А. Белоголовый.

104. М. С. Корсакову

ГБЛ. Ф. 137, 114.42. Л. 5—8 об.

¹ Год и месяц установлены по письмам С. Г. Ностиц М. С. Корсакову (ГБЛ. Ф. 137, 113.34. Л. 6—7 об.).

² Александр II вернулся из Крыма в Петербург 1 окт. 1867 г.

³ Графиня — Софья Григорьевна Ностиц, золовка А. А. Раевской, двоюродной сестры М. С. Волконского. С. Г. Ностиц в 1867 г. жила в одном пансионе с Поджио и сообщала о них в письмах М. С. Корсакову.

⁴ Тетка — Софья Николаевна Раевская (1806—1881).

⁵ Е. Н. и Н. Н. Муравьевы.

⁶ Дочь Я. Д. Казимирского.

105. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 20—21 об.

¹ Год установлен по упоминанию о конгрессе в Женеве.

² Гарibaldi должен был приехать в Женеву для участия в конгрессе Лиги мира и свободы.

³ Посол России в Швейцарии А. П. Озеров.

⁴ Подруга С. Г. Ностиц, других сведений о ней не найдено.

⁵ Волконский Петр Григорьевич, брат Е. Г. Волконской.

106. И. С. Трубецкому

ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 179. Л. 4—5 об.

¹ Год установлен по упоминанию о конгрессе Лиги мира и свободы.

² Некоторые делегаты I Интернационала, присутствовавшие на конгрессе Лиги мира и свободы, выступили с речами атеистического и социалистического содержания.

³ «Барон де Понна в своей речи критиковал евангелие, ему заявили, что он удаляется от вопроса, и он принужден был оборвать речь» (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 22 сент. № 262).

⁴ С. Г. Ностиц писала М. С. Корсакову: «Гарibaldi в Женеве, третьего дня его с торжеством встретили, Поджио ходили смотреть <...>, они остались его ожидать в толпе два часа битых и слушать его речь. <...> Сегодня ходили его слушать в совет от двух до пяти, и Варенька, поэтому пришедшая в телячий восторг, также просидела три часа в спертой атмосфере. Бакунин, который прибыл в Женеву для Гарibaldi, говорил сегодня речь, неудачно, что сообщил мне Волконский, прибывший сюда к этому случаю» (ГБЛ. Ф. 137, 113.34. Л. 7).

107. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 51—55 об.

¹ Датируется по приложенному письму Л. А. Поджио.

² Газеты сообщили, что расходы папского двора простираются до 74 миллионов, а доходы только до 36 с половиной миллионов франков (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 11 дек. № 342).

³ Е. А. Друганова, сестра Л. А. Поджио.

⁴ 24 дек. — день рождения М. Н. Волконской. Поджио не раз в своих письмах указывал на 25 дек.

¹ Год установлен по упоминанию о смерти В. И. Касаткина.

² Выражение происходит от древнегреческого мифа о Пандоре, открывшей из любопытства сосуд или ящик с бедствиями, после чего они распространились по земле.

³ Речь идет об оставленном А. В. Поджио в Иркутске имуществе. Он поручал позаботиться о нем М. С. Корсакову, А. А. Белоголовому, а также *Михаилу Васильевичу Загоскину* (1834—1904), сибирскому писателю и общественному деятелю, другу Белоголовых.

⁴ *Рейхель Христиан* (ум. 1857), художник, муж дочери М. К. Юшневской от первого брака.

⁵ В Амурской и Приморской обл. в 1860-е гг. были открыты золотые россыпи, которые тогда же начали разрабатываться. Сведения об этом открытии попали в гамбургскую биржевую газету (Рус. ведомости. 1867. 30 дек. № 152).

⁶ *Касаткин Виктор Иванович* (1831—1867), литератор, член «Земли и воли», с 1862 г. в эмиграции, умер в ночь с 27 на 28 дек. 1867 г. Кроме него, в Женеве жили Н. П. Огарев, М. К. Элпидин, Н. Я. Николадзе, Н. И. Жуковский и др. Но Поджио, говоря о трех эмигрантах, вероятно, имел в виду еще Огарева и Бакунина.

⁷ В. Мерчинский, польский эмигрант, был близок к Герцену и Огареву, в 1867 г. жил в Женеве.

⁸ Лиссаневич — знакомая Поджио, жена крупного русского помещика и предпринимателя, жила в Женеве.

⁹ Лица неустановленные.

¹⁰ «Зарейнец» — Наполеон III. В дек. 1867 г. печать сообщала о публикации в официальной французской газете статьи «Призыв к оружию», а также о речи Наполеона III, в которой говорилось о необходимости ускорить преобразование армии. Последний слух был затем опровергнут. В конце 1867 г. французская официальная печать развернула ожесточенную антирусскую кампанию, что было связано с позицией России по отношению к Критскому восстанию.

¹¹ О Ментане см. примеч. 7 к письму 109. Голиаф — библейский персонаж, великан, погибший от руки юноши-пастуха.

109. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 44—45 об.

¹ Год установлен по упоминанию о событиях под Ментаной.

² Лицо неустановленное. Возможно, прозвище кого-то из обитателей имения, данное по аналогии с фамилией секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого.

³ Сын М. С. Волконского.

⁴ Печать сообщала о прибытии в Геную двух прусских кораблей с закупленными итальянским правительством 45 тысячами игольчатых ружей (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 14 дек. № 345). Игольчатые ружья заряжались с казенной части и были снабжены механизмом с иглой, воспламеняющей заряд; видоизменения в их систему были внесены изобретателем Карлем (там же, 16 июня,

№ 164). Крупп — знаменитая оружейная фирма, в то время возглавляла ее *Альфред Крупп* (ум. 1887).

⁵ В Париже сообщалось о том, что французской средиземноморской эскадре предписано готовиться к выходу в море (Санкт-Петербург. ведомости, 1868. 17 апр. № 103). Ошибка Поджио объяснима в свете обострения отношений России и Франции.

⁶ Н. П. Игнатьев в 1864—1877 гг. был послом России в Турции. Вызов в Петербург послов России в Австрии, Франции и Турции возбудил слухи о назначении Н. П. Игнатьева министром иностранных дел вместо А. М. Горчакова и связанной с этим перемене внешней политики России на востоке (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 12 дек. № 343). Горчаков был сторонником умеренной программы на Востоке, Игнатьев выступал за активные действия.

⁷ «Тружеником» А. В. Поджио иронически назвал Наполеона III. Виктор-Эммануил и Ратацци способствовали отъезду Гарибальди, находившегося под надзором на острове Капрера, к границам папского государства для организации восстания в Риме. После провала восстания и поражения гарибальдийцев в нояб. 1867 г. под Ментаной от объединенных папских и французских войск (в папское государство высадился французский экспедиционный корпус) Виктор-Эммануил публично осудил действия Гарибальди, который вместе с частью волонтеров был арестован итальянскими регулярными силами.

События в Италии привели к осложнению отношений Франции и Пруссии: боясь франко-итало-австрийской коалиции, Бисмарк обещал Мадзини деньги и оружие для организации республиканского восстания в случае создания такой коалиции. Слухи о возможности войны с Пруссией привели к принятию в февр. 1868 г. во Франции закона о реорганизации армии (Томас А. Вторая империя (1852—1870). СПб., 1908. С. 306).

⁸ Отец — *Фридрих-Вильгельм III* (1790—1840), прусский король, поддерживал, хотя и непоследовательно, союзнические отношения с Россией. *Фридрих II* (1712—1786), король, при котором Пруссия выдвинулась в число великих держав. Союз с Россией привел к восстановлению позиций Пруссии после наполеоновских войн, чему способствовали решения Венского конгресса и позиция, занятая на нем Александром I.

⁹ Сыновья — *Фридрих-Вильгельм IV* (1795—1861), прусский король в 1840—1861 гг., и *Вильгельм I* (1797—1888), прусский король с 1861 г. и германский император с 1871 г.

¹⁰ В начале 1840-х гг. отношения Пруссии и России изменялись к худшему, во время Крымской войны Пруссия сохранила нейтралитет, но и король, и его брат принадлежали к англофильской антирусской группе. В 1863 г. была заключена Альвенслебенская конвенция, согласно которой Пруссия обязывалась предоставить России военную помощь против польских повстанцев, но этот проект не был осуществлен, так как русское правительство не доверяло предложениям Бисмарка — например, занять линию Вислы. В 1860-е гг. Пруссия обещала поддержать Россию по вопросу об отмене Парижского трактата, но действительной помощи не оказала, в печати началась полемика по остзейскому вопросу.

¹¹ *Сапега Лев* (Леон) (1832—1878), участник восстания 1830—1831 гг. в Польше, в 1861—1875 гг. жил в Галиции, присутствовал

на обеде, данным Наполеоном III австрийскому императору (Рус. ведомости. 1867. 24 окт. № 124). Пале-Рояль — резиденция принца Наполеона, заигрывавшего с польской эмиграцией. В 1867 г. «Польский революционный комитет в Париже <...> обратился ко всем членам польской эмиграции <...> с воззванием об учреждении центрального комитета». Из 7000 эмигрантов откликнулось 508 (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 30 нояб. № 331).

¹² В папской энциклике от 17 окт. 1867 г. перечислялись обвинения против действий царского правительства в Польше и предписывалось молиться за терпящую гонения католическую церковь в России. Аббат Бауэр — духовник императрицы Евгении, выходец из еврейской купеческой семьи, в 1848 г. входил в состав академического легиона в Вене (т. е. участвовал в революции), затем эмигрировал во Францию, обратился в католичество (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 20 нояб. № 321).

¹³ Познанский архиепископ призвал духовенство воздерживаться от революционной агитации (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 30 дек. № 359).

¹⁴ *Потоцкий Альфред*, гр., в дек. 1867 г. назначен министром земледелия Австрии (Санкт-Петербург. ведомости. 1867. 18 дек. № 349).

¹⁵ *Будберг Андрей Федорович* (1820—1881), в 1861—1868 гг. посол России во Франции, сторонник русско-французского союза.

¹⁶ *Кератри Эмиль де* (1832—1905), гр., в 1867 г. в Амстердаме появились его мемуары о мексиканской экспедиции французских войск в поддержку императора Максимилиана, французского ставленника в Мексике, закончившейся поражением Франции (Вестник Европы. 1868. № 1).

¹⁷ Закон о реорганизации армии 1868 г. должен был обеспечить состав французской армии в 800 тыс. человек (Тома А. Вторая империя (1852—1870). С. 306).

¹⁸ Вероятно, речь идет о возможности более активных действий России в поддержку критского восстания 1867 г., при этом можно было, по мнению Поджио, использовать ухудшение франко-прусских отношений в связи с люксембургским вопросом.

110. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 143—148 об.

¹ Год установлен по упоминанию о поездке принца Наполеона в Берлин (в начале 1868 г.).

² *Руэр Эжен* (1814—1884), французский политический деятель, известен сменой своих взглядов с изменением обстановки.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Плон-плон — прозвище принца Наполеона (*Бонапарт Жозеф Шарль Поль*, принц Наполеон (1822—1891), двоюродный брат Наполеона III). Своей поездкой в Берлин он имел цель добиться присоединения Пруссии к общему фронту на востоке, противостоящему России.

⁵ *Велепольский Сизигмунд Александрович*, сын известного политического деятеля, маркиза А. Велепольского. По словам иност-

ранной печати, он подал записку с предложением признать Польшу частью Российской империи и дать ей такие автономные начала, которые были бы либеральнее существующих в Галиции и Познани, с тем, чтобы привлечь их к воссоединению с Царством Польским в составе России (Санкт-Петерб. ведомости. 1868. 14 февр. № 43).

⁶ «Моск. ведомости» активно поддерживали и пропагандировали политику русификации в школах и университетах на территории бывшего Царства Польского, проводившуюся во второй половине 1860-х гг.

⁷ Открывая в соответствии с конституцией Царства Польского в 1818 г. сейм в Варшаве, Александр I пообещал, хотя и в весьма неопределенной форме, установить конституционные порядки в России.

⁸ Паша Друганов — племянник Л. А. Поджио; Петя и Сережа — дети М. С. Волконского.

111. Е. С. Кочубей

(приписка к письму М. С. Волконскому)

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 183. Л. 62 об.

¹ Весной 1868 г. Е. С. Кочубей гостила у брата в Петербурге (ГБЛ. Ф. 137, 78.9—12. Л. 15 — письмо М. С. Волконского М. С. Корсакову от 12 мая 1868 г.). В переписке с Поджио обсуждался вопрос — поехать ли ей к ним в гости в Швейцарию или же им к ней в Воронки.

² С. Г. Волконская и ее компаньонка.

³ С. Г. Волконская собиралась ехать в Россию, и, вероятно, ее маршрут пролегал бы через этот румынский городок.

112. Е. С. Кочубей

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 57. Л. 1—2 об.

¹ Датируется по аналогии с предыдущим письмом.

² А. В. Поджио ошибся — он не проехал в Воронках четырех лет: выехав из Москвы в 1862 г., он осенью 1863 г. отправился за границу, вернулся в Воронки весной 1864 г. и вновь покинул Россию осенью 1864 г.

113. М. С. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 183. Л. 36—38 об.

¹ Год установлен по указанию на отъезд из Воронков: о пребывании Поджио там в 1868 г. писал Н. А. Белоголовый брату 30 мая 1868 г. (ГБЛ. Ф. 22, 3.143. Л. 23).

² По завещанию Н. А. Кочубея его вдова должна была построить в Воронках церковь. Сережа — С. Д. Молчанов.

³ В 1868 г. Е. С. Кочубей вышла замуж за А. А. Рахманова. «Анюта» — его старшая дочь; Миша, «воронковский паньч» — М. Н. Кочубей, Мотря — его няня.

114. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 68—70 об.

¹ Датируется по упоминанию о возвращении из Воронков и о событиях в Испании.

² У Наполеона III была мочекаменная болезнь.

³ 18 сент. 1868 г. началась революция в Испании, династия Бурбонов была свергнута, королева Изабелла II (1830—1904) эмигрировала во Францию.

⁴ Марфори-и-Каллеяс Карлос (1818—1892), фаворит королевы Изабеллы, бежал вместе с нею из Испании. Прим-и-Пратс Хуан (1814—1870), руководитель партии прогрессистов, с 1869 г. премьер-министр Испании. В правительстве, образованном 3 окт. 1868 г., генерал Прим занял пост министра внутренних дел. Оно провозгласило «верховную власть нации», но отказалось от провозглашения республики.

⁵ Наполеон II опубликовал книгу о Юлии Цезаре; говорили, что он составил карту Европы, изданную в Париже в окт. 1868 г., на которой были показаны изменения границ Франции за время Второй империи (Санкт-Петерб. ведомости. 1868. 15 окт. № 282). Мерославский Людвик (1814—1878), участник польского национально-освободительного движения, определял границы Польши с Россией по Двине и Днепру.

⁶ Французские газеты сообщали о намерении Наполеона III обратиться к европейским державам с предложением о взаимном разоружении (Санкт-Петерб. ведомости. 1868. 4 окт. № 271). В демагогических целях он провозгласил «принцип национальностей», включавший установление границ в соответствии с естественными границами расселения нации и направленный против договоров 1815 г. Границы 1807 г. — это границы, установленные по Тильзитскому мирному договору между Францией, Россией и Пруссией, неблагоприятные для последней.

⁷ Леопольд II (1835—1909), бельгийский король с 1865 г. В 1866 г. Наполеон III предлагал Пруссии заключить тайный договор, предоставлявший Франции право ввести войска в Бельгию.

⁸ Испанская либерально-буржуазная оппозиция включала партии унионистов, прогрессистов, часть партии демократов и др.

⁹ Кастелар-и-Риполь Эмилио (1832—1899), лидер правых республиканцев, выступал за установление в Испании республики.

¹⁰ Интендантша — Изабелла II (ее фаворит Марфори был интендантом двора), поп-possumus — так Поджио называл Наполеона III, «третий» — папа римский (в печати появились слухи о возможном смягчении его позиции в отношении Италии в связи с испанской революцией).

¹¹ Н. М. Романовский, герцог Лейхтенбергский, его прочили на престол Греции, но он отказался по настоянию Александра II. «Уехал из России с госпожой Акинфиевой, на которой он впоследствии женился по получении ею развода» (Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Спб., 1906. С. 356).

115. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 3—6 об.

- ¹ Год установлен по упоминанию о смерти Россини.
- ² 15 сент. 1868 г. Е. Г. Волконская родила сына Владимира.
- ³ Россини *Джоакино Антонио* (1792—1868), великий итальянский композитор, умер 13 нояб. после операции.
- ⁴ Наполеон III.
- ⁵ Слух этот не подтвердился. Изабелла была только принята в резиденции близ Парижа (Санкт-Петербург. ведомости. 1868. 19 нояб. № 317).
- ⁶ 2 дек. — дата государственного переворота 1851 г. и провозглашения Наполеона III императором в 1852 г. В нояб. 1868 г. была объявлена подписка на памятник депутату Бодену, погибшему 3 дек. 1851 г. в ходе вооруженного сопротивления перевороту. Среди участников подписки были *Пьер Антуан Беррье* (1790—1868), знаменитый адвокат, а также *Жюль Фавр*, депутат Законодательного корпуса. Несколько газет, объявивших сбор средств на памятник, были привлечены к суду по обвинению в возбуждении ненависти против правительства (Моск. ведомости. 1868. 5 нояб. № 240).
- ⁷ *Стэнли Артур Пенрин* (1815—1881), деятель англиканской церкви, известен своими проповедями в пользу мира. Прусский король Вильгельм I произнес во время поездки по землям Северо-Германского союза речь в Киле, наделавшую много шума, — за мир, который гарантирован мощью союзных войск (Вестник Европы. 1868. № 10. С. 871).

⁸ Варя Поджио училась в Казино — учебном заведении в Женеве.

⁹ С. Г. Волконский был участником войны 1812 г. и находился в Париже во время «Ста дней» Наполеона.

116. М. С. Корсакову

ГБЛ. Ф. 137, 114.42. Л. 9—17 об.

- ¹ Год установлен по упоминанию об уссурийской экспедиции.
- ² Очередная поездка М. С. Корсакова для осмотра Амурской и Приморской обл. весной и летом 1868 г. совпала с подавлением волнений в приграничных районах, связанных с ограничением занятий золотоискательским промыслом. Во время этой поездки был также осуществлен ряд мер по дальнейшему административному устройству края (Санкт-Петербург. ведомости. 1868. 1 нояб. № 299).
- ³ Е. С. и А. А. Рахмановы.
- ⁴ Речь идет о войнах России и наполеоновской Франции. Упомянуты Александр I и полководцы Отечественной войны 1812 г. *Михаил Богданович Барклай де Толли* (1761—1818), кн., ген.-фельдмаршал, и *Петр Иванович Багратион* (1765—1812), кн., ген. от инфантерии.
- ⁵ *Анненков Федор Александрович* (1835—1898), в 1850-е гг. один из близких к Н. Н. Муравьеву и М. С. Корсакову чиновников.
- ⁶ *Милютин Борис Алексеевич* (1830—1886), брат Д. А. и

Н. А. Милутиных, служил в Иркутске при Н. Н. Муравьеве и М. С. Корсакове, в последние годы жизни был психически болен и проживал за границей.

⁷ Бибиков Александр Илларионович (1826—1889), племянник декабристов Муравьевых-Апостолов, в 1850-е гг. служил чиновником для особых поручений в Главном управлении Восточной Сибири. «Попыха» — прозвище его брата М. И. Бибикова.

⁸ А. П. Быкова — директриса Института благородных девиц Восточной Сибири, ее сестра Варвара Петровна — классная дама того же института. Болеслав Казимирович — Б. К. Кукель.

117. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 769. Л. 130—140 об.

¹ Год установлен по упоминанию о недавнем пребывании в Воронках.

² 2 дек. 1868 г. в Тамбовском губернском земском собрании объявлено о разрешении строительства новых железнодорожных линий, «соединяющих Тамбов со столицами и с нижнею Волгой» (Правительственный вестник. 1869. 5(17) янв. № 4). М. С. Волконский был уполномоченным земства по строительству железной дороги.

³ Дорога Борисоглебск—Царицын была утверждена вопреки предлагавшейся ветке Моршанск—Самара (Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика. Спб., 1902. Т. 2. С. 53).

⁴ Стефенсон Джордж (1781—1848), английский изобретатель, положивший начало паровому железнодорожному транспорту.

⁵ По преданию, слова Юлия Цезаря, обращенные к нанесшему ему кинжалом удар заговорщику, республиканцу Марку Юнию Бруту (85—42 до н. э.).

⁶ Кольбер Жан Батист (1619—1683), генеральный контролер (министр финансов) Франции с 1665 г., проводил экономическую политику, направленную на рост государственных доходов, главным образом за счет создания крупных мануфактур, увеличения вывоза, сокращения ввоза промышленных изделий.

⁷ Вовенарг Люк де Клапье (1715—1747), маркиз, знаменитый французский моралист, цит. одна из его максим (Вовенарг де Л. К. Размышления и максимы. Л., 1988. С. 168).

⁸ В Шуколово состоялось венчание Е. С. Кочубей и А. А. Рахманова.

⁹ Лицо неустановленное, вероятно, губернёр или учитель.

118. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 767. Л. 7—10 об.

¹ Год установлен по помете М. С. Волконского о получении.

² Намек на бонапартистский переворот, совершенный в декабре. В окт.—нояб. 1868 г. политика Наполеона III провоцировала вооруженное восстание во Франции.

³ Пинар — министр внутренних дел в правительстве Франции,

в дек. 1868 г. уволен после того, как 3 дек. по его приказу полиция разогнала демонстрацию у могилы Бодена и произвела аресты.

⁴ *Мутье* (Moustier) *Франсуа Рене* (1817—1869), французский посол в Османской империи, с сент. 1866 до 1868 г. министр иностранных дел Франции. *Абдул-Азиз* (1830—1876), султан Османской империи в 1861—1876 гг., в 1867—1868 гг. турецкие войска жестоко расправились с восставшими на о. Крит.

⁵ По инициативе французского правительства 9 янв. 1869 г. была созвана конференция европейских держав в связи с греко-турецким конфликтом. Россия не готова была к войне с Турцией, остальные державы отказались поддержать Грецию, конференция закрепила победу Турции над восставшими (Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970. С. 192—193).

⁶ Речь идет о статье «Собрание конференции» в официозной турецкой газете с «наставлением России быть осторожнее, так как новая война может сделаться для нее еще бедственнее Крымской» (Санкт-Петерб. ведомости. 1868. 31 дек. № 356).

⁷ *Рошфор Анри* (1831—1913), французский публицист и политический деятель, левый республиканец, в 1868 г. начал издавать еженедельник «La lanterne» (Фонарь), в котором резко обвинял и критиковал императора и его окружение. Издание «Kolokol» на французском языке началось с 1 янв. 1868 г.

⁸ *Монпансье Антуан-Мари-Филипп-Людовик* (1824—1890), герцог, принц Орлеанский, сын Луи-Филиппа, короля Франции, женат на сестре королевы Изабеллы II, претендент на испанский трон, перед выборами в кортесы выражал сочувствие либеральным идеям.

⁹ Изабелла II поселилась во дворце в По на юге Франции близ Пиренеев.

¹⁰ *Гладстон Уильям Юарт* (1809—1898), премьер-министр Великобритании в 1868—1874 гг. *Брайт Джон* (1811—1889), министр торговли в правительстве Гладстона.

¹¹ Сепаратистски настроенные немцы-помещики в Прибалтике требовали особых прав, что встречало поддержку в прусской печати, которая периодически возвращалась к теме германских прав на Прибалтику (Шнеерсон Л. М. Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976. С. 149).

¹² Акции железной дороги от Петербурга до Балтийского порта (Ковно-Либавская) пользовались большим спросом и были раскуплены чрезвычайно быстро (Вестник Европы. 1869. № 1. С. 415).

119. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 767. Л. 26—32 об.

¹ В дек. 1868 г. Турция ультимативно потребовала от Греции прекратить помощь повстанцам Крита.

² *Милль Джон Стюарт* (1806—1873), английский философ, экономист. В 1867—1868 гг. в русских газетах появилось несколько его статей («писем»), посвященных проблемам университетского образования и поддерживавших идею доступа женщин к высшему образованию (Вестник Европы. 1868. № 2. С. 958).

³ См. примеч. 5 к письму 118. Состоялось всего семь заседаний конференции.

⁴ В «Санкт-Петерб. ведомостях» в конце 1868 г. перестали публиковаться сведения о продаже и покупке акций Российско-Американской компании — в 1868 г. компания была ликвидирована в связи с продажей в 1867 г. Аляски и Алеутских островов США.

⁵ Ламбер, молодой француз, в 1867 г. предложил организовать экспедицию к северному полюсу через Берингов пролив и далее на северо-восток. Экспедиция должна была состояться при том условии, если бы удалось собрать 600 000 франков (Санкт-Петерб. ведомости. 1867. 2 авг. № 211).

⁶ Берегом Байрона (в честь великого английского поэта Джорджа Гордона Байрона) называется участок берега Женевского озера.

⁷ Имеются в виду приполярные районы восточно-сибирского ген.-губернаторства.

⁸ Брангель Фердинанд Петрович (1796 или 1797—1870), русский мореплаватель, в 1820—1824 гг. руководил экспедицией, описавшей побережье Сибири от реки Индигирки до Колычинской губы на Камчатке.

⁹ Ривлер Шарль-Эжен (1828—1905), директор Института агрономии в Париже, автор научных работ по агрономии.

¹⁰ Речь идет о строительстве Борисоглебско-Царицынской дороги.

¹¹ «Ва» — очевидно, Александра Корнильевна Вакульская (урожд. Попова), вышедшая в 1869 г. вторым браком за М. С. Корсакова.

120. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 767. Л. 11—12 об.

¹ Год установлен по помете о получении письма.

² Яксарт — Сырдарья, Окс — Амударья. В начале 1869 г. правление земской Грязе-Борисоглебской железной дороги обратилось в Министерство путей сообщения с запиской, в которой просило разрешить ему продолжить эту линию на юго-восток, в направлении на Царицын (Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика. Спб., 1902. Т. 2. С. 17—18).

³ Виктория (1819—1901), королева Великобритании с 1837 г. Лессепс Фердинанд (1805—1894), французский инженер-строитель и предприниматель, руководил в 1859—1869 гг. строительством Суэцкого канала. Сооружение его воспринималось как поражение Великобритании в ее соперничестве с Францией из-за колоний.

⁴ Чингисхан (Темучин) (ок. 1155—1227), организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы, основатель Монгольской империи. Аттила (?—453), предводитель опустошительных походов гуннов в Восточную Римскую империю, Галлию и Северную Италию. Тимур (Тамерлан) (1336—1405) совершал грабительские походы в Иран, Закавказье, Индию и др. Поджио противопоставляет мирное экономическое продвижение России в Азию их завоевательным набегам.

⁵ Франция стремилась к ослаблению влияния России на Балканах и поддерживала в связи с этим Австро-Венгрию. Некоторое

ослабление позиций России произошло после поражения Критского восстания — Россия не оказала реальной помощи Греции и восставшим, несмотря на свое сочувствие им.

⁶ Поджио прибавляет к годам правления Наполеона I (1799—1815) годы правления Наполеона III (с 1852 г. до времени написания письма — 1869 г.). Турне-Эльв (Торнео) — река, нижнее течение которой было границей между Россией и Швецией, речь идет о войне между Швецией и Россией в 1808—1809 гг. Упоминание Вислы связано, вероятно, с участием войск герцогства Варшавского в войне 1812 г. на стороне Франции. Ульм (Алем) — город, близ которого австрийские войска потерпели сокрушительное поражение в 1805 г. Говоря о Дунае и Босфоре, Поджио, очевидно, имеет в виду войну России и Турции в 1806—1812 гг.

⁷ Речь идет о продаже акций Грязе-Борисоглебской железной дороги. М. С. Волконский был представителем земства в ее правлении.

⁸ В февр. 1869 г. в По умерла дочь С. Н. Бибиковой Александра.

⁹ Названы знаменитые композиторы Людвиг ван Бетховен (1770—1827) и Феликс Мендельсон-Бартольди (1809—1847), а также Антон Григорьевич Рубинштейн (1829—1904), русский пианист, композитор, дирижер. В 1867 г. ушел из основанной им Петербургской консерватории и посвятил себя концертной деятельности за границей.

¹⁰ Бюиссон Фердинанд Эдуард (1841—после 1901), французский педагог, антиклерикал. Лервейн — лицо неустановленное.

121. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 92—97 об.

¹ Год установлен по упоминанию об избрании М. С. Волконского председателем правления («президентом») Международного банка.

² Строительство Грязе-Борисоглебской и Борисоглебско-Царицынской железных дорог и благоустройство сгоревшего имения в Павловке.

³ Промышленная буржуазия Манчестера возглавила в первой половине XIX в. движение за свободу торговли, в последней трети века все большая часть английской буржуазии отступала от фритредерства и переходила на позиции протекционизма, которых придерживалось большинство стран Западной Европы и США.

⁴ Лицо неустановленное.

⁵ Невельской Геннадий Иванович (1813—1876), адмирал, исследователь Дальнего Востока, сыграл выдающуюся роль в воссоединении Приморья и Приамурья с Россией. Его жена, Екатерина Ивановна Невельская (урожд. Ельчанинова) (1834—1879), участница его экспедиции.

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 13—15 об.

¹ Год установлен по аналогии с письмом 120.² 10 марта — день рождения М. С. Волконского.³ *Бови-Ливберг Шарль-Самуэль* (1821—1873), пианист и композитор, профессор Женевской консерватории. *Лист Ференц* (1811—1886), венгерский композитор, пианист-виртуоз, дирижер.

123. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 767. Л. 18—24 об.

¹ Год установлен по приложенной к письму расписке Л. А. Поджио.² Французское название Женевского озера.³ *Талейран Шарль Морис* (1754—1838), французский дипломат, государственный деятель. Ему принадлежит известное изречение, что язык дан человеку, чтобы скрывать мысли.⁴ Акции Николаевской железной дороги поднялись в цене в связи с расторжением правительством контракта на ее содержание частным лицом. Несмотря на принятое в 1868 г. Комитетом министров решение о конкуренции между соискателями разрешения на строительство дорог, обществу Грязе-Борисоглебской дороги было разрешено строить новую ветку на Царицын без конкурса, так как ему это было обещано еще до принятия новых правил (Кислянский Н. А. Наша железнодорожная политика. Т. 2. С. 18).⁵ Патентованный медик — т. е. врач с дипломом. «Свечи» — медицинские свечи.⁶ А. Н. Кривошапкин — лицо неустановленное. Среди корреспондентов М. С. Волконского — *Лев Александрович Крюков* (возможно, сын А. А. Крюкова Леонид) (ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 560, 561). *Крюков Александр Александрович*, декабрист (1794—1867), умер в Брюсселе в нищете.⁷ Эллин — вероятно, *Илья Елин*, по словам Н. А. Белоголового, сын декабриста И. И. Горбачевского (Белоголовый. С. 392).⁸ В марте 1869 г. происходили студенческие беспорядки в Медико-хирургической академии, Петербургском университете, Технологическом институте. Были произведены аресты, и, как писали газеты, с помощью полиции восстановлен порядок (Санкт-Петерб. ведомости. 1869. № 78—81).⁹ Речь идет о строительстве в Воронках школы и церкви в соответствии с завещанием Н. А. Кочубея. Александр—А. А. Рахманов. Необычно благожелательный отзыв о нем А. В. Поджио вызван, вероятно, стремлением последнего наладить отношения между М. С. Волконским и Рахмановым.¹⁰ *Трубецкая Софья Сергеевна*, по первому браку герцогиня де Мори, по второму — герцогиня Сесто.¹¹ Шунке, Бениговский — лица неустановленные.

¹² В 1869 г. пышно отмечалось столетие Наполеона I.

¹³ В конце марта 1869 г. состоялся семейный совет, в котором участвовали Изабелла II и ее родственники (Санкт-Петерб. ведомости. 1869. 26 марта. № 84).

¹⁴ О Кастеларе см. примеч. 9 к письму 114, письмо 126 и примеч. 3 к нему. Мантскар — лицо неустановленное.

124. М. С. Волконскому

ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Д. 183. Л. 44—50 об.

¹ Год установлен по упоминанию о выборах во Францию и об утверждении концессии на строительство железной дороги.

² Решение Комитета министров о концессии на строительство Либавской железной дороги было утверждено царем 30 мая 1869 г., на строительство Борисоглебско-Царицынской — 20 июня 1869 г. (Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика. Т. 2. С. 15, 19).

³ См. примеч. 4 к письму 123.

⁴ П. А. Горбунов в это время управлял делами И. С. Трубецкого.

⁵ Речь идет о Наполеоне III.

⁶ Во время выборов в Законодательный корпус в 1869 г. «на политическую сцену выступили люди, сделавшие свои имена известными во время революции 1848 г.» (Вестник Европы. 1869. № 6. С. 898). Кантагирель Франсуа-Жан (1810—1887), участник революции 1848 г., радикал. О Рошфоре см. примеч. 7 к письму 118.

⁷ Шаспо Антуан Альфонс (1833—1905), французский военный изобретатель, по его имени названа винтовка его конструкции, принятая на вооружение французской армии. «Израиты» — имеется в виду «Общество 10 декабря» — тайное бонапартистское общество, созданное в 1849 г. и официально распущенное в 1850 г., использовалось для проведения «народных» манифестаций в поддержку Наполеона III.

⁸ Оливье Эмиль (1825—1913), умеренный республиканец, с конца 1860-х гг. бонапартист, в янв.-авг. 1870 г. глава правительства. В 1869 г. не был официальным правительственным кандидатом, но был поддержан правительством (Санкт-Петерб. ведомости. 1869. № 132, 134).

⁹ На выборах противостояли умеренные и радикальные республиканцы. Среди первых — Жюль Фавр и Александр Мари (1795—1870), среди вторых — Франсуа Дезире Бансель (1822—1871) и Анри Рошфор.

¹⁰ Имеется в виду императорский трон.

¹¹ В 1869 г. Россию посетили Эдуард, принц Уэльский (1847—1910, с 1901 г. король Эдуард VII) с супругой, принцессой Александрой, они побывали в Севастополе, что напоминало о поражении в Крымской войне.

¹² Вероятно, речь идет о двоюродном племяннике Наполеона III принце Ашиле Мюрате, в 1868 г. женившемся на княжне Дадияни из рода владетелей Мингрелии. Принц Наполеон (прозвище Плон-

план), в апр. 1869 г. совершил поездку в Загреб (Аграм), центр Кroatии.

¹³ Возможно, Василий Аркадьевич Кочубей.

125. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 768. Л. 30—31 об.;
Д. 770. Л. 83—83 об., 79—80 об.

¹ Год установлен по упоминанию о выборах во Франции.

² И. М. Мальнев.

³ На выборах в Париже правительственные кандидаты терпели поражение.

⁴ Жонд (ржонд) народовов (национальное правительство)—центральный коллегиальный орган повстанческой власти во время польских национально-освободительных восстаний 1830—1831, 1846, 1863—1864 гг.

⁵ Жирарден Эмиль (1806—1881), французский политический деятель и публицист.

⁶ См. примеч. 9 к письму 124. Гарнье-Пажес Луи-Антуан (1803—1878), умеренный республиканец, в 1870 г. член правительства национальной обороны; Распай Франсуа Венсан (1794—1878), в то время радикальный республиканец, известен как естествоиспытатель; Д'Альтон-Ше Эдмон (1810—1874), гр., радикальный республиканец; Тьер Адольф (1797—1877), историк, в конце 1860-х гг. примыкал к умеренным либералам, в 1871 г. глава правительства, затем президент республики.

⁷ «Личное правление» — принятое в публицистике того времени название режима Наполеона III, эти же слова прозвучали и в тронной речи 18 янв. 1869 г. Называя его «уличным», Поджио имел в виду не только разгон полицией демонстрации на парижских улицах в июне 1869 г., но и использование Наполеоном III в борьбе за власть деклассированных элементов общества. Ср.: «площадной выходец» о нем же в письме 124).

126. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 115—118 об.

¹ Год установлен по аналогии с датированным письмом М. С. Волконскому от 8(20) июля 1869 г. — ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 28—33 об.

² Дорога была открыта в дек. 1870 г. (Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика. Т. 2. С. 20).

³ Э. Кастелар после неудачного заговора эмигрировал, заочно был приговорен к смертной казни. Во время революции 1868—1874 гг. депутат учредительных кортесов, в дек. 1868 г. выступал в Мадриде на собраниях республиканцев в защиту республики.

⁴ Кальдерон — лицо неуставленное. Партия прогрессистов объединяла сторонников конституционной монархии.

⁵ Альфонс, принц Астурийский, сын Изабеллы II, будущий король Испании Альфонс XII.

⁶ «Больной» — Наполеон III. Карлисты — сторонники претендента на испанский престол Карла V (1788—1855) и его потомков, представители феодально-абсолютистского и клерикального политического течения.

127. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.18. Л. 1—4 об.

¹ Год установлен по аналогии с письмом 125.

² 14 сент. 1869 г. в Лозанне открылся конгресс Лиги мира и свободы, на котором Гюго был избран почетным председателем.

³ В 1798 г. кантон Женева был присоединен к Франции, в 1814 г. вновь вошел в состав Швейцарского союза.

⁴ Промедление с открытием заседаний Законодательного корпуса вызвало подозрение, что правительство готовит новый переворот (Санкт-Петербург. ведомости. 1869. 13 сент. № 252).

128. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 24—27 об.

¹ Год установлен по указанию на возраст Вари Поджио.

² Возможно, речь идет о В. А. Кочубее.

³ Статья С. В. Максимова «Государственные преступники» была опубликована в № 9 и 10 «Отечественных записок» за 1869 г.

⁴ Розен Андрей Евгеньевич (1799—1884), бар., декабрист. Его «Записки» появились сначала анонимно в Лейпциге на немецком языке в 1869 г. («Мемуары из прошлого. 1825—1839»), а в 1870 г. на русском под заглавием «Записки декабриста», объявление о готовящемся издании было помещено в газете «Голос» 29 сент. 1869 г. Кроме того, в 1869 г. было отпечатано без предварительной цензуры издание «Записок декабриста», подготовленное А. С. Гиероглифовым (Невелев Г. А. Андрей Евгеньевич Розен и его «Записки декабриста» // Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984).

⁵ Багреева (урожд. Сперанская) Елизавета Михайловна (1799—1857). В 1867 г. опубликована книга «Un portrait russe, l'oeuvre et «Le Livre d'une femme» de M-me Bagréef-Spéranski», par Victor Duret.

⁶ В дек. 1869 г. закончилась ревизия Восточной Сибири, которую возглавлял генерал Сколков. Осенью того же года после сильных дождей произошел «небывалый разлив рек Ангары, Иркуты и Селенги» (Санкт-Петербург. ведомости. 1869. 20 авг. № 228).

129. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 1—6 об.

¹ Год установлен по упоминанию о критическом выступлении М. Н. Каткова против статьи Н. А. Белоголового «Клинический профессор Полуинин».

² В 1869 г. были открыты первые женские курсы в Петербурге.

³ *Бюлов Ганс фон* (1830—1894), немецкий пианист, дирижер, композитор, ученик Ф. Листа, входил в круг сторонников Р. Вагнера. *Вагнер Рихард* (1813—1883), немецкий композитор, дирижер, реформатор оперы. Вагнер женился на дочери Листа, Козиме, в 1869 г. разошедшейся с Г. Бюловым.

⁴ *Вебер фон Карл Мария* (1786—1826), немецкий композитор и дирижер. *Мошелес Игнац* (1794—1870), немецкий пианист и композитор, автор фортепианных концертов, сонат и этюдов. Для музыкально-педагогической деятельности Бюлова характерно использование метода чтения «с листа», широкий и разнообразный репертуар, включавший произведения популярных и малоизвестных композиторов, особое внимание развитию общего и музыкального кругозора учащихся, выработке у них трудовых навыков и умения работать самостоятельно (Орышак И. М. Художественно-просветительная и преподавательская деятельность выдающегося педагога-музыканта Ганса Бюлова: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1979).

⁵ Речь идет о разгроме организации С. Г. Нечаева — первые аресты начались в конце 1869 г. М. Н. Катков писал в «Моск. ведомостях» 21 дек. 1869 г.: «Ходят слухи о каком-то революционном замысле, гнездящемся будто бы в Москве. Снова обыски, снова аресты между учащейся молодежью. Все с изумлением озираются вокруг, и никто не может понять, что все это значит». Причиной волнений молодежи, по его мнению, была агитация злоумышленников и чрезмерный либерализм властей, допускавших якобы гласное обсуждение положения в учебных заведениях. В качестве вопиющего примера приводилась публикация в журнале «Архив судебной медицины» (1869, дек.) статьи Н. А. Белоголового «Клинический профессор Полуниин», перепечатанной в «Санкт-Петерб. ведомостях» и «Биржевых ведомостях». В статье (она опубликована в кн.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи) говорилось о столкновении студентов медицинского факультета Московского университета с профессором Полуниным и резко критиковалось положение дел на факультете. После обвинения Каткова вопрос об этой публикации рассматривался на заседании Главного управления по делам печати (ЦГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 6. Л. 366—368 об.). Журнал, опубликовавший статью Н. А. Белоголового, был органом медицинского департамента, входившего в Министерство внутренних дел, поэтому в письме упомянут Александр Егорович Тимашев (1818—1893), в 1868—1878 гг. бывший министром внутренних дел.

⁶ Западная пресса активно включилась в клеветническую кампанию против русского революционного движения, поднявшуюся в связи с делом Нечаева.

130. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.24. Л. 1—2 об.

Белоголовый. С. 384, фрагмент

¹ Год и месяц установлены по указанию на события начала франко-прусской войны.

² Надежда А. В. Поджио на предотвращение франко-прусской войны не оправдалась, она началась 20 июля 1870 г., и в первые дни европейские державы заявили о своем нейтралитете.

³ Макиавеллический — от имени *Никколо Макиавелли*, итал. политического мыслителя. Готтентотом назван Наполеон III.

⁴ Сочувственное отношение русского правительства к Пруссии объяснялось не столько общей заинтересованностью русского царизма и прусской монархии в том, чтобы помешать возникновению независимой Польши, сколько стремлением России к пересмотру Парижского трактата 1856 г., чему препятствовала главным образом Франция.

⁵ Поджио считал, что Н. А. Белоголовый слишком часто направлял своих пациентов на германские курорты, так как следовал советам германских врачей.

131. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 7—10 об.

¹ Год установлен по упоминанию о франко-прусской войне.

² *Мак-Магон Мари Эдмонд Морис* (1808—1893), маршал французской армии. Войска под его командованием после поражения 6 авг. 1870 г. при Верте отступили от границы, затем совершили марш на север, к Реймсу, откуда 23 авг. вновь направились к границе, в район Седана.

³ Король Баварии *Людовик II* (1845—1886), горячий поклонник композитора Р. Вагнера. 20 авг. в Мюнхене был принят адрес к нему с указанием на необходимость продолжать войну до победного конца. Войска Баварии с начала войны были предоставлены в распоряжение Пруссии, и 6—7 авг. 1870 г. при их активном участии была одержана победа при Виссамбурге.

⁴ Дочь М. С. Волконского.

⁵ Речь идет об отступлении французской армии и массовом бегстве французов в Швейцарию, что сопровождалось ура-патриотическим шумом в печати Второй империи, а затем и республики.

⁶ Ал. Волконский, Пестов — лица неуставленные. *Вульф Иван Иванович*, отставной полковник, близкий друг И. Г. Ностица, находившегося в свойстве с М. С. Волконским. П. А. Вяземский.

⁷ П. В. Давыдов.

⁸ Д. Н. Свербеев, свекор Э. С. Свербеевой. Софья — его дочь.

⁹ Лицо неуставленное.

132. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 20—23 об., 84, 85

¹ Месяц и год установлены по упоминаемым событиям франко-прусской войны.

² 7—9 авг. 1870 г. французская армия потерпела поражение, 9 авг. произошла бурная манифестация рабочих в Париже. 1 сент., после сокрушительного разгрома под Седаном, Наполеон III сдался в плен, 2 сент. был подписан акт о капитуляции французской ар-

мии, 4 сент. Франция была провозглашена республикой. С этого момента изменился характер войны: она стала завоевательной для Германии и оборонительной для Франции.

³ Лето 1870 г. Поджио провели с М. С. Волконским в Рагацце.

⁴ Речь идет об отступлении французских войск под командованием маршала Мак-Магона от границы через Шалон и Реймс к Седану, где он капитулировал во главе 100-тысячной армии. Поджио сравнивает его с генералом Макком. *Макк Карл* (1752—1828), австрийский генерал, в 1805 г. потерпел сокрушительное поражение под Ульмом от Наполеона I и капитулировал, возглавляя 50-тысячную армию.

⁵ *Дюпон Пьер Антуан* (1765—1840), гр., французский генерал, командуя войсками в Испании, капитулировал при Байлене в 1808 г., после возвращения из плена был лишен военным судом должности и титула, находился в заключении в 1812—1814 гг.

⁶ Речь идет об обстоятельствах пленения Наполеона III, но в действительности они были иными.

⁷ Имеется в виду возможность установления республиканского правления в Испании, Италии и Франции.

⁸ 19 сент. немецкие войска осадили Париж, начался продолжавшийся 130 дней артиллерийский обстрел города.

⁹ В сент. 1870 г. итальянские войска взяли Рим, в окт. город и Папская область (кроме Ватикана) были присоединены к Италии. Папа решил остаться в Риме, но не выходить из Ватикана. Отречения Виктора-Эммануила не произошло.

¹⁰ *Вяземская Вера Федоровна* (урожд. кн. Гагарина, 1790—1886).

¹¹ Лицо неустановленное.

¹² Русские, проживавшие в Женеве, принимали участие в деятельности «Женевского международного комитета для пособия раненым» (Санкт-Петербург. ведомости. 1870. 30 июля. № 207).

¹³ 27 сент. 1870 г. после жестокого артиллерийского обстрела капитулировал Страсбург. С окт. 1870 г. Вильгельм I, номинальный командующий германской армией (фактически командовал начальник Генерального штаба Мольтке), руководил общим ходом военных действий из Главной квартиры.

¹⁴ Поджио имеет в виду поведение русских войск и позицию Александра I во время их пребывания в Париже в 1814 г. С. Г. Волконский упомянут, вероятно, в связи с описанием им Парижа во время «Ста дней» в его «Записках».

133. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 86—91 об.

¹ Год установлен по упоминаемым событиям франко-прусской войны.

² Эльтонская линия железной дороги строилась отдельно от Царицынской.

³ Имение Романовское в Балашовском уезде Саратовской губ., приобретенное М. С. Волконским в 1869 г.

⁴ Бисмарк в годы военной службы был майором кирасирского

полка ландвера (Санкт-Петербург. ведомости. 1866. № 241. 13 сент. № 241).

⁵ Гауссман (Осман, Haussman) Жорж Эжен (1809—1891), префект департамента Сены (куда входил и Париж) в 1853—1870 гг.; Пьетри Жозеф Мари (1820—1902), префект полиции Парижа в 1866—1870 гг.

⁶ Изабелла II была низложена в результате революции 1868 г., по требованию Наполеона III рассталась с фаворитом Марфори, в марте 1870 г. разошлась с мужем. «Друг» — Наполеон III, низложенный в сент. 1870 г. Папа римский после присоединения Рима к Италии объявил себя в окт. 1870 г. узником Ватикана.

⁷ Девиз английского ордена Подвязки.

⁸ Трошю Луи (1815—1896), генерал, в 1870—января 1871 г. глава правительства национальной обороны.

⁹ В начале окт. 1870 г. Гарибальди прибыл в Марсель для участия во франко-прусской войне, затем был направлен в Тур для формирования и командования Вогезской армией, оборонявшей юг Франции.

134. Н. А. Белоголову

ГБЛ. Ф. 22, 436. Л. 1—4 об.

Белоголовый. С. 389—390, с неточностями

¹ Год установлен по указанию на франко-прусскую войну.

² См. примеч. 4 к письму 133.

³ После поражений Франции в русской печати появились высказывания об опасном для России усилении военной мощи Германии.

⁴ Лидо неустановленное.

⁵ Александр II приветствовал успехи Пруссии, в 1870 г. Вильгельм I был возведен в кавалеры ордена св. Георгия 1-й степени, германский военный уполномоченный в Петербурге получил тот же орден 4-й степени, два прусских принца (Фридрих-Вильгельм и Фридрих-Карл) были возведены в ранг русских фельдмаршалов (Шнейерсон Л. М. Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976. С. 156).

⁶ М. Н. Катков выступал против линии на союз с Пруссией и Англией, доказывая угрозу использования Англией сильной Германии против России, а также опасность для нее пангерманизма.

⁷ Лица неустановленные.

⁸ См. письмо 135 и примеч. 4 к нему.

⁹ Николай и Сергей Ребиндеры, внуки С. П. Трубецкого, были больны, в Италию их сопровождал П. А. Горбунов.

¹⁰ Вогезская армия во главе с Гарибальди, противостоявшая прусскому наступлению на юг, по направлению к Лиону, снабжалась очень плохо (Грин Ф. С. Дж. Гарибальди и правительство Трошю // Известия Воронежского пед. ин-та. Т. 19. 1955). Гарибальди Риччотти (1847—1924), сын Дж. Гарибальди, участвовал во франко-прусской войне, командуя бригадой в Вогезской армии.

¹¹ Базен Франсуа-Ашиль (1811—1888), маршал, командовал Рейнской армией, в окт. 1870 г. капитулировал в Меце.

¹ Год установлен по указанию на возраст Вари Поджио.
22 окт. — день празднования казанской иконы богородицы.

² Через два года жена Н. А. Белоголового, Софья Петровна, так описывала Варю Поджио: «<...> такой премоилой девушки я редко видела, но что мне в ней в особенности нравится, это ссодинение детства с ссерьезностью; очснь хорошенъкая — карточка ее не дает настоящего понятия о ее лице, оно у ней сслишком подвижное, такие лица редко хорошо выходят в фотографии, хорошая музыкантша, вообще очснь образованна, много читает, вместе с тем живого характера донельзя, шалит, как ребенок, очснь умна и остра» (ГБЛ. Ф. 22, 8.36. Л. 19 — письмо А. А. и Н. А. Белоголовым от 10(22) авг. 1872 г.).

³ Поджио ждали приезда Е. С. Рахмановой.

⁴ А. А. Бибииков и его жена Мария Семеновна (урожд. Хлюстина, ум. 1876).

⁵ М. А. Волконская (урожд. Бенкендорф).

⁶ Палата депутатов Италии, избранная 20 нояб. 1870 г., начала свою работу 5 дек. во Флоренции, а не в Риме.

⁷ См. примеч. 4 к письму 91.

⁸ Струве Бернгард Васильевич (ум. 1889), в 1849—1855 гг. служил в Восточной Сибири, с 1865 г. пермский губернатор, после сенаторской ревизии 1870 г. вышел в отставку (Моск. ведомости. 1871. № 12, 13). В 1889 г. были изданы его «Воспоминания о Сибири. 1848—1854».

136. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 50—55 об.

¹ Год установлен по упоминаемым событиям франко-прусской войны.

² Бурбаки Шарль (1816—1897), бывший начальник гвардии Наполеона III. Восточная армия, которой он командовал, при отступлении оказалась прижатой к швейцарской границе, 1 февр. перешла на швейцарскую территорию и сложила оружие.

³ Мать М. С. Бибииковой.

⁴ Гамбетта Леон (1838—1882), буржуазный республиканец, член правительства национальной обороны, глава турской делегации этого правительства, сторонник продолжения войны. Получив в ночь на 29 янв. 1871 г. известие о подписанном перемирии, он сообщил всем командующим армиям о прекращении военных действий, призывая в то же время правительство продолжать войну. Министр иностранных дел Фавр «забыл» написать Гамбетте о том, что военные действия против Восточной армии будут продолжаться, армия была окружена и перешла швейцарскую границу, виновником оказался Гамбетта.

⁵ Карно Лазар Никола (1753—1823), французский политический и военный деятель, математик, известен как крупный военный

организатор во время республиканских и наполеоновских войн, прозван современниками «организатором победы».

⁶ *Марсо Франсуа-Северин* (1769—1796), генерал, участник войн республиканской Франции. *Жубер Бартеlemi Катрин* (1769—1799), генерал, отличился в итальянском походе Наполеона. *Дюмурье Шарль Франсуа* (1739—1823), генерал, под командованием которого войска республиканской Франции одержали победу в 1792 г. при Вальми, в 1793 г. изменил революции, перейдя на сторону Австрии. *Клебёр Жан Батист* (1753—1800), генерал, участник египетской экспедиции Наполеона.

⁷ «Седанец» — Наполеон III: французская армия капитулировала после поражения при Седане, где он командовал войсками.

⁸ *Биллио, Пюлли* — лица неустановленные. *Креме Камиль* (1840—1876), генерал, командовал дивизией в армии Бурбаки. Эта дивизия была лучшей в армии и единственная выполнила приказ о перемещении, но из-за непоследовательных распоряжений Бурбаки подверглась общей со всей армией участи и была интернирована в Швейцарии.

⁹ *Кленшан Жюстин* (1820—1881), генерал, командовал корпусом в армии Бурбаки, после того, как последний 26 янв. 1871 г. покушался на самоубийство, заменил его на посту командующего армией. Предотвратить переход швейцарской границы и интернирование армии не смог.

¹⁰ В результате выборов в Национальное собрание 8 февр. 1871 г. было избрано более 400 депутатов-консерваторов, принадлежавших к фракциям орлеанистов, легитимистов и бонапартистов. Монархическое большинство собрания отказалось от немедленного решения вопроса о республике или монархии во Франции, так как раздиралось внутренними противоречиями и боялось вооруженных масс больших городов, и прежде всего Парижа, выступавших за республику.

¹¹ *И. М. Корсак* — сотрудник *М. С. Волконского* по железнодорожным делам.

¹² *М. С. Корсаков* в 1870 г. был уволен с должности ген.-губернатора и назначен членом Государственного совета.

¹³ Столица Италии была перенесена из Флоренции в Рим в февр. 1871 г.

¹⁴ Новорепьевка, имение в Новороссийской губ., перешедшее *Е. С. Рахмановой* по наследству от Волконских.

137. *М. С. Волконскому*

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 84—89 об.

¹ Год установлен по упоминаемым событиям во Франции.

² Часть акций (на 5 миллионов рублей) Грязе-Царицынской железной дороги была уступлена правительству (ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 29 — протокол общего собрания акционеров 18 мая 1871 г.).

³ Речь идет о Наполеоне III.

⁴ *Т. е. Моисею*. Поджиго сравнивал Бисмарка с этим библейским персонажем.

⁵ Немецкая оккупационная армия содержалась за счет французского населения (Желубовская Э. А. Немецкие оккупанты во Франции в 1870—1871 гг. // Ист. записки. М., 1945. Т. 15. С. 188).

⁶ Крепость Бельфор героически сопротивлялась, бомбардировка ее продолжалась 72 дня. 18 февр. 1871 г., после того, как перемирие было распространено на этот район военных действий, французский гарнизон выступил из Бельфора с оружием и обозами. Так как Бельфор по Версальскому мирному договору не отошел вместе с остальным Эльзасом к Германии, то на него и была наложена контрибуция, взимавшаяся с побежденной Франции.

⁷ Перечисляются поражения Франции: капитуляция армии во главе с Наполеоном III после разгрома у Седана 1 сент. 1870 г.; сдача 27 окт. в Меце армии Базена без боя; интернирование в Швейцарии армии Бурбаки после поражения в янв. 1871 г.; военная капитуляция Парижа по перемирию 28 янв.; открытие 12 февр. в Бордо Национального собрания, где большинство получили различные фракции монархистов,—это Поджио считает предвестием новых поражений.

⁸ 31 янв. 1871 г. был принят декрет, лишивший права быть избранным в Национальное собрание всех бывших чиновников империи, а также лиц, вносившихся в избирательные списки в качестве официальных кандидатов. Декрет был принят по предложению Гамбетты.

⁹ В ходе революции 4 сент. 1870 г., уничтожившей Вторую империю, было сформировано правительство только из депутатов от Парижа. Правительство «национальной обороны» официально признавало собственную незаконность.

¹⁰ Национальное собрание в Бордо было создано согласно второй статье подписанной с Пруссией конвенции исключительно для обсуждения вопроса о войне и мире.

¹¹ После известия о начале мирных переговоров Гамбетта в послании в Париж призвал «продолжать войну до победного конца» (Парижская коммуна 1871 г. М., 1961. Т. 1. С. 233).

¹² Бисмарк заявил протест против декрета Гамбетты от 31 янв. 1871 г., мотивируя это тем, что декрет есть «посягательство на свободу». Фавр объявил на заседании правительства, что Бисмарк готов разорвать договор о перемирии, и Гамбетта подчинился отмене декрета (Керженцев П. М. История Парижской коммуны 1871 г. М., 1959. С. 139).

¹³ А. В. Поджио повторяет сравнение Бисмарка с Моисеем, имея в виду антигерманскую политику Гамбетты и прогерманскую — его врагов.

138. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 770. Л. 35—38 об.

¹ Датируется по упоминанию о прелиминарном мирном договоре между Францией и Германией, подписанном 26 февр. 1871 г.

² 17 февр. 1871 г. Национальное собрание в Бордо избрало А. Тьера «главой исполнительной власти»,

³ В конце 1870 г. граф Шамбор, сын Карла X, выступил претендентом на французский престол (Санкт-Петербург. ведомости. 1870. 8 окт. № 277).

⁴ В 1799 г. русские войска под командованием А. В. Суворова были по настоянию Австрии направлены в Швейцарию на помощь находившимся там австрийским войскам. Когда, совершив знаменитый переход через Альпы, войска Суворова вступили в Швейцарию, австрийская армия уже покинула страну, и русские оказались в крайне трудном положении. *Римский-Корсаков Александр Михайлович* (1753—1840), командующий русским корпусом в Швейцарии, потерпел поражение при Цюрихе после вывода русских войск. Говоря затем о 10-летней борьбе, Поджио имеет в виду участие России в антифранцузских коалициях с 1798 по 1807 г.

⁵ *Питт Уильям Младший* (1759—1806), премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—1806 гг., один из главных организаторов коалиций европейских держав против Франции. *Пальмерстон Генри Джон Темпл* (1784—1865), премьер-министр Великобритании в 1855—1858 гг., при нем продолжалось участие Англии в Крымской войне. *Гранвиль Джордж* (1815—1891), министр иностранных дел Великобритании в 1870—1874 гг., т. е. и во время франко-прусской войны, когда Англия, заняв позицию нейтралитета, была заинтересована в ослаблении Франции как второй морской и колониальной державы.

⁶ Обострение восточного вопроса накануне Крымской войны вызвало сближение Англии и Франции.

⁷ В начале мая 1848 г. польские национальные комитеты Галиции и Познани прислали в Париж делегацию, которая привезла обращение к французскому народу, взывавшее о помощи делу освобождения Польши, но Учредительное собрание и Временное правительство (министром иностранных дел был Ламартин) отказали народной демонстрации, требовавшей оказания военной помощи Польше.

⁸ *Кавеньяк Луи Эжен* (1802—1857), французский генерал, в 1848 г. военный министр и глава исполнительной власти, руководил подавлением июньского восстания рабочих. В дек. 1848 г. был кандидатом в президенты на выборах, но потерпел поражение от Луи Наполеона Бонапарта, будущего Наполеона III.

⁹ «Польщизной» иногда называли польское национально-освободительное движение (Голос. 1869. 23 марта (4 апр.). № 82). *Гауке Иосиф*, гр., под псевдонимом Боссак участвовал в восстании 1863 г., в 1869 г. выступал на конгрессе Лиги мира и свободы в защиту славянских народов, в 1870 г. был командиром 1-й бригады Вогезской армии и был убит в бою с прусскими войсками под Дижоном в 1871 г.

¹⁰ Немецкая католическая партия центра пыталась добиться в 1871 г. вмешательства в итальянские дела в пользу папы римского.

¹¹ Союзный совет Швейцарии постановил заключить заем в 15 миллионов франков для покрытия чрезвычайных расходов, вызванных франко-прусской войной (Санкт-Петербург. ведомости. 1871. 27 янв. № 27).

¹ Год установлен по упоминаемым событиям во Франции.

² Лагрене (урожд. Дубенская) Варвара Ивановна, жена французского дипломата.

³ Савойя и Ницца были переданы Франции в 1860 г. после присоединения областей центральной Италии к Итальянскому (Сардинскому) королевству, где правила Савойская династия.

⁴ Коммуны были созданы в 1871 г. кроме Парижа в Лионе, Тулузе, Марселе. Ассамблея — Национальное собрание в Бордо.

⁵ В апр. 1871 г. версальское правительство опубликовало новый закон о муниципалитетах. Он восстанавливал практику Второй империи, согласно которой мэры и их заместители в городах с населением свыше 20 тысяч человек должны назначаться правительством (Керженцев П. М. История Парижской коммуны 1871 г. С. 277).

⁶ Маленький бомбардир — прозвище Тьера, бадингэ — прозвище Наполеона III.

⁷ Имеется в виду Жан Жак Руссо.

⁸ Белоголовая Софья Петровна (урожд. Харламова, 1832—1902).

⁹ Муханов Петр Александрович (1800—1854), декабрист, как следует из текста, был шафером на свадьбе А. В. Поджио.

¹⁰ Речь идет о браке Е. С. Волконской и Д. В. Молчанова и размолвке по этому поводу между А. В. Поджио и М. Н. Волконской.

¹¹ Т. е. В. Поджио.

¹² Дюнан Пьер Луи (1834—1918), доктор медицины, профессор Женевского университета. Вершер Исаак Антуан (1827—1916), швейцарский государственный деятель, в течение длительного времени преподавал историю и философию в гимназии и колледже. Бюнгене Феликс (1814—1874), литератор и теолог. Имена остальных преподавателей в швейцарскую энциклопедию не вошли.

140. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.35. Л. 1—1 об.

¹ Датируется по упоминанию о процессе нечаевцев.

² Нечаев Сергей Геннадьевич (1847—1882), организатор тайного общества «Народная расправа», применял методы мистификации и провокации, в 1869 г. организовал убийство по подозрению в предательстве студента И. Иванова и скрылся за границу. В 1872 г. выдан швейцарскими властями. Судебный процесс над нечаевцами широко освещался в печати, печатались отчеты о заседаниях Петербургской судебной палаты. Дело нечаевцев велось в рамках новых судебных уставов, организация следствия и суда критиковалась правыми как слишком демократическая. «Моск. ведомости», редактором которых был М. Н. Катков, утверждали, что в суде слишком мягко отнеслись к обвиняемым и «нигилизму перед лицом суда воздан некоторый почет» (1871, № 161). Комментируя

эту позицию Каткова, «Санкт-Петерб. ведомости» заявляли, что «отсюда должен логически следовать вывод, что весь этот процесс только послужит к вящему торжеству «нигилизма», является как бы апофеозом его» (1871, 29 июля, № 206).

141. М. С. Волконскому
(приписка к письму В. А. Поджио)

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 767. Л. 38 об.

¹ Датируется по письму В. А. Поджио.

² Утин Евгений Исаакович (1843—1894), адвокат и литературный критик, на процессе нечаевцев был адвокатом подсудимой Е. И. Беляевой. В речи заметил, что это было первое политическое дело с участием женщин в России, и продолжал: «Я знаю, что были женщины, полные благородства и полные героизма, женщины, которые гордо и смело шли в Сибирь для того, чтоб добровольно разделять там участь своих мужей, отцов и сыновей; я знаю, что эти женщины носили имена Волконских, Трубецких, Чернышевых, Муравьевых. Но эти женщины, господа, не судились за ту любовь, за ту преданность, за то сочувствие, которое они питали к людям, обвинявшимся в событиях 1825 года» (Санкт-Петерб. ведомости. 1871. 2 авг. № 210).

142. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 18—23 об.

¹ Датируется по указанию на проживание во Флоренции и упоминанию о грудном ребенке Е. С. Рахмановой.

² В 1871 г. М. С. Волконский сложил с себя обязанности представителя земства в правлении железной дороги. Сведения о его деятельности см.: Зейфман Н. В. Источники по истории правительственной политики в области образования в 1880-х годах и материалы по истории декабризма (архив М. С. Волконского) // Записки ОР ГБЛ. М., 1972. Вып. 33.

³ С. Д. Молчанов.

⁴ Дочь Е. С. и А. А. Рахмановых Мария (род. 1871).

⁵ Компаньонка С. Г. Волконской А. Патэ.

⁶ Вероятно, Е. Н. Муравьева.

143. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 56—60 об.

¹ Год установлен по упоминанию о заседании итальянского парламента в Риме.

² Имеются в виду органы, расположенные в нижней части тела.

³ В конце 1871 г. М. С. Волконский делал доклад Борисоглебскому уездному земскому собранию и правлению общества Грязе-Царицынской железной дороги о деятельности общества.

⁴ Эм. Левье — врач, знакомый А. И. Герцена.

⁵ О Ребиндерах см. примеч. 9 к письму 134. Н. Н. Ребиндер действительно скончался в 1872 г. Е. Н. Ребиндер воспитывалась у Э. С. Свербеевой.

⁶ Сын А. А. Рахманова.

⁷ Уместно, вероятно, отметить, что через несколько лет Е. С. Рахманова признавалась в письме к брату: «Я своим глупым замужеством и доверчивостью запутала тоже состояние детей» (ГБЛ. Ф. 56, 12, 57. Л. 51).

⁸ Мезенцов Николай Владимирович (1827—1878), с 1864 г. начальник штаба корпуса жандармов, с 1876 г. шеф жандармов. Уффици — знаменитая картинная галерея во Флоренции.

⁹ Лицо неустановленное.

¹⁰ Забелло Пармен Петрович (1830—1917), скульптор, автор многих памятников (в том числе А. И. Герцену в Ницце), в 1875 г. участвовал в конкурсе на лучший проект памятника А. С. Пушкину.

144. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.33. Л. 1—2 об.; 4.6. Л. 11—16 об.

¹ Год установлен по упоминанию о С. П. Белоголовой.

² Куперник Исаак Абрамович и ниже упоминаемый Мессинг Михаил Иванович — студенты, жившие вместе с Елиным.

³ Мессинг Александр Иванович, в 1812—1818 гг. служил в Преображенском полку (История лейб-гвардии Преображенского полка. Спб., 1883. Т. 4. С. 144).

⁴ Косова Юстина Вильгельмовна (1843—?).

⁵ Глинка Юстина Карловна (1784—1871), сестра декабристов. Вероятно, с Ю. В. Косовой была одна из дочерей Ю. К. Глинка.

⁶ Лица неустановленные.

145. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 28—34 об.

¹ Год установлен по указанию на намерение выехать на Лукские воды и по упоминанию о праздновании в Нидерландах, месяц — по упоминанию о 10 марта (день рождения М. С. Волконского).

² Марлиани Мануэль (ум. в 1873 г. во Флоренции), участник испанской революции 1820—1823 гг., принадлежал к правому крылу партии эксальтадос. Позже стал политическим деятелем в Италии, в 1859 г. был избран депутатом ассамблеи Эмилии, где выступал сторонником объединения под эгидой Пьемонта, сенатор объединенной Италии.

³ Поджио имеет в виду, что он не был непосредственным участником событий 14 дек. 1825 г.

⁴ Эспартеро Бальдомеро (1793—1879), генерал, лидер прогрессистской партии (в нее вошла значительная часть бывших эксаль-

тадос), глава правительства Испании в 1840—1841 и 1854—1856 гг., регент в 1841—1843 гг. *Кавур Камилло Бенсо* (1810—1861), лидер умеренно-либерального крыла итальянского национально-освободительного движения, стремился к объединению Италии сверху, под эгидой савойской династии, глава правительства Пьемонта и Италии.

⁵ *Плутарх* (ок. 45—ок. 127), древнегреческий историк, главное его сочинение — «Сравнительные жизнеописания» выдающихся греков и римлян.

⁶ Известны два композитора по фамилии Рейсигер: Фридрих-Август (род. 1809) и Карл Готлиб (1798—1859).

⁷ Лицо неустановленное.

⁸ В Нью-Маркете проходили знаменитые конские бега.

⁹ Игра слов, основанная на противопоставлении слов «нидерланды» (нижние земли) и «отдерланды» — изобретенное А. В. Поджио слово для обозначения верхней части тела. При этом пишет он как раз об органах, расположенных в нижней части тела.

¹⁰ В 1872 г. исполнилось 300 лет со времени победоносного народного восстания, положившего начало фактическому существованию Нидерландов как самостоятельного государства.

¹¹ Слово, изобретенное А. В. Поджио для обозначения верхней части тела.

¹² Вероятно, М. С. Волконскому был представлен кто-то из родственников И. В. Поджио.

146. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 4.32. Л. 1—4 об.

¹ Год установлен по упоминанию о намерении выехать на Луккские воды и о С. П. Белоголовой.

² В марте 1872 г. газеты писали о болезни имп. Марии Александровны, вылечил ее С. П. Боткин, назначенный в 1870 г. (после смерти вел. кн. Александра Александровича, внука царя) лейб-медиком (Санкт-Петерб. ведомости. 1872. № 65, 75).

³ После взятия Рима итальянскими войсками папа римский объявил себя узником Ватикана.

⁴ *Мердер Надежда Ивановна* (урожд. Свечина, 1839—1906), писательница (псевдоним Н. Северин).

⁵ Упомянуты: Катаджи, соседи Е. С. Кочубей по имению, С. Н. Бибикова, П. А. Горбунов, Н. Н. и С. Н. Ребиндеры.

⁶ Вел. кн. *Ольга Федоровна* (1839—1891), принцесса баденская, жена вел. кн. Михаила Николаевича.

147. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 36—41 об.

¹ Год установлен по указанию на прибытие на Луккские воды и на брак Е. Е. Другановой и В. Г. Перова.

² Игра слов, построенная на омонимии: l'air — воздух и l'air — мелодия.

³ Плейель — марка фортепиано.

⁴ Имеются в виду трое из сыновей С. Н. и М. И. Бибиковых: старший *Михаил* (род. 1849, стал военным, служил в л.-гв. Преображенском полку), «кандидат» *Никита* (род. 1852, стал штатским чиновником) и *Илларион* (род. 1852, стал военным).

⁵ Речь идет о части библиотеки А. В. Поджио, оставшейся в Иркутске и вытребованной оттуда через М. И. Бибикова при содействии М. С. Корсакова. В нее входила и «История государства Российского» Н. М. Карамзина, первые 8 томов которой вышли в 1816—1817 гг., 9—11-й — в 1821—1824 гг., 12-й — в 1829 г. «Серджа» — С. М. Волконский.

⁶ *Давыдова Вера Васильевна*, дочь декабриста. О ком из Бутковых говорится, установить не удалось, возможно, об *Иване Ивановиче* (1822—1882), участнике амурских экспедиций 1850-х гг., в 1868 г. начальнике отряда судов в греческих водах.

⁷ *Перов Василий Григорьевич* (1833 или 1834—1882), знаменитый русский живописец, в 1872 г. женился вторым браком на *Елизавете Егоровне Другановой* (племяннице Л. А. Поджио). А. В. Поджио не случайно называет Перова портретистом, в 1869—1872 гг. художник писал главным образом портреты.

⁸ Лицо неустановленное.

148. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 72—77 об.

¹ Год установлен по указанию на проживание на Лукских водах.

² Возможно, Алексей Рейхель, живший некоторое время в Воронках, — о нем упоминала Е. С. Кочубей в 1867 г. в письме М. С. Волконскому (ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 672. Л. 76 об.).

³ В первые годы эксплуатации железной дороги земство должно было доплачивать акционерному обществу в счет взятой на себя при его основании гарантии.

⁴ *Либих Юстус* (1803—1873), немецкий химик, один из основателей агрохимии.

⁵ *Гирка*, турка — сорта пшеницы, распространенные на юге России.

149. М. С. Волконскому

ЦГАОР. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 769. Л. 24—27 об.

¹ Год установлен по указанию на возраст Ф. Листа.

² Произношение адреса по-итальянски (шестнадцать — *sédici*) напоминает приводимый Поджио русский текст.

³ Даже после перенесения столицы в Рим (26 янв. 1871 г.) флорентийцы надеялись на сохранение особого положения их города.

⁴ *Гомис Карлус Антонио* (1836—1896), бразильский композитор, основоположник национальной оперы, «*Гуарани*» — его опера.

балет. Остальные — вероятно, солисты флорентийской оперы.

⁵ «Фаворитка» — опера Г. Доницетти. Галетти — лицо неуставленное.

⁶ Ноден Эмилио (1823—1890), итальянский певец, тенор.

⁷ Ганс фон Бюлов.

⁸ Ф. Лист родился 22 окт. 1811 г.

⁹ Шопен Фредерик (1810—1849), польский композитор и пианист. Гуммель Иоганн Непомук (1778—1837), композитор и пианист, ученик Моцарта.

150. Н. А. Белоголовому

ГБЛ. Ф. 22, 434. Л. 1—4 об.

¹ Год установлен по упоминанию о событиях в Иркутске.

² Лицо неуставленное.

³ Имеется в виду мочекаменная болезнь Наполеона III.

⁴ Айвазовский Иван Константинович (1817—1900) зимой 1872 г. был в Ницце с выставкой своих картин, из Ниццы он направился во Флоренцию, выставка пользовалась успехом (Барсамов Н. С. Иван Константинович Айвазовский. М., 1962. С. 101).

⁵ В нояб.—дек. 1872 г. был тяжело болен наследник престола Александр Александрович (1845—1894), будущий Александр III. Лечил его С. П. Боткин, в конце дек. больной выздоровел.

⁶ Игнацы Эйхмиллер (1846—1872), польский ссыльный, по профессии столяр, был оскорблен ген.-губернатором Восточной Сибири Николаем Петровичем Синельниковым (1805—1894). Синельников обвинил ссыльного и его товарищей в воровстве и замаяхнулся на него палкой. На это Эйхмиллер ответил пощечиной. По приговору военно-полевого суда Эйхмиллер был казнен 11(23) нояб. 1872 г.

Н. А. Белоголовый. Неоконченные записки декабриста А. В. Поджио

ГБЛ. Ф. 218, 59.6

Предисловие к «Запискам» А. В. Поджио, приложенное к «копии Высоцкой»; не подписано. Авторство Н. А. Белоголового устанавливается по сходству почерка и близости по содержанию и стилю к очерку Н. А. Белоголового «А. В. Поджио».

¹ Судя по записи в метрической книге, А. В. Поджио родился в Николаеве, но сам он считал своей родиной Одессу.

² И. В. Поджио находился в крепостном заключении (отбывая его в разных крепостях) восемь лет; о намерении А. В. Поджио уехать за границу см. вступ. ст., с. 23.

³ Верховный уголовный суд причислил А. В. Поджио не ко второму, а к первому разряду. Ошибка автора объясняется, вероятно, тем, что пять декабристов были поставлены вне разрядов.

⁴ Из Сибири А. В. Поджио уехал в 1859 г., за границу в 1864 г.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(после фамилий указаны номера писем)

Батенькову Г. С. 62
Белоголовому А. А. 78
Белоголовому Н. А. 63, 68,
72, 74, 81, 85, 88, 89, 98,
108, 127, 130, 134, 140, 144,
146, 150
Волконскому М. С. 75, 79, 86,
87, 90—97, 99, 101, 105, 107,
109, 110, 113—115, 117—
126, 128, 129, 131—133, 135—
139, 141—143, 145, 147—
149
Волконскому С. Г. 1, 10, 11,
15, 17, 18, 29, 30, 83
Горбунову П. А. и Неустрое-
вой Н. А. 47
Завалишину Д. И. 36
Корсакову М. С. 102, 104,
116
Кочубей Е. С. 111, 112
Кюхельбекеру В. К. 4

Неустроевой (Белоголо-
вой) Н. А. 37, 46, 50, 51,
52, 54, 60, 64, 67
Оболенскому Е. П. 71, 80
Пушину И. И. 3, 5, 6, 8, 9,
22, 33
Свербеевой З. С. 82
Свербееву Н. Д. 28, 31, 58
Свербеевым З. С. и Н. Д. 13,
20, 23, 27, 42
Трубецкому И. С. 84, 100,
103, 106
Трубецкому С. П. 7, 14, 16,
19, 24—26, 32, 34, 35, 38,
39, 41, 43—45, 48, 59, 66
Тучкову П. А. 55, 70
Фролову А. Ф. 2
Якушкину Е. И. 12, 21, 40,
49, 53, 56, 57, 61, 65, 69,
73, 76, 77

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А. М. 186, 503
 Абаза В. А. 186, 503
 Абдул-Азиз, султан (Абдул, Абдул-Бург) 376, 380, 551
 Авдотья Ивановна, помещица 261, 262, 523
 Авербух Е. С. 40
 Аделаида, см. Патэ А.
 Адриан, патриарх 81, 89, 90, 477
 Азадовский М. К. 31
 Азов А. В. 501
 Айвазовский И. К. 470, 571
 Акинфиева Н. С. 548
 Аксенов И. М. 482
 Александр I 11, 13, 14, 61, 71, 72, 74, 76, 91, 92, 95—97, 112, 116, 126, 127, 129—131, 141, 309, 352, 353, 357, 420, 437, 475—477, 479—481, 483—485, 487, 540, 545, 547, 549, 560
 Александр II 45—47, 123, 169, 190, 191, 205, 212, 214, 219, 241, 340, 383, 394, 476, 504, 507, 512, 526, 535, 536, 542, 548, 555, 561
 Александр Александрович, вел. кн. 470, 538, 539, 571
 Александр Александрович мл., вел. кн. 569
 Александр Македонский 91, 141, 479
 Александра, принцесса Уэльс-кая 401, 555
 Александра Осиповна, ирк. знакомая Поджио 210, 509
 Александрович Н. Ф. 249
 Алексей Петрович, царевич 84, 477, 478
 Альтиери (Алфиери) Л. 338, 542
 Альтон-Ше Э. де 404, 556
 Альфонс, принц Астурийский 406, 556
 Амурский, см. Муравьев Н. Н.
 Андреевский Э. С. 33
 Андрей, слуга Трубецких 179, 501
 Анна Ивановна (Иоанновна), имп. 111, 478, 484
 Анна Карловна, моск. знакомая Поджио 256
 Анна Леопольдовна, регентша 478
 Анна Петровна, вел. кн. 478
 Анна Францевна, служащая в доме Трубецких 174, 499
 Анненков И. А. 17, 229, 254, 481, 515, 521
 Анненков Ф. А. 370, 549
 Анненкова П. Е. 254, 481, 521
 Анреп Р. Р. 10
 Антоний М. 478
 Антонини, актриса 172, 499
 Арачеев А. А. 107, 483
 Арбузов А. П. 33
 Арнольди В. Д. 246, 247, 288, 400, 519, 528
 Арнольди И. К. 75, 477
 Арнольди Л. И. 246, 247, 519

Астурийский, см. Альфонс,
принц Астурийский
Аттила 385, 552
Афанасьев Д. М. 524
Ашукина М. Г. 64

Багалея Д. И. 40
Багратион П. И. 370, 549
Багреева Е. М. 410, 557
Бажанов (Баженов) В. Б. 67,
475
Базен Ф.-А. 426, 431, 561,
564

Базилевский И. Ф. 303, 531
Байков, ген.-майор 26
Байрон Дж. Г. 381, 552
Бакунин М. А. 267, 275, 513,
516, 524, 526, 543, 544

Бакунин М. Н. 276, 526
Бакунина А. К. 268, 524
Бандони, художник 463
Бансель Ф. Д. 401, 555
Барановская М. Ю. 64
Барклай де Толли М. Б. 370,
549

Барсамов Н. С. 571
Барсуков И. П. 499, 501, 514
Барятинский А. П. 16, 17, 24,
67, 102, 474

Барятинский Ф. С. 111, 484
Басаргин Н. В. 34, 43, 242,
494, 519, 532

Баснин В. Н. 157, 210, 493,
497

Баснин О. В. 168, 497
Басов В. А. 256, 522
Батеньков Г. С. 43, 249, 280,
520, 527

Бауэр, аббат 353, 546
Бахтин А. И. 249
Безобразов М. А. 290, 311,
528, 533

Бейст Ф. 313, 533
Бейтон М. А. 167, 496
Бейтон Я. 167, 497
Беккариа Ч. 104, 483
Беклемишев Ф. А. 227, 252,
514

Белоголовая М. Н. 250, 252,
512, 513, 520, 521

Белоголовая (Неустроева) Н. А.
41—44, 53, 62, 214, 215,
225, 227, 228, 233, 235,
236, 239, 246, 248, 250,

252, 255, 256, 260, 284,
296, 303, 304, 306, 330,
511, 515—518, 520, 521,
523, 562

Белоголовая П. А. 250, 521
Белоголовая (Харламова) С. П.
53, 54, 440, 442, 453, 457,
458, 459, 469, 562, 566,
568, 569

Белоголовые 5, 64, 237, 515,
521, 524, 544

Белоголовый Ан. А. 53, 55,
248, 251, 255, 256, 260,
266, 274, 284, 295, 303,
305, 330, 349, 497, 520,
521—525, 529, 531, 544,
547, 562

Белоголовый Ап. А. 260, 266,
284, 295, 303, 523, 524

Белоголовый А. В. 37, 172,
178, 185, 186, 196, 209,
216, 219, 220, 224, 251,
305, 499, 501, 512, 513,
520, 521

Белоголовый В. А. 266, 284,
304, 306, 524

Белоголовый Н. А. 3, 4, 6, 9,
23, 28, 37, 39, 42, 44, 45,
47, 49—55, 62, 247, 248,
250, 251, 253, 254, 256,
257, 260, 261, 265, 274,
283, 294, 302, 305, 311,
328, 329, 340, 344, 348,
355, 394, 400, 401, 406,
411, 413, 414, 419, 424,
439—442, 446, 447, 449,
453, 457, 467, 469, 472,
491, 497, 513, 518, 520—
523, 525, 527, 529—532,
538, 542, 544, 547, 554,
557, 558, 561, 566, 568,
569, 571

Беляева Е. И. 567
Бенардаки (Бернардаки) Д. Е.
186, 208, 219—221, 223,
224, 503, 508, 513

Бениговский, композитор 396,
554

Бенкендорф А. Х. 70, 476
Бентам И. 16, 104, 131, 483,
488

Беррийский, герцог 487
Беррье (Бесье) П. А. 365, 549
Бертон Ж.-Б. 126, 487

Бестужев (Марлинский) А. А.
31, 152, 492
Бестужев М. А. 34, 41, 167,
178, 180, 183, 212, 497,
510
Бестужев Н. А. 25, 35, 38,
62, 70, 151, 163, 476, 497
Бестужева Е. А. 167, 497
Бестужева М. А. 167, 497
Бестужева О. А. 167, 497
Бестужевы, братья 31, 34
Бестужев-Рюмин М. П. 18, 23,
68, 475
Бетховен Л. ван 387, 392, 553
Бечаснов (Бечасный) В. А. 67,
102, 167, 189, 208, 240,
474, 496, 508, 518
Бечаснова А. П. 240, 518
Бибииков А. И. 370, 387, 400,
428, 430, 456, 550, 562
Бибииков И. М. 242, 519
Бибииков И. М. (мл.) 462, 570
Бибииков М. И. 273, 319, 370,
380, 441, 500, 518, 525,
536, 550, 570
Бибииков М. М. 462, 570
Бибииков Н. М. 462, 570
Бибиикова А. М. 370, 387, 553
Бибиикова М. С. 370, 416, 425,
428, 430, 440, 456, 562
Бибиикова С. Н. (Нонушка)
287, 293, 299, 319, 370,
387, 395, 459, 462, 500,
518, 553, 569, 570
Бибииковы 175, 242, 387, 500,
518
Биллио, участник франко-прус-
ской войны 431, 563
Бине П. 531
Бирон Э. И. 88, 478
Бисмарк О. 61, 274, 295, 312,
313, 315, 319, 325, 352,
420, 422—425, 428, 434,
436, 438, 525, 545, 560,
563, 564
Благовещенский И. И. 35
Блохин, управляющий 323
Блаудов Д. Н. 335, 540, 541
Боборыкина А. А. 155, 493
Боборыкина Н. А. 227, 237,
515
Бобринцев-Пушкин П. С. 209,
282, 287, 508, 527, 528
Бови-Лизберг Ш.-С. (Бове,

Лизберг) 392, 416, 420,
442, 554
Богданова М. М. 502, 508,
518
Боден Ж.-Б. А.-В. 549, 551
Бодятинская (Поджио) М. О.
185, 201, 263, 270, 272,
492, 502, 523, 524
Болис, певец 468
Бологовский (Болховской) Н. Д.
или Я. Д. 114, 485
Болатин А. А. 213, 570
Бонапарты 370, 401, 535
Боратынский Е. А. 10
Борис Годунов 519
Борисов А. И. 474
Борисов П. И. 98, 150, 474,
491
Борисовы, братья 67, 102, 474
Боровков А. Д. 24
Боровой С. Я. 8
Бороздин А. М. 33
Бороздин Л. А. 318, 536
Бороздина, дочь Л. А. Бороз-
дина 318, 320
Борх А. М. 160, 334, 338,
495, 540, 542
Борх С. И. 495
Боткин Н. П. 292, 529
Боткин С. П. 328, 429, 449,
470, 538, 569, 571
Боткины 529
Боутлов, женевский знакомый
Поджио 390
Бошняк А. К. 530
Брайт Дж. 376, 551
Брегман А. А. 64
Бренн 140, 488
Браун Дж. 326, 538
Бром Г. 95, 481
Брут М. Ю. 374, 550
Будберг А. Ф. 353, 356, 546
Булатов А. М. 97, 481
Булгарин Ф. В. 209, 509
Булычова Н. А. 251, 521
Бурбаки Ш. 430, 431, 435,
562, 563, 564
Бурбоны 61, 352, 362, 370,
397, 487, 490, 526, 548
Буссе Н. В. 210, 213, 225,
509, 510
Бутаков И. И. 570
Бутаков, муж В. В. Давыдо-
вой 462

Буяльский И. В. 237, 517
 Быкова А. П. 371, 509, 550
 Быкова В. П. 371, 550
 Быстрицкий А. А. 167, 175—177, 188, 240, 497, 500, 501
 Бьюкенен Дж. 184, 502
 Бюнсон Ф. Э. 553
 Булов Г. 53, 412, 445, 461, 466, 468, 471, 558, 570
 Бюнгене Ф. 442, 566
 Вагнер А. Я. 229, 515
 Вагнер (Лист) К. 412, 558
 Вагнер Р. 412, 416, 461, 558, 559
 Вадковский Ф. Ф. 17, 34, 35, 37, 67, 102, 474
 Вакульская (Корсакова) А. К. 383, 410, 552
 Валериан, знакомый Свербеевых 173, 189, 236, 517
 Вебер К. М. фон 412, 558
 Ведерников, управляющий 212
 Вейсгаупт А. 118, 485
 Велепольский А. 546
 Велепольский С. А. 356, 546
 Велло А. А. 294, 529
 Вельский, см. Эдуард, принц Уэльский
 Вентури Ф. 3, 4, 17, 19
 Венцель К. К. 165, 166, 208, 209, 210, 213, 496, 497
 Вердеревский Н. И. 145, 491
 Веретенников А. К. 509
 Веретенникова, купчиха 210, 509
 Вершер И. А. 442, 566
 Виктор-Эммануил II 313, 352, 354, 419, 429, 489, 533, 545, 560
 Виктория, королева 385, 552
 Вильгельм I 353, 365, 420, 545, 549, 560, 561
 Вильмен (Вильмен) А. Ф. 95, 481
 Вовенарг Л. де К. 376, 550
 Волконская Е. Г. 236, 270, 271, 273, 280, 299, 302, 312, 314, 317, 320—322, 325, 326, 343, 347, 348, 351, 354, 355, 358, 360, 362, 364, 366, 371, 372, 379, 391, 398, 401, 402,

404, 409, 410, 415, 419, 429, 430, 439, 441, 444, 445, 454, 457, 463, 466, 468, 469, 517, 524, 528—530, 538, 543, 549
 Волконская (Молчанова, Кочубей, Рахманова) Е. С. 47, 48, 52, 154, 157, 158, 162, 175, 181, 182, 198, 200, 202, 246, 259, 264, 272, 273, 278, 280—283, 289, 290, 299—301, 306, 307, 312, 316, 318, 321, 322, 325, 327, 329, 335—337, 339, 341, 342, 346, 347, 350, 351, 355—359, 361—363, 367—369, 376, 377, 379, 383, 387, 391, 392, 395, 396, 401, 403, 405, 407, 409, 411, 413, 422, 423, 428, 429, 432, 433, 441, 444, 447, 448, 457, 461, 466, 493—495, 500, 501, 506, 519, 527, 533, 536, 537, 541, 547, 550, 562, 563, 566—570
 Волконская (Бенкендорф) М. А. 429, 441, 530, 562
 Волконская М. М. 416, 417, 419
 Волконская (Раевская) М. Н. 33, 35, 149—151, 154, 157, 158, 162, 176, 198, 200, 246, 269, 273, 317, 327, 350, 415, 441, 444, 475, 491, 493—495, 498, 501, 505
 Волконская С. Г. 298, 299, 301, 310, 317—320, 324, 343, 346, 351, 359, 360, 506, 529, 530, 547, 567
 Волконские 35, 39, 157, 158, 254, 337, 494, 498, 500, 502, 536, 537, 563
 Волконский Ал., знакомый М. С. Волконского 416, 419, 559
 Волконский А. М. 314, 317, 320, 534
 Волконский В. М. 371, 549
 Волконский Г. Г. 290
 Волконский Г. М. 351
 Волконский Г. П. 298, 299, 302, 311, 312, 529, 538

Волконский Г. С. 145, 490
Волконский М. С. 22, 34, 35,
37, 47, 48, 50, 52, 53, 61,
62, 149, 152, 154, 164,
175, 181, 182, 200, 204,
236, 269, 273, 278, 281,
284, 290, 291, 296, 298,
300, 303, 307, 311, 312,
314, 317, 320, 322, 325,
326, 329—331, 335, 338,
339, 342, 343, 345, 349,
350, 355, 360, 362, 364,
371, 376, 377, 379, 382,
384, 388, 391, 393, 398,
401—404, 409, 411, 414,
415, 417, 420, 426, 429,
433, 436, 439, 442, 443,
446, 453, 457, 459, 463,
466, 468—470, 491, 492,
493, 496, 500, 501, 523,
524, 526, 529, 530, 532—
534, 536—540, 542—544,
546—557, 559, 560, 562—
564, 566—570

Волконский П. Г. 343, 543
Волконский П. М. 357, 547
Волконский С. Г. 12, 16, 18,
22, 24—27, 31, 37, 39,
40, 44, 49, 50, 53, 62,
64, 149, 163, 164, 169,
170, 174, 175, 179, 181,
192, 198, 200, 202, 225,
229, 236, 238, 246, 259,
269, 270, 273, 279, 281,
283, 288, 296, 297, 299—
304, 306, 308—311, 317,
318, 326, 335, 337, 366,
372, 392, 402, 420, 473,
490, 497, 494, 496—499,
501, 504—506, 517, 521,
522, 524, 527—530, 532,
533, 537, 540, 541, 549,
560

Волконский С. М. 355, 357,
420, 462, 547, 570

Волосович А. С. 537

Вольский Ф. В. фон 26, 29

Вольф Ф. Б. 149, 161, 491,
495

Воронцов, управляющий 187,
503

Воронцов-Дашков И. И. 333,
539

Врангель Ф. П. 382, 551

Враницкий В. И. 23

Вульф И. И. 416, 559

Высоцкая В. А., см. Под-
жио В. А.

Высоцкая (урожд. Каменская,
гр.) 289

Высоцкие, женевские знакомые
Поджио 289

Высоцкий В. С. 53

Вяземская В. Ф. 419, 560

Вяземский П. А. 170, 275,
416, 419, 498, 559

Вяземский П. П. 275, 526

Габсбурги 144, 489

Гагарин А. И. 33

Гайнау Ю. Я. 315, 534

Гакстгаузен А. 211, 510

Гаупт В. В. 175, 178, 210, 500

Геблер Л. 213, 510

Геблер Н. 213, 510

Гавриил, священник 197

Гаевский В. П. 10

Галетти, певица 468, 571

Гамбетта Л. 430, 435—437,
562, 564

Гарибальди Дж. 61, 143, 313,
339, 342—344, 352, 419,
423, 426, 429, 489, 534,
542, 543, 545, 561

Гарибальди Р. 426, 561

Гарнье-Пажес Л.-А. 404, 556

Гаселский Л. И. 256

Гауке И. (Боссак) 438, 565

Гаусманн (Госманн, Оссман)
Ж. Э. 422, 561

Гендриков (Генриков) А. И.
319, 537

Генриэтта, знакомая М. С. Вол-
конского 280

Гернет М. Н. 32, 33

Герцен А. И. 47—51, 124,
132, 476, 486, 511, 513,
514, 516, 522, 523, 532,
535, 536, 544, 568

Герцен, дочери А. И. Герце-
на 49

Гессен С. Я. 3, 4

Гиероглифов А. С. 557

Гиппократ 250

Гладстон У. Ю. 376, 551

Глинка Ю. К. 568

Глинка, дочь Ю. К. Глинки
451, 456, 568

- Гнедич Н. И. 10
 Гогенцоллерны 144, 489
 Голенищев-Кутузов П. В. 70, 476
 Голицын А. Н. 70, 475
 Голицын В. М. 27
 Голицын Н. 36, 37
 Головин Г. П. 262, 523
 Головин Е. А. 75, 476
 Головин А. В. 266, 524
 Голубятникова Н. Д. 64
 Гольденвейзер А. Б. 35
 Гомис (Гомец) К. А. 468, 570
 Горбачевский И. И. 32, 35, 41, 62, 67, 102, 167, 208, 214, 231, 238, 240, 242, 257, 282, 371, 474, 497, 527, 554
 Горбунов П. А. 41, 42, 171—173, 179, 194, 197, 204, 209, 211, 228, 232, 234, 235, 237, 239, 247, 252, 253, 274, 275, 284, 288, 306, 340, 344, 400, 425, 429, 440, 459, 499, 501, 507, 510, 511, 515, 525, 531, 542, 555, 561, 569
 Гордижиани Н. 177
 Горчаков А. М. 336, 486, 540, 545
 Госмани, см. Гаусманн Ж. Э.
 Грайф К. А. 339, 542
 Грамон (Граммон) А. А. А., 313, 533
 Гранвиаль (Гранвил) Дж. 437, 565
 Грей Ч. 481
 Грин Ф. С. 561
 Гуммель И. Н. 469, 571
 Гюго В. 153, 339, 407, 408, 492, 542, 557
 Давиньон А. 36
 Давыдов В. Л. 12, 16, 18, 21—24, 26, 514, 515
 Давыдов В. П. 293, 296, 529
 Давыдов Л. В. 229, 515
 Давыдов П. В. 287, 291, 293, 416, 419, 510, 528, 536, 559
 Давыдова А. И. 226, 246, 514
 Давыдова В. В. 462, 570
 Давыдова (Трубецкая) Е. С. 187, 194, 287, 291, 293, 296, 339, 447, 505, 510, 514, 528, 536, 542
 Давыдова З. П. 226, 514
 Давыдовы 212, 296, 319, 510, 540
 Дагмара, принцесса 331, 538, 539
 Даднани, кн. 555
 Данилов В. В. 62
 Дантон Ж. Ж. 319, 539
 Дараган А. И. 250, 518
 Дараган К. Я. 43, 48, 241, 243, 245, 246, 249, 252, 260, 272, 518, 526
 Дараганы 248, 263, 268
 Дарья, прислуга в доме Трубецких 179, 501
 Деак Ф. 334, 540
 Дейхман О. А. 208, 508
 Дель (Дель) А. Ф. 298, 310, 318, 320, 529
 Дельвиц А. А. 10
 Дементий, слуга С. Г. Волконского 298
 Демор П. Ф. 515
 Демор (Петрашевская) С. В. 229, 232, 233, 515
 Депрерадович Н. Н. 17
 Деспот-Зенович А. И. 336, 540, 541
 Джаншиев Г. А. 54
 Дибич И. И. 70, 475, 486
 Дисси, домовладелец 460
 Довнар-Запольский М. В. 17, 30
 Долгоруков В. А. 43, 175, 500
 Долгоруков П. В. 47, 50, 303, 306, 308, 310, 526, 530, 532
 Доницетти Г. 571
 Дорохова М. А. 504
 Дризен Н. В. 10
 Друганов Е. Е. 232, 493
 Друганов Е. П. 156, 493
 Друганов Н. Е. 229, 232, 493
 Друганов П. Е. 346, 357, 493, 547
 Друганова (Смирнова) Е. А. 156, 170, 190, 219, 229, 232, 346, 462, 493, 498, 504, 512, 543
 Друганова (Перова) Е. Е. 232, 462, 493, 569, 570

Друганова М. Е. 232, 493
 Другановы 156, 170, 219, 493,
 498, 512, 516
 Дружинин Х. М. 167, 175,
 180, 190, 496, 497, 504
 Друцкой, флорентийский зна-
 комый Поджио 456
 Дувинг А. А. 165, 213, 496
 Дунюшка, см. Неустроева Е. А.
 Дурново А. П. 291, 528
 Дюко П. Р. 478
 Дюмуре (Дюмюрие) Ш. Ф.
 431, 563
 Дюнан П. А. 442, 566
 Дюпон П. А. 418, 560

Евгения Монтихо, имп. 546
 Евсвий, епископ 178, 500
 Екатерина I 85, 87, 478
 Екатерина II 14, 71, 86, 116,
 145, 478, 484, 485, 490,
 544
 Елена Павловна, вел. кн. 507
 Елизавета Петровна, имп. 122,
 475, 478, 484, 490
 Елин И. С. 395, 447, 449—
 452, 554, 568
 Ентальцев А. В. 23—29, 494
 Ентальцева А. В. 159, 494
 Ермолов А. П. 22, 70, 476
 Ефимов Ф. В. 503
 Ефимов, чиновник 189

Жакмон, профессор 370, 442
 Жезель, врач 290
 Желтухин С. Ф. 75, 476
 Желубовская Э. А. 564
 Жирарден Э. 403, 556
 Житомирская С. В. 64
 Жмаев Е. 220, 221, 513
 Жубер Б. К. 431, 563
 Жуковский В. 483
 Жуковский Н. И. 544
 Журавлев И. Ф. 103, 106,
 482

Забелла, см. Изабелла II
 Забелло П. П. 449, 568
 Заблоцкий-Десятовский А. П.
 535
 Заборинская О. А. 175, 500
 Заборинский А. И. 168, 178,
 497, 500
 Завалишин Д. И. 34, 46, 167,

175, 203, 208, 212, 214,
 232, 497, 500, 507, 511
 Загоскин М. В. 349, 544
 Зайончковский П. А. 488
 Закревский А. А. 169, 497
 Занадворов Ф. П. 493
 Захаров Н. С. 17
 Захарова Л. Г. 507, 512, 516,
 519, 523
 Зейфман Н. В. 64, 567
 Зимин Т. В. 494, 497, 510
 Зимин, сын Т. В. Зимина
 158, 494
 Зиновьев П. В. 157, 494
 Знаменский М. С. 4
 Зубков В. П. 483

Иаков I Стюарт 482
 Иван IV, Васильевич 139, 488,
 519
 Иван V Алексеевич 484
 Иван VI Антонович 111, 478,
 484
 Иван Васильевич, знакомый
 М. С. Волконского 271, 525
 Иван Иванович, женевский
 знакомый Поджио 325
 Иванов Ив. И. 566
 Иванов Ил. И. 501, 502
 Иванова Д. П. 180, 182, 183,
 501
 Иванова О. И. 182, 183, 502
 Ивашев В. П. 145, 491
 Ивашев П. Н. 145, 491
 Ивашева Е. П. 491
 Игнатьев Н. П. 227, 351, 515,
 545
 Игнатьев П. Н. 9
 Игнатьева М. 9
 Игумнова Е. П. 255, 522
 Игумновы 256, 522, 531
 Изабелла II 362, 363, 365,
 376, 397, 406, 422, 539,
 548, 549, 551, 555, 556,
 561

Извольский П. А. 185, 502
 Измайлов А. Е. 10
 Ильина М. 449
 Иоанн Безземельный 477
 Исаков Н. В. 338, 339, 542
 Исакова, дочь Н. В. Исакова
 338, 339
 Ишутин Н. А. 538

- Кавеньяк Л. Э. 438, 565
 Кавур К. Б. 454, 569
 Казадаев В. А. (Козадаев) 280, 407, 527
 Казакевич (Козакевич) П. В. 209, 212, 223, 509, 513
 Казимирская А. Я. 342
 Казимирский Я. Д. 158, 161, 175, 178, 180, 185, 188, 206, 220, 226, 230, 234—236, 494, 500, 543
 Кайзерлинг, врач 290
 Какуев П. И. 165, 166, 496
 Кальдерон, депутат 406, 556
 Кампелло ди П. (Кампельо) 313, 534
 Канделоро Дж. 534, 540
 Кандинские 186, 224, 503
 Кантагрель Ф.-Ж. 400, 555
 Капнист П. В. 526
 Капнист П. Н. 526
 Капнист, знакомый Поджио по Венеции 275
 Каракозов Д. В. 51, 326, 534—536, 538, 539
 Карамзин Н. М. 462, 570
 Карл V 557
 Карл X 565
 Карл Глюксбургский 331
 Карль (Карля), изобретатель оружия 351, 544
 Карно Л. Н. 430, 562
 Касаткин В. И. (Косаткин) 51, 349, 544
 Кассаньяк Г. де 312, 533
 Кастелар-и-Риполь Э. (Кастельгар) 363, 397, 398, 405—407, 548, 555, 556
 Кастюрин, полковник 510
 Кастюрина 213, 510
 Катарджи, соседи Е. С. Рахмановой 459, 468, 569
 Катенька, крестница Е. И. Трубецкой в Кяхте 223
 Катеринич П. А. 327, 538
 Катков М. Н. 296, 356, 413, 443, 529, 557, 558, 561, 566, 567
 Катя, служанка 172, 499
 Каховский П. Г. 68, 475
 Квист А. И. 527
 Квист, племянники И. И. Горбачевского 282, 527
 Кератри Э. 353, 546
 Керженцев П. М. 564, 566
 Кигин, служащий на прииске 174, 186, 187, 196, 235, 503, 517
 Кинаст К. В. 210, 304, 509, 531
 Киреев И. В. 150, 491, 502, 508
 Киселев П. Д. 26, 303, 309, 310, 530, 532, 535
 Кислинский Н. А. 550, 552, 554—556
 Клебер Ж. Б. 431, 563
 Клейнмихель П. А. 77, 477
 Кленшан. 431, 563
 Ковалевский Е. П. 540, 541
 Коваль С. Ф. 64, 515
 Кодан С. В. 496, 504
 Коденц, губернатор 377
 Кокорин Н. Ф. 210, 509
 Колесников В. П. 182, 208, 496, 501
 Колинс П.-М. (Корренс) 225, 501, 514
 Колошин П. И. 526
 Колошин С. П. 275, 526
 Кольбер (Колберт) Ж. Б. 374, 550
 Комаровский Е. Е. 170, 498
 Комиссаров О. И. 317, 536
 Конарский Ш. 497
 Константин Николаевич, вел. кн. 203, 351, 506, 507
 Константин Павлович, вел. кн. 74, 127, 128, 476
 Корради, врач 470
 Корренс, см. Колинс
 Корсак И. М. 432, 439, 440, 447, 469, 563
 Корсаков М. С. 62, 171, 172, 175, 178, 244, 248, 330, 336, 340, 349, 356, 366, 367, 380—383, 410, 429, 432, 499, 500, 519, 524, 532, 539, 541, 542—544, 547, 549, 550, 552, 563, 570
 Корсаков, см. Римский-Корсаков А. М.
 Корф Н. А. 333, 540
 Коскуль, гр., женевская знакомая Поджио 425
 Косова (Кюхельбекер) Ю. В. 451, 456, 568

Косси (Коси) врач 284, 324,
 325, 328, 330, 538
 Кочубей 47, 324, 329, 526, 538
 Кочубей А. В. 317, 536
 Кочубей А. Н. 259, 522, 527
 Кочубей В. А. 395, 401, 556,
 557
 Кочубей М. Н. 299, 300, 317,
 322, 335, 336, 347, 361,
 395, 396, 410, 413, 420,
 422, 428, 444, 447, 530,
 536, 542, 548
 Кочубей Н. А. 47, 48, 246,
 269, 270, 272, 273, 278,
 279, 281, 290, 300, 322,
 329, 361, 519, 524—529,
 533, 536, 537, 547, 554
 Кочубей П. А. 317, 322, 330,
 536
 Краевский А. А. 296, 529
 Красс М. Л. 478
 Креме К. 431, 563
 Кривенко С. Н. 537
 Кривошапкин А. Н. 394, 554
 Криднер В. Ю. 91, 479
 Крузе Н. Ф. 333, 539
 Крупп А. 351, 428, 545
 Крылов И. А. 10
 Крюднер, см. Криднер В. Ю.
 Крюков А. А. 167, 394, 497,
 554
 Крюков Л. А. 394, 554
 Крюков Н. А. 24, 167, 497
 Кубалов Б. Г. 497, 514
 Кужар, профессор 442
 Куза А. И. 312, 533
 Кузнецов Е. А. 521
 Кузнецов И. К. 518
 Кукель Б. К. 331, 371, 539,
 550
 Кукель, жена Б. К. Кукеля,
 331, 539
 Куницын А. П. 9
 Куперник И. А. 449, 450,
 452, 459, 568
 Кутузов, см. Голенищев-Куту-
 зов П. В.
 Куц А. И. 482
 Кучевский А. Л. 288, 499,
 528
 Кучевский Ф. А. 174, 179,
 187, 190, 206, 211, 219,
 226, 247, 288, 499, 501,
 504

Кюхельбекер А. М. 210, 231,
 238, 240, 242, 509
 Кюхельбекер В. К. 10, 64, 70,
 152, 153, 155, 451, 456,
 475, 492, 493
 Кюхельбекер Д. И. 154, 155,
 180, 493, 501
 Кюхельбекер Е. М. 210, 231,
 238, 240, 242, 509
 Кюхельбекер М. К. 167, 180,
 210, 231, 238, 497, 501,
 517
 Кюхельбекер Ю. М. (Улинька)
 208, 238, 508
 Кюхельбекер Ю. М. (Устинь-
 ка) 206, 208, 210, 508
 Лагрене (Дубенская) В. И.
 439, 566
 Лазаревич В. П. 212, 214,
 510
 Ламартин А. 153, 154, 185,
 253, 438, 492, 502, 521,
 565
 Ламбер, путешественник 381—
 383, 552
 Ланжерон А. Ф. 145, 490
 Ланской С. С. 165, 166, 496
 Лапин, домовладелец 328
 Лебедев К. Н. 512
 Левашов В. В. 109, 484
 Левицкий С. Л. 207
 Левье Э. (Леве) 447, 470,
 568
 Лейхтенбергский Н. М. 328,
 329, 363, 364, 529, 538,
 548
 Ленин В. И. 58
 Леопольд I 298, 529
 Леопольд II 363, 548
 Лепид М. Э. 478
 Лервейн 553
 Лессепс Ф. 385, 552
 Лессер Р. 50
 Летти, певица 468
 Лжедмитрий 124, 486
 Либих Ю. 464, 570
 Лившиц Б. 521
 Лизберг, см. Бови-Лизберг
 Ш.-С.
 Лионетти (Леонетти) 343, 348
 Липранди Е. П. 175, 500, 509
 Лисовская П. А. 182, 502
 Лисовский А. Н. 182, 502

Лисовский В. Н. 182, 502
 Лисовский Н. Ф. 502
 Лиссаневич, женевская знако-
 мая Поджио 349, 396,
 544
 Лист Ф. 392, 412, 468, 554,
 558, 570, 571
 Лихарев В. Н. 23, 26, 28
 Лихарева Е. А. 28
 Лобанов-Ростовский Д. И.
 103, 482
 Лопец, дипломат 10
 Лопухина Е. Ф. 477
 Лорер Н. И. 11
 Лотман Ю. М. 31
 Лотоцкая, жена чиновника 213
 Лотоцкий, чиновник 213, 511
 Лувель П. Л. 126, 487
 Лужин И. Д. 260, 523, 524
 Луи-Филипп, 551
 Лунин М. С. 11, 12; 33, 496
 Львов Ф. Н. 46, 511, 518
 Львов, знакомый Н. А. Неуст-
 роевой 215, 511
 Львова М. (Рахманова) 337,
 542
 Любошинский 539
 Людовик II Баварский 416,
 461, 559
 Людовик XIV 504
 Людовик XVI 93, 94, 480
 Людовик XVIII 95, 481
 Люкен, женевский знакомый
 Поджио 425
 Ляховская, кяхтинская знако-
 мая Е. И. Трубецкой 223
 Магомед (Мохаммед) 91, 479
 Мадзини Дж. 540, 545
 Маженди Ф. (Мажанди) 250,
 520
 Мазер К.-П. 156
 Майборода А. И. 27, 28, 530
 Макиавелли Н. 559
 Макк К. (Мак) 417, 560
 Мак-Магон М. Э. М. 415,
 417, 559, 560
 Максимов Е. Д. (М. Слобожа-
 нин) 537
 Максимов С. В. 267, 410, 524,
 557
 Мальнев И. М. 323, 392, 403,
 421, 537, 556

Мантскар 398, 555
 Манфред А. Э. 480
 Мари А. 401, 555
 Марий Гай 306, 531
 Мария Александровна, имп.
 457, 569
 Мария-Антуанетта, королева
 94, 480
 Мария-Терезия, имп. 315
 534
 Мария Федоровна, всл. кн.,
 см. Дагмара
 Мария Федоровна, имп. 103,
 482
 Марлиани М. 454, 455, 568
 Марлиани, жена М. Марлиани
 454, 455, 466
 Марлинский, см. Бестужев
 А. А.
 Мармора А. Ф. Ла 334, 540
 Марсо Ф.-С. 431, 563
 Мартенс Ф. Ф. 481
 Мартынов, офицер 221
 Марфори-и-Каллеяс К. 362,
 365, 422, 548, 561
 Матвеевская Е. 213, 510
 Матвей Иванович, ирк. чинов-
 ник 182, 502
 Матханова Н. П. 64, 515
 Махмуд (Магмуд) II 126,
 487
 Машенька, ирк. знакомая Бе-
 логоловых 304, 531
 Медведников И. Л. 210, 509
 Медведникова Е. 500, 509
 Медем Н. В. 338, 542
 Мезенцов Н. В. 448, 568
 Мезер, врач 284
 Меллин Н. Р. 106, 483
 Меллин П. Р. 106, 483
 Мендельсон-Бартольди Ф. 387,
 392, 396, 412, 456, 469,
 553
 Меншиков А. Д. 85—87, 478
 Мердер Н. И. 459, 569
 Мердус, женевская пациентка
 Н. А. Белоголового 407
 Мерославский Л. (Мирослав-
 ский) 363, 548
 Мерчинский В. 349, 544
 Мессинг А. И. 449, 568
 Мессинг М. И. 449, 450, 452,
 568
 Местр Ж. де 477

Меттерних К. (Метерних) 92,
127, 479
Мешалкина М. М. 157, 494
Миллер И. Ф. 236, 317, 517,
536
Милаль Дж. С. (Милл) 380,
551
Милорадович М. А. 475
Милютин Б. А. 370, 549
Милютин Д. А. 549, 550
Милютин Н. А. 507, 550
Милютинна М. А. 507
Мирович В. Я. 112, 482, 484
Мироненко С. В. 64
Митьков М. Ф. 16, 27, 179,
501
Михаил Николаевич, вел. кн.
569
Михаил Павлович, вел. кн. 70,
475, 476
Михайлов, см. Петр I
Михалевич, ирк. знакомый
Поджио 226
Михельсон И. И. 121, 485
Мицкевич А. 8
Миштовт (Кюхельбекер) А. М.
180, 208, 501, 508, 517
Миштовт В. К. 238, 240, 517
Мняковский В. В. 40
Моденский, см. Франц V
Мозгалеvские 182, 502
Мозгалеvский Н. О. 502, 508
Моллер Н. П. 276, 526
Молчанов Д. В. 157, 158, 175,
192, 198, 200—202, 204,
205, 441, 493—495, 498,
504—507, 566
Молчанов С. Д. 44, 273, 299,
317, 336, 361, 367, 376,
377, 396, 405, 409, 422,
441, 442, 444, 447, 448,
466, 522—524, 530, 536,
541, 542, 547
Мольтке X. К. 560
Монпансье А.-М. Ф.-Л. 376,
397, 406, 551
Монс В. 478
Монтескье Ш. 477
Мордвинов Н. С. 475
Мордвиновы, гр. 7
Морозова Ф. П. 484
Москвитина В. 458
Москвитиновы, знакомые Под-
жио 349

Мотря, няня М. Н. Кочубея
361, 548
Модарт В. А. 571
Мошслес И. 412, 558
Мошкина Е. (Мошкова) 213,
510
Муравьев А. З. 102, 482
Муравьев А. М. 482, 483, 532
Муравьев А. Н. 497
Муравьев М. Н. 257, 522
Муравьев Н. М. 9, 11, 12, 15,
16, 18, 519
Муравьев Н. Н., гр. Амурский
39, 46, 63, 160, 166, 168,
170, 172, 175, 177, 180—
182, 184, 188, 189, 191,
204, 206, 208—212, 214,
218, 221—223, 225—227,
235, 241, 243, 244, 248,
251, 258, 268, 279, 280,
337, 341, 342, 367, 370,
387, 456, 493, 494, 496—
502, 504, 507—514, 519—
521, 526, 533, 543, 549,
550
Муравьев-Апостол М. И. 17—
19, 27, 62, 229, 282, 481,
494, 515, 527
Муравьев-Апостол С. И. 9,
11, 18, 21, 22, 24—26,
29, 30, 41, 67, 68, 474, 475
Муравьева (Чернышева) А. Г.
567
Муравьева Е. Н. 178, 182,
188, 210, 226, 311, 342,
446, 500, 501, 533, 543, 567
Муравьева-Апостол Е. И. 519
Муравьевы-Апостолы 12, 550
Мутье (Мустье) Ф. Р. 376,
551
Муханов П. А. 33, 441, 566
Муханова Е. Д. 245
Мысловский П. Н. 475
Мюрат А. 401, 555
Мяснов П. Н. 272, 525
Набель А. А. (Небель) 28,
29, 109, 483
Назимов В. И. 319, 331, 507,
509, 536, 539
Назимова, жена В. И. Нази-
мова 319
Наполеон I 13, 92—95, 122,
370, 385, 397, 401, 418,

- 431, 437, 478—480, 481,
488, 504, 535, 549, 553,
555, 560, 563
- Наполеон III 61, 142, 143,
163, 203, 230, 239, 274,
313, 315, 316, 321, 325,
339, 349, 352—354, 362,
363, 365, 376, 377, 385,
394, 400, 401, 403, 404,
406, 418, 422, 424, 426,
431, 434, 435, 437—440,
470, 488, 489, 495, 506,
510, 516, 525, 530, 534,
535, 537, 542, 544—546,
548—550, 553, 555—557,
559—566, 571
- Наполеон, принц (Бонапарт
Ж.-Ш.-П.) 356, 362, 401,
489, 534, 535, 546, 555,
556
- Наполеониды, см. Бонапарты
- Нарышкин М. М. 208, 508
- Нарышкина Е. А. 548
- Наталья, прислуга Н. Н. Му-
равьева 175
- Невелев Г. А. 557
- Невельская Е. И. 391, 430,
466, 553
- Невельские, дочери Г. И. Не-
вельского 391, 466
- Невельской Г. И. 391, 510,
553
- Неклюдов М. С. 227, 514
- Некрасов И. Ф. 485
- Некрасов Н. А. 45, 523
- Некрасова Е. С. 54
- Неустроева Е. А. 41, 179,
215, 227, 228, 237, 239,
247, 248, 253, 284, 296,
304, 306, 330, 501, 511,
517, 529
- Неустроева Н. А., см. Бело-
головая Н. А.
- Нечаев С. Г. 442, 558, 566
- Нечкина М. В. 3, 4, 11, 16,
30, 483
- Никитенко А. В. 498
- Никитин С. А. 534
- Николадзе Н. Я. 544
- Николай I 26, 32, 33, 40, 49,
71, 72, 98, 109, 112, 116,
123, 125, 128, 472, 475,
476, 482, 486, 487, 498,
534
- Николай Александрович, вел.
кн. 517
- Николай, иркутский знакомый
С. Г. Волконского 175, 500
- Новицкий, управляющий 160
- Новосельцев, знакомый Н. В.
Басаргина 519
- Новосельцевы 242
- Ноден Э. 468, 571
- Нокинская Н. А. 318
- Норов В. С. 75, 477
- Ностиц И. Г. 559
- Ностиц С. Г. 341, 348, 370,
542, 543
- Нума Помпилий 91, 479
- Оболенская В. С. 282, 527
- Оболенские, дети Е. П. Обо-
ленского 282
- Оболенские, флорентийские
знакомые Поджжо 453
- Оболенский А. В. 264, 523
- Оболенский Е. П. 9, 17, 27,
35, 67, 75, 102, 152, 158,
249, 259, 280, 282, 474,
482, 492, 494, 520, 522,
527, 540
- Оболенский Н. Е. 494
- Оболенский, женевский знако-
мый Поджжо 356
- Овер А. И. 243, 519
- Овидий 171, 498
- Овчинников, домовладелец 249,
258, 260, 272
- Огарев Н. П. 49, 50, 544
- Одинец Н. Г. 208, 210, 508
- Озеров А. П. 311, 343, 533,
543
- Октавиан Август 478
- Оливье Э. 124, 555
- Ольга Федоровна, вел. кн. 459,
569
- Орлов А. Г. 144, 490
- Орлов Г. Г. 111, 484
- Орлов М. Ф. 27
- Орсини Ф. 230, 516
- Орышак И. М. 558
- Остерман А. И. 88, 478
- Павел I 7, 70, 112, 476, 482,
484
- Павид, губернёр 289, 317
- Павленко П. И. 478
- Павлова В. П. 64

Пажес, см. Гарнье-Пажес Л.-А.
 Пакулев В. 236, 517
 Палацкий Ф. 313, 534
 Палладий 210, 509
 Пальмерстон (Палмерстон) Г.
 Дж. Т. 437, 438, 565
 Панаев В. И. 10
 Панин В. Н. 519
 Пассек П. Б. 111, 484
 Пате́к, женевский знакомый
 Поджо 416
 Патти А. 535
 Пате́ А. 298, 301, 351, 359,
 410, 422, 445, 466, 529,
 547, 567
 Пепе Г. 126, 487
 Перегудова Э. И. 64
 Перини Л. 277
 Пермикин Г. М. 223, 513
 Перов В. Г. 462, 569, 570
 Перовская С. Л. 51, 52
 Перовский В. А. 51
 Перовский П. Н. 51, 290, 583
 Персано К. И. (Персо) 334,
 540
 Персин И. С. 156, 167, 213,
 226, 493
 Пестель П. И. 9, 16—25, 30,
 44, 67, 68, 70, 101, 309,
 474, 475, 482, 532
 Пестерев Н. В. 213, 510
 Пестов, знакомый М. С. Вол-
 конского 416, 559
 Петр I 77, 78, 81, 82, 84—
 89, 95, 132, 477, 478, 484
 Петр II 85, 87, 478
 Петр III 111, 478, 484
 Петр Иванович, знакомый
 Н. А. Белоголового 424
 Петрашевская Ф. Д. 232, 233,
 516
 Петрашевский М. В. 229, 232—
 234, 515, 516
 Петров А. И. 213, 510
 Петровский П. А. 524
 Пьер Р. 480
 Пиетри, см. Пьетри Ж. М.
 Пий VII 94, 480
 Пий IX 231, 239, 334, 353,
 378, 419, 422, 457, 516,
 540, 548, 560, 561, 569
 Пико, см. Picaud
 Пинар П. Э. 376, 550
 Пирогов Н. И. 225, 513

Пирумова Н. М. 539
 Питт У. Младший 437, 565
 Платонов А. П. 333, 540
 Плеская (Поджо) С. О. 151,
 272, 289, 328, 492, 528
 Плеский А. В. 36
 Плетнев П. А. 10
 Плиний Младший 192, 504
 Плон, см. принц Наполеон
 Плутарх 454, 479, 569
 Повало-Швейковский И. С. 23
 Погодин М. П. 313, 534
 Поджо А. О. 6, 42, 47, 48,
 160, 167, 196, 220, 228,
 229, 232, 233, 235, 239,
 242, 272, 494, 495, 496
 Поджо Б. 40
 Поджо, братья А. В. и И. В.
 3, 4, 6, 18, 23, 35—37
 Поджо (Высоцкая) В. А. 3,
 40—42, 48, 49, 51—55,
 59, 61, 62, 142, 155—161,
 163, 170, 171, 173, 178,
 179, 181, 183, 187—190,
 192, 193, 196, 198, 199,
 206, 209, 215, 216, 224,
 227, 228, 230, 232, 234,
 235, 237, 239—243, 248,
 252—254, 256, 258, 264,
 268, 272, 273, 277, 280—
 284, 287, 291—293, 296,
 297, 300, 304, 305, 314,
 317, 318, 320, 328, 330,
 331, 340, 341, 343, 344,
 348—350, 360, 366, 370,
 371, 380, 387, 390—392,
 396, 397, 401, 404, 405,
 408—413, 415, 416, 419,
 426—428, 432, 440—442,
 444, 449, 454—459, 461,
 462, 468, 469, 471, 474,
 488, 493, 494, 498, 511,
 515, 521, 528, 536, 539,
 543, 549, 557, 562, 566,
 567, 571
 Поджо В. Я. 6—8, 18, 40,
 54, 59, 144, 489
 Поджо, дочери И. В. Под-
 жо 36, 40—42, 153, 492
 Поджо (Челищева) Е. М.
 271, 525
 Поджо И. В. 4—8, 10, 21,
 22, 26—29, 32, 33, 36—
 40, 42, 151, 154, 473,

- 483, 490, 492, 493—495,
524, 569, 571
- Поджио (Смирнова) Л. А. 3,
39, 42, 43, 47, 53—55,
59, 62, 155, 156, 158—
163, 170, 171, 179, 181,
183, 187, 188, 190, 192,
193, 199—201, 209, 216,
224, 227, 228, 232—235,
237, 238, 240—242, 245,
247, 250, 252—254, 257—
259, 263, 265, 269, 271,
281, 282, 284, 285, 287,
291, 293, 296, 298—300,
305, 314, 316, 318, 319,
321, 325, 327, 331, 340—
343, 345, 346, 349—351,
357, 368—371, 391, 396,
401, 408—410, 419, 432,
441, 458—460, 466, 469,
471, 493, 495, 498, 511,
512, 517, 518, 520, 523,
526, 533, 543, 547, 554,
570
- Поджио Л. О. 270, 272, 524
- Поджио М. А. 33
- Поджио М. О., см. Бодятинская
- Поджио М. О. (Даде, Кват-
рокки) 6, 23, 28, 33, 36,
40, 41, 144, 145, 151,
241, 271, 490
- Поджио Н. О., см. Сервиог
- Поджио С. О., см. Плеская
- Поджио, семья А. В. Поджио
47, 52, 525, 528
- Поджио, сыновья И. В. Поджио
36, 42, 46, 47, 263, 518,
522, 523
- Подушкин Е. М. 113, 114,
484
- Покровский Н. Н. 64
- Поливанов И. Ю. 96, 481
- Полунин А. И. 557, 558
- Помпей Г. 478
- Понна де, барон 543
- Пономарева (Позняк) С. Д. 10
- Попов А. 187, 195, 503
- Попов Н. 515
- Попова О. В. (Петрашевская)
229, 232, 233, 515
- Попова О. И. 35
- Порох И. В. 3, 4, 11, 54, 64
- Потанин Г. Н. 531
- Потапов А. Л. 279, 526
- Потапов А. Н. 71, 476
- Потоцкий А. 353, 546
- Привалов И. 33
- Прим-и-Пратс Х. 362, 363, 548
- Протасов Н. Я. 279, 290, 327,
526
- Пугачев Е. И. 57, 111, 120,
121, 482, 484, 485
- Путягин Е. В. 209, 266, 505,
509, 523
- Пушкин А. С. 33, 152, 449,
492, 568
- Пушкин Б. С. 29
- Пушкин, см. Бобрищев-Пуш-
кин П. С.
- Пушкин И. И. 15, 31, 33—35,
37, 39, 40, 62, 64, 150,
152, 155, 157, 161—164,
175, 191, 198, 207, 219,
225, 229, 231, 238, 282,
492—495, 497, 500, 502,
504, 507, 508, 511, 515,
518
- Пушин И. Н. 515
- Пушин Н. И. 150—152, 492,
515
- Пушина А. И. 157, 158, 162,
163, 191, 493, 504, 515
- Пушина (Фонвизина) Н. Д.
37, 175, 191, 209, 229,
240, 242, 282, 500, 504,
508, 515, 518, 527
- Пушины 175
- Пуффиус А. А. 210, 509
- Пуффиус Е. В. 210, 213,
509
- Пуффиусы 234, 253
- Пьетри Ж. М. 422, 561
- Пюлли, участник франко-прус-
ской войны 431, 563
- Равич Л. М. 523
- Раевская А. А. 542
- Раевская С. Н. 341, 346, 543
- Раевский А. Н. 299, 530
- Раевский В. Ф. 189, 503
- Раевский Н. Н. 28, 71, 475,
476
- Разин С. Т. 57, 111, 484
- Рамзай Э. А. 242, 518
- Распай (Распайль) Ф. В. 404,
556
- Ратов, ген.-майор 298, 529
- Ратацци (Ратаци) У. 313,

- 352, 534, 545
 Рахманов А. А. 336, 337, 341, 350, 361, 367—369, 373, 376, 377, 383, 395, 422, 432, 447, 536, 541, 542, 548—550, 554, 567, 568
 Рахманов А. А., сын 410, 448, 542
 Рахманов Н. А. 542
 Рахманова А. А. 346—348, 350, 361, 405, 448, 542, 548
 Рахманова М. А. 444, 567
 Рахмановы 336, 368, 470
 Рачинский К. К. 33
 Ребиндер (Трубецкая) А. С. 173, 185, 187, 194, 211, 216, 217, 220, 225, 236, 237, 242, 246—248, 252, 286, 494, 499, 503, 511, 513, 517, 519, 520, 528
 Ребиндер Е. Н. 237, 286, 447, 517, 528, 568
 Ребиндер Над. Н. 237, 517
 Ребиндер Ник. Н. 174, 179, 187, 237, 292, 338, 425, 428, 429, 447, 459, 499, 501, 517, 542, 561, 568, 569
 Ребиндер Н. Р. 160, 162, 187, 194, 199, 211, 212, 219, 229, 237, 254, 268, 272, 279, 286—289, 292, 296, 299, 494, 512, 517, 521, 525, 526, 528, 536, 542
 Ребиндер С. Н. 187, 237, 292, 296, 338, 425, 428, 429, 447, 459, 517, 542, 561, 568, 569
 Рейнгарт О. Ф. 213, 510
 Рейсигер (Рейсигер) К. Г. 456, 569
 Рейсигер (Рейсигер) Ф. А. 456, 569
 Рейхель А. 463, 570
 Рейхель Х. 349, 544
 Репнин Н. Г. 527
 Репнина В. А. 283, 527
 Репнина В. Н. 283, 527
 Рибас А. де 490
 Рибас И. де 7, 144, 145, 489, 490
 Рибас де, братья 145
 Ригер Ф. Л. 313, 534
 Риего-и-Нуњес Р. 126, 487
 Ризлер Ш.-Э. 382, 552
 Римский-Корсаков А. М. 437, 565
 Ришелье А. Э. дю Плесси 145, 490
 Робеспьер Л. 480
 Робеспьер М. 480
 Розен А. Е. 410, 482, 491, 557
 Романов, см. Петр I
 Ромодановская Е. К. 37
 Россини Дж. А. 364, 549
 Ростовцев Я. И. 231, 516
 Ротчева Е. П. 175, 210, 500, 509
 Рошфор А. 376, 400, 401, 404, 551, 555
 Рубинштейн А. Г. 387, 392, 412, 444, 461, 553
 Рудницкая Е. Л. 535
 Рукавишников М. Г. 160, 196, 206, 211, 216, 495
 Рукевич М. И. 34
 Руссо Ж. Ж. 104, 440, 483, 566
 Руэр Э. 355, 546
 Рыкачев А. П. 226, 235, 514, 517
 Рылеев К. Ф. 16, 67—69, 475
 Рюриковичи 139, 488
 Рябов, полковник 206, 210
 Сабансеев И. В. 24
 Сабуров А. А. 3
 Савич, капитан 209, 508
 Сапега А. 353, 545
 Сахольский, см. Сокальский А. Н.
 Сведенберг Э. 118, 485
 Свербеев Д. Н. 288, 416, 528, 559
 Свербеев Д. Н. мл. 222, 223, 513
 Свербеев Н. Д. 44, 62, 171, 173, 187, 192, 197, 198, 204, 212, 220, 221, 225, 243, 246, 247, 254, 498, 503—507, 510, 513, 514, 519, 521, 528, 542
 Свербеев С. Н. 198, 200, 505
 Свербеева А. Д. 425
 Свербеева Е. А. 288, 528

Свербеева (Трубецкая) Э. С.
62, 161, 171, 173, 187—
189, 192, 197—199, 204,
221, 245, 248, 285, 293,
339, 447, 454, 462, 495,
498, 503—506, 513, 528,
542, 559, 568
Свербеева С. Д. 243, 246,
247, 288, 339, 416, 429,
519, 528, 559
Свербеевы 175, 194, 234, 246,
247, 339, 498—501, 519,
528, 542
Свешников (Свечников) 109,
483
Свистунов П. Н. 17, 22, 39,
250, 481, 520
Сельский И. С. 226, 514
Семенова А. В. 476
Сенкевич И. Г. 551
Сен-Мартин Л. К. 118, 485
Сервиог (Поджио) Н. О.
272, 492
Сергеев М. Д. 64
Серебренников А. П. 497, 510
Сийес Э. Ж. 478
Синельников Н. П. 471, 571
Скальковский А. А. 7
Скарятин В. Д. 535
Сколков И. Г. 557
Скрипицын В. В. 276, 526
Смолянинов К. Н. 7
Смолянинова Ф. О. 203, 214,
507, 511
Смоляниновы 203, 507
Сокальский А. Н. 212, 214,
226, 510, 511
Соковнин А. П. (Суковнин)
111, 484
Соколов М. И. 256, 263, 268,
522, 524
Соколова Е. П. 251, 256, 263,
521, 522
Соколовский Я. 109
Соамз 534
Соловьев В. Н. 150, 177, 491
Соловьев С. М. 477
Соловьев С. Ф. 210, 221, 224,
509
Сорокин А. Г. 525
Софья Алексеевна, царица,
477, 478
Спартак 121

Сперанский М. М. 95, 410,
480
Спешнев Н. А. 178, 279, 280,
500, 527
Спиноза Б. 479
Спиридов М. М. 67, 102, 150,
161, 474, 491, 495
Станюкович А. М. 257, 522
Станлей, см. Стэнли А. П.
Степан, слуга 301
Стефенсон Дж. 372, 550
Страдецкий (Стародецкий,
Стародицкий) И. И. 324,
325, 328—330, 538
Стрекалов С. С. 98, 482
Стремоусов, чиновник 248,
253, 521
Стремоусова Л. А. 253, 263,
521, 523
Строев П. М. 9
Стромилова, домовладелица
240
Струве Б. В. 429, 562
Стэнли А. П. 365, 549
Стюрлер Н. К. 475
Суворов А. В. 145, 437, 485,
490, 491, 565
Сукачева (Высоцкая) М. В.
53
Сукин А. Я. 67, 98, 474
Сутгоф А. Н. 208, 287, 508
Сутгоф А. Ф. 287, 508, 528
Сухов 172, 499
Сухозанет И. О. 75, 476
Сухотин М. Н. 510
Тагаров З. Т. 510
Талейран Ш. М. 393, 554
Таптыков Д. П. 182, 496, 502
Таптыков П. Д. 182, 502
Таптыковы 182
Тараканова Е. 144, 490
Таскин, чиновник или офицер
213, 510
Татищев А. И. 69, 475
Тауфкирхен, дипломат 313,
533
Теплов Г. Н. 111, 484
Тизенгаузен В. К. 23, 494
Тимашев А. Е. 414, 558
Тимковский В. Ф. 22
Тимур (Тамерлан) 385, 552
Толстой И. Н. 37

- Толстой Л. Н. 35, 312, 429, 533
 Тома А. 545, 546
 Торсон Е. П. 177, 178, 180, 206, 500, 508
 Торсон К. П. 500, 508
 Трапезников К. П. 531
 Трапезников, купец 305
 Третьяков Я. 36
 Третьякова А. (Н.) Я. 36
 Трошю Л. 423, 561
 Трубецкая В. С. 285, 287, 293, 340, 344, 447, 528, 542
 Трубецкая Е. И. 156, 159, 209, 212, 223, 493—495, 507, 510, 513, 567
 Трубецкая Е. С., см. Давыдова
 Трубецкая З. С., см. Свербева
 Трубецкая С. С. (Морни, Сесто) 396, 554
 Трубецкие 35, 39, 41, 156, 158, 161, 204, 288, 493, 495, 499, 503, 512, 528
 Трубецкой И. С. 41, 161, 174, 179, 187, 199, 206, 211, 220, 226, 245, 247, 248, 285, 287, 291, 328, 332, 336, 338, 343, 345, 396, 400, 447, 495, 499, 501, 514, 519, 520, 528, 529, 536, 539, 541—543, 555
 Трубецкой Н. П. 236, 517
 Трубецкой С. П. 41, 43, 62, 63, 67, 102, 105, 157, 159, 161, 163, 165—167, 170—173, 175, 176, 179, 181, 185, 187—189, 193, 194, 196, 197, 199, 200, 205, 207, 209, 211, 212, 215, 217, 219, 223, 224, 226, 228, 231, 234, 236—238, 240, 242, 245, 247, 248, 254, 285, 292, 335, 474, 493—497, 499, 500, 501, 503, 505, 507, 509—515, 517—519, 521, 561
 Тулинская К. Ю. 168, 497
 Тулинский К. 168, 497
 Тургенев Н. И. 199, 335, 506, 540
 Тучков А. П. 304, 531
 Тучков М. П. 304, 531
 Тучков П. А. 42, 43, 239, 242, 258, 304, 518, 522, 531
 Тхоржевский С. 51
 Тьер А. 404, 436, 437, 440, 556, 564, 566
 Тюменцов Н. Е. 178, 500
 Тютчев А. И. 33, 508
 Уваров Ф. П. 97, 481
 Уварова Е. С. 33
 Унгер В. 177
 Унковский А. М. 45
 Урусова А. П. 484
 Успенский П. Н. 166, 178, 180, 496, 500
 Утин Е. И. 443, 567
 Фавр Ж. 339, 365, 401, 404, 436, 542, 549, 555, 562, 564
 Фази Ж. Ж. 539
 Фаленберг П. И. 150, 167, 178, 182, 206, 208, 491, 497, 508
 Фаленберг Ф. П. 206, 208, 508
 Федоров В. А. 21
 Фердинанд I 126, 486
 Фердинанд VII 126, 487
 Ферстер Е. X. 145, 490
 Филанджиери Г. 104, 483
 Филарет, митрополит 127, 487
 Филипп II 91, 141, 479
 Филипп, основатель старообрядческого согласия 485
 Фишер, врач 289, 302, 316, 528
 Флегель, домовладелец 410
 Фонвизин М. А. 504, 515
 Фонвизина Н. Д., см. Пушкина Н. Д.
 Фонтон, гр. 298
 Фосс, композитор 328
 Фохт И. Ф. 25
 Франц I 126, 486
 Франц V 277, 526
 Франциск II 486
 Франц-Иосиф I 126, 486
 Франциски 126, 486
 Фрелих, хозяин пансиона 51

- Фрециolini (Фраццолина) Э.
 274, 525
 Фридерейх, врач 339, 542
 Фридрих II 353, 545
 Фридрих-Вильгельм III 352,
 545
 Фридрих-Вильгельм IV 353,
 545
 Фридрих-Вильгельм, принц
 424, 561
 Фридрих-Карл, принц 424,
 561
 Фролов А. Ф. 149, 167, 206,
 208, 491, 497, 508
 Фролов Н. А. 206, 208, 508
 Харламова, см. Белоголовая
 С. П.
 Харли 442
 Хвостова Е. Н. 9
 Хлюстина, мать М. С. Биби-
 ковой 430, 562
 Ховен X. X. фон 530
 Храповицкий А. В. 544
 Храповицкий, знакомый Е. С.
 Рахмановой 350, 433
 Хроленок С. Ф. 505, 512
 Худяков И. А. (Ходюков)
 327, 535, 538
 Цебриков Н. Р. 482
 Цезарь Ю. (Кесарь) 274, 376,
 478, 525, 548
 Цыклер И. 484
 Чаадаев П. Я. 9, 11
 Чевкина, иркутянка 213
 Челищева Г. М. 6
 Челищева Е. М., см. Поджио
 Е. М.
 Чернышев А. И. 11, 70, 71,
 96, 97, 475, 476, 530
 Чернышев З. Г. 34
 Чернышева (Муравьева) А. Г.
 567
 Чингисхан 385, 552
 Чулков Н. П. 518
 Шамбор А. Ш. 277, 437,
 526, 565
 Шарапов А. И. 235, 517
 Шартрский Р.-Ф.-Л. 277, 526
 Шаспо А. А. 400, 555
 Шатобриан Ф. Р. де 153, 492
 Шатрова Г. П. 3, 34, 527
 Шашков С. С. 531
 Шварц Ф. Е. 75, 476
 Шевелев, чиновник 218
 Шелгунов, кларнетист 76
 Шервуд И. В. 530
 Шереметев Б. Д. 478
 Шереметьев С. Д. 527
 Шереметьев 333, 539
 Шешин А. Б. 508
 Шильдер Н. К. 481
 Шипов И. П. 11
 Шиповы И. П. и С. П. 9, 11
 Шмерлинг А. 277, 526
 Шнерсон Л. М. 551, 561
 Шницлер И. Г. 335, 541
 Шопен Ф. 469, 571
 Шостакович Б. С. 64
 Штейнгейль В. И. 481, 515
 Штелин Я. Я. 477
 Шторх А. К. 125, 486
 Шувалов А. П. 333, 539
 Шувалова Е. А. 333, 539
 Штрайх С. Я. 518
 Шунке, виолончелист 387,
 396, 554
 Щеголев П. 213, 510
 Щукин Н. С. 531
 Эдуард, принц Уэльский 401,
 456, 555
 Эйдельман Н. Я. 64
 Эймонтова Р. Г. 520
 Эйхмиллер И. 471, 571
 Элипин М. К. 544
 Эспартеро Б. 454, 568
 Юшневская М. К. 544
 Юшневский А. П. 18, 23, 24,
 37, 309, 532
 Ядринцев Н. М. 531
 Яковлев А. И. 3
 Якубович А. И. 22, 67, 98,
 106, 150, 369, 474, 482,
 491
 Якушкин В. Е. 232, 516
 Якушкин В. И. 155, 157, 171,
 219, 232, 238, 240, 241,
 249, 264, 493, 498, 500,
 512, 523
 Якушкин Е. Е. 240, 518

Якушкин Е. И. 35, 43, 47,
53, 62, 170, 177, 189, 219,
229, 231, 237, 240, 241,
246, 248, 253, 257, 263,
265, 271, 272, 282, 498,
500, 503, 511, 512, 515—
518, 520—523, 525, 532

Якушкин И. Д. 33, 34, 37, 39,
40, 157, 158, 161, 163,
171, 175, 191, 192, 204,
241, 475, 481, 493, 497,
500, 504, 505, 507, 508,
518, 532

Якушкина А. В. 33

Якушкина Е. Г. 35, 191, 229,
232, 238, 240—242, 248,
258, 265, 273, 515

Якушкины 35, 37, 177, 189,
500

Янсон, доктор 276

Янчуковский В. Ф. 206, 208,
210, 225, 508

Azcher d', композитор 314

Binet 304, см. также Бине П.

Bolis, певец 468

Brougham 95, см. также Бром
Г.

Brute 374, см. также Брут
М. Ю.

Buisson 388, см. также Бюис-
сон Ф. Э.

Bülov, см. Бюлов Г.

Bungener, см. Бюнжене Ф.

Clinchant, см. Кленшан Ж.

Cougard, профессор 366, 442

Danton, см. Дантон Ж. Ж.

Dunan, см. Дюнан П. Л.

Dupont, см. Дюпон П. А.

Duret V. 410, 557

Elin, см. Елин И. С.

Foss 328, см. также Фосс

Harley, профессор 442

Haunau, см. Гайнау Ю. Я.

Hummel, см. Гуммель И. Н.

Jaquemont, профессор 366, 442

Lagrené, см. Лагрене В. И.

Lamberti 380, см. также Лам-
бер

Lervain 388

Letti, певица 468

List, см. Лист Ф.

Mendelson, см. Мендельсон-
Бартольди Ф.

Messing, см. Мессинг М. И.

Naudin, см. Ноден Э.

Ollivier 400, см. также Оли-
вье Э.

Patti 315, см. также Патти А.

Picaud 294, 296, 401, 404,
405, 407, 416, 443

Pitter, см. Петр I

Ponnad de 344

Solms 313

Strölin, врач 290, 314, 396,
409, 415, 432

Svërbëeff S., см. Свербеева
С. Д.

Vallon de, граф 419

Vauvenargue, см. Вовенарг Л.
де К.

Verhuri F. 4

Vercherre, см. Вершер И. А.

Weber, см. Вебер К. М. фон

СОДЕРЖАНИЕ

Н. П. Матханова. Декабрист Александр Викторович	3
Поджио	65
Записки	147
Письма	472
Приложение	474
Комментарий	572
Указатель писем по адресатам	573
Указатель имен	

Поджио А. В.

П 44 Записки, письма/Издание подготовлено Н. П. Матхановой. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989.—592 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).

В том вошли записки декабриста, в которых он рассказывает о следствии и суде, размышляет о причинах восстания и его поражения, о судьбе России, и письма, подавляющая часть которых публикуется впервые.

П 0505010000—74
М141(03)—89 76—89

9(С)15

ISBN 5—7424—0089—6

А. В. ПОДЖИО. Записки, письма
Художник серии А. М. Муравьев
На обложке портрет А. В. Поджио, выполненный художником Н. П. Нератовой
На фронтисписе портрет А. В. Поджио работы Н. А. Бестужева, 1830—1833 гг.
На форзаце Иркутск I половины XIX в. Гравюра по рисунку Л. Немировского из альбома «Путешествие по Восточной Сибири», изданного И. Д. Булычевым в 1856 г.
Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор В. А. Лужин
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректор А. С. Лысенко

ИБ № 1422

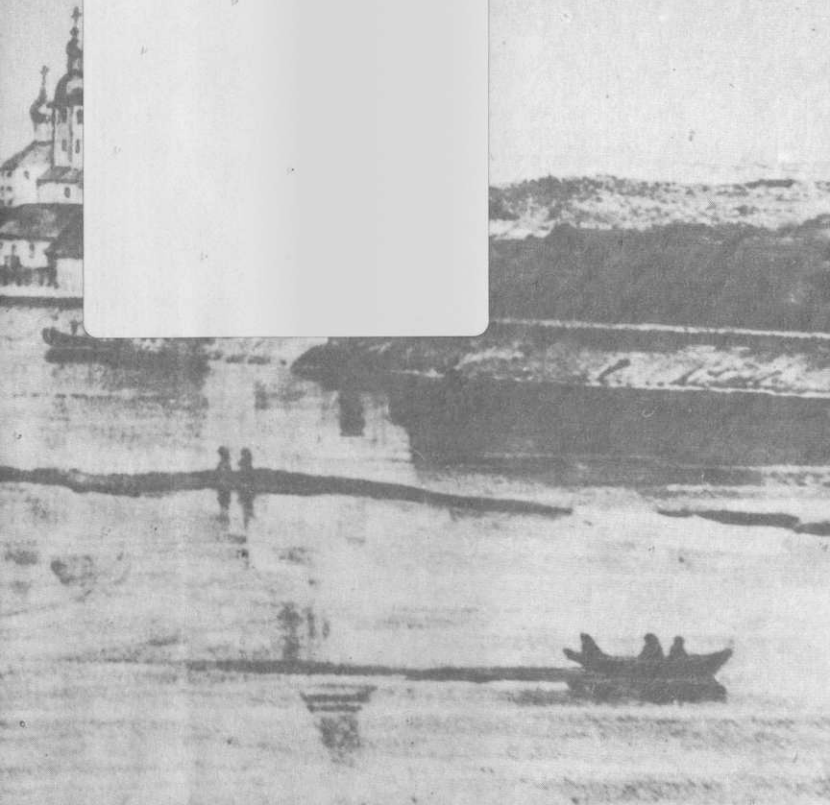
Сдано в набор 1.10.88. Подписано в печать 16.08.89. НЕ 00127. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,18 (с фр.). Уч.-изд. л. 35,21 (с фр.). Усл. кр.-отт. 31,86. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1836. Цена 3 р. 80 к.
Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, г. Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109.

© Восточно-Сибирское
книжное издательство,
1989

20:17

42p

3р. 80к.

Иркутск 1989